

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ
Проект Ага Хана «Человековедение»

КАРТИНА МИРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ КУРСА
ПРОЕКТА АГА ХАНА “ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ”

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ

Проект Ага Хана «Человековедение»

КАРТИНА МИРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПРОЕКТ АГА ХАНА “ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЕ”

АЛМАТЫ-БИШКЕК-ДУШАНБЕ

2021

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (5)
К 27

Рекомендовано в печать Ученым Советом Университета Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), Ученым Советом Института истории и этнологии им. Ч.Валиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан

Редакционный совет:

Зиябек Ермуханович Кабульдинов, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан;

Абылабек Асанканович Асанканов, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова, Бишкек, Кыргызская Республика;

Убайдулло Насрулло Каримзода, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, г. Душанбе;

Дархан Жумаканович Ахмед-Заки, доктор технических наук, профессор, президент Университета Международного Бизнеса, г. Алматы, Республика Казахстан;

Пулат Шозимов, доктор философских наук, профессор, И.О. директора ПАХЧ-УЦА (Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан).

Составители:

Зухра Мадамиджанова, кандидат исторических наук, профессор (Республика Таджикистан);

Алтын Уалтаева, кандидат исторических наук, профессор (Республика Казахстан);

Хадича Шамбеталиева, кандидат филологических наук, докторант (Кыргызская Республика); Шокирджон Махмадов, докторант (Республика Таджикистан); Гульмира Билялова, доктор философских наук (Республика Казахстан); Нуржауар Исаева, кандидат биологических наук, профессор (Республика Казахстан)

К27 «Картина мира Центральной Азии: история и современность». Учебное пособие курса ПАХЧ - Алматы, Бишкек, Душанбе, 2019. - 379 с.

ISBN 978-9967-9348-6-3

Учебное пособие предназначено для магистрантов гуманитарного профиля, апробировано и включено в учебный план высших учебных заведений Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и других стран Центральной Азии.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (5)

ISBN 978-9967-9348-6-3

ВСТУПЛЕНИЕ

Проект Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии (ПАХЧ\УЦА) уже 22 года (с 1997 по настоящее время) продуктивно функционирует в образовательном пространстве Центральной Азии, создав за этот период концептуальные указатели для преподавателей и учебные материалы для студентов по 8 курсам для университетов партнеров в 93 образовательных институтах (колледжей и университетов), организовывая при этом учебные тренинги для преподавателей, публичные лекции известных ученых стран Центральной Азии, включая разработку инновационного кросс-дебатного формата ПАХЧ, проведение тренингов и турниров по данному формату для студентов из Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Стоит отметить, что за данный период активностью ПАХЧ был заложен фундамент по формированию достаточно серьезного человеческого и институционального капитала в Центральной Азии. На преподавательском уровне ПАХЧ подготовил более 1800 преподавателей из трех стран, которые прошли тренинги ПАХЧ профессионального развития преподавателей. За данный период около 180 000 студентов в той или иной форме были включены в различные образовательные формы обучения по материалам ПАХЧ: в качестве курсов по выбору, или посредством включения отдельных текстов и педагогических методов внутри других дисциплин, дебаты и т.п. С 2012 года по настоящее время ПАХЧ создал общую интеллектуальную диалоговую площадку в трех странах известных ученых и творческих деятелей через проведение ежемесячных публичных лекций ПАХЧ. К тому же через дебатный клуб ПАХЧ\УЦА и разработанный инновационный кросс-дебатный формат была создана студенческая сеть в трех странах, проведены тренинги и региональные турниры с участием ведущих дебатеров по данному формату из Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

На юбилейной международной конференции, посвященной 20-летию ПАХЧ участниками была рекомендована необходимость выхода проекта на новый уровень развития для совершенствования эффективности деятельности ПАХЧ посредством создания синергетического эффекта, объединением всех трех уже наработанных ключевых направлений развития ПАХЧ. Так возникла идея о возможности создания магистерского Курса ПАХЧ, при изучении которого учебный процесс должен быть напрямую связан с исследовательским компонентом, при этом фундаментальные вопросы относительно Центральной Азии и пути их решения должны будут исходить от самих магистрантов, чтобы на их основе осуществлять исследования, которые непосредственно были бы связаны и исследовательскими интересами, и запросами магистрантов при непосредственном участии самих преподавателей и научных консультантов.

Стоит особо отметить, что успешное начало данного проекта было напрямую связано с проявленной волей, научным авторитетом и административным талантом Директора Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, профессора, доктора исторических наук Кабульдинова Зиябека и его прекрасной командой, в частности, в лице Уалтаевой Алтын.

Именно после выступления профессора Кабульдинова З. в рамках Серии публичных лекции ПАХЧ в г. Алматы, стало ясно, как можно выстроить новый магистерский курс с участием представителей трех стран. Основным вариантом плана разработки и реализации будущего магистерского курса с предварительным названием: «Социальные и культурные практики Центральной Азии: история и современность» был представлен и обсужден в Институте истории и этнологии им. Ч. Валиханова в 2018 году с профессором Кабульдиновым З. И уже в августе того же года, было подготовлено

техническое задание и отобраны известные ученые из Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана по направлениям история, экономика и экология. Стоит отметить, что в данный проект вовлечены 5 директоров исследовательских институтов Академии наук Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, ректора, проректора по научной работе, известные профессора с разными дисциплинарными направлениями. При этом все эти направления должны были быть взаимосвязаны посредством кросс-культурного и кросс-дисциплинарного подхода, где исторический компонент должен был стать фундаментом, на котором воздвигались бы другие компоненты данного курса, а именно, экономика и экология. История должна была быть артикулирована на экономическом языке современного общественного дискурса, включая также компонент влияния экологического фактора на культурные, экономические и социальные процессы развития Центральной Азии.

Чуть позже были включены также еще два дополнительных компонента – это академическое письмо с ориентацией на исследование и кросс-дебатный формат, который концептуально стал связующим звеном между всеми другими компонентами и той формой оценки, которая позволяет раскрывать не только уровень усвоения курса, но и навыки решения проблем и постановку новых исследовательских вопросов по проблемам развития Центральной Азии в кросс-культурном измерении.

С февраля до начала июня 2019 года была проведена успешная апробация магистерского Курса ПАХЧ «Картина мира Центральной Азии: история и современность» в Институте истории и этнологии им. Ч. Валиханова МОН РК, в Кыргызском Государственном Университете им. Арабаева и в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. По результатам апробации был проведен круглый стол с участием разработчиков и преподавателей, которые реализовали данный курс в трех странах, были предложены корректировки и дополнения с целью усиления тех частей, на которые обратили внимание магистранты.

Учебный магистерский курс основан на трудах известных ученых Центральной Азии, однако, на кругом столе в г. Алматы (июнь, 2019) было рекомендовано включить тексты ведущих западноевропейских ученых в раздел дополнительные, которые непосредственно соприкасаются с проблемами и вопросами, поднимаемыми в материалах курса: «Картина мира Центральной Азии: история и современность», для того, чтобы магистранты могли увидеть связи между национальным, региональным и международным контекстом рассмотрения ключевых вопросов и проблем Центральной Азии, вовлечь их в более широкий международный контекст.

И, наконец, от имени Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии я выражаю глубокую благодарность представителям команды из Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, Кыргызского государственного университета им. А. Арабаева и Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан за проявление высокого профессионализма и энтузиазма в подготовке и преподавании данного курса. Именно они стали первопроходцами в создании и реализации данного курса в трех странах!

Хочу выразить благодарность всем разработчикам проекта из трех стран за их огромный вклад в развитии данного учебного материала, а также ключевым региональным тренерам ПАХЧ Гульмире Биляловой (Казахстан), Хадиче Шамбеталиевой (Кыргызстан), Абдурахиму Джураеву (Таджикистан) и Шокирджону Махмадову (Таджикистан), которые не только участвовали в подготовке концептуального указателя для преподавателей, но и активно проводили тренинги для преподавателей для реализации данного курса в своих университетах.

Также выражаю благодарность Нуржауар Исаевой – координатору ПАХЧ в Казахстане за прекрасную координацию работ по внедрению данного магистерского курса в Казахстане.

Нельзя представить реализацию данного курса без поддержки, консультаций и рекомендаций, которые исходили от комитетов ПАХЧ из трех стран, многие из которых являлись также разработчиками и преподавателями этого магистерского курса. Спасибо вам всем за поддержку по этим и другим вопросам, связанным с развитием деятельности ПАХЧ в трех странах.

Вместе с тем, от имени ПАХЧ Университета Центральной Азии я выражаю глубокое соболезнование семье и близким выдающегося ученого Кыргызстана и гражданина мира - Эмиля Шукурова, который, к огромному сожалению, в августе 2019 года ушел из жизни. Он был одним из самых активных разработчиков данного курса по направлению - экологии, внес огромный вклад в его реализацию. Полагаю, что его идеи будут жить и найдут отклик у молодых исследователей через наш курс: «Картина мира Центральной Азии: история и современность».

А вам, дорогие магистранты, желаю на основе данного курса создавать новые исследовательские направления в изучении Центральной Азии. ПАХЧ планирует создать к концу 2019 года Интерактивную этнографическую карту Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана с тем, чтобы включать в нее также кросс-культурные совместные исследования магистрантов данного курса из трех стран. Уверен, что ваши идеи и исследования войдут в последующие версии учебного материала по данному курсу. Удачи вам всем в этом начинании!

Пулат Шозимов, доктор философских наук, профессор

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	11
РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ.....	13
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО, КЫРГЫЗСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЭТНОСОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	13
КЕЙС-СТАДИ	14
<i>Алымбаев А.</i>	
ИСЛАМ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ	14
<i>Текст дополнительного чтения</i>	
<i>Клиффорд Гири</i>	
Ритуал и социальные изменения: яванский пример.....	25
<i>Кабульдинов З., Уалтаева А.</i>	
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО ЭТНОСА	49
1. Степняки – вольные и свободолюбивые люди, народ долгожителей.....	49
2. Знание казахами своего шежире (родословной)	55
3. Степные законы взаимопомощи и взаимоподдержки	58
4. Уважение к предкам – древняя и вечная традиция.	59
5. Казахи превыше всего ценили жизнь человека.	
Богатство страны великой степи	62
6. Традиции приличия и вежливости. Преклонение перед старшими – непреложный закон страны великой степи	65
7. Роль «бата» в воспитании патриотов Республики Казахстан	72
8. Уникальный институт тамырства. Величие и честность казахских биев.....	74
9. Гостеприимство тюркских племен центра Евразии.....	80
10. «Народ, говорящий на языке князей» и верный слову	84
11. Владение особым музыкальным и поэтическим даром.....	88
12. Традиционные формы ведения хозяйства	92
<i>Мадамиджанова З., Юсуфбекова З.</i>	
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКИСТАНА)	97
1 Наша история уходит в древность. всплеск интереса к таджикам. нужна ли нам традиция? И как можно ее сохранить в мире глобализации.	97
2. Ислам и его проявление в быту. Ислам и традиционная культура таджиков.....	99
3. Мифологичность таджикского сознания.	101
4. Этикет – свойство воспитания таджиков.....	104

5. Семейно-бытовой этикет – свойство воспитания таджиков. Гостеприимство ..	105
6. Обряд колыбельного стовора -говра бахш.	109
7. Представления таджиков о сущности похоронно- поминальной обрядности...	114
8 Традиционное сознание таджиков и ментальность. Я и мой род. Я помню свой род. Вечность рода, авлода.	120
9. Махалля - традиционный институт самоуправления. Особенности махалля на юге. Традиция жить в тесном общении.	122
10. Культ коня у таджиков.	123

Асанканов А.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА

И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ 129

1. Санжыра (родословная генеалогия) - как один из источников изучения этнической истории кыргызов.....	129
2. Социальные отношения.....	132
3. Устное народное творчество. музыкальный дар кыргызов	134
4. Традиционная семья.....	136
5. Традиционная одежда как символ этничности и идентичности кыргызов	140
6. Традиционное хозяйство кыргызов.....	146

Тексты для дополнительного чтения по истории..... 150

Андерсон Б. Последняя волна..... 150

Хобсбаум Э. Изобретение традиций..... 152

Есенгараев Е. Ценности, идентичности и проблема модернизации стран Центральной Азии 164

Шозимов П. Особенности становления дискурсивных практик формирования таджикской национальной идентичности в современном Таджикистане [1] 172

Мокеев А М. Эволюция похоронных обрядов кыргызского народа..... 188

РАЗДЕЛ 2. ЭКОЛОГИЯ. ТРАДИЦИИ И ПРИРОДА 197

КЕЙС-СТАДИ

Шукуров Э.

ПРИРОДА В КУЛЬТУРЕ И ПРИРОДА КУЛЬТУРЫ 197

Яценко Р.

ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕГО ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА НА ФОРМИРОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ОСОБЫХ КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА 201

<i>Мухаббатов Х., Кабутов К.</i> ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ГОРНЫХ РЕГИОНАХ.....	207
<i>Яценко Р.</i> СВЯЗЬ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	212
<i>Шукуров Э.</i> ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ – ПРИРОДНАЯ ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	220
<i>Тексты дополнительного чтения по экологии</i>	226
<i>Шукуров Э.</i> КОМПЛЕКСНАЯ ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИИ В ЦЕЛЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОБОСНОВАННОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ...	226
<i>Мухаббатов Х., Кабутов К.</i> Экономическое развитие и экологические проблемы. 233	
1. Экология и эффективность природопользования. Экологическое мышление . 233	
2. Проблемы устойчивого развития. Стратегия устойчивого развития Таджикистана.....	233
3. Экономическая безопасность	235
4. Взаимосвязь экологии и экономики	236
5. Экологизация экономики.....	237
6. Необходимость и сущность структурных изменений в экономике.	237
<i>Домашов И.</i> Экологическое образование в современном обществе	239
<i>Мокеев А.</i> Плавающие средства древних тюрков и их отражение в памятниках материальной и духовной культуры кыргызского народа	245
<i>Яценко Р.</i> Краткая характеристика экосистемного разнообразия Казахстана	253
<i>Мухаббатов Х., Кабутов К.</i> Устойчивое развитие и деградация горных экосистем	261
РАЗДЕЛ 3. ЭКОНОМИКА	267
КЕЙС-СТАДИ	
<i>Лайлиева Э.</i> РАЗМЫШЛЕНИЕ БЫВШЕЙ МАРКСИСТКИ	267
<i>Умаров Х.</i> КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)	272

<i>Саидмуродов Л.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА (НСР-2030): СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ, ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ	288
<i>Джаманкулов Б.</i> ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ МИГРАЦИИ	302
<i>Ахмед-Заки д., Маульшариф М.</i> СВЯЗЬ ЭКОНОМИКИ С СИСТЕМОЙ ЦЕННОСТЕЙ	311
<i>Тексты для дополнительного чтения по экономике</i>	319
Глава 3. Экономический потенциал Советского Кыргызстана	319
<i>Джаманкулов Б.</i> Первоочередные задачи экономической политики	333
<i>Джаманкулов Б.</i> Рудименты советской ментальности в экономической политике ..	339
<i>Сагадиев К.</i> Человеческий капитал и факторы его роста.....	347
<i>Шохиён Н.</i> Управление знаниями в аспекте достижения конкурентоспособности и самореализации специалиста новой формации.	354
АВТОРЫ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ	358
Ислам и национальные традиции	358
Ритуал и социальные изменения - яванский пример	358
Традиционная культура казахского этноса.....	359
Этнографические традиционные практики в современной Центральной Азии (на примере Таджикистана).....	360
Традиционная культура кыргызского этноса и этническая идентичность.....	361
Последняя волна	361
Изобретение традиций	362
Ценности, идентичности и проблема модернизации стран Центральной Азии	362
Особенности становления дискурсивных практик формирования таджикской национальной идентичности в современном Таджикистане	363
Эволюция похоронных обрядов кыргызского народа	364
Природа в культуре и природа культуры.....	364
Влияние природного ландшафта на формирование и сохранение особых культурных и духовных ценностей человека.....	368

Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года (НСР-2030): стратегические ориентиры, подходы и направления реализации	369
Устойчивое развитие и деградация горных экосистем.....	369
Управление в лесном секторе: от эксплуатации до охраны.	370
Размышление бывшей марксистки.	370
Связь экономики с системой ценностей.....	371
Первоочередные задачи экономической политики	372
Человеческий капитал и факторы его роста	373
Управление знаниями в аспекте достижения	374

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Современная Центральная Азия, начиная с 1990-х годов XX века, суверенно развивается и модернизируется в контексте глобального мира, более 28 лет происходит процесс возрождения историко-культурных ценностей, развитие и расширение в разных контекстах исторических, экологических и экономических знаний, рациональное применение которых реально показывает и решает поставленные вопросы в человеческом измерении на индивидуальном, региональном и общественном уровнях.

В формате магистерской программы, для специальностей «История», «Этнология», «Музееведение», «Социальная работа», «Этнопедагогика», «Экология», «Экономика» с целью исследования и развития социальных и культурных практик в Центральной Азии на основе историко-культурных, экономических и экологических фактов Проектом Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии в рамках инновационной учебной программы ПАХЧ/УЦА, был разработан учебный кросс-культурный и кросс-дисциплинарный курс «Картина мира Центральной Азии: история и современность». Это совместный труд, ведущих интеллектуалов Центральной Азии из Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Авторами данного фундаментального учебника являются ведущие специалисты в области истории, философии, политологии, этнографии, экономики, биологии, географии и других научных дисциплин.

Магистрантам предложено для изучения три раздела, к каждому из которых соответствует концептуальный указатель: 1. История; 2. Экономика; 3. Экология. После завершения каждого раздела предлагается инновационный кросс-дебатный формат, который закрепит концептуальную и методическую часть магистерской программы и даст возможность показать полученные компетенции самими магистрантами.

Данный курс прошел успешно апробацию среди разработчиков программы для магистрантов, обучающихся по совместной образовательной программе и Казахского Национального Университета им. аль-Фараби и Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (РК), также в Кыргызском государственном университете им. Арабаева (КР) и Институте истории, археологии и этнографии им. Дониша Академии наук (РТ). Формат апробации с 2019 года расширяется, курс будет внедряться в Евразийском гуманитарном институте (РК) и Нарынском государственном университете (КР).

В первом разделе курса «История» «Традиционная культура казахского, кыргызского и таджикского этносов» материалы изложены на основе историко-культурных областей, т.е. территорий, население которых обладает схожей духовной и материальной культурой, сложившейся во взаимосвязи с единой исторической судьбой, общностью экономического развития, возникших в результате тесного взаимного влияния в течении многих столетий. Историко- этнографические области зависят в большей степени от территориальной близости. На основе исторических источников авторы акцентировали внимание на сформировавшиеся непосредственные элементы быта и нравы народов Центральной Азии, их расселение и культурно-исторические взаимоотношения, с последующим анализом исторического и культурного развития, этногенеза и истории становления социальных институтов, с использованием письменных и вещественных источников, полученных как методом непосредственного наблюдения, так и полевыми этнографическими исследованиями.

В данный раздел для поиска магистрантами решения конкретной ситуации, введен кейс-стади «Ислам и национальные традиции» Алымбаева А.М. для приобретения

компетенций поисково-исследовательских технологий. Метод основан на анализе конкретных случаев. Ситуация для анализа собрана и описана таким образом, чтобы совершенствовать навыки и опыт в выявлении, отборе и решении проблем; работе с информацией – осмысление значения деталей, описанных в ситуации; анализ и синтез информации и аргументов; подготовка предположений и заключений; оценка альтернатив; принятие решений; умение работать в группе. Цель данной кейс-стади – анализ сложившейся ситуации и выработка практического решения совместными усилиями. Автор кейс-стади описал правдивую жизненную ситуацию, произошедшую в Кыргызстане. Для разъяснения поставленной проблемы и поиска рационального решения введены известные зарубежные авторские тексты для дополнительного обязательного чтения.

Раздел второй Экология, начинается с кейс-стади Шукурова Э. « Природа в культуре и природа культуры» и последующие тексты не только раскрывают экологическое развитие и экологические проблемы Центральной Азии на современном этапе, но и раскрывают суть экологического образования, экологических прав человека, значения природного ландшафта и интегральной оценки территорий для улучшения экосистем Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

В разделе Экономика, определены основные векторы и первоочередные задачи экономической политики стран Центральной Азии, проанализирована связь экономики с системой ценностей. Основной упор в экономическом образовании Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в условиях применения инновационных технологий сделан на актуальность управления знаниями в аспекте достижения конкурентоспособности и самореализации специалиста гуманитария новой формации.

Таким образом, изучив курс, основанный на методологических и мировоззренческих принципах примордиализма, культурного плюрализма и социального конструктивизма магистранты должны быть:

- ориентированы не столько на получение конкретных знаний, сколько на формирование профессиональной компетентности, умений и навыков мыслительной деятельности, развитие внутреннего потенциала и способностей личности, среди которых особое внимание уделяется способности к обучению, активизации парадигмы мышления, умению перерабатывать огромный массив информации;

- обладать способностями оптимального поведения в различных ситуациях, системностью и эффективностью принимаемых решений и действий;

- получить такие знания, истина в которых плюралистична, разнообразна и многовекторна;

- на основе кросс-дебатного формата самостоятельно определять поставленную проблему, ее актуальность, причинно-следственную связь и предложить наиболее реальные способы решения на основе трехмерной образовательно-исследовательского инновационного дискурса.

Задача преподавателя выработать у будущего квалифицированного специалиста гуманитария стран Центральной Азии такие знания и умения, которые дадут ему возможность практики равноправия, плюрализма мнений не только с сокурсниками, но и с педагогом или авторами текстов в процессе обсуждения проблемы.

Уалтаева А., Билялова Г.

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО, КЫРГЫЗСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЭТНОСОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Духовная культура этносов современной Центральной Азии исторически характеризуется многообразными культурными и религиозными практиками, определявшими в их этногенезе мировоззренческие основания социального развития общества. В глобальном мировом сообществе для государства и его граждан важны этнонациональная идентичность и определение этнокультурной основы общества.

Социальные и культурные практики Центральной Азии в контексте традиционной культуры в современных обществах показывают, что этническое сознание и национальная идентичность основываются на этнокультурной ментальности. Особенности ментальности этноса, составляющие часть духовно-культурной основы человека, объясняют механизмы формирования и религиозного сознания, его социальную значимость в современном обществе. Полиэтническое и поликонфессиональное многообразие, являющееся исторической особенностью как в прошлом, так и в настоящем, определяет с другими социальными и экономическими факторами особенности духовно-нравственного развития граждан центрально-азиатских социумов, их гражданского и патриотического сознания.

Современная модернизация общественного сознания этносов Центральной Азии в контексте традиций включает разнообразные процессы:

1. развитие традиционной культуры;
2. маргинализация этнофоров;
3. развитие мировоззренческой эклектики, синтезирующей разнообразные социокультурные практики;
4. нетрадиционные религиозные верования для данного социума;
5. глобализация сознания в контексте космополитизма.

Кейс-стади, предлагаемый как текст, «Ислам и национальные традиции» показывает мировоззренческий выбор героини в контексте свободы совести, не соответствующий религиозным верованиям кыргызского этноса. Такая ситуация реалистична в современном Казахстане и Таджикистане.

Каким образом другие религиозные верования и традиции понимаются и воспринимаются, если они не соответствуют традиционной вере? Почему модернизированные древние религиозные традиции существуют и в настоящее время? Как они влияют на этническую идентичность и этническую культуру в современных центрально-азиатских обществах?

Как похоронная обрядность прошлого сохраняется, модифицируется и артикулируется в настоящем, объединяет или разделяет общество? Какие социокультурные функции выполняют различные религиозные верования в современных социумах Центральной Азии? В чем заключается «Вызов» традиций настоящему и будущему развитию Центрально-азиатского региона?

КЕЙС-СТАДИ

Алымбаев А.

ИСЛАМ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Ислам и баптизм

Более трех лет тому назад (24 октября 2016 г.) в Интернете была опубликована статья «Дочь не знает, где могила матери» журналиста Регины Им. С тех пор на просторах Интернета не стихают комментарии о людях, принявших другую веру. Словесная перепалка в Интернете между мусульманами и баптистами сегодня перешла в противостояние между «радикальными мусульманами» и «тенгрианцами». На просторах Интернета словесный поединок двух вышеназванных групп сопровождается самыми грязными, иногда, нецензурными словами и высказываниями, доходя иногда даже до угроз физической расправы. Конечно, среди них есть и те, кто пытается сегодня примирить две эти противоборствующие стороны, взывая к ним со словами «Почему вы делитесь на два лагеря, вы же все кыргызы?» И так начнем сначала.

Эта история началась с того, что жительница Ала-Букинского района Каныгуль Сатыбалдиева неизвестно с кем и по каким причинам вдруг стала ходить в секту баптистов, в одну из ветвей христианской веры. Может кто-то из близких, знакомых завлек ее в эту секту? Близкие родственники, узнав о таком решении Каныгуль, начали ее отговаривать и давать разные советы. Но она не желала возвращаться, возможно потому, что Каныгуль действительно всей душой поверила и приняла эту веру? А может были и другие веские причины? В опубликованных материалах Интернета нет ни слова о причинах такого шага. Удивительно, но факт, что после принятия другой веры муж Каныгуль перестает пить и жизнь начинает потихоньку налаживаться. Жизнь текла своим чередом, ее семья была не самой богатой, но и не самой бедной.

Но, как говорится, несчастье приходит, не постучавшись в дом, неожиданно Каныгуль умерла. Собрались родственники и, следуя вперемежку обрядам сразу двух вер, начались готовиться к погребению. Но жители села Сары-Талаа запротестовали и не разрешили похоронить тело Каныгуль Сатыбалдиевой на мусульманском кладбище, так как умершая была другой веры. Дочь Жылдыз была вынуждена поменять свою веру и, несмотря на то, что она опять стала мусульманкой, имам села не разрешил ей похоронить мать на мусульманском кладбище.

В большинстве своем жители села придерживались исламской веры, поэтому даже представители местной власти не смогли защитить права Каныгуль. Родственники были вынуждены загрузить тело в машину и предать земле на кладбище соседнего села. ...Но спустя некоторое время стало известно, что тело было выкопано неизвестными и перезахоронено в другом месте. В журналистских расследованиях указывалось, что возможно тело было захоронено на христианском кладбище. В этот раз, никто из людей, раскопавших тело умершей, не сообщил близким родственникам о случившемся. По словам дочери умершей Жылдыз Азаевой, никто не давал разрешения раскапывать тело и перезахоронять ее в другом месте. Поэтому до сегодняшнего дня родственники точно не знают кто, когда и где похоронил тело Каныгуль?

...Тогда весь Кыргызстан услышал плач дочери Жылдыз Азаевой, ищущей могилу своей матери. Суть проблемы была в том, что мать Жылдыз была женщиной, принявшей баптистскую веру. Люди, считающие себя истинными мусульманами, так продемонстрировали свой протест перед людьми другой веры, не мусульманам, вызвав у них шок.

Именно этот случай, связанный с баптистской верой, продемонстрировал современное внутреннее состояние кыргызского общества, раскрыл противоречия, существующие между представителями разных конфессий. С каждым годом кажется увеличивается темная сторона свободы вероисповедания присущая каждому человеку?

На самом деле сегодня много кыргызов перешли в другую веру. У каждого из них своя история. Если опираться на рассказы большинства из них, то многие после развала СССР, оставшись в идеологическом вакууме не знали куда идти и за кем следовать. Такой хаос продолжился десятки лет и сейчас он в более острой форме сохранился в Кыргызстане. Например, до этого мы никогда не слышали о том, чтобы человека, похороненного на кладбище, выкапывали из могилы и перезахороняли в другом месте только из-за того, что у него другая вера.

...Буквально следом (26 ноября 2016 года) такая же ситуация между мусульманами и баптистами повторилась в селе Куланак Нарынской области. Сотни людей высказали свое мнение по этому поводу и обсуждение до сих пор не прекратилось на страницах Интернета.

По этой ситуации министр внутренних дел Кашкар Жунушалиев на пресс конференции сказал следующее: «Была проведена разъяснительная работа с местным населением по сложившейся ситуации. Местным жителям объяснили, что оказание сопротивления захоронению тела усопшего противоречит не только законам страны, но и законам ислама».

Ислам и Тенгрианство

Прошло уже три года после ситуации в Ала-Буке и Нарыне, но до сих пор не прекращаются противостояния между радикальными мусульманами и последователями национального мировосприятия в форме «тенгрианства».

Около 60% молодежи вовлечены сегодня в противостояние на страницах Интернета между философом Гулзат Аалиевой и такими служителями ислама, как Чубак ажы и Абдишарип ажы. Известный журналист Зулпукар Сапанов, приверженец тенгрианства, был подвержен гонениям со стороны служителей ислама за свою книгу

«Родословная Кыдыра» и даже отсидел два-три месяца в тюрьме. Но вся общественность встала на защиту журналиста и резко осудила такие противоправные шаги со стороны служителей ислама. Журналист был освобожден в зале суда решением судебной коллегии.

Следует особо отметить, что на страницах Интернета тенгрианцы вежливо, четко и достойно отвечают на вопросы участников дискуссий, в то время как радикальные исламисты используют нецензурные слова, мат в отношении Гулзат Аалиевой. Безусловно, такие выходки и нелюбезное поведение исламистов вызывает отторжение многих читателей. Тенгрианцы несколько раз приглашали своих оппонентов на телевидение для обсуждения возникших разногласий в прямом эфире, но, к сожалению, ни один представитель радикальных исламистов не пришел. Не отозвались они и на предложение тенгрианцев провести совместную научную конференцию. Неужели они и впрямь боятся или остерегаются тенгрианцев? В рядах приверженцев национального мировоззрения есть известные писатели, ученые, видные общественные деятели и интеллектуалы. Но до сих пор исламисты не перестают запугивать тенгрианцев и есть опасность, что рано или поздно эти две противоборствующие стороны могут столкнуться.

Тенгрианцы утверждают следующее: наш народ на протяжении многих веков придерживается традиционного ислама, который не противоречит нашим

национальным традициям. А радикальные исламисты с каждым днем внедряют идеологию «арабизации», завлекая все больше молодежи с помощью денег. Среди них находятся и те, кто открыто призывает к созданию «халифата».

Несомненно, в большинстве своем кыргызы против призывов создания халифата, но увеличивается число людей, скрыто поддерживающих такие идеи. И это пугает людей, вызывает озабоченность у интеллигенции.

Возможно ли мирное сосуществование шариата и национальных традиций?

Каковы причины все возрастающих противоречий между исламом и национальным мировосприятием?

Почему ислам, мирно сосуществовавший с национальными традициями на протяжении многих столетий, сегодня открыто переходит на позиции «арабизации», насильно вытесняя местные традиции в обществе?

Какова конечная цель таких действий?

Насколько это соотносится с кыргызским менталитетом?

Что случится с нашим обществом, если завтра радикальные исламисты повлекут за собой весь народ?

Как будет развиваться наша страна?

Согласно кыргызским обычаям, когда человек умирает, родственники (мужчины) окружают юрту снаружи, где находится тело усопшего, и плачут в голос, выражая свое горе. После предания тела земле дети умершего по традиции режут лошадь, накрывают стол и в последний раз от его имени угощают едой всех пришедших. Сегодня служители ислама говорят о том, что «в исламе ничего не сказано о необоснованных тратах» на похоронах и выступают против таких традиций. На что кыргызские националисты отвечают, что «этого возможно нет в исламе, но это сохранилось в наших традициях». На самом деле, представители тенгрианской веры не против традиционного ислама. Но представители радикального ислама все чаще указывают на запреты в кыргызских традициях и обычаях.

Кыргызы утверждают, что религия – это наука о Боге, которая отвечает на следующие вопросы: «Есть ли Бог или нет?», «Как возникла Вселенная?», «Кто создал человека?». Но, сегодня ислам не распространяет веру, а целенаправленно превращается в идеологию, которая «арабизирует» не арабов, превращая народ в манкуртов.

Согласно обычаям кыргызов, мужчина может носить усы в сорок лет и только в шестидесятилетнем возрасте может носить бороду. Носить бороду мужчины могли только после смерти отца, а если отец был жив, то и в преклонном возрасте бороду не носили.

Сегодня большинство кыргызской молодежи, посещающих мечеть, носят бороду и открыто выступают против национальных традиций. Приверженцы национальной идеи задаются следующими вопросами: «Насколько мусульманин может быть патриотом?»

Может ли он сочетать религиозные каноны с национальными ценностями?». Некоторые люди пытаются доказать, что тенгрианство было «древней религией» кыргызов и считают, что древнее мировосприятие было «прарелигией кыргызов». Так они хотят возобновить эту религию, позиционируя себя национал-патриотами, пытающимися всеми силами сохранить кыргызскую нацию. Мало того, они пытаются по сей день пройти государственную регистрацию как «религиозное объединение».

Теперь среди приверженцев национальной идеи появились две группы: одна из них нацелена преобразовать тенгрианство в религию, а вторая группа планирует

исследовать тенгрианство как древнейшее мировоззрение кыргызов и признать его как основу философской науки.

Самое интересное то, что ислам как религия не против распространения десятков других сект (кроме баптистов), но при этом он выступает категорически против возрождения древнейшего мировосприятия, возвращенного из крови и плоти кыргыза. Конечно, предпринимаются многочисленные попытки исказить и очернить тенгрианство в глазах народа. И если одни («тенгрианцы») считают его одним из основных аргументов сохранения кыргызской нации и прилагают немалые усилия для его возрождения, то другие (исламисты) даже не пытаются понять. Прикрываясь священной книгой «Кораном» и «Словом Божиим» они становятся на опасный путь, т.к. все дела, которые вершатся ими, провозглашены от имени Бога или Пророка.

Не было ни одного случая, когда из-за веры в тенгрианство кто-то вступил на путь «дьявола» или стал неверующим, или разрушил чью-то семью. В то же время есть много случаев, когда последователи таких сект, как «Свидетели Иеговы» или «Саентологии» разрушали кыргызские семьи. И все же несмотря на наличие таких негативных ситуаций, радикальные исламисты в последнее время организуют провокации только против тенгрианцев, изоцряясь и пытаясь уничтожить их разными путями. Так они открыто демонстрируют свое противостояние не тем элементам, которые разрушают кыргызскую нацию, а именно тем факторам, которые, наоборот, пытаются сохранить нацию.

Ислам и тотемизм

У кыргызов сегодня сохранились не только обычаи тенгрианства, шаманизма, но можно встретить повсеместно и символы тотемизма. Сегодня радикальные исламисты выступают против всех древних традиций кыргызов, откровенно оскорбляя и издеваясь. Но, по словам интеллигенции, сами молдо не понимают сути учения о Тенир (Тенгри) и некоторые их высказывания не только задевают гордость слушателя, но вызывает смех у людей науки и творчества.

Следует особо отметить, что такое противостояние между радикальным исламом и национальными традициями происходит не только в Кыргызстане, оно распространилось на все республики Центральной Азии. Несмотря на различные догмы радикального ислама, в некоторых местах Кыргызстана сохранились еще древние традиции. Однажды, путешествуя по югу республики, я заметил, как в Алайском районе на похоронах проводили в последний путь усопшего по канонам ислама, но на свежей могиле был установлен арчовый ствол, на верхушке которого был привязан пучок из хвоста яка. Что могло это означать? Я тогда очень был удивлен и при первой возможности заявил об исследовании для проекта «Ислам и местные традиции». Меня удивило такое сочетание религии и местных традиций, я подумал, что это, скорее всего, связано с тотемизмом.

... Наконец настал тот день, когда я, водитель и еще один джигит-оператор направились в Алайский район для сбора материала и проведения запланированного исследования. В тот же день глубокой ночью мы приехали в город Ош и расположились в гостинице. На следующий день рано утром мы продолжили наше путешествие и в обед пересекли перевал Талдык, расположенный на высоте свыше 3,5 тысяч метров, спустились в Алайский район и допоздна успели приехать в отдаленное село Сары-Таш.

... Мы легко нашли старые могилы, потому что они были расположены вдоль дороги. Мы остановили машину, и сняли на камеру разные могилы. После этого мы зашли в 5-6 домов для встреч с аксакалами и спросили их: «Что означают кисточки из

хвоста яка, прикрепленные на кончик деревянного шеста, которые вонзили на могилы?»

К сожалению, все люди, с которыми мы встречались и беседовали не могли нам толком объяснить эту традицию. Не знали и аксакалы для чего на могилах устанавливают такие шесты с пучком хвоста. Никто не смог нам подробно рассказать и объяснить откуда осталась такая древняя традиция и что она означает? Например, мы встретились со многими жителями села Сары-Таш и беседовали с Жумабаем Тойчиевым (82 года), Турдакуном Дияровым (91 год), Кайратом Дарбан уулу (27 лет), Дарбаном Абдыбалиевым (83 года) и Жумабаем Разаковым (53 года).

Почти все говорили, что «як - священное животное. Мы не только пьем молоко яка, едим масло и мясо этого животного, но мы еще и используем его как вьючный транспорт. Яки могут взбираться на такую вершину, куда лошадь не может подняться. Як также как горный козел, может подниматься по самым высоким вершинам и крутым склонам. Мы слышали, что на некоторых могилах из других родов могут вешать не только пучки хвостов яков, но и пучок «конского хвоста» или «рога горного козла».

Это был своеобразный символ принадлежности к определенному роду. Так, например, проезжая вдоль могил с установленными на них рогами оленя, люди знали, что здесь похоронен кто-то из рода бугу. Но у нас всегда устанавливают пучок из хвоста яка, это древняя традиция, передающаяся из поколения в поколение, но истоки и значение этой традиции мы уже утратили. Например, у нас, если умирает человек, то режут не лошадь, а яка. Мы слышали от своих родителей, что в давние времена воинских доблестей пучок из хвоста яка специально привязывали к древку копья и называлась она «копье с бунчуком». Но сейчас все муллы твердят нам, что нельзя вешать такую кисть из конского волоса или из хвоста яка, что это большой грех. Но народ до сих пор следует традициям предков и вешают их на могилах усопших».

По дороге мы решили навестить известного народного писателя Кыргызстана Кубатбека Жусубалиева (78 лет), проживающего в селе Кердегей, и спросить у него, что же означает такой знак. Он радушно встретил нас и сказал нам: «...Я тоже не знаю и оказывается даже не придавал этому никакого значения». На мой вопрос об исламской религии, он ответил: «Изначально религия зародилась как наука о познании Бога, со временем она превратилась в идеологию. Ислам - самая молодая и чистая религия, но к сожалению, сегодня и у нее появилось много искажений».

На следующий день мы вернулись в древний город Ош и у подножья горы Сулайман-Тоо, в чайхане встретились с тремя мужчинами, которые тоже поделились той же информацией, что нам рассказали жители Алайского района (*Нурсейит Раманов - 48 лет, экономист, Абдрахман Дуйшөбаев - 54 года, врач, Абдесбек Эшбаев - 66 лет, кандидат мед. наук, профессор*).

Более подробную и достоверную информацию получили мы от алайца, ныне проживающего в столице, Нуркула Мамбеткалыева (64 года). Так как он был мой ровесник, мы быстро нашли общий язык. Наш собеседник рассказал, что родом он из кыпчаков, из села Жекенде Чон Алайского района. Уже пятнадцать лет как он переехал из своего родного села в Бишкек. И вот что он нам рассказал.

«Давным – давно кыргызы называли Всевышнего Көкө Тенир. До прихода арабов они не знали, что Бога зовут «Аллах». Сегодня все молдо твердят, что «имя Бога – Аллах, не называйте его Көкө Тенир. Это большой грех»... Не только мои, но и твои предки называли Бога «Көкө Тенир» говорю я таким молдо. Они не знают, что ответить и не могут привести ни одного веского аргумента против таких моих утверждений и сразу ретируются. Другие, которые меня знают лучше, боятся со мной спорить и даже избегают встреч со мной. Согласно последним исследованиям ученых слово «көкө»

(кып: «көкө») переводится как – «отец». Следовательно, словосочетание «Көкө Тенир» переводится как «Отец Тенир».

Удивительно, что наши предки, как семиты, не называли себя «рабами Божьими», а звались - «детьми Бога». Оказалось, что именно в этом самая большая разница...

Расскажу немного еще об одном факте, который отрицают наши молдо. Например, народ, живший раньше в Чон Алае, устанавливал специально изготовленные из деревянных столбов «знак счастья» (в виде креста) и привязывал пучки из хвоста яка к каждому кончику знака. Сегодня никто не может дать ответ и не может толком объяснить, что же оно означает, откуда появилась такая традиция и когда она зародилась? Потому что эти традиции связаны с древней эпохой и древними верованиями кыргызов.

Сегодня служители ислама пытаются наложить запреты на чудом сохранившиеся древнейшие традиции, пришедшие к нам через тысячелетия. К одному концу «знака счастья» вместе с пучком из ячьих хвостов привязывали также флажок (лоскут) с вышитым на нем «тавром рода». Эти лоскуты через год превращались в тряпье, так как полыхали на ветру и рвались от сильных порывов ветра.

Наши предки, старики объясняли нам, что знак счастья (начерченный внутри круга крест) символизирует четыре равные стороны света, а висящий пучок «из хвоста яка» (или «конского хвоста»-Б.Т.) означал принадлежность к народу кочевников. Известно, что древние кыргызы особо почитали лошадей и яков. По рассказам стариков во времена боевых походов кыргызы отправлялись в долгие шестимесячные, годовые завоевательные походы. И если в таком походе воин погибал во время сражения или набега, его тело там же предавали земле, а сверху на могилу вонзали его копье, поперек которого привязывали деревянную палку. К одному концу этой палки привязывали флажок с вышитым на нем тавром рода, а к другому концу - отрезанный пучок конского хвоста.

Каждый путник, видя пучок конского или ячьего хвоста, знал, что здесь похоронен кочевник, а висящий флажок с вышитым тавром указывал на принадлежность усопшего к определенному роду. Коня же с остриженной гривой или хвостом передавали семье через возвращающихся раненных воинов. Люди, издали завидев остриженного коня, сразу могли узнать, кто же пал в том походе...

По традиции, если умирал мужчина, то сразу резали его боевого коня, а если по каким –то причинам конь был худ, то его откармливали и резали на сорокадневные поминки или на годовшину смерти. И сегодня традиция тех далеких времен сохранилась в нашей современной жизни. При забое коня или лошади мужчины обязательно отдельно вырезают гриву и хвост животного». Как бы то ни было, я вновь удостоверился в правдивости кыргызской пословицы, гласящей следующее «Не тот много знает, кто долго живет на Земле, а тот, кто много читает».

Мой собеседник Нуркул много читает и увлечен историей, любит находить толкование старых слов, понятий. После увлекательной беседы с ним, я вдруг вспомнил слова моего друга Кенжали, сына азербайджанского народа. Он однажды мне сказал:

«Мне не нравится мой отец, потому что он коммунист. А ему не нравился его отец, потому что он был мусульманином. Тому не нравился его отец, который был последователем тенгрианства. И вот я думаю, что же мне делать? И в конце концов, я нашел только один выход – надо возвращаться к своим истокам, найти свои корни».

Сейчас кыргызы переживают такой сложный период. Кроме этого, меня же все время мучил один вопрос: «Почему эта старая, древняя традиция сохранилась только среди алайских и памирских кыргызов? Ведь и в Нарыне, и в Таласе, и в Чаткале есть яки».

Фото: Алайская долина. Село Сары-Таш.

На этот сложный для меня вопрос, на очередной встрече участников проекта в Бишкеке я нашел ответ. Видный ученый, доктор исторических наук, профессор А.Мокеев на мой вопрос о причинах сохранения этой традиции ответил так: «Традиция эта сохранилась, потому что алайские кыргызы, так же как и памирские кыргызы перекочевали с Южной Сибири сравнительно недавно, в 16 веке. Поэтому эта древняя традиция там до сих пор жива».

В истории кыргызов этот документальный факт описывается так: «В 1636 г. в Гиссар прибыла большая группа кыргызов из глубины районов Центральной Азии. Историк правителя Балха Надир Мухаммед ибн Вали сообщает об этом следующее:

«Одним из событий, показывающих могущество и силы и величие славы милостивого хакана (Надир Мухаммеда), является то, что в раджабе 1045 г. хиджры (12.XII 1635-9.1. 1636гг.) двенадцать тысяч семей киргизов, которые (до этого) обитали в области Каракорума и Керулена и проводили жизнь в неверии, невежестве и заблуждении, прибыли через Каратегин в окрестности Гиссара (и вступили) под управление счастливого государя» [1].

Это те самые кыргызы, о которых упомянул выше профессор А.Мокеев. В истории они значатся, как самая последняя группа кыргызов, переселившаяся из Южной Сибири на землю Ала-Тоо.

Авторская интерпретация

В поисках информации о яках мне пришлось перечитать массу литературы и в том числе перерыть Интернет источники. Я был очень удивлен, узнав, что в Индии, Китае и Тибете есть традиции, связанные с хвостами яков. Например, изготовленные из ячьих

хвостов опахало (бунчуки) на санскрите пишутся – «chamara», «prakirnaка», на тибетском языке «rnga yab». Удивительно, но изготовленная из белых волос ячьего хвоста чамара в древней Индии была символом ханской власти.

Чамара использовалась как опахало в летнюю жару, когда шах сидел в тени, и оберегало тишину и покой шаха от комаров, мух и слепней во время послеобеденного сна. Согласно исследованиям ученых, опахало, изготовленное из белых волос хвоста яка, было привезено в древнюю Индию из Тибета. На тибетском языке слово «rnga yab» означает «отец хвостов». Такая традиция была и у монголов. Например, монгольские воины носили в качестве ханского штандарта Чингизхана длинный «шест, с верхнего конца которого свисали девять пучков хвостов белого яка». Позже народы Средней Азии переняли эту традицию и теперь воины привязывали к верхнему кончику копья кисть или пучок, сделанный из конского или ячьего хвоста.

В эпосе «Манас» также встречаются такие копья, которые называли «копье с бунчуком», «копье с флажком» [2].

Свое толкование пучку (кисти) из ячьего или конского хвоста дал и известный ученый, языковед К.Юдахин [3].

Рис. Опахало из ячьих хвостов.

Впервые буддизм принял белый бунчук (опахало), изготовленный из ячьих хвостов, как символ (эмблему) верховной власти Будды. Вместе с зонтом, такой белый бунчук выполнял для Будды роль оберега от сглаза и неприятностей. Будда наказал каждому монаху носить с собой такой бунчук (опахало), изготовленный из ячьих хвостов.

В даосизме и традициях буддизма в Китае главный монах всегда сидел, обмахиваясь белым бунчуком, из ячьих хвостов, во время беседы с людьми на темы религии или во время жарких споров по какому – либо вопросу.

На рисунках индийских художников можно также найти изображение белого бунчука с золотой ручкой, изготовленный из хвоста яка и инкрустированный золотым кольцом, драгоценными камнями.

Тотемизм – как ранняя форма религии отражает преобразование человеческого духа в священное животное. Например, тотем барса или волка охраняет от неприятностей и оберегает от сглаза тот род, который считает это животное святым. Бык считается

главным тотемом не только огузов, одного из тюркских народов, но и символом древнего народа, оставшийся в истории как арии.

В одном из мифов, повествующем о возникновении древних кыргызов, говорится следующее: «В отличии от тюркских народов, берущих свое начало от волка, голубоглазые, светловолосые кыргызы указывают, что произошли от сочетания Бога и коровы, которая жила в одной пещере на склоне горы» [4]. Ученые считают, что «коровой, жившей в пещере, на склоне горы» является корова яка, а Бог – это «солнцеголовый» Улкен (рус: Ульген), владыка неба у алтая-саянских народов. Согласно мифу, у Бога Улкена одним из восьми сыновей был Кыргыз хан [5], вершивший суд над всеми людьми, живущими на Земле. Таким образом, отцом древних кыргызов был сам Бог Улкен, а по матери текла в них кровь коровы яка. Этот миф повествует о древнейшем роде енисейских кыргызов, которые преклонялись перед яками, считая их священными животными. К сожалению, до сегодняшнего дня указанный миф не исследован учеными и не дано его толкование специалистами. Итак, «праотцом» кыргызов является «солнцеголовый» Улкен, владыка неба, а «праматерью» кыргызов – корова яка. Конечно, эта информация сразу дает пищу для размышлений об индийцах, до сегодняшнего дня свято чтущих корову, а также напоминает о верованиях древних шумеров и народов Египта. Известно, что у этих народов корова была тотемом цариц и богинь.

Теперь несколько слов о столбах, установленных на могилах. При анализе исторических источников стало известно, что те самые деревянные столбы с подвешенными пучками из ячьих хвостов, относятся к традициям еще более древнейшего периода, чем мы ранее предполагали. Оказывается, у индейцев, живущих в Северной Америке, есть священная традиция преобразования столба в культ. Для этого они срезают дерево, обрубают ветви, спиливают верхнюю часть намного выше человеческого роста и потом вырезают на очищенном стволе рисунки, повествующие разные фольклорные сюжеты, а также на такие столбы могут наносить священные знаки или портреты известных людей.

Такие тотемные столбы, с нанесенными знаками и портретами, демонстрируют силу и святость знахаря, шамана этого рода. Некоторые тотемные столбы изготавливают специально для определенных праздников, другие вырезают для эстетических целей.

Поэтому тотемные столбы, изготовленные к праздникам, в большинстве своем могут составлять даже мемориальный комплекс. Такие столбы позднее устанавливаются на могилах предводителей рода или знаменитых людей. Все установленные тотемные столбы, так же, как и само кладбище принадлежат определенному роду. На этих столбах могут быть вырезаны рисунки, человеческие лица, изображения пернатых птиц и т.д. Ошибочно считать, что индейцы поклонялись таким тотемным столбам, они служили только символом обряда поклонения Богу. Первые христианские миссионеры, попавшие в Америку, неправильно написали о том, что «краснолицые дикари» поклоняются тотемным столбам вместо креста».

В Алае я увидел точно такой же обычай. На высоких деревянных столбах, установленных на могилах, были вырезаны тавро рода, разные узоры (см. фотографии) и висела кисть ячьего хвоста. Возможно, это традиция зародилась до того, как индейцы перебрались на Новый Континент (Америку) из Азии (Южной Сибири). Есть только одно различие – нет никакой информации о том привязывали ли они ячий хвост или лоскут на такие столбы. И хотя у нас сохранилась эта древняя традиция установления деревянных столбов на могилах усопших, смысл или значение такой традиции канули в лета.

Для того, чтобы написать этот кейс-стади, мне пришлось съездить в далекий, высокогорный Алайский район, где я смог увидеть, как кыргызские и исламские традиции мирно сосуществуют вместе, без противоречий и конфликтов. Но ради справедливости надо сказать, что и там в последнее время некоторые служители, молдо, начали накладывать запреты на некоторые исконно кыргызские традиции. Но так как в этом горном районе в основном проживают только кыргызы, сохранилась своя моноязычная культура и район расположен на далеком расстоянии от Ферганской долины, влияние других религий или течений намного слабее, чем в столице. Поэтому там пока нет никаких условий для зарождения противоборствующих взглядов и групп.

Алайские кыргызы провожают усопшего в последний путь по смешанным национальным и исламским традициям, устанавливают на могиле деревянный шест, продолжая традиции древнего верования в тотемизм. Поэтому я думаю, что насильное внедрение не арабскому населению «арабского варианта» ислама бесперспективно. Я не встретил ни одного кыргыза, который противостоял бы традиционному исламу и в то же время я увидел и услышал людей, которые открыто выражали свое несогласие с нарастающим влиянием радикального ислама.

Однажды в одном из сел Алайского района на кладбище после похорон, по сложившейся традиции прочитали молитву и потом молдо обратился к присутствующим мужчинам со словами: «Нельзя устанавливать на могиле умершего шест с ячьим хвостом. Не делайте этого, это большой грех». Тогда один из присутствовавших мужчин среднего возраста крикнул ему в ответ: «Ты езжай в Аравию и устанавливай там такие арабские правила и традиции! Это земля кыргызов, мы - кыргызы, у нас тоже есть свои традиции, которые сопровождают нас с глубокой древности. Зачем ты все арабизируешь?»... Так повсеместно появляются группы, которые открыто начинают противостоять выходкам радикальных исламистов.

Думаю, что в сложившейся сложной ситуации для интеллигенции народов Центральной Азии настало непростое время для выполнения своей особой миссии, потому что большинство противоречий, недопониманий, разногласий возникают из-за невежества, необразованности, ограниченности информации. Силы, заинтересованные в столкновении народов Центральной Азии, в развитии межнационального конфликта, опираются именно на указанные причины и пытаются использовать их в своих целях.

Поэтому вся научно-творческая интеллигенция народов, проживающих на этой территории, должна объединиться и должна просвещать молодежь, все местное население. ...Без сомнения, через какие –то десять лет и здесь на могилах, не будут устанавливать шесты с пучками конского или ячьего хвоста. Тогда вместе с ними исчезнет еще одна древнейшая традиция кыргызов...

Вопросы к теме:

1) Каким образом исламские и национальные традиции кыргызов синтезировались в кыргызском современном социуме?

2) Почему главная героиня Каныгуль Сатыбалдиева и члены ее семьи принимают баптизм и становятся христианами?

3) Какие социокультурные практики баптизма влияют на современное сознание кыргызского этноса?

4) Почему представители власти в кыргызском аиле, односельчане и близкие Каныгуль даже после ее ухода из жизни не позволили дочери использовать ее права как гражданки Кыргызской Республики?

5) В чем заключается особенность авторской интерпретации по религиозным верованиям кыргызов – тенгрианству и тотемизму?

- 6) Каковы похоронные обряды кыргызского этноса?
- 7) В чем особенности противоречий соотношения взаимодействия ислама и тенгрианства в современном кыргызском обществе?
- 8) Проведите параллели в традициях этносов мира и Центральной Азии по предназначению ячьего, конского и бычьего хвостов в религиозной или культурной практиках.

Использованные источники

- 1 Бахр ал-асрар. ФВ 337, л, 277а. \ \ История Киигизской ССР . Т1. – Фрунзе, Кыргызстан, 1984. – С.-452.
- 2 Манас. Энциклопедия. Найза. Главная редакция Кыргызской энциклопедии. - Бишкек, 1995. –С.-121.
- 3 Киргизско-русский словарь. 2-книга. Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии. - Фрунзе, 1985. - С-283.
- 4 Кызласов Л.Р., История Южной Сибири в средние века, М., Высшая школа, 1984, С-32.
- 5 Бутанаев В.Я. Источник:<http://faqkrstory.ru/psihologija/lichnost/65983-totemizm-jeto-primitivnaja-religija-ili-nechto.html>

Клиффорд Гирц

Ритуал и социальные изменения: яванский пример

Автор выявляет и глубоко анализирует различия между разнообразными функциональными подходами к антропологии. Функционализм – это социальная теория, представители которой считают, что каждый элемент общества - учреждения, нормы, социальные роли, ритуалы - имеет свою важную цель, исполняет свою функцию, необходимую для деятельности всего общества. Гирц пытается доказать, что социальное напряжение, существующее в обществе, должно изучаться с точки зрения «динамично-функционального» подхода. Ученый приводит пример общинного напряжения, религиозного похоронного обряда в г. Моджокуто, расположенного в Центральной Яве (остров Индонезии). Население Явы - центра индо-яванской цивилизации – было обращено в ислам до прибытия европейцев, главным образом голландцев, в конце 16 века. Гирц приводит аргументы в доказательство того, что описываемый им похоронный ритуал не способствует достижению целей общности и иллюстрирует напряжения, которые обычно скрыты. Как это ни странно звучит, но когда традиционные похороны мальчика нарушаются, антрополог гораздо яснее начинает понимать основы яванской культуры.

При чтении обратите внимание на обряд «сламетан» и на роль, которую он играет в жизни людей. Постарайтесь проникнуть в неясную природу культуры о. Ява, ее традиций, которые могут привести к социальной нестабильности, к конфликту. Заострите внимание на теоретических выводах, которые делает автор.

Как и во многих других областях антропологических исследований, в теоретических дискуссиях последнего времени о роли религии в обществе продолжает господствовать функционализм - либо социологического толка, ассоциирующийся с именем Радклиффа-Брауна, либо социально-психологического, ассоциирующийся с именем Малиновского. Социологический подход (или, как предпочитают называть его британские антропологи, социально- антропологический подход), начало которому было положено в «Элементарных формах религиозной жизни» Дюркгейма и «Лекциях по религии семитов» Робертсона-Смита, придает особое значение тому, каким образом верования и в особенности ритуал укрепляют традиционные общественные связи между людьми; при этом акцентируется внимание на том, как укрепляется и увековечивается социальная организация какой-либо группы посредством обрядовой или мифологической символизации основополагающих общественных ценностей, на которых эта группа зиждется. Социально-психологический подход, пионерами которого были, пожалуй, Фрэзер и Тайлор, но который свое наиболее отчетливое выражение получил в классической работе Малиновского «Магия, наука и религия», делает особое ударение на том, что религия дает человеку, как она отвечает его познавательным и эмоциональным потребностям в стабильном, постигаемом и поддающемся воздействию мире и как она дает человеку возможность сохранить внутреннюю защищенность перед лицом природных случайностей. Вместе взятые, эти подходы дали нам намного более точное понимание социальных и психологических «функций» религии в обществах самого широкого диапазона.

Однако для изучения социальных изменений функционалистский подход оказывается не столь действенным. Как отмечали уже несколько авторов, акцент на системы, находящиеся в состоянии равновесия, на социальный гомеостаз и на вне

временные структурные описания ведет к преимущественному изучению «хорошо интегрированных» обществ, находящихся в состоянии устойчивого равновесия, и к тенденции обращать особое внимание на функциональные аспекты обычаев и традиций того или иного народа, а не на их дезорганизирующие свойства. В исследованиях по религии этот статичный, антиисторический подход привел к своего рода сверхконсервативному взгляду на роль ритуалов и верований в социальной жизни. Несмотря на предостерегающие замечания Клакхона и других относительно «издержек» религиозных различных обычаев вроде колдовства, стойко обозначилась тенденция подчеркивать гармонизирующие, интегрирующие и психологически поддерживающие аспекты религиозных систем, а не аспекты разрушительные, дезинтегрирующие и психологически расстраивающие, тенденция демонстрировать то, каким образом религия способствует сохранению социальной и психологической структуры, а не то, каким образом она разрушает или трансформирует ее. Там, где проблема изменений все-таки рассматривалась, как, например, в работе Редфилда, посвященной Юкатану, это делалось главным образом с позиций прогрессирующей дезинтеграции: «Основных изменений в культуре, которые произошли на Юкатане «параллельно» с уменьшением изо.

Включает физическую, социальную, культурную, философскую, юридическую, доисторическую и другие формы антропологии Радклифф-Браун Алфред Реджиналд (1881- 1955) - британский социальный антрополог, который развивал систематическую структуру понятий и обобщений, касающихся социальных структур относительно простых обществ Малиновский Бронислав (1884-1942) - британский антрополог, который поддерживал те обычаи и верования, которые имеют определенные социальные функции. Дюркгейм Эмиль (1858-1917) - французский социолог, основатель социологической школы, известный своим исследованием социальных ценностей и теории отчуждения, Робертсон-Смит Уильям (1858-1894) - шотландский ученый – энциклопедист лированности и гомогенности общества, насчитывается, по-видимому, три: дезорганизация культуры, ее секуляризация и индивидуализация». Однако даже мимолетное знакомство с историей нашей собственной религии не позволяет нам без колебаний утверждать, что религия во всех случаях играет только такую «позитивную» роль.

В настоящей главе как раз и будет показано, что одна из главных причин того, почему функционалистская теория не может справиться с объяснением изменений, заключается в ее неспособности относиться к социологическим и культурным процессам как к явлениям равнозначным: почти неизбежно что-то одно либо игнорируется вовсе, либо приносится в жертву другому, становясь просто его отражением, «зеркальным образом». Либо культура рассматривается как производная форма социальной организации - подход, характерный для британских структуралистов и для многих американских социологов; либо формы общественной организации рассматриваются как поведенческое воплощение культурных парадигм - подход Малиновского и многих американских антропологов. И в том и в другом случае существует тенденция исключать как динамический фактор то, чему придается меньшее значение, и мы остаемся либо со всеохватывающей концепцией культуры («это сложное целое...»), либо с совершенно всеобъемлющей концепцией социальной структуры («социальная структура не является одним из аспектов культуры, а является всей культурой данного народа, рассматриваемой в рамках особой теории»). В такой ситуации почти невозможно определить те динамические элементы в социальных изменениях, которые возникают из-за неполного соответствия культурных парадигм формам социальной организации.

«Мы, функционалисты, - заметил недавно Э.Р.Лич, - не являемся на самом деле принципиально «антиисторичными», просто мы не знаем, как вставить исторический материал в наши концепции».

Пересмотр концепций функционалистской теории с тем, чтобы они позволяли более эффективно использовать «исторический материал», лучше всего, быть может, начать с попытки теоретически разграничить культурные и социальные аспекты человеческой жизни и рассматривать их как изменяющиеся независимо друг от друга, но взаимосвязанные факторы. Хотя и разделяемые только мысленно, культура и социальная структура будут рассматриваться, тогда как допускающие широкий диапазон способов интеграции друг с другом, из которых простой изоморфический способ представляет собой нечто иное, как предельный случай - случай, который встречается только в обществах, сохраняющих свое устройство столь длительное время, что становится возможным почти полное согласование социальных и культурных аспектов. В большинстве же обществ, где изменения являются скорее характерной чертой, чем отклоняющейся от нормы мы будем готовы обнаружить более или менее радикальные разрывы между ними. Я берусь доказать, что как раз в этих разрывах мы и найдем некоторые из главных движущих сил изменений.

Один из наиболее плодотворных приемов различения культуры и социальной системы - но далеко не единственный - представить культуру как упорядоченную систему смыслов и символов, на языке которых происходит социальное взаимодействие, и социальную систему - как модель самого социального взаимодействия. На одном уровне существует система представлений, выразительных символов и ценностей, посредством которых человек определяет свой мир, выражает свои чувства и высказывает свои суждения, на другом - вечно продолжающийся процесс интерактивного поведения, устойчивую форму которого мы называем социальной структурой. Культура - это носитель смыслов, посредством которых люди интерпретируют свой жизненный опыт и направляют свои действия; социальная структура - форма, которую принимают эти действия, реально существующая сеть социальных отношений. Культура и социальная структура, следовательно, не что иное, как различные абстрактные выражения одних и тех же явлений. Одна абстракция рассматривает социальное действие с точки зрения его смысла для тех, кто его осуществляет, другая - с точки зрения его вклада в функционирование определенной социальной системы.

Природа различия культуры и социальной системы становится более очевидной при рассмотрении характерных для них противоположных типов интеграции.

Это противоположность между тем, что Сорокин назвал «логико-смысловой интеграцией», и тем, что он назвал «причинно-функциональной интеграцией». Под логико-смысловой интеграцией, характерной для культуры, имеется в виду тот тип интеграции, который обнаруживается в фуге Баха, в католическом догмате или в общей теории относительности, - это единство стиля, логического контекста, смысла и ценности. Под каузально-функциональной интеграцией, характерной для социальной системы, подразумевается вид интеграции, обнаруживаемый в организме, в котором все части связаны единой каузальной сетью: каждая часть является элементом в ревербирующем каузальном кольце, которое «сохраняет систему в состоянии движения». И поскольку эти типы интеграции не идентичны, поскольку та особенная форма, которую принимает одна из них, не подразумевает прямо ту форму, которую примет другая, между ними, а также между ними и третьим элементом, моделью мотивационной интеграции внутри человека, которую мы обычно называем структурой личности, существует изначальное несоответствие и напряженность: «Понимаемая таким образом, социальная система является только одним из трех элементов построения совершенно конкретной системы социального действия. Два других - личностные системы отдельных действующих лиц и культурная система, встроенная в

их действия. Каждый из трех элементов должен рассматриваться как независимое средоточие организации частей системы действия в том смысле, что ни один из них теоретически не сводим к понятиям другого или к комбинации двух остальных. Каждому из них совершенно необходимы два других в том смысле, что без личностей и культуры не будет социальной системы и так далее, учитывая все логические возможности. Но эта взаимозависимость и взаимопроникновение весьма отличны от редуцирования, которое предполагает, что важные свойства и процессы системы одного класса могут быть теоретически выведены из нашего теоретического знания одной из двух других или их обеих. Сфера действия - общая для всех трех, и этот факт делает возможным определенные «трансформации» между ними. Но на уровне теории, разрабатываемой здесь, они не составляют единой системы, хотя так может случиться на некотором другом теоретическом уровне».

Я попытаюсь продемонстрировать плодотворность этого более динамичного функционалистского подхода, применяя его к частному случаю ритуала, который оказалось невозможным совершить так, как полагается. Я постараюсь показать, что подход, который не различает «логико-смысловые» культурные аспекты ритуальной модели и «каузально-функциональные» аспекты, относящиеся к социальной структуре, не может адекватно объяснить эту неудачу, и что подход, который различает их, способен выявить причину этого затруднения. Далее будет показано, что такой подход дает возможность избежать упрощенного взгляда на функциональную роль религии в обществе, при котором эта роль видится только в консервации социальной структуры, и заменить его более сложной концепцией отношений между религиозными верованиями и практикой, с одной стороны, и светской общественной жизнью - с другой. В рамках этой концепции могут быть учтены исторические материалы, а функционалистский анализ религии сможет более адекватно объяснять и процессы изменения.

Общая обстановка Случай, который будет описан ниже, - похороны, устроенные в Моджокуто, небольшом городке в восточной части Центральной Явы. Маленький мальчик, которому было около десяти лет и который жил со своими дядей и тетей, совершенно неожиданно умирает. Его смерть, за которой должны были, как обычно, последовать поспешная, скромная, однако методически разработанная яванская похоронная церемония и обряд погребения, привела к продолжительному состоянию ярко выраженного социального напряжения и тяжелого психологического расстройства. Комплекс верований и ритуалов, который помогал бесчисленному количеству яванцев успешно справиться с тяжелыми переживаниями, вызванными смертью их близких, неожиданно дал сбой. Чтобы понять, почему произошел этот сбой, требуются знание и понимание всего диапазона социальных и культурных изменений, произошедших на Яве начиная с первых десятилетий этого века. В этих прерванных похоронах, как в капле воды, отразились на самом деле более крупные конфликты, разложение традиционного социального строя и попытки реинтеграции, которые - в той или иной форме - характерны для современного индонезийского общества.

Религиозная традиция Явы, в особенности крестьянства, представляет собой сочетание индийских, исламских и местных, юго-восточноазиатских элементов. Подъем крупных милитаризированных царств в равнинных рисовых областях в первые века от Рождества Христова сопровождался проникновением на остров индуистских и буддийских культурных образцов; включение портовых городов северного побережья в международную морскую торговлю в XV и XVI вв. привело к проникновению исламских образцов. Пытаясь овладеть крестьянской массой, буддизм и ислам стали смешиваться с глубинными анимистическими традициями, характерными для всего

малайзийского культурного ареала. Результатом стал сбалансированный синкретизм мифа и ритуала, в котором индийские боги и богини, мусульманские пророки и святые и местные духи и демоны - все нашли свое место.

Главная ритуальная форма в этом синкретизме - общинный пир, он называется «сламетан». Сламетаны, которые устраиваются, слегка различаясь по форме и содержанию, почти во всех случаях, имеющих религиозное значение, - в переходные моменты жизненного цикла, в календарные праздники, в определенные периоды земледельческого цикла, при изменении местожительства и т.д. предназначены, одновременно быть и жертвоприношениями духам, и как общественные трапезы механизмом социальной интеграции для живых. Еда, состоящая из специально приготовленных блюд, каждое из которых символизирует определенную религиозную идею, готовится женщинами одной нуклеарной семьи и выставляется на циновках посередине жилой комнаты. Глава домохозяйства приглашает других мужчин, глав восьми или десяти тесно связанных с ним домохозяйств, предпочтение при этом отдается самым близким соседям. После речи хозяина, объясняющей духовную цель пиршества, и краткого песнопения на арабском языке каждый мужчина второпях, почти украдкой, заглатывает несколько кусочков, завертывает остальное в куль из банановых листьев и возвращается домой, чтобы разделить эту еду вместе с семьей. Говорят, что духи получают то, что им нужно, от запаха пищи, воскуряемого ладана и мусульманской молитвы, а люди, участвующие в пиршестве, от материального вещества пищи и от своего социального взаимодействия. Результат этого спокойного, лишённого театральных эффектов короткого ритуала двойок: духи умиротворены, и одновременно укреплен соседская солидарность.

Обычные каноны функционалистской теории вполне адекватны для анализа такой модели. Достаточно легко можно показать, что сламетан предназначен как для того, чтобы «наладить отношения по поводу высшей ценности», необходимые для эффективной интеграции общности, построенной на территориальном принципе, так и для удовлетворения характерной для крестьянского населения психологической потребности в интеллектуальной согласованности и эмоциональной устойчивости. Яванская деревня (один или два раза в году устраиваются общедеревенские сламетаны) является, в сущности, группой территориально смежных, но воспринимающих себя достаточно автономно домохозяйств нуклеарных семей, экономическая и политическая взаимозависимость которых приблизительно того же ограниченного и строго определенного типа, как и та, что демонстрируется в сламетане. Условия возделывания такой трудоемкой культуры, как рис, и без ирригационный сельскохозяйственный процесс требуют сохранения раз и навсегда специфических способов технической кооперации и укрепляют чувство общности у отдельных семейств, в остальном достаточно автономных, - чувство общности, которое сламетан, безусловно, укрепляет. И когда мы рассматриваем то, каким образом различные концептуальные и поведенческие элементы индийского буддизма, ислама и «анимизма» переистолковываются и уравниваются, создавая отличительный и почти гомогенный религиозный стиль, строгое функциональное соответствие модели общинного пиршества и условий яванской сельской жизни даже еще более заметно.

Но фактом является то, что во всех областях Явы, кроме самых изолированных, и простая территориальная основа деревенской общественной интеграции, и синкретическая основа культурной гомогенности деревни за последние пятьдесят лет были постепенно подорваны. Рост населения, урбанизация, развитие денежных отношений, дифференциация занятий и тому подобное - все это ослабило традиционные узы крестьянского сообщества, а веяния доктрины, которая сопровождала появление

этих социальных изменений, внесла сумятицу в единообразие религиозных верований и практики, характерное для более раннего периода. Рост влияния таких идеологий, как национализм, марксизм и исламский реформизм, отчасти в результате усложнения яванского общества, затронул не только крупные города, где эти учения появились раньше и где у них всегда была наибольшая поддержка, но и менее крупные города и деревню. В сущности, многие из общественных изменений, произошедших на Яве за последнее время, лучше всего, по-видимому, характеризуются как переход от ситуации, когда главные интеграционные связи между отдельными людьми (или между семьями) выражались языком территориальной близости, к ситуации, когда они выражаются языком идеологического единomyслия.

В деревнях и небольших городах эти главные идеологические изменения проявились в основном в углубляющемся расколе между теми, кто подчеркивает исламские аспекты местного религиозного синкретизма, и теми, кто выделяет индуистские и анимистские элементы. Это, правда, что некоторое расхождение между этими различными субтрадициями появилось вместе с приходом ислама: некоторые люди были всегда особенно искусны в песнопении на арабском или особенно хорошо подготовлены в области мусульманского права, в то время как другие были знатоками мистической практики индуистского толка или специалистами в местном лечебном искусстве. Но эти контрасты сглаживались терпимостью яванцев к широкому кругу религиозных учений, пока преданно поддерживались основные ритуальные модели, т. е. сламетаны: какую бы социальную разделенность ни стимулировали эти контрасты, их в значительной мере затушевывали берущие верх общинные устои жизни в деревнях и небольших городах.

Однако появление после 1910 г. исламского модернизма (так же, как и энергичная реакция противодействия ему и религиозного национализма среди искушенных в экономике и политике торговых классов крупных городов усилило тягу к исламу как к исключаяющему все прочее антисинкретическому вероучению среди наиболее ортодоксальной части народных масс. Подобно этому, светский национализм и марксизм, получившие распространение среди чиновников и все увеличивающегося пролетариата крупных городов, укрепляли доисламские (т.е. индуистско-анимистские) элементы синкретической модели, которую эти группы были склонны высоко ценить как противовес пуристическому исламу и которую некоторые из них приняли как общую религиозную систему, в рамки которой можно было встроить свои сугубо политические идеи. С одной стороны, появляются более сознательные мусульмане, основывающие свои религиозные верования и практику на интернациональном и универсалистском учении Мухаммеда; с другой стороны, появляются более сознательные «почвенники», пытающиеся развернуть универсальную религиозную систему на материале своей собственной религиозной традиции - возмущая тем самым происламские элементы. Противоположность между людьми первого типа, называемыми «сантри», и людьми второго типа, называемыми «абанган», становилась постепенно все более острой, и сегодня именно по этой линии проходят главные культурные различия во всей области Моджокуто.

Не случайно, что именно в городе эта противоположность стала играть решающую роль. Отсутствие внешних обстоятельств, требующих межсемейной кооперации в связи с техническими требованиями возделывания риса во влажных условиях, так же как уменьшившаяся эффективность традиционных форм деревенского самоуправления перед лицом сложностей городского образа жизни, резко ослабляет социальную поддержку синкретической деревенской модели. Когда каждый человек зарабатывает себе на жизнь - в качестве шофера, торговца, клерка или чернорабочего - более или менее независимо от того, как зарабатывают себе на жизнь соседи, его ощущение

важности соседской общности ослабляется. Более дифференцированная классовая система, более бюрократические и обезличенные формы управления, большая гетерогенность социального фона - все это имеет тенденцию приводить к тому же самому результату: переносу акцента со строго территориальных связей на распространение связей идеологических. Для горожанина различие между сантри и абанган становится даже острее, поскольку оно определяет его социальное положение: это различие становится символом его социальной идентичности, а не простым различием в вере. Тип друзей, которых будет иметь горожанин, тип организации, членом которой он станет, тип политического руководства, за которым он будет следовать, тип невесты, на которой он или его сын женится, - на все это будет оказывать сильное влияние то идеологическое направление, которое он выбрал как свое собственное.

Таким образом, в городе - хотя и не только в городе - появляется новая модель социальной жизни, организованная посредством альтернативной системы культурной классификации. Среди элиты эта новая модель уже получила довольно широкое развитие, но среди массы городских жителей все еще идет процесс ее формирования. В частности, в компонгах, дворовых общинах, в которых живут рядовые жители яванских городов, сгрудившись в беспорядочно нагроможденных маленьких домах из бамбука, можно найти переходное общество, в котором традиционные формы деревенской жизни постепенно разлагаются и постепенно устанавливаются новые. В этих анклавах пришедших в город крестьян (или сыновей и внуков пришедших в город крестьян) народная культура, по Редфилду, постоянно превращается в городскую культуру, хотя последняя не может быть точно охарактеризована такими построенными на принципах отрицания и остаточности понятиями, как «светская», «индивидуализированная» и «культурно- дезорганизованная». То, что происходит в компонгах, - не столько разрушение традиционного образа жизни, сколько создание совершенно нового; острый социальный конфликт, характерный для этих соседских общин низших классов, - не просто показатель утери культурного единства, но скорее свидетельство поиска

- пока еще не совсем успешного - новых, более универсальных и гибких моделей верований и ценностей.

В Моджокуто, как и в большей части Индонезии, этот поиск имеет место главным образом в социальной среде массовых политических партий, а также в женских клубах, молодежных организациях, профсоюзах и других общественных организациях, формально или неформально связанных с этими политическими партиями. Существует несколько таких партий (хотя недавние (1955) всеобщие выборы резко сократили их число), каждая из которых возглавляется представителями образованной городской элиты - чиновниками, учителями, торговцами, студентами и т.п. - и соперничает с остальными за политическую преданность как полудеревенских, полугородских обитателей компонгов, так и большинства крестьянства. И почти все они без исключения обращаются к той или другой стороне в оппозиции сантри - абанган. Из всего этого набора политических партий и общественных организаций непосредственное отношение к нашей теме имеют только две - Мажуми, крупная происламская политическая партия, и Пермай, решительно настроенное против ислама политико-религиозное объединение.

Мажуми является более или менее прямым преемником довоенного исламскореформистского движения. Возглавляемая, по крайней мере, в Моджокуто, модернистскими интеллектуалами - сантри, эта партия выступает за социально направленную, антисхоластическую и несколько пуританскую версию исламского фундаментализма. В союзе с другими мусульманскими партиями она также поддерживает установление в Индонезии «исламского государства» вместо

современной светской республики. Однако смысл этого идеала полностью не ясен. Противники Мажуми обвиняют ее в том, что она толкает к установлению веронетерпимой теократии средневекового типа, при которой абанганы и немусульмане будут преследоваться, и их будут принуждать пунктуально следовать предписаниям мусульманского права; в то время как лидеры Мажуми заявляют, что ислам по сути своей толерантен и что они хотят только того, чтобы государство открыто опиралось на исламское вероучение и чтобы государственные законы соответствовали заповедям Корана и хадисов. В любом случае Мажуми, крупнейшая мусульманская партия в стране, является одним из главных выразителей - как на общегосударственном, так и на местном уровне - ценностей и чаяний общины сантри. Пермаи не столь заметна на общегосударственном уровне. Хотя это общенациональная партия, она довольно небольшая и обладает реальной силой лишь в нескольких, довольно ограниченных регионах. В районе Моджокуто ей, однако, удалось приобрести некоторое влияние, и то, чего ей не хватало в общегосударственном масштабе, она компенсировала интенсивной деятельностью на местном уровне. В сущности, Пермаи является сплавом марксистских политических концепций с религиозными моделями абанганов. Эта партия соединяет довольно ярко выраженные антизападничество, антикапитализм и антиимпериализм с попыткой формализовать и придать общую форму некоторым из наиболее характерных сюжетов крестьянского религиозного синкретизма.

Собрания Пермаи следуют как образцу сламетана, завершаясь воскурением ладана и символической едой (но без исламских песнопений), так и современной парламентской процедуре; брошюры Пермаи содержат календарные и нумерологические гадательные системы и мистические наставления наряду с анализами классовой борьбы; речи Пермаи затрагивают вопросы разработки как религиозных, так и политических концепций. Но наиболее значительной характеристикой Пермаи является ее строгая антимусульманская направленность. Обвиняя ислам в том, что он является вероучением, принесенным извне, чуждым потребностям и ценностям яванцев, эта организация призывает вернуться к

«чистым» и «первоначальным» яванским верованиям - вероятно, имеется в виду местный синкретизм, из которого исключены исламские элементы. В соответствии с этой линией партия (она же религиозное объединение) выступила инициатором кампании - как на общегосударственном, так и на местном уровне - за светские (т. е. неисламские) брачные и похоронные обряды. В настоящее время ситуация такова: все, кроме христиан и индуистов с Бали, обязаны заключать браки по мусульманскому образцу. Обряд похорон определяется индивидуально, но из-за длительного господства синкретизма он оказался настолько глубоко связанным с исламскими традициями, что подлинно неисламские похороны стали практически невозможны.

Действия Пермаи на местном уровне по внедрению неисламских брачных и похоронных церемоний развиваются в двух направлениях. С одной стороны, оказывается сильное давление на местных чиновников, чтобы они разрешали подобную практику, а с другой - на самих членов партии, чтобы они по собственной воле следовали обрядам, очищенным от исламских элементов. В отношении браков неуспех предприятия был более или менее предопределен, поскольку руки местных чиновников были связаны постановлениями центрального правительства, и даже сильно идеологизированные члены организации не осмелились бы на открыто «незаконный» брак. Без серьезных изменений в законодательстве у Пермаи было мало шансов изменить формы брака, хотя и было предпринято несколько безрезультатных попыток провести гражданские брачные церемонии под покровительством расположенных к абанганам деревенских старост.

Несколько иной была ситуация с похоронами, поскольку затрагивала скорее обычай, чем закон. В тот период, когда я выполнял полевые исследования (1952-1954), напряженность между Пермаи и Мажуми сильно возросла. Отчасти это объяснялось приближением первых всеобщих выборов в Индонезии, отчасти - последствиями холодной войны. Большое значение имели также разного рода случайные обстоятельства, такие как: сообщение о том, что глава партии Пермаи публично назвал Мухаммеда лжепророком; речь, произнесенная в столице соседнего региона лидером Мажуми, в которой он обвинял Пермаи в намерении вырастить в Индонезии целое поколение внебрачных детей, и ожесточенные выборы деревенского старосты, в основе которых лежало противостояние сантриев и абанганов. В результате местный чиновник, обеспокоенный всем этим и оказавшийся в самом центре противостояния, созвал собрание всех должностных лиц, отвечающих в деревнях за религиозные дела, так называемых моудинов. Одной из многих обязанностей модина традиционно является проведение похорон. Он руководит всем обрядом, дает советы участвующим в траурной церемонии о технических деталях погребения, ведет главную партию в пении Корана и произносит традиционную надгробную речь в память о покойном. Чиновник наставлял моудинов - большинство которых были лидерами Мажуми на деревенском уровне, - что в случае смерти члена Пермаи они должны просто записать имя и возраст покойного и вернуться домой; им не следует участвовать в самом ритуале. Он предупреждал, что если они не сделают так, как он советовал, то будут нести ответственность, если начнутся беспорядки, и он не придет им на помощь. Такова была ситуация на 17 июля 1954 г., когда Пайджан, племянник Кармана, активного и ревностного сторонника Пермаи, неожиданно умер в том компонге в Моджокуто, в котором в то время жил и я.

Атмосфера яванских похорон - это не истерическое переживание утраты, не безудержные рыдания и даже не обрядовый плач скорби по умершему. Скорее это тихое, сдержанное, если не сказать вялое, прощание, короткое ритуализованное освобождение от родственных уз, которые невозможно сохранить. Слезы не одобряются и, конечно, не поощряются; усилия направлены на то, чтобы все поскорее закончить, а не продлевать упоение горем. Мелкие хлопоты по устройству похорон, вежливое официальное общение с соседями в строго установленных формах, серия поминальных сламетанов, устраиваемых с некоторыми интервалами на протяжении почти трех лет, - вся эта инерция яванской ритуальной системы рассчитана на то, чтобы человек пережил горе без тяжелого эмоционального расстройства. Говорят, что у того, кто присутствует на похоронах, сами похороны и обряды, устраиваемые после них, вызывают чувство «иклас», своего рода добровольное бесчувствие, отрешенное и неподвижное состояние «безразличия», а у группы соседей - чувство «рукун», «общинной гармонии».

Реальное действие представляет собой, в сущности, еще одну версию сламетана, приспособленного к особым требованиям погребения. Когда сообщение о смерти разнесется по округе, каждый из соседей обязан бросить все, чем он занимался в этот момент, и немедленно идти к дому, где проживают родственники умершего.

Женщины несут чаши с рисом, который готовится для сламетана, мужчины начинают вырезать деревянные надгробные доски и копать могилу. Вскоре приходит модин и начинает руководить всей этой деятельностью. Родственники покойного обмывают его тело специально приготовленной водой (при этом они без содрогания держат тело у себя на коленях, демонстрируя тем самым свою любовь к покойному, а также свое самообладание), затем тело заворачивают в муслин. Приблизительно 12 сантриев под руководством модина поют арабские молитвы над телом в течение 5-10 минут, после чего, совершая различные ритуальные действия, тело несут в

церемониальной процессии на кладбище, где оно предается земле предписанным муслин - тонкая, мягкая ткань.

Модин произносит надгробную речь, обращенную к покойному, напоминая ему о его обязанностях, как правоверного мусульманина, и на этом похороны заканчиваются - обычно через два или три часа после смерти. После похорон в доме покойного устраиваются поминальные сламетаны - на третий, седьмой, сороковой и сотый день после смерти, в первую и вторую годовщины смерти и, наконец, в тысячный день после смерти, когда, как считается, тело окончательно превращается в прах и грань между жизнью и смертью становится абсолютной.

Такова была модель ритуала, которая вступила в действие, когда умер Пайджан. Как только наступил рассвет (смерть произошла на исходе ночи), Карман, дядя покойного, отправил телеграмму в соседний город, родителям мальчика, сообщая им, что их сын болен. Эта уловка должна была смягчить удар, позволяя родителям подготовиться к вести о смерти своего сына. (Яванец считает, что душевная травма происходит не из-за тяжести расстройства, а из-за неожиданности, с которой оно наступает, из-за того, что оно так сильно «поражает» неподготовленного к нему человека. «Шока», а не самого по себе страдания - вот чего следует опасаться.) Вслед за этим, ожидая, что родители мальчика прибудут через несколько часов, Карман послал за моудином, чтобы начать церемонию похорон. Это было сделано из предположения, что к тому времени, как приедут родители, почти все уже будет готово и останется только предать тело земле, и родители будут еще раз избавлены от ненужного стресса. К десяти часам, как к крайнему сроку, все должно было закончиться: случай, конечно, печальный, но ритуал должен был смягчить эту печаль.

Но когда модин, как он мне позже рассказывал, пришел в дом Кармана и увидел там плакат с политической эмблемой Пермаи, он сказал Карману, что не будет выполнять полагающийся обряд. В конце концов, Карман принадлежит к «другой религии», и он, модин, не знает, по какому обряду следует погребать приверженцев этой религии: все, что он знает - это мусульманский обряд. «Я не хочу оскорблять твою религию, - сказал он благочестиво. Наоборот, я самого высокого мнения о ней, ведь исламу не свойственна нетерпимость к другим религиям, но я не знаю ваших обрядов. У христиан есть свои собственные обряды и свой собственный специалист (местный священник). Как поступают с умершими члены Пермаи?

Сжигают ли они тело или поступают как-то иначе? (Это скрытый намек на погребальную практику индуистов: модин, без сомнения, остался весьма доволен собой в этом обмене мнениями.) Карман, как рассказывал мне модин, был весьма расстроен всем этим и, несомненно, удивлен, поскольку хотя он и был активным членом партии Пермаи, но довольно неискушенным. Ему, очевидно, никогда не приходило в голову, что пропаганда его партии, направленная против похорон по мусульманскому обряду, когда-нибудь отзовется какой-то конкретной проблемой, он никогда не мог себе представить, что модин на самом деле откажется выполнять свои обязанности. Карман - совсем не плохой мальчик, сказал, подводя черту, модин, он всего лишь жертва обмана своих лидеров.

Покинув очень разволновавшегося теперь Кармана, модин отправился прямо к тому самому местному чиновнику спросить, правильно ли он поступил. Чиновник был морально обязан сказать, что он действовал правильно, и поддержанный таким образом модин вернулся домой, чтобы найти Кармана и деревенского полицейского, к которому Карман ушел в отчаянии, ожидая модина. Полицейский, личный друг Кармана, сказал модину, что, согласно освященному веками обычаю, модину полагалось похоронить любого с беспристрастием, независимо от того, совпадают ли политические взгляды

модина с убеждениями покойного. Но модин, Яванская Марионетка имея теперь за собой поддержку местного чиновника, настаивал на том, что это теперь уже не его обязанность. Однако, предложил он, если Карман хочет, он может пойти в контору деревенского старосты и подписать официальное заявление, скрепленное государственной печатью, заверенное подписью деревенского старосты в присутствии двух свидетелей, публично провозглашающее, что он, Карман, является правоверным мусульманином и желает, чтобы модин похоронил мальчика по мусульманскому обычаю. От предложения отказаться от своих религиозных убеждений Карман пришел в ярость и стремительно выскочил из дома, демонстрируя тем самым достаточно нехарактерное для яванца поведение.

К тому времени, когда он снова вернулся домой, не зная, что делать дальше, он с испугом обнаружил, что весть о смерти мальчика уже распространилась по округе и что все соседи уже собрались на церемонию.

Подобно большинству компонгов в городе Моджокуто, тот компонг, в котором жил я, состоял как из правоверных сантриев, так и из ревностных абанганов (а также из множества менее пылких приверженцев этих течений с обеих сторон), перемешанных друг с другом в более или менее случайных пропорциях. В городе люди вынуждены жить там, где они имеют на то возможность, и считают своими соседями тех, кто оказался рядом, в отличие от сельских районов, где все соседи, даже целые деревни, все еще состоят почти целиком либо из абанганов, либо из сантриев. Большинство сантриев в моем компонге были членами Мажуми, а большинство абанганов - сторонниками Пермай, и в повседневной жизни социальное взаимодействие между этими группами было минимальным. Абанганы, большинство которых были либо мелкими ремесленниками, либо работниками физического труда, каждый день ближе к вечеру собирались в придорожной кофейне Кармана для неторопливых бесед на закате дня, типичных для жизни небольших городков и деревень на Яве; сантрии - по большей части моряки, торговцы и лавочники - обычно собирались в одной из управляемых сантрием лавочек с той же целью. Но, несмотря на отсутствие тесных социальных связей, демонстрация территориального единства на похоронах все еще воспринималась обеими группами как обязанность, которую невозможно избежать: по сравнению с другими яванскими ритуалами посещение похорон, вероятно, наиболее обязательно. От каждого, кто живет в определенном, приблизительно очерченном радиусе от дома покойного, ждут, что он придет на эту церемонию, и по случаю похорон действительно приходят все.

Если представить себе все это, неудивительно, что, когда я пришел в дом Кармана около восьми часов, я обнаружил две группы сидящих на корточках по разные стороны двора угрюмых людей, группу нервных, шепчущихся друг с другом женщин, сидящих без дела в доме возле еще нераздетого тела покойного, и общую атмосферу неуверенности и тревоги вместо обычной обстановки, когда все спокойно заняты подготовкой к сламетану, обмыванием тела и приемом гостей. Абанганы толпились рядом с домом, где Карман, в согбенном положении, бессмысленно уставился в пространство, а Суджоко и Састро, председатель и секретарь городской организации Пермай (единственные среди присутствующих, кто не был жителями компонга), сидели на стульях, тоже глядя куда-то в пространство. Сантрии сгрудились в узкой тени кокосовой пальмы приблизительно в 30 ярдах от дома, негромко разговаривая друг с другом о всякой всячине, но не касаясь самого главного. Сцена, в которой не происходило почти никакого движения, давала понять, что в семейном спектакле произошел непредвиденный сбой: все это напоминало кинофильм, прерванный посередине.

Примерно через полчаса несколько абанганов начали без особого воодушевления обтесывать куски дерева для надгробия, а несколько женщин стали вязать из цветов небольшие приношения за неимением лучшего занятия, но было ясно, что выполнение ритуала приостановлено, и никто точно не знал, что делать дальше. Напряжение медленно нарастало. Люди нервно наблюдали за тем, как солнце восходит все выше и выше, время от времени бросая взгляд на бесстрастного Кармана. Тут и там стали возникать невнятные разговоры о печальном положении дел («Все в наше время превращается в политическую проблему, - ворча, говорил мне старик приблизительно восьмидесяти лет, придерживающийся традиционных воззрений. - Нельзя даже умереть без того, чтобы это не стало политической проблемой»). Наконец, около половины десятого молодой портной, сантри по имени Абу, решил попытаться каким-то образом разрешить эту ситуацию, пока она не испортилась окончательно: он встал и жестами стал подзывать к себе Кармана - это был первый серьезный поступок за все утро. И Карман, выйдя из состояния созерцательности, пересек то место, где никаких мужчин не было, и подошел к Абу, чтобы поговорить с ним.

Надо заметить, что Абу занимал несколько особое положение в компанге. Хотя он был благочестивым сантри и преданным сторонником Мажуми, ему больше приходилось общаться со сторонниками Пермаи, поскольку его портняжная мастерская располагалась сразу за кофейней Кармана. Хотя Абу, который день и ночь корпел за своей швейной машинкой, не входил в число местных сторонников Пермаи, он нередко обменивался с ними замечаниями прямо со своего рабочего места, которое находилось буквально в двадцати футах от кофейни.

Правда, между ним и приверженцами Пермаи существовала некоторая напряженность по вопросам, относящимся к религии. Однажды, когда я расспрашивал сторонников Пермаи об их эсхатологических представлениях, они с сарказмом отослали меня к Абу, утверждая, что он большой эксперт в этом вопросе, и довольно открыто поддразнивали его по поводу тех исламских представлений о загробной жизни, которые они считали совершенно нелепыми. Тем не менее у Абу была определенная социальная связь с ними, и поэтому, возможно, было весьма естественно, что именно он должен был стать тем человеком, который попытался бы вывести ситуацию из тупика. «Уже почти полдень, - сказал Абу. - Дальше так не может продолжаться». Он предложил послать Умара, еще одного сантри, посмотреть, нельзя ли теперь убедить модина прийти, может быть, он уже несколько остыл. Тем временем он мог бы сам взяться обмыть и обернуть тело покойного. Карман ответил, что подумает над этим предложением, и вернулся на противоположную сторону двора для консультации с двумя лидерами Пермаи. После нескольких минут энергичного жестикулирования и кивания головами Карман вернулся обратно и кратко сказал: «Хорошо, я согласен». «Я знаю, что вы чувствуете, - сказал Абу.

- Я буду делать только то, что абсолютно необходимо, и следовать мусульманскому обычаю настолько, насколько это возможно». Он собрал всех сантриев, и Президент Сукарно вместе вошел в дом.

В первую очередь нужно было снять одежду с тела умершего (который все еще лежал на полу, поскольку никто не мог заставить себя переместить его). Но тело уже отвердело, что делало необходимым разрезать одежду ножом - необычная процедура, которая глубоко взволновала всех, особенно женщин, собравшихся вокруг. Сантриам в конце концов удалось снять одежду и соорудить ограждение для проведения обмывания. Абу пригласил желающих обмыть тело, напомнив, что Бог посчитал бы это благим делом. Однако родственники умершего, которые обычно и занимаются этим, в тот момент были так потрясены и растеряны, что были не в состоянии заставить себя, как это было принято, держать мальчика у себя на коленях. Снова все выжидали, уже не

надеясь, что кто-нибудь возьмет на себя эту обязанность. В конце концов мальчика взял себе на колени Пак Сура, член группировки Кармана, но не его родственник, хотя он был явно испуган и все время шептал заклинание, которое должно было защитить его. Одна из причин, которой яванцы объясняют свой обычай быстрых похорон, та, что опасно оставлять дух умершего бродить вокруг дома.

Когда обмывание уже могло начаться, кто-то из присутствующих задал тем не менее вопрос, а достаточно ли для этого одного человека, ведь по обычаю таких людей должно быть трое? Полной уверенности ни у кого, включая Абу, не было: одни считали, что, хотя обычно таких людей было трое, это количество не является обязательным, другие полагали, что необходимы именно трое. После примерно десятиминутной острой дискуссии двоюродному брату мальчика и одному плотнику, не являющемуся его родственником, удалось набраться мужества, чтобы присоединиться к Пак Суре. Абу, пытаясь выполнить взятую им на себя роль модина как можно лучше, окропил несколькими каплями воды тело, и затем оно было обмыто, не совсем по правилам и в неосвященной воде. Когда обмывание было закончено, процедура, однако, снова приостановилась, поскольку никто точно не знал, как нужно вкладывать маленькие ватные тампоны, которые, согласно мусульманским законам, должны были закрыть все отверстия в теле. Жена Кармана, сестра матери покойного, больше не могла, по-видимому, сохранять выдержку и разразилась громкими и безудержными стенаниями, - свидетелем подобного я был в первый и последний раз, хотя присутствовал, наверное, на дюжине таких похорон. От такого развития событий все расстроились еще больше, и большинство женщин компонга предприняли неистовую, но бесплодную попытку утешить жену Кармана. Большинство мужчин, сохраняя внешнее спокойствие, с ничего не выражающими лицами, остались сидеть во дворе, но скрытая тревога, присутствовавшая с самого начала, стала, как казалось, перерастать в страшное отчаяние. «Женщине не пристало так плакать, - сказали мне несколько мужчин, - это неприлично». Как раз в этот момент и появился модин. Несмотря ни на что, он оставался все еще непреклонным. Абу он сразу предупредил, что своими действиями тот навлек на себя вечное проклятие. «Тебе придется отвечать перед Богом в Судный день, - сказал он, - если ты совершил какие-нибудь огрехи в ритуале. Отвечать за это ты будешь сам. Для мусульманина похороны - серьезное дело, и они должны проводиться в соответствии с Законом тем, кто знает, что это за Закон, а не в соответствии с пожеланиями отдельного человека». Затем он предложил Суджоко и Састро, лидерам Пермаи, взять на себя ответственность за проведение похорон, поскольку как партийные «интеллектуалы» они должны знать, каким похоронным обычаям следуют Пермаи. Даже не поднявшись со своих стульев, Суджоко и Састро некоторое время обсуждали это предложение, в то время как все с надеждой наблюдали за ними, но в конце концов они с некоторым огорчением отказались, сказав, что на самом деле не знают, как взяться за это дело. Модин пожал плечами и отвернулся. Тогда один из присутствующих при этом друзей Кармана предложил сейчас же вынести тело и похоронить его, не обращая внимания на точность соблюдения ритуала: оставлять дальше все так, как есть, было очень опасно. Не знаю, последовали бы или нет столь примечательному предложению, поскольку в этот сложный момент в компонге появились мать и отец умершего ребенка.

Они выглядели вполне спокойными. Они уже догадывались о смерти ребенка, поскольку отец позже рассказывал мне, что он подозревал о чем-то подобном уже тогда, когда получил телеграмму; он и его жена подготовили себя к худшему, и к тому времени, как они прибыли в компонг, более или менее смирились с неизбежным. Когда они приблизились к компонгу и увидели, что там собралась вся округа, они уже знали, что их опасения были вполне обоснованны. Когда жена Кармана, чей плач постепенно

утих, увидела, как мать умершего мальчика входит во двор, она вырвалась из круга тех, кто утешал ее, и с пронзительным криком бросилась обнимать сестру. В какую-то долю секунды обе женщины разразились дикой истерикой, толпа бросилась на них и растащила в стороны, отведя их в дома на противоположных сторонах компонга. Их завывающий плач продолжался с той же силой, общая нервозность возрастала и подводила всех к мысли, что похороны необходимо довести до конца - теперь уже неважно, каким способом, - чтобы душа мальчика кем-нибудь не овладела.

Однако в этот момент мать стала настаивать на том, чтобы увидеть тело своего мальчика, прежде чем его запеленают. Отец мальчика сначала противился этому, сердито повелевая перестать плакать, - разве она не знает, что такое поведение омрачит путь мальчика в мир иной? Но мать стояла на своем, и поэтому ее, с трудом державшуюся на ногах, под руки отвели в дом Кармана, туда, где лежал ее мальчик. Женщины пытались удержать ее подальше от тела, но мать вырвалась из их рук и бросилась целовать тело мальчика в области гениталий. Муж и эти женщины почти сразу оторвали ее от тела, хотя она кричала что еще не закончила, и оттащили ее в заднюю комнату, где она, ошеломленная, утихла. Через некоторое время, когда тело было, наконец, спеленато, а модин, несколько смягчившись, показал, как нужно вставлять ватные тампоны, мать, казалось, полностью потеряла ориентировку и начала ходить вокруг двора, пожимая руки всем подряд, даже абсолютно незнакомым ей людям, бесконечно повторяя одно и то же: «Простите меня за мои грехи, простите меня за мои грехи». Ее снова насильно остановили; люди говорили: «Успокойся, подумай о других своих детях - ты хочешь отправиться в могилу вслед за своим сыном?». Когда тело запеленали, возникло предложение немедленно отнести его на кладбище. В этот самый момент Абу подошел к отцу мальчика, который - он, несомненно, чувствовал это - теперь заменил Кармана в качестве человека, законно отвечающего за эту процедуру. Абу объяснил, что модин, являясь государственным чиновником, не чувствует себя достаточно свободным, чтобы самому подойти к отцу, но модину хотелось бы узнать, каким образом отец предпочитает похоронить мальчика - по мусульманскому обряду или как-то иначе? Отец, несколько смущенный, сказал: «Конечно, по мусульманскому обряду. Не могу сказать, что целиком и полностью принадлежу какой-нибудь вере, но я не христианин, это точно, и если уж дело касается смерти, то похороны должны совершаться по мусульманскому обычаю. И только по мусульманскому». Абу снова разъяснил, что модин не может напрямую подойти к отцу, но что он, Абу, «свободен» и волен поступать так, как ему заблагорассудится. Он сказал отцу, что старался все это время помочь всем чем мог, но при этом заботился о том, чтобы до того, как прибудет отец, не было сделано ничего из того, что следовало сделать по мусульманскому обычаю. Вся эта напряженная атмосфера, извинялся он, это, конечно, очень плохо, столько неприятностей причинили политические разногласия. Но, в конце концов с похоронами все будет обстоять «чисто» и «законно». Это очень важно для души мальчика.

Успокоившись, сантрии начали петь свои молитвы над телом покойного, и оно было отнесено на кладбище и погребено обычным порядком. Модин произнес обычную надгробную речь, с поправками, которые полагаются для детей, и похороны были, наконец, завершены. Никто из родственников или женщин не пошел на кладбище, но когда мы вернулись в дом - было уже далеко за полдень, для сламетана было уже все готово, и дух Пайджана, по-видимому, покинул компонг и начал свое путешествие в мир иной.

Через три дня, вечером, был устроен первый поминальный сламетан, но получилось так, что на нем не было ни одного сантри, и он оказался в той же мере траурной церемонией, в какой политическим и религиозным собранием Пермаи. Карман

начал с выступления в традиционном стиле, объявив на возвышенном яванском о том, что этот сламетан посвящается памяти покойного Пайджана. Однако Суджоко, лидер Пермай, тут же вмешался, сказав: «Нет, нет, это неправильно».

На сламетане, устраиваемом на третий день после смерти, обычно едят и поют длинную мусульманскую молитву в память о покойном, а мы ни в коем случае не собираемся этого делать». И затем он с жаром пустился в длинную, бессвязную речь. Он сказал, что все должны знать философско - религиозные устои страны.

«Представьте себе, что к вам подходит этот американец (он показал на меня, мое присутствие ему совсем не нравилось) и спрашивает вас, что является духовной основой страны. А вы не знаете - разве вам не будет стыдно?» Он продолжал в том же духе, выстраивая целое логическое обоснование для современного национального политического устройства на основе мистической интерпретации «пяти пунктов» президента Сукарно (монотеизм, социальная справедливость, гуманность, демократия и национализм), которые являются официальной идеологической основой молодой республики. С помощью Кармана и некоторых других из присутствующих он разработал теорию соответствия микро- и макрокосма, согласно которой человек - это не что иное, как уменьшенная копия государства, а государство - увеличенное подобие отдельного человека.

Если в государстве должен существовать определенный порядок, то и в человеке должен существовать определенный порядок, одно подразумевает другое. Подобно тому, как в основе государства лежат «пять пунктов» президента, так и в основе человека лежат пять чувств. Процесс гармонизации этих пяти элементов и в том, и в другом случае одинаков, и в знании этого мы должны быть уверены.

Дискуссия продолжалась почти полчаса, охватив широкий круг тем - религиозных, философских и политических (обсуждалась, по-видимому, в связи с моим присутствием, и казнь Розенбергов).

Мы сделали перерыв на кофе, и когда Суджоко был готов начать все сначала, отец Пайджана, который сидел до этого спокойно и без всякого выражения на лице, неожиданно начал говорить, тихо и со странной механистической монотонностью, так, как будто бы убеждал сам себя, но без большой надежды на успех. «Прошу прощения за мой грубый городской выговор, - сказал он, - но мне очень хочется кое-что сказать». Он выразил надежду, что ему не поставят это в вину: еще немного, и они могут возобновить свою дискуссию. «Я все время пытаюсь оставаться «иклас» («отрешенным», «бесстрастным») в связи со смертью Пайджана. Я убежден, что все, что можно было сделать для него, было сделано, и что случилось, то случилось, ничего с этим не поделаешь». Он сказал, что остался пока в Моджокуто, поскольку еще не может смотреть в лицо своим родственникам и соседям, ведь всем им придется рассказать о том, что произошло. Его жена, сказал он, теперь тоже немного больше «иклас». Хотя далось им это с трудом. Он продолжал говорить сам себе, что такова была воля Бога, но все равно все это так тяжело, ведь люди сегодня больше не могут найти общий язык друг с другом, одни говорят одно, другие - другое. Так трудно узнать, кто прав, узнать, чему стоит верить. Он говорил, что высоко ценит всех людей Моджокуто, пришедших на похороны, и просит прощения за то, что все получилось так неудачно. «Сам я не очень религиозен. Я не отношусь ни к Мажуми, ни к Пермай. Я просто хотел, чтобы мальчика похоронили так, как велит традиция. Надеюсь, что ничьи чувства не были задеты». Он снова стал повторять, что старался быть «иклас», убеждать себя, что такова воля Божья, но все-таки это было тяжело, поскольку все так смешалось в эти дни. Так тяжело было понять, почему его мальчик должен был умереть.

Такое публичное выражение чувств в высшей степени необычно для яванцев (в моей практике это уникальный случай), и в традиционном сламетане, где все расписано как по

нотам, для этого просто нет места (так же, как и для философских или политических дискуссий). Все присутствующие были совершенно поражены речью отца мальчика, установилось тягостное молчание. Наконец, Суджоко снова заговорил, но на этот раз он стал подробно описывать обстоятельства смерти. Он стал рассказывать, что мальчика сначала залихорадило и Карман пригласил его, Суджоко, прийти и произнести заклинание Пермаи. Но мальчик не реагировал. В конце концов они отвели его в больницу, к санитару, который сделал ему укол. Но мальчику становилось все хуже. Его рвало кровью, у него начались конвульсии - их Суджоко описал достаточно красочно, - а затем он умер. «Я не знаю, почему не подействовало заклинание Пермаи, - сказал Суджоко, - прежде оно действовало. На этот раз оно не сработало. Не знаю, почему: такие вещи не поддаются объяснению, сколько бы вы над ними ни думали. Иногда это срабатывает, а иногда - нет». Снова установилось молчание, и вскоре, после политической дискуссии, продолжавшейся еще минут десять, мы разошлись. Отец мальчика на следующий день вернулся домой, а меня не пригласили ни на один из последующих сламетанов. Когда четыре месяца спустя я прекратил полевые наблюдения, жена Кармана все еще полностью не отошла от пережитого, напряжение между сантряними и абанганями в компонге возросло, и всех интересовало, что произойдет, когда в следующий раз смерть настигнет какую-нибудь из семей Пермаи.

Анализ «Из всех источников религии, - писал Малиновский, - наибольшее значение имеет величайший и последний кризисный момент в жизни - смерть». Смерть, утверждал он, вызывает у тех, кто продолжает жить, двойственную реакцию любви и отвращения, глубоко противоречивое ощущение привлекательности смерти и страха перед ней, которое угрожает и психологическим, и социальным основам жизни человека. Живых влечет к умершему привязанность к нему, отталкивает - ужасающая трансформация, вызванная смертью. Похоронные обряды и сопровождающие их траурные обычаи фокусируются именно вокруг этого парадоксального желания одновременно укрепить связь с родным человеком перед лицом смерти и немедленно и полностью разорвать эту связь, обеспечив тем самым преобладание воли к жизни над стремлением впасть в безысходное отчаяние. Похоронный ритуал поддерживает преобладание человеческой жизни, препятствуя тому, чтобы продолжающие жить поддались либо побуждению в панике бежать со сцены, либо противоположному побуждению – последовать в могилу вслед за умершим:

«И здесь в эту игру эмоциональных сил, в эту величайшую дилемму жизни и неизбежной смерти вмешивается религия, выбирая позитивное вероучение, ободряющий взгляд на мир, ценную с точки зрения культуры веру в бессмертие, душу, существующую независимо от тела, веру в продолжение жизни после смерти.

В различных связанных со смертью церемониях, в поминовении умерших и общении с ними, в поклонении духам предков религия придает содержание и форму вере в спасение... Точно такую же функцию религия выполняет и по отношению к социальной группе. Церемониал похорон, который привязывает живых к телу умершего и приковывает их к месту смерти, вера в существование души, в ее благотворное влияние или в ее недобрые намерения, обязательность выполнения ряда поминальных церемоний или жертвоприношений - всем этим религия противодействует центробежным силам страха, отчаяния, деморализации и создает самые мощные средства реинтеграции нарушенной групповой солидарности и восстановления морального состояния данной группы. Короче говоря, религия в этом случае обеспечивает победу традиции над естественной негативной реакцией расстроенного инстинкта».

Перед теорией такого рода случай, подобный описанному выше, ставит, несомненно, некоторые трудноразрешимые проблемы. Дело не только в том, что победа

традиции и культуры над «расстроенным инстинктом» оказалась в лучшем случае неполной, - складывалось впечатление, что ритуал скорее раздирал общество на части, чем объединял его, скорее расстраивал людей, чем исцелял их. На это у сторонника функционализма есть готовый ответ, который принимает ту или иную форму в зависимости от того, следует ли он традиции Малиновского или Дюркгейма: мы являемся свидетелями или социальной дезинтеграции, или культурной деморализации. Быстрые социальные изменения подорвали устои яванского общества, и это нашло отражение в дезинтегрированной культуре: так же, как унифицированное состояние традиционного деревенского общества отражалось в унифицированном сламетане, так и трансформировавшееся общество компонга отражается в трансформировавшемся сламетане по случаю того похоронного ритуала, свидетелями которого мы только что были. Или, выражаясь языком сторонников альтернативного подхода, культурный упадок привел к социальной разобщенности, утрата мощной народной традиции ослабила нравственные связи между людьми.

Мне кажется, что в этом утверждении содержатся две ошибки, независимо от того, на языке какого из этих двух подходов оно формулируется: социальный (или культурный) конфликт отождествляется с социальной (или культурной) дезинтеграцией и отрицается самостоятельная роль как культуры, так и социальной организации, ибо одно из этих явлений рассматривается как простой эпифеномен другого.

Во-первых, жизнь компонга - это не просто аномия. Хотя в ней, как и в жизни нашего собственного общества, встречаются серьезные социальные конфликты, тем не менее в большинстве областей она организована достаточно эффективно. Если бы управленческие, экономические, семейные, стратификационные институты и институты социального контроля функционировали так же плохо, как это случилось при похоронах Пайджана, компонг был бы малопривлекательным для жизни местом. Хотя на лицо некоторые типичные симптомы перехода к городской жизни - такие, как возросший интерес к азартным играм, мелкое воровство и проституция, - очевидно, что социальная жизнь компонга не находится на грани коллапса: для повседневного социального взаимодействия не характерны сбой, сопровождающиеся едва сдерживаемой горечью и глубокой неопределенностью, которые мы наблюдали в случае похорон. Для большинства своих членов большую часть времени полугородская соседская община в Моджокуто предлагает жизнеспособный образ жизни, при всех его материальных трудностях и переходном характере; и несмотря на всю сентиментальность, которая щедро расточалась на описание сельской жизни на Яве, все то же самое можно, вероятно, сказать и о яванской деревне. По сути дела, именно вокруг религиозных верований и религиозной практики - сламетанов, праздников, обрядов исцеления, колдовства, культовых сообществ и т. д. - и концентрируется, по-видимому, большинство серьезных деструктивных событий. Религия в данном случае является как бы центром.

Однако религия является источником напряжения отнюдь не потому, что влияние унаследованных моделей верований и ритуалов ослабело. Конфликт в связи со смертью Пайджана произошел просто потому, что все жители компонга на самом деле придерживались общей, в высшей степени объединяющей культурной традиции в отношении похорон. Не было никаких споров о том, является ли модель сламетана правильным ритуалом или нет, должны ли присутствовать на похоронах соседи, обоснованы ли те представления о сверхъестественном, на которых зиждется похоронный ритуал. В компонгах - как для сантриев, так и для абанганов

- сламетан сохраняет свою силу как подлинно священный символ, он все еще обеспечивает ту смысловую систему - для большинства людей единственную, - которая облегчает столкновение со смертью. Секуляризацию, рост скептицизма или потерю

интереса к традиционной «вере в спасение» можно считать причинами неудачи в проведении похоронного ритуала ничуть не более, чем аномию.

Причину этой неудачи, я думаю, мы, скорее, должны искать в разрыве между формой интеграции, существующей в социально-структурном («каузально-функциональном») измерении, и формой интеграции, существующей в культурном («логико-смысловом») измерении, - в разрыве, который ведет не к социальной и культурной дезинтеграции, а к социальному и культурному конфликту. Выражаясь более конкретно, хотя и несколько афористически, вся проблема состоит в том, что в социальном отношении жители компонга являются горожанами, а в культурном - все еще сельскими жителями.

Я уже отмечал, что яванский компонг представляет собой переходный тип общества, что его жители находятся «посредине» между более или менее урбанизированной элитой и более или менее традиционно организованным крестьянством. Социально-структурные формы, в которые они вовлечены, по большей части городские. Появление сильно дифференцированной профессиональной структуры вместо характерной для сельской местности почти исключительной занятости в аграрном секторе, фактическое исчезновение полунаследственного традиционного деревенского самоуправления, служившего в личностном плане буфером между индивидом и рационализированной государственной бюрократией, и его замена более гибкими формами современной парламентской демократии, возникновение общества, состоящего из множества классов, в котором компонг, в отличие от деревни, даже потенциально не является самодостаточной организацией, а всего лишь одним из элементов целого, зависимым от других элементов, - все это означает, что обитатели компонга живут в самом настоящем городском мире. В социальном плане их жизнь - это жизнь в *Gesellschaft*. Но на уровне культуры - на уровне смыслов - между обитателем компонга и деревенским жителем различий гораздо меньше: их намного больше между обитателями. Общество (нем.), в отличие от *Gemeinschaft* («сообщество»); противопоставление, близкое по смыслу к дихотомии «современное общество» - «традиционное общество» жителем компонга и представителем городской элиты.

Стереотипы представлений, выражения чувств и система ценностей, которым предан житель компонга - его картина мира, этос, этика и т. п., - очень мало отличаются от тех, которым следует деревенский житель. В гораздо более сложном социальном окружении житель компонга в значительной степени остается верен тем символам, которые направляли его жизнь или жизнь его родителей в условиях сельского общества. Именно это стало причиной психологической и социальной напряженности во время похорон Пайджана.

Дезорганизация похоронного ритуала стала результатом двойственности смысла этого обряда для тех, кто в нем участвовал. В самом общем виде эта двойственность состоит в том, что символы, которые составляют сламетан, имели как религиозное, так и политическое значение, были наполнены как сакральным, так и профанным смыслом. Люди, которые пришли во двор Кармана, включая самого Кармана, не были уверены, участвовали ли они в сакрализованном обсуждении важнейших проблем человеческого бытия или в светской борьбе за власть. Именно поэтому тот самый старик (а он был смотрителем кладбища) жаловался мне, что смерть теперь превратилась в политическую проблему, именно поэтому деревенский полицейский обвинял модина не в религиозной, а в политической предвзятости, когда тот отказывался хоронить Пайджана, именно поэтому неискушенный Карман был так изумлен, когда его идеологические обязательства стали главным препятствием для отправления религиозных обрядов, именно поэтому Абу буквально разрывался между желанием сгладить политические разногласия ради нормального проведения похорон и

нежеланием, ради собственного спасения, пренебречь своими религиозными убеждениями, именно поэтому поминальный обряд то превращался в политическую диатрибу, то становился мучительным поиском адекватного объяснения того, что случилось, - именно поэтому в итоге религиозная модель сломана дала сбой, когда она попыталась «вмешаться» с «позитивным вероучением» и «ценной с точки зрения культуры верой».

Как подчеркивалось ранее, существующая сегодня жесткость в противостоянии сантриев и абанганов возникла в значительной степени благодаря подъему в Индонезии в XX в. националистических общественных движений. В крупных городах, где родились эти движения, они изначально были нескольких типов: сообщества торговцев для борьбы с конкуренцией китайцев; объединения сельскохозяйственных рабочих для борьбы с эксплуатацией плантаторов; религиозные объединения, пытающиеся переосмыслить традиционные религиозные представления; клубные философские собрания, пытающиеся прояснить индонезийские метафизические и моральные понятия; школьные ассоциации, стремящиеся к возрождению традиционного индонезийского образования; кооперативные сообщества, старающиеся выработать новые формы экономической организации; объединения деятелей культуры, призывающие к возрождению индонезийской художественной жизни, и, конечно, политические партии, работающие над тем, чтобы создать эффективную оппозицию голландскому владычеству. Однако с течением времени борьба за независимость стала забирать все больше и больше сил у всех этих, в сущности, элитарных групп. Как бы различны ни были цели каждой из них - развитие экономики, религиозная реформа, возрождение искусств, - все они растворились во всепоглощающей политической идеологии; они все больше и больше стремились только к одной цели - освобождению страны, как предпосылке дальнейшего социального и культурного прогресса.

Ко времени революции, начавшейся в 1945 г., попытки формулировать новые идеи вне политической сферы практически прекратились, и большинство сторон жизни оказалось сильно идеологизированными - тенденция, которая продолжала развиваться и в послевоенный период.

В деревнях и компонгах небольших городов эта ранняя, специфическая стадия развития национализма проявилась слабо. Но по мере того как движение становилось всеобщим, а его победа - все более возможной, его воздействие на массы тоже начинает расти, и, как я уже отмечал, происходило это главным образом через посредство религиозных символов. Сильно урбанизированная элита привязывает крестьянство к себе не с помощью сложного языка политических и экономических теорий, который был бы плохо понятен в условиях деревни, а с помощью тех представлений и ценностей, которые здесь уже существовали. Главная разграничительная линия среди элиты проходила между теми, кто в качестве общей основы обращения к массам выбирал исламское вероучение, и теми, кто за «fancu» основу брал обобщенную и философски очищенную местную синкретическую традицию, в результате чего в сельской местности сантрии и абанганы вскоре стали не только политическими, но и религиозными категориями, обозначающими последователей этих двух распространенных подходов к организации возникающего независимого государства. Когда достижение политической свободы усилило значение партийной политической деятельности в условиях парламентской системы управления, различие между сантриями и абанганями стало, во всяком случае на местном уровне, одним из главных идеологических стержней, вокруг которых происходит партийная борьба.

Такое развитие событий неизбежно должно было привести к тому, что

политические дебаты и религиозные отправления стали происходить с использованием одного и того же языка. Молитва из Корана становится не только клятвой в верности Богу, но и подтверждением политической принадлежности; воскурение ладана - выражением не только религиозных верований, но и светской идеологии.

Для сламетанов стали характерны острые дискуссии об «истинном» значении различных элементов ритуала, споры о том, является ли тот или иной обычай обязательным или только желательным; появилась неловкость, испытываемая абанганами, когда сантрии поднимают свои взоры к небу для молитвы, а сантриями - когда абанганы произносят охранительное заклинание. В случае смерти, как мы видели, традиционные символы одновременно и объединяют людей перед лицом общественно значимой утраты, и напоминают им об их различиях, подчеркивают общечеловеческие темы бренности земного существования и незаслуженного страдания и одновременно - узкосоциальные темы фракционного противостояния и партийной борьбы, укрепляют ценности, которых придерживаются все участники ритуала, и одновременно «настраивают» их на враждебность и подозрительность друг к другу. Сами ритуалы становятся поводом для политических столкновений; формы религиозного освящения брака и смерти превратились в важные предметы партийной борьбы. В такой двусмысленной культурной обстановке обычному обитателю яванского компонга все труднее определить свое отношение к конкретному событию, выбрать значение данного символа, подходящее для данной социальной ситуации.

Естественным следствием такого проникновения политических смыслов в религиозные стало проникновение религиозных смыслов в политические. Поскольку и в политическом, и в религиозном контексте используются одни и те же символы, людям часто представляется, что политическая борьба включает в себя не просто обычные приливы и отливы парламентских интриг, необходимый фракционный обмен мнениями в демократической системе управления, но и решения, касающиеся основных ценностей и конечных вопросов бытия. Жители компонга, в частности, склонны видеть в открытой борьбе за власть, явным образом институционализированной в новых республиканских формах государственного управления, борьбу за право возвести в ранг официальных теили иные символы по существу религиозных принципов. «Если на выборах победят абанганы, то учителям Корана запретят преподавать»; «Если победят сантрии, всем нам придется молиться по пять раз в день». Обычный конфликт, вызванный предвыборной борьбой за власть, усиливается идеей, что на карту поставлено буквально все, идеей, что «если мы победим, то это будет наша страна», что группа, которая получает власть, имеет право, как сказал один человек, «заложить под здание государства свой собственный фундамент». Политика, таким образом, пронизывается религиозной жесточечностью: в одной из пригородных деревень Моджокуто деревенские выборы пришлось как-то раз проводить дважды - настолько серьезными были возникшие на этой почве противоречия.

Житель компонга оказался, если можно так выразиться, между «горним» и

«дольним». Поскольку свои по существу метафизические идеи, свой ответ на такие основные «вопросы», как судьба, страдание и зло, он принужден формулировать тем же языком, что и свои требования к светской власти, свои политические права и чаяния, он испытывает трудности в проведении как социально и психологически успешных похорон, так и гладко проходящих выборов.

Однако ритуал является не только смысловой моделью, это и форма социального взаимодействия. Поэтому попытка перенести религиозную модель из относительно менее дифференцированной сельской среды в городскую обстановку помимо того, что создает культурную двусмысленность, порождает социальные конфликты - просто

потому, что тип социальной интеграции, демонстрируемый этой моделью, не соответствует основным моделям интеграции в обществе в целом. Способ, которым жители компонга заботятся о сохранении солидарности в повседневной жизни, совершенно отличен от того способа сохранения солидарности, который предлагает им сламетан.

Как подчеркивалось ранее, сламетан является ритуалом, основанным, по существу, на территориальном принципе: он играет главную роль в обеспечении связи между семьями, находящимися в близких отношениях на правах соседства. Одна группа соседей считается значимой социальной единицей (в политическом, экономическом, религиозном отношении) в противоположность другой, одна деревня – в противоположность другой, одна группа деревень - в противоположность другой группе деревень. В городе эта модель в значительной степени изменилась. Значимые социальные группы выделяются на основании множества факторов - не только места жительства, но и классовой принадлежности, политической ориентации, профессии, этнической принадлежности, происхождения из того или иного региона, предпочтений в религиозной сфере, возраста, пола. Новая, городская форма организации заключается в тщательном сохранении равновесия противоборствующих сил, возникающих в различных контекстах: классовые различия смягчаются идеологической близостью, этические конфликты - общими экономическими интересами, политическое противостояние, как мы уже видели, - тесными связями по месту жительства. Однако сламетан, несмотря на наличие всей этой многообразной системы сдержек и противовесов, остается неизменным, как бы не замечая главных линий культурного и социального разграничения в городской жизни. Для сламетана первичной классифицирующей характеристикой индивида остается его место жительства.

Таким образом, когда происходит событие, требующее ритуального оформления - переход в иную стадию жизни, праздник, серьезная болезнь, - религиозная форма, которая должна быть использована в этом случае, действует не на пользу, а в ущерб социальному равновесию. Сламетан игнорирует те недавно изобретенные механизмы социальной изоляции, которые в повседневной жизни удерживают групповые конфликты в определенных рамках, точно так же, как он игнорирует недавно появившиеся модели социальной интеграции противостоящих друг другу групп, которые достаточно эффективно сдерживают напряженные противоречия.

Людей толкают к близости, которой они охотно бы избежали; там, где социальные функции ритуала («мы все вместе - культурно однородное крестьянство») не соответствуют реальному положению дел («мы - несколько различных типов людей, которым приходится жить вместе, несмотря на наши серьезные расхождения в ценностях»), возникают серьезные затруднения, и похороны Пайджана - не что иное, как пример их крайнего проявления. В компоненте устройство сламетана все больше начинает служить его жителям напоминанием о том, что соседские узы, которые они укрепляют с помощью драматической постановки, больше не являются теми узами, которые наиболее прочно удерживают их вместе. Такую роль стали играть идеологические, классовые, профессиональные и политические узы, связи дивергентного характера, которые больше адекватно не суммируются в территориальных, соседских отношениях.

Срыв похорон Пайджана можно в итоге свести к одной единственной причине: несоответствию между культурной системой смыслов и моделированием социального взаимодействия, несоответствию, возникшему вследствие сохранения в городских условиях религиозной символической системы, присущей крестьянской социальной организации. Статический функционализм, как социологического, так и социально-психологического толка, не в состоянии выделить эту разновидность несоответствия,

поскольку ему не удастся различить логико-смысловую и каузально-функциональную интеграции, поскольку ему не удастся понять, что культурная и социальная организации не являются простым отражением друг друга, что они независимы и, будучи независимыми, - изменчивы. Движущие силы социальных перемен могут быть отчетливо сформулированы только более динамической функционалистской теорией, такой, которая примет в расчет тот факт, что потребность человека жить в мире, которому он может придать некоторую значимость и главный смысл которого он мог бы понять, часто расходится с действующей одновременно потребностью сохранить функционирование социального организма. Расплывчатая концепция культуры как «научаемого поведения», статический взгляд на социальную структуру как на сбалансированную модель социального взаимодействия и провозглашаемое или непровозглашаемое допущение, что эти два явления должны быть (за исключением ситуаций «дезорганизации») простыми зеркальными отражениями друг друга, - слишком примитивный концептуальный аппарат для исследования проблем, подобных тем, которые возникли в связи с неудачными, но поучительными похоронами Пайджана.

Источник: Гирц Клиффорд. Ритуал и социальные изменения: яванский пример. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 168-200.

Вопросы для обсуждения:

1. Что означает функционализм? Какая разница между социально-антропологическим и социально-психологическим подходами?
2. Как К. Гирц обосновывает проблему функционального подхода к изучению культуры и общества?
3. Как К. Гирц объясняет понятия «культурный» и «социальный»? В чем новизна его подхода к этим понятиям?
4. Можете ли вы на примере работ автора проанализировать его подход к теме?
5. Опишите ритуал сламетан в г. Моджокуто и его общественное применение.
6. Какие факторы, по определению Гирца, влияют на традиции жителей Центральной Явы? Рассмотрите последствия этих влияний. Обсудите, где проходят границы между обрядами сантри и абанган и развитием модернистских движений на о. Ява. Объясните, как они смешались?
7. Как, по мнению К. Гирца, социальные изменения влияют на образ жизни людей в городах, поселках городского типа и компонгах?
8. Какие традиции легли в основу движений Пермай и Масджуми, и как эти движения были связаны с сельскими жителями?
9. Какие погребальные обряды существуют в г. Моджокуто? Каким образом традиционный ритуал сламетан столкнулся с новыми обычаями, поддерживаемыми Пермай и Масджуми?
10. Как, по К. Гирцу, чиновники понимают проблемы, возникшие в связи с похоронным обрядом в компонге?
11. Чем образ жизни компонга отличается от жизни в городе и деревне? Какое влияние оказывает компонг на традиционные верования своих жителей?
12. Как политические организации преобразуют еще не сложившиеся традиции в установленные обычаи?
13. Каково мнение антрополога К. Гирца по поводу конфликта, возникшего вокруг похоронной процессии в г. Моджокуто?
15. Можете ли вы привести пример из жизни, когда ритуальные традиции терпят

неудачу в достижении цели общества, или показывающий их роль в жизни той или иной социальной прослойки?

Использованные источники

- 1 Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. Glencoe (Ill.), 1947. 2 Malinowski B. Magic, Science and Religion. Boston, 1948.
- 3 Leach E.R. Political Systems of Highland Burma. Cambridge (Mass.), 1954 и Merton R. Social Theory and Social Structure. Glencoe (Ill.), 1949.
- 4 Kluckhohn C. Navaho Witchcraft // Peabody Museum Papers. № 22. Cambridge (Mass.), 1944.
- 5 Redfield R. The Folk Culture of Yucatan. Chicago, 1941. P. 339.
- 6 Fortes M. The Structure of Unilineal Descent Groups // American Anthropologist. Vol. 55, 1953. P. 17-41.
- 7 Leach E.R. Political Systems of Highland Burma... P. 282.
- 8 Parsons T., Shils E. Toward a General Theory of Action. Cambridge (Mass.), 1951 9 Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. Vol. I-III. New York, 1937.
- 10 Parsons T, The Social System. Glencoe (Ill.), 1951. P. 6. 11 Malinowski B, Magic, Science and Religion... P. 29.) 28 12 Malinowski B, Magic, Science and Religion... P. 29.
- 13 См. выше высказывание Малиновского (Malinowski B. Magic, Science and Religion. Boston, 1948. P. 33-35).

Глоссарий понятий и терминов

аномия - социальная нестабильность, дезорганизованность гомогенный - однородный каузальный – причинный макрокосм - 1) мир больших величин (противоп.: микрокосм); 2) вселенная, космос, внешний мир (в противоположность внутреннему, духовному миру человека - в астрологии и средневековой мистике)

микрокосм - 1) мир малых величин- атомов, электронов и т.п. - в отличие от мира больших величин (противоп.: макрокосм); 2) вселенная в малом виде, малый мир (о внутреннем, духовном мире человека - в представлении древнегреческих философов)

марксизм - философское и идеологическое направление, основанное Карлом Марксом в середине XIX века, считается идеологией рабочего класса компонгсельской общины в Индонезии

мифология – 1) совокупность мифов, то есть сказаний о богах и героях, о сверхъестественных существах и чудесных явлениях и событиях; 2) наука, изучающая мифы (их возникновение, содержание, распространение)

нуклеарная семья - семья, состоящая из отца, матери и детей

редуцирование - упрощение, сведение к простому, более доступному для анализа; уменьшение, ослабление чего-либо

реверберирующий - неоднократно отражающий

секуляризация - (от лат. saecularis - мирской), процесс снижения роли религии в жизни общества; переход от общества, регулируемого преимущественно религиозной традицией, к светской модели общественного устройства на основе рациональных (нерелигиозных) норм.

синкретизм - (от греч. synkretismos -соединение), сочетание или слияние несовместимых и несопоставимых образов мышления и взглядов. Обозначает согласованность и единство (синкретический)

стратификация - разделение, расчленение чего-либо на слои, на страты и источник напряжения, а не просто отражение напряжения в обществе

теократия - (букв. - боговластие), 1) форма правления, при которой глава

государства (обычно монархического) является одновременно его религиозным главой;
2) теократия часто понимается и в прямом смысле, как власть Бога в государстве

фундаментализм - (от лат. fundamentum - основание), религиозное общественное идеологическое или политическое движение, провозглашающее приверженность исходным идеям, принципам, идеалам определенных учений или доктрин, выдвигающее требования преодоления появившихся в ходе их развития извращений, уклонов, ересей и «возвращения к истокам», возрождению ритуалов и обычаев

Фрезер Джеймс - (1854-1941), британский антрополог, который исследовал важность магии, религии и науки в развитии человеческого мышления

Тайлор Эдвард - (1832-1917), британский антрополог. Считается основателем культурной антропологии гомеостаз - относительное динамичное постоянство состава и свойств внутренней среды и устойчивость основных физиологических функций организма

Редфилд Роберт (1897-1958)- американский антрополог, один из пионеров этнологии, в своих трудах сосредоточился на процессах культурных и социальных изменений, характеризующих взаимоотношения между сельскими и городскими сообществами

Юкатан (Yucatan) - полуостров в Центральной Америке, отделяющий Мексиканский залив от Карибского моря. Северную часть полуострова занимают мексиканские штаты Юкатан, Кампеше и Кинтана-Роо. Юг полуострова относится к государствам Гватемала и Белиз.

функционалистская теория - это психологический подход, сложившийся в конце XIX - начале XX в., согласно которому в психике можно выделить отдельные психические функции, представляющие собой относительно самостоятельные элементы случайностью,

эпифеномен – (от греч. ері - при, после, возле и phainomenon - являющееся), придаток к феномену; побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния; термин, применяемый для истолкования сознания как совершенно пассивного, а потому не играющего никакой существенной роли

этос - термин античной философии, обозначающий характер какого-либо явления или лица диатриба (от греч. diatribe - беседа) - 1) рассуждение на моральные темы; 2) гневная обвинительная устная или письменная речь.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО ЭТНОСА

1. Степняки – вольные и свободолюбивые люди, народ долгожителей

Степняки – свободные люди. Насельники страны Великой Степи превыше всего ценили личную свободу и независимость. Огромные степные просторы с сочными пастбищами и плодородными пахотными угодьями позволяли им иметь большое количество скота и заниматься земледелием, ремеслами, охотой и рыболовством, велась торговля с соседними народами и государствами.

В этой связи еще в IV веке до нашей эры персидский царь Дарий, спасшийся от гибели в степях современного Казахстана, был вынужден откровенно признать свободолюбие саков - непосредственных предков современных казахов: «Они (саки - автор) любят свободу больше, чем золото и пурпурные ткани. Их нельзя подкупить, как вавилонских купцов или египетских жрецов. Их нельзя запугать, ибо всегда они могут укрыться от врага в бесконечных просторах своей страны и всюду найти пастбища для своих стад и новые пахотные земли и всегда вернуться на старые места и отомстить тому, кто занял их. Мы чуть было не погибли в этой проклятой стране. Лучше никогда не встречаться во второй раз с храбрым свободолюбивым скифским (сакским) народом». И так продолжалось из века в век, из тысячелетия в тысячелетие... До введения российских имперских институтов управления, строительства линий военных крепостей и массового переселения казаков и крестьян в край, казахи жили весьма богато и свободно. Власть ханов и султанов была номинальной. Чрезмерное богатство и состоятельность степняков давало им повод держаться независимо и свободно. Межличностные и межгрупповые отношения строго регулировались адатом (установленным обычаем - автор), а конфликты и преступления - традиционным судом биев. Налоги были запредельно низки и символичны, а то и попросту отсутствовали. От иноземных врагов спасались быстрой организацией всеобщего ополчения или молниеносной откочевкой в более безопасные места и причем – вместе со скотом и юртами (жилищами - автор).

Абсолютное большинство жителей степи составляли лично свободные рядовые кочевники, которые относились к кара сүйек («черная кость», т.е. простые люди - автор), их называли бұқара. Они могли в неограниченном количестве держать скот, заниматься земледелием и другими промыслами, и ремеслами. Никто не имел права ограничивать их свободу. В военное время они составляли основную часть конного ополчения.

Казахи никогда не могли быть рабами друг у друга. Это очень важное качество, которое сыграло свою решающую роль при формировании национального характера и ментальных особенностей народа. И эту привольную жизнь они охраняли и ею всегда дорожили.

Русский офицер С. Броневский писал, что «козак (казах - автор), знаменует человека свободного, чуждаго всякого подчинения, и волю свою ставящего Выше всех обстоятельств, презирающего своих солтанов (потомков Чингисхана - автор) и беев (судей - автор), если это не согласуется с его выгодами и внутренними побуждениями». Состоятельный, материально обеспеченный и всегда вооруженный степняк дорожил своей личной свободой.

В традиционном казахском обществе была социальная дифференциация (разделение), набиравшая сильные обороты к рубежу XIX – XX веков. Коренные жители степи не могли иметь у себя в качестве рабов своих соплеменников: они сразу же

«усыновлялись» и пристыковывались к своим шежире. Об этом прекрасно поведал один из известных и талантливых семипалатинских краеведов Н. Коншин:

«Антагонизм между ними сглаживался крепкими родовыми узами, в силу которых обедневший казах находил поддержку со стороны своих богатых сородичей...По обычному праву сами казахи быть рабами у своих единоплеменников не могли!» Из-за боязни потерять свою личную свободу они презирали оседлый и земледельческий образ жизни: в таком случае, по их мнению, появлялась угроза их подчинения, чего они никак не могли себе позволить. В книге «Путешествие из Оренбурга в Бухару» исследователь XIX века Е. Мейндорф отметил: «Легко понять, почему зажиточные казахи никогда не бывают земледельцами. Ведь их древнее предание гласит: «Казахи потеряют свою свободу с того времени, как поселятся в домах и предадутся земледелию». Это предание подкрепляется примером башкир, судьба которых пугает их».

В период нахождения Казахстана в составе Российской империи не было степняков, пожелавших добровольно перейти полностью к земледелию. Массовый и вынужденный их переход к земледелию начался на рубеже XIX – XX веков, что было попыткой отстоять свои земли от земельной экспансии крестьян-переселенцев из европейской части России. Также не было тех, кто хотел принять другое сословие (крестьянское, мещанское, казачье, купеческое и т.д.) и православную веру. Скорее всего, это было исключением, нежели правилом. Объяснение очень простое: они ни в коем случае не желали потерять свою «дикую и необузданную свободу», платить оброк и служить десятилетиями в армии крепостнической России, к тому же и потеряв веру своих предков.

К примеру, до самого начала XX века казахи Омского уезда Акмолинской области, наиболее близко расположенные к Омску, Тобольской и Томской губерниям, иртышским и новоишимским казакам, в абсолютном большинстве занимались полукочевым скотоводством и только лишь около 3% были заняты земледелием. Более того, до 40 – 50-х годов XIX века среди омских казахов бытовало и чисто кочевое скотоводство. Об этом свидетельствуют и материалы, собранные в начале XX века статистической экспедицией под руководством Ф. Щербины на территории изучаемого нами уезда: «старики помнят, что еще лет 60 назад жили и зиму, и лето в юртах, не делая запасов сена, почти не держали рогатый скот и совершали кочевки не только летом, но и во время зимы переменили стоянки». Мы никогда не должны забывать, что нынешние казахи и их предки более и лучше всего ценили свободу и независимость. Сохранить их и передать грядущим поколениям – задача нынешнего поколения.

Казахи еще в XVIII столетии были народом – долгожителем. В настоящее время средняя продолжительность жизни казахстанцев достигла 72,5 года. Это ли возрастной предел для граждан нашей страны? А какова была ситуация раньше, скажем, два и более веков тому назад? Есть ли у нас неиспользованные резервы и возможности попасть в «ТОП-5» самых здоровых наций мира, имеющих приличную традицию долголетия?

В этом плане издревле казахи однозначно были народом долгожителем и традиционно вели здоровый образ жизни. 70 лет считался для наших предков возрастом относительно крепкого, здорового человека, ведущего еще активный образ жизни. По данным известного деятеля алашского движения Кошке Кеменгерова «прежде старики, скорбя по умершему возраст которого составлял 70 лет, причитали «күлыным» («жеребеночек мой», в смысле: «мой младший брат» - автор). В наше время обращение «күлыным» адресовано обычно детям, лицам относительно молодым, что свидетельствует о том, что степняки в условиях еще пика традиционного общества, жили долго, причем отличаясь крепким и отменным здоровьем. От крепких и здоровых мужчин пожилого возраста нередко рождались дети, которых они нарекали

«Алпысбаем», «Жетпісбаем», «Сексенбаем», «Тоқсанбаем», «Жузбаем», то есть родившимся, когда их отцам было соответственно - 60, 70, 80, 90 и 100 лет.

Свидетельства российских и европейских ученых и путешественников. Попробуем привести свидетельства очевидцев той эпохи. Так, по словам известного российского исследователя XVIII века И.Г. Андреева «многие между ими (казахами - авт.) в самой глубочайшей старости доживают до 100 лет и более; не утратя не токмо зрения, ни памяти, но ниже зубов, и свободно могут ездить верхом без всяких припадков». А. Паллас также фиксировал это феноменальное и удивительное явление: «Киргизцы часто доживают до великой старости, да и престарелые бывают бодры и здоровы». В начале XIX века Г. Спасский в работе «Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды» все еще фиксирует бытование этой уникальной традиции: «Многие из них (казахов - автор) до ста и более лет сохраняют крепость тела, твердую память, хорошее зрение и свободно еще ездят на верховых лошадях».

Причины долголетия и отменного здоровья. Крепкое здоровье и долголетие жителей страны Великой Степи объяснялось рядом факторов и обстоятельств.

Во-первых, степняки большое количество времени пребывали на свежем воздухе, при этом часто меняя свое местожительство. Поэтому, к примеру, они практически не знали, что такое туберкулез или инфекционные заболевания. Об этом писал Георги: «При беспечной и простой жизни в чистом воздухе открытых своих степей, редко претерпевают они болезни и многие бывают и на старости еще крепки».

Во-вторых, они питались экологически чистыми и натуральными продуктами питания, преимущественно мясо-молочного состава. Так, излюбленным напитком был целебный кумыс, полезные свойства которого уже доказаны: он оказывает самое благоприятное воздействие на здоровье и долголетие человека. Скотоводы потребляли этот напиток на протяжении нескольких тысячелетий, о чем, к примеру, поведал еще в эпоху древности «отец истории» знаменитый грек Геродот: «Скифы (*саки-авт.*) ослепляют своих невольников, заставляя и сбивать молоко».

В третьей четверти XIII века весь мамлюкский мир потреблял кумыс по указанию его правителя султана Бейбарса, выходца из наших степей. Кстати, пил кумыс и знаменитый русский князь Александр Невский (XIII век - автор), которого из-за этого пристрастия его земляки обвинили чуть ли не в вероотступничестве. Ибн Рузбихан, в 1509 году побывавший в казахской степи, также восторженно отзывался о лечебных свойствах кумыса, пользу которого окружающий мир до сих пор и до конца все же не осознал: «Из лошади молока они (казахи - автор) делают дуг, а по-тюркски – кимиз (кумыс, напиток из кобыльего молока - автор). Он является самым лучшим из напитков. И на самом деле, он является очень полезным и приятным напитком. Кумыс подобен ароматному напитку из райской реки. От течения капель его в горле успокаивается грудь. Если его будет пить человек, страдающий болезнью полноты, то он так заставит работать пищеварительные органы, что в царстве тела своего забросит беспокойство голода. Все болезни человека, который приучит свое тело вкушать его, получит от него исцеление. В теле кумыс - и пища, и заменитель лекарств».

О великолепных и целебных качествах кумыса пишет и знаток степи россиянин Д. Самоквасов: «Замечательная быстрота, с какою отошавший и изнуренный кочевник вновь приобретает силу и здоровый и румяный вид, обратила на себя внимание путешественников и навела на мысль употреблять кумыс, как средство против изнурительных болезней. Наблюдения показали, что это изумительно быстрое, - обыкновенно в несколько недель, - восстановление здоровья и цветущего вида кочевников, главным образом происходит от прибавки большого количества бродящего кобыльего молока к скромным и скудным зимним харчам».

Это же подтверждает и российский исследователь нового времени Б.Юзефович в своей работе «О быте киргизов Тургайской области»: «Санитарное состояние киргизского народа весьма удовлетворительно, обильное употребление многими из них кумысу, очевидно, немало способствует тому». О целебных свойствах кумыса знали и высокопоставленные российские чиновники. К примеру, в середине XIX века каждое лето рядом с казахским аулом на территории Кулундинской степи с семьей проводил свой отпуск томский губернатор Супрунюк, занимаясь «кумысолечением». В то время в каждом городе Казахстана было множество «кумысен» (заведения, в которых реализовывали кумис - автор), услугами которых пользовались горожане всех национальностей и вероисповеданий. Во времена Российской империи и СССР имелись санатории, где целенаправленно лечили больных туберкулезом именно кумысом. По результатам научных изысканий именно кобылье молоко хранит в себе секрет долголетия ввиду того, что в ней отсутствуют трансжирные кислоты.

В-третьих, жители степи были как бы связаны воедино с лошадьёю. Регулярное и длительное нахождение на верховой лошади способствовало укреплению их физического здоровья. Бесплодных мужчин и больных простатой предстательной железы в степи практически не было, также как и редки были случаи заболеваний геморроем, которыми страдает значительная часть современного общества.

В-четвертых, скотоводы практически не употребляли виноводочные напитки, которые заметно подрывали здоровье оседлых жителей. Так, В. Радлов в это связи замечает: «Такое зло, как пьянство, киргизам совершенно несвойственно». Его же слова подтверждает и другой исследователь края Г. Грум–Гржимайло: «Спиртных напитков, даже из прокисшего молока, совершенно не употребляют». Не получило распространения среди них и употребление обычного табака. В этой связи видный советский ученый Н.Малицкий в работе «Этнографическое обозрение» открыто пишет о полном отсутствии табакокурения у коренных насельников Казахстана: «Курение у казахов было не в обычае».

В-пятых, несмотря на отсутствие дипломированных врачей, кочевники имели много народных целителей, искусство которых передавалось из поколения в поколение. Сегодня искусство таких врачевателей хорошо сохранилось в местах компактного проживания наших соотечественников в Китае.

В-шестых, абсолютное большинство жителей степи ради забавы занималось охотой, жило в мире спортивных игр и состязаний, что также способствовало увеличению продолжительности их жизни и ведению здорового образа жизни.

В-седьмых, в традиционном казахском обществе были весьма редки случаи самоубийства и убийство людей вообще. Вот как объясняет причины долголетия и состояние их здоровья в пожилом возрасте упомянутый уже нами русский генерал С. Броневский: «Единообразная жизнь и пища, нахождение всегда на свежем и открытом воздухе, много предохраняет киргизцев от болезней; они доживают до глубокой старости; много встречается 100-летних, а 70-летние переносят все труды наравне с молодыми и отнюдь не кажутся дряхлыми. Зрение их иногда преждевременно повреждается от дыма; против чего употребляется род очков, сплетенных из черных конских волос; зубы в невредимости сохраняются до кончины; от простуды же мало страдают».

Казахи – физически крепкий и здоровый народ. Немецкий исследователь Ф. фон Шварц отмечал отменное здоровье казахов: «Киргизы (казахи - автор) обладают среди всех народов Центральной Азии очень хорошим здоровьем, так, что сложилась поговорка «Здоров как киргиз». Русский путешественник XIX века Назаров Ф. также фиксировал физическую крепость степняков: «Кочующие в сих степях киргизы по большей частью среднего роста, смуглы, постоянный климат делает их здоровыми».

Живучи целый век на воздухе и ведя кочующую жизнь, они способны переносить жар и холод». Российский исследователь немецкого происхождения В. Радлов в своем труде «Тюркские степные кочевники» также фиксировал это явление: «Больных и хилых среди киргизов мало, и вообще благодаря здоровой пище и жизни на свежем воздухе у них, по-видимому встретишься с немногими болезнями... Многие киргизы доживают до старости. Говорят, что не редкость и столетние старики. Изю всех чувств у киргизов особенно развито зрение, да это и неудивительно. Киргиз живет обычно в широкой пустой степи и поэтому смолоду привыкает вглядываться в даль».

В первой половине XX века советский исследователь Н. Малицкий, опираясь на научные изыскания, подчеркивает: «Закаленные суровыми климатическими условиями своей родины, казахи отличались, в общем, крепким здоровьем и сравнительной плодовитостью, благодаря этому они распространяются в разные стороны, напирая на своих менее устойчивых соседей. Казахи обладают крепким телосложением. Стан стройный. Грудь хороша развита, плечи широкие, затылок и шея крепкие, мускульная сила значительная. Пищеварение казахов могучее. Температура тела несколько выше средней, наблюдаемой у европейцев. Замечательная жизненность организма казахов проявлялась при ранениях: раны иногда заживали без лихорадки и без потери аппетита. Отмечается выносливость казахов к холоду и к физической боли».

Пословицы и поговорки о здоровье и долголетию. Казахское население ценило крепкое здоровье и человеческое долголетие. Это хорошо отразилось и прекрасно было запечатлено в многочисленных пословицах и поговорках: «Денсаулық – зор байлық» («Здоровье – огромное богатство»), «Ауру атанды да шөктірер» («Болезнь и верблюда с ног свалит»), «Ауру кірді – әлек келді» («Болезнь пришла – начались мытарства»), «Ауру батпандап кіріп, мысқылдап шығады» («Болезнь входит сразу, выходит – медленно»), «Ауруын жасырған – өледі» («Кто болезнь свою скроет, тот обязательно умрет»), «Тәні саудың – жаны сау» («В здоровом теле – здоровый дух»), «Балықтың жаны – суда» («Рыбе без воды нет жизни»), «Емнің алды – еңбек» («Труд – главное лекарство от всех болезней»), «Ауру желмен кіріп, тер мен шығады» («Болезнь – от сквозняка, лечение – в потении»), «Азған денеге ауру үйір» («Истощенный организм – пристанище для всех болезней»), «Басы аманның, малы түгел» («Была бы голова цела, а добро наживется»), «Көзің аурса қолыңды тый, ішің аурса тамағыңды тый» («Глаза болят – рукам воли не давай, живот болит – умерь свой аппетит»).

Народные целители. Одной из причин долголетия кочевников и сохранения ими своего здоровья до преклонных лет объяснялось и наличием умелых лекарей. Искусство врачевания передавалось из поколения в поколение. Знахарей называли «тауып», людей лечащих лекарственными травами называли даригер, хирургов – оташы, костоправов-сыныкшы. Среди местных лекарей встречались и выпускники медресе Бухары, Самарканда. Последним были известны медицинские трактаты Ибн Сины. Они широко применяли лекарственные препараты и даже ядовитые вещества (хинин, камфору, скипидар, медный купорос, ртуть, сулему и опий-авт.).

Среди лекарственных трав широко применялись различные виды полыни (жусан), девясил (кара айдыз), ревень (саумалдык), можжевельник (арша), золотой корень (кияк оты), гвоздика (калампыр), ивовая кора (тал кабыгы), плоды боярышника (долана), черная белена (мендуана), корни шиповника (итмурун тубири), солодовый корень (мия тубири) и другие.

К примеру, по данным исследователей на рубеже XIX – XX веков в одном только Туркестанском крае казахским лекарям были известны секреты 227 лекарственных средств растительного происхождения. В современном Китае казахским лекарям известны лечебные секреты почти 800 видов растений. Во врачебной практике имело

место использование ими и лекарственных средств животного происхождения: медвежья и лебединая желчь, барсучий, сурковый, гусиный, бараний и конский жиры. К примеру, простуду быстро «изгоняли» употреблением кипяченого молока с добавлением свежего бараньего жира.

Казахские лекари прекрасно были осведомлены и об анатомии человека. Они могли определить диагноз болезни и выбор траектории лечения по одному только пульсу человека. В полупустынных и пустынных районах больных лечили песочными ваннами. Больным в зимнее время рекомендовали теплые водяные ванны с добавлением соли и различных трав. Ряд болезней казахские лекари лечили, обмотав пациента шкурой только что зарезанного барана, козы, бычка или жеребенка. Местные врачеватели издавна знали целебные свойства соленых озер и минеральных источников. Подобные лечения помогали лечить человека от многих суставных, наружных и внутренних болезней.

При головных болезнях, связанных с артериальным давлением, нередко использовали метод лечения, связанный с кровопусканием. Казахские знахари лечили и пиявками. Для дезинфекции и остановки крови на раны насыпали свежую золу или прикладывали обожженный кусок кошмы. Народные целители могли делать операции по кесаревому сечению. Костоправы могли вправить практически любые вывихи и переломы конечностей, ключицы и даже бедра. Степняки издревле лечились на соленых и грязевых озерах. К сожалению, в годы советской власти народные лекари подверглись незаконным притеснениям и даже политическим репрессиям. Выжили единицы, особенно те, кому удалось уйти и спастись в зарубежье. Примеры долгожителей и крепких людей. Яркими примерами долгожительства являются такие известные и оставившие о себе добрую память личности как Анет баба, Казыбек би, Толе би, Бухар жырау, Жамбыл Жабаев и многие другие, прожившие почти 100 и более лет. По данным Кошке Кеменгерова, сын великого Абылая Уали хан прожил 105 лет и умер в 1821 году.

Известная современная отечественная исследовательница И. Ерофеева пишет:

«Бопай (жена хана Младшего жуза Абулхаира-авт.) значительно пережила убитого ханом Бараком супруга и умерла, прожив более 100 лет». Кстати, традиционное долголетие и здоровый образ жизни позволяли казахам заключать браки в относительно зрелом возрасте и даже иметь детей. К примеру, знаменитый балуан (борец - автор) Кажымукан Мунайтпасулы в очередной раз женился почти в возрасте 75 лет, связав себя узами брака с 32-летней Бибижан Буркиткызы. Через два года от их совместного брака родился сын Жанабил. Крепкое здоровье и долголетие позволяло жителям степи иметь и несколько жен. Балуан Кажымукан имел 5 жен.

Шансы и возможности возрождения традиций долголетия. 5 сентября 2012 года, выступая в «Назарбаев университете», Глава государства Н.А. Назарбаев обратился к нашим студентам, молодежи со следующими словами: «В XXI веке казахстанцы должны стать нацией Долгожителей. Зачастую здоровье ассоциируется только с медициной. Но его формировать прежде всего самому человеку. Призываю отказаться от вредных привычек, заниматься спортом и вести здоровый образ жизни». По данным современных ученых, в мире существует пять «голубых зон долголетия»: острова Окинава, Икария и Сардиния, полуостров Никоя в Коста-Рике и городок Лома-Линда в США, где люди живут от 90 до 100 лет. Учитывая наши традиции, есть прекрасная возможность всю территорию Казахстана превратить в одну из таких зон и на десятилетия увеличить продолжительность жизни наших людей. Каждый гражданин страны должен внести свой посильный вклад в дело улучшения здоровья нации на постоянной и системной основах, правильно питаясь и больше потребляя кумыс, ведя активный и подвижный образ жизни, отказавшись от многих вредных привычек.

Вопросы к теме:

1. Что имел в виду Дарий, думая: «Они любят свободу больше, чем золото и пурпурные ткани. Их нельзя подкупить, как вавилонских купцов или египетских жрецов»?
2. Какова социальная иерархия традиционного казахского общества?
3. Охарактеризуйте кочевую цивилизацию.
4. Приведите аргументы о причинах отсутствия рабов в казахском обществе.
5. Какие факторы и обстоятельства влияли на здоровье и долголетие жителей страны Великой Степи?
6. Дайте сравнительную характеристику мыслей исследователей из разных стран о здоровье и долголетию казахов.
7. Какими методами и средствами лечили людей народные лекари и целители?
8. Приведите примеры традиционного долгожительства среди представителей казахского народа.

2. Знание казахами своего шежира (родословной)

Казахи – народ, знающий семерых предков (жеты ата). Кочевая и полукочевая жизнь древних обитателей степи на протяжении тысячелетий предопределила появление этого уникальнейшего явления. Казахи сыновей называют – «бала» или «ұл», внука – «немере», правнука – «шебере», праправнука – «шепшек», прапраправнука – «немене», далее – «туажат».

Глава государства Н.А. Назарбаев, подчеркивая важность и необходимость знания степняками своей генеалогии, пишет так: «Генеалогия для казахов в степи была, как компас для моряка в море».

Рис. Застолье членов рода.

О том, что любой казах должен знать своих предков, свидетельствуют и бытующие до сих пор поговорки, и пословицы: «Жеті атасын білмеген-жетімдіктің белгісі («Незнание семерых своих предков – признак того, что ты сирота»), «Жеті атасын білген – жеті жұрттың қамын жер, жеті атасын білмеген – құлағы мен жағын жер» («Тот, кто знает семерых своих предков, может быть защитником народа, тот который не знает – этого не сможет сделать»). Эта добрая и полезная традиция поддерживалась тем, что мы и наши предки строго вели

свое семейно – родовое шежире. Это слово имеет тюрко-монгольское происхождение. У монголов слово «*цэжсере*» означает «память» и такой же перевод имеет схожее тюркское слово «*седжере*».

Если ходжи и султаны преимущественно имели письменную традицию ведения шежире, то у остальных жителей страны Великой Степи существовала повсеместная изустная форма передачи этой важной и нужной информации. Об этом четко написал еще в XIX веке Л. Мейер: «Ничего нет легче, как составить родословную киргизского (казахского) народа или даже несколько их, - стоит только расспросить несколько киргизов и записать их предания». Исследователь этой же эпохи венгр Вамбери писал, что если встречаются два казаха, то одним из первых и обязательных вопросов является вопрос о своем происхождении, о знании ими, как минимум, семерых своих предков.

До сих пор в Казахстане, особенно в сельской местности, седобородые аксакалы имеют привычку спрашивать у детей и подростков имена его близких и дальних предков по мужской линии. Не потому ли рождение сыновей считалось счастьем, ниспосланным с небес!? Известный советский и российский ученый, автор теории этногенеза Л.Н. Гумилев был когда-то поражен ответом на его вопрос, адресованный известному казахскому архитектору Шоте Уалиханову: «Правда ли, что все казахи знают своих предков до седьмого колена?», когда тот быстро отпарировал: «Я знаю свой род до тридцатого колена». И по его просьбе перечислил их всех, чем привел в изумление великого русского историка и географа.

Причины знания казахами своей родословной. В казахском традиционном обществе было весьма востребовано знание своей и чужой родословной по нескольким причинам и обстоятельствам.

Во-первых, оно помогало степным правителям умело управлять своими и четко взаимодействовать с другими кочевыми общинами, зная их точное местонахождение, передвижение, историю формирования, выдающихся их представителей. Как видим, «географию», «историю» и «краеведение» своей родины степняки осваивали через изучение степной генеалогии, которую они превосходно знали.

Во-вторых, шежире выполняло у степняков функцию исторической памяти. Каждый кочевник прошлое своего народа понимал, как развернутую историю генеалогии своей семьи, рода, племени, жуза. Казах начинал отчет времени от себя и завершал дальним своим предком, к которому восходили все роды, племена и жузы. Все события как бы вращались вокруг жизни и деятельности его непосредственных предков, когда сведения о них сопровождались подробной информацией, касающейся не только политических событий, но и социальной жизни, хозяйственного уклада и мельчайших бытовых сцен. Черпая из шежире данные о своих легендарных предках, степняки воспитывали подрастающую молодежь на их положительных примерах и передавали им ценные исторические знания. Внимательно изучая шежире, юноша обязательно находил среди своих предков и батыра, и бия (старейшина, степной судья), и шешена (острослова), и акына (поэта), и балуана (борца), и мергена (стрелка- охотника). И он старался непременно быть похожим на них, не посрамив себя перед современниками и перед благородной памятью своих дальних предков. Знание своей генеалогии сдерживало их от неблагоприятных поступков.

Каждый казахский аул представлял из себя небольшую коммуну кровных родственников, где роли были строго и четко распределены: один – старейшина, другой – би, третий – балуан, четвертый – акын, пятый – охотник, шестой – наездник, седьмой – зергер (*золотых дел мастер - автор*), восьмой – мулла. На общеплеменных, общежузовых или общенародных празднествах они обязательно соревновались друг с другом в поэзии, ораторском искусстве, в знании шежире, в казахской борьбе,

изготовлении ювелирных украшений и т.д. Каждый из них старался быть лучшим в своем деле или сфере.

В-третьих, шежире выполняло и функцию важного социального регулятора. К примеру, знание родословного древа помогало им эффективно и равномерно распределять пастбищные угодья, правильно рассаживать гостей во время трапезы, курултаев, асов (*тризны*), свадеб, устанавливать порядок построения народного ополчения и т.д.

В-четвертых, эта традиция способствовала консолидации казахского этноса, в том числе и в период внешней угрозы, когда всегда можно было обратиться и заручиться военной и иной помощью и поддержкой своих близких и дальних родственников, имена и месторасположения кочевков которых они знали самым превосходным образом, и с которыми они поддерживали постоянную «родственную» связь, несмотря на то, что они проживали за тысячу и более километров. Поэтому номады старались брать жен не ближе 8 колена, в противном случае они могли потерять родовой монолит. По этому поводу хорошо и ясно написал Н. Изразцов, исследуя обычное право казахов Семиреченской области: «Есть еще причина, вследствие которой киргизы избегают брать в жены родственниц. Причина это - некоторое обессилие рода и распадение родового союза».

В-пятых, шежире выполняло и функцию регулирования семейно-брачных отношений. Издревле в степи существовал категорический запрет вступать в брак ближе седьмого колена. По заметкам степняков, близкородственные браки оказывались зачастую бесплодными. Вот как об этом пишет, тот же Н. Изразцов: «Браки в первых степенях родства запрещены обычаем... И действительно браки на девушках своей волости очень редки... Киргизы избегают родственных браков в силу убеждения, что такие браки бесплодны».

Казахи в ходе многовековых наблюдений не могли не заметить и то обстоятельство, что браки между близкими родственниками приводили к рождению детей с физическими дефектами и умственной отсталостью, о чем пишет Я. Гавердовский: «Киргизцы вообще сильны и проживают до глубокой старости, очень мало чувствуют они жестоких болезней, а зараз совсем не знают, не видно также здесь и уродов». Таким образом, казахи - были и есть практически единственным народом в мире, который до сих пор ведет генеалогические таблицы -шежире. Обычай знать своих предков до седьмого колена привел к тому, что казахи - здоровая, сильная, конкурентоспособная и консолидированная нация. И при лучших внутренних и внешних обстоятельствах и условиях смогут стать одной из ведущих и конкурентоспособных наций мира.

Вопросы к теме:

1. Почему в казахском традиционном обществе было важно знание своей и чужой родословной?
2. Что означало слово «шежире» на монгольском и тюркском языках?
3. Почему в степи существовал запрет вступать в брак ближе «седьмого колена»?
4. Какие поговорки и пословицы свидетельствуют о том, что любой казах должен знать своих предков?

3. Степные законы взаимопомощи и взаимоподдержки

Рис. Помочь родным и соседям в любом начинании.

В стране Великой Степи с давних пор существовали уникальные традиции взаимопомощи, готовности помочь любому страждущему, которые заметно цементировали общество в единый и цельный монолит. Об этом хорошо сказал Президент страны Н.А. Назарбаев: «Открытость и искренность, миролюбие, готовность помочь любому страждущему или гонимому, невзирая на его национальность, веру и язык – врожденное и неотъемлемое качество нашего народа». Смысл их состоял в том, что погорельцы или семьи, пострадавшие от набега или от суровой зимы, пожара, наводнения или голода, получали существенную материальную помощь со стороны аульчан или единокровцев. Пострадавшим выделяли скот, одежду, жилье и посуду. Это было проявлением искреннего сочувствия и сострадания. Отказавший в оказании такой помощи всегда мог быть исключен из рода и выселен. Как правило, исключенный из общины не мог воспользоваться защитой своей общины и практически не имел никаких прав. Он сам, его семья, а также имущество и скот становились добычей первого встречного грабителя. В степи получил заметное распространение и обычай журтшылык. Суть его заключалась в том, что однородцы помогали соплеменнику в возвращении долга. Совет старейшин принимал решение просить помощи у народа. Это было показателем высочайшей сплоченности народа, проявлением милосердия и заботы о каждом из своих соплеменников.

Обычай асар. Обычай асар был традицией степняков по совместному безвозмездному труду. Со всего аула собирались люди и общими силами выполняли какую-либо тяжелую работу. Например, подобным образом строили зимние жилища, копали колодцы, строили помещения для скота. Асар был ярким отражением братства и единства сородичей. Все работали бесплатно, без какого-либо расчета на вознаграждение. Не прийти на асар считалось недостойным поступком, который осуждался степняками. В начале XX века казахи, используя этот обычай, строили повсеместно первые светские школы и мечети. Вот как описывает его один из русских купцов Д.Белов в 1869 году на примере казахов присырдарьинского региона: «У киргизов бывают помочи...Созывая несколько человек для распашки земли или жать сено, накормливает хозяин приглашенных мясом, которые наевшись, принимаются за работу; по окончании работ разъезжаются по своим аулам. Но пособие к работе помощью оказывают тем людям в распашке земли, не имеющим скота, дряхлому или малолетнему...такой помощью валяют войлоки, созывая женщин из ближних аулов, приглашение женщин для валки войлоков бывает к каждому без исключения; помочь у киргиз говорится кумек».

Постепенно этого обычая стали придерживаться и представители других народов, по различным причинам оказавшиеся на территории края.

Каждый житель степи обязывался помогать нуждающимся, предоставлять воду и другой напиток жаждущему. Однородцы и одноаульцы оказывали помощь и в отыскании скота, в организации погони за конокрадами. Всякий кочевник в случае крайней нужды и в случае не требующего никакого отлагательства, имел право незамедлительно воспользоваться лошастью из табуна любого сородича. На это специального разрешения хозяина не требовалось. В случае отказа – его подвергали штрафу ат-тон и подвергали общественному осуждению. Об обычаях и традициях взаимопомощи в свое время оставили свои заметки известные исследователи А. Левшин, А. Диваев, М.Ж. Копейулы, М. Шорманов, Т. Шевченко, В. Григорьев и другие.

Помощь родственникам во время похорон и тризн. Каждый степняк считал своим долгом обязательно прийти в дом родственников умершего человека. Наряду с чтением сур из корана, приходящие обязательно давали помощь скотом или деньгами, которую сегодня называют «бата». Оказывать помощь семье умершего – это древняя степная традиция, восходящая к седой древности. К примеру, во время похорон принца Кюльтегина китайцы отправили «множество даров и бесчисленное количество золота и серебра». В наше время эта традиция также не забыта. Во время весенних паводков, оползней и селей или других стихийных бедствий весь многонациональный народ Казахстана собирает материальную и финансовую помощь пострадавшим, особенно семьям, где была гибель людей. Целые коллективы перечисляют часть своей заработной платы в их пользу. В этой связи Президент страны подчеркивает: «Вся история казахов – это история сплочения, история единения. Казахи – народ, идущий по пути единства и консолидации». Поэтому наша молодежь должна поддерживать эти добрые традиции и обычаи, направленные на формирование уважительного и добрососедского отношения друг другу.

Источник: *Кабульдинов З.Е. Астана: прошлое и настоящее. - Алматы, 2017. - с.309-310.*

Вопросы к теме:

1. Расскажите историю появления обычая «Журтшылык»?
2. Почему появился обычай «Асар», какое он имеет значение в повседневной жизни степного народа?
3. Какие традиционные ритуалы проводили казахи во время похорон близких людей?

4. Уважение к предкам – древняя и вечная традиция.

Древние традиции уважения к предкам. Казахи и их тюркоязычные предки издревле уважительно относились к своим предкам. Это была одна из особенных черт их ментального склада характера. К примеру, исследователь саков Т. Райс в своем труде «Строители степных пирамид» пишет, ссылаясь на знаменитого Геродота: «Скифы отступали от Дария. Дарий хотел открытого боя. Но царь скифов ответил: «Если же возникнет у тебя необходимость сразиться с нами, смотри: здесь могилы наших отцов, разыщи их и попробуй разрушить их – тогда ты увидишь, будем ли мы драться с тобой. Пока ты этого не сделаешь, будь уверен, что мы не вступим в бой, если не захотим. Это мой ответ на твой вызов». Этот пример лучше, чем какой-либо другой, показывает

особое отношение жителей степи к своим умершим предкам и местам их захоронений. Старшее поколение, особенно люди, обладавшие незаурядными чертами характера как ум, сила, мудрость, человечность всегда почиталось. Благодаря именно им в Степи всегда устанавливался мир и спокойствие. Уважение к живым старикам они переносили на них и после их кончины. Уважительное отношение поддерживалось ими и через знание ими своих генеалогических таблиц – шежире. Помнили о них они и через легенды, поэмы и исторические предания, передаваемые из поколения в поколение.

Почтительное отношение к могилам предков. Казахи с особенным почтением относились к могилам своих предков. Здесь они клялись в верности друг другу и приносили присягу. Путнику, которого надвигающаяся ночь заставляла в степи, казахский обычай настоятельно рекомендовал ночевать именно не где-нибудь, а у могил. Проходя возле захоронений предков, степняки читали суры из корана. Считалось высшей степенью невоспитанности, если путник проезжал мимо могил предков и не читал суры из корана. Чтобы не забыть своих далеких предков в честь них возводили некрополи, мазары и другие надмогильные сооружения. Их они не покидали и вовемя и силового сгона с родовых земель во время массовой казачьей и крестьянской колонизации.

К примеру, в период отправки петиции в адрес царя и высокопоставленных чиновников Российской империи казахи требовали не трогать и не захватывать земли с их родовыми захоронениями. К ним они относились с особым почтением, также, как и их далекие предки-кыпчаки, тюрки, гунны и саки: «Места, где лежат кости предков, считают священными, за могилами и целостью ограды смотрят зорко» (Н. Зеланд «Киргизы: этнологические очерки»).

Каждый род хоронил своих предков в отдельно взятом родовом склепе. В родовых могилах хоронили умерших и тогда, когда они переселялись в дальние регионы. К примеру, в 1788 и 1798 годах части степных казахов разрешили отправиться на «вечную кочевку» с левого берега Иртыша на правобережье реки. Несмотря на запреты к контактам с соплеменниками, правобережные казахи на протяжении нескольких десятилетий продолжали перевозить и хоронить своих умерших на старых родовых могилах. Женщины, которые не могли иметь детей, ездили на поклонение к могилам предков – святым. Имевшие психические заболевания, также старались посещать места погребения своих родовых вождей, особенно тех, кто при жизни занимался лечением, гаданием или обладал даром предсказания, или попросту пользовался значительным авторитетом и уважением.

Тризны в память о предках. Умиротворение или удовлетворение духов предков являлось важной задачей живых степняков. Желая задобрить духов предков, казахи старались быть более религиознее, гуманнее, порядочнее и честнее в этой жизни. К примеру, в честь умерших предков устраивали поминки на 7, 40, 100 дней и на годовщину. Для чего зазывали множество гостей, устраивали угощения, раздавали гостям отрезки материалов и обязательно читали суры из корана. Кстати, этот обычай существует до сих пор. В честь своих почитаемых предков проводили поминки («ас»). Он обычно проводился через год после кончины уважаемого человека. В традиционном казахском обществе ас имел большое социальное и сакрально – культурное значение. Здесь решались важнейшие политические, хозяйственные и социальные вопросы.

По поверьям казахов считалось, что чем веселее и шумнее пройдет ас, тем больше получит удовлетворение душа покойного. При проведении тризны ставили сотни юрт, читали поминальные молитвы, специально приглашались на это торжество представители различных родов: аксакалы, акыны, бии, батыры, ораторы и силачи. На проведение такого пышного торжества тратились огромные средства. Проводили спортивные игры и состязания: скачки лошадей, состязания борцов и силачей, стрельба

из лука с солидным призовым фондом. Проводили и состязания акынов – айтысы. Пышные, обильные асы могли устраивать только богатые люди. Истории известны асы Абылай-хана, Сагыная, Оскенбая (отца Кунанбая-авт.) и Сапак бия. Так, в 1860 году на озере Ерден дали ас известному на всю степь Ердену Сандыбайулы. Поставили 500 юрт. Для угощения гостей было забито 160 голов лошадей и 200 баранов. Ставка призового фонда конной скачки составляла 100 лошадей. А всего Ердену таким образом дали 3 аса. На конных скачках нередко участвовали сибирские казаки и крестьяне.

Руководитель национально-освободительного движения казахов Сырым батыр остался в памяти народа, как один крупных и выдающихся политических деятелей последней трети XVIII века. Он пользовался заслуженным уважением и авторитетом среди современников. В фольклорных источниках сохранились сведения о том, что на его асе было использовано мясо 2000 голов лошадей и 2500 овец. Это было знаком глубокого уважения народа своему вождю. Степные барды воспевали подвиг и благие деяния далеких предков. По мнению степняков, благополучие живых зависело от духов предков. Если с казахом что-то случалось, то казахи восклицали «Аруақ ұрды» (Духи предков меня наказали-авт.). Знатоки жизни и быта, обычного права казахов Младшего жуза Л.Словохотов по этому поводу писал: «Для киргиза глухой степи арвак и теперь еще грозная нравственная сила, взысканий которой, как неизбежных, он боится более всего».

Запечатление своих предков в топонимике и уранах. Названия аулов, урочищ, гор, ущелий, лесов, озер и рек также назывались в честь своих предков. И только лишь в царское и советское время их стали называть на русский манер или попросту нумеровать, стирая с памяти народа не только его прошлое, но и его традиции уважения предков. Уранами или боевыми кличками также становились их благородные и величественные предки. Каждый род, племя, субэтносы и весь народ имели свой уран, который, как правило, носил имя легендарного и известного предка. Имена предков по мужу не произносили невестки. Вплоть до восьмого колена запрещали давать имена предков своим новорожденным детям. Считалось высшей степенью оскорбления нелестные выпады представителей других общин и народов в сторону их предков во время споров, дискуссии и айтысов. В память о дальних предках в каждой казахской семье хранили какие-то раритетные вещи, передавая их из одного поколения в другое. Во время чтения мусульманской молитвы перечисляли имена всех своих предков, особенно по мужской линии.

Обращение к предкам в трудные времена. Культ предков занимал ведущее место в верованиях казахов. В самое трудное время казахи призывают на помощь духов своих легендарных предков. В их честь приносили в жертву животных. Во время неурожая и засухи просили у предков дождя, проводя обряд «тассатық» или «құрмалдық». Младшие давали имена своим детям в честь дальних именитых предков. Этим самым они выражали уважение к ним.

Во время разделения рода на два самостоятельных подразделения, заключение мира между двумя враждующими общинами или победы над противником сопровождалось жертвоприношением овцы с особой отметиной, белой кобылицы или даже верблюда на месте захоронения уважаемого предка. По этому поводу существовала даже пословица «Өлі разы болмай, тірі байымайды» («Если не уважить умершего, то не следует ждать благополучия живым»). На примере своих уважаемых предков, казахи воспитывали своих потомков. Среди них обязательно оказывались те, кто прославил род или племя как батыр, бии, балуан, акын, музыкант, батыр, кузнец и так далее. И мы должны помнить добрые деяния наших предков и во всем быть похожими на них. Для этого надо активно познавать историю и интересоваться своим шежире.

Источник: Кабульдинов З.Е. *Астана: прошлое и настоящее.* - Алматы, 2017. - с.295-298.

Вопросы к теме:

1. Каково было отношение жителей степи к своим умершим предкам и местам их захоронений?
2. Каким образом казахи выполняли ритуалы умиротворения духов предков?
3. Какое место занимал «культ предков» в верованиях казахов?
4. Приведите примеры запечатления имен предков в топонимике казахов.

5. Казахи превыше всего ценили жизнь человека.

Богатство страны великой степи

Высокая оценка жизни человека и кун. В степи больше всего ценилась жизнь человека. Случаи убийств и самоубийств были чрезвычайно редки, да и то – не умышленные. Одним из сдерживающих факторов на пути насильственного лишения жизни человека была выплата куна (*огромных размеров штрафа в виде скота - автор*) и родовая ответственность. Как известно, со времен Тауке хана степняки в таком случае могли спасти свою жизнь, выплатив кун. В случае его выплаты, мог последовать отказ от кровной мести. Обеими сторонами строго обговаривались условия и сроки выплаты куна. За убитого мужчину платили 2000 овец или 100 лошадей, или 50 верблюдов. Мужеубийца также могла отделаться выплатой штрафа, если ее прощали родственники мужа. За убийство султана или ходжу платили кун в 7 раз больше, чем за простолюдина. Поэтому прежде чем лишать жизни человека, степняки имели время подумать.

По мнению И. Казанцева в книге «Описание киргиз – кайсак», изданной в 1867 году, отмечалось: «Убийство напротив запрещалось, и если бы произошло, то взыскивалось с виновных в штраф по куну». Женщина, убившая своего незаконно рожденного младенца, приговаривалась к смертной казни. Казахское общество и его законы очень жестко относились и к тем женщинам, которые делали аборт. Вот как писал об этом в своих записках оренбургский купец Д. Белов, описывая хозяйство, домашний быт и обычаи казахов долины Сырдарьи в 1869 году: «У киргизов детоубийство и изгнание плода бывает очень редко, за изгнание плода судятся как за убийство». Изнасилование также приравнивалось к убийству. В данном случае виновный мог откупиться куном. Насильно умыкнувший чужую жену наказывался смертью или мог откупиться выплатой куна. Если кто убивал, обороняясь, и при этом имел свидетелей, то он платил половину куна. Но в случае отсутствия их выплачивал полный кун. Половинный кун платили и при совершении убийства по неосторожности. За укрывательство убийцы или оказание помощи в его побеге, виновный платил кун. В случае убийства во время барымты подсудимый также платил кун. Кто убивал вора, разбойника или убийцу, при этом никакого наказания не нес. К смертной казни приговаривали и за кровосмешение. Как известно, казахское обычное право категорически запрещало вступать в брак родственникам ближе седьмого колена.

Пословицы и поговорки о ценности человеческой жизни. Речь степняков изобилует поговорками и пословицами, касающимися ценности человеческой жизни:

«Өлімнен басқаның бәріне асық» («Кроме смерти, всюду спеши»),

«Мың жұмақтан – бір күн тірлік артық» («Лучше день на земле, чем тысячу дней в раю»),

«Мысықтың өлімі – тышқанға той» («Смерть кошки – праздник для мышки»),

«Өткен қайтып оралмас, өткен қайтып келмес» («Прошлое не вернешь, умершего не оживишь»),

«Өлім жайлы көп айтса, тірінің берекесі кетеді» («Когда о смерти много говорят, живой покой теряет»), «Ажар ажалға қарамайды» («Смерть на лица не смотрит»),

«Өлімнен басқаның ертесі жақсы» («Торопим все, чего ждем, только бы смерть не спешила»),

«Өлім деген ұзақ жолдың алысы» («Смерть – это конец самой длинной дороги»).

В степи не было случаев самоубийств. Таковых степняки презирали и не хоронили на территории родовых могил, оставляя их за их пределами. По ним никаких поминок не устраивали. Им не ставили надгробные сооружения. Детям с детства внушали, что жизнь человеку дается Всевышним и никто, кроме него, не может распоряжаться человеческой жизнью. Это хорошо зафиксировал в своих записках в 1830 году известный русский генерал и исследователь С. Броневский: «Склонности к самоубийству неприметно: человекоубийство редко». Или же другое свидетельство оренбургского купца Д. Белова от 1869 года: «Самоубийств у киргизов не бывает, кроме нечаянности».

Редкость умышленных убийств. Надо отметить, что в толерантном казахском обществе вообще были редки преступления, особенно заканчивавшихся смертью или гибелью людей. К примеру, по результатам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в Бокеевском ханстве (*нынешняя территория Западно - Казахстанской области - автор*) проживало 207 тысяч казахов и в течение целого года не было ни одного случая убийства человека. Знарок жизни степняков А.Алекторов также подчеркивал о почти полном отсутствии преступлений среди номадов: «По природе своей киргизы добры, склонны к дружбе, уживчивы: преступлений в среде народа этого сравнительно мало». В некоторой степени, выплата кунов (штрафов за убийство – автор) также несколько сдерживала совершение особо тяжких преступлений, связанных с убийством человека. Иногда кун уплачивался всем родом убийцы. Такие действия иногда разоряли целые семейства и волости. В настоящее время общество должно вернуть наши традиционные ценности, когда превыше всего была жизнь человека.

Личная свобода, честолюбие, отсутствие рабства и крепостного права, преимущественно скотоводческий образ жизни, наличие огромных степных пространств и богатейших пастбищ, низкая плотность населения, создали культ самодостаточных и богатых жителей. Более того, все жители степи были вооружены и имели опыт защиты основного богатства: скота – семьи (рода) – земли. Богатство, в первую очередь, исчислялось многотысячным скотом: крупным и мелким, но не было самоцелью, а было средством самовыражения и личной свободы каждого степняка.

Богатство позволяло им проводить пышные тризны (асы) в честь своих уважаемых предков. Они могли свободно принимать гостей, в том числе и иностранцев, при этом не требуя от них никакой платы. Об одном из степных Крезов Сапак бие написал русский офицер С. Броневский, исследовавший жизнь и быт казахов Северо-Восточного Казахстана в первой трети XIX века: «В Средней Орде есть весьма богатые киргизцы: на примере в Карпытской волости бей Сапак имеет до 10 т. лошадей, множество верблюдов и скота; когда он кочует с одного места на другое, то обовьючивают более 150 верблюдов своим именем. Лошади завода Сапака отличаются большим ростом, добротой и статями. Он человек добродетельный, в барантах никогда не замешивался и от того живет покойно». Яркими примерами богатых и успешных людей были Тюйте Нурекепов, Муса Шорманов, Шон Идигин, Сагынай, Нурмаганбет, Жексенбай и многие другие.

С наилучшей стороны показали степные баи в период зарождения мощного алашского движения в начале XX века, финансово помогая возрождающейся казахской интеллигенции в условиях распада Российской империи: *Каражан Укибаев, Медеу Оразбаев, Ике Адилов, Хасен Акаев, братья Бекметовы, Ыбрай Акпаев, дети, бая Мамана, Иса Копжасаров, Салык Омаров, Тобанияз Алниязов*, представлявшие практически все регионы Казахстана.

Значительная часть российских и европейских исследователей края отмечает один

неопровержимый и удивительный факт: вплоть до XIX века жители степи были весьма состоятельными. И это было массовым и распространенным явлением, нежели в более позднее время. Об этом ярко написал известный российский исследователь Я. Гавердовский в самом начале XIX века: «Прежде признавали бедным того киргизца, который не мог насчитать в своем табунае 1000 овец и 100 лошадей... ныне начальник семьи, обладающий 5000 лошадьми, 20 000 овец и 1000 верблюдов, может назваться кочевым Крезом».

Наиболее богатые из них практически безвозмездно или на временной основе передавали часть скота своим обедневшим сородичам. Вот об этом свидетельствует исследователь XVIII века Георги: «Ежели табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным людям знатное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ничем обязаны, если же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему такое же число или еще и с приплодом скота».

Глава государства Н.А. Назарбаев в книге «В потоке истории» также отмечал:

«Скот каждого бая считался резервным запасом каждого родового сообщества на разные случаи природных катаклизмов. Жестокие природные и климатические условия, полная зависимость людей его изменениям, набеги внешних врагов постоянно висели угрозой голода и мора над кочевыми племенами нашего народа. В таких случаях скот и добро бая из рода было спасением для всего сообщества».

Степняки десятками и сотнями голов разного скота выставляли в качестве призов на спортивных соревнованиях, в первую очередь, на конных скачках. Их чрезмерная состоятельность привела к широкому бытованию среди них такого явления как многоженство. По этому поводу известный фольклорист и поэт Машхур Жусип Копейулы отмечал, что «во времена хана Абылая (XVIII век - автор) каждый второй казах был богатым, что мог позволить себе иметь две и более жен». Об этом же писал и участник академической экспедиции XVIII века Фальк, который был живым свидетелем и очевидцем того счастливого времени. Он подтверждает наши доводы о том, что степные богачи иногда не могли знать точное количество своего скота: «Такой полсотни (лошадей) не насчитывает у себя только ничтожное меньшинство... Даже у рядового киргиза (*казаха-авт.*) «черной кости» свободно может оказаться в владении и тысяча и даже две тысяча голов коней... Богачи не могут даже знать с точностью своих стад».

Это подтверждает другой исследователь этого времени Георги: «У самого простого...редко бывает меньше 50 или 30 лошадей, в половину против того рогатого скота, 100 овец, несколько верблюдов и от 20 до 50 коз...В Средней же, особливо, орде есть, как слышно, и такие люди, у которых табуны содержат в себе до 10 000 лошадей, до 300 верблюдов, от трех до четырех тысяч рогатого скота, около 20 000 овец, и больше 1000 коз... В сравнении с другими кочевыми народами наших стран киргизы живут очень хорошо. При необузданной своей вольности, и видя совершенную удобность нажить себе нужное для достаточного пропитания множества скота, не хочет никто из них быть у другого рабом или слугою, но желает, чтобы всякий поступал с ним так, как со своим братом».

Один из выдающихся ученых-натуралистов XVIII века П.- С. Паллас, в 1793 – 1794 годах побывавший на территории Казахстана, вообще считает и даже в некоторой степени абсолютизирует, что казахи были все поголовно зажиточны и состоятельны: «Они все зажиточны, и скота имеют довольно, то живут они по своему обыкновению очень хорошо, и носят не худое одеяние». Палласа поддерживает и Шокан Уалиханов:

«Сибирские киргизы (*казахи Среднего жуза - автор*) до основания внешних приказов (*административно-территориальные единицы, созданные Российской империей с начала 20-х годов XIX - автор*) были богаче – этот факт, не подвергающийся ни малейшему сомнению».

Казахские пословицы и поговорки о материальном благосостоянии. С давних времен старшие, давая напутствия и пожелания (*бата*) молодым, всегда желали им «*бақ – дәулет*» (счастья и богатства). Целая серия народных пословиц и поговорок также свидетельствует о том, что народ уважал и ценил богатство, нажитое трудом:

«*Бие көп болса, құлын көп*» («Там где много кобылиц, много и жеребят»), «*Келген дәулет – кеткен бейнет*» («С приходом богатства, уходят и страдания»), «*Екі кедейдің арасында дорба жүреді, екі байдың арасында жорға жүреді*» («Два бедняка обмениваются торбами, два богача – скакунами»), «*Сауыны аздың жазы қысқа*» («Когда нет дойного скота, и лето будет короче»), «*Қарыз қатынас бұзады*» («Неуплаченный долг дружбе помеха»).

Рис. Семья степняка.

Источник: *Кабульдинов З.Е. Астана: прошлое и настоящее. - Алматы, 2017. - с.293-295.*

Вопросы к теме:

1. Какие факторы сдерживали насильственное лишение жизни человека в традиционном казахском обществе?
5. Какая основная суть пословиц и поговорок о ценности человеческой жизни?
3. Что являлось богатством в степи, было ли оно самоцелью? Почему Вы так думаете?
4. Каким образом российские и европейские ученые описывали в трудах благосостояние казахов?
5. Как в казахских пословицах показывали материальное состояние казахов?

6. Традиции приличия и вежливости. Преклонение перед старшими – непреложный закон страны великой степи

В настоящее время нередко встречаешь случаи грубого отношения людей друг к другу, причем – людей разного возраста и пола. Некоторые из нас даже забыли

уникальный обычай элементарного приветствия. Безусловно, это оказывает самое негативное влияние на взаимоотношения в нашем обществе. Иногда простая и грубая выходка, в том числе и неправильное приветствие могут привести к конфликтным ситуациям и даже – к непредсказуемым последствиям. В этой связи хотелось бы напомнить, что у наших предков – степняков, существовали бесподобные и веками отработанные, выдержавшие проверку временем, обычаи и традиции приличия, вежливого и бережного отношения друг к другу. Безусловно, на первом месте стоял обычай должного традиционного приветствия, который до сих пор выглядит следующим образом. При встрече двух степняков приветствие начинал младший к старшему со стандартными словами *«ассаламалейкум»* (*«Мир дому твоему»-авт.*). Старший обязывался отвечать *«уалейкумассалям»* (*«И тебе также»-авт.*). После обмена приветствиями казахи осведомлялись о состоянии скота и родных словами *«мал - жанын, бала-шаган аман ба»* (*«Скот, родные живы ли здоровы?»-авт.*). При этом скот стоит на первом месте. Даже в условиях города наши земляки не изменяли своим традициям приветствия. Казахи отвечали *«Кудайга шукур, оз мал – жаныныз есен бе?»* (*«Слава богу, и ваш скот и родные здоровы ли?»-авт.*). Эти слова приветствия были обязательны и даже между людьми совершенно незнакомыми и видящими друг друга в первый раз.

Младшие по возрасту старших или незнакомых людей называли на «Вы», используя такие обращения как «ата» (*дедушка - автор*), «апа», «эже» (*бабушка - автор*), «ана» (*мать - автор*), «эке» (*отец*), «көке» (*отец, брат - автор*), «аға» (*брат - автор*), «ағатай» (*«более мягкое уважительное слово брат» - автор*), «тәте» (*тетя*),

«жеңге» (*обращение к жене старшего брата - автор*) и т.д. Раньше младших братьев и сестер мужа называли нежными вторыми именами: *шырақ* – светик, *жарқын* – сияющий, *айнам* – зеркальце, *баурым* – родственник и т.д. Другим родственникам придумывали новые и благозвучные имена. Например, нашу мать Меруерт Сәтенқызы (1940-2015) жена ее двоюродного брата Матенова Шоная Кулсум называла не иначе как *Қалқажан* (Омская область Таврический район а. Байдалин). Замужние женщины из особого уважения к мужчинам не называли настоящим именем ни одного из родственников своего мужа, особенно старших по возрасту. При обращении к свекрови и свекру использовали общепринятые слова *ата* и *ене*.

Жители степи никогда не переходили дорогу беременным женщинам и старшим по возрасту. Невестки не показывали свое лицо свекру и старшим братьям мужа. В случае отсутствия хозяина никакой взрослый мужчина не имел права заходить в дом, за исключением близких родственников. Это было непреложным правилом степного этикета. При входе в дом казахи всегда оставляли оружие за юртой. При входе к хану оставляли даже плети. Вот как об этом написал Л. Баллюзек: «Вход в кибитку при каком-либо оружии приличен только врагу, а потому внесение оружия в мирное жилище киргиза совершенно мирным путником опять воспрещается». В противном случае такого человека могли оставить и без угощения. Считалось плохим тоном, если гость или путник на полном скаку подъезжал к юрте или дому. Всякий путник, подъезжая к юрте, должен был говорить с хозяевами юрты на некотором расстоянии от нее. Но в любом случае, лошадь должна была быть привязана на некотором расстоянии от жилища. Считалось неприличным браниться и материться, особенно в присутствии старших по возрасту, женщин и детей.

Обычаи вежливости. Человек, вернувшийся из поездки, путешествия или с ярмарки, привозил соседям, близким и родным различные подарки – *базарлык* (*подарок из поездки – автор*). Аксакалы аула во время еды отбирали лакомые кусочки мяса и угощали им участников общей трапезы. Этот обычай получил название *асату*. Г.

Спасский в работе «Киргиз – кайсаки Большой, Средней и Малой Орды» описывает этот обычай на примере события 1771 года, когда общеказахским ханом был избран Абылай: «Обряд, бывший при выборе киргизами Абылая в ханы, довольно любопытен... В заключение всего подали на больших оловянных блюдах вареное мелко изрубленное мясо, коего по горсти клал сам Абылай каждому в рот; потом почивали всех кумызом». Если казах становился обладателем какой-либо новой вещи, то близкие, родные и друзья давали ему *байгазы* (подарок - автор). Сегодня современные казахи байгазы дают, как правило, деньгами или мелким скотом по случаю приобретения машины, дома, квартиры, одежды и так далее.

Рис. Свадебный церемониал.

После приема пищи на праздниках и свадьбах женщины обязательно брали гостинцы для детей и родственников, оставшихся дома. Этот обычай до сих пор носит название *саркыт* и свидетельствовал о том, что люди с уважением относились к еде и как бы приобщали к празднику оставшихся дома родственников. Среди казахов веками бытовал обычай передачи гостинцев – *салемдеме*. Давно не видевшие себя близкие люди дарили друг другу подарки в виде драгоценностей, сувениров, угощений и т.д. Получивший *салемдеме* обязательно давал благословение (*бата*). Гостинцы и подарки, переданные в качестве *салемдеме*, делились между членами семьи, родственниками, друзьями и соседями.

Для того, чтобы сообщить добрую весть, жители аулов говорили: «*Суюнши!*». Человека, принесшего радостную весть, сказавшего эти теплые и радостные слова, хорошо одаривали. Слово «*суюншы*» произносили и по поводу рождения детей, приезда молодого человека с армии, получения другой позитивной новости.

Воин, вернувшийся с дальнего похода должен был в знак уважения к оставшимся дома родственникам давать *сауга* (подарок с похода-авт.) по первой же их просьбе. Так, вовремя казахско-джунгарских войн вернувшиеся с дальних военных походов батыры, как правило, дарили родственникам в качестве *сауги* девушек, лошадей, украшения и т.д. Охотник, возвратившийся домой, по обычаю *сыралкы* был также обязан без какого-либо принуждения делиться своей дичью с домашними.

Рис. Великие казахские батыры.

Издrevле среди казахов бытовал *обычай прощания с аулом*, когда устраивались *курмалдыки* (*угощения с чтением сур из корана - автор*). Суть его состояла в том, что семья перед отъездом на другое место жительства обязательно собирала весь аул и устраивала прощальную трапезу. Кое-какие вещи на память они оставляли своим близким и родным, соседям или друзьям. Посещали могилы своих предков и читали сурь из корана, чтобы получить у них благословение. Беднейшим и несчастным сородичам, одноаульцам оставляли *садака*. Уехать из аула неожиданно, не предупредив о своем переезде одноаульчан, членов рода считалось непростительным шагом и осуждалось обществом. Отношения между родственниками в таком случае резко охлаждались. Аульчане же в свою очередь, желали им доброго пути и благополучия на новом месте. Старейшины давали *бата* – напутствия и хорошей адаптации на новом месте. *Курмалдыки* устраивали и по другим важным случаям: когда выживали после аварии, когда провожали молодежь в армию, когда молодые люди поступали в престижное учебное заведение и т.д. Все эти обычаи приличия и вежливости консолидировали жителей Казахстана, создавали теплые взаимоотношения, заметно улучшали морально-психологический климат в обществе.

С незапамятных времен в стране Великой степи существовала особая и немеркнущая в тысячелетиях уникальная традиция трепетного и уважительного отношения к старшим, вне зависимости от родовой, племенной, жузовой и этнической принадлежности. Ей есть свои научные объяснения: особенности почвенно-климатических и природно-географических условий нашей родины привели к преимущественному развитию у нас кочевого и полукочевого скотоводческого образа жизни, хотя и земледелие в виде небольших «оазисов» получило некоторое распространение. Как известно, у любого человека во все исторические эпохи всегда присутствовало горячее и закономерное желание и стремление жить достойно и безбедно. В этой связи наши предки не были исключением: старались все больше и больше держать в своем подворье скот, который давал им в избытке почти все самое необходимое: от одежды и обуви до пищи и жилища с полным домашним убранством. А увеличение скотского поголовья не могло не привести к постоянному их «дроблению» на небольшие поселения-аулы, где жили преимущественно кровные родственники. В противном случае могло быстро наступить истощение пастбищ и, следовательно, появилась бы необходимость чаще менять место своей дислокации со всеми вытекающими отсюда трудоемкими последствиями, например, – частая разборка и сборка юрты. Поэтому кочевание не было «прихотью» или признаком «отсталости» наших предков, а суровой необходимостью и диктатом Его Величества Природы.

Рис. По обычаю, степняки рассаживались по строгой иерархии.

И в условиях такого дисперсного или «распыленного» пребывания, когда одни родственники от других откочевывали, к примеру, на 500 и более верст, возникали определенные трудности в создании стационарных учебных заведений, которые должны были передавать будущим поколениям накопленные знания, ценные навыки и умения, непреходящий фольклор и шежире, исторические рассказы и богатейшую поэзию. И поэтому эту функцию хранителей и трансляторов степной цивилизации и культуры на себе взвалили убеленные сединой и имеющие огромный житейский опыт - аксакалы, да вообще - люди старшего поколения. Поэтому они занимали в обществе всегда особое и почетное место!

Обычай уважать старших придавал всему степному социуму заметную стабильность и устойчивость. Уважение к старшим внедрялось в сознание жителей Великой степи как высший и непреходящий принцип, следуя которому можно было достичь заметных успехов в жизни и снискать уважение народа. От старших к младшим по возрасту, из поколения в поколение передавались накопленные знания, умения и навыки. Степняки довели этот принцип до абсолюта. Практически ни один народ Евразии не мог сравниться со степняками в традиции уважения к старшему поколению. На всех праздниках старшим отводили самые почетные места. На собраниях они играли заметную роль, когда к их мнению и словам беспрекословно прислушивалась молодежь. При заготовке мяса на зиму (*согым*) в первую очередь приглашали в гости людей старшего поколения. При трапезе им доставалась самая лучшая и вкусная часть еды.

К приему пищи также первыми приступали аксакалы. Нарушение этого степного этикета и неписаного правила могло привести к серьезным конфликтам. Кроме того, считалась знаком высшей почести получить из рук человека, убеленного сединой, горсть мяса из общей посуды: по обычаю, «*асату*» старейшины своими руками клали самую лакомую часть пищи в уста молодых. Младшие без разрешения старших никогда не садились за стол. После окончания трапезы слова благословения также давал уважаемый, а более всего – старший по возрасту. Младший никогда не переходил дорогу старшему. Это неписаное правило действовало и в отношении женщин к мужчинам. При встрече старейшин молодые сходили с лошадей и первыми здоровались с ними. Привязывание лошади аксакалов также было прямой обязанностью молодых. Молодому поколению категорически запрещалось поднимать голос на старших. При беседе младший никогда не перебивал старшего. Разговор всегда начинал старший по возрасту. Перед отправкой

в дальнюю дорогу, созданием семьи молодые люди получали у них благословение (*бата*). За совершение серьезных проступков и преступлений старейшины могли дать «*теріс бата*», т. е. проклятье, что считалось одним из самых страшных видов наказаний. При решении сложных дел вмешивались и аксакалы аула. Так, между родами часто возникали распри из-за земли, вдов, из-за возмещения ущерба, оскорблений.

Особым уважением пользовались женщины почтенного возраста. К примеру, на территории Омского уезда Акмолинской области часть местных казахов запрещает своим детям называть слово «*қант*» (*сахар-авт.*), так как именно так звали одну из уважаемых и почтенных женщин рода *шегірек керей*. Поэтому жители этого рода называют сахар словом «*агарган*» (*белеющий-авт.*). За благословением к ней приезжали даже седобородые аксакалы с округи. Гости аула обязательно первым заезжали к ней, чтобы поприветствовать эту местную знаменитость.

В виду почти полного отсутствия у казахов земельной собственности в классическом понимании, широкое распространение получил обычай временного закрепления пастбищ. Значительная часть земель казахов находилась в общественном пользовании. Такое положение было закреплено и в ходе административных реформ 1867-1891 годов. При постоянных передвижениях неизбежно возникали споры. Согласно устоявшимся обычаям, руководители аулов, родов должны были делать знаки, свидетельствующие о своем первом прибытии. Для свидетельства раннего прибытия делались такие знаки как: «втыкание» на землю пики или курука (*длинный шест с веревкой наконце для ловли лошадей-авт.*); начерченная на песке или глине родовая тамга (*знак-авт.*). Могли и завязывать узлы из высокой кустовой травы. Никто не имел права занимать места, уже отмеченные подобными знаками. В случае одновременного прибытия на место представителей разных аулов ситуация разрешалась следующим образом. Если в спор вступали султан и простой казах, то предпочтение отдавали первому. Если би и старейшина, то предпочтение отдавали второму. Если в спор вступали би и простой казах, то предпочтение отдавали первому. Если в споре находились два султана, два бия, два старейшины, два простых казаха, то предпочтение отдавали старшему по возрасту. При равенстве спорящих нередко принимали в расчет старшинство их рода или племени.

Рис. Рождение ребенка и обычай «Бесік той».

Уважение к старшим прослеживалось везде. Так, на охоте молодой охотник без какого-либо указания отдавал свою первую и может быть весьма ценную добычу старшему по возрасту. Не соблюдение этого обычая каралось справедливым судом биев. Так, С. Броневский писал: «Если старик свидится с киргизцами (*казахами-авт.*), бывшими на охоте, то лучшего зверя, хотя бы лисицу или волка, без всякого требования,

ему привязывают в торока, несмотря что приобретение иногда стоило им немалых трудов. Оскорбление старца не обходится без суда и взыскания айпа (*штрафа*). Вот черты добродетели, достойные похвалы и подражания». Участие старшего в охоте означало преемственность и востребованность опыта старших поколений, с другой стороны он представлял из себя элементарное уважение к возрасту человека.

Уважительное и трепетное отношение автохтонов степи ко всему старшему поколению не могло не зафиксироваться в исследованиях того периода. В этой связи российский исследователь нового времени А.И. Левшин пишет: «Сына, осмелившегося злословить или бить отца, или мать свою, сажают на черную корову, лицом к хвосту, с завязанным на шею старым войлоком: корову сию водят вокруг аулов, и сидящего на ней бьют плетью; а дочь связывают и передают матери для наказания». Он же в своей знаменитой книге «Описание киргиз казацких, или киргиз – кайсацких орд и степей» (Спб., 1832), рассматривая характер и нравы казахов подчеркивал: «Признательность к благодеяниям и почтение к старикам, или аксакалам, суть лучшие черты его характера!». Подобную оценку казахский народ мог получить, только лишь хорошим воспитанием детей. Об этом же твердит и Н. Изразцев: «Добрый старец пользуется общим уважением, уважают в нем старость». Другой известный российский исследователь Н. Малицкий также подчеркивал: «У казахов весьма развито уважение к старшим, особенно старшим родственникам. Молодые люди при появлении старших вставали и уступали им место. Шутки и забавы в присутствии стариков считались неприличны.

К примеру, еще в конце XIX века один из немецких исследователей Ф. фон Шварц писал: «Кроме султанов и батыров, у киргиз-кайсаков (казахи-авт.) пользуются особым уважением и почетом еще и все старые мужчины, невзирая на их происхождение». Оренбургский купец Д. Белов в своих путевых дневниках, наблюдая за действием этого важного института, не мог не заметить: «У киргизов (*казахи - автор*) пожилым людям оказывается особое предпочтение, которым промежду дел помогают в мелочной работе и делается во всем снисхождение и уважение, как-то: младший летами отдает поклон старшему, наперед уступает, где бы ни было свое место и усаживает вместо себя, подсаживает на лошадь; в дороге младший летами старшему седлает лошадь, присматривает за лошадьми и оказывает все услуги; младший старшего по имени не называет, а называет отагасы (*хозяин дома - автор*), а старший младшего – косшы (*помощник - автор*)».

Уважительное обращение к старшим. К именам старшего поколения степняки добавляли суффиксы «*аке*» или «*еке*», которые подчеркивали высокий статус и достоинство человека в обществе. Об этом писал один из известных русских ученых начала XX века Л. Баллюзек: «Одним из правил киргизской вежливости и почтительности к старшим считается произношение имени их прибавлением частицы – *эке*». Например, Амантай – Абеке, Ануарбек – Анеке, Бауржан – Бауке, Бекжан – Беке, Дихан – Даке, Казбек – Казеке, Сабыржан – Саке, Серик – Секе и так далее. К людям старшего возраста, пусть даже незнакомым, обращались со словами «*ага*» (брат), «*ана*» (сестра), «*ата*» (дедушка), «*эже*» (бабушка). Имена детям давали, как правило, люди уважаемые и старшие по возрасту. Путы у детей разрезали также люди более старшего возраста, отличавшиеся быстрой ходьбой, хорошим характером и добрым нравом. Иногда, стараясь не называть аксакалов по имени, молодежь называла их по должности и званию: Би – ага, Батыр – ага, Болыс – ага.

Пословицы и поговорки. Воспитывая своих детей, казахи сформировали целый блок назиданий, направленных на формирование уважительного отношения к старшему

поколению. К примеру, пословицы и поговорки казахов до сих пор изобилуют мыслями об уважении к старшим:

«Ақылды қария – ағын дария» («Мудрый старец подобен журчащей воде»),
«Кәріге құрмет – жасқа міндет» («Уважение к старшим – долг молодых»),
«Адам қартайсада, көңіл қартаймайды» («Годы о старости напоминают, а душа стареть не желает»),
«Жаман жігіт жасында шал» («Никудышный жигит уже в молодости старик»),
«Кәрі – кәрінің сөзі дәрі» («Слово старца – лекарство»),
«Кәрі білгенді пері білмейді» («Что знает старик, то дьяволу неведомо»),
«Табак асымен жарасты, кәрі жасымен жарасты» («Старца украшают года, посуду еда»).

В настоящее время в условиях начала третьего тысячелетия, обычай почитания старших продолжает оказывать свое позитивное воздействие на многонациональное, урбанизированное население Казахстана. В этом мы в лучшую сторону отличаемся от многих народов мира. Молодые люди всегда должны уступать место старшим в общественном транспорте и в других жизненных ситуациях. Молодежь должна прислушиваться к советам и замечаниям старших по возрасту. Мы не должны повышать на старших голос. В их присутствии мы не должны вести себя недостойно. Поэтому наши древние обычаи почитания старшего поколения имеют самое полное право на существование и они делают нас лучше. Это своего рода наш национальный бренд, который надо сохранить и передать грядущим поколениям.

Источник: Кабульдинов З.Е. *Астана: прошлое и настоящее.* - Алматы, 2017. - с.306-309.

Вопросы к теме:

1. Чем отличалось приветствие степняков от приветствий других народов?
2. Какие формы обращений и имена использовали казахи, обращаясь к родственникам и окружающим?
3. Каких степных правил этикета придерживались гости при входе в юрту?
4. В каких случаях казахи накрывали торжественную трапезу и давали подарки гостям и родственникам?
5. Какое место по статусности в обществе степняков занимали страшные и мудрые люди?
6. Как ученые, побывавшие в казахской степи описывали традицию уважения к старшим?
7. Какие пословицы и поговорки об уважении к старшим вы знаете?

7. Роль «бата» в воспитании патриотов Республики Казахстан

Обычай степняков давать окружающим бата. У казахов широкое распространение получил обычай давать бата (*благословение-авт.*). Бата была обязательным элементом практически любой трапезы, обряда, праздника или памятного события. Бата произносилась в поэтической форме и была обращена к окружающим или присутствующим. В ней просили милостей для других. Как правило, пожелание произносил старший по возрасту или уважаемый гость. Авторы баты испрашивали и желали участникам трапезы или праздника у Всевышнего счастья, материального благосостояния, успехов в разных предприятиях. Она произносилась с приподнятием руки и при этом ладони были обращены к лицу. Затем проводили ладонями по лицу, что являлось признаком одобрения.

Рис. Где бы не встретился старец, у него просили бата.

Благословение заканчивалось словами «Ауминь», которое вслух произносили как ее автор, так и присутствующие. К примеру, степняки пристальное внимание уделяли единству и монолитности народа, а также миру и согласию в Степи. Поэтому, обращаясь к своим современникам, особенно молодежи, белобородые и почтенные аксакалы произносили бата следующего содержания:

«Благослави Всевышний и помилуй,
Сохрани от беды и опасностей.
От раздоров и ссор сохрани,
Сохрани единство и мир!»

Бата имеет стихотворную форму и легко заучивается. Некоторые из них, переходя из поколения в поколения, становятся «народными», у которых нет автора. Есть и бата, у которых есть свои конкретные создатели: ханы, бии, батыры, акыны, балуаны. Как правило, новые тексты бата создают люди с поэтическим или ораторским даром.

Кто мог давать бата? Бата могли дать как мужчины, так и женская часть социума, но, как правило, мужчины, старшие по возрасту, положению и должности. В случае присутствия мужчин и женщин одного возраста, как правило, бата давал мужчина. В случае присутствия одних женщин - также старшая по возрасту. Казахи старались получить благословения для своих детей и от проезжих или приглашенных знаменитых гостей. Во время свадебного мероприятия благословения давал старший мужчина рода или же могли попросить сделать это старшего свата. В кругу семьи бата давал хозяин дома. При завершении каждой трапезы в присутствии детей и жены хозяин обязательно давал благословения: как правило, он читал заученные тексты или иногда прибегал к импровизации в зависимости от той или иной ситуации.

Бата предостерегала человека от неблагоприятных и недостойных поступков и шагов, побуждала или «программировала» молодежь к благородным и добрым делам, нацеливала аудиторию на позитивные мысли, идеи и дела. В частности, бата настраивала людей на выполнение или совершение благих дел. Не является секретом, то что слова также влияют на нас. Современная наука четко доказывает огромную и жизнеутверждающую силу слова. В этой связи вспоминаются слова Владимира Даля, который писал по этому поводу: «С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя. Словесная речь человека это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом». В XX веке известный американский ботаник Лотан Бурбанк выводил новые и нужные ему виды растений, просто подолгу беседуя с растениями. Так, чтобы создать сорт не колючего кактуса, он несколько раз шептал его побегам: «Колючки Вам не нужны, боятся Вам нечего. Я защищу Вас». И вскоре он

получил новый сорт кактуса без шипов. По мнению японских ученых слова даже меняют структуру воды: позитивные слова – улучшают, негативные – ухудшают, учитывая, что человек на 80% состоит из воды. Таким образом, если слова воздействуют на воду и на растительный мир, то они подобным же образом воздействуют на человека. Это не могли не заметить наши далекие предки!

Рис. Бата за дастарханом обязателен.

Более того, магической силой слова казахские шаманы могли вызвать дождь в засуху или остановить его, когда шли длительные проливные дожди. Они же могли вылечить некоторые болезни, также используя магическую силу слова в умелой комбинации с цирковыми трюками, позитивно воздействуя на психику больных людей. Не зря наши предки приговаривали, что «Жауынмен жер көгерер, батамен ел көгерер» (Земля зеленеет от дождя, а народ процветает, получив благославление). Или же: «жақсы сөз – жарым ырыс» (доброе слово-половина счастья»). С распространением ислама эта традиция развилась еще шире: со словами благословения выражали соболезнования родственникам покойного, желая живущим его родственникам всех земных благ.

Этот обычай бытует до сих пор: к примеру, и сельские, и городские казахи, завершая трапезу, по несколько раз в день всегда делают бата. Польза от этого обычая чрезвычайно велика. Мы ее по достоинству еще не оценили.

Источник: Кабульдинов З.Е. *Астана: прошлое и настоящее*. - Алматы, 2017. - с.328-330, 311 – 313.

Вопросы к теме:

1. Расскажите об обычае давать «бата» у степняков? Как Вы считаете, почему этот обычай появился?
2. Люди какого возраста и положения могли давать «бата»?

8. Уникальный институт тамырства. Величие и честность казахских биев

На территории Казахстана издревле сложился уникальнейший институт тамырства или дружбы-побратимства. Такой обычай мог возникнуть у тех народов, которые имели традиции гостеприимства, открытости, толерантности и особой ментальности. Этот степной обычай существовал с незапамятных времен, когда степняки, далеко выходя за пределы своих общин, оказывались в непривычных для себя условиях

инонационального окружения. К примеру, средневековые кыпчаки имели своих побратимов среди населения Киевской Руси.

С появлением на границах Казахстана российского казачества и переселенческого крестьянства обычай тамырства распространился между скотоводческим казахским и оседло-земледельческим крестьянским населением. Практически каждый житель степи имел своего тамыра среди российских крестьян и линейных казаков, а то и мещан-горожан. Это способствовало появлению дружбы между представителями народов. Как правило, они знали язык друг друга, уважали культуру своего тамыра. Они могли остановиться на ночлег друг у друга, занять деньги. У тамыра всегда можно было пользоваться его защитой, поддержкой и покровительством.

Бытовал и другой вид этого обычая – *достамыр*. Это был крепчайший вид дружбы. Достамыры были обязаны всегда помогать друг другу. Они могли позволять себе брать друг у друга все, что им могло понравиться. Дружба такого рода переходила от отцов к сыновьям. К примеру, это можно показать на примере дружбы нескольких поколений Потаниных и семейства Абылая. Дед русского ученого Григория Николаевича Потанина – Илья был крупным скотопромышленником и вел активную переписку и поддерживал дружеские отношения с самым великим ханом Абылаем. Отец Григория – казачий офицер Николай Потанин находился в дружеских отношениях с отцом Шокана Уалиханова султаном Шынгысом. Позднее эта дружба перешла к их детям – Шокану Уалиханову и Григорию Потанину.

Рис. Уалиханов Ш. и Потанин Г.

Тамырство закреплялось торжественно с обязательным участием свидетелей. Этот обряд закреплялся целованием сабли или кинжала и дачей клятвы в вечной верности и дружбе. Или же: имевшие намерение стать тамырами, обнимались через обнаженную саблю. В знак дружбы дарили ценные вещи. Вот как об этом обычае пишет удивительный знаток истории, культуры и языка степняков, участник и один из основателей алашского движения русский ученый Г. Потанин: «Сердечность киргизского народа рисуется также обычаем заключать братские союзы; такие друзья называются тамырами. У тамыра для тамыра нет ни в чем отказа, какой бы он ценный подарок ни просил. Киргизское сердце хотело бы даже сделать чувство дружбы наследственным; дети двух тамыров не забывают о духовном родстве своих отцов».

Или другой пример: вплоть до начала XX века между уральскими казаками и казахами существовал институт *куначества* (*дружеские, близкие, взаимовыгодные отношения между двумя семьями – казачьей и казахской-авт.*). Уральские казаки оказывали значительное влияние на хозяйство и быт казахов, заимствуя, в свою очередь, ряд хозяйственных навыков коренного населения. Они прекрасно знали обычаи, обряды и язык казахов. В их языке было много исконно тюркских слов: *баспак, бойдак, донен, нар, тумак* и так далее.

Не секрет, что царское правительство проводило на территории края открытую и ничем не прикрытую колониальную политику, направленную на массовое изъятие наиболее плодородных казахских земель. Тем не менее, между переселенцами и казахами нередко складывались дружественные хозяйственные и культурные взаимоотношения. В этом самую позитивную роль сыграл обычай тамырства. Они оказывали одинаковое положительное воздействие как на казахов, так и на переселенцев. Влияние казахского языка на язык крестьян и казаков было значительным. С детских лет большинство крестьян и казаков свободно говорили на казахском языке. Нередко использовали его в обиходной речи. Со стороны казахского населения также наметилась тенденция изучения русского языка. Крестьяне учились у казахов искусственному орошению земли. От местных казахов казаки и крестьяне научились возведению «снежников», проведению арыков. Под влиянием местного населения крестьяне начали заниматься в обширных размерах скотоводством, стали больше держать лошадей и овец. В частности, крестьяне научились табунному содержанию скота, в том числе и в зимнее время. У некоторых крестьян в хозяйстве появлялись и верблюды в качестве выючных животных. Практически повсеместно пастухами многочисленного крестьянского скота становились знакомые казахи – тамыры, как на территории Казахстана, так и в сопредельных российских губерниях. Там, где пастухами были казахи, скот, как правило, не терялся.

Во-первых, казахи хорошо знали в лицо степных конокрадов и их повадки.

Во-вторых, сами крестьяне за небольшую плату редко шли на такую работу, сопряженную с опасностью для здоровья и жизни.

В - третьих, степняки обладали навыками табунного содержания скота.

Под влиянием крестьян, казахи больше стали сеять пшеницу и овес. У них появились сельскохозяйственные машины, железные орудия труда. По примеру русских степняки в массовом порядке стали переходить к сенокосению, строительству зернохранилищ и ветряных мельниц. Местное население научилось сажать капусту и картофель. Так, в Перовском уезде выращенную капусту, казахи даже продавали русскому населению. В южных уездах Семипалатинской области под влиянием переселенцев казахи начали выращивать арбузы и дыни. В Томской губернии степняки по примеру и содействии своих русских тамыров овладели пчеловодством. Кочевники стали строить деревянные дома с двускатными крышами. Их, как правило, возводили русские плотники, находившиеся в дружественных отношениях с автохтонным населением.

Пословицы и поговорки о дружбе. Казахская речь изобилует пословицами и поговорками о дружбе:

«Жолдасы көптің – олжасы көп» («Друзей много – шире дорога»),

«Ағаш тамырымен, адам досыменен мықты» («Дерево крепко корнями, человек – друзьями»),

«Дос сыртыңнан мақтар, дұшпан көзіңе мақтар» («Друг хвалит за глаза, недруг – в глаза»),

«Жаман жолдастан жақсы дұшпан артық» («Чем плохой друг, лучше достойный враг»),

«Күлме досыңа, келер басыңа» («Не смейся над бедой друга, и над тобой могут сгуститься тучи»),

«Жігіт досынан белгілі» («О жигите судят по его друзьям»),

«Ерегескен ел болмайды, есептескен дос болмайды» («Где нет взаимности, там нет единства, где корысть, там дружбы нет»),

«Доссыз адам, тұссыз ас» («Жить без друзей, что есть пищу без соли»), «Достың орны төр, дұшпанның орны – көр» («Другу – почетное место в доме, недругу – в могиле»),

«Дос бергеннің түсіне қарама» («Подарок друга берут, не разглядывая»),

«Жолдасын тастаған жолда қалар» («Бросивший друга в беде, остается без помощи»),

«Жақсы дос үшін жан пида» («Ради друга жизнь не жалея»).

Таким образом, институт тамырства сыграл самую позитивную роль в укреплении дружественных взаимоотношений между коренным казахами и переселенческим населением и несколько сглаживал конфликтные ситуации на почве массового изъятия исконно казахских земель в пользу государства, переселенческого фонда.

Роль и место биев в жизни казахского традиционного общества. До 60-х годов XIX века, до введения российских гражданских и военных судов на территории Казахстана существовал авторитетный и независимый традиционный суд биев. В казахском обществе биев никогда не назначали. В должности биев не утверждали. Эта должность не переходила по наследству. Для того, чтобы стать бием, необходимо было обладать рядом личностных качеств:

во-первых, бии обязаны были иметь глубокие познания в области обычного права;

во-вторых, лица, претендующие на эту должность, обязывались владеть ораторским искусством и красноречием;

в-третьих, их должна была отличать безупречная репутация честного и беспристрастного человека.

Информация о таких биях быстро распространялась по Степи. Как правило, дети биев становились также биями, но не всегда. Только потеря авторитета и несправедливое вынесение приговора автоматически лишали бия права участвовать в судебном процессе. Бий переставал называться таковым только тогда, когда к нему не обращались за судебными услугами.

Известный специалист по истории и быту казахов Среднего жуза М. Красовский отмечал наиболее важные качества степных биев: «Из биев тот пользовался наибольшею известностью в народе, который умел решать самые запутанные споры, другими словами - который был умнее, который обладал большим запасом знаний». Один из исследователей нового времени Л.И. Андре также подчеркивал именно положительные черты характера и моральные качества обладателя высокого и уважаемого звания бия: «Природный ум, особые душевные качества с присоединением к тому опытности и примерной приветственности есть качества и вместе с тем все достояние, посредством которых бий может иметь право носить это почетное имя». Родители, заметив у сына природные данные будущего бия, целенаправленно занимались формированием его мировоззрения. Молодого человека с раннего возраста включали в свиту известных степных судей. Он сопровождал их во всех поездках, довольно рано осваивая тонкости степного судопроизводства.

Рис. Казахские бии – Казыбек- би, Толе-би, Айтеке-би.

Особенности судопроизводства и достоинства суда биев. Судебный процесс начинался только после обращения заявителей или по просьбе властных структур: старшин, волостных управителей, султанов или ханов. По традиции сохранились некоторые элементы древних ритуалов. Например, для того, чтобы выбрать того или иного бия, участники процесса бросали перед ними плети в знак того, что доверяют ему разбирательство своего дела. Бии занимались решением дел от малозначительных и до самых сложных. Суд биев основывался на принципе состязательности. Участвующие в деле стороны могли явиться в суд и со своим бием, выполнявшим функции адвоката. Судебные разбирательства проходили у бия, в ханской ставке или же в заранее оговоренных местах. Би в одном лице был и следователем, и прокурором, и судьей. Суд биев проходил в словесной (устной) форме. Существовал институт свидетелей. Одним из положительных сторон суда биев было то, что он проходил публично, когда в процессе мог участвовать любой желающий.

Другим его достоинством было то, что сам процесс осуществлялся в очень сжатые и короткие сроки. Если ответчик не соглашался с составом суда, он мог отказаться от их услуг. В ходе судебного процесса первое слово предоставлялось истцу, второе – ответчику. Во время прений участникам процесса категорически было запрещено перебивать друг друга. Стороны обязывались предоставить веские доводы или предоставить улики против тяжущейся стороны. Жалобы на несправедливое решение биев встречались весьма редко. В случае неправильного вынесения приговора, би мог потерять свою репутацию, а вместе с тем и постоянный источник своего дохода. За свой труд би получал вознаграждение – «*бидің билігі*», который взимался с виновного. Размер его, как правило, составлял десятую часть от оспариваемого имущества. В истории Казахстана в XVIII веке заметный след оставили такие признанные народом бии, как *Толе* из Старшего, *Казыбек* – из Среднего и *Айтеке* – из Младшего жузов.

У казахов существовали такие виды наказаний как: *высылка*, *аип*, *кун*, *дуре* и *казни*. Смертная казнь применялась редко. Тюремь и места лишения свободы в степи почти отсутствовали. Существовал обычай выселения, изгнания из аула. Тогда от преступников отказывались родственники и единокордцы. Как правило, высланные жили на окраинах степи. Обвиняемые в совершении преступлений, вина которых доказывалась на бийском суде, выплачивали айыпы и куны.

Айып – это штраф за совершенное преступление. У казахов испокон веков существовал обычай взыскивать с виновного откуп – *ат-шекпен*, что означает «*коня-шубу*». За незначительную провинность проштрафившийся должен был выполнить все

требования потерпевшего. Совершившие тяжкие преступления откупались «девяткой» (скотом). Уличенный в воровстве платил трижды по 9 голов скота. «Девять скотин с верблюдом» - это 3 верблюда, 3 коровы, 3 барана. Под куном понимали штраф за убийство или увечье человека.

Человека, совершившего некоторые проступки, казахи наказывали посредством порки плетью или прутьями – *дуре салу*. Виновному оголяли зад и в зависимости от степени проступка определяли порку в 25, 50, 100 ударов. К примеру, кто распространял вредные и ложные слухи, то его наказывали плетьюми (дуре). Если сын оскорблял родителей или избивал мать, или отца, то его сажали на черную корову, лицом к хвосту, с завязанным на шее старым войлоком. Корову водили по аулу и провинившегося били плетьюми. Поскольку порка осуществлялось публично, то расценивалась как самая позорная и оскорбительная форма наказания.

Дуре способствовало охране общественного порядка, соблюдению традиции и обычая предков. Неверных жен наказывали тем, что ее лицо мазали сажей, обрезали косы. Муж объявлял с ней развод – *талак* (*трижды говорил слово «Талак!» - автор*). А если кто изменял своей вере, то у его родственников забирали все его имущество. Измена вере считалось одним из высших степеней позора для семьи, рода и племени. В условиях XVIII века преступник, по указанию бийского суда, приговоренный к смертной казни, мог обращаться к хану со словами: «Дат, таксыр» («*Выслушай, господин*» - автор). При этом говорил о своем последнем желании. «Дат» на персидском означает «справедливый закон, справедливость и просьба, заявление». Как правило, хан удовлетворял последнее желание приговоренного к высшей мере наказания. Казнь исполнялась через повешение или через удушение веревками. После удушения убитого привязывали к хвосту лошади и пускали в поле. За богоотступничество забивали камнями до смерти. К смертной казни приговаривали и за кровосмешение.

Отношение российских чиновников и исследователей к суду биев. О преимуществе суда биев хорошо написал А. Гейнс, исследовавший быт и обычное право казахов: «Суд биев скор и производится на словах, он довольно справедлив и всегда бескорыстен, и потому пользуется уважением не только казахов, но и разночинцев и казаков, из которых многие идут в суд биев».

Ш. Уалиханов писал о достоинствах суда биев: «Главное достоинство суда биев, по-нашему мнению, заключается в отсутствии формальностей и всякой официальной рутины. Значение, бия основано на авторитете, и звание - это есть как бы патент на судебную практику. Тяжущимся киргизам предоставляется право обращаться к любому из лиц, пользующихся судебским *геоптмее*, как у нас больные обращаются к медицинским авторитетам, а подсудимые – к известным адвокатам. Официальные выборы никогда не могут удовлетворять этим высшим условиям...Свободный выбор судей из всех лиц, носящих звание биев, предоставленный тяжущимся, вполне заменяет выборы и даже более достигает той цели, с которой обыкновенно производятся выборы. Бии у нас теперь занимаются своей профессией по призванию и имеют причины дорожить своей репутацией. Сделавшиеся же выборными чиновниками они во всем будут походить на наших управителей, которые тянут со всех и всем сами платят... Неблагонамеренный судья, при настоящем положении дел, без всяких скандалов может быть обойден: к нему никто не будет обращаться – и дело кончено». А высокопоставленный царский чиновник Л. Баллюзек также не мог не отметить позитивные стороны суда биев: «Это звание, в сознании народном, принадлежит тем немногим, которые с природным умом и даром красноречия соединяют в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических в нем преданиях. Только совокупностью этих народных способностей и приобретенных ими познаний

заслуживается репутация бия; или, другими словами, бий есть живая летопись народа, юрист или законовед его».

Другой исследователь И. Крафт в своей статье «Справедливый судья» также восторженно писал о деятельности степных судей: «В прежние времена биями назывались у киргизов влиятельные и уважаемые люди, к которым народ обращался за разбором своих тяжёлых дел и споров.... Биями считались самые умные и самые справедливые люди, и они не были представителями родовых и партийных интересов, так как их никто не выбирал. Прославился в народе кто-нибудь, как умный и правдивый человек, к нему и идут истцы за разрешением своих дел. Во всей степи было 3 или 5 биев, и решали они дела по совести и по обычаям народа».

Уважение к суду биев со стороны переселенческого русского населения. Суд биев пользовался всеобщим авторитетом среди многонационального населения степи. Нередко и русское население Казахстана во многих случаях предпочитало имперскому суду справедливый суд казахских биев. К примеру, весьма примечателен такой факт: в период с 1859 по 1865 годы в Кокчетавском внешнем округе было зафиксировано 117 обращений к суду биев русских. В Баянаульском округе из 65 обращений в суд в 63 случаях также апеллировали к справедливому суду казахских биев. За это же время в Акмолинском округе все 41 обращение относились к прерогативе суда биев.

Таким образом, имперский российский суд не выдерживал никакой конкуренции с более предпочтительным для полиязычного населения казахским судом биев. Царское правительство стало окончательно разрушать суд биев в 60-90-е годы XIX века. Он мешал колониальным властям внедрять общеимперское управление. Представители передовой казахской интеллигенции выступали за то, чтобы суд биев остался в первоначальном виде. К примеру, известный просветитель, ученый Ш.Уалиханов придерживался именно такой позиции. Видимо, и Казахстану надо возрождать этот древний институт биев, постепенно и осторожно включая их в современную судебную систему.

Источник: *Кабульдинов З.Е. Астана: прошлое и настоящее. - Алматы, 2017.*

Вопросы к теме:

1. Можете описать историю появления и функцию института тамырства?
2. Чем отличается тамырство от куначества?
3. Приведите примеры пословиц и поговорок о дружбе?
4. Какое место занимал институт биев в жизни традиционного казахского общества?
5. Опишите особенности судопроизводства в общественной жизни степного народа?
6. Какие виды наказания применялись в казахском обществе?
7. Как русские чиновники и исследователи описывали суд биев?

9. Гостеприимство тюркских племен центра Евразии

Исследователи Казахстана о гостеприимстве степняков. Издревле жители Великой степи отличались традиционным гостеприимством. Практически ни один народ в мире не мог в этом сравниться с жителями степи. Эта традиция формировалась на протяжении многих веков и тысячелетий. Пожалуй, одним из первых иностранцев хорошо зафиксировал гостеприимство жителей Казахстана древнегреческий историк Геродот: «Они (саки - автор) и соседей своих примиряют в несогласии, и кто в бегстве прибегнет к ним под защиту, тому никто не причиняет обиды». Мудрый и святой Коркыт-ата,

которого до сих пор почитают все тюркские народы, наставлял наших далеких предков придерживаться обычая гостеприимства следующими поучениями: «Дому, куда не приходит гость, лучше обрушиться». Богатые и бескрайние пастбища, позволяющие содержать многочисленное поголовье скота, личная свобода, честолюбие степняков позволяли нам не только жить самим в достатке, но и оставлять запасы продуктов для гостей, которые в степи считались путниками, направленными Всевышним.

В хозяйстве или имуществе любого степняка обязательно была и «доля» гостя. Причем, гость всегда находился под защитой хозяина. Не могли оскорбить гостя и осквернить древний обычай гостеприимства даже всемогущие правители, потому что те и другие, выполняя завет своих предков, уважительно относились к конаку (*гостю-авт.*). Об одном из этих конкретных случаев проявления этого обычая поведал нам видный деятель алашского движения, знаток казахской истории и культуры Мухамеджан Тынышпаев. События относятся к концу XVII-началу XVIII веков и затрагивают эпоху казахско-джунгарского военного противостояния: «Калмыцкий хан или контайши находился в гостях у Алдияра (*казахский батыр-авт.*). Речь шла о прекращении нападений соседей друг на друга. Алдияр встретился с Тауке ханом (*казахский хан, годы его правления -1680-1715 гг.-авт.*) и изложил ему желание контайши. Тауке хан решил поймать и убить вражеского правителя. Но Алдияр отказался выдать своего гостя, ссылаясь на закон степи. Противостояние между ханом и батыром закончилось тем, что Алдияр вынужден был защитить своего врага контайши, чтобы не нарушить священный казахский закон». Ценой жизни своего брата Майлана и своих воинов Алдияр батыру удалось отбиться от отряда хана и в целостности и сохранности перепроводить контайши к его кочевьям. В знак глубокой благодарности контайши освободил всех однородцев Алдияра, которые находились у него в плену, и даже тех, кто просто знал и слышал об этом благородном и честолюбивом батыре.

В конце XIX века российский исследователь немецкого происхождения *Виктор фон – Герн* писал: «Казахи... до сих пор отличаются приветливостью, добродушием и гостеприимством, которое возведено у них даже в культ». Любопытный гость всегда находился под крепкой и надежной защитой хозяина. Один из видных немецких исследователей Казахстана XIX века *Ф. фон Хелльвальд* по этому поводу отмечал:

«Киргиз – кайсаки в высшей степени гостеприимны, так что чужестранец может спокойно спать в юрте, не боясь быть ограбленным или убитым».

Французский исследователь *Ш.Е. Ужвальд де Мезе – Ковезд* также по достоинству заприметил эту удивительную и уникальную черту характера жителей Великой Степи: «По своим человеческим качествам казах весел, открыт, умен, честен и очень гостеприимен. ...Они встречают иностранцев в своих кибитках с отменным гостеприимством». Не могли не заметить это и американцы, работавшие в крае, как правило, в английских горнорудных компаниях. Так, в конце XIX века в степях Казахстана некоторое время работал американский инженер *Э. Нельсон – Фелл*, который не сумел сдержать свои эмоции, наблюдая за этим действием непривычного для него обычая: «Это, конечно, чудесный закон, и ему повинуются повсеместно. Гостю аула ни в чем нельзя отказать, неважно, каковы были взаимоотношения между ним и хозяином... Долг гостеприимства властвует над всеми другими чувствами. Большинство законов и обычаев иногда нарушается, но этот закон никогда».

У степняков существовал обычай *қонақ – асы* (*пища для гостя -авт.*), согласно которому каждый из них обязывался предоставлять бесплатное угощение и ночлег любому гостю. Нежданного гостя казахи называли «посланником Всевышнего» и поэтому не могли не принять его достойно. Вот как на этом обычае останавливался российский исследователь *Н. Изразцов*: «В прочем, киргизы гостеприимны и в этом

случае не отличают своих от чужих. По обычаю, гость – дар Бога, и его следует накормить, не жалея средств. У них принято считать, что все, что делается для гостя, делается для Бога». Более того, по поверьям казахов «Қырықтың бірі қыдыр» («Один из сорока – святой Кыдыр») и гость с собой обязательно приносит счастье и благоденствие. Поэтому эта поговорка заставляла кочевников принять их достойно. Отказавший в предоставлении конак-асы подвергался общественному осуждению. Оставшийся без угощения и приюта путник мог преспокойно заявить об этом степному бию (*судье - автор*). Нередко за несоблюдение и нарушение священного обычая гостеприимства скупых хозяев наказывали штрафом – *ат-тон айып* (*штраф в размере коня и шубы - автор*). Этот вид наказания зафиксировал А. Гейнс: «Каждый путешественник должен быть угощаем по мере возможности. Если хозяин не пустил в свою юрту путешественника, то он должен заплатить истцу лошадь и халат». От гостя требовалась самая малость: передать как можно побольше новостей и другой ценной информации, о чем поведал польский ссыльный Б. Залесский: «Если гость хочет быть любезным, то он должен много есть и как можно больше говорить!».

Рис. Обычай «Ауыз тиу»

А обычай *ауыз тиу* («отведать угощение» - автор) был древним обычаем степняков. Кто бы ни приходил в дом, юрту, хозяева его не отпускали до тех пор, пока он не отведаст угощения и не произнесет бата (*благодарение-авт.*). Восторгался уникальным обычаем гостеприимства, которого не было у многих народов мира и польский ссыльный А. Янушкевич: «Если вдоль всего земного шара расселить казахов, то благодаря им можно было бы объездить весь мир, не потратив на то ни одной копейки». Даже по отношению к своему заклятому врагу распространялся этот древний неписанный обычай, о котором засвидетельствовал еще в 1803 году российский исследователь Я. Гавердовский: «Неприятель, в день самой брани, прибыв к кибитке своего врага под видом гостя, найдет у него пристанище». Известный знаток русского языка В.И. Даль когда-то также отмечал чрезмерное гостеприимство казахов: «Коль уж ты попал на землю казахскую, то побереги свой кошелек в кармане и не вытаскивай его, ибо здесь не принято считать копейки, для здешнего народа это просто чуждо».

У казахов бытовал и обычай *ерулік* – традиция приглашения новоселов в гости родственниками и соседями. Новоселов, переехавших из другой местности, родственники

или соседи приглашали на угощение. Этим они выражали свое особое внимание и добрые намерения. Этот обычай помогал переселенцам быстрее адаптироваться и привыкнуть к новому месту жительства и поближе познакомиться с жителями аула.

Широко бытовал обычай *қалау*, когда любой гость мог выбрать приглянувшуюся ему в доме вещь. При этом хозяин не мог отказать выбору гостя. Таким образом формировались основы дружеских отношений. *Қымыз-мұрындық* был обычаем, связанным с началом сезона кумыса, когда с весны скотоводы начинали массовое доение кобыл. По этому случаю приглашали аульчан и угощали их первым кумысом. Устроителям кымыз-мұрындықа аксакалы давали свои бата (*благословения - автор*).

Продажа кумыса гостям и одноаульцам категорически запрещалась. В зимнее время местное население приглашало всех жителей аула, родственников на обязательное угощение заготовленным впрок конским мясом (*соғым*) – «омыртка» (*повздоночник - автор*). Во время приема пищи, первым начинал трапезу хозяин дома. Видимо, этот обычай был отголоском тех далеких времен, когда существовали случаи отравления гостей. В этой связи знаток казахской этнографии еще в XIX веке А. Даль подчеркивал: «Нельзя принимать пищу, прежде чем не отведаст хозяин».

Рис. Казахский гостеприимный дастархан.

Традиция гостеприимства поддерживалась и многочисленными пословицами и поговорками, которыми изобилует речь любого казаха:

«Жолаушының азығы жолында» («Путнику пища достается в дороге»),

«Қонақ асыңа емес, қабақ – қасыңа риза» («Гость доволен не угощением, а добрым обхождением»),

«Қонақ келсе есікке, жүгіріп шық кешікпе» («Если к дому подъехал гость, то быстро выходи встречать его, не задерживаясь»),

«Қонақ аз отырып, көп сынайды» («Гость мало сидит, но многое замечает»),

«Қонағының алтынын алма, алғысын ал» («У гостя не бери золота, а бери благодарение»),

«Құтты қонақ келсе, қой егіз табады» («Если гость будет хороший, то овца приносит двойню»),

«Қонақ келсе құт келер» («Гость придет – счастье в дом зайдет»),

«Қонақ келсе ет пісер, ет піспесе бет пісер» («Когда гость приходит, мясо варят, нет мяса – лицо хозяина горит от стыда»), «Би болмасанда, би түсетін үй бол» («Можешь не быть бием (*степным судьей - автор*), но стань достойным хозяином, способным принимать в гости бия»).

В начале третьего тысячелетия традиция гостеприимства нашла свое достойное продолжение. Весь окружающий мир знает казахстанцев как самый гостеприимный народ в мире. Это стало неписанным правилом и стереотипом поведения всех казахстанцев. Традиция гостеприимства хорошо работает на формирование дружественных отношений между представителями различных этносов по отношению друг к другу. Она является цементирующей основой межнационального мира и согласия. Это качество выгодно отличает нас от всего окружающего мира. Благодаря гостеприимству казахов в годы высылки, политических репрессий, массовых депортаций и эвакуации в республику граждан с европейской части бывшего СССР здесь нашли свое спасение от голодной смерти и холода миллионы людей. Поэтому мы должны всегда помнить и не забывать, что казахи, казахстанцы – один из самых гостеприимных народов в мире. И это – наше главное достоинство и наш национальный бренд.

Источник: Кабульдинов З.Е. *Астана: прошлое и настоящее.* - Алматы, 2017. - с.302-306

Вопросы к теме:

1. Какими отличительными свойствами характера выделялись степные народы?
2. Что вы можете рассказать об обычаях гостеприимства у степняков?
3. Какого мнения придерживались иностранные исследователи в своих трудах об обычаях казахов?
4. Приведите примеры пословиц и поговорок о гостеприимстве казахов?

10. «Народ, говорящий на языке князей» и верный слову

Жители степи – прирожденные ораторы. Общеизвестно, что наибольшим уважением и почетом в традиционном казахском обществе пользовались те степняки, кто мог красиво и складно говорить. Ценность слова возрастала из-за того, что среди степняков были сильны традиции изустной передачи информации. Отсутствие библиотек, радио, телевидения, современного интернета, кочевники с лихвой восполняли словесными баталиями и состязаниями, изустной передачей информации из поколения в поколение. Не случайно, что в казахском языке 2,5 миллиона слов и он относится к одним из самых богатейших языков мира. В то время как в английском словаре – 240 тысяч, в китайском – 400 тысяч. К примеру, одно понятие у казахов о воде имеет около 420 названий.

Искусство владения словом считалось у казахов первым и важным ремеслом по сравнению со всеми остальными: «Өнер алды – қызыл тіл» («Самое главное искусство – это искусство красноречия» – авт.). При этом каждый житель степи был прекрасно осведомлен о том, что никто не имеет права заставить человека замолчать, не позволив ему высказаться, кем бы ни был его собеседник: «Бас кеспек болса да, тіл кеспек жоқ» («Голову можно отрубить, но язык невозможно»). Высокими знатоками слова были казахские бии, которые благодаря своему красноречию и находчивости вершили судьбы людей в словесной, публичной формах на принципах состязательности, справедливости и честности. Степные ораторы могли одним тезисом примирить враждующие роды и племена, умело вести переговоры с представителями соседних государств. Искусство владения метким словом было обязательным условием вступления на должности биев. Обычай гостеприимства также требовал знания азов владения ораторским искусством. В противном случае, оказавшись вдали от дома, появлялась угроза быть плохо принятым: ведь в обмен на теплый прием гость должен был поделиться своей

информацией и своими знаниями, и все это красиво преподнести. Заметно возрастал вес и статус оратора, сила словесного обращения в самые переломные моменты истории, когда решалась судьба народа. К примеру, в 1710 году в ходе общеказахского курултая батыр Букенбай, который, хорошо зная цену устного выступления среди соплеменников, к казахским воинам обратился со следующими словами, после которых они с особым неистовством ринулись на врага и наголову его разгромили: «Отомстим врагам нашим! Умрем с оружием! Не будем слабыми зрителями разграбленных кочевков и пленных детей наших! Робели ли когда воины равнин кипчакских! Еще нет у нас недостатка в добрых конях! Еще не опустел колчан со стрелами острыми!».

Известные ученые об ораторском мастерстве казахов. Один из российских исследователей казахского языка В. Радлов отмечал, что «и султан, и простолюдник подобно князьям, говорят красиво, складно, благозвучно и богато». Он же в своем знаменитом труде «Тюркские степные кочевники» более уточняет это непревзойденное качество евразийских скотоводов: «Киргизы (*казахи-авт.*) выделяются среди всех своих соседей даром речи. Речь каждого киргиза течет плавно и свободно. Киргиз так владеет словом, что он не только может произносить длинные импровизации в стихах, но и обычная его речь отличается определенным ритмом в построении фраз и периодов, так что и она нередко подобная стихам. Она образна, выражения ясны и точны, так что киргизов можно с полным основанием назвать французами Западной Азии. Нет ничего удивительного в том, что именно у такого народа, как я уже писал, возникла особенно богатая народная литература». А доктор А. Брем в своей популярной в ученых кругах работе «Путешествие в Западную Сибирь», также подтверждает наличие ораторских данных у коренных жителей Казахстана: «Киргизы могут быть также искусными ораторами». Об этом же писал и известный польский ссыльный Б. Залесский: «Казахи красноречивы и сами они считают это признаком хорошего воспитания или благородного происхождения». Его соотечественник А. Янушкевич, знавший и понимавший язык местных скотоводов, открыто восторгался словесной баталией представителей двух дискутирующих и противоборствующих родов: «Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда не слышали о Демосфене и Цицероне». Не смог не заметить это великолепное качество номадов и Б. Куфтин в своем замечательном труде «Киргиз – кайсаки» в самом начале XX века: «В разговоре киргиз-кайсаки являются прирожденными ораторами, умея облекать свои мысли в прекрасную и образную форму, они с удовольствием слушают красивую речь другого. В самом обыкновенном разговоре фраза часто строится так, что появляется ясный ритмический размер». А уже в советское время скрупулезный российский исследователь Н. Малицкий также подметил особенное красноречие степняков: «Казахи словоохотливы, красноречивы, остроумны и жизнерадостны». А талантливый собиратель казахских народных песен и музыки применительно к первой половине XX века А.В. Затаевич также подчеркивал, что «и в живой речи казахи - прирожденные ценители и любители изысканного красноречия».

Роль и место пословиц и поговорок в красноречии степняков. До сих пор речь казахов изобилует мудрыми поговорками и пословицами, потому что на первое место люди ставили владение искусства устного слова. Они по любому случаю стараются украшать свою речь небольшими пословицами и поговорками, стихотворными формами и устоявшимися словосочетаниями, выдержками из поэтических строк известных поэтов прошлого и настоящего. Известный казахский ученый и путешественник, чингизид Шокан Уалиханов (1835 – 1865) также не мог не обойти эту особенность культуры слова своих соплеменников, жизнь которых он знал изнутри и не понаслышке:

«Всякий бий и султан помешан на пословицах в разговоре с кайсаком, старается пересыпать ими почти всякую фразу. Кочевники большие охотники до ораторских выступлений и особенно ценят того, чья речь блещет юмором или отмечена находками».

Рис. Врожденная дипломатия и ораторское мастерство казахов.

Существует множество пословиц и поговорок, касающихся искусства слова:

«Тіл – адамға кілт», («Язык – ключ к человеку»),

«Басқа пәле тілден» (Проблема для человека – от его языка), «Батырдың сөзі – мың теңгелік» («Слово батыра стоит тысячу тенге»), «Ер жігіттің екі сөйлегені – өлгені, емен ағаштың иілгені – сынғаны» («Если мужчина не сдерживает свое обещание – это его смерть, если дуб растет криво, то он обязательно сломается»),

«Ердің көркі – сақал, сөздің көркі – мақал» («Красота мужчины – в бороде, красота слова – в пословице»),

«Ердің өзіне қарама, сөзіне кара» («Не обращай внимание на внешний вид мужчины, а смотри на его слова»),

«Көз жетпеген жерге сөз жетеді» («Туда, куда не доходит взгляд, может дойти слово»),

«Көп тыңда, аз сөйле» («Много слушай, мало говори»),

«Көп сөйлесең – тақылдақ дер, сөйлемесең – ақымақ дер» («Если много говоришь, примут за болтуна, если мало – за дурака»),

«Көп сөйлеген күпілдеп сырын айтып қояды» («Кто много говорит, тот может выдать свой секрет»),

«Мақал сөздің мәйегі» («Пословица украшает речь»),

«Ойнап сөйлесең де, ойлап сөйле» («Если даже шутишь, говори обдуманно»),

«Сөз тапқанға қолқа жоқ» («Находчивому в слове – нет претензии»), «Шешен сөз бастар, батыр қол бастар» («Оратор начинает первым говорить, а батыр становится первым во время военного похода»).

Исторические рассказы. В виду отсутствия у кочевников широко распространенной письменной литературы значительное развитие у них получил такой вид жанра устного народного творчества как *исторические рассказы*. Рассказчиками, как правило, были мудрые люди – *шешены* (мастера слова – автор). Они глубоко почитались в традиционном обществе. Исторические рассказы также, как и стихотворные произведения передавались из поколения в поколение в устной форме. Каждый род имел своих опытных рассказчиков. Во время праздников и тоев они выполняли функции

хранителей и трансляторов информации, исходящей от того или иного аула, рода, племени или жуза. На каждом крупном мероприятии степные ораторы знакомили слушателей с историческими преданиями. Они сопровождались мудрыми *изречениями*, афористическими высказываниями, к месту вставленными пословицами и поговорками, остроумными сюжетами из обыденной жизни. Они оказывали огромное воспитательное влияние и воздействие на молодежь, которая старалась запоминать и заучивать эти рассказы, и, в свою очередь, передавая их последующим поколениям. В частности, до наших дней сохранились известные рассказы и изречения Казыбек, Толе и Айтеке биев, Бухар жырау.

К примеру, основная тема исторических рассказов XVIII века была связана с борьбой казахского народа против джунгарского нашествия, войны с волжскими калмыками. Традиции уважения к слову дошли и до наших дней. Среди наших современников до сих пор можно встретить людей, которые искусно владеют метким словом, используя всю мощь богатого казахского языка. В каждой семье имеются рукописи с образцами мудрых изречений степных сказителей, ораторов и поэтов-острословов.

Много исторических рассказов дошло до нас благодаря подвижничеству признанного исследователя фольклора, исторических преданий и генеалогии, талантливому поэту и философу, блестящему публицисту, просветителю и народному трибуну Машхур Жусип Копейулы (1858 – 1931). Он еще при жизни стал святым и весьма почитаемым в Степи провидцем. После себя он оставил около 20 томов фольклорных произведений, которые он при жизни собирал по всему Казахстану. Собираем фольклора М.Ж. Копейулы начал заниматься в раннем возрасте. В 1865 году он записал эпос «Ер Олжабай батыр», при этом большое влияние и помощь ему оказал его учитель Хамар хазирет. В юношеские годы он записал исторические сведения об Абылай хане, Казыбек бие, Богенбай батыре и многих других исторических личностях. Он исколесил многие аулы, расположенные в районе Омска, Павлодара, Семипалатинска, Петропавловска, Атбасара, Акмолы и многие другие регионы края. Побывал и на территории Южного и Западного Казахстана. В ходе этих поездок он встречался с такими известными деятелями Степи как Мейрам кажы Жанайдарулы, потомками хана Кенесары, а также поэтами Ақан Сері и Саққулақ би. Записанные им произведения стали богатым материалом для ученых-фольклористов, историков и филологов. Машхур Жусип был прекрасным краеведом.

Обычай степняков сдерживать свои обещания. Жители страны Великой степи не только красиво и складно говорили, отличаясь богатством и сочностью языка, но и были «хозяевами» своих слов и обещаний. Это было также зафиксировано в пословицах и поговорках, например, «Ердің сөзінде тұрмағаны – өлгені» («Отказ от своих слов – смерть для мужчины»). В «Великой Ясе» Шынгысхана, сыгравшей существенное влияние на духовную культуру казахов, имеется одна уникальная статья: «Самый достойный из мужчин это тот, кто сдерживает свое обещание».

Значительная часть исследователей традиционного общества применительно к новому периоду как в один голос заявляют о том, что казахи обязательно сдерживали свои обещания. По этому поводу казахи говорили: «Айтқан сөз – атқан өкпен тен» («Вылетевшее слово подобно выстрелу пули»). Обещав кому-то что-то сделать, они считали, что все это – аманат (долг, который обязательно следует выполнить-авт.), требующий обязательного исполнения. Даже, при проведении погребального обряда, у участников похоронной процессии муллы обязательно спрашивали и спрашивают до сих пор, «не должен ли вам покойный, выполнил ли он свои обещания в этой жизни?». Родственники, страхуясь, что покойный мог что-то забыть вернуть, обязательно заранее

раздают садака скотом, материалами или деньгами. Более того, вещи покойного также раздаются близким и родным. Если даже в таком случае выявляется факт невозвращенного долга или невыполненного обещания, то близкие и родные во что бы то ни стало старались быстро исправить ситуацию. Беря у ростовщиков без расписки деньги для уплаты государственных податей, степняки, даже по истечении некоторого времени, в обязательном порядке возвращали причитающийся и при этом «возросший» долг. На этот счет российский исследователь Н. Троицкий на примере казахов Внутренней Орды подчеркивал: «Киргизы – народ необыкновенно честный; никогда не нарушают данного слова, несмотря на запрещение, купцы всегда охотно верят им на большие суммы, и хотя киргизы знают, что их нельзя принудить платить, если они того не хотят, однако платят свои долги всегда исправно, платят часто больше, чем следует, кричат да платят! Платят часто и тогда, когда сам купец, поверивший им, не помнит уже о долге или считает его пропавшим, а иногда честные киргизы добровольно уплачивают наследникам его такие долги свои, о которых те никогда и не подозревали». В этом плане хотелось бы привести слова и прекрасного знатока жизни казахов Н. Петропавловского: «Киргизы (*казахи-авт.*) – верны слову!». А российский путешественник и дипломат Назаров Ф. в своих «Записках о некоторых народах и землях Средней части Азии» также подмечает это ценное качество характера степняков, но уже при заключении брачных уз: «Так как киргизы (*казахи-авт.*) свято сохраняют данное обещание, то сватовство делается между отцами при самом младенчестве их детей». А в двухтомном труде «Описание Западной Сибири» И.Завалишин также заметил это уникальное качество коренных насельников Казахстана: «Если он (*казах – авт.*) уже дал слово искренне, то сдержит оное, хотя бы пришлось поплатиться за сие головой».

В настоящее время мы также должны возрождать древнюю традицию богатейшей языковой культуры. В этой связи Глава государства Н.А. Назарбаев огромное внимание уделяет консолидирующей и цементирующей роли казахского языка, которая отличалась своим богатством и единообразием: «Редко какой народ мира может похвастаться, что его пастухи говорили на языке князей». Более того, мы обязаны возродить и такое уникальное и важное человеческое качество, присущее нашим предкам, как обязательное сдерживание своего обещания и верность слову. Это становится очень важно, когда Казахстан – признанное мировым сообществом государство, стремится к интеграции с остальным миром.

Источник: Кабульдинов З.Е. *Астана: прошлое и настоящее.* - Алматы, 2017. - с.279-284)

Вопросы к теме:

1. Как идентичность отражалась в искусстве владения словом у казахов?
2. Какие современные авторы-известные ученые описали в своих трудах ораторское мастерство казахов?
3. Покажите роль и значение пословиц и поговорок в жизни степняков.
4. Каким образом в устном народном творчестве отражены традиции казахов?

11. Владение особым музыкальным и поэтическим даром

Поэтичность и музыкальность казахов. Казахи, также, как и их далекие предки – кыпчаки, тюрки, гунны и саки, традиционно отличались своей поэтичностью и музыкальностью. Европейские ученые обосновали, что поэзия и музыка родилась именно в среде кочевников – скотоводов. В подтверждение этого мы до сих пор продолжаем находить на территории Казахстана уникальные петроглифы с

изображением людей, играющих на музыкальных инструментах. И они были высечены на камнях примерно 2,5 тысяч лет тому назад. За годы советской власти эти качества мы несколько растеряли. Став «советскими людьми», мы стали менее поэтичны и музыкальны. Более того, большевики вынесли свой вердикт, что эти особенности в нашей культуре являются ничем иным как «проявлением отсталости и патриархальности». Тем не менее степняки были народом поэтичным и музыкальным.

Рис. Музыкальное творчество казахов.

Во-первых, поэтичность и музыкальность получили самое широкое распространение с незапамятных времен. В степи ценилось слово, и причем, красивое, которое укладывалось в поэтическую рифму.

Во-вторых, музыка с поэзией шли, в основном, вместе и неразрывно. Стихи поэтов, как правило, обязательно перекладывались на музыку. Поэты были музыкальны, а музыканты – поэтичны. Акын в одном лице, как правило, был и поэтом, и композитором, и исполнителем. Поющие поэты и поэтичные музыканты выходили из любой среды. Они могли быть богатыми, среди них часто встречались и бедные люди. Об этом хорошо написал один из лучших сыновей русского народа Г. Потанин, который очень сочувственно и весьма уважительно относился к казахам и искренне их любил: «Вся степь кишит поэтами и певцами. Пока у киргиз, как было сказано выше, поэзия и музыка не отделились одна от другой; кто слагает рифмы, тот же дает песне и ритм. В степи все поют; здесь есть цари - композиторы и конокрады – композиторы. Поэты у киргизов выходят из всякой среды, живущей в богатых юртах и из закоптелых бедных шалашей, из среды, живущей еще по древнему обычаю и преданию, и из среды киргизской уже по европейской мыслящей интеллигенции. Можно сказать, что возрождение у киргиз начнется с музыки». Об этом же говорит и знаменитый венгр Г. Вамбери, выгодно ставя казахов в этом плане намного выше многих европейских народов: «Восток искони был страной поэтических грез, и чем более общественная жизнь сохранила на себе отпечатки первобытности, т.е. чем юнее цивилизация, тем общее склонность к поэзии и басне, тем сильнее страсть к сверхъестественным гиперболам и вымыслам. Поэтому никто не должен удивляться тому, что у обитателей киргизской (*казахской-авт.*) палатки более склонности к поэзии, чем членов образованного общества в Париже или Лондоне. Сказок или рассказов о геройских подвигах, изложенных в стихах или прозе, у кочевников очень много».

Для выявления талантливых поэтов – импровизаторов проводили *айтысы* (*поэтические состязания поэтов-импровизаторов - автор*). На них акыны открыто

высказывали свои оценки различным явлениям и событиям общественной жизни. Высмеивали и осуждали недостойное поведение людей, показывали в неблагоприятном виде их недостатки. Поэтому честолюбивые степняки больше всего заботились о сохранении своей репутации и доброго имени, чтобы не попасть «под разнос» айтыскерам.

Люди в степи, несмотря на свое происхождение и социальное положение, были вынуждены проявлять лучшие человеческие качества: гостеприимство, щедрость, богобоязненность, уважение к старшим и предкам и т.д. Иначе говоря, кочевники вырастали в такой среде, где всегда присутствовало общественное осуждение и неминуемое порицание, в том числе и со стороны поэтов-импровизаторов. Победителям песенных турниров вручали ценные призы в виде кусков золота, табунов лошадей, отар овец. Наиболее талантливых из них народ называл *сері*, *сал*. Они всегда были любимцами народа.

Рис. Айтыс.

До сих пор мы помним Акан сері, Біржан сала, акына Жамбыла и многих других. Айтыс – импровизированное песенное состязание двух акынов. Практически каждый род имел такого акына, который прославлял свой род, племя, его выдающихся представителей – батыров, биев, балуанов и т.д. Во время песенного состязания акыны без какой-либо предварительной подготовки сочиняли стихи. Они поочередно вели словесное поэтическое состязание в присутствии огромного скопления людей. Участники айтыса соревновались в знаниях, мудрости, остроумии и находчивости. Они должны были хорошо знать историю, генеалогию, обычаи и обряды народа. Айтыс исполнялся под сопровождение таких музыкальных инструментов, как домбра, гармонь и кобыз. Состязание проходило в публичной форме. Присутствующие своими возгласами определяли победителя. Слава о таких поэтах быстро распространялась по степи.

В XIX веке известными мастерами айтыса были поэты Орынбай, Жанак, Шоже, Биржан, Асет, Сара, Суюмбай и многие другие. С этого же времени айтысы стали записываться российскими и европейскими исследователями. В айтысах отражались и обнажались наиболее злободневные и актуальные проблемы традиционного общества. От острого языка и меткого слова мастеров айтыса никто не находил спасения.

Музыка. Музыка в духовной жизни казахов занимала значительное место. Основными формами музыкальных произведений были песни и кюи. Они исполнялись как в форме сольного пения и игры, так и хорового исполнения. В изучаемое время

среди степняков было известно более 20 музыкальных инструментов. Это домбра, кобыз шертер, жетиген, сазсырнай, шанкобыз, дангыра, асатаяк, сыбызгы, дауылпаз и другие. Одним из знаменитых кобызшы был *Тилеп Аспантайұлы* (1757 – 1820). В возрасте 13 лет он начал играть на кобызе. До нас дошли его кюи «Толгау», «Аллам жар», «Баксы» и т. д. В честь своего легендарного предка известный столичный бизнесмен и меценат Сапар Искаков построил в Астане уникальный «Тилеп Қобыз сарайы». Талантливым домбристом и поэтом Байжигитом из рода керей были созданы такие кюи как «Ақтабан шұбырынды» (*Годы Великого бедствия – авт.*), «Қайың сауған» (*Доение березы-авт.*), «Аңшы зары» (*Печаль охотника – авт.*) и другие. Автором многих кюев был и знаменитый казахский хан *Абылай*.

Песни и кюи исполнялись на всех важных праздничных мероприятиях, а также на тризнах. Свадебные торжества начинались с песни «Тойбастар». На свадьбах и молодежных праздниках обязательно исполнялись песни «Жар-жар». При прощании со своим родными и близкими молодые девушки-невестки исполняли трогательные и грустные песни - прощания. В ауле жениха ее встречали с песней-назиданием

«*Беташар*», в песенно-музыкальной форме знакомя с родителями и родственниками жениха. Во время похорон исполняли особые песни – жоктау (*причитания-авт.*). Благодаря деятельности талантливых певцов, акынов, музыкантов до нас дошли такие поэмы как «*Қозы Көрпеш-Баян Сұлу*», «*Қыз Жібек*», а также кюи как «*Ақсақ құлан*», «*Жошыхан*», «*Қобыланды батыр*» и другие бесценные творения.

Свидетельства ученых о казахских поэтах – музыкантах. Всеобщее и повальное увлечение степняков музыкой и поэзией не могли не пройти мимо внимания исследователей той эпохи. Приверженность к творчеству местных автохтонов отмечал известный российский исследователь начала XIX века Я. Гавердовский: «Все киргизцы, начиная от детей до старца, имеют природную склонность сочинять песни без приготовления. Можно даже по желанию задавать им сюжет к пению, они, не останавливаясь, тотчас начнут свою гармонию, и, если потребно, целый час будут мучить, с единообразием описывая предмет».

Хороший знаток степной культуры Г. Потанин почти через 100 лет также подчеркивал: «Между киргизскими певцами есть виртуозы в исполнении, которые умеют придать пению выразительность; это не простое пение, а пение с отделкой, артистическое. Киргизский народ потрудился над обработкой своей песни, и потому она вышла такая оригинальная, что при звуках ее сейчас же переносишься в своеобразную киргизскую обстановку; начинаешь воображать себя в разгоряченном воздухе киргизской степи, среди киргизского пейзажа и даже начинаешь чувствовать ароматы степных трав – так и несет запахом полыни».

Сегодня мы должны возрождать наши богатые традиции стихосложения и музыки. Для этого необходимо увеличивать количество музыкальных школ, с детства прививать нашим детям любовь к поэзии. И всегда помнить о том, что наши предки были и поэтичны, и музыкальны.

Источник: *Кабульдинов З.Е. Астана: прошлое и настоящее. - Алматы, 2017. - с.284-287.*

Вопросы к теме:

1. В какой среде, по мнению европейских ученых, зародилась степная поэзия и музыка?
2. Как называется импровизированное песенное состязание двух акынов? Значение этого творчества для степняков.
3. Определите роль и место музыки в духовной жизни казахов.

12. Традиционные формы ведения хозяйства

В XVIII – начале XX веков, когда у казахов существовало традиционное хозяйство, степняки жили небольшими аулами. Основным видом их хозяйственной деятельности было скотоводство. В отдельных регионах развивались земледелие и рыболовство. Охота носила подсобный и вспомогательный характер.

В этот период казахское население жило в небольших поселениях – аулах. Необходимость прокормить значительное количество скота заставляла их постоянно делиться на небольшие поселения. Численность хозяйств аулов составляла примерно от 5 до 20. Как правило, в одном ауле жили близкие родственники. Средняя численность одной семьи составляла около 5–7 человек. Аул управлялся старейшиной, бием или уважаемым аксакалом. Как правило, аул носил название имени известного родоправителя или местности (урочища). В степи аул при кочевке старались расположить ближе к зарослям кустарников или лесным массивам как источникам топлива. Лес и горы служили естественной защитой от зимних стуж и буранов. Здесь же можно было запастись дровами и строительными материалами. При выборе мест для поселения степняки учитывали и наличие водных источников – рек и озер. В случае отсутствия таковых рыли колодцы.

В летнее время казахи жили в юртах. В редких случаях она служила в качестве зимнего жилища. В этом случае юрту покрывали несколькими слоями войлока и обкладывали снегом. В южных регионах в юрте жили, как правило, круглый год. Немецкий ученый Ф. фон Шварц восхищенно писал: «Исключительным жилищем киргиз-кайсаков и зимой, и летом является юрта, одно из самых практичных изобретений, которое когда-либо сделал человек». Изготовлением деревянных частей юрт занимались мастера-уйши, а войлок для нее катали исключительно женщины. Последние занимались сборкой и разборкой юрт.

Самым почетным местом в юрте считался төр – место напротив входа. Сюда усаживали самых уважаемых и почетных гостей. Находящийся в юрте гость, вне зависимости от религиозной или национальной принадлежности, всегда находился под защитой хозяина.

В 30–50-х годах XIX в. у казахов наметилась устойчивая тенденция строительства постоянных оседлых жилищ. Зимние жилища, которыми они очень дорожили, назывались кыстау. Строили их на самых плодородных землях. Рядом, как правило, находились родовые захоронения. Вблизи от кыстау степняки имели небольшие посеы и сенокосы. Зимние жилища оставались лишь в тех случаях, когда имела место массовая смертность людей или падеж скота. Кыстау строились из разных материалов: камня, дерева, дерна и самана.

К концу XIX в. местное население стало строить дома с двускатными крышами. В доме устанавливали печь с казаном. Проем окна затягивался бычьим пузырем. Зимние жилища состояли из двух частей, разделенных печью: входная (ауыз үй) и жилая (төр) части. Над земляным полом жилой комнаты возвышался нар – небольшое деревянное возвышение. На рубеже XIX–XX вв. количество комнат у жилищной части казахов увеличивается до 3–4. В то же время появляются срубные дома с деревянными полами. Как правило, их изготовляли русские плотники. Казахи топили юрты, зимние жилища исключительно хворостом и тезеком (кизяк). По обычаям степняков рубить живые деревья строго запрещалось.

Жилые помещения и хлев вплотную примыкали друг к другу. Скуденность построек была удобна ввиду сильных зимних стуж и ветров. Во дворе у казахов имелась хозяйственная постройка шошала (куполообразное холодное строение), в которой хранили мясо и другие продукты питания. Оставшиеся на зимовьях домашние

животные ночью содержались в помещениях – малкора. В северных, северо-восточных и центральных районах их делали крытыми. Часто в качестве крыши использовали сложенный сверху запас сена.

При перекочевках один из опытных аульчан выбирал подходящее место с водой и подножным кормом. Представители одного рода кочевали обычно вместе. Как писал известный исследователь казахского быта Н. Троицкий: «Каждый род имеет свои постоянные кочевья, и на обыкновенных привалах одного рода другой уже не останавливается». В зимнее время табуны лошадей паслись в открытой степи – тебеневали. Кони добывали траву из-под снега, разгребая его копытами. После лошадей пасае крупный рогатый скот, верблюды, овцы и козы.

Скот для казахов во все времена был мерилем всех благ. Скотоводческое хозяйство служило источником пищи, шкуры овец, жеребят, коз шли на выделку кож для одежды и обуви. Овечья и верблюжья шерсть использовалась для изготовления войлока, армячины, веревок, тесем и ковров, шерсть коз – на шали. Из кожи скотоводы изготавливали ведра для воды (*қауға*) и посуду для кумыса (*саба, торсық*). В качестве основного топлива кочевники повсеместно использовали тезек – высушенный помет домашних животных. Основными видами домашних животных были лошади, овцы и верблюды. Со второй половины XVIII в. увеличилось количество крупного рогатого скота.

Овцеводство – одна из древних и развитых отраслей животноводства жителей Степи. Этому способствовало наличие здесь огромных площадей естественных пастбищ. Основными породами для разведения были грубошерстная и курдючная. Овцы были выносливы, легко переносили жару, холод и голод. Крупный баран мог дать до 2 пудов мяса, до 1 пуда сала и 4 фунтов шерсти.

Казахские лошади были низкого роста, широкогрудые, покрытые длинной шерстью, хорошо приспособлены к круглогодичному пастбищному содержанию. Отличались большой выносливостью, быстротой бега и силой. Казахская лошадь могла в течение 10–15 часов с небольшими перерывами и без корма преодолеть до 150 верст расстояния, поэтому очень ценилась у русских переселенцев. Лошадь снабжала степняков мясом, кумысом, использовалась для верховой езды и сельскохозяйственных работ.

Разведение крупного рогатого скота базировалось на низкорослых породах – казахской и калмыцкой с невысокой удойностью. В большинстве своем выращиванием такого вида домашних животных занимались в северных регионах, поскольку его лучше скупали крестьяне-переселенцы. В оседлых и полuosедлых хозяйствах крупный рогатый скот использовали в качестве тягловой силы. Богатая часть казахского общества раздавала беднякам коров на содержание согласно обычаю сауын. Бедняки пользовались молоком коров, но взамен не только их содержали, но и растили приплод. Коз разводили из-за ценного пуха. Знаменитые оренбургские шали изготавливались из пуха казахских коз. В каждой отаре овец держали козлов, служивших вожаками.

Также казахи традиционно занимались разведением двугорбых верблюдов с густой шерстью (*айыр или бактриан*), более приспособленных к местным условиям. Одногогорбых верблюдов (*нар*) разводили в южных и юго-западных районах Казахстана. Верблюд мог в течение нескольких дней обойтись без воды и корма, пить соленую воду и есть колючие кустарники. Жители Степи использовали верблюдов при выполнении земледельческих работ. Крестьяне-переселенцы также приобретали верблюдов, правда, в небольшом количестве.

Одним из крупных скотоводов первой половины XIX в. был Азнабай из Баянаульского внешнего округа, имевший около 25 тыс. голов разного вида скота. Правда, уже к середине XIX в. в виду земельных стеснений поголовье домашнего скота у степняков стало уменьшаться. Об этом в начале XIX в. писал Я. Гавердовский:

«Прежде признавали бедным того киргизца, который не мог насчитать в своем табуне 1000 овец и 100 лошадей».

Самыми страшными для казахов были годы джутов. Гололедица и бескормица могли уничтожить весь скот. Животные не могли копытами пробить толстый слой ледяной корки и добыть корм и гибли от голода тысячами. Наиболее страшный джунт произошел в 1880 г., когда в одной только Тургайской области погибло более 1,5 млн голов скота. Наиболее тяжелые джутоу, по приметам кочевников, приходились на «годы зайца» через каждые 10–12 лет. В поисках спасения от джутоу казахские хозяйства нередко перекочевывали в приграничные казачьи и крестьянские селения, покупали у жителей станиц и деревень сено и солому. Некоторые обедневшие казахские хозяйства после сильных джутоу были вынуждены переходить к земледелию.

Степняки широко использовали средства народной ветеринарии, основывающейся на обширном опыте. Практически каждый скотовод мог лечить домашних животных.

Во второй половине XIX в. в связи с массовым изъятием земель кочевников в пользу крестьянских селений, казачьих станиц, военных крепостей и строящихся городов, а также ухудшения благосостояния казахов из-за постоянных джутоу, в результате которых погибало значительное количество скота, единственным способом выживания стал переход к интенсивным формам хозяйствования, в частности, к сенокосению. Крестьяне-переселенцы активно закупали у казахов крупный рогатый скот, что привело к заметному увеличению его поголовья. Стойловое его содержание также не могло не стимулировать развитие сенокосения.

Сено заготавливали косами-литовками. По примеру крестьян-переселенцев у состоятельных казахов появились даже сенокосилки и конные грабли. К началу XX в. в северных, центральных, северо-восточных районах Казахстана уже около 90% хозяйств степняков занимались сенокосением.

На берегах Сырдарьи, в Семиречье, а также по берегам некоторых рек и озер Северного, Северо-Восточного и Центрального Казахстана казахи издавна занимались земледелием. В конце XIX в. сокращение пастбищ в результате увеличения числа крестьян-переселенцев и роста городского населения, а также необходимость прокормить семьи и спасти имеющийся скот вынудили казахов переходить к земледелию. Кроме того, переходом к земледелию степняки пытались остановить принудительный и массовый сгон с веками насиженных земель. Царское правительство особое значение придавало переводу казахов к оседлости: были приняты дополнительные меры по обучению местного населения навыкам земледелия. По мнению властей, такие меры способствовали высвобождению больших участков земель для переселенцев и обеспечению лучшей управляемости казахскими общинами. Иногда последние следовали примеру крестьян-земледельцев.

Основными орудиями труда были сохи, бороны, серпы, деревянные вилы, лопаты и мотыги. Для полива пашен использовали различные водоподъемные приспособления (атпа, чигирь). В конце XIX – начале XX вв. в районах совместного проживания казахов и крестьян в хозяйствах появляются железные плуги и бороны. В уездных, а также в некоторых волостных центрах открывались государственные склады сельхозтехники.

Поливное земледелие было развито в Восточном Казахстане, Семиречье, Южном и Юго-Восточном Казахстане. В остальных регионах распространение получило богарное земледелие.

Казахи возделывали пшеницу, просо, ячмень, овес, рис и кукурузу. В Шымкентском и Перовском уездах выращивали хлопок, в Верненском уезде на небольших площадях – табак. В южных, юго-восточных районах Казахстана возделывали арбузы, тыкву, лук и морковь. В районах чересполосного проживания с русско-украинским

населением казахи в небольшом количестве выращивали картофель, огурцы и другие овощи. Из кормовых трав значительное распространение получила люцерна. В южных регионах Казахстана казахские хозяйства занимались садоводством и бахчеводством.

В Казахстане местные жители занимались охотой издавна. Один из известных российских исследователей XVIII в. И. Г. Андреев писал: «Промыслы имеют по большей части зверей, которых по степям, конскою гоньбою, как-то волков и лисиц, ловят». В хозяйстве казахов охота имела вспомогательное значение. Богатые скотоводы занимались ею для развлечения. Для охоты использовались ловчие птицы, борзые собаки, капканы, петли и т. д. Капканы приобретались у казаков и крестьян-переселенцев. В XIX в. среди местных охотников получают некоторое распространение охотничьи ружья. Повсеместно охотились на волков, лисиц, корсаков. Шкуры пушных зверей реализовывались на ярмарках. Из них изготавливали зимнюю одежду.

В районах крупных озер, рек, а также Аральского и Каспийского морей некоторое распространение получило рыболовство. Им занималась беднейшая часть казахского общества. Сами казахи рыбу потребляли в небольших количествах, в основном она шла на продажу. Но по мере увеличения числа переселенцев заметно повышался спрос на рыбу. Ее ловили на Иртыше и Урале. За рыбной ловлей следили казачьи офицеры, выдававшие местному населению за установленную плату разрешение на этот промысел. Наибольшее распространение рыболовство получило в районе Сырдарьи и Аральского моря. Так, в начале XX в. казахов-рыболовов здесь насчитывалось до 10 тыс. человек. Большой толчок развитию рыболовства дало строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Главным центром по добыче и отправке рыбы по железной дороге стал поселок Аральск, основанный в 1905 г.

В изучаемое время наибольшее распространение получили домашние ремесла. Все необходимые предметы быта, одежда, обувь, головные уборы изготавливались в хозяйстве степняков. Казахские женщины повсеместно изготавливали войлок, ковры, занимались пошивом одежды, обуви и головных уборов. Мужчины обрабатывали кожу, дерево, кости, а также изготавливали ювелирные изделия и украшения.

Вопросы к теме:

1. Какой вид хозяйственной деятельности был основным у казахов в XVIII – начале XX веков?
2. Раскройте структуру управления казахским аулом и расскажите о видах и убранстве жилищ.
3. Охарактеризуйте занятия и хозяйственную деятельность казахов.

Использованные источники

1. Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). – Алматы: РИК, 1994. – 235 с.
2. Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. – Алматы: Казахстан, 1994. – 156 с.
3. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. – Алма-Ата: наука КазССР, 1981. – 112 с.
4. Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. – Алматы: Ғылым, 1998. – 280 с.
5. Асфендияров С. История Казахстана (с древнейших времен). Алматы, 1998.
6. Ауэзов М. Путь Абая. В 2-х томах. – Москва: Правда, 1987. – 752 с.
7. Аяган Б.Г. Рассветы и сумерки казахской степи. – Алматы: ТОО «Литера-М», 2014. – 264 с.

8. Бекмаханов Е.Б. История Казахстана. – Павлодар, 2005.
9. Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX в. – Алматы: Казахский университет, 1992. – 400 с.
10. Бокейхан А.Н. Из истории казахов. – Астана, 2015.
11. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Алма-Ата: Казахской советской энциклопедии, 1985. – 528 с.
12. Выдающиеся правители Казахской степи. – Алматы, 2006.
13. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – 213 с.
14. Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 172 с.
15. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: Очерк. – Алматы: Дәуір, 1993. – 416 с.
16. Кабульдинов З.Е. История Астаны. – Алматы, 2007.
17. Казахи. Историко-этнографическое исследование. М. – Алма-Ата, 1995.
18. Касымбаев Ж.К. Кенесары хан. – Алма-Ата, 1993.
19. Касымбаев Ж.К. Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. – Алма-Ата, 1994.
20. Кеменгеров К. Қазақ тарихынан. – Астана, 2015.
21. Коншин Н. Труды по казахской этнографии. – Павлодар: ЭКО, 2005. – 310 с.
22. Кудайбердиев Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. – Алматы: Жазушы, 1992. – 120 с.
23. Левшин А.Н. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
24. Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX в. – Алма-Ата: Казахстан, 1991. – 61 с.
25. Нурпеисов А. Кровь и пот. Роман в 3 томах. – Алма-Ата, 1984.
26. Традиции и обряды казахского народа. – Алматы: Алматы кітап, 2004.
27. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. – Алма-Ата, 1992.
28. Янушкевич А. Дневники и письма о путешествии в казахскую степь. – Алма-Ата, 1972.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКИСТАНА)

1. Наша история уходит в древность. Всплеск интереса к таджикам. Нужна ли нам традиция? И как можно ее сохранить в мире глобализации.

Таджики самые древнейший народ в Центральной Азии [1]. Их предками были древние согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, ферганцы, и т.д. Археологические материалы, ранние письменные источники показывают, что население древней Центральной Азии в основном было ираноязычным и это сегодня не вызывает никакого сомнения, а предки таджиков впитали в себя все ранние ираноязычные компоненты духовной и материальной культуры» [2]. Таджики представляют одну из ветвей исторического древа индоевропейских народов Процесс складывания таджикского народа очень сложен и полностью связан с общим ходом этнической истории древней Центральной Азии. Таджики оседлые земледельцы и они всегда выбирали межгорные долины с протекающими там реками, которые способствовали развитию земледелия с ее уникальной ирригационной системой, а также горные массивы. В то же время, наличие открытых пространств в Центральной Азии – пустынь, степей давало благоприятные возможности для процветания и развития так же и скотоводства. Поэтому, на этой территории активно развивались земледелие и скотоводство, тем более их роль была очень важной для древнейших племен.

В данной работе мы поможем понять древнюю и богатую культуру таджиков, какие удивительные тайны хранит «Авеста», многочисленные эпиграфические памятники, археологические материалы – могильники, курганы, оплывшие развалины городов, крепостей, храмов, усыпальниц, удивительно красивые традиционные обряды, обычаи и ритуалы. Все эти материалы, артефакты, сокровища культуры, огромные богатства духовной культуры, имеют поистине мировое историческое значение. Этот материал покажет связь времен. Эта связь – переплетается сегодняшними авторскими впечатлениями о таджиках с описаниями их семейной и общественной жизни.

Начиная с неолита, эпохи бронзы, раннего железа, позднего средневековья и вплоть до современности таджики проживали и проживают на территории Центральной Азии, на которой сменилось множество государственных образований.

Уже в глубочайшей древности был создан удивительный древнеземледельческий протогород Саразм в Согде (3,5 тыс. до н.э.), древний Кубодиен, Тахти-Сангин в Бактрии (в настоящее время Кабодиен) в средние века Самарканд, Бухара, Ходженд, Истеравшан (Ура-Тюбе) и т.д. Мы с гордостью можем говорить, что имеем замечательное культурное наследие. Таджики могли сосуществовать с другими народами на огромных территориях Центральной Азии и участвовать в обширных этногенетических процессах, что приводило к синтезу культур. Именно это позволило таджикам развивать одно из самых важных качеств добрососедства – толерантность.

Поэтому, несмотря на разные уровни внешней интервенции- это походы Александра Македонского, вторжение тюрков, нашествие арабов, а затем монголов, предки таджиков смогли создать эпоху эллинизма, развивать условия для формирования языка, культуры, религий и способствовать завершению формирования таджикского народа.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отметил: «Люди, не имеющие представления о судьбах наций, об историческом прошлом своего народа, не

знающие традиций и обрядов предков, не умеющие по достоинству оценить роль и место лучших сынов своей Родины, вряд ли могут называться истинными гражданами, полноценными людьми» [3].

Наши традиции, обряды, обычаи, ритуалы – это сохранившиеся традиционные практики, это реальная действительность.

В Таджикистане, после введения новшеств по проведению семейных мероприятий, начался новый этап инновационных процессов. Ученые этнографы в последнее время наблюдали отход от традиционных комплексов и появление инновационных процессов в материальной и духовной культуре таджиков. Многие ритуалы и обряды выполняются лишь как дань прошлому, забылась их смысловая нагрузка, и предназначение, т.е. для чего люди стали выполнять тот или иной обряд. В структуру обрядов, ритуалов вносились новые моменты, которые были характерны духу времени, и обряд трансформировался с новыми элементами, появлялись новые действия в их осуществлении, увеличивались затраты на проведение мероприятий, которые приводили к тому, что семья брала в долг большие деньги и на протяжении многих лет не могла вернуть их. Нужно отметить, что процесс инноваций в сфере семейной традиции, всегда был и будет. В последнее десятилетие наблюдались явления, которые в целом не были характерны для таджиков в прошлом. Многие семьи стали больше отходить от традиционного проведения мероприятий семейного цикла и все больше и больше вносить новшества, которые требовали вклада больших материальных затрат, времени и т.д. Это стало обременительно для любой таджикской семьи, поэтому правительство приняло решение о том, чтобы население более рационально подошло к своим затратам и перевело акцент с очень дорогих семейных мероприятий на решение проблем образования своих детей, улучшения жилищных условий и первоначальной поддержки молодой семьи. На презентации закона «Об упорядочении традиций и обрядов» президент нашей республики Эмомали Рахмон сказал, что «обряды и традиции создавались веками и превратились в неотъемлемую часть нашей национальной культуры. Однако постепенно они были искажены и утратили свое подлинное значение и смысл» [4]. Принимая закон о рациональном проведении семейных праздников, ожидалось, что население сократит материальные расходы на мероприятия (подарки, отдарки, тукуз для невесты, подарки для жениха, гости на торжествах, сокращение мероприятий и т.д.) и этот процесс уже начался. По всей стране при органах местной власти были созданы постоянные комиссии по упорядочению традиций. Народ искренне поддержал реформу президента и сегодня мы становимся свидетелями того, как быстро меняется структура расходов на семейные мероприятия. Но, к сожалению, наряду с рационализмом, мы наблюдаем отказ или совмещение в исполнении многих элементов наших обычаев и обрядов, ритуалов семейных торжеств, которые украшают нашу традицию и в целом являются элементами нашей древней культуры. В основном, семейные традиции, имеют глубокую этническую историю, которые на протяжении тысячелетий смогли, сохранить и укрепить отношения между людьми внутри семьи и «авлода», воспитать человечность и гуманизм передаваемый от поколения к поколению. Разрушение и нарушение этих обрядов может привести к потере культуры, к ожесточению, эгоизму и другим отрицательным последствиям в обществе. В настоящее время мы должны стремиться к сохранению наших красивых традиций, обрядов или их место, могут занять нетрадиционные, чуждые нашему народу мероприятия.

У таджиков, семейные праздники включают цикл мероприятий начиная от рождения до конца жизненного пути человека.

2. Ислам и его проявление в быту. Ислам и традиционная культура таджиков.

Взаимоотношения ислама и традиционной культуры является очень трудной проблемой и важной, потому что рассмотрение этой проблематики открывает «окошечко» памяти в этногенез народа.

Общеизвестные черты исламской культуры, проявляются в самых разных сферах жизни нашего народа. Но реалии сегодняшнего дня показывают, что далеко не все в культуре таджиков и других мусульманских народов сводится к нормам шариата. Если мы обратимся к духовной культуре таджиков, узбеков, казахов, киргизов и т.д., то увидим, что с одной стороны, некоторые нормы шариата так и не вошли в повседневную жизнь мусульман, а с другой – большинство обычаев, обрядов неодинаково проявляют исламское единство. Обычаи, обряды, воспроизводимые таджиками, не встречаются, например, у киргизов, казахов, но встречаются у узбеков Ферганской долины. Причина своеобразия культур различных мусульманских народов заключается в факторе времени принятия ислама, в неодинаковых исторических условиях, в которых протекала их жизнь, и в различной по времени этнической истории каждого из них [5]. Многие исследователи материальной и духовной культуры таджиков [6], узбеков [7], казахов [8], киргизов [9], туркмен [10], отмечают прочные домусульманские традиции, с которыми ислам сталкивался повсюду. Чаще всего они включались в религиозную практику и рассматривались как традиции мусульманские или не противоречащие исламу. Известно, что сохранению домусульманских обычаев и обрядов очень способствовал суфизм, который всегда осознавал себя как религиозное течение. Но в жизни народа даже, вне связи с суфизмом, сохранился мощный пласт домусульманских религиозных традиций. Эти традиции продолжают существовать, потому что не входили в противоречие с исламом.

В поведении людей, приверженных магии, бессознательно смешивалась архаическая языческая практика с установлениями ислама. Причем одно не противоречило другому. Ревностное исполнение молитвенных действий, направленных на контакт с силами природы, сводилось к обеспечению насущных потребностей человека, ощущавшего себя частицей природы. Вопреки теологической ортодоксии ислама народ не видел в своих увеселениях ничего противоречащего истинному благочестию. Традиционные обряды и суеверия, имеющие очень глубокие корни, отличались от книжного богословия видных мыслителей ислама, они впитали элементы анимизма, хтонических и иных культов. Создавался специфический тип сознания, религиозно-магический синкретизм, адаптировавший языческие празднества и приспособившийся к официальным мусульманским догмам. Шел процесс адаптации древних верований и обрядов к новым требованиям. Мусульманские сказания о святых накладывались на языческие, зароастрийские обычаи, связанные с культами плодородия, древнейшие поверья представляли в исламизированной форме, потому что распорядителями обычаев и обрядов выступали муллы и казии, обрамляя все молитвами из Корана.

В системе семейных традиций мусульманских народов большое место занимают торжества по случаю рождения ребенка, приобщения к мусульманской общине т.е. «умме» – обряд обрезания, или инициации мальчика в мусульманскую «умму», брачно-свадебная обрядность, похоронно-поминальные обычаи и обряды. Многие ученые этнографы, философы считают, что семейные традиции являются тем объектом исследования, где определяется ориентированность населения на этноспецифические черты в культуре. Таджики сохранили многие обряды, обычаи, которые имеют явно немусульманское происхождение, а более раннее. Характер семейных традиций таджиков включает много магической символики, магических действий,

продуцирующего, очистительного и апотропейного характера. Обряды весеннего, весенне-летнего циклов, возникшие в эпоху производящего хозяйства, были одинаково направлены на обеспечение обильного урожая, плодородия скота, благополучия людей – их здоровья и удачи в делах. Выявляется стадийная близость у таджиков всех регионов земледельческой магии и аграрных культов [11], обрядов, направленных на приумножение скота, магии плодородия, магии ритуальной чистоты и благополучия в свадебной обрядности, форм почитания солнца и огня, священной воды и камней [12]. Это свидетельствует о глубокой древности пережиточных ритуалов.

История не стоит на месте. Проходят столетия и, наряду с устойчивой тенденцией сохранения традиционной культуры, мы обнаруживаем вкрапление новых элементов. В советский период в семейную обрядность таджиков вошли изменения социального и культурного порядка, но, тем не менее, старинные традиции живы и по сей день.

Обратимся, для примера, к брачно-свадебным церемониям. Это целый комплекс обычаев и обрядов, генезис которых связан с различными историческими эпохами.

Все таджики мусульмане. Менталитет таджиков, с устойчивыми обычаями, обрядами, традициями проходит через призму ислама, но, вопрос, насколько глубоко проник ислам в жизнь народов, в частности таджиков, т.е. в каких формах он реально существует в их жизни, очень актуален для нас сегодня. Выявление первопричин возникновения того или иного обряда, взаимодействия ислама с доисламской культурой таджиков, при наличии довольно многочисленных исследований, описывающих структуру обрядов, обычаев, ритуалов, практически еще не произведено.

Вопросы к теме:

1. Почему таджики представляют одну из ветвей исторического древа индоевропейских народов?
2. Какому хозяйственно-культурному типу (ХКТ) относится занятие таджиков?
3. Как вы считаете, «Авеста», многочисленные эпитафические памятники, археологические материалы могут быть окошечком памяти в древнюю историю таджиков?
4. Могут ли таджики гордиться древнеземледельческим протогородом Саразм в Согде (3,5 тыс. до н.э.), древним Кубодиен, Тахти-Сангином в Бактрии (в настоящее время Кабодиен) в средние века Самаркандом, Бухарой, Ходжендом, Истеравшаном (Ура-Тюбе) и т.д.?
5. В какой степени догмы ислама проникли в повседневную жизнь таджиков?
6. Можно ли провести грань между древними архаическими обычаями и получившими исламскую оболочку обряды и ритуалы?
7. В чем заключается причина различного проявления исламского единства у народов среднеазиатского региона?
8. Нужна ли нам традиция? И как можно ее сохранить в мире глобализации?
9. Почему большинство обычаев, обрядов неодинаково проявляют исламское единство?
10. Как Вы понимаете религиозно-магический синкретизм.

Использованные источники

1. Согласно ЮНЕСКО, современное определение территории Центральной Азии базируется на природно-климатических особенностях. Регион включает Афганистан, Западный Китай, Северную Индию, Северо-Восточный Иран, Монголию, Пакистан и бывшие советские Центральноазиатские республики (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).

2. Турсон Акбар. Самандар и Зулкарнайн: к историографии таджиков. //Таджики: история, культура, общество. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 10.
3. Рахмонов Э.Ш. Таджики в зеркале истории. - Кн.1 От арийцев до Саманидов. – Лондон, 2001. – С. 127.
4. Эмомали Рахмон. Речь на Презентации закона «Об упорядочения традиций и обрядов».
5. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Т. 11, С.161,188.
6. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. Вып.1; Семейный быт народов СССР. М., 1990; Формирование новых семейно-бытовых отношений у народов Средней Азии. Душанбе. 1972. С. 50; Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. М.-Л., 1959. Т. 44. Моногарова Л.Ф.Семья и семейный быт // Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 183–198; Она же. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1979. С. 103–122.
7. Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. КСИЭ.в.28; Шаниязов К. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964; Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886; Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи. ТХАЭЭ. Т.1. М., 1952.
8. Соколовский В.Г. Казахский аул. Ташкент, 1926; Талыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. Алма-Ата, 1959.
9. Васильева Г.П. Туркмены-нохурли. ТИЭ, н.с., Т. XXI. 1954; Иомудский С.Н. О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX в. СЭ, 1962. – № 4. С. 55–56.
10. Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960; Зеланд Н. Киргизы. Этнографический очерк. Омск, 1885.
11. Мухиддинов И. Обычаи и обряды припамирских народностей, связанных с циклом сельскохозяйственных работ//Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986; Он же. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975. Розенфельд А.З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана. СЭ, 1970. № 3. С. 114–117; Архив востоковедов при ЛОИВ АН СССР, ф. 121.
12. Басилов В.Н. Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии//Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С.118–151; Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970.

3. Мифологичность таджикского сознания.

ПОКЛОНЕНИЕ И ПОЧИТАНИЕ ЗЕМЛИ, ВОЗДУХА, ВОДЫ, ОГНЯ

Мифологичность таджикского сознания включает веру в целительную и очистительную силу огня воплощалась в сходных обычаях у самых разных народов на огромных территориях. Таковы священные костры, прыжки через них, которые известны многим народам, в том числе таджикам, славянам, дагестанцам, узбекам, индусам, румынам, белорусам, украинцам, македонцам и др. на свадьбе у которых жениха и невесту обводят вокруг костра. Почти у всех вышеназванных народов ярко представлена магия белого цвета со значением благопожелания – действия с мукой, молоком, сахаром, белой тканью.

Таким образом, все обряды, обычаи, т.е. традиционные практики, направлены на то, чтобы обеспечить продолжение рода, благополучие в семье, хорошие взаимоотношения. В таджикском свадебном комплексе до сих пор сильны пережитки

культы предков. Роль исламских традиций в брачных церемониях, по сравнению с пережитками ранних форм религии, минимальна. Конкретные примеры показывают, что обрядовая структура традиционной культуры имеет много общих черт, которые позволяют рассматривать ее в рамках не только Центрально-азиатского региона, а намного шире. Особенности эволюции этнических культур позволяют говорить о том, что традиционная культура – стойкое сохранение ранних форм обычаев, обрядов. Структурный анализ свадебной обрядности позволяет утверждать, что на огромной территории проживания таджиков, которая как известно выходит за пределы границ Республики Таджикистан повсеместно наблюдается обрядовая практика оседлых земледельцев, даже у тех народов, которые сегодня уже поменяли свое самоназвание и самосознание в силу объективных и субъективных причин.

Итак, наблюдения сегодняшней ситуации в стране, показывают, что выполнение и сохранение наших обрядов находится на промежуточном этапе. С одной стороны, мы наблюдаем, что обряды упрощаются (совмещение обрядовых действий), не выполняется их главная миссия, с другой стороны многие обряды вообще уходят из жизни. Этот процесс со временем, учитывая процессы глобализации могут привести нас к тому, что мы потеряем свое национальное лицо. Сохранение наших семейных традиций не значит, что мы являемся отсталым, примитивным народом. Мы должны гордиться своей культурой, традициями. Многие народы уже давно потеряли свое национальное лицо, процессы урбанизации, а сегодня глобализации привели к тому, что разрушен институт семьи, свадьбы проводятся по упрощенным, стандартным моделям. Кстати, необходимо отметить, что затраты на свадьбы на Западе огромные. Например, в Англии, к свадьбе готовятся почти целый год, оговариваются все моменты свадебного торжества, список приглашенных, заключается свадебный контракт и т. д. В целом, на свадебное торжество затрачиваются большие средства, но такого зрелищного восприятия свадебного мероприятия у них уже нет. Они потеряли традиционные обрядовые действия, вместе с этим их символику и смысловую нагрузку. Мы же, свадьбу воспринимаем как зрелищное, театрализованное мероприятие. У таджиков сильный институт семьи, сохранилось восприятие себя через авлод, т.е. таджики воспринимают себя как часть семейно-родственного коллектива, отсюда коллективное мышление. У таджиков свадьбы всегда были пышными и торжественными, но затраты были не значительными, потому что при этом соблюдалась символика чисел. Число семь было ритуальным и поэтому в прошлом все действия во всех мероприятиях ограничивались им (все подарки и отдарки ограничивались числом семь). Таким образом, говоря о традиционной обрядности, мы видим, как глубоко уходят наши корни, и сегодня наша задача сохранить ее. Таджикская обрядовая структура никогда не требовала больших затрат, хотя в них принимало участие большое число жителей махали, начиная от маленьких детей до глубоких старцев. Народ приходил и принимал участие на этих мероприятиях не ради яств и кушаний, а ради общения и веселья. Как отмечалось выше, в настоящее время появились нерациональные расходы на семейные мероприятия, наблюдаются большие расходы на застолья в семье и в ресторанах, огромные расходы на подарки для молодых, т.е. мы уже отошли от ритуального числа семь (платья для невесты до 40-50 дорогих отрезков, которые она даже не будет носить, всевозможные подарки и отдарки для родственников и т.д. А участие большого количества односельчан, родственников и друзей нет смысла ограничивать. Поэтому, говоря о наших традициях и обрядах нельзя вместе с «водой выбросить ребенка», т.е. ту красоту, которую народ хранил и берег тысячелетиями.

Как известно, предки таджиков и других центрально-азиатских народов почитали культы воды и огня задолго до возникновения здесь зороастризма. По зороастрийским же канонам, вода считается третьим членом мироздания. Именно поэтому реки почитались

древними таджиками в качестве божеств, о чем сообщают и античные авторы (Геродот, VII. 113-114; Страбон, XV.3.13-14, 3-16). Животворная стихия воды была для древних предков таджиков священна сама по себе. Они обожествляли реки, озера, ручьи и вообще все источники и водоемы. Древний культ реки Вахша-Окса является одним из таких очень показательных примеров.

Культ речных потоков восходит к индоевропейскому прошлому таджикского народа. Этот культ, также с жертвоприношениями был развит у многих других народов. Нельзя забывать, что особое значение вода имела для населения Бактрии еще и потому, что орошаемое земледелие здесь являлось экономической основой жизни, как на протяжении последних трех тысячелетий, так и сегодня.

Например, в храме Окса было обнаружено большое количество объектов, связанных с культом воды. На городище Тахти-Сангин в храме Окса была найдена, каменная ванна [1], состоящая из трех обработанных блоков, в которой могло помещаться не меньше 400 л воды. Наличие двух, или трех колодцев [2] на площади храма обоснованно говорит о том, что использование воды из источников на территории храма, как и поклонение ей, являлось неотъемлемой частью культовых действий в храме Окса. Здесь, по мнению исследователей совершался культ поклонения и жертвоприношения Богине Вод – Анахите.

Культ воды играет большую роль в храме Окса и в постэллинистический период. Рядом с засыпанными колодцами на площади храма был сооружён и обложен глиняными кирпичами резервуар для воды [4], который использовался по всей видимости и в кушанский период существования храма Окса.

В храме на постаментах в разное время могли стоять различные фигуры божеств, как греческих, так и зороастрийских. С середины I тыс. до н. э. древние таджики олицетворяли в образе божества Анахиты, которая в индоиранскую эпоху почиталась как водное божество, связанное с плодородием, и олицетворяла мировые воды [4].

Как известно, зорооастраицами можно называть как почитателей воды, так и почитателей огня. Культы воды и огня были не изолированы друг от друга. Вода при этом выступала в женской роли, а огонь в мужской.

У современных таджиков имеется целый ряд различных обрядов или суеверий, связанных с культом воды. Так женский демонический образ, называемый таджиками албасты, связан тесно с водой. Как показывают этнографические наблюдения в больших таджикских кишлаках часто имеются мазары с небольшим хаузом и деревьями, или источник с деревьями, обнесенный оградой. Известны жертвы божеству ручья около мазаров, для того чтобы умиловить дух Анахиты. На Памире перед пуском воды для полива в 50-е годы XX века совершали жертвоприношение духам - покровителям ручья.

В древних верованиях таджиков, как и в индоевропейских в целом, почитание воды соединяется с почитанием огня. Неразрывная связь между двумя жизненными элементами – водой и огнем.

Сочетание храма культов огня и воды представлено на территории Бактрии на примере Храма Окса. Огонь, который считался священным, поддерживался постоянно. Для «кормления» священного огня использовался жир жертвенных животных (например, сальник овцы).

Таким образом, почитание огня может рассматриваться как неотъемлемый и очень важный элемент древних верований предков таджиков. До сегодняшнего дня сохранилось особое отношение жителей различных регионов Таджикистана к культу огня.

Вопросы к теме:

1. Как таджики почитали воду?

2. Какие храмы существовали для поклонения воде?
3. Где располагался храм Окса – Храм Богини Водной стихии?
4. Какие племена и народы поклоняются воде?
5. Атрибуты поклонения огню.
6. Почему древние верования, обычаи, обряды связаны с поклонением огня?
7. Зороастризм. В чем его особенность?
8. Поклонения некоторым животным, символика и символы традиционной культуры.

Использованные источники

- 1 Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса. Т.1. С. 157-158.
- 2 Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году. С. 149-155.
- 3 Дружинина А.П., Худжагельдиев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках. С. 280-282.
- 4 Lommel H. Anahita-Sarasvati // Asiatica. Leipzig: Festschrift F.Weller. Lpz., 1954. P. 405-413; Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. P. 41, 52, 71-74, 100-102, 107, 151-152, 170, 173, 176, 267; Herzfeld E. Zoroaster and His World. Princeton: Princeton University Press, 1947. Vol. II. P. 516-542.

4. Этикет – свойство воспитания таджиков.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ У ТАДЖИКОВ. ТАКТИЧНАЯ ЛЕКСИКА.

Данный материал подготовлен на основе этнографических полевых материалов, собранных этнографами по всем регионам Таджикистана. Самой главной особенностью общественной нормы поведения таджиков – является почтение к *старшим* по возрасту (положению). Во время разговора нельзя перебивать старшего, обязательно выслушать его, пока тот не закончит разговор. При просьбе младший сказав «хуб шудааст» - «хорошо», «ладно», тут же исполняет просьбу старшего. В обращении друг к другу в районах Согдийской области, Гиссарской долины было принято называть как младших, так и старших по возрасту на «вы» - «шумо», что в данном случае считалось признаком уважения человека. В Бухаре и Самарканде издавна словом «шумо» обращались только к старшим по возрасту, в то время как к младшим обращались на «ты» - «ту» или просто называли по имени. В южных горных районах Таджикистана старших по возрасту и родителей называют на «ты», например, «оча, инльо биё» - «мама, иди сюда» и т.п. В семье между супругами и между соседями обращаются друг к другу, называя имя одного из сыновей или дочерей, например, «очаи Сокина» - «мать Сокины», «отаи Баходур» - «отец Баходура», предпочтение здесь всё же отдаётся произношению имени одного из сыновей.

У таджиков сохранены традиционные особенности обращения друг к другу.

На уровне семьи преобладают личностные обращения, такие как «оча» - «мама», «ота», «дада» - «отец», «ака» - «брат», «додар» - «младший брат» («братишка»), «апа» - «сестра», «хохар» - «младшая сестра» («сестренка»), «амаки» или «амак» - «дядя по отцу», «таго» - «дядя по матери». В интеллигентных семьях в основном обращение на «вы» (не только к старшим, но и к младшим), что является не только сохранение иерархии старшинства, но сохранение статуса семьи к более высокой духовности (ишоны, тура, ходжа). Указанные выше традиции уважения к старшим можно наблюдать во всех социальных уровнях, среди учащихся средних и высших учебных заведений, когда к преподавателю относятся как к «учителю», называя его «устод», «муаллим».

При встрече обязательно надо выдержать особый этикет. Во-первых, необходимо справляться о здоровье и делах, мужчины здороваются, пожимая друг другу руки или же прижимая обе руки к груди, а близкие друзья обнимаются друг с другом. Первыми словами являются: «Как вы, здоровье, дела, дети?» Женщины также здороваются друг с другом за руки, на Бадахшане – целуют запястья друг у друга. Однако при встрече мужчины и женщины, последняя здоровается или кивком головы, приставляя руку к груди.

По традиционному этикету считалось неприличным справляться о жене и женской линии родственников. Однако в настоящее время, особенно среди интеллигенции стало принятым, справляться о здоровье жены и детей общими словами: - «Как ваша семья». Кстати, в настоящее время также в среде интеллигенции справляться о здоровье «янги» - жены друга, уже не считается неудобным. В общении таджики, особенно при разговоре используют жестикуляцию и мимику. Например, согласие у таджиков выражается кивком, несогласие и отрицание – движением головы в обратную сторону, раздумье – покачиванием головы из стороны в сторону, удивление – расширением глаз и подъемом бровей высоко, скорбь – печальным выражением лица и т.п. Некоторые выражают на лице скорбь, удивление, другие чувства, сопровождая это словами или вообще без слов. Следует отметить, что жестикуляция неприветствуется. Поэтому, в настоящее время система обращения основывается на «Одобнома» (Правила поведения), корни которого уходят в средневековье и преподаются в средней школе.

Статус женщины в таджикском обществе всегда был высок и поэтому её не следует обижать, унижать, обращаться с ней плохо. Женщине не позволяли выполнять тяжелую работу, в основном она была занята домашними делами – готовила пищу, стирала, убирала, ухаживала за детьми и престарелыми родственниками. Отношение мужчины к женщине хорошо прослеживается в некоторых предсвадебных и послесвадебных обрядах. Например, помолвленная девушка должна была избегать родственников будущего мужа; замужняя молодуха в течение года или двух лет не должна была говорить со свекром или сидеть с ним за одним «дастарханом» и принимать пищу, она не должна была входить в комнату, где сидел свекор, когда подавалась еда; замужняя женщина не должна была заносить еду друзьям или другим гостям-мужчинам во время трапезы, женщине не разрешалось готовить обрядовую пищу для большого числа людей и т.п. [1]. Сейчас в интеллигентных семьях, эти запреты отсутствуют. Нет их и у горных таджиков Дарваза и Бадахшана, где женщина имеет почти равные права с мужчиной. По всей вероятности, указанные выше запреты связаны с установлением ислама, согласно которой женщина не должна была показываться чужому мужчине.

Рассмотрим ещё некоторые нормы этикета, присущие таджикам. Праздничная таджикская одежда всегда была очень нарядной и дорогостоящей. В ней, естественно не разрешалось выполнять домашнюю работу. Таджикская женщина начинала носить украшения только после замужества. Считалось плохим тоном носить молодым девушкам до замужества украшения. Также и косметикой пользовались молодые замужние женщины. Женщины среднего возраста красили волосы хной и басмой, подкрашивали глаза сурьмой. Раньше (чаще в сельской местности) они насаживали искусственные родинки – «хол мечаконданд», в настоящее время это стало редкостью. Женщины всегда должны были следить за своей внешностью, ухаживать за собой. У мужчин было распространено ношение усов, что считалось признаком мужественности и благородности, в свою очередь борода у стариков должна была «подчеркнуть» их респектабельность.

5. Семейно-бытовой этикет – свойство воспитания таджиков. Гостеприимство

В повседневной жизни этикет у таджиков выражается в следующем. В гости ходят, если дорога дальняя, утром, до вечера женщина должна была возвратиться домой, а к

соседям – вечером – «*баъд аз шом*», т.е. после чтения вечерней молитвы. К родственникам в гости идут без приглашения – «*хабаргирӣ*» (навеситить), к чужим – по приглашению. У горных таджиков в гости ходят и без приглашения на неограниченный срок, в то время как на севере Таджикистана не так. Но если объявлялся незванный гость, то ему оказывали такие же почести, как к званому, поскольку у таджиков считается, что «гость – это посланник от бога», и его нельзя не принять. Этнической особенностью таджиков является их гостеприимство. Гостю подают самые лучшие яства, приветствуют словами «*Хуш омадед, меъмони азиз*» («Добро пожаловать, дорогой гость»), а далее следовал набор вопросов о здоровье его, детей, семьи [2]. Таджики любят ходить друг к другу в гости, навещать больных, престарелых, участвовать во всех семейных обрядах сородичей и соседей. Женщины ходят в гости с «дастархоном», куда входят маленькие сдобные хлебцы – кульча, сладости, санбуса и другие гостинцы. Из сельской местности везут в город в качестве гостинцев то, что произрастает в саду или огороде.

После того, как гость вошёл в комнату, через 5-10 минут накрывают стол – дастархан. Если гости – близкие родственники, то за совместной трапезой участвуют как мужчины, так и женщины. Если гость – чужой, то мужчине расстилается отдельный дастархан, и с ним садится хозяин-мужчина. Женщинам устраивается отдельный дастархан, беседу поддерживает хозяйка дома. Первым всегда на стол подавали чай. Приглашение в дом гостя также сопровождалось словами приглашения на чай – «*Хона биёед, як пиёла чой менушем*» - «Приходите домой на чашку чая». На скатерть подавали хлеб-нон, сухофрукты, косточковые – «*мағзу чағз*», свежие фрукты и сладости. До подачи на дастархан горячей пищи, гость пил чай со сладостями. Для гостей обычно готовили два блюда: на первое – шурбо, на второе обязательно подавали национальный плов, который означал особое уважение к гостю. Считалось, что если гостю не подавали плов, то он мог якобы обидеться [3].

Если дастархан был накрыт бедно, что зависело от материального благосостояния семьи, то гостя следовало проводить с улыбкой, чтобы не обиделся [4]. Если гость приезжал издалека, то приглашались соседи, которые поддерживали беседу с гостем.

Когда в комнату, где собрались гости, входит новый человек, он здоровается со всеми сидящими за руку, обходя комнату справа налево. При этом он произносит широко распространённую на Востоке формулу приветствия: «*Ассалому алейкум*» («*Мир вам!*») и продолжает: «*Нағз ми шумо, дуруст ми шумо, саломатиятон чи хел?*» – «*Как вы, как ваше здоровье?*» Примечательно, что он не задерживается возле когонибудь из присутствующих, даже если этот человек его очень интересуется. Когда число собравшихся очень велико и церемония рукопожатия может занять слишком много времени, то произносится общая формула приветствия: «*Ассалому алейкум*», и пришедший сразу же садится на свободное место. Если в первом случае все делается стоя, во втором случае гости не встают, а продолжают трапезу. Если новый гость относится к разряду весьма уважаемых граждан или старшему поколению, то собравшиеся приветствуют его стоя; если это равный по положению человек, то все остаются сидеть на своих местах. Проявлением уважения является предложение занять почетное место в центре ряда сидящих гостей, напротив входа.

Заняв место, вновь прибывший обменивается взглядами со всеми соседями и задает им обычные этикетные вопросы типа «*Как твои дела, Саид?*» и т.п.

Когда в компанию попадает гость, не знакомый с присутствующими, то его сразу же стараются вовлечь в общий разговор типичными для такой ситуации вопросами и фразами: «*В Кулябе у вас какая погода?*» или «*Знаешь ли ты там такого-то?*» и т.п. Как правило, общими темами разговора становятся интересующие каждого различные местные новости: строительство нового дома, возвращение какого-либо из односельчан

из миграции и т.д. В большой разновозрастной компании исключением являются разговоры, затрагивающие сексуальные отношения.

К еде должен был приступить старший в доме человек, им мог быть и гость. Полагалось есть правой рукой. Перед совместной трапезой все обмывали руки над тазиком – дастшуй. Вода на руки поливалась из кувшина – офтоба. На юге Таджикистана ели совместно из одной большой деревянной чаши – тавоки чубин. На севере жидкая пища подавалась в больших фарфоровых чашах – коса, и ели ложками. Руки обмывались и перед подачей плова, который ели из одной большой чаши – тавок руками.

Дастархан (скатерть) считался святой вещью, на него нельзя было наступать, тем более запрещалось сидеть на ней. После трапезы дастархан сразу убирается. Перед тем, как приступить к трапезе, каждый присутствующий произносит молитвенную формулу «Бисмиллоху рахмону рахим» - «Во имя Аллаха милостливого и милосердного». Во время еды считается неприличным разговаривать, чавкать, брать большими кусками, смотреть, как ест другой член трапезы и т.п. Всем этим правилам таджики обучаются еще с детства. Когда человек насытится, в частности хозяин, он не подаёт вида, что насытился, а продолжает участвовать в трапезе, предлагая угощение гостю. Что касается подачи хлеба, то у северных таджиков перед гостем мелко разламывают лепешки и предлагают периодически: «Берите, берите» - «Гиретон, гиретон». Однако на юге Таджикистана, в частности в Хатлонской области, хлеб не разламывают, а кладут в центре дастархана, и каждый отламывает себе столько, сколько ему необходимо.

Особое почитание гостя выражалось и в том, что во время трапезы хозяин или хозяйка клали ему самый большой и лакомый кусочек мяса. После окончания трапезы читается молитва: «Мо кам кардем, ту зиёд кун!» - «Мы уменьшили, ты увеличь. Аминь». Прежде чем гость уйдет из дома, ему обмывают руки водой или он сам моет их, поскольку есть поверье, что он может забрать «баракат» - «благополучие» этого дома с собой.

У таджиков наблюдаются два варианта приглашения в дом гостя: условный и настойчивый. При условном варианте приглашения гостя в дом говорят, чтобы он в один из удобных для него дней зашел в гости на чашку чая: «Ягон руз биёед, шинем» - «В один из дней (удобных для вас) приходите, посидим». Или же: «Биё, чой тайер аст»- «Идем, чай готов». При этом хозяин не настаивает на приёме гостя в своем доме.

Однако для сельского населения характерно более настойчивое приглашение гостя в дом. Хозяин дома ведет себя настойчиво и повторяет приглашение несколько раз: «Биёед шинем, чой нушем» - «Давайте посидим, попьём чай», или же: «Биё, чой тайер аст» - «Идём, чай готов», хотя и чай ещё не готов, и вода даже ещё не ставилась на огонь. В тех случаях, когда приглашение гостю сделано в конкретной форме и принято им, он проходит в дом вслед за хозяином, снимает обувь у двери и проходит в гостевую комнату – меъмонхона. Последняя всегда готова к приходу гостей. Здесь сохраняют новые, специально приготовленные для гостей курпачи. В этой комнате чаще всего не бывает никакой мебели, иногда – одна стенка, это прямоугольное в плане помещение. Стены завешаны коврами, сменившими ранее существовавшие коврики из окрашенной шерсти – буриё. Гости, если их много, рассаживаются по всему периметру комнаты вдоль стен, оставляя центр помещения свободным, куда стелится скатерть (дастархон). В комнате-гостиной принято сидеть на полу скрестив ноги и прижав колени к телу таким образом, чтобы ступни ног были скрыты. Гостей обслуживает хозяин, который усаживается лицом к гостям, замыкая таким образом круг.

При большом количестве гостей наиболее уважаемым предлагают места вдоль стены напротив двери, при этом самыми почетными считаются места в центре. Справа и слева рассаживаются остальные гости (в зависимости от их возрастного и социального

статуса). В ситуации, когда в разгар веселья входит кто-нибудь из новых уважаемых гостей, все встают и, предлагают ему почетное место. Когда гостей много, хозяин находится среди гостей, а обслуживанием заняты младшие по дому мужчины. Ни при каких обстоятельствах гостей не заставляют долго ждать. Практически сразу же приносят лепешки, сладости, чай, фрукты и сухофрукты, подают суп или же другое жидкое блюдо, через полчаса после первого блюда – второе - желательнее плов. В горных районах Таджикистана, где развито скотоводство – жареное мясо. Перед тем как наполнить чаши гостей чаем, хозяин три раза переливает чай из чайника в пиалу и обратно, и сам первым отпивает глоток чая из своей пиалы, дав понять, что чай приготовлен достойно. Затем он разливает чай по пиалам и по очереди подаёт их правой рукой каждому гостю по очереди, приложив левую в знак уважения к груди.

Если хозяин – единственный мужчина в доме, то пищу для гостей готовит женщина, однако заносит ее в комнату для гостей – мужчина. В настоящее время ситуация несколько изменилась: готовит пищу сама хозяйка дома и заносит ее старший сын, в то время как муж мирно беседует, приветствуя: «Хуш омадед, меъмонони азиз»- «Добро пожаловать, дорогие гости». Женщины во время присутствия гостей сидят отдельно, в другой комнате. Однако в интеллигентных семьях и мужчины, и женщины сидят за трапезой в одной комнате, как и в повседневном быту. Как видим, в жизни таджички произошли огромные изменения. Она стала более образованной, имеет своё слово в семье. Правда, нормы этикета мало подвержены изменениям, так как они выработаны в процессе истории таджикского народа и передаются из поколения в поколение.

Что касается гостеприимства, то у таджиков, особенно в горных местностях, этот институт остаётся незыблемым. Если раньше это было оказание помощи вошедшему в дом путнику, то теперь это радушный прием и угощение заранее приглашенных лиц, хотя до сих пор не исключается и первое. Изменение условий жизни ведет к постепенной утрате традиций, что особенно заметно в городской среде. Из всего сказанного о семейно-бытовом этикете таджиков можно сделать вывод, что по сравнению с другими компонентами культуры народа, нормы поведения отличаются наибольшей консервативностью. По этой причине кардинальные инновации в области этикета возможны. Внешне этические нормы ещё как-то могут изменяться, но их внутреннее содержание сохраняется даже при агрессивных влияниях других цивилизаций и традиций.

Вопросы к теме:

1. Какова роль и место этикета в повседневной жизни таджиков?
2. Чем отличается гостеприимство таджиков от других народов Центральной Азии?
3. Различаются ли форма обращения к старшим у различных народов Центральной Азии?

Использованные источники

- 1 Кисляков Н.А. очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии, и Казахстана. –М., -Наука. – 1997. – 347 с.
- 2 Шовалиева М. Гостевой этикет у таджиков//Мероси ниёгон. -2007. №10. – С.140-147.
- 3 Шовалиева М. История кулинарной культуры таджикского народа. - Душанбе, 2015. -С.67-85.
- 4 Шовалиева М. Общественная трапеза таджиков как реликт общественных отношений и прочных семейно-родственных связей. Там же. 2001. №6. - С.33; Она же. Традиции в питании таджиков. Там же.2014. №17. - С.105-111.

6. Обряд колыбельного сговора -говра бахш.

ПРИМАЧЕСТВО – ХОНАДОМОД. ОБЫЧАЙ ЛЕВИРАТА И СОРОРАТА. СВАДЬБА КАК ИНСТИТУТ СОХРАНЕНИЯ РОДА.

Свадьба – это большое событие для каждой таджикской семьи и обязательно оформлялась официальным актом ее создания (брачный контракт-документ с горы Муг, никох, регистрация брака в органах власти). Смысл всего свадебного комплекса обрядов и ритуалов заключается в стремлении обеспечить благополучие брачного союза, создание продолжателей семьи и рода в целом.

Свадьба начинается с празднества в доме невесты. Кроме сватовства, предсвадебный церемониал в прошлом включал обряды переговоров об экономических условиях брака (*калым, махр, приданое, затраты на свадьбу и т.д.*) и заканчивался помолвкой, на которой окончательно закреплялась договоренность о браке и последующей жизни молодых.

Эндогамные браки у таджиков. Таджики в прошлом поддерживали эндогамные браки по отцовской линии, то есть браки между детьми двух братьев. Эта форма брака сохранялась в основном в большой патриархальной семье. Экзогамные браки - это браки по материнской линии. Вероятно, предпочтение родственным бракам было обусловлено, прежде всего, экономическими соображениями.

В настоящее время в результате повышения уровня образованности среди молодежи, повышения их культурного уровня, вовлечения молодежи в производство и т.п. молодые выбирают свою пару по любви.

Обряд колыбельного сговора - *говра бахш*. *Говоро-бахш* означает помолвку детей с колыбели. Он был широко распространен среди многих народов Центральной Азии, в том числе, у таджиков, а в настоящее время такой *сговор* ушел в прошлое.

Примачество – хонадомод. В Таджикистане, как и повсюду в Центральной Азии, существовала форма брака примачество – *хонадомод* (брат зятя в дом). В одних случаях это происходило, когда выдавали замуж единственную дочь и родители не хотели с ней расставаться. В другом, эта форма брака практиковалась в том случае, когда бедняк, не имеющий возможности найти деньги на свадебные расходы, шел «зарабатывать невесту» личным трудом и, отработав 3-4 года у неё дома, становился зятем. Как считают многие ученые, это является пережитком матрилокального брака. Сегодня тоже можно встретить такую форму брака в семьях, где воспитывается один ребенок (девочка), то есть нет наследника.

Левират и сорорат. У таджиков так же существовал обычай левирата, когда вдова должна была выйти замуж за брата покойного мужа и сорората. Матрилокальный брак – когда молодая пара поселялась в доме у матери невесты, что является пережитком матриархата, когда мужчина имел право жениться на сестре своей покойной жены, не считаясь с её мнением, что являлось одной из древнейших форм брака. Сейчас таких случаев не наблюдается, данный обычай изжит.

Сватовство. В выборе принимали участие старшие члены семьи. Согласия самих молодых людей не спрашивали, нередко им сообщали о предстоящем браке в день помолвки, то есть «брак чаще всего был сделкой, заключенной между главами двух семей» [1].

В заранее назначенный день по поводу сватовства устраивалось угощение в доме невесты. В конце угощения происходил обряд официального *сватовства* – *разламывание лепешки* и раздача их всем присутствующим, а также разрезание 3- 10 м белой бязи – *сафедидарони* на небольшие (0,5м) кусочки и раздача их всем присутствующим, что имело общественное значение, после чего девушка объявлялась засватанной.

Рис. Традиционная одежда жениха и невесты (ГБАО)

Рис. Традиционная одежда невесты и

Свадебные расходы. Назначение срока свадьбы зависело от обеих сторон. Калым выплачивался семьей жениха отцу невесты или лицу, его заменяющему. Калым состоял из скота, тканей, продуктов питания, реже денег. Н.А. Кисляков пишет: «Уплата калыма являлась доминирующим моментом при заключении брака и фактически определяла собой и самый порядок и время брачных церемоний, в частности срок, протекавший между двумя основными свадебными праздниками - малым и большим, который заканчивался увозом молодой в дом мужа» [2]. Институт калыма у таджиков уже в начале XX века вырождался и был близок к полному исчезновению. Напротив, значительное развитие получил институт приданого, которым снабжал девушку её отец при выдаче замуж. Затраты при бракосочетании несут обе стороны, причем обычное право уже признавалось желательным, чтобы большую часть расходов принимала на себя семья невесты. Как только калым доставлялся в дом невесты, назначался день свадьбы. В настоящее время калым ушел в прошлое, сроки подготовки к свадьбе резко сократились. Расходы на свадьбу несут обе стороны поровну. Свадьба по договоренности проводится в ресторанах с приглашением обеих сторон или же в домашних условиях.

Рис. Традиционная одежда невесты.

Общественное признание брака. Кульминацией заключения брака обычно является обряд бракосочетания – «никох». Этот обряд является общественным признанием брака.

Так, у таджиков, в обрядовых действиях для обеспечения счастья, многочисленного потомства, добрых семейных взаимоотношений и ограждения от злых сил изобиливали символы древнеземледельческих домусульманских ритуалов.

Символом плодovitости исстари считались плоды граната, фрукты и ягоды (тут), фисташки, орехи, пророшенная пшеница, вареные яйца, и т.д., которыми угощают, осыпают, одаривают брачующихся.

Символом счастья и богатства, согласия, плодovitости и вообще жизненных сил, а также и охранительной магии выступает зеркало, в которое смотрятся перед брачной ночью жених и невеста. Ту же роль играют виноградный сок, мед, белый сахар, мука, деньги, иногда масло и молоко.

Рис. Современная одежда невесты. Душанбе.

Большое значение придается магии чисел и цвета. При дарообмене, закрепляющем родственные отношения, полагается определенное число лепешек, слоеных пирожков и т.п. Обязательно белого цвета должны быть пояндос, рубашка жениха и нижнее платье невесты.

Для ограждения от злых чар окуривают дымом руты (испанд), проводят через факельное шествие. Тем же целям служат скачки вокруг свадебного поезда, стрельба, прошивание иглой одежды жениха и невесты.

Символика земледельческого комплекса проявляется в виде осыпания сладостями, обрядовым печеньем.

В доме молодого обычно выполняются обряды приобщения новобрачной к роду мужа через принесение жертв очагу, поклонение его предкам. Таким образом, в свадебной символике таджиков отчетливо отражен хозяйственно-культурный тип земледельца.

Обряд «рубинон» - символ плодородия. Свадьба включает в себя все своеобразие обрядовой символики. Самым ярким примером традиционной этнографической практике является обряд рубинон, который происходит на следующий день после приезда новобрачной в дом мужа. К новобрачной подходит мальчик и, веточкой плодового дерева, подняв лицевую занавеску открывает ей лицо. На эту церемонию

приходят все родственники новобрачного с подарками. Каждая из пришедших женщин знакомится с новобрачной, целует ее в лоб и преподносит подарки «за смотрение лица»: отрезки ткани, платки, деньги, браслеты. Первой подходит к новобрачной мать мужа. Невестка кланяется ей в пояс. Все присутствующие желают семье новобрачного благополучия с приходом нового члена. Новобрачная каждую гостью встречает и провожает особым поклоном.

«Рубинон» сопровождается угощением, песнями, плясками. Из подаренных кусков материала женщины делают куклу, заворачивают ее и качают как ребенка, затем передают новобрачной, и она должна была спеть колыбельную. Невестке подпевал маленький мальчик, который открывал ей лицо: «*ала, ала*».

По сообщению Н.А. Кислякова, в Самарканде «рубинон» устраивали перед брачной ночью [3]. После соответствующего угощения молодую одевают в лучшие одежды, красят глаза и брови, закрывают лицо куском белой ткани и выводят к гостям. Мальчик из числа родственников новобрачного палочкой из плодового дерева снимает ткань с лица молодой. М. С. Андреев, изучавший население высокогорной долины Хуф на Западном Памире, пишет, что открывание лица молодой в Хуфе чаще всего совершается человеком, который обязательно имеет в живых мать и отца [4]. Чаще всего для этой цели выбирают юношу. Для открытия лица он использует инструмент, напоминающий лук, тетивой которого взбивают вату и шерсть. Юноша вставляет в «лук» небольшую палочку, изображающую стрелу, и принимает положение «стрелка». При помощи стрелы, юноша пробует открыть лицо, но делает вид, что не получается. Лишь после того, как его задобрят подарком, все проходит благополучно. Подобный обряд, где открывают лицо новобрачной луком, зафиксирован таджикским этнографом З. Юсуфбековой во многих кишлаках долины Шахдары.

Интересные сведения об обряде «рубинон» у населения Такоба и Варзоба сообщила нам таджикский этнограф А. Мардонова. Этот обряд устраивают в доме молодого на следующий день после приезда туда новобрачной. Здесь лицевую занавесь открывает женщина, которая имеет грудного ребенка и обязательно мальчика. Вкладывая палочку в его ручку, она помогает открыть лицо новобрачной. В Гиссаре открывание лица новобрачной тоже осуществляет мальчик. Но, как в Такобе и Варзобе, так и в Гиссаре палочку выбирали из особых видов плодовых деревьев – предпочтение отдавалось веточке из алчи или абрикоса, но она обязательно должна была быть рогатообразной. Ее оборачивали ватой или шерстью.

Из устного сообщения М. Суфиева, исследователя свадебной обрядности таджиков долины Сох, мы узнали, что сохский обряд «рубинон» аналогичен описанным выше – лицо так же открывает женщина с грудным мальчиком на руках. Л.Ф. Моногарова, изучившая обрядность у узбеков без родового деления в Пасдаргомском районе Самаркандской области, так описывает обряд открытия лица новобрачной «бетачар» [5]. Его совершает женщина, имеющая детей. Держа на руках маленького мальчика, она вкладывает в ручку ребенка ветку плодового дерева, конец которой обмотан ватой и взяв в свою руку ручку ребенка, ею приподнимает платок, закрывающий лицо молодой. Для этой цели всегда используют ветку фруктового дерева, что, по поверью, должно обеспечить многочисленное потомство. Итак, в обряде «рубинон» центральное место занимают мальчик или женщина с ребенком.

Для народов Центральной Азии стремление иметь обильное потомство было одной из традиционных особенностей. Этим объясняется обилие различных ритуалов в свадебных обрядах, в которых центральная роль отводится мальчику: с одной стороны, это должно, якобы, обеспечить в будущем рождение сына и вообще гарантировать обильное потомство; с другой стороны, мальчик символизирует переход невесты из

одного социального статуса в другой: в класс женщин-молодух, но еще не матерей. Интересные материалы собраны Н.Бабаевой по обряду «рубинон» [6]. По данным исследователя Н. Бабаевой, у населения Кулябской области во время совершения обряда «рубинон» у молодой на лбу была тесемочка - «кота» и мальчик плодовой веточкой, улюлюкая, сбрасывал ее с головы невесты (кота-парон). З.А. Широкова зафиксировала эту деталь головного убора невесты у таджиков Куляба и считает его наиболее ранним головным убором невесты.

Схожие обряды, связанные со свадебной церемонией, можно встретить у разных народов. Плодовая веточка символизирует плодородие у народов, этническая история которых имела в прошлом общие корни. Этот обряд показывает очень важный момент для характеристики этнического сознания – все действия были обязательны, они исходят от самих людей. Понимание того, что плодовая веточка может способствовать многодетности для молодой семьи, повлияло на сохранение этого обряда. Плодовая ветка является символом плодородия и присутствует в свадебной обрядности у многих народов.

Исследования ученых-этнографов позволяют выявить типологическое родство многих обрядов у народов Евразии. Таджикские обряды схожи с обрядами народов Закавказья, Передней и Центральной Азии, Восточной и Западной Европы. Это можно объяснить поклонением стихийным силам природы и определенным жизненным циклом, которые возникали в прошлом у этнических общностей ввиду схожести форм трудовой деятельности и мировоззрения. Иногда в точности совпадают вещественная атрибутика, растительные, антропоморфные символы. Повсеместно символами плодородия и возрождения природы служили крашеные яйца, обрядовая пища (злаково-бобовые блюда), ритуальный хлеб. В эту же систему входит и «дерево», «плодовая веточка», и т.д. украшены орехами, сладостями, деньгами.

Таким образом, древнее космологическое древо жизни, связующее все части мироздания, в период производящего хозяйства стало символизировать будущий обильный урожай, плодородие скота, человеческую плодовитость. На поздних стадиях обряд подвешивания атрибутов изобилия к «живому дереву» превратился у многих народов в простую забаву. У таджиков с принятием ислама и смещением кульминационного акцента на единственный мусульманский обряд «никох», обряд с плодовой веточкой переместился из дома невесты в дом жениха и как бы «вводит» невесту в новую семью.

Ношение *украшений* было распространено среди женщин, но изредка их носили и мужчины [7], например, перстень на левом безымянном пальце. Женщины же желали украсить кольцами все пальцы на обеих руках, кроме указательного и мизинца. В южных районах Таджикистана носили больше серебряные украшения, что считалось «делом богоугодным» - «*савоб*». В городах и на севере Таджикистана предпочтение отдавалось золотым украшениям. В настоящее время количество ювелирных украшений, которые носят женщины сократилось: обычно это золотые серьги, цепочка и два-три колечка.

Вопросы к теме:

1. В чем заключается смысл свадебного комплекса: обрядов и ритуалов?.
2. Какие формы брака существовали у таджиков?
3. После чего происходило общественное признание брака?
4. Для чего выполняются обряды и их символика?
5. В чем заключается обрядовая символика сегодня?
6. Значение символики в семейной обрядности таджиков.
7. Значение веточки плодового дерева в обряде «открывания лица невесты».

Использованные источники

1. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. - М.-1974.-С. 249.
2. Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков...с. 137
- 3 Кисляков Н.А. Некоторые брачные церемонии у народов Средней Азии и проблемы материнского рода. М., 1964; Лобачева Н.П. К истории сложения института свадебной обрядности (На примере комплексов свадебных обычаев и обрядов народов Средней Азии и Казахстана)//Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978; Она же. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана//Домусульманские верования и обряды Средней Азии. М., 1975.
- 4 Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. Вып. 1.
- 5 Моногарова Л.Ф. Семья и семейный быт//Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 193–243.
- 6 Автор искренне благодарит таджикских этнографов за предоставленные устные сведения по обряду «рубинон» у таджиков.
- 7 Широкова З.А. Одежда//Материальная культура таджиков Верхнего Зеравшана. Душанбе. – 1974; Она же. Одежда таджиков Дарваза//ИООН АН ТаджССР. – 1956. – Вып. 10; Она же. Таджикский костюм конца XIX-начала XX вв. Душанбе. – Дониш. – 1993. – 200с; Она же. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе. – 1976. – 205 с.

7 Представления таджиков о сущности похоронно- поминальной обрядности

Похоронно-поминальная обрядность проявляет большую консервативность. Однако, похоронно-поминальные обряды, это духовная культура таджиков в которой отразились многие традиционные представления. Обычаи и обряды, связанные со смертью, являются наиболее устойчивыми [1]. Исследование похоронно-поминальной обрядности таджиков в первую очередь актуализирует проблему взаимодействия ранних форм верований народа с исламом, а для памирских таджиков еще и с исмаилизмом, отличающимся своеобразным религиозным синкретизмом [2]. Ученые, занимающиеся этим вопросом, зафиксировали пережитки, восходящие к домусульманским верованиям. Например, Г.П. Снесарев пишет, что «пережитки, восходящие генетически к домусульманским верованиям, проявляют в быту большую стойкость, нежели пережитки ортодоксального ислама, деградация которых идет более быстрыми темпами» [3]. Синкретический характер, похоронно-поминальной обрядности, особенно у памирских таджиков позволяет более полно проследить степень изученности данного вопроса. Благодаря литературе, в которой зафиксирована практика похоронно-поминального обряда, мы можем проследить его «развитие» - от некоторых архаических элементов, продиктованных соответствующими верованиями до исламских, а у памирских таджиков – доисмаилитских.

Представления таджиков о сущности похоронно-поминальной обрядности, с одной стороны, демонстрируют древность этнической истории народа, а с другой, высокий уровень органичной связи разнородных вероучительных и культовых положений в процессе взаимовлияния религий (зороастрийских, исламских, исламско-исмаилитских) в их историческом развитии. Таким образом, похоронно- поминальная обрядность таджиков выражает сущность религиозных воззрений, которые сложились на раннем этапе истории таджиков и сохранились после принятия ислама.

Исследования ученых о представлениях и практиках похоронно-поминального

характера таджиков дают понять, что в них сохранялись некоторые реликтовые формы, относящиеся к наиболее архаическим пластам культуры таджикских предков. У таджиков сложилось своеобразное соотношение собственно исламских и неисламских культов, а исмаилизм, одно из наименее ортодоксальных течений в исламе, впитал в себя многие доисламские и неисламские представления и практики [2]. Выводы ученых о похоронно-поминальной обрядности таджиков, позволяют определить характерные черты, которые присущи не только таджикам, но и многим народам Средней Азии, и указывают на их генетическую и культурную общность. В настоящее время имеется ряд работ советских, российских и таджикских исследователей, посвященных похоронно-поминальной практике таджиков. Этой теме посвящены монографии, статьи, разделы в работах этнографов, философов, историков, культурологов.

О смерти человека сразу же оповещают близких соседей, жителей махалли, кого-нибудь отправляют к дальним родственникам. С момента смерти человека в доме все взрослые члены семьи, близкие родственники, т.е. члены рода (авлода) и по мужской, и по женской линии начинают соблюдать и носить траур (тризну) – «азодор, азогир». Траур для мужчин длится обычно 40 дней, а для женщин по родственнику - до одного года. После наступления смерти (внезапной или по болезни) кого-нибудь немедленно отправляют к могильщику (гуркоб), чтобы он начал рыть могилу или открыл родовую могилу (Худжанд). Для обмывания покойника приглашался специальный человек – «покшуй», «мурдашуй». В организации похорон, траурной процессии и других поминальных мероприятий принимают участие старшие члены семьи, махалли/гузара(общины), родственники, которые после краткого, быстрого совещания (маслихат) назначают место «джанозы» - прощального молебна над усопшим (в доме, мечети или на самом кладбище), и время ее проведения. Джанозу обычно исполняет имам мечети махалли, а при отсутствии такового - знаток данного обряда. При определении времени проведения джанозы учитывается местожительство прибывающих на предпохоронные и похоронные ритуалы. Если человек умер утром или днем, его стараются похоронить в тот же день, порою не дожидаясь приезда родственников, живущих далеко. В редких случаях джаноза и похороны переносятся на следующий день (например, если человек умер вечером). В таких случаях говорят: «Пусть он погостит еще одну ночь в своем доме».

После смерти умершему закрывают веки – глаза белой тканью, ему связывают, сомкнув, большие пальцы обеих ног, руки располагают вдоль тела, подвязывают подбородок. Эти процедуры выполняет один из ближайших родственников (мать, отец, брат, сын, дочь, сестра, дядя, тетя и др.). Если их не имеется, то это делает близкий сосед, но никогда муж или жена, так как живой супруг/супруга считается для умершего/умершей уже посторонним человеком (номахрам). Сразу же после наступления смерти начинается обряд оплакивания, сопровождающийся криками, плачем женщин, взрослых детей. Мужчины проявляют свое горе более сдержанно, чем женщины, при этом часто со слезами и словами признательности приходящим для участия в похоронно-траурной процессии. Оплакивание часто совершается со стонами, самоистязанием, и это отмечается во многих исторических источниках и этнографической литературе [4]. Суть похоронных плачей определяется мифологической верой в загробное существование души (арвох, рӯх), в то, что умерший слышит кто и что о нем говорит, родственники выражают горе с надеждой на возвращение души. Различные ритуалы, обряды должны помочь умершему преодолеть барьер между жизнью и смертью, а также защитить род (авлод) и семью (оила) от различных угроз, связанных с загробным миром.

Раньше в день похорон перед обмыванием для умершего устраивали обряд

искупления грехов – «давра», частью которого являлась раздача «хайрота» (милостыни, благотворительность) исключительно из дома умершего. При исполнении давры основными действующими лицами были мулла – даврагар, лицо, принимающее на себя грехи умершего, и представители умершего. Далее следует обряд обмывания, который совершается в комнате специальным человеком – «мурдашуй», «покшу» (обмывальщик). Ему помогает один из членов семьи или соседи. Они обливают покойного заранее подогретой теплой водой из нового ведра, кувшина, неиспользованного ранее черпака, затем их относят в мазар или на кладбище. Часто кувшин, из которого обмывали покойного, выбрасывали в реку. Помощь в обмывании покойника считалась богоугодным делом. Умершего мужчину всегда обмывает мужчина, а женщину – женщина. Обмывание устраивается в день похорон в комнате. При обмывании вода обычно стекает в специальный таз, затем её выливают под какое-нибудь плодовое дерево в доме умершего. Обмытого покойника облачают в посмертную одежду – саван «(кафан)» изготовленной из белой х/б ткани. После этих процедур наступает время выноса тела из комнаты ногами вперед во двор. Его помещают на погребальные носилки («тобут», или «аспи чубин» - букв. «деревянный конь»), поверх «тобута» укладывалась верхняя одежда покойного (для мужчины - халат и чалма с тюбетейкой, для женщины - отрез ткани и головной платок). После краткой прощальной речи муллы о жизненном пути покойного тело умершего переносили на кладбище на погребальных носилках, которые обычно хранятся в мечети махалли или специально отведенном месте на кладбище («кабристон», «хокхо», «гүристон»). Чаще всего кладбища находятся за пределами города, однако с появлением новых махалли, старые кладбища оказываются в черте города. На кладбищах каждый род (авлод, хешу табор, урук) имел обычно свой определенный участок погребения, поэтому покойника, как правило, хоронили рядом с родственниками. Могилу называют «манзил» (стоянка, жильё), «хонаи охират» (конечный дом).

Могилы в целом у таджиков однотипные, но есть и отклонения от общего формата. Например, в Худжанде рыли могилы двухкамерные, подбойного типа. Впускная яма могилы называлась «айвон». В боковой западной яме на уровне пола могильщик делал отверстие – проход («дари лахад»), за которым параллельно впускной яме выкапывали вторую погребальную камеру – «лахад», которая находилась ниже пола впускной камеры. В эту камеру и помещают покойника. Такой тип могилы встречается повсюду. Носилки с телом поднимают обычно четверо мужчин, но могут и больше. Мужчины поочередно меняются. Джаноза читается в доме или в мечети махалли (можно и в соборной мечети), нередко на самом кладбище, но предпочтение всё же отдают мечети, и читают перед общиной. На кладбище крепкие мужчины снимали тело умершего с носилок, и обычно двое родственников спускаются к могильной яме, они укладывают покойного в погребальную яму – лахад ногами в сторону юга, а головой – на восток, лицо покойного поворачивают на запад, в сторону киблы. Покойника (мужчину) в могилу кладут родственники или члены семьи, в случае отсутствия родственников – сам могильщик или член махалли; покойницу (женщину) – только её родственники-мужчины, причем, предпочтительно по материнской линии, но ни в коем случае муж покойницы. Затем отверстие закладывают необожженными глиняными кирпичами, и чтобы лахад отделить от айвана, участники похорон поочередно засыпают впускную яму землей. После похорон на территории кладбища, в специально отведенном месте мулла читает суру из Корана покойному и другим усопшим. Закончив похороны, его участники обычно расходятся по своим домам, а желающие и родственники возвращаются в дом, где жил усопший. После похорон проводятся очередные ритуалы погребально-поминальной обрядности. Это ритуальные очищения, поминальные и

траурные циклы, которые необходимы и являются как бы заботой о благополучии усопшего в потустороннем мире. Особенно разнообразны и многочисленны действия ритуального очищения, которое, по мнению многих информаторов, должно предотвратить возвращение умершего или несчастья в семье покойного.

После похорон на второй день в дом усопшего приходят родственники, коллеги по работе, знакомые, соседи – с целью выразить свои соболезнования родственникам умершего, читается сура из Корана - читает мулла или кто-нибудь из посетителей, за упокой души умершего. Первым днем смерти и траура считается день захоронения усопшего, он называется «шаби сиёх» («черная ночь»), многие присутствующие уже к вечеру расходятся по своим домам, в траурном доме остаётся несколько близких родственников. На второй день траура, после первого утреннего намаза («намози бомдод») все жители махалли, в которой жил усопший, и члены соседних махалли большими группами приходят в дом умершего. Большинство людей после чтения суры из Корана муллой или кем-нибудь из группы сразу же покидает место траура. На третий день траура в доме усопшего устраивается обряд очищения дома умершего, в нём участвуют в основном ближайшие родственники, затем проводятся поминки («бегохи охир»). Таджики в этот день приглашают людей из квартала, родственников, близких друзей и знакомых, режут барана. Обычай приношения в жертву животного – барана, а у таджиков Памира – петуха уходит своими корнями в глубокую древность, в домусульманские верования, в зороастризм. Умершему человеку, не имеющему родственников, поминки устраивала община (махалла). Количество приглашенных людей обоих полов зависело от состоятельности хозяина поминок. Поминки двадцатого дня («бист») по численности были ограничены, в них участвовали до 20 человек мужчин и столько же женщин.

На сорок дней («чил») обычно приглашали большее количество людей, отмечались они в основном по нечетным дням - на 35, 37, 39 день. Годовщину же смерти отмечали в узком, родственном или семейном кругу. Когда наступал год со дня смерти покойного, проводили ритуал поминания «сол» (годовщина со дня смерти). Женщины снимали свои темные траурные платья и надевали светлое или белое платье. Этот ритуал назывался «сафедпушон» (одевать белое), чем и заканчивалась траурная годовщина женщин по умершему члену семьи. Когда подходили календарные мусульманские праздники Иди Рамазон, или Иди Курбон, обязательно приносили в жертву животное, обычно барана, устраивали поминальные мероприятия.

Траур (горе, оплакивание, внешний вид, вид одежды и ее цвет, прическа, внешнее выражение горести, скорби) подразумевает соответствующее поведение, действия ближайшего окружения умершего с момента наступления смерти до момента снятия траура. Траур начинается с момента наступления смерти, с соблюдением всех общепринятых социальных и религиозных норм.

По мнению многих ученых, траурным цветом для таджиков был и остается белый [2]. Следует отметить, что похоронно-поминальные обряды таджиков всех регионов един, исключения здесь редки. Например, у таджиков Памира отсутствует обряд выкупа грехов. Не наблюдается он и у немногочисленных исмаилитов Дарваза [5]. Религиозный синкретизм у народов Средней Азии, в том числе и у таджиков отмечают выдающиеся российские ученые О.А. Сухарева, С.П. Поляков, Г.П. Снесарев, Б.А. Литвинский и др. [6]

Так, в представлениях таджиков о душе сохранились домусульманские элементы. Они считают, что душа до погребения остается на земле, поэтому она «слышит» все, что говорят об умершем человеке. У народа есть выражение – «о мертвом плохое не говорят». По некоторым поверьям, душа может перевоплотиться в любое животное, растение, в камень, в птицу и т.д.

У таджиков, в том числе и таджиков Памира имеется понятие о множественной душе (джон) и одиночной (рӯх). Эти древние архаизмы были зафиксированы Г.П. Снесаревым у всех народов Средней Азии. Лашкариев А. в своих исследованиях приводит данные о представлении бартангцев о душе. Этнографические материалы, собранные им у населения Бартанга, показывают, что душа появляется в человеке в момент его рождения, и, в зависимости от того, как он ведет себя в этом бренном мире, определяется его существование после смерти. Андреев М.С. [7] зафиксировал также подобные данные, которые показывают, что у человека имеется две души - «рух» и «джон». При зарождении ребенка, в самый момент зарождения его в утробе матери, появляется «рух», который до того находился в «арш» - пред престолом божьим. Только через сорок дней, по толкованию одних богословов, и через девяносто, по объяснению других, в теле ребенка, находящемся в утробе матери, появляется душа «джон», которую вселяет в тело «рух». После смерти человека тело покидают и «рух», и «джон» [2, с.9]. В повседневном употреблении слова «джон» и «рух» не имеют черт, которые позволяли бы их отличать друг от друга, так как под обоими этими словами подразумевается абстрактная форма души. Когда наступает смерть, обычно говорят, что душа покинула тело - *jon navtuyd* (тадж. джонаш баромад). Представления о наличии двух душ, точнее - о душе и духе, широко распространены у всех народов Средней Азии [8].

Многие реликты – универсальны, они встречаются у многих народов мира, например, представления, связанные с кровью и тенью, о злых духах, о необходимости использования разных магических приемов с целью их изгнания, почитании культа предков и культа святых мест.

Отголосками язычества являются также оплакивание и ритуальный танец (роуата), который иногда исполняется у таджиков, других народов Средней Азии в настоящее время. Сюда же можно отнести и обычай приношения петуха в жертву во время очищения дома, зафиксированный А.З. Лашкариевым у бартангцев, генетически он восходит к более раннему времени.

В похоронно-поминальной обрядности таджиков имеются и элементы зороастрийской традиции. Как известно, в зороастризме существовало представление о нечистоте мертвого тела, о необходимости очищения пространства, где умер человек, об особом отношении к обмывальщикам и т.д. До настоящего времени сохранилось предписание, согласно которому в течение трех дней следует избегать общения с членами семьи умершего. Три дня в доме ушедшего в мир иной запрещалось готовить пищу и разжигать огонь, выносить из него продукты. У народов Средней Азии встречаются поверья, связанные со стриженными волосами и ногтями. Согласно им, всё, что было удалено с живого тела, считается нечистым, мертвым. В частности, в зороастризме есть строгие указания по этому поводу: «Все, что оторвано от живого организма - его выделения, отрезанные волосы, ногти, выпавшие зубы, и прочее, мертво, и поэтому нечисто, как нечист труп мертвого тела» [9].

У таджиков, как и у других народов Средней Азии, до сих пор окуривают дом рутой, само название которой осталось от маздеизма [10].

Многие древние обычаи и обряды сохранились у таджиков до настоящего времени, но выполняются они условно. В сознании людей домусульманские пережитки – языческие и зороастрийские, существуют в синкретизме с принципами, нормами и традициями ислама. Ислам сумел принять и интегрировать многие обряды и обычаи, которые практиковались до его распространения. Таджик Памира – исмаилиты по многим причинам, в том числе благодаря географической изоляции, сумели сохранить целый ряд прежних, домусульманских представлений.

Вопросы к теме:

1. В чем заключается консерватизм в похоронно-поминальной обрядности?
2. Какие обряды существуют у таджиков и какие схожи с обрядами других народов?
3. Что означает синкретизм в похоронно-поминальной обрядности?
4. Присутствуют ли мусульманские обряды в похороно-поминальных обрядах таджиков?
5. Какие реликты встречаются у таджиков в похороно-поминальной обрядности?
6. Запреты бурного проявления горя по умершему?
7. Как объяснить присутствие и отсутствие профессиональных обмывальщиков?
8. С чем связано существование различных тип и форм могил.
9. В чем проявляется траур?
10. Какие представления связаны с духами предков и духами умерших?

Использованные источники

- 1 Рахимов М. Обычай и обряды, связанные с похоронами у таджиков Кулябской области // Известия АН ТаджССР. 1953. - № 3. - С. 107-130.
- 2 Лашкариев А.З. Похоронно-поминальная обрядность бартангцев: конец XIX–XX вв. <http://www.dissercat.com/images>.
- 3 Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. - М., 1969.- С.18.
- 4 Бабаева Н.С. Давра – обряд выкупа грехов у умершего (по материалам Кулябской области). - С.58-64; Губаева С.С. Путь в зазеркалье. - С.164-174; Мардонова А. Архаические обряды и верования гиссарских таджиков. Похоронно- поминальный цикл; Мирбабаев А.К. Историческое наследие Худжанда. - С.15-23; Моногарова Л.Ф. Архаический элемент похоронного обряда памирских таджиков (ритуальный танец) // Полевые исследования Института этнографии 1979. - М.,1983. - С.155-164; Писарчик А.К. Смерть, Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. - С.118-164; Поляков С.П. Методика обработки первичной археолого- этнографической информации. - С.7-258; Там же. - 1993. - Вып.14. - С.7-199; Рахимов М. Обычай и обряды, связанные с похоронами у таджиков Кулябской области.- С. 107-130; Чвырь Л.А. Три «чилла».- С.69-76; Хамиджанова М.А. Мужские джахры в похоронных обрядах таджиков верховьев Зеравшана.- С.54-58.
- 5 Писарчик А.К. Смерть, Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. - С.118-164.
- 6 Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. - М., 1975. -С. 5-93;
- 7 Моногарова Л.Ф. Архаичный элемент похоронного обряда у памирских таджиков (ритуальный танец). - С. 155-164; Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). -М., 1981. -С. 90-121; Поляков С. П., Черемных А.И. Погребальные сооружения населения долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. - М., 1975. -С. 261-280;
- 8 Снесарев А.Е. Религия и обычаи Западного Памира// ТВ. -1904. -№89-93; Он же. Маздеистская традиция в погребальном обряде Средней Азии; Он же. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма.
- 9 Андреев М С Таджики долины Хуф Вып 1, с 204.
- 10 Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. - С.169; Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. – СПб., 1997. - С.179.
- 11 Снесарев Г.П. Маздеистская традиция в погребальном обряде Средней Азии. - С.5.

8 Традиционное сознание таджиков и ментальность. Я и мой род. Я помню свой род. Вечность рода, авлода.

ФУНКЦИИ РОДА-АВЛОДА.

Изучив все виды форм семьи таджиков, структурно можно обозначить институт семейно-родственных групп – «патронимии». Патронимия по своей сущности является пережитком патриархально-родовых отношений. Каждая патронимическая группа имела общего старейшину, которого все почитали и уважали и с ним во всем советовались [1]. Патронимия имела общеродовое кладбище. Члены патронимии совместно проводили все семейные мероприятия. Группа патронимий, куда входят большие патриархальные, большие неразделенные, малые – расширенные, малые-нуклеарные, семьи братского типа, составляла «авлод», который стоял выше их. Среди таджиков авлод известен и под другими терминами, например, у матчинцев - хеш, фалгарцев- хешу ақрабо, язгулемцев - қавм, шугнанцев - гру, ваханцев - тухм, у других горных таджиков - қавм, тоифа, у равнинных таджиков – қавм.

Авлод необходимо рассматривать во времени и в пространстве. Таким образом, семейно-родственная группа - «авлод» у таджиков был широко развит и этот институт ведет свое происхождение от общего памятного предка, который жил семь-пять поколений тому назад и члены этой группы находятся в кровнородственных отношениях.

Исследования ученых-этнографов Таджикистана и России показывают особенные функции авлода, присущие таджикам. В прошлом авлод заботился о своих членах, нес моральную ответственность за воспитание и утверждал чувство безопасности в дальнейшей жизнедеятельности любого родственника, опекал одиноких стариков и сирот, которых часто брали в свои семьи дальние родственники. Сироту воспитывали наравне со своими детьми, давали образование, устраивали свадьбу и так далее. Значение авлода как традиционного кровнородственного института, объединяющего родственные семьи, будет еще долго сохраняться, потому что таджикам присуще сильное чувство принадлежности к единому роду, а также инстинкт коллективизма. Таджик до настоящего времени, не воспринимает себя без семейно-родственной группы, поэтому он сохранил авлодную ментальность. Для семей одного авлода также обязательна взаимопомощь в хозяйственной деятельности и при проведении семейной обрядности - рождение ребенка, суннат-туй (обряд инициации мальчика в мусульманскую религию), свадьба, а также при проведении цикла погребально-поминальных обрядов. Патронимии, семейно-родственные группы - авлод в прошлом могли проживать на единой территории махали, создавая семейно-родственную общину. Выделяясь из больших патриархальных и неразделенных семей, члены авлода, развиваясь, могли жить территориально в другом квартале- махалле. В XX-XXI вв. происходили вынужденные (в основном из-за малоземелья) переселения, в силу конструктивных действий со стороны государства, когда массово переселяли таджиков с горных районов в равнинные места для освоения Вахшской долины под хлопчатник.

Этнографы зафиксировали в годы Советской власти авлоды, переселённые родственным авлодам горных территорий Таджикистана. На новых местах проживания у таджиков появилось четыре-пять новых поколений, которые помнят своих родственников с малой исторической Родины. Они поддерживают семейно-родственные связи, участвуют на семейных мероприятиях (свадьба, похоронно-поминальные обряды.). Таким образом, традиционный институт авлод сохраняет единство по признаку родства, хотя в новых социально-экономических условиях переходного периода наблюдаются некоторые инновации.

С одной стороны, он продолжает функционировать через мобилизацию деятельности одного члена семейно-родственной группы, вокруг которого

сосредотачиваются остальные. Такая тенденция функционирования авлода проявляется на всех уровнях его жизнедеятельности. Авлод в этом случае играет большую и порой решающую роль (экономическая, нравственно-этическая, социальная солидарность). Такая тенденция наблюдалась в постконфликтный период, когда члены семей одного авлода объединялись и решали экономические проблемы семьи и авлода в целом. С другой стороны, экономические проблемы заставляют, иногда, членов авлода отходить от устойчивых традиционных связей как внутри семьи, так и авлода в целом. В этом случае развиваются тенденции, характерные для общества периода перехода к рыночной экономике: происходит обособленность семьи, наблюдается ослабление семейно-родственных связей.

Но существование авлода нельзя ставить под сомнение, он существует на протяжении сотен лет и будет еще долго существовать, развиваться, сохраняя свои традиционные функции [2]. Изучая таджикский авлод, нами были получены очень интересные данные об одном таджикском авлоде. Итак, на фото №1 показана часть потомков авлода Мухаммада Рахибоя «Тойча» жившего в конце XIX в. – XX в. в г. Самарканде. В годы Советской власти дети и внуки Мухаммада Рахибоя «Тойча» были известными людьми в Таджикистане. Среди его потомков есть первые водители Средней Азии, знаменитые врачи и авиаконструкторы, педагоги и авиаторы, работники силовых структур и даже металлурги и геологи. О творчестве его внуков - Мухамедове Фарухе и Гулямове Минходже знает весь мир - первого как авиаконструктора, а второго как психиатра. Фото было сделано по случаю 100 летия сыновей Мухаммада Рахибоя «Тойча» - заслуженного художника РТ Хошмухамедова Маджида и заслуженного учителя Таджикистана, кандидата пед. наук Хошмухамедова Абдуазиза. На этот юбилей пришла только часть авлода. Авлод, по сведениям его внука – Шавката Махмудова, состоит из большего числа родных. Шавкат Махмудов 45 лет составлял родовое древо своего авлода и написал книгу «Мой дед». Это один из ярких примеров жизни авлода в течении конца XIX в. – XXI в.в.

Рис. Представители авлода Мухаммада. (Информацию предоставил внук Мухаммада Рахибоя «Тойча, Шавкат Махмудов).

Вопросы к теме:

1. Какова роль рода – авлода в воспитании молодежи.?
2. Авлод как социальный институт встречается ли у других народов? Какие термины вы знаете?
- 3.Какие функции у авлода?

Использованные источники

- 1 Косвен М.О. Семейная община и патронимия. – М.: Наука, 1963. - С.01- 07,101-105.
- 2 Давыдов А.Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. -М.: Глав.ред.вост.лит.,1070.-С.3-13, 56-67.
- 2 Бушков В.И. 1Таджикский авлод тысячелетия спустя //Восток,2001, №5.

9. Махалля - традиционный институт самоуправления. Особенности махалля на юге. Традиция жить в тесном общении.

Социальный институт «Махалля» соответствующий современному - «квартал», издавна существует в Центральной Азии. Большой частью институт «Махалля» был хорошо развит в торгово-ремесленных центрах Центральной Азии. Рассмотрим некоторые аспекты «Махалли» на примере нашей республики. Как мы видим северная часть республики всегда была более урбанизирована, чем южная. Фактически это можно объяснить тем, что север был раньше присоединен к России, тогда как юг оставался частью Бухарского эмирата. Следовательно, социально-экономические отношения на севере между городами и селениями были более развитыми. Итак, на базе этого явления наши города вобрали в себя как европейские, так и азиатские элементы образа жизни.

Хорошо выработанная веками традиция жить в тесном общении по месту жительства вне зависимости от родства - превратилась в одну из черт национальной культуры, характера и менталитета таджиков и имеет широкое распространение до настоящего времени и Махалля продолжает свое развитие. Институт «Махалля» и теперь играет огромную роль в жизни общества, помогает семьям решать различные проблемы. В нашем городе имеются много махаллей. В основном это традиционная система взаимоподдержки и распространена она не только в кварталах где имеются частные застройки (это традиционно), но в кварталах с многоэтажками. Существовая, Махалля давно выработала определенную структуру управления. Например, в каждой Махалле есть неформальный лидер – это чаще всего человек посещающий мечеть, пожилой человек, имеющий большой авторитет, чаще всего это духовный деятель – мулла. Это связано с тем, что раньше мечеть играла основную роль в управлении махаллей, поскольку она является центром общественной жизни. Здесь регулярно происходят встречи мужчин, обсуждаются некоторые вопросы жизни квартала и разрабатывается определенный план действий (гап-гап, джураги и т.д.).

На юге чаще всего таким местом служит чойхона и базар. Сейчас почти все Махалли имеют свой инвентарь для проведения различных мероприятий (свадьба, поминки и т.д.). Обычно они хранятся в Махаллинской мечети. Конечно Махалля решает большие социальные проблемы. Так же органы управления осуществляют сбор оплаты за коммунальные услуги – газ, вода, электричество и т. д. Осуществляются Махаллинские проекты по ремонту дорог и очистке канализационных путей, постройке и ремонту мостов. Одной из характерных черт является то, что все осуществляется чаще всего путем традиционного механизма – «Хашар», совместное объединение людей, живущих в махалле для решения поставленной задачи или решении проблемы на местном уровне.

Вопросы к теме:

1. Что такое махалля, гузар?
2. На какой основе возникла махалля?
3. Какие функции Махалли Вы знаете?

10. Культ коня у таджиков.

ОСОБОЕ ПОКЛОНЕНИЕ ПЕТУХУ И ГОРНОМУ КОЗЛУ. МАГИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО ОРНАМЕНТА

Находки древнейших одомашненных лошадей были обнаружены на территории Причерноморья, Средней и Передней Азии, и по источникам датируются IV в. до н.э. [1] Имеются и другие мнения. Так Е.Е.Кузьмина предполагает, что лошадь появилась в Великом Хоросане во Птыс.до н.э. [2]. Следует отметить, что среди костей домашних животных, обнаруженных в культовом слое Кангуртутских находок, имеются и остатки лошадей, так же датируемые Птыс.до н.э. [3]. В северной Бактрии были обнаружены останки лошади, относящиеся к эпохе бронзы.

Лошадь у таджиков в основном служила в качестве верхового животного и ее очень редко закалывали на мясо.

Отношение к коню было различным:

- во-первых, - конь для таджиков было очень престижным животным.
- во-вторых, с конем связаны многие обычаи и обряды семейного цикла,
- в-третьих, до настоящего времени этому животному поклоняются и обожествляют его с крылатыми конями, которые упоминаются в «Авесте».
- в-четвертых, у таджиков наблюдаются и негативное отношение к коню. О важной роли коня в жизни таджиков говорят исторические факты. Известно, что в прошлом на территории расселения таджиков разводили несколько именитых пород лошадей. Исторические источники говорят, что во второй половине 1 тыс. до н.э. В Центральной Азии существовало два центра, где разводили породистых коней. Одним из них – Фергана, другой – древний Хутталь. В исторических источниках имеются очень интересные сведения где приведенные данные о том, что на Фергану дважды нападают китайцы, которые стремились овладеть этими «небесными конями» [4]. О хутальянской лошади упоминалось в рукописных памятниках на протяжении тыс. лет до н.э. и вплоть до XIII в.н.э. Профессор М.Е.Массон считает локайских лошадей древней и аборигенной верхово-вьючной породой, которая несет в себе кровь издревле славившихся хутальских верхово- вьючных лошадей горного типа, известных еще до арабского завоевания [5].

По утверждению Б.Х.Кармышевой современная локайская лошадь в Южном Таджикистане является потомком этой замечательной быстроаллюрной лошади Хуталля. Как пишет в своем дневнике Гийасаддин Али, в индийском походе, перед сражением Тимур сел «...на объезжающего мир коня и на Хатли- курьера». Здесь же автором в ссылке объясняется, что Хатли – лошадь из Хатля, или Хатлона, славившегося своей породой коней [6].

Уход за лошадьми у таджиков был особенным, в зависимости от предназначения коня; для игры «бузкаши» (козлодрание), для верховой езды – «савори», для выполнения различных хозяйственных работ.

В то же время, у таджиков с конем были связаны различные представления. Большое место занимает конь в похоронной обрядности таджиков Гиссарской долины [7]. Роль коня в обряде «давра» (выкуп грехов покойного) имел важное значение в

прошлом. Представление о коне было различным. Конь помогает умершему пройти путь к раю. Таким образом, конь для таджиков был одним из престижных животных и поэтому вокруг него сложились множество различных легенд и представлений.

У таджиков поклонение петуху сохранилось и этническая память уводит нас к древнейшему периоду. Еще в авестийских представлениях петух стережет дом праведного зороастрийца. Поэтому содержание и кормление петуха в Авесте, считается одним из наиболее богоугодных дел [8].

Отголоски данного культа сохранились и дошли до наших дней. На головных уборах таджиков прослеживается орнамент крыльев петуха и фазана. Тус-гупи означает (петух) тюбетейка [9]. Тюбетейку олицетворяли с семейным благополучием и благосостоянием. Таджики говорят: «Тупи нишони давлат аст» (Тюбетейка- символ богатства). Существует поверье, что, если подросток садился есть, не надев тюбетейку, ему делали замечание: «Фариштаи сарат мепарад» (голову покинут духи).

В исламе считается, что именно петух был гигантской птицей, увиденной Мухаммадом в Первом Небе рая, кричавший: «Здесь не бог, но Аллах» [10].

Религиозно-магические поверья у таджиков, связанные с культом петуха многообразны. Во многих местах Таджикистана, зафиксированно сакральное отношение к петуху. Например, в обряде очищения котла, в котором грели воду для обмывания тела покойного, петух выступает главным и важным атрибутом в его очищении [11]. В Ходженте существовал обряд «хун кардан», то есть «окропление кровью», когда возле больного или слаборазвитого ребенка, подверженного малярией или другими болезнями, резали петуха и его кровью окропляли тело больного, а самого петуха погребали по всем правилам погребального обряда. Кровь петуха считалась сакральной [12].

В начале XX в. петух, как символ плодородия встречается в орнаменте таджиков многих регионов современного Таджикистана. В украшении «тавк», в его орнитоморфном выражении «мургак» - птичка или курочка, представлены в виде соединенных между собой стилизованных фигурок птиц [13].

В индоиранской мифологии птица, особенно водоплавающая выступает как олицетворение и спутница богини-матери, связанной с водной стихией Анахиты, а пара уток в фольклоре всех индоевропейских народов была символом супружеской любви [14].

В мифологии таджиков присутствует горный козел. Археологические материалы дают нам находки с некоторыми элементами горного козла - перстень из Тулхарского могильника. На щитке перстня нанесены изображения рогов в виде S-образного завитка.

Култ горного козла присутствует в материалах могильников Восточного Памира. Из могильника Харгуш II, кургана 5 IV-VI вв. до н.э. происходит бронзовая бляшка в виде шеи и головы горного козла [15]. Эта бляшка похожа на найденную А.Бернштамом пряжку из могильника Тамды (Казахстан) [16]. Горный козёл - как известно, занимает видное место в древних среднеазиатских верованиях. Знает это животное и авестийская мифология. Следы древних тотемистических верований, связанных с горным козлом, прослеживаются в фольклоре таджикского народа. Существовало много легенд рассказов, связанных с горным козлом. Таджикский народ почитал и почитает это животное, считая его мясо чистым и целебным. В древности считали, что человек, съевший по какой-нибудь причине что-нибудь не чистое, например, медвежье мясо, может очиститься, если поест мясо горного козла [17].

По этнографическим материалам, отмечено использование изображения козла на ювелирных украшениях как оседлого, так и полукошачевого в прошлом населения Центральной Азии. Эти представления о сакральной силе горных козлов давно утрачены, но пережитки ещё сохранились в амулетах-украшениях. Так, старинный головной убор

каракалпаков «саукеле» имеет серебряные, позолоченные пластинки, которые изображают рога. Нагрудные украшения каракалпаков «хайкель» также имитируют рога [18].

Растительный орнамент – это виноградная лоза, хорошо известна в орнаменте Согда, Бактрии и т.д. [19]. Изображение винограда и виноградной лозы в среднеазиатском искусстве встречается повсеместно [20]. Многочисленные изображения виноградной лозы встречаются на Варахше [21]. Бусина в виде виноградной грозди обнаружена на поселении Навруз-шах V-VI вв. н.э. [22] Виноградная гроздь изображена на амулете-подвеске из памятника Тепаи-шах II-III вв. [23]. Аналогичного рода подвеска происходит из Кампыр-тепа (Узбекистан) [24].

Особый интерес представляют бронзовые изделия из Тахтисангина, нашивные бронзовые бляшки в виде виноградной грозди [25]. На территории древнего городища Пенджикента обнаружены бронзовые пряжки полукруглые с прямоугольной прорезью в нижней части, на которой изображена виноградная лоза с листьями [26]. Виноград одно из самых древних растений, который стал использовать человек. Еще в каменном веке древнее население старалось селиться там, где произрастали эти ягоды. «Виноград» «лоза» слова известные в санскрите, древнеперсидском, греческом. Первым в истории виноградарем Библия называет Ноя [27].

О лечебных свойствах винограда упоминает Авиценна. Он утверждал:

«виноград в натуральном виде питательнее, чем виноградный сок. Изюм прописывал для лечения почек и мочевого пузыря. С помощью сока он дробил камни, лечил бородавки, лишай, золу от соженной виноградной лозы использовал в качестве противоядия от укуса гадюки [28].

Виноград олицетворяет символ жизни, изобилия и плодородия. Его начали выращивать во времена перехода к оседлости и с развитием земледелия. Он не имеет себе равных по красоте, разнообразию форм, величине и окраске.

В Центральной Азии виноград был символом счастливого брака. Не случайно изображение винограда и виноградной лозы встречаются в уборе невесты. Убор новобрачной XX в. состоял из подвесок, надетых на проволочку, служившую им осью, в них кораллы или перламутровые бусы чередовались с колечками, спаянными из зерни и со сплошными или филигранными серебряными бусами. На конце подвески делали из зерни миниатюрную гроздь винограда. Виноград и виноградная гроздь в представлении оседлых народов Центральной Азии считались символами брака и плодородия и являлись благопожеланием девушке вступившей в возрастную группу невест. Подобные украшения женщины продолжали носить вплоть до выхода из фертильного возраста.

Вопросы к теме:

1. Почему таджики любят коня и поклоняются ему?
2. Какие функции выполняет конь в повседневной жизни таджика?
3. Почему современную локайскую лошадь Южного Таджикистана считают потомком лошади Хуталля?
4. Какие представления о коне существовали у таджиков?
5. Почему у таджиков сохранилось поклонение петуху?
6. Какое отношение зороастрийца было к петуху?
7. Какие ритуалы проводят с петухом (обряд очищения)?
8. Знаете ли Вы, что петух, как символ плодородия встречается в орнаменте таджиков многих регионов современного Таджикистана?
9. Почему культ горного козла присутствует в материалах могильников Памира и всего Таджикистана?
10. Почему у таджиков распространен растительный орнамент?
11. Как выражают таджики желание иметь большое потомство?

12. Через какие символы выражаются эти желания?

Использованные источники

- 1 Сарияниди В.И. Статуэтка лошади с Алтынтепе //Кавках и Восточная Европа в древности.М., 1973. С.113-117.
- 2 Кузьмина Е.Е. В стане Кавата и Афрасияба.М.,1971, С.10.
- 3 История таджикского народа. Древнейшая и древняя история таджикского народа, 1998. Т.1. С.166-167.
- 4 Беленицкий А.М.Историко-географический очерк Хутгалья от древнейших времен до X в.н.э. ТСТАЭ.Т.1, МИА ,1959, №15. С.119.
- 5 Массон М.Е. К истории происхождения локайской лошади.изд. ТФАН СССР. №15.1949. С.56.
- 6 Гийасаддин Али.Дневник похода Тимура в Индию.Москва.1958. С.164.
- 7 Мардонова А. Архаические обряды и верования Гиссарских таджиков. Похоронно-поминальный цикл// Автореферат диссертацииина соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л.,1989, С.29.
- 8 Авеста в русских переводах (1861-1996). Состав. И.Рак. – СПб,1997.- С.345.
- 9 Григорьев Т.В.Тус-тупи. //Искусство. - 1937. - №1. - С.127.
- 10 Мифология народов мира. Энциклопедия. - М.- 1991. - Т.2. - С.345.
- 11 Андреев М.С. Таджики долины Хуф. (верховья Амударьи). - Сталинабад. 1953.- Т.1. - С.234.
- 12 Борозна Н. Г Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана // СЭ. - 1974. - № 1. - С.44
- 13 Чвырь Л.А Таджикиские ювелирные украшения. -М.1977. - С.37.
- 14 Авеста в русских переводах (1886-1996). Сост И.Рак – СПб. 1997- С.453
- 15 Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». - М.1972. -С.63.
- 16 Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р.Карагалинке. //КСИМК. –М. 1949.Вып.5 С.167.
- 17 Пещерова Е.М. Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе. 1976.- С.31.
- 18 Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана Там же С.282.
- 19 Воронина В.А. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. -М., 1959.С..49.
- 20 Заславская Ф.А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени. // ИМКУ. - Ташкент., 1959 Вып.1. С.49.
- 21 Шишкин В.А. Архитектурная декорация дворца в Варахши. // ТОВЭ. 1959 Вып.4. С.106.
- 22 Якубов Ю.Я. Работы Верхнезеравшанского отряда на поселении Навруз- шахе в 1984 году. // АРТ (1984) Вып.24-Душанбе.,1993. С.299.
- 23 Литвинский Б.А., СедовА.В. Тепаишах. Культура и связь кушанской Бактрии. -М.1982. - С.67.
- 24 Лунева В. Ювелирные украшения из Кампыр-тепа. Материалы Тохаристанской экспедиции. //Археологическое исследование Кампыр-тепа. - Ташкент.,2001. Вып.2.-С.55.
- 25 Древности Таджикистана Там же С.345.
- 26 Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Там же С.45.
- 27 Мифы народов мира. Там же С.234.
- 28 Авиценна. Канон врачебной науки. -М., т.2.1982. С.56.

Глоссарий

1. **Традиция** (от лат. *traditio* «предание», обычай) – то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений, например, идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи и т. п.
2. **Толерантность** (от лат. *tolerantia* - терпение, терпеливость, принятие) - социологический термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению.
3. **Инновация** - нововведение в области техники, технологии, организации труда или управления, основанное на использовании достижений науки.
4. **Менталитет** (от лат. *mens* или (род. падеж) *mentis* - душа, дух (в более узком смысле - ум). - склад ума и образ мыслей, совокупность интеллектуальных, эмоциональных, культурных особенностей мировоззрения и мировосприятия, ценностных установок, присущие социальной или этнической группе, нации.
5. **Обычай** - традиционно установившиеся правила общественного поведения или унаследованный стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определённом обществе.
6. **Обряд** - совокупность действий стереотипного характера, которой присуще символическое значение.
7. **Ритуал** - лат. *ritualis* - обрядовый, *ritus* - торжественная церемония, культовый обряд) - одно из основных понятий этнологии и культурной антропологии, позволяющее адекватно отобразить своеобразие человеческого поведения в далеких» культурах (прежде всего - архаических и традиционных).
8. **Калым** - плата; выкуп, уплачивавшийся за невесту первоначально роду, позднее - родителям или родственникам невесты.
9. **Махр** - (араб. *مهر*) - в исламском семейном праве, имущество, которое муж выделяет жене при заключении брака. Махр является одним из главных условий брака.
10. **Приданое** - имущество, выделяемое невесте её родителями и собранное ею самой для замужества.
11. **Эндогамные браки** - (от др.-греч. *ἐνδον* - внутри + *γάμος* - брак) - заключение брака в пределах определённой социальной группы или категории (например, сословия, касты, конфессиональной общности). У таджиков заключение брака по отцовской линии
12. **Экзогамные браки** (др.-греч. *ἐξω*, *εχο* - вне, снаружи + *γάμος* - брак) - заключение брака за пределами определённой социальной группы, чаще всего родственной. У таджиков заключение брака по материнской линии.
13. **Говоро-бахш** - означает помолвку детей с колыбели.
14. **Примачество** – *хонадомод*. Форма брака (брать зятя в дом).
15. **Левират** - обычай, когда вдова должна была выйти замуж за брата покойного мужа.
16. **Сорорат**- когда мужчина имел право жениться на сестре своей покойной жены, не считаясь с её мнением, что являлось одной из древнейших форм брака.
17. **Сватовство** - свадебный обряд, представляет собой обряд предложения женихом руки и сердца, своей девушке при её родителях.
18. **Помолвка** - Никох (араб. *الانكاح* - бракосочетание), джава з, зава дж, урс - в исламском семейном праве брак, заключаемый между мужчиной и женщиной.
20. **Обряд «рубинон»** – обряд смотрения лица невесты в доме жениха.
21. **Синкретизм** - (от греч. *synkretismos* – *соединение*) сочетание разнородных воззрений, взглядов, при котором игнорируется необходимость их внутреннего единства и непротиворечия друг другу. Особенно широко использовался в позднюю эпоху античности при смешении религий.

22. **Давра** – обряд искупления грехов покойного.

23. **Кабристон, хокхо, гўристон** – кладбище.

24. **Джон** – множественная душа – (авлод)

25. **Рўх** – одиночная душа (индивидум).

26. **Этикет** - это составная часть внешней культуры общества, это своеобразный ритуал, который выражается в детально разработанных правилах поведения, организующих жизнь общества.

27 **Авлод** - ведет свое происхождение от общего памятного предка, который жил семь-пять поколений тому назад и члены этой группы находятся в кровнородственных отношениях.

28. **Махалля** - традиционный институт самоуправления - социальный институт «махалля» соответствующий современному - «квартал», издавна существует в Центральной Азии.

29. **Хашар** - совместное объединение людей, живущих в махалле для решения поставленной задачи или решения проблемы на местном уровне.

30. **Культ** - религиозный (лат. cultus, от colo – возделываю, почитаю) – религиозное почитание каких-либо предметов или сверхъестеств. существ, обрядовая сторона религии. В широком смысле в понятие К. включаются все виды действий, связанных с религией и магией.

31. **Магия** - (лат. magia, от греч. mageia) - различные ритуалы, направленные на использование власти тайных потусторонних, сверхъестественных сил.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

1. Санжыра (родословная генеалогия) - как один из источников изучения этнической истории кыргызов

Один из кочевых народов Центральной Азии, кыргызы, к началу XX в. пришли в своем большинстве, как народ не имеющий свою этническую письменность, хотя, немало среди них, в особенности члены семьи состоятельных людей, верховного слоя общества, служители ислама, владели арабской письменностью и переписывались между собой на этой письменной графике. Письменность не широко распространялась среди глубокой массы населения. Поэтому кыргызы обращали особое внимание на знание санжыра или на устную историю, истории родословной – устной генеалогии-своего рода, племени, в конечном счете народа, в том числе, соседних этносов и тюркских народов, на основе устной передачи от поколения к поколению.

Особенность устной генеалогии заключалась и в том, что при прослеживании родословной говорилось и о взаимоотношениях с другими родами, племенами, а также с соседними этносами – о мирных, хозяйственных отношениях или состоянии войны с ними. Излагалась минимальная социально-экономическая и политическая история, героические поступки членов того или иного колена и поколения. Таким образом, в устной форме формировалась минимальная устная летопись истории рода, племени и народа.

Общество (род и племя) и каждая семья были заинтересованы, чтобы каждый их член знал родословную. Такая передача устной информации своего рода была «народной историей». Известные этнологи С.М. Абрамзон и Л.П. Потапов изучали народные знания о происхождении этнического состава, этнической истории отдельных народов, племен, родов, входящих в состав крупных этнических общин или объединений называли условно «народной этногонией» [1]. Тем самым, они, устную историю кыргызов-санжыра вывели из состава фольклора и ярко доказали то, что она является верным историческим источником в познании этнической истории народов, в особенности, кочевых этносов, не имевших письменности. Такое народное знание о родословной характерно было не только кыргызам, но и другим народам тюркоязычных кочевников. В частности, казахи народное знание о родословном называли «шежире», башкиры «шежере» [2], турки «шержере» [3]. Среди кыргызов существовала такая известная каждому члену кочевого общества, пословица «Жети атасын билбеген адам-кул» - человек, не знающий семи колен своей родословной – раб» [4]. Более того, один из первых историков кыргызов, знаток родословной в начале XX в. Осмоналы Сыдык уулу считает, что «үч атасын билбеген адам кул» - человек, незнающего три колени отца – раб». Поэтому каждый член общества, племени, рода и семьи кыргызов, в особенности родители или старшее поколение близких родственников «бир атанын балдары» – «дети одного отца» до семи колен или последующих поколений настойчиво старались, чтобы их дети или потомки своих близких родственников знали свою родословную. Члены «бир атанын балдары»-старшее поколение строго следили, чтобы их члены, в особенности молодые четко разбирались в родах, осознавали, «кто откуда» и «кем является тот или иной член рода, племени для них».

Санжыра выполняла очень необходимые, жизненно важные хозяйственные, социальные, военные, идеологические, воспитательные и иные функции в традиционном динамичном кочевом обществе.

1. Санжыра при родовом, племенном кочевом обществе сыграла идеологически консолидирующую роль его многочисленных членов. Кочевое хозяйство всегда требовало системного и сезонного кочевания в поисках лучшей молодой и сочной травы, чтобы держать скот в упитанном состоянии. Зимой в стойбище не очень ветренном и холодном месте в горах или предгорьях; весной кочевники побывали в предгорьях или равнинах, недалеко от поселений, где можно без осложнений провести окот скота; летом на далеких и высокорных джайлоо, где имеется сочная свежая трава. Таким образом, кочевники кыргызы постоянно находились в динамике, передвигаясь с одного места в другое. При этом, они кочевали и держали скот совместно со всеми членами племени и рода. Ибо, держать в одном месте скот всего племени и рода невозможно, поскольку выпас большого количества скота мог привести к деградации пастбища. В то же время они находились относительно недалеко друг от друга. Поэтому у каждого рода и племени были свои зимние стойбища, весенние и летние жайлоо и пастбища, и осенние места выпаса. Например, крупный манап Эшимбек, из подразделения Мурат (род Кулжыгач, племя Саяк) Жумгала со всеми членами своего рода, которым руководил всю жизнь, держал свой скот в зимнем стойбище Кумуш Булак в Кара-Кече, весной в местечке Айдаркан, летом в Суусамыре и Колмо (местечко Айдаркан), а осенью спускались на равнину в местечко Баш-Кууганды [5]. Другие роды и племена не имели право держать скот в этих местах, на которых пасся скот членов рода Эшимбек-манапа. Таким образом, путем санжыра и адата пастбища и территории кочевников, где велся выпас скота был закреплен за родовыми подразделениями.

2. Относительно разрозненный выпас скота, соответственно, создавал условия для их разобщения. Поэтому знание санжыра родословной каждому члену рода и племени постоянно напоминало об их родстве и общих корнях, где бы они не находились и была своеобразным идеологическим фактором их консолидации.

3. Санжыра была своеобразным «каналом» передачи информации от поколения к поколению, об их общем родстве и корнях, тем самым укрепляла их историческую и этническую память. Аксакалы, «куйма кулаки» - люди, обладающие хорошей памятью рассказывали о родословной кыргызов, в том числе о своем роде и племени, на тоях, семейных праздниках, встречах и т.д. При встрече, кыргызы, друг у друга, в первую очередь, спрашивали «кайсы элден (уруудан) болосун»? - «откуда ты родом»? , «ты с какого рода или племени»? Поэтому каждый кыргыз должен был знать свой род и свои корни.

4. Санжыра была своеобразным «защитным инструментом» от ассимиляции или потери идентичности родов, племенем в составе других аналогичных этнических объединениях. Каждый член рода и племени знал к какому объединению он относится. Часто случалось такое, что один род «усыновлял» или «удочерял» детей из чужого рода или племени, включая их в собственный род и его называли «тондуу уул» (приемные дети). Они становились полноправными членами рода [6].

5. Различные торжества (той, мероприятия), поминки, роды и племена, имеющие общие корни проводили вместе [7]. Скот, который шел на убой, вносил весь род и все члены племени, в зависимости от их родственной близости. В этих случаях на помощь приходила санжыра, которая играла социальную регулирующую роль и определяла степень родства.

6. В состоянии войны между родами и племенами военная тактика также выстраивалась по признакам родов и племен. Каждый род и каждое племя имели свой флаг и свою стоянку. Они боролись и защищали вместе свою территорию. Если кто-то из рода и племени выходил из войны, бросал поле боя, все другие члены рода несли ответственность.

7. Санжыра была регулирующим фактором в семейно-брачных отношениях в традиционном обществе. По условиям санжыра члены одного рода не имели право создавать брачные союзы внутри рода до семи колен, чтобы не было кровосмешения с близкими родственниками. Они четко осознавали то, что близкородственные брачные союзы могут привести к нежелательным последствиям для потомства.

8. Санжыра была социально регулирующим фактором в отношениях родов и племен. Если кто-то из членов одного рода и племени воровал скот или по каким-то другим причинам провинился перед другим родом, приходилось отвечать за него всем родом. Весь род платил кун - плату за ущерб, принесенным членом своего рода.

К началу XX столетия, все кыргызы без исключения считали себя кыргызами, в то же время, они относили себя к определенным племенам. Например, часть кыргызов считали себя сарыбагышом, саяком. Дальше внутри этих крупных племен, относили себя еще, к следующей, нижней иерархической мелкой структуре. Например, «я являюсь саяком, внутри саяка, я отношусь к курманкожо, среди курманкожо, являюсь членом рода толук». В сознании кыргызов существовал ряд таксономических уровней идентичности.

Кыргызы делились на «Оң канат» (правое крыло) и «Сол канат» (левое крыло) и группу «ичкилик». В «Оң канат» входили ветви тагай, адигине, мунгуш, в свою очередь в тагай входили сарыбагыш, бугу, саяк, солто, чекир саяк, жедигер, азык, черик, багыш, моңолдор, баарын; в адигине входили жору, бөрү, баргы, кара багыш сарттар; мунгуш охватывал жагалмай и кош тамга. В состав «Сол канат» входили такие племена как: кушчу, саруу, мундуз, жетиген, кытай, басыз, төбөй, чоң багыш. В группу ичкилик входили кыпчак, найман, тейит, кесек, жоо кесек, канды, оргу, бостон, нойгут, төөлөс, ават, кыдырша. Все вышеуказанные крупные племена, в свою очередь, делились еще на мелкие таксономические родовые подразделения. Необходимо следует подчеркнуть, что все эти вышеуказанные племена, независимо от их количества и местонахождения считали себя кыргызами. Благодаря тому, что они входили в эти племена, они считались кыргызами [8].

Вопросы к теме:

1. Что означает санжыра?
2. Почему необходимо было знать членам родов и племен родословную кыргызов?
3. Какие пословицы знаете о родословной кыргызов?

Использованные источники

- 1 Абрамзон С.М., Потапов Л.П. Народная этногония как один источник. Кыргызы. Отв. Ред. А.А.Асанканов, О.И.Брусина, А.З.Жапаров М.2016. С.273.
- 2 Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С.7.
- 3 Жолдошоов Р.Санжыралык уламыштардын кыргыз тарыхындагы этномаданий проблемаларды чечүүдөгү мааниси (Роль санжыра в решении этнокультурных проблем в истории кыргызов. Кыргыздар в 14 томах. Т.III.Б.294.
- 4 Сыдыков О.»Мухтасар тарих кыргызия». «Тарых кыргыз шадмания». - Бишкек. 2016, Б.95.
- 6 Полевая тетрадь автора. №2. 2013. Нарынская область, Джумгалский район. с.Баш-Кууганды.Интервью дал внук Эшимбек манапа Мамбеткулов Шуудат.
- 7 Асанканов А.А., Брусина О.И., Жапаров А.З. Кыргызы. - М. 2016.С.273.
- 7 Полевая тетрадь. №1.2015. Нарынская область. Жумгалский район.с.с. Лама.Дыйкан, Кызарт и др.
- 8 Интервью у знатока родословной кыргызов к.и.н., Р.Жолдошова. 2019. Бишкек, Кытай жазмаларындагы кыргыздар. Урумчу, 2004, С. 293.

2. Социальные отношения

К концу XIX начала XX вв. кыргызы как этнос занимались кочевым и полукочевым хозяйством, частично земледелием. К моменту присоединения к Российской империи в кыргызском обществе господствовали патриархально - феодальные отношения, со своей социальной структурой [1]. Общество состояло из нескольких иерархических ступеней, которые строго регулировались обычным правом в устной основе.

Самой низкой и малой формой хозяйствующей единицей в патриархально-феодальном обществе являлась семья, варьирующая в среднем от 5 до 20-25 человек. Состоятельные мужчины, позволяющие иметь 2-3 жены, от каждой имели в среднем по 4-5 детей. Например, Эшимбек манап, живший в конце XIX начале XX вв. в Джумгале, от трех жен имел 17 сыновей и дочерей, в общей сложности, в семье насчитывалось 21 чел. Семья имела свою микротерриторию – джайлоо, зимнее и осеннее стойбище. Семья имела общую собственность и общий скот. Кочевали вместе, глава семьи имел непререкаемый авторитет.

Другой хозяйствующей единицей и социальной группой, являлись «дети одного отца» - члены семьи родных и двоюродных, даже троюродных братьев. Дети одного отца имели общую территорию для выпаса скота и содержания его зимой - осенью. Несколько семей, которые, в среднем, состояли из 7-8 семей (бывали и больше) «бир атанын балдары» – «дети одного отца» составляли основу хозяйственной и социальной ячейки общины. Все житейские вопросы решали на Совете аксакалов. Семьи были большими, когда Эшимбек манап в период национально-освободительного движения 1916 года со своими кровнородственными членами семьи бежал в Китай, их насчитывалось 100 чел [2].

Несколько кровнородственных семей – «*бир уруктагы үй-бүлөлөр*»- формировали родовую аильную общину. Ее величина зависела от количества семей, ведущих самостоятельное хозяйство, получивших от родителей энчи- собственность в виде скота и определенную территорию, где можно было пасти скот родителей [2]. Все важные проблемы в плане хозяйства, социальных отношений, войны с другими аильными общинами решались на Совете аксакалов кровнородственных семей. У каждой такой семьи - хозяйствующего субъекта было свое пастбище, зимнее стойбище, место, где проводили окот скота. Вместе кочевали в джайлоо и вместе спускались на равнину, где зимовали.

Несколько аильных общин (возможно одна, если крупная или 3-4 аильных общины) составляли родовое племя, величина которой, также могла быть разной. Здесь не было закономерностей в количестве членов родового племени. Родовое племя было динамичным, нередко какая-то часть отделялась по разным хозяйственным, военным и социальным причинам, самостоятельно уходила вести хозяйство. В то же время, если члены чужого рода изъявляли желание присоединиться, то Совет старейшин, согласовав, заранее все условия, мог их принять, при этом, последние сохраняли свои родовые имена [1].

Феодально-патриархальным обществом управляла ее родовая знать – бии, в руках которых находилась политическая, экономическая, общественная власть и до XVIII в. управляла кыргызским обществом. Бии имели неограниченную власть, безраздельно управляли своим родом. По имени родоначальника Манапа, жившего в XVII в. до XIX века называли его соплемяков сарыбагыш. Постепенно, термин манап стал нарицательным для всех феодалов других подразделений и применялся уже по отношению к биям. Принципиальной разницы между биями и манапами не было, они держали возле себя охрану джигитов, которые выполняли их указания, количество джигитов зависело от состояния биев и манапов, так как служба джигитов оценивалась скотом.

Маналы, в свою очередь делились на несколько категорий в зависимости от количества скота и юрт, которые относились к данному племени, занимаемой территории, авторитета того или иного манала. Например кыргызы делили маналов на: 1. Чоң или ага манал (старший манал) которому подчинялись не только члены рода и племени, но и более мелкие маналы; 2. Жынжырлуу манал-наследственный манал; 3. Чала манал, который подчинялся старшему маналу (второстепенный манал); 4. Чолок манал (самый мелкий манал); 5. Букара манал (родственник манала, разорившийся, но который стоял выше обычных соплеменников, акалакчи манал. Например, маналы племени сарыбагыш Ормон хан, Джантай, манал племени бугу Боромбай, манал племени солто Тулеберди считались крупными маналами. Им подчинялось свыше 1000-1500 юрт, а у представителя племени солто Байтик Канаева было до 5000 юрт [3,4].

В условиях кочевой жизни айльная община одновременно выполняла и военную функцию. Все рядовые члены родов и племен, особенно молодежь, были потенциальными воинами. В каждой юрте были пика, топор, сабля айбалта и другое оружие, которым можно было отразить внезапное нападение врага. В условиях войны, все члены рода, без исключения выходили на его защиту или уходили воевать с внешним врагом, оставались дома только дети, женщины и люди старшего поколения.

Военачальники-баатыры играли очень большую и ответственную роль в обществе. Они руководили защитой родов и племени в военных условиях, активно принимали участие в общественно-политической жизни общества. Например, среди кыргызов были известны такие баатыры, как Атаке баатыр, Садыр баатыр, Качыке баатыр, Жайыл баатыр и мн. др.

Среди высшего сословия были и баи, которые не были биями, маналами, не имели политическую власть, но имели большое количество скота – овец, лошадей, коров и верблюдов, огромные пастбища, джайлоо, зимнее стойбище. Соответственно, имели большой авторитет не только среди простого населения, но среди биев и маналов. Баи также делились на различные категории в зависимости от количества скота и территории. Крупные баи имели до 6-12 тыс. овец, 1000- 2000 лошадей, до 200 коров, средние владели меньшим имуществом. У мелких же было по 1000-1500 овец, 200-300 лошадей, 150-200 коров [5]. Безусловно, это количество не было постоянным, менялось. А в период джутов, бескормицы, крупные баи могли стать средними, а средние мелкими, мелкие же вовсе могли остаться без скота.

Важную идеологическую роль играла небольшая группа служителей ислама-молдо, которые обучали людей письму, чтению и Шариату. Одновременно они бракосочетали молодежь и провожали в последний путь усопших. Каждый манал имел при себе служителя ислама. Эшимбек манал имел в своем роде молдо из Уфы, который обучал его детей Корану и Шариату, который жил вместе с семьей.

Был и обслуживающий за скотом маналов персонал, койчу. Пасших овец, было больше чем других слуг, так как много было овец. Жылкычы следили за лошадьми, они среди слуг занимали особое место, были в основном молодые, крепкие и смекалистые мужчины, виртуозно управлявшие лошадью.

Коров у кыргызов было относительно мало, чем другого скота и соответственно, людей, следивших за коровами малое количество.

В иерархии слуг были мужчины и женщины - малаи - прислуга, жалчы следившие за хозяйством, домом и детьми. У них не было скота, или в очень малом количестве. Они могли быть из числа рядовых членов этого же рода, прибывшие из других родов и племен, виде калыма - приданого, куна - уплаченного за кровь, выставленные в качестве приза на различных скачках – байге и др. Они могли быть и кулами – рабами, хотя их было очень мало.

Основную массу кыргызов в традиционном обществе составляли владельцы сравнительно небольших стад - букара чарба - кочевники и земледельцы. Они со своим скотом, кочевали сезонно, в поисках лучшей травы вместе с состоятельными феодалами. В джайлоо и пастбищах расселялись вокруг юрт манапов, служили им и за это пасли свой скот.

Имелась категория населения - жатакчы, которые не кочевали, а жили в одном месте и занимались обработкой земли манапов и баев. У них не было собственной земли, за свой труд они получали вознаграждение в виде скота, на что и существовали.

Вопросы к теме:

1. Какая была социальная структура в кочевом обществе кыргызов в конце XIX начало XX вв?
2. На чем зиждилось общество кыргызов в XIX в.?
3. Было ли рабство у кыргызов в XVIII –XIX вв.?

Использованные источники

1. Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.1971. С.155-156.
2. Собственные полевые материалы автора. 2015-2017 гг. с. Баш-Кууганды.
3. Джумгалский район. Нарынская область.
4. Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе. 1960. С.7.
5. Кыргызы. Серия «Народы и культуры». Отв. ред. А. А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров М.2016. С.256.
6. По материалам к.и.н., СИС Института истории, археологии и этнологии им. академика Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики. - Бишкек. 2018-2019.

3. Устное народное творчество. музыкальный дар кыргызов

Кочевой образ жизни, широкое распространение письменности среди населения обусловили формирование, развитие и передачу чрезвычайно богатой и разнообразной поэтической формы устного народного творчества из поколения к поколению. Великий кыргызский эпос «Манас» является вершиной устного народного творчества кыргызов, в котором воспевается героическая борьба кыргызского и сопредельных народов против иноземных захватчиков за независимость. В нем отражена история, культура социальные отношения кыргызского народа, мировоззрение о Космосе, Вселенной, знания о природе, соседних и дальних народах и т.д. Эпос «Манас» является своеобразной энциклопедией кыргызского народа в форме эпического произведения об истории и общественно-политической, хозяйственно-культурной жизни кыргызов и соседних народов. «Манас» был своеобразной идеологией консолидации и формирования кыргызского народа в середине второго тысячелетия, как самостоятельного этноса, имеющего свой язык, культуру и этническую идентичность.

Кыргызы – кочевники, в частности манасчы-сказители этого грандиозного эпического произведения, особо талантливые люди, обладали феноменальной памятью и помнили более полумиллиона строк эпоса «Манас», великого шедевра устного народного творчества не только кыргызского, но и других народов мира. Известные сказители эпоса, начиная со времен Манаса, Ырамандын ырчы уулу, в средние века Токтогул (XIV-XV вв.), Нооруз (XVIII в.), в новое время Чонбаш, Тойчубек Орус уулу, Балык Бекмурат уулу, Келдибек Барыбоз уулу (XVIII-XIX вв.), Тыныбек Жапый уулу, Найманбай Балык уулу, Тоголок Молдо, Чоюке, Сагымбай, Багыш Сазан уулу, Саякбай

и мн.др.(XIX-XX вв.), в XX веке Жусуп Мамай, Сейдана Молдокеева, Кааба Атабеков, Шаабай Азизов, Уркаш Мамбеталиев и современные сказители помнят более 500 тыс. строк эпоса («Манас», «Семетей», «Сейтек»).

Кроме крупного этого эпического произведения у кыргызов есть и Малые эпосы, такие, как «Курманбек», «Эр Табылды», «Эр Тоштук», «Олжобай и Кишимжан», «Жаныл Мырза», «Жаныш-Байыш», «Эр Солтоной», «Кожожаш» и др., насчитывается более 20 крупных устных произведений, отражающие историю, жизненную философию, наконец, духовный мир кыргызского народа.

Дошедшие до нас и ныне успешно функционирующие среди населения, крупные произведения устных акынов, манасчы, пословицы, поговорки, сказки, детский фольклор, плачи (кошоктор), религиозные стихи и песни, песни наигрышы, повествование о наигрышах, мифы, сатиры, крылатые слова, басни, юмор, ораторские слова, былины, легенды, генеалогия, сказки о быте, загадки, вымыслы, скороговорки, санжыра, сармердены - любовные и жалобные песни юношей и девушек, айтышы-словесные и поэтические состязания двух акынов импровизаторов, песни – импровизации, все это является не только отражением архетипов традиционной кочевой культуры, но и фактором сохранения и развития этнической самоидентификации народа.

Древняя этническая история кыргызов, хозяйственный уклад, непростой общественно-политический и социально-экономический путь, отразились в формировании и развитии народной музыкальной культуры. В свою очередь, самобытная народная музыкальная культура, наряду с другими факторами, способствовала формированию и консолидации этнической идентичности кыргызов. Благодаря этим факторам возникли и формировались музыкальные жанровые пласты кыргызского фольклора, такие как напевы (вокальный жанр), акынская композиция исполнителей – инструменталистов [1].

В песенном жанре кыргызского этноса отражается его древняя и богатая история, культура, этносоциальные отношения. Носителями этого музыкального фольклора назывались ырчы-певцы. Кыргызская народная песенная культура состоит из двух групп: к первой группе относятся песни, связанные с трудом (трудовые песни) «Бекбекей», «Шырылдан», «Оп майда» и мн.др; обрядовые песни, связанные с рождением ребенка (бешик ыры-колыбельная песня и др.), свадебные (жар-жар, кошоки и др.); похоронно-поминальные обрядовые песни (кошоки, жоктоо и др.); религиозные (жарамазан, исполнялись в период месяца - орозо). Ко второй группе относятся лирические песни - ашыктык ырлары (секетбай, арман и др.).

В кыргызской народной музыке - фольклоре формировались два взаимодействующих пласта - массовый и профессиональный. Первый является творчеством широких масс населения, второй – высокого исполнительского и композиторского уровня и мастерства, имеет специализированный характер.

У кыргызов развито акынское песнетворчество - выросшее из системы фольклорной песни, вобравшее в себя такие художественные компоненты, как поэзия, композиторство певца, инструментальное исполнительство и наконец, актерство. В своих произведениях они несли морально-нравственные, философско- эстетические, историко-культурные воззрения кыргызов. По своим задачам они схожи с казахскими акынами.

Веками сложившееся богатое музыкальное искусство и музыкальные струнные инструменты - комуз, темир комуз, кыл кыяк и др., свидетельствуют о музыкальном богатстве кыргызов. Насчитывается сейчас около тысячи дошедших из древности наигрышей и кюев на комузе и других этнических музыкальных инструментах, такие как: «Маш Ботой», «Насикат», Мин - кыял», «Сынган бугу», «Кыргыз көчү» и многие

другие формы музыкального творчества. Это бесценное духовное богатство не только кочевников – кыргызов, но и всего человечества. Эти народные гениальные творения и сейчас формируют духовные ценности и ориентиры народа. К тому же, являются источником познания этногенетических и этнокультурных связей кыргызов с этносами Центральной Азии и за ее пределами.

В традиционном обществе, кыргызы активно использовали духовые инструменты, которые с самого начала выполняли практические функции. В частности сигнальные функции – сбор людей на различные сборы, при кочевках, при выпасе скота и т.д. Со временем духовые инструменты стали выполнять художественные, развлекательные и прочие функции. К духовым инструментам относятся чоор (исполнители - *чоорчу*), глиняный чоор, сыбызгы, сурнай (исполнители – *сурнайчы*), керней (*кернейчи*). Из ударных инструментов, известны такие музыкальные инструменты как добулбас, доол, карсылдак.

Вопросы к теме:

1. Какие жанры существуют в музыкальном фольклоре кыргызов?
2. Какие струнные музыкальные инструменты кыргызов вы знаете?
3. Какие духовые и ударные инструменты кыргызов вы знаете?
4. Почему было развито устное творчество у кыргызов в традиционном обществе?
5. Какие жанры существовали в устном творчестве кыргызов?
6. Почему было развито творческое эпическое сказительство у кыргызов?

Использованные источники

1 Дюшалиев К., Лузанова Е. Кыргызское народное музыкальное творчество. - Бишкек. 1999. С.9-10.

4. Традиционная семья

Особенности и характерные черты семьи, семейные традиции, обычаи оставались долгое время отражением кочевого и полукочевого хозяйства и патриархально-феодалных отношений кыргызов. В конце XIX - начале XX вв. среди кыргызов существовала в основном малая семья, вместе с тем сохранились и большие (неразделенные) семьи, в которых было общее хозяйство и собственность. Сыновья, внуки со своими семьями жили вместе с родителями. Например, в патриархально - семейную общину у кыргызов входило три-четыре поколения, численность ее достигала 30-40 и более человек. Правда, у каждой семьи была своя юрта, которую располагали рядом с родительской. Глава семьи всегда был мужчина-отец сыновей и дочерей, единолично управлявший всеми хозяйственными и социальными вопросами семьи, лично отвечал за семью на Совете племени.

Женщина играла роль помощницы и советчицы мужа, и очень редко выступала против его решения, уважала не только мужа, но и его родственников. Жена обращалась к своему мужу не по имени, а словом «байым» - «мой господин». Бии - маналы и баи, как правило, имели двух-трех жен. Старшая жена была самой уважаемой женщиной в семье, в случае смерти мужа или в период его отсутствия, старшая жена оставалась главой семьи. Например, Курманжан датка в Алае (юг Кыргызстана) во второй половине XIX в. как ее называли Российские чиновники «алайская царица», после смерти мужа Алымбек датки, вступала в переговорные процессы с военачальниками Российской империи, которые добивались присоединения юга Кыргызстана, управляла всем племенем баргы, который составлял основной костяк населения этой горной долины. Она имела большой и непререкаемый авторитет не только среди населения Алая, но и среди русских чиновников и военных Российской империи, которые находились в это время в Оше и на юге Кыргызстана. Все это говорит о том, что кыргызские женщины из

состоятельного сословия, относительно были свободными, и в известной степени старались быть помощницами и советницами своим мужьям.

Младшие жены должны были выполнять не только все поручения мужа, старшей жены, но и указания братьев мужа. Они беспрекословно выполняли их поручения, в разговор не вступали, молча соглашались и старались аккуратно исполнять порученные им дела. В состоятельных семьях отношения между мужем и женой строго соблюдались в соответствии с семейным правом - адат. Жены состоятельных людей не были привлечены в хозяйственные дела мужчин. В среде рядовых членов общины ведение хозяйства по дому и воспитание детей ложилось на плечи женщин, а при отсутствии мужа, она должна была выполнять и мужские дела.

Женщины в обществе и семье вели себя свободно особых ограничений по отношению к ним не было. Кыргызская пословица «Кыздын кырк чачы улуу» (буквальный перевод «Сорок косичек девушки старше всех») имела основание. Об этом много писали зарубежные путешественники и ученые, в частности, английский путешественник Ирла Данмор, посетивший во второй половине XIX в. население Памира, отмечал, что кыргызские мужчины хорошо обращаются со своими женщинами, по сравнению с другими мусульманскими народами. Кыргызки обладают относительно свободой действий и никогда не закрываются. Женщины имеют некоторое равноправие с мужчинами [1].

Безграничное гостеприимство, доброе отношение к гостям отмечали многие зарубежные ученые и путешественники. Они писали, как девочки и женщины выбегали из дома или юрты, предлагали различные съедобные сушеные, молочные и другие продукты. Безграничное гостеприимство и учтивость поражет и может привести в смущение даже более образованных людей, говорил Ирла Данмор.

Рождение ребенка было большим событием в жизни каждой семьи. Поэтому среди кыргызов была такая пословица «Балалуу үй базар, баласыз үй мазар» - («Семья с детьми базар, семья без детей кладбище» - А.А.). Мальчики и девочки воспитывались в процессе ведения хозяйства, наравне со взрослыми, делали всю работу при перекочевках и другие дела семейной общины.

Главой семьи был отец, все семейные вопросы решал он. Дети, не говоря о внуках, беспрекословно выполняли волю отца и его братьев. Сыновья женились, а дочери выходили замуж строго по указанию родителей. Каждому женатому сыну родители обязаны были выделить энчи - собственность, в виде скота, сын отделялся и жил рядом, в отдельной юрте около дома отца. Хозяйство большой семьи было общим, поровну делили между собой весь нажитый скот. Обычно младший сын оставался жить с родителями, у них была общая собственность и территория, он был обязан ухаживать и присматривать за престарелыми родителями. Если, один из женатых сыновей не слушался отца, то его выгоняли из дома и семьи, отдав его энчи в виде скота. Это было равно «смерти» сына. Дети в редких случаях самостоятельно ослушивались старших.

Уважение к старшим и выполнение их поручений - были не писанным законом адата. Когда встречаются мужчины и женщины, первыми здороваются двумя руками или же левую руку прижимают к груди - сердцу, а правую руку подают для рукопожатия. Даже мужчины, не говоря о женщинах, не переходят дорогу старшим, не обгоняют их. Если заходил в дом старший, его встречали стоя, первыми подавали руки, старшего не перебивали. Аксакал или по возрасту старший всегда сидел на почетном месте (төр) в позе лотоса, напротив двери юрты. С правой и с левой стороны от него, рассаживались остальные по старшинству и возрасту. Разговор всегда начинал старший, младшие должны были молчать, пока к ним не обращались. Эта же иерархия характерна как в одной семье, так и в аильной общине.

Пища подавалась только правой рукой, левая рука прижималась к груди, подающий наклонялся вниз. Мясо разделялось на части, - «жиликтер» строго распределялось среди гостей по степени важности и старшинству. Нельзя было ложить в тарелку любые попавшиеся мясные куски.

В конце трапезы хозяева дома или их дети просят «бата» - благословение, держа обе руки близко к лицу. Один из присутствующих, обычно представитель старшего поколения, должен пожелать хозяевам дома добра, богатства, здоровья, долгих лет жизни, мира, спокойствия в доме и др. Благословление не аргументировалось, все зависело от богатства слов дающего его. Или хозяин дома сам может попросить кого-то из сидящих пожелать удачи.

Родственная связь была очень крепкой в особенности, по мужской линии. Кочевали вместе, если возникала опасность - решали вместе. Особую роль играли братья матери - таякелери для ее сыновей. Поэтому у кыргызов существовала такая пословица «Жигиттин үч журту бар: 1.Өзүнүн журту; 2. Кайын журту; 3. Таякелери». У джигита есть три родни: 1. Своя; 2. Родственники жены; 3. Родственники матери» (А.А.). Дети очень почтительно относились к близким родственникам матери. В свою очередь, последние, также оказывали всяческую поддержку детям сестры.

Родители искали для своих детей пару из равных себе, сословию сватов. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования о браке и семье кыргызов [2]. Наши собственные исследования также подтверждают эти исследования, в частности, Эшимбек манап из Джумгала своему младшему сыну Мамбеткулу сватал дочь Сандыбай бая из соседнего айла Колмо (ныне аил Байзак). Почти все сыновья и дочери Эшимбек манапа создавали семью из равных своему сословию [3]. Поэтому существовала пословица «Тен тени менен, тезек кабы менен» (ровня с равным, мешок с кизяком А.А.). Рядовые члены родов и племен - букара чарба, создавали семью из числа рядовых общинников, часто их семьи создавались по совету манапов, что было в порядке вещей.

Создание семьи было большим событием не только для молодоженов, но и для всей родовой общины. Воровство девушек у кыргызов в традиционном обществе было исключено. Женидьба сыновей и выдача замуж дочерей происходила только по указанию родителей. Родители согласовывали между собой женидьбу «баш байлоо», что означало «занимать голову». Родители сообщали об этом своим детям и с этого момента они знали, кто будет их супругом или супругой в будущем. Брачным возрастом для девушек было 13-14 лет, а для юношей 16-18 лет. Основными этапами свадебного обряда было сватовство, свадебный церемониал в доме невесты и послесвадебный церемониал в доме жениха [4].

Отец будущего жениха, в сопровождении одного или двух уважаемых людей из своего племени или рода приезжал в дом будущей невесты и просил руки девушки у ее родителей. Бывали случаи, родители жениха засылали к родителям девушки сватов-жуучу. Сватами были уважаемые люди, чтобы родители девушки не могли отказать. Исследования этого процесса показывают то, что родители девушки несразу давали согласие. Жуучу приходилось несколько раз приезжать в дом невесты и уговаривать родителей, чтобы они выдали ее, просящему человеку. Затем родители, девушки согласовав с членами семьи и рода, давали ответ. После того, как родители невесты соглашались, отец жениха вместе с родственниками приезжал обговаривать объем калыма, который зависел от экономического и социального благосостояния родителей, личных качеств невесты, ее красоты. Мерилем калыма был скот, количество которого исчислялось девятками –тогуз. Калым состоял из девяти голов двух или трех видов скота [5]. Бывали случаи когда калым платили в рассрочку и когда он был полностью

выплачен, назначался день свадьбы. В случае отказа выдать замуж свою дочь, отец должен был не только полностью отдать калым, но и выплатить штраф скотом. В большинстве случаев, родственники рядовых общинников приходили на помощь, в возврате калыма. Даже богатые манапы и баи заставлял своих подчиненных, вносить вклад в общую копилку калыма.

Основная и пышная свадьба проходила в доме невесты. Родители жениха с родственниками и друзьями минимум 20-25 человек, максимум 50-60 приезжали на торжество с ночевкой. Гостей распределяли между родственниками невесты по 10-12 человек и брали на себя затраты, связанные с их угощением и ночевкой. Молодые с друзьями праздновали в отдельном доме, весело, шумно, организовывали «кыз оюну», традиционные игры, пели песни, проводили состязания между сторонами жениха и невесты. Целью этих праздников было успокоение невесты, чтобы она не горевала по родительскому дому, который покидала всегда. Ей предстояла не простая супружеская жизнь в чужом месте, в чужой среде. После торжества, уважаемые женщины рода, заплетали невесте косички в две косы, означающие переход в категорию замужних женщин.

Первая брачная ночь также происходила в доме невесты. Если невеста была целомудренной, то молодые ее родственницы радостно оповещали - суйунчу матери невесты! Провожая невесту, пели песни «жар-жар» - «он-она», чтобы невеста и жених были счастливыми, уважали друг друга, родителей и родственников. Мать, бабушка и близкие родственницы невесты пели «кошок» - песня обращение и песня назидание к невесте и жениху, к родителям жениха, а также родственникам родителей жениха. Основное содержание «кошока» в воспевании всех качеств невесты: мастерица, умелая хозяйка, красавица и т.д. В песне-обращении невесте, они просили, чтобы уважала мужа, его родителей и родственников, была умелой и рачительной хозяйкой, родила много здоровых детей. В то же время, они в своих «кошоках», песнях- обращениях, к жениху и к его родителям, к родственникам - просили, чтобы невесту хорошо и с благодарностью приняли, прощали за мелкие ошибки, учили житейским мудростям, молодоженам желали счастья и долголетия, чтобы невеста не возвращалась домой.

Если же невеста не сохранила до свадьбы невинность, жених с родственниками покидали дом, не завершая свадьбу. Родители невесты должны были вернуть весь полученный калым.

Следующий свадебный церемониал проходил в доме жениха. Мальчики оповещали всем родственникам жениха, рядовым членам общины: «Сүйүнчү! Келин келди! Невеста вошла в дом». Все члены общины приходили в дом жениха с подарками, смотрели на невесту, поздравляли родителей словами «Келин кут болсун! Пусть невеста принесет счастье вашему дому!», жениха же поздравляли «Куш боо бек болсун! – Пусть Птичий узлек будет крепким!» (А.А.).

Содержание означало «Будьте счастливыми!» «Пусть ваши узы будут крепкими!» Хозяева дома резали скот и угощали гостей. Через некоторое время близкие родственники жениха приглашали родителей и молодежен. Этот обычай назывался «Отко киргизүү» «войти в огонь» или «привести в огонь». Этот обычай давал право молодоженам в новом статусе свободно в дальнейшем посещать дом родственников, они знакомились с новыми родственниками, членами их семей и могли опереться на их поддержку.

Вопросы к теме:

1. Какой вид семьи существовал у кыргызов в XVIII-XIX вв.?
2. Какое было отношение между родителями и детьми?
3. Какова роль женщины в кыргызском обществе?

Использованные источники

1. Турдалиева Ч.Дж. Западные путешественники и исследователи о кыргызах и Кыргызстане (вторая половина XIX - начало XX вв.). - Бишкек, 2008. С.158.
2. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. – Л., 1969; Джумагулова А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. – Фрунзе, 1960; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971. С.211-266; Кыргызы. Серия «Народы и культуры». Отв. ред. А.А. Асанканов, О.И.Брусина, А.З. Жапаров. – М., 2016, С.284-322.
3. Полевой материал автора. №2. С. Баш-Кууганды. Джумгалский район, Нарынская область, 2018-2019 гг.
4. Асанканов А. Кыргызы Сынъзьяна (КНР). - Бишкек, 2010.
5. Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. - Фрунзе. 1960. С.34-35; Асанканов А. Кыргызы Сынъзьяна (КНР). - Бишкек, 2010. С.317-318.

5. Традиционная одежда как символ этничности и идентичности кыргызов

Трансформация общественно-политической, социально-экономической жизни народов, глубокое и широкое проникновение в быт этносов продукции научно-технического прогресса, совместное проживание с представителями других этносов мира системно вытесняют из их жизни особенности материальной культуры в жилище, пище, одежде, этнических особенностях. Из каждодневного быта народов, в том числе, кыргызов, уходят в прошлое традиционные формы одежды – одна из форм их этнической принадлежности. Унифицируется одежда кыргызов в целом, нивелируются и региональные различия, тем самым уходят в прошлое традиционная одежда из шерсти, кожи, шкур домашних и диких животных, различных тканей.

В то же время, отдельные традиционные виды одежды, в особенности головные уборы, как мужчин, так и женщин, и некоторые другие формы одежды, несмотря на активное проникновение в быт кыргызов достижений научно-технического прогресса, в целом, глобализационных процессов общества, стойко, сохраняются и каждодневно используются в жизни. Даже, в известной степени, эти формы одежды играют роли символов и факторов этничности кыргызов. Тем самым, абсолютное большинство, представителей кыргызского этноса стремятся подчеркнуть, что они свято продолжают пройденный путь предков и бережно относятся к ним, и главное, сохраняют свою этническую идентичность.

С другой стороны, исследование эволюции одежды кыргызов в традиционном обществе, дает понять социальные и экономические взаимоотношения кыргызов с соседними народами, которые соседствовали с древнейших времен.

Следует отметить материальную культуру кыргызов - жилище, пища и одежда. Известно, что кыргызы к первому тысячелетию до нашей эры составляли единый тюркско-монгольский этнос и входили в западную ветвь народов алтайской языковой семьи. Хозяйственно-культурный тип общества в целом, носил комплексный характер: были кочевниками и полукочевниками, частично занимавшиеся земледелием [1].

Распад макроэтнической общины на микроэтнические группы, дальнейший путь исторического развития каждого этноса, особенности этноэкологической ниши, совместное проживание с другими этносами, влияние культуры соседей, сыграли значительную роль в формировании у каждого этноса алтайской языковой семьи особого хозяйственно-культурного типа.

Археологические исследования в Центральной Азии, в частности, Пазырыке (Алтай) [2], Кенкольского могильника (Талас, Кыргызстан) [3], Баткенском регионе, а также в некоторых районах Кыргызстана свидетельствуют о наличии общих черт в материалах, покрое, манере ношения предметов одежды, видах украшений, и типах обуви у ранних кочевников Центральной Азии - саков, гуннов, усунев, тюрков, кыргызов [4].

В китайской хронике «Тан Шу» отмечается о том, что у енисейских кыргызов меха собольи и рысьи составляют богатое одеяние. Ажо зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят валяные шляпы. ... Низшие одеваются в овчинное платье и ходят без шляп. Женщины носят платье из шерстяных и шелковых тканей» [5]. Такое одеяние, в целом сохранилось у кыргызов до конца XIX и начала XX веков.

Кочевники - кыргызы никогда не жили изолированно, они постоянно поддерживали связи с соседними и отдаленными государствами и народами. В частности, кыргызы поддерживали торгово-дипломатические, социально-культурные связи с такими странами, как Китай, Иран, Византия и др. По территории Кыргызстана проходил один из путей Великого Шелкового пути и из Китая привозились шелк, который имел очень большой интерес и престиж среди населения. Кыргызы, в свою очередь поставляли продукции из железа, меха и шкуры диких животных. В одежду из шелка, в основном одевались богатые и знатные люди.

В средние века и Новое время одежда кыргызов, в основном оставалась, как в древности, с некоторыми совершенствованиями и инновациями, поскольку они освоили новые территории на Тянь-Шане, новую экологическую нишу и жили в соседстве с другими этническими общинами, в особенности с земледельческими, ираноязычными таджиками, представителями уйгуров и узбеков.

В советский период, в результате трансформации общественно-политической и социально-экономической жизни общества началась стандартизация и унификация в материальной культуре народов СССР, в том числе кыргызов. Фабричная продукция глубоко проникла в быт кыргызов и стала системно вытеснять, в особенности в 60-80-е годы XX века, изготовленную в ручную одежду. Для нынешнего исследователя – этнолога, по материальной культуре, есть трудности, поскольку традиционные аспекты одежды кыргызов вышли из употребления и быта. Поэтому для воссоздания традиционной одежды кыргызов, нами использованы материалы полевых этнологических исследований (2005-2009 года А.А.) по кыргызам Синьцзяна Китайской Народной Республики, где сохранились до наших дней некоторые их виды [4].

Как известно, кыргызы были расселены, не только, на нынешней территории современного Кыргызстана, но и за его пределами. В частности, сейчас более двухсот тысяч кыргызов (когда проводились этнологические экспедиции в 2005- 2010 гг., их насчитывалось около 200 тыс. А.А.) проживают на территории Синьцзяна и для них эта территория является родиной. Они в тесном соседстве с китайцами, уйгурами, казахами, таджиками и другими этносами живут и трудятся несколько сотен лет. Эти тесные совместные проживания с представителями других этносов повлияли на их материальную культуру, в том числе и на одежду.

Основным материалом для пошива одежды, начиная с головного убора и кончая обувью, традиционно являлись хорошо обработанная шерсть мелкого и крупного рогатого скота, а также их шкуры, как у кыргызов.

Традиционная одежда кыргызов Синьцзяна, как впрочем, Тянь-Шана и Ферганы, была адаптирована к резко континентальным условиям, прежде всего к холоду и сухой ветреной экологической среде, а также кочевому и полукочевому образу жизни. Как

внутренняя, так и наружная одежда мужчин, женщин и детей в основном соответствовала тому, чтобы в ней могли свободно действовать как дома, так и в хозяйстве в холодных и ветреных, суровых природно-климатических условиях, поэтому они одевали теплую, широкую свободную одежду. В то же время они не забывали и об эстетической стороне одежды.

Среди кыргызов была широко распространена одежда из кашгарских ярких тканей адрас - башан, бекасаб, полушелковых тканей, а также тимпа, баранг, тас, вельвета и др. Они использовались для пошива повседневной и праздничной одежды. Естественно красочные, в особенности красного, синего, зеленого цвета и дорогие ткани использовались верхушкой кыргызского народа. Мужчины- кыргызы, повсеместно, традиционно одевали калпак, который и сейчас актуален как мужской головной убор.

Китайские письменные источники, свидетельствуют о том, что в древности глава народа одевает в качестве головного убора кожаную шапку с высоким длинным верхом - калпак, из верхней одежды - «жибек тон», внутренняя и наружная стороны которого были кожаными, а воротник из шелка; простой народ был одет в «кыююланган тон» - «выкроенном тулупе» верхняя часть которого была из шкуры, а остальная - из обработанной кожи, головной убор – калпак [6].

Рис. Калпак

Жибек тон

Кыююланган тон»

До сегодняшнего дня сельское население носит тон - тулуп, дубленки разной длины из шкуры барана, края которых оторочены крепкой стеганной шерстяной материей, он теплый и хорошо предохраняет от холода.

Девичьи тубетейки - кеп и топу Шөкүлө

Во второй половине XIX и начале XX веков у кыргызской женщины Синьцзяна было три основных вида головных уборов. Это девичьи тюбетейки - кеп и топу, украшались перьями различных птиц - филина, совы, куропатки, которые по поверию кыргызов, охраняли от злых глаз.

Одевали шөкүлө [7] (в переводе с иранского языка-шах-и-колах означает шахская шапка). Это конусообразный головной убор, украшенный ценными мехами зверей - куницы, соболя, лисицы, а инкрустированная различными камнями - кораллом, перламутром.

После замужества, в особенности в преклонном возрасте, женщины надевали элечек (в переводе с иранского слова «лачек» - тюрбан), женский головной убор, цилиндрической формы, состоящий из куса белой материи различной длины от 8 до 16 м, в некоторых случаях еще длиннее [7].

Генезис этого традиционного женского головного убора кыргызов требует отдельного исследования. Таким образом, генезис этимологии некоторых головных уборов кыргызов, свидетельствует о тесных взаимосвязях и взаимоотношениях кыргызов с соседними народами, в частности, горными таджиками.

Сейчас элементы традиционной одежды можно встретить только у старшего поколения. В частности, калпаки, тебетей, шапки, фуражки, кителя - френч, с двумя кармашками на груди и застегивающиеся на все пуговицы. Сверху одевают традиционную верхнюю одежду чепкен - пальто длинную ниже колен, застегивающееся на одну пуговицу и прошитое тонкой шерстью.

Кыргызы Шинжана, в особенности, Кызыл-Суу до сегодняшнего дня изготавливают мужской чепкен из верблюжьей шерсти, который очень ценится среди населения за то, что хорошо греет. В последнее время из верблюжьей шерсти шьют пальто современного покроя, калпаки-шляпы.

Женщины одевали платья ярких, красочных тонов. Преобладали красные, зелёные, синие цвета. Платья женщин старшего поколения имели широкие полы. Особо следует сказать о головном уборе женщин - кыргызок Памира - каляк (в переводе с иранского языка слово «колах» - голова, «як» - убор), похожий на кыргызский женский головной убор, элечек. Вероятно, кыргызы постепенно перевели слово «колах» на свой лад «каляк». Однако, каляк красочно расшивается, одевается поверх белого материала дополнительным платком «дурия» (слово «дур» в переводе с арабо-персидского языка означает «жемчуг»).

Размер платка в среднем 1 - 1,5 м, вышивается один угол, который покрывает заднюю часть головы, а также верхнюю часть спины. Узор, нанесенный на материю, имел растительный или геометрический орнамент.

По мнению молодого ученого - этнолога Ч. Сатыбалдиевой [8], эти узоры на платке «дурия» характеризуют древние представления кыргызов, связанных с почитанием небесных светил. Такие платки распространены, в основном, у кыргызов юго-западной части Ферганской долины. Этот головной убор встречается только у памирских кыргызок или в кыргызских семьях, проживающих вокруг Кашгара, спустившихся несколько сот лет назад с памирских гор или их окрестностей.

Проникновение этого редко встречающегося головного убора в быт молодых замужних женщин - кыргызок свидетельствует о том, что памирские кыргызы тесно взаимодействовали с таджиками Памира. В других местах и регионах Шинжана, нам не пришлось увидеть кыргызских женщин в таком красочном красивом, в то же время, редком головном уборе. Правда, удалось увидеть такой женский головной убор селе Каргалыка (на юго-западной части г. Кашгар). Однако, хозяин дома приобрел этот каляк у памирских кыргызов. Его надевают только молодые замужние

женщины, но не девушки и не женщины старшего возраста. С.М. Абрамзон, основываясь на материалах интервью, взятого у населения Синьцзяна, считает, что этот головной убор могли себе позволить только жены богатых, обеспеченных скотоводов и местная знать. Вдобавок к этому, мы полагаем, что этот головной убор имел сакральное значение.

Внутри каляка надевают «кеп такыя». Мне приходилось видеть в Бухаре (ноябрь 2007 г. А.А.) в семьях, а также на базаре головной убор «калян». В других местах Шинжана головные уборы такой формы не носят, в Хотане в качестве ежедневного головного убора носят папаху круглой формы, из нестриженной шкуры черного барашка. Этот вид головного убора принадлежит уйгурам, его носят кыргызы старшего поколения. Кыргызы - мужчины Хотана, Каргалыка, равнины Кашгара, Ак-Суу, Ак-Тоо, в особенности старшее поколение, часто носят уйгурский головной убор - тебетей, края которого отделяют шкурой куницы (суусара). Верх тебетей отделяют черным бархатом. В отдельных домах хотанских, каргалыкских кыргызов мы видели национальный головной убор уйгуров - допу, а также кыргызов, носящих его, что свидетельствует о тесной взаимосвязи и взаимовлиянии культур в целом, материальной культуры, в частности, в других регионах Шинжана нам не удалось увидеть встретить кыргызов в уйгурских допу. Калпак, который носят кыргызы Шинжана, отличается от калпака кыргызов Теңир-Тоо низкой тульей. Он изготавливается из белой, жесткой кошмы, поля отделяют черным велюром.

На Памире у одного пожилого человека, которому было около 80 лет, удалось увидеть чаарык - традиционные мужские кожаные сапоги, то есть этот вид обуви до сих пор сохранился в быту, в особенности у стариков памирских кыргызов.

Нижняя часть подошвы была сделана из хорошо обработанной шкуры яка, так как она является крепкой и выдержанной. Кыргызы Шинжана во все времена для изготовления подошв использовали шкуру яка, а если ее не было, то шкуру коровы, так как она толще и крепче. Для верхних боковых сторон - голенище традиционно использовали шкуру лошади, верблюда, коз, ибо они мягкие и легче поддаются различной форме. До середины 60-х годов XX века кыргызы, в особенности молодежь, в летнее время носили мокасины - тартма - традиционную летнюю обувь, подошва которой также изготавливалась из шкуры яка или коровы. Чтобы она крепко держалась на ногах, завязывали до колен тонкими кожаными веревочками. Поэтому их называли тартма - натягивание.

Молодые ученые и литературоведы из Тегирмети (Кызыл-Суу) Толкун Турду и профессор Урумчинского педагогического университета Мамбетакун Мамбеттурду, информировали о том, что в 60-е годы XX века, когда они были мальчиками, в летнее время одевали тартма. В целом, традиционная одежда в среде шинжанских кыргызов теряет свои функции, за исключением головных уборов и некоторых видов верхней одежды.

Таким образом, традиционная одежда кыргызов, в частности в Синьцзяне (КНР), где относительно сильно сохранились традиционные аспекты материальной культуры все же уходят в прошлое, вместо них приходит унифицированная фабричная продукция, тем самым традиционная одежда постепенно «теряет свою функцию», как фактор этничности и идентичности.

В то же время, некоторые формы одежды, в особенности головные уборы мужчин, калпак и тебетей еще бытуют, как в каждодневной жизни, так и в праздничные, торжественные или траурные дни, абсолютное большинство мужчин надевают традиционный головной убор калпак.

Кыргызы в качестве головного убора, в зимнее время, одевали не менее распространенный - тебетей (тубетей по русски), зимняя шапка оттороченная мехами.

Следует отметить, что тебетей был, не только мужским головным убором, его носили и девочки с 3-4 лет. В отличие от мужских тебетеев, девичьи отличались тем, что верхнюю часть шили из ткани яркого красного или синего цвета, украшали драгоценными различными камнями-бусами, а взрослых девушек перьями филина, у мальчиков и мужчин тебетей был черного или коричневого цвета.

Если в традиционном обществе, рядовые члены в зимнее время одевали кара керпо тебетей - шапка из черной мерлушки - ягненка недоноска, то знатные и богатые одевали ее из меха выдры (кундуз), куницы (суусара) и рыси (сулеосун).

В советское время, старики одевали шапку из черной мерлушки, очень редко из дорогих мехов, однако, с конца XX столетия и поныне усилился интерес народа к шапкам из дорогих мехов. Сейчас, можно сказать, каждая кыргызская семья старается приобрести шапку-тебетей из дорогого меха, который носят женщины любого возраста. С целью поддержки традиционной кыргызской одежды и головного убора мужчин, являющегося символом их этничности и идентичности, Парламент страны принял специальное Постановление о значимости калпака. 29 июня 2016 года по решению Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 5 марта каждого года признано официальным праздничным днем национального головного убора «Ак калпак», для сохранения значимости головного убора для нации. Молодежь стала с уважением относиться к традиционному головному убору. С детства родители воспитывают своих детей, чтобы они никогда не теряли свои головные уборы: «Баш кийимди жоготпо, баш кийимди жоготкон, башты жоготконго барабар!» (Не теряй головного убора, потеря равна потери головы!)).

Таким образом, у кыргызов сохранились в быту традиционные головные уборы, в особенности, в зимнее и летнее время калпаки, в зимнее время тебетей. Эти головные уборы являются не только одним из атрибутов национальной одежды, но и фактором этничности и идентичности.

Вопросы к теме:

1. Какие вызовы современности влияют на культуру кыргызов?
2. Чем обусловлено формирование традиционной одежды?
3. Какая традиционная одежда сохранилась и сегодня?
4. Чем объяснить сохранность традиционной одежды?

Использованные источники

- 1 Акишев К.А. К происхождению номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972. – С.31-46.
- 2 Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. - Новосибирск.2005. С. 26-43;
- 3 Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. - Бишкек, 1997. Т.1. С.36-37.
- 4 Кыргызы. Отв.ред: А.Асанканов,О.И.Брусина,А.З.Жапаров (Отв.ред. серии «Народы и культуры» В. А. Тишков). – М., 2016. С.168.
- 5 Бичурин (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.1950. Т.1. С.352.
- 6 Кытай жазмаларындагы кыргыздар. - Үрүмчү, 2004. Б. 437, 439.
- 7 Консультация профессора А.Мокеева. - Бишкек, 2018. Сентябрь.
- 8 Сатыбалдиева Ч. Традиционное вышивание кыргызов во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере юга Кыргызстана). - Ош, 2009. - С.33-34.

6. Традиционное хозяйство кыргызов

Хозяйственно-культурный тип общества кыргызов носил комплексный характер: они были кочевниками и полукочевниками, частично занимавшиеся земледелием для своих нужд. Экологическая среда и климатические условия, а также потребности жизнеобеспечения сформировали выбор кыргызами видов скота. Кыргызы, в первую очередь, стремились иметь лошадей, верблюдов, коров и овец. В китайских письменных источниках имеются данные, где восхищенно отзывались о кыргызских лошадях [1]. У богатых кыргызов коровы исчислялись тысячами. Разведение яков кыргызы переняли у тибетцев и это произошло в средние века, когда они начали поддерживать тесные взаимосвязи с последними.

Скотоводческое хозяйство определяло проживание кыргызов в соответствующих географических условиях и экологической среде и ведение интенсивной подвижной жизни. Кыргызы занимали горные и предгорные районы, в первую очередь, для того чтобы удобнее было заниматься животноводством. Географический климат, экологическая среда, горные массивы, Тенир-Тоо (Тянь-Шань) в основном, идентичны с горами, равнинами и впадинами южного Алтая, где, в свое время, были расселены кыргызы. Единственным исключением является меньшее количество осадков и редкость лесных массивов в целом по Синьцзяну (КНР), где проживают часть кыргызов, особенно, в его центральной и западной частях. Таримская низменность, пески Такла-Макана в известной степени определяют природно-климатические условия предгорных районов Синьцзяна сопредельных с ним территорий. Поэтому в течение года на этой территории в основном стоит солнечная сухая, ветреная погода. В предгорных условиях в основном растет сухостой.

Начиная искать место для расселения и освоения, они, прежде всего, выбирали такую местность, чтобы круглый год можно было содержать скот, перекочевывая с одного места на другое в поисках корма, лучшей зеленой травы и воды. Еще они выбирали такие пастбища, где зимовки, весенние и осенние стоянки, летние пастбища были относительно недалеко друг от друга. Такие места были возможны только в горах и впадинах, создававших условия для вертикального кочевания, в зависимости от четырех сезонов года - зимы, лета, осени, весны.

Содержание большого количества скота требовало рационального использования природных ресурсов. Это, в свою очередь, способствовало постоянной перекочевке скотоводов в поисках наиболее удобных для содержания скота земель - зимой искать зимнее стойбище, относительно теплые долины. Весной животноводы выгоняли скот на свежую сочную зелень, недалеко от айылов (*көктөө*). Потом постепенно, по мере выгорания травы в долинах и предгорьях, летом кочевники в поисках сочной и зеленой травы уходили далеко на джайлоо, высоко в горы, где расположены альпийские луга, за 60-80 км от айылов. Осенью кочевники спускались на равнину, относительно в теплое место, где имелись сочная и мягкая трава.

Таким образом, перекочевка кыргызов в поисках хорошего летнего пастбища и джайлоо, күздөө (осеннего стойбища), көктөө (весеннего стойбища), кыштоо (зимнего стойбища) продолжались веками до начала XX в. При этом кыргызы соблюдали правила природопользования и бережно относились к окружающей среде, т.е. строго соблюдали пределы допустимого использования осваиваемых пастбищ и территорий. Кочевание кыргызов в вертикальном направлении со скотом происходило строго по традиционным маршрутам в пределах 50-100км, поскольку кыргызы вели экстенсивную форму хозяйствования, они не сосредоточивались на одном месте большими группами, чтобы не допускать деградации пастбищ и почв.

Из зерновых выращивали просо, пшено и пшеницу. Кыргызы имели свои мельницы. Весной, примерно в марте - апреле, начинали посев, урожай собирали в сентябре. В то же время они не выращивали овощей и фруктов.

В местах проживания кыргызов, не только древних, но и нового времени, водились дикие олени, хищные животные, мелкая дичь, на которых устраивали охоту, о чем свидетельствуют наши этнологические материалы. Охотничество всегда было дополнительным подспорьем в традиционной жизни кыргызов. Последние были меткими стрелками, хорошо ориентировались в горной местности. В частности, Ю.Я. Рейнатаев, побывавший в Кашгарии с дипломатическим поручением, отмечал, что кыргызы в основном были в армии Якуб-бека охотниками и курьерами почтовой связи [2]. По сообщениям информаторов кыргызы на высоких горах, джайлоо жили по-настоящему в тесном кольце диких зверей и хищников. Поэтому каждому из них приходилось быть стрелком для своей же безопасности. Сейчас охотничество кануло в прошлое.

Кыргызы предпочитали разводить курдючных овец и коз. Их мясо, шерсть, шкура широко использовались в домашнем быту. Абсолютно все население содержало кыргызских овец курдючных с черно-белой шерстью.

У кыргызов исключительное значение имели лошади, прежде всего, как транспортное средство, являлась частью образа жизни кыргызов. Они делали кумыс из молока лошади, который потреблялся, как традиционный напиток. В качестве транспорта также использовался өгүз - кастрированный бык, на которых перевозили груз, домашний и бытовой скарб.

Кыргызы разводили верблюдов, которые, в основном, использовались в качестве транспортного средства, особенно при сезонной перекочевке, а мясо и молоко употреблялось в пищу. Верблюды хорошо выносили сухие и ветреные природно-климатические условия. Почти каждая семья стремилась иметь хотя бы одного - двух верблюдов, так как это животное не требует особого ухода и специального корма, в отличие от коровы, овцы или лошади. Мясо и шерсть верблюда также широко использовались в быту. Например, из шерсти и шкур изготавливали верхнюю одежду и обувь для мужчин и женщин, в частности, пальто, шляпы, пользовавшиеся популярностью среди населения.

Американский ученый, профессор Гарвардского университета Э.Хантингтон, посетивший Сынцзянь, также отмечал большую роль верблюдов, служивших в качестве транспортного средства [3].

Английская путешественница Э.Сайкс еще в конце XIX в. обратила внимание на то, что памирские кыргызы предпочтение отдают якам, которые выносливее и их молоко богаче витаминами по сравнению с молоком коровы. Кыргызы, жившие на высоте 4,5-5 тыс. метров над уровнем моря в горах, а также долинах, межгорьях и ущельях Тенир-Тоо, Алая, Памира, Хотана, где осенью, зимой и весной холодно и ветренно, хотя и солнечно, держали яков. Сено на зиму заготавливалось из зерновых культур. В горах сеяли только ячмень, так как, например, пшеница не успевала к осени созреть. Поэтому разводить овец, коз, лошадей и коров было очень трудно и невыгодно, хотя их и держали, но в малом количестве. Памирские, хотанские кыргызы не имели коров, так как коровы не выдерживали холод Памира и Хотана. Яки же круглогодично питаются естественной, чистой и сочной травой высоко в горах. Система выпаса яков также отличается от выпаса других домашних животных. Их не нужно каждый день загонять в загон или сарай как коров; они сутками и месяцами могут свободно пастись в горах, если их не доят. Хозяева время от времени следили за их целостностью и сохранностью. Поэтому жители Хотана, Каргалька, Алая, (Алтая) Памира стремились

иметь как можно больше яков, так как от этого зависело их социально-экономическое благосостояние и, соответственно, авторитет хозяина в глазах общественности. Из ячьего молока готовили сметану, масло, айран, высушенный курут и многое другое, то есть тоже, что из коровьего молока. Молоко добавляли в чай. Ячье молоко и мясо обладает большой жирностью, высокой калорийностью и, соответственно, сытностью, содержит огромное количество разнообразных витаминов. Элла Сайкс писала о том, что кыргызский мужчина, перечисляя свои владения, первым делом упоминает верблюдов, яков, лошадей, овец и коз. Как видно из ее записей, первое место занимали верблюды и яки, а потом только другие виды скота.

Через высокогорные ущелья и перевалы Сары-Кыя (Хотана) и Кулан-Аргы (Кашгарская провинция) проходили караванные дороги из Китая до Кашмира, а дальше в Мекку. Кыргызы, жившие здесь не только охраняли границы, но и одновременно были проводниками караванов и путников с севера на юг и обратно. Они на своих яках, верблюдах и лошадях перевозили грузы через труднодоступные и высокогорные ущелья, получая за труд вознаграждение.

Другая европейская путешественница Леди Маккартни отмечала, что богатство мужчин измерялось не количеством денег, а количеством животных, которыми он владел. Самые богатые семьи имели до 200 яков, около 300 овец, 10 коров, 1-2 лошади, 200 козлов.

Куланаргынцы и жители Сары-Кыя (КНР) в отличие от жителей других регионов, не перекочевывали с одного места на другое в поисках лучшего пастбища и травы. В течение года они держали скот в одном горном ущелье, летом поднимались выше от стационарного зимнего стойбища - в горы. Основная масса населения оставалась внизу, несколько яководов вместе с яками уходили высоко в горы, с целью экономии трав зимнего стойбища.

Перекочевка с одного места в другое веками оставалась неизменной. Автору данного труда приходилось увидеть в 2006 г. в Синьцзяне перекочевку кыргызов и казахов от дальнего пастбища - джайлоо на осенне-зимнюю стоянку. Картина была изумительной и традиционной, как в былые времена - перекочевки наших дедов и отцов 100-150 лет назад. Все были одеты в новые нарядные одежды, лица у всех веселые и бодрые, ибо их скот был упитан и мог выдержать суровую зиму. Впереди на лошадях ехали женщины более старшего возраста, а также невестки с маленькими детьми. Сидят в седле крепко, лошади упитанные, красивые, ухоженные - шерсть их блестит от лучей только что взошедшего солнца. Женщины и дети впереди кочевья и они, как бы, прокладывают дорогу; за ними едут мужчины, перегоняющие скот - лошадей, кобыл с жеребятками, идут верблюды, на которых весь скарб кочевников. В конце идут коровы со своими телятами. Такая очередность сохраняется в течение 100-150 лет, и эта традиция продолжается. Как правило, перегоняют две отары - одну за другой. Как известно, кыргызы и казахи не используют кобылу для верховой езды, а если используют, то в очень редких случаях. Эта давняя традиция сохранилась до сих пор.

Кыргызы с древнейших времен активно использовали природные ресурсы, которые имелись в местах их проживания. В частности, активно занимались добычей железной руды, на которой было основано кузнечное дело, имевшее большое значение в системе традиционного хозяйствования. Слава добычи железной руды и развитого кузнечного дела кыргызов распространилась далеко за пределы места их обитания. Продукция из железной руды, производимая кыргызами достигла даже Европы, о чем свидетельствуют византийские хроники.

К концу XIX – начала XX вв. кыргызы, кроме технологии добычи и плавки железа, изготовления различных бытовых и хозяйственных орудий и предметов, таких как

ножи, серпы, молоты, топоры, подковы, добывали и обрабатывали золото, серебро, свинец, уголь, а также каменную соль, использовавшуюся в быту. По выражению русского путешественника XIX в. Н.А. Северцова, кыргызы умели получать и сталь, из которой выковывали, прежде всего предметы оружия: сабли, ножи, секиры (айбалта) и мн. др [4].

Зергеры-мастера (ювелиры) массово изготавливали конское снаряжение, женские и мужские украшения в основном из серебра. Они знали различную технику изготовления ювелирных изделий и фурнитуры конской упряжи, как скань, зернь, инкрустация и др.

Вопросы к теме:

1. В какой экологической среде жили кыргызы?
2. Какой хозяйственно-культурный тип был характерен для кыргызов в XIX начало XX вв.?
3. Какое кочевание было характерно кыргызам?

Использованные источники

- 1 Кытай жазмаларындагы кыргыздар. - Урумчу, 2004. С. 293.
- 2 Колесников А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX - начало XX вв.). - М., 2006. С.136.
- 3 Турдалиева Ч.Дж. Западные путешественники и исследователи о кыргызах и Кыргызстане (вторая половина XIX - начало XX вв). - Бишкек, 2008. – С.184.
- 4 Северцов Н.А. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русского географического общества. - СПб.,1973. С. 162.

Андерсон Б.

Последняя волна

Приводимый отрывок взят из его книги «Предполагаемые сообщества: размышление о происхождении и распространении национализма» (1983). Автор анализирует структуру официального индонезийского языка - бахаса индонесия и предлагает свое объяснение тому, как такой маргинальный язык получил распространение на индонезийских островах и почему он так хорошо сохранился, несмотря на изменения исторических условий развития общества.

При чтении обратите внимание на определенные социальные группы, непреднамеренно поддерживающие становление «национального языка». Кроме того, нельзя проигнорировать то любопытное обстоятельство, что к двадцатым годам нашего столетия вошел в стадию осознанного существования

«индонезийский язык». То, как это произошло, настолько поучительно, что, видимо, заслуживает краткого отступления. Ранее уже упоминалось, что управление ост-индскими территориями осуществлялось с помощью голландского языка лишь в очень ограниченной и незначительной степени. А разве могло быть иначе, если к тамошним своим завоеваниям голландцы приступили еще в начале XVII в., но до начала XX в. даже не предприняли серьезных попыток организовать изучение голландского языка для коренного населения? Вместо этого произошло медленное и по большей части непредусмотренное рождение странного государственного языка на базе древнего межостровного «*lingua franca*». Он получил название *dienstmaleisch* («служебный малайский», или «административный малайский»).

По типу он принадлежал к той же группе, что и «оттоманский» или «казенный немецкий», родившийся в многоязычных казармах империи Габсбургов. К началу XIX в. он прочно закрепился в бюрократическом аппарате. Когда, начиная со второй половины XIX в., на сцену вышел во всей красе печатный капитализм, этот язык проник на рынок и в средства массовой информации. Если вначале им в основном пользовались китайские и евразийские газетчики и издатели, то в конце века его стали употреблять и коренные жители. *Dienst* [служебную] ветвь его фамильного древа вскоре забыли и заменили ее древним предком, существовавшим будто бы на островах Риау (важнейший среди которых с 1819 г. - возможно, к счастью для самого себя - стал британским Сингапуром). К 1928 г. этот язык, отшлифованный двумя поколениями городских писателей и читателей, был готов к тому, чтобы быть принятым молодой Индонезией в качестве национального языка *bahasa Indonesia* («бахаса индонесия»). С тех пор он больше никогда не оглядывался на прошлое.

Тем не менее, индонезийский случай, сколь бы он ни был сам по себе интересен, не должен, в конце концов, привести нас к неверному заключению, что голландский язык - если бы Голландия была более мощной державой и заявила сюда не в 1600, а в 1850 году - не мог бы стать таким же национальным языком. Нет никаких оснований считать, что ганский национализм сколь-нибудь менее реален по сравнению с индонезийским просто потому, что его национальным языком является английский, а не ашанти. Всегда будет ошибкой трактовать языки так, как трактуют их некоторые националистические идеологии, а именно, как внешние символы национальности, стоящие в одном ряду с флагами, костюмами, народными танцами и прочим. Несоизмеримо важнее способность языка генерировать воображаемые сообщества и выстраивать в итоге партикулярные солидарности. В конце концов, имперские языки, это все-таки национальные языки, а стало быть, особые национальные языки среди

многих. Если радикальный Мозамбик говорит по-португальски, то смысл этого заключается в том, что португальский язык является тем средством, с помощью которого Мозамбик представляется в воображении (и одновременно средством, ограничивающим его протяженность в сторону Танзании и Замбии). С этой точки зрения, употребление португальского языка в Мозамбике (или английского в Индии) по сути, ничем не отличается от употребления английского в Австралии или португальского в Бразилии. Язык - это не инструмент исключения: каждый человек, в принципе, может овладеть каким угодно языком.

Наоборот, язык по самой природе своей воссоединяет, и единственный предел этому воссоединению задается фатальностью: никто не живет достаточно долго, чтобы освоить все языки. Печатный язык, а не партикулярный язык как таковой, изобретает национализм. Единственный знак вопроса, который стоит в отношении таких языков, как португальский в Мозамбике и английский в Индии, это: могут ли административная и образовательная система, особенно последняя, породить достаточное с политической точки зрения распространение двуязычия? Тридцать лет назад почти не было индонезийцев, которые бы говорили на *bahasa Indonesia* как на своем родном языке; практически у каждого из них был свой собственный «этнический» язык, и лишь некоторые, особенно участники националистического движения, владели также *bahasa Indonesia/dienstmaleisch*. Сегодня, наверное, уже миллионы молодых индонезийцев из десятков этноязыковых сред говорят на индонезийском как своим родным языком.

Источник: *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Последняя волна. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. -М.: Канон - Пресс-Ц, 2001.- С.151-153.*

Вопросы для обсуждения:

1. Как появился индонезийский язык?
2. Какая существует связь между *dienstmaleisch* и *ararisch deutsch* («казеным немецким»)? Говорит ли это о природе возникновения языка?
3. Каким образом капитализм и система образования оказывают огромное влияние на формирование языка?
4. Удивлен ли Андерсон тем, что ганские националисты говорят на английском, а мозамбикские – на португальском?
5. Почему язык не является символом нации в буквальном смысле слова, а имеет только значение «особая сплоченность»?

Вопросы для повторения:

1. Какие параллели можно провести между возникновением бахаса индонесия и влиянием новейших политических убеждений на проведение ритуала сламетан в г. Моджокуто?
2. Согласно Андерсону, язык служит средством создания «воображаемых сообществ». Служит ли пример, приведенный Гирцем, той же цели?
3. Каким образом приведенные Гирцем и Андерсоном примеры подвергают сомнению понятие «традиция»?
4. Какова роль «изменения» в отношении учреждения различных традиций? Приведите из текста высказывания представителей интеллигенции, поддерживающих бахаса индонесия и обычай модина на о-ве Ява, привлекаемый властями в качестве доказательства того, что обычай этот - особый вид поведения.
5. Можете ли вы привести из вышеприведенного текста примеры мирного сосуществования «новых» и «старых» традиций?

Изобретение традиций

В предлагаемом тексте читатель не найдет примеров из опыта Евразии, ни самого упоминания Евразии. И все же мы решили этот текст опубликовать. В оригинале он представляет собой введение к книге, положившей начало изучению процесса изобретения традиций. Отступая от принятого нами принципа, - давать место на страницах нашего журнала только тем материалам, в которых рассматривается происходящее или происходившее в евразийском пространстве, - мы руководствовались следующими соображениями.

Во-первых, изобретение традиций становится все более популярным занятием в самых разных городах и всях бывшего Советского Союза.

Во-вторых, рефлексия по этому поводу у самих «изобретателей» обычно отсутствует. Получается, что ни творцы традиций, ни те, кому предстоит воспринимать и усваивать «сотворенные» традиции, не знают о механизмах и закономерностях их изобретения. Знает только маленькая кучка специалистов; они, однако, обычно ограничиваются отсылкой к той самой работе, из которой мы взяли для перевода вводную статью. Между тем и это в-третьих, статья эта, написанная патриархом английской историографии, помимо содержательной глубины обладает еще и тем несомненным достоинством, что понятна любому образованному и просто думающему человеку. Перевод осуществлен с согласия автора, издательства и Past and Present Society по изданию: *The Invention of Tradition*. Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge University Press, 1983. P. 1-14. Редакционный совет.

Мало что выглядит более древним, уходящим в незапамятное прошлое, чем тот пышный церемониал, которым окружает себя британская монархия в своих публичных проявлениях. Между тем, как доказывает специальная глава в нашей книге, в своем нынешнем виде церемониал этот сложился в конце XIX и в XX веке.

«Традиции», которые кажутся старыми или претендуют на то, что они старые, часто оказываются совсем недавнего происхождения и нередко - изобретенными. Кто знаком с жизнью колледжей старинных английских университетов, тому нетрудно представить себе подобные «традиции». Это «традиции» локальные, местного масштаба, хотя благодаря современным средствам массовой информации некоторые из них, например, ежегодный фестиваль «Девяти рождественских проповедей и гимнов», устраиваемый в сочельник в капелле Королевского колледжа в Кембридже, становятся широко известными. Наблюдения над ними и послужили отправной точкой для участников конференции, организованной историческим журналом «Прошлое и настоящее», а материалы конференции, в свою очередь, составили основу настоящей книги.

Термин «изобретенная традиция» используется здесь в широком, но достаточно точном смысле. Им охватываются как «традиции» действительно изобретенные, сконструированные и формально институционализированные, так и те, появление которых проследить труднее, но которые тем не менее быстро утверждались в течение короткого, поддающегося датировке, периода времени, исчисляемого, пожалуй, всего несколькими годами. Рождественское радиообращение короля или королевы, введенное в практику в 1932 году, представляет пример традиций первого рода; появление и развитие ритуала, связанного с финалом кубковых игр в Британском футбольном союзе, - пример второго. Очевидно, что не все такие традиции превращаются в постоянные; но нас в первую очередь интересуют не их шансы на выживание, а их возникновение и становление.

«Изобретенная традиция» - это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно

признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели - повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени. И действительно, всюду, где это возможно, такие практики стараются обосновать свою связь с подходящим историческим периодом. Яркий пример - сознательный выбор готического стиля при перестройке здания британского парламента в XIX веке или принятое после Второй мировой войны не менее сознательное решение восстановить зал заседаний парламента в основном в соответствии с его прежним планом. Историческое прошлое, к которому «подсоединяют» новую традицию, необязательно должно быть очень протяженным, уходящим во мглу времен. У революций и «прогрессивных движений», по определению порывающих с прошлым, есть свое собственное приличествующее им прошлое. Правда, оно может обрываться на определенной дате, такой, как 1789 год.

Специфика «изобретенных» традиций заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивна. Говоря коротко, эти традиции представляют собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой. Или же они создают себе прошлое путем их как бы обязательного повторения. Тут виден контраст между постоянными изменениями и инновациями в современном мире и попыткой структурировать, как минимум, часть социальной жизни в этом мире как нечто неменяющееся и неизменное. Это и делает «изобретение традиции» столь интересным предметом для историков, занимающихся изучением двух последних столетий.

Понимаемая таким образом «традиция» должна быть четко отделена от «обычая», господствующего в так называемых традиционных обществах. Цель и отличительная характеристика «традиций», в том числе и изобретенных, - это неизменность. Прошлое, на которое они ссылаются, налагает на людей фиксированные (как правило, формализованные) практики, например ту же практику повторения. «Обычай» традиционных обществ имеет двойную функцию: он и мотор, и маховое колесо. Он не препятствует изменениям и нововведениям до тех пор, пока они выглядят сопоставимыми с прежними изменениями и нововведениями или идентичными им. Требование соответствия тому, что уже было, сильно их ограничивает; но оно же позволяет давать всякому желаемому изменению (или, наоборот, сопротивлению новшествам) санкцию прецедента, социальной преемственности, естественного закона истории. Исследователи крестьянских движений знают, что претензии той или иной деревни на право пользования общинными землями «по обычаю, действующему с незапамятных времен», очень часто отражают не действительный исторический факт, а баланс сил, сложившийся в постоянной борьбе деревни с землевладельцами и другими деревнями. Исследователи британского рабочего движения знают, что профессиональное или цеховое «право» не обязательно восходит к древней традиции; зачастую это любое, сколь угодно недавнее право, которое рабочим удалось утвердить на практике и которое они пытаются распространить или защитить, приписывая ему существование от века. «Обычай» не может быть чем-то неизменным, потому что даже в традиционных обществах не может быть неизменной жизнь. Для обычного или общинного права как раз характерно сочетание гибкости содержания с формальной приверженностью прецеденту. Разница между «традицией» и «обычаем» в нашем понимании этих слов хорошо иллюстрируется следующим образом: в суде «обычай» - это то, что судьи делают, тогда как «традиция» (и в данном случае именно изобретенная традиция) - это парики, мантии и другие формальные принадлежности и ритуализированные действия, сопутствующие собственно действию. Упадок «обычая» неизбежно меняет и «традицию», с которой он, как правило, тесно связан.

Второе, менее важное, различие, которое необходимо провести, - это различие

между «традицией» в нашем ее понимании и заведенным порядком или правилом. По своей сути порядок и правило не обладают сколько-нибудь значительной ритуальной или символической функцией, хотя и могут ее обрести случайным образом. Любое общественно значимое действие, которое надо выполнять снова и снова, предрасполагает к тому, чтобы из соображений удобства и эффективности был создан некий свод правил его выполнения и чтобы де-факто или де-юре он стал сводом правил формальных, обеспечивающих точную передачу необходимых навыков новым исполнителям. Это относится как к прежде неизвестным (таким, например, как работа авиопилота), так и к давно знакомым видам деятельности. После промышленной революции обществу приходилось изобретать, вводить или усложнять хитросплетения таких правил гораздо чаще, чем до нее. А поскольку лучше всего они срабатывают при условии, что следование им становится привычкой, автоматически совершаемой процедурой или даже чисто рефлекторным действием, они должны быть совершенно неизменными, что может, кстати, помешать выполнению другого необходимого условия всякой практической деятельности - способности справляться с непредвиденными и непривычными обстоятельствами. Эта хорошо знакомая слабость всякой рутины, всякой бюрократизации особенно заметна на уровне подчиненных, где неизменное исполнение рассматривается как самое эффективное исполнение.

Такие своды правил и процедур не являются «изобретенной традицией», так как по своим функциям, а значит и по обоснованию, относятся скорее к области технического, чем идеологического (по марксистской терминологии - принадлежат базису, а не надстройке). Создаются они для того, чтобы инструктировать в практических действиях, и под давлением опять таки практических нужд их с легкостью модифицируют или вовсе от них отказываются. (При этом всегда остается место для инерции - с течением времени ее обретает любая практика, - равно как и для сопротивления любым нововведениям людей, привыкших действовать определенным образом.) Разница между ними и «традицией» особенно хорошо заметна там, где они сосуществуют с последней. С точки зрения здравого смысла человеку, занимающемуся верховой ездой, надевать твердую шляпу так же полезно, как шлем мотоциклисту или стальную каску солдату. А вот когда надевают твердую шляпу строго определенного покроя, да еще обязательно вместе с красным камзолом, - тогда мы имеем дело со смыслом совсем иного рода. Будь это не так, изменить «традиционный» костюм английского охотника на лисиц было бы не труднее, чем ввести новую форму каски в армии - довольно консервативном институте. Вообще «традиции» и прагматические правила и установления находятся по отношению друг к другу в обратной пропорциональной зависимости. «Традиции» дают слабину в том случае, когда, скажем, запреты на ту или иную пищу оправдываются прагматическими соображениями (например, либерально мыслящие евреи объясняют, что оставленный их предками завет не употреблять свинину возник по причине гигиенических соображений). И наоборот, вещи и действия полностью освобождаются для ритуального или символического использования тогда, когда утрачивают практический смысл. Шпоры кавалерийских офицеров куда более значимы с точки зрения «традиции», когда их обладатели спешены; зонтики гражданских чиновников утрачивают свой символический смысл, когда они раскрыты (то есть используются по прямому назначению); парики судейских вряд ли бы обрели свое нынешнее значение, если бы все прочие люди не перестали носить парики.

Изобретение традиций, о которых здесь идет речь, - это процесс формализации и ритуализации. Его отличают также отсылки к прошлому - пусть даже только в форме предписываемого повторения. Как на самом деле создавались такие ритуально-символические комплексы, не было в должной мере исследовано историками. Многие

еще остается довольно-таки неясным. Легче всего процесс описывается тогда, когда инициатива конструирования традиции принадлежит одному человеку, как это было с бойскаутами, придуманными Баден-Пауэл-лом. Пожалуй, почти так же легко он прослеживается в случае с вводимыми и планируемыми церемониалами: тогда велика вероятность, что он хорошо задокументирован, как это было с нацистским символизмом на партийных съездах в Нюрнберге. Видимо, куда труднее проследить за процессом в ситуациях, когда такие традиции отчасти изобретались, отчасти естественно развивались группами частных лиц (здесь вероятность отражения процесса в бюрократической отчетности невелика) либо на протяжении какого-то времени утверждались неформальным образом в учреждениях типа парламента или в профессиональных средах типа среды юристов. Однако проблема тут не только в источниках, но и в исследовательских техниках. Правда, в нашем распоряжении имеются эзотерические дисциплины, специально занимающиеся символизмом и ритуалом, такие как геральдика или изучение литургии, и варбургские исторические дисциплины. К сожалению, ни те, ни другие обычно не знакомы историкам индустриальной эпохи.

Нет, наверное, ни одного периода времени и ни одного места, из изучаемых историками, где нельзя бы было найти случаев «изобретения» традиции в описанном выше смысле. Но чаще всего традиция изобреталась в ходе радикального преобразования общества, когда быстро разрушались социальные формы, под которые подстраивались старые традиции, а взамен возникали такие формы, к которым эти традиции уже невозможно было приложить. Или когда старые традиции уничтожались потому, что и они сами, и поддерживающие их люди и институты не обнаруживали достаточную приспособляемость и гибкость. Могли они гибнуть и по какой-то другой причине; но, если говорить коротко, всегда, когда происходили достаточно большие и скорые изменения, как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Такие именно изменения были особенно значительными в последние двести лет, и поэтому резонно ожидать, что случаи внезапной формализации новых традиций будут особенно многочисленными в этот период. А это, между прочим, означает - в противовес тому, что полагали либералы XIX века или недавние сторонники теории «модернизации», - что подобные формализации происходят не в одних только «традиционных» обществах, но в той или иной форме и в обществах «современных». В широком смысле предположение справедливо; только надо быть поосторожнее с другим предположением, что более старые общественные формы и властные структуры и, соответственно, связанные с ними традиции не способны к адаптации и быстро становятся нежизнеспособными и что появление «новых» традиций обусловлено только тем, что невозможно использовать или приспособить старые.

Адаптация совершается и путем достижения старых целей в новых условиях, и через использование старых моделей в новых целях. Случается так, что в ней нуждаются старые институты с установившимися функциями, обоснованиями, почерпнутыми в прошлом, и ритуальными идиомами и практиками. Таковы: католическая церковь, столкнувшаяся с новыми политическими и идеологическими вызовами, со значительными сдвигами в составе верующих (сильная феминизация прихожан и духовенства)¹; профессиональные армии при переходе к всеобщей воинской повинности; древние судебные институты, теперь работающие в ином контексте, а иногда и с изменившимися функциями в новом контексте. Сюда же относятся учреждения, номинально не изменившиеся, но фактически превратившиеся в нечто совсем другое по сравнению с тем, чем они были раньше, например университеты. Так, Бансон был проведен анализ причин, по которым после 1848 года внезапно приходит в

упадок традиция массовых выходов немецких студентов из университетов (по причине конфликта или в демонстративных целях). Оказалось, что тут сыграли свою роль и изменения в устройстве самих университетов, и «постарение» студенческой «популяции», что вместе с ее обуржуазиванием уменьшило трения между горожанами и студентами и мятежный дух последних, и новая практика свободных переходов из университета в университет, обусловленные ею перемены в студенческих союзах и прочие факторы. Во всех этих случаях новое не перестает быть новым из-за того, что ему удается рядиться в одежды седой старины.

С нашей точки зрения более интересным представляется использование старинных материалов для того, чтобы сконструировать изобретенную традицию нового типа, служащую новым целям. Большие запасы таких материалов накоплены всяким обществом, хорошо разработанный язык символической практики и коммуникации всегда доступен. Иногда новые традиции могут быть легко привиты к старым; иногда они вырабатываются с помощью заимствований из доверху наполненных хранилищ официального ритуала, символизма и моральной проповеди, оставленных религией, королевским двором, фольклором и масонством (последнее само было поначалу изобретенной традицией большой символической силы). Рассмотрим развитие швейцарского национализма, по времени (XIX век) совпавшее с формированием современного федеративного государства. Оно было блестяще исследовано Рудольфом Брауном, обладавшим особым преимуществом - знанием этнологии (Volkskunde), очень подходящей для таких исследований. Благо изучал он ее в стране, в которой процесс обновления этой дисциплины не был отброшен назад как в Германии, где она попала в идеологическую связку с преступлениями нацистов. Существовавшие обычные традиционные практики - исполнение народных песен, физические состязания, стрельбы - были модернизированы, ритуализированы и институционализированы таким образом, чтобы служить новым национальным задачам. Традиционный песенный фольклор был пополнен новыми песнями, зачастую сочиненными школьными учителями с использованием старых идиом и затем включавшимися в репертуары хоров. Содержание их было патриотически-прогрессист-ское («Нация, нация - как славно звучит это слово!» - Nation, Nation, wie voll klingt der Ton), хотя в нем нашлось место и явно ритуальным элементам из религиозных гимнов. Положение о Федеральном песенном фестивале - не напоминает ли оно нам о валлийских музыкальнопоэтических состязаниях eisteddfodau? - провозглашает, что целью его является «развитие и улучшение народного пения, пробуждение возвышенных чувств к Богу, Свободе и Стране, союз и побратимство друзей Искусства и Родины». (Слово «улучшение» как раз и отражает столь характерное для XIX века стремление к «прогрессу».)

Вокруг и по поводу фестиваля сформировался мощный ритуальный комплекс: фестивальные павильоны, сооружения для подъема и вывешивания флагов, храмики для жертвоприношений, процессии, колокольные звоны, живые картины, оружейные салюты, правительственные делегации, приветствующие участников, обеды, тосты, оратории... И для всего этого опять были использованы старые материалы.

В этой новой фестивальной архитектуре несомненны отзвуки барочных празднеств и представлений, барочной пышности. И как на празднествах времен барокко, государство и церковь сливаются на высшем уровне, так что сплав религиозных и патриотических элементов заявляет о себе и в этих новых формах хорового пения, стрельбы и гимнастических состязаний.

Здесь мы не будем обсуждать, сколь много новые традиции могут заимствовать из старых материалов, столь далеко заходят творцы традиций в процессе изобретения нового языка или символа, насколько они при этом преступают допустимые пределы

использования старого словаря символов. Ясно только, что из-за избытка политических институтов, идеологических движений и групп - не в последнюю очередь националистических - приходилось изобретать саму историческую преемственность, например, путем продления древнего прошлого за пределы его действительной исторической протяженности. Делалось это либо с помощью полувывдумки-полуправды (вспомним о Боадичее, Верцингеториксе, хевруске Арминиусе), либо с помощью подделок (Оссиан, чешские средневековые рукописи). Ясно также, что вместе с национальными движениями и государствами возникли и совершенно новые символы и эмблемы: государственные гимны (самый ранний из них - британский, появившийся в 1740 году), государственные флаги (в большинстве своем представляющие собой различные вариации на тему французского триколора, оформившегося в 1790-1794 годах) или же различные персонификации «нации» в символе или изображении, либо официально принятые, как французская Марианна и дева Германия, либо неофициальные, как карикатурные стереотипы Джона Булля, тощего янки Дяди Сэма и «немца Михеля».

Не должны мы упускать из виду и такую примечательную особенность, как разрыв в преемственности. Так, он виден иногда даже в самых, казалось бы, традиционных, избитых литературных жанрах, в общих местах (Оро/), уходящих корнями в подлинную древность. Если прав Ллойдб, то в Англии рождественские гимны перестали создаваться с XVII века: их заменили книжные сборники гимнов в духе сочинений Уоттса и Уэлсли (правда, известны и народные модификации последних, бытовавшие преимущественно в сельской местности среди ранних методистских сект). Тем не менее гимны оказались первой разновидностью песенного фольклора, возрожденной собирателями из средних классов, и именно им предстояло занять свое место «в прежде не существовавшем окружении из церковных, профессиональных и женских институтов». А уже отсюда усилиями «уличных певцов или безголосых мальчишек, расппевающих у дверей в вечной надежде на вознаграждение», они распространились в новой народной городской среде. С этой точки зрения фраза «Бог да вознаградит вас, джентльмены» настолько же старая, насколько и новая. Подобные же разрывы в преемственности отличают и те движения, что сознательно подают себя как «традиционалистские» и апеллируют к группам, всеми признаваемыми за хранителей исторической преемственности и традиции, например к крестьянам. На деле само появление движения в защиту или за возрождение традиции, будь оно «традиционалистским» или каким-то другим, указывает на нарушение преемственности. Причем движения эти, со времен романтизма увлекающие интеллигенцию, никогда не развивают и даже не сохраняют живое прошлое (понятно, за исключением тех случаев, когда учреждаются специальные природно-человеческие убежища в виде изолированных уголков архаической жизни) - они должны стать «изобретенной традицией». С другой стороны, сила и приспособляемость подлинных традиций не зависят от процесса «изобретения традиции». Где живы старые формы жизни, нет нужды ни в возрождении, ни в изобретении традиций.

В то же время следует иметь в виду, что там, где традиции изобретаются, это зачастую делается не потому, что старые формы больше нежизненны или недоступны, а потому, что их сознательно не используют и не приспособляют к новым условиям. Так, в XIX веке либеральная идеология общественных перемен, ратовавшая за разрыв с традицией и радикальное обновление общества, не смогла создать ничего подобного социальным и властным связям, которые в предшествующие эпохи считались чем-то само собой разумеющимся, и вынуждена была заполнять образовавшийся вакуум вновь изобретенными установлениями. В отличие от либералов фабриканты-тори Ланкашира

вполне преуспели в использовании старых связей к своей выгоде и тем самым доказали, что эти связи еще действовали в новой среде промышленного города. Конечно, нельзя было не признать, что в долгосрочной перспективе старые образцы жизни не смогут приспособиться к революционным изменениям в обществе; но такое признание не снимало проблем, возникавших из-за того, что эти образцы отвергались также и на краткосрочную перспективу теми, кто считал их препятствиями на пути прогресса или, того хуже, был их воинствующим противником.

Это не мешало сторонникам нового создавать свои собственные изобретенные традиции. Подходящий пример здесь - масонство. Тем не менее общая враждебность ко всему иррациональному, к предрассудкам и обычаям, если не прямо унаследованным от темного прошлого, то напоминающим о нем, делала нетерпеливых поклонников просветительских идеалов - либералов, социалистов, коммунистов - невосприимчивыми как к старым традициям, так и к новым. Социалисты сами не могли понять, как это у них образовался праздник Первого мая. А вот национал-социалисты эксплуатировали традиции с прямо-таки литургической искусственностью и рвением, сознательно манипулируя символами. В Британии же в либеральную эпоху их в лучшем случае лишь терпели, делая, таким образом, вынужденную уступку иррационализму низших классов. Господствующее отношение представляло собой смесь враждебности и терпимости к собраниям и ритуалам, устраивавшимся квакерскими объединениями. «Ненужные» расходы (затраты на процессии, знамена, разного рода регалии).

В то же время признавалось, что сами ежегодные празднества запрещать не стоит, поскольку «значительное тяготения к таким мероприятиям, особенно в среде сельского населения, нельзя отрицать». Суровый индивидуалистический рационализм господствовал не только в виде экономического расчета, но и как общественный идеал. В главе 7 мы покажем, что произошло, когда его ограниченность стала в возрастающей степени осознаваться.

Заклучим наши вводные замечания несколькими общими наблюдениями по поводу традиций, изобретенных в период, последовавший за промышленной революцией.

Представляется, что традиции эти были трех, отчасти друг на друга накладывающихся, типов. Традиции первого типа устанавливали или символизировали социальную связь, членство в группах, подлинных или искусственных общинах. Традиции второго типа вводили институты, статусы и отношения, обусловленные властью, придавали им «законную» силу. Главной задачей традиций третьего типа была социализация - запечатление в сознании верований, систем ценностей и правил поведения. Хотя среди изобретающихся определенно присутствовали традиции второго и третьего типа (вроде символизировавших подчинение властям в Британской Индии), в порядке гипотезы можно утверждать, что преобладающими были традиции первого типа. Предполагалось, что функции традиций других типов вытекают из ощущения идентичности с «общиной» и/или внутренне присущи институтам, представлявшим, выражавшим и символизировавшим идентичность с «нацией».

Сложность заключалась в том, что такие большие социальные общности, как «нация», явно не были органическими системами (Овтвшка Авп), ни даже системами общепринятых социальных рангов. На фоне социальной мобильности, классовых конфликтов и господствующей идеологии традициям, сочетавшим в себе коллективизм и выраженное неравенство формальных иерархий (как в армии), было очень непросто утвердить свои притязания на всеобщность. Только традициям третьего типа не особенно мешала эта трудность, так как всеобщая социализация прививала одни и те же ценности каждому гражданину, каждому члену нации, каждому подданному короны.

Функционально специфические способы социализации в разных социальных группах (например, в отличной от других учащихся группе учеников закрытых частных школ) обычно тоже не сталкивались между собой. С другой стороны, поскольку изобретенные традиции вводили в мир контракта статус, в мир равенства по закону неравенство высших и низших по положению, они не могли действовать напрямую. Они протаскивали все это контрабандным путем - как, например, при изменении ритуала коронации в Британии через формальное символическое согласие общества на социальную организацию, предполагающую фактическое неравенство. Следует заметить, что чаще удавалось раздуть дух корпоративного превосходства в элитах (особенно когда их приходилось пополнять из числа тех, кто к ним не принадлежал по рождению и положению), чем прививать чувство покорности низам. Так сказать, некоторые поощрялись чувствовать себя более равными, чем все остальные. Это достигалось посредством уподобления элит добуржуазным правящим или авторитетным группам то в милитаристско-бюрократической форме, характерной для Германии, где образцом послужили общества студентов-дуэлянтов, то по немилитаризованной модели «морального джентри», культивировавшейся в английских частных школах. Корпоративный дух, уверенность в себе и в своем лидерстве могли прививаться и противоположным образом - с помощью более эзотерических «традиций», в которых акцент делался на замкнутость касты высших чиновников (во Франции или среди белых в колониях).

Недостаточно признать, что основным типом изобретенных традиций были традиции коммуналистские - надо еще изучить их природу. Прояснить различия - если таковые имеются - между изобретенными и старыми традициями может антропология. Пока же позволим себе просто заметить, что в то время как в традициях групп, частичных по своему социальному масштабу, как правило, широко представлены ритуалы перехода (инициация, возвышение, отставка, смерть), в традициях псевдообщностей, по замыслу всеобъемлющих (нации, страны), этого обычно не было и главным образом потому, что им предписывался вечный и неизменный характер, как минимум, с момента основания. Но это не означает, что новые политические режимы и обновленческие движения вообще не пытались найти собственные эквиваленты традиционным религиозным ритуалам перехода (свидетельства тому - гражданский брак и гражданские похороны).

Бросается в глаза одно различие между старыми и изобретенными установлениями. Первые были специализированными и сильно обязывающими социальными практиками, вторые же склонны оставаться неспециализированными и не прояснять сущность тех ценностей, прав и обязательств, вытекающих из членства в группе, которые они прививают: «патриотизма», «верности», «долга», «соблюдения правил игры», «духа школы» и тому подобного. Но если содержание британского патриотизма или «американизма» было явно плохо очерчено (хотя некоторое уточнение достигалось с помощью комментариев по случаю исполнения ритуалов), то ритуалы, символизирующие это содержание, были воистину принудительными. Так, и при исполнении государственного гимна в британских школах, и при подъеме флага в американских надо обязательно вставать. Ключевое значение этому придавалось, видимо, чтобы разработать эмоционально и символически заряжающие знаки принадлежности к клубу, а не устав и цели самого клуба. Значимость этих знаков заключается как раз в их расплывчатой всеобщности.

Государственный флаг, гимн и герб три символа, посредством которых независимая страна заявляет о своей идентичности и суверенности. Как таковые, они немедленно внушают чувства уважения и преданности. В них отражаются полнота прошлого, национальной мысли и культуры.

В этом смысле один наблюдатель был прав, заметив в 1880 году: «теперь солдаты и полицейские носят свои знаки отличия для нас». Правда, он не предвидел, что в эпоху массовых движений, которая была уже не за горами, эти знаки снова станут принадлежностью обычных граждан.

Второе наблюдение, представляющееся мне очевидным, заключается в том, что, несмотря на их многочисленность, изобретенные традиции не заполнили и малой части пространства, освободившегося вследствие векового упадка старых традиций и обычаев. Впрочем, этого и следовало ожидать в обществах, в которых прошлое в возрастающей степени становилось все менее подходящим образцом для многих форм человеческого поведения. В частной жизни большинства людей и в самодостаточной жизни маленьких субкультурных групп даже изобретенные традиции XIX и XX столетий занимали и занимают куда меньше места, чем старые традиции занимали в жизни старых аграрных обществ. В XX веке «то, что было», определяет структуру дня, времени года или жизненного цикла западных мужчин и женщин намного меньше, чем то было у их предков, и намного слабее, чем то делают внешние импульсы, рождаемые экономикой, технологией, государственной бюрократической организацией, политическими решениями и другими силами, которые и не опираются на «традицию» в нашем смысле этого слова, и не развивают ее.

Это обобщение неприменимо, однако, к области публичной жизни (включая сюда до некоторой степени и общественные формы социализации, такие, как государственные школы и масс-медиа). Нет никаких реальных признаков того, что неотрадиционные практики, связанные либо с деятельностью сообществ людей на государственной службе (в вооруженных силах, судах, возможно, и в общественных службах), либо с гражданством, ослабевают. Ситуации, напоминающие людям об их гражданстве (например, выборы), постоянно ассоциируются с символами и полуритуальными действиями, большинство из которых - флаги, изображения, церемонии, музыка являются изобретенными историческими новшествами. Поскольку традиции, возникавшие после промышленной и Французской революций, заполняли имевшиеся пустоты, они оставались в силе, во всяком случае, до настоящего времени.

В заключение можно было бы спросить: почему историки должны уделять внимание этим феноменам? В определенном смысле вопрос этот излишний: растущее число историков это просто делает, как о том свидетельствует содержание нашей книги и приводимые в ней ссылки. Поэтому вопрос должен быть сформулирован по-другому: какую пользу приносит историкам исследование процесса изобретения традиций?

Прежде всего, изобретенные традиции - существенные симптомы и индикаторы. Без них мы не заметили бы некоторые проблемы, не смогли бы установить и датировать некоторые изменения. Они - свидетельства. Трансформация германского либерализма из его старой либеральной разновидности в новую, империалистическую и экспансионистскую, прослеживается более точно благодаря замене к 1890-м годам прежних черно-красно-золотистых цветов, принятых немецким гимнастическим движением, на новые, черно-бело-красные. История финалов Британского футбольного кубка рассказывает нам немало такого о развитии культуры городского рабочего класса, чего более привычные данные и источники рассказать не могут. В то же время изучение изобретенных традиций не должно быть отделено от более широких исследований по истории общества, в противном случае оно мало что даст помимо простой фиксации такого рода практик.

Во-вторых, изобретенная традиция проливает свет на отношение человека к прошлому, то есть на предмет историка и на его ремесло. Ведь для узаконивания тех или иных действий и для того, чтобы укрепить групповую солидарность, все изобретенные традиции используют, насколько это им удастся, историю. Нередко

история становится настоящим символом борьбы, как это было в 1889 и 1896 году в Южном Тироле, когда там возникало противостояние по поводу памятников Вальтеру фон Фогельвейде и Данте. Даже революционные движения подкрепляли свои нововведения ссылками на «народное прошлое» (саксы против норманнов, «наши предки галлы» против франков, восстание Спартака), на революционную традицию («Немецкий народ также имеет свою революционную традицию» - *Auch das deutsche Volk hat seine revolutionäre Tradition*, - утверждал Энгельс в первой же фразе своей работы «Крестьянская война в Германии») и на собственных героев и мучеников. Книга Джеймса Конноли «Труд в истории Ирландии» являет собой прекрасный образец соединения всех трех тем. Элемент изобретения в этих случаях особенно ясен, потому что история, делающаяся частью идеологии, одним из источников знаний о себе нации, государства или движения, - это не та история, что действительно хранится в народной памяти. Это история отобранная, написанная, проиллюстрированная, популяризированная и в установленном порядке доведенная до людей теми, кто и должен все это делать. Специалисты по устной истории часто замечали, что в воспоминаниях людей старшего поколения всеобщая стачка 1926 года играет куда меньшую и куда менее драматическую роль, чем ожидали интервьюеры. Уже проанализировано, как Третья республика способствовала формированию имиджа Французской революции¹⁸. Тем не менее, все историки, каковы бы ни были их цели, вовлечены в этот процесс, поскольку вносят свой вклад, осознанно или неосознанно, в создание, разрушение или переструктурирование образов прошлого, принадлежащих не только миру специалистов, но и общественной сфере человека как политического существа. Они могли бы, как минимум, постоянно помнить об этой составляющей их деятельности.

Хотелось бы подчеркнуть особый интерес «изобретенных традиций» для историков нового и новейшего времени. Эти традиции в высшей степени подходят к сравнительно недавней исторической инновации - «нации» и к ассоциируемым с нею явлениям - национализму, национальному государству, государственным символам, национальной истории и прочему. Все это держится на социальной инженерии, зачастую целенаправленной и всегда ведущей к новому, хотя бы потому, что в истории утверждению нового предшествует его введение. Независимо от того, насколько выражена преемственность в истории евреев или ближневосточных мусульман, израильский и палестинский национализмы и нации должны считаться новшествами, так как сама концепция национального государства в его нынешнем виде вряд ли была мыслима в этом регионе сто лет назад и вряд ли могла обрести реальные очертания до окончания Первой мировой войны. Литературные национальные языки, на которых пишут и тем более говорят не одни только немногочисленные элиты, по большей части являются искусственными конструктами, созданными в разное время, но все - недавно. Как совершенно правильно заметил французский историк фламандского языка, фламандский, изучаемый сейчас в Бельгии, - вовсе не тот язык, на котором матери и бабушки фламандцев разговаривали со своими детьми: он только фигурально может быть назван «материнским языком» и уж никак не буквально. Нас не должен вводить в заблуждение странный, но объяснимый парадокс: современные нации со всем их громоздким снаряжением, как правило, претендуют на нечто прямо противоположное их новизне и искусственности, на то, что корнями своими они уходят в глубокое прошлое и являются человеческими сообществами столь «природными», что для их определения достаточно простого самоутверждения. Какое бы содержание с точки зрения исторической и любой другой преемственности ни воплощалось в понятиях «Франция» и «французский» (а то, что оно есть, никто не собирается отрицать), сами эти понятия включают сконструированный или «изобретенный» компонент. И как раз потому, что столь многое из субъективного представления о

современной «нации» состоит из подобных конструкторов и ассоциируется с соответствующими вполне недавними символами и с соответствующим образом выдержанным дискурсом («национальной историей»), невозможно адекватно исследовать феномен национального, не обратив при этом пристального внимания на «изобретение традиции».

Наконец, исследование процесса изобретения традиций должно вестись как междисциплинарное, объединять историков, социальных антропологов и многих других специалистов, изучающих общество. Оно не может быть проведено должным образом без такого сотрудничества. Настоящая книга представляет в основном вклад историков. Надеюсь, что не только историки сочтут ее полезной.

Использованные источники

Университет Лондона, 2000 - № 1. – С. 47-62 // Вестник Евразии. – М.: Образовательно-исследовательский и издательский центр «Вестник Евразии».

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BE%D0%B1%D1%81%D0%B1%D0%B0%D1%83%D0%BC,%D0%AD%D1%80%D0%B8%D0%BA>

1 См., например: Tihon G. Les religieuses en Belgique du XVIIIe au XXe siecle: Approche statistique // Belgisch Tijdschrift v. Nieuwiste Geschiedenis / Revue Belge d'Histoire Contem-poraine, 1976. Vol. VII. P. 1-54.

2 Bahnsen Karsten. Akademische Auszuge aus Universitats und Hochschulorten. Saar-brucken, 1973.

3 В XVIII веке таких выходов было 17, между 1800 и 1848 годами - 50, а с 1848 по 1973 - только 6.

4 Braun Rudolf. Sozialer und kultureller Wandel in einem landlichen Industriegebiet in 19. und 20. Jahrhundert. Erlenbach - Zurich, 1965. Ch. 6. 5 Op. cit. P. 336-337.

6 Lloyd A. L. Folk Song in England. London, 1969. P. 134-138.

7 Другое дело - возрождение традиции с такими целями, которые в действительности свидетельствуют о ее упадке. «Возрождение» фермерами в самом начале этого века их старой, различающейся от местности к местности, одежды, народных танцев и праздничных ритуалов не имеет отношения ни к их обуржуазиванию, ни к традиционализму. Со стороны это выглядело как ностальгия по старым временам господства культуры, которая тогда быстро уходила в прошлое; а на самом деле было демонстрацией классовой идентичности, посредством которой преуспевающие фермеры стремились обособить себя и по горизонтали - от горожан, и по вертикали - от мелких арендаторов, сельских ремесленников и сельскохозяйственных рабочих. См.: Christiansen Palle Ove.

Peasant Adaptation to Bourgeois Culture? Class Formation and Cultural Redefinition in the Danish Countryside // Ethnologia Scandinavica, 1978. P. 128. См. также: Lewis G. The Peasantry, Rural Change and Conservative Agrarianism: Lower Austria at the Turn of the Century // Past & Present, 1978. No. 81. P. 119-143.

8 Joyce Patrick. The Factory Politics of Lancashire in the Later Nineteenth Century // Historical Journal, 1965. Vol. XVIII. P. 552-553.

9 Hartwig Helmut. Plaketten zum 1. Mai 1934-1939 // Aesthetik und Kommunikation, 1976. Vol. VII. No. 26. P. 56-59.

10 Gosden P. H. J. H. The Friendly Societies in England, 1815-1875. Manchester, 1961. P. 123, 119.

11 Bodley J. E. C. The Coronation of Edward the VIIth: A Chapter of European and Imperial History. London, 1903. P. 201, 204.

12 Официальный комментарий правительства Индии. Цит. по: Firths R. Symbols, Public and Private. London, 1973. P. 341.

13 Marshall Frederick. *Curiosities of Ceremonials, Titles, Decorations and Forms of International Vanities*. London, 1880. P. 20.

14 Не говоря уже о трансформации устойчивых ритуалов, знаков единообразия и сплоченности в быстро меняющуюся моду в одежде, языке, социальном поведении, что в особенности характерно для молодежной культуры в развитых странах

15 Cole John W, Wolf Eric. *The Hidden Frontier: Ecology and Ethnicity in an Alpine Valley*. New York and London, 1974. P. 55.

16 О том, насколько в рабочих библиотеках Германии были популярны книги на эту и другие «боевые» исторические темы, см.: Steinberg H.-J. *Sozialismus und deutsche Sozial-demokratie. Zur Ideologie der Partei vor dem ersten Weltkrieg*. Hanover, 1967. P. 131-133.

17 Еара немало свидетельств тому, что люди, пребывающие «внизу», видят переживаемые ими исторические события не так, как люди «наверху», и тем более не так, как историки. Само это явление может быть названо «синдромом Фабрицио» - по имени героя «Пармской обители» Стендаля.

18 См., например: Gerard Alice. *La Revolution Francaise: Mythes et Interpretations, 1789-1970*. Paris, 1970.

Ценности, идентичности и проблема модернизации стран Центральной Азии

Современная эпоха заставляет испытывать нужду в модернизации, прежде всего, по социально-экономическим причинам. Необходимость в экономических достижениях и в объяснениях, почему они недоступны для большинства стран, порождает множество дискуссий и концепций. При всей широте их диапазона среди них преобладают различные вариации технологического видения модернизации, а также и различные версии экономического и географического детерминизма. В отстающих странах очень популярны и конспирологические концепции. Каждая из этих концепций обладает если не эвристической, то, по меньшей мере, психологической функцией, тем самым позволяя по-своему объяснить сложный современный мир.

Но все эти концепции, во-первых, в своей основе однофакторные, а во-вторых, основаны на отождествлении общественной системы с определенным внешним признаком и в результате являются *denomination ab extrinsecus*, то есть определением объекта исследования через внешние признаки. Поэтому в рамках данной лекции я предлагаю рассматривать проблему модернизации стран Центральной Азии, опираясь на такие понятия когнитивистской социологии, как: ценности, идентичности, институты и типы общественных систем.

Модернизация в моем понимании – это переход, трансформация традиционных обществ в современные общественные системы. Прежде всего, следует оговориться, что понятия «традиционное общество» и «современное общество», как и все другие понятия, являются абстракциями, «идеальными типами». Поэтому в реальности мы никогда не найдем ни чистого традиционного общества, ни современного общества, как и не найдем чистого капитализма или социализма. Если более подробно остановиться на особенностях этих концепций, то традиционное общество не определяется только через приверженность традиции, так как в реальности нетрадиционных обществ не бывает. Любые современные страны, в том числе и самые передовые, имеют свои традиции. Здесь достаточно привести пример Великобритании или Японии. Хотя надо отметить, что данные современные страны наглядны в своей традиционности, прежде всего, через сохранение некоторых своих широко известных миру социокультурных ритуалов. Следует подчеркнуть, что не так явно, но традиции присутствуют и сохраняются в любом обществе, в силу того, что человек не имеет возможности целенаправленно управлять ими, прекращать или возобновлять их влияние. В современном мировом социогуманитарном знании на основе идей Мартина Хайдеггера, Ханса-Георга Гадамера, Хосе Ортеги-и-Гассета и ряда других мыслителей удалось преодолеть ложную дихотомию «традиция-инновация», их упрощенное противопоставление. Благодаря названным мыслителям произошло осознание того, что практически вся наша деятельность происходит в контексте традиции, на основе сформированных в ее лоне предпосылок и предрассудков. Реабилитация предрассудка как фундаментального условия нашей способности к рассуждению была осуществлена Гадамером, в частности, через иное написание этого слова, как - «пред-рассудка». Тем самым явление и определяющее его понятие, которое длительное время объявлялось как синоним суеверия, как определение не критического мнения, препятствующего развитию разума, обрело статус обязательного, можно сказать, базисного условия самого нашего состояния рассуждать о чем-либо. По Гадамеру, когда мы рассуждаем об определенном явлении, то это происходит не само по себе и наша способность к рассуждению не порождает сама себя безотносительно к предшествующей ментальной традиции. Наши рассуждения о чем-либо всегда опираются на определенные

предпосылки, на массивы предшествующих опытов рассуждений, то есть на пред-рассудки. Гадамер подчеркивает, что все наши рассуждения протекают в определенном историческом контексте, образование которого также происходит на основе пред-рассудков. А Ортега-и-Гассет по поводу значения пред-рассудков для человека высказался еще более радикально, заявив, что «предрассудков не было только у орангутанга».

Конечно, нельзя говорить, что названные выше мыслители, подчеркивая значение традиций, занимались апологией предрассудков, хотя у Хайдеггера были довольно сильные ностальгические установки. Их заслуга в том, что после данных рефлексий по поводу традиции мы уже не можем соглашаться рассматривать соотношение традиции и развития через призму дуалистических категорий.

Однако, соглашаясь с выводом о неустранимости традиции, мы не должны считать, что между традиционным обществом и современным нет никаких различий в аспекте значения традиций в их жизни. Различия между этими обществами проистекают из их фундаментальных ценностных ориентаций и основанных на них норм. Так, если в традиционном обществе основой всех базисных ценностей и норм является их ориентированность на прошлое, то современность отличает преобладающая ориентация на настоящее и будущее. Также эти два типа общества отличаются по важнейшим социальным характеристикам, среди которых можно выделить особенности социальной стратификации и типов солидарности. Социальную стратификацию традиционных обществ отличает преобладание сословно-кастовых систем социальной иерархии предписанного типа, а современное общество - классовых, больше основанных на ценностях достижения. Для социальной солидарности в традиционных обществах характерно преобладание их локальных типов, когда люди идентифицируют себя преимущественно с родоплеменными образованиями и с территорией своего происхождения. В современном же обществе на первый план выходят профессиональные и общенациональные типы солидарности. Очень существенно характеризуют различие между двумя типами обществ и преобладающие в них стили мышления и основанные на них социокультурные представления. В традиционном обществе доминирует более жесткая фундаменталистская логика, а в современном обществе - более сложное и более толерантное мышление. Все эти важнейшие для общества социокультурные качества закрепляются и воспроизводятся через индивидуальные и групповые идентичности.

Но главное отличие концепции «традиционного» и «современного общества» от теорий, основанных на производственно-технологических критериях, в том, что она не опирается на один объяснительный фактор, а рассматривает данные типы общества как результат определенной структуры его институтов. Здесь на первый план выходит именно способ организации, способ устройства общества в целом, а экономические и политические отношения рассматриваются как часть этой структуры. В рамках данной концепции эмпирически очень убедительно доказывается, что интенсивность, масштаб и качество тех или иных способов производства, а также технологический потенциал общества решающим образом зависят от структуры его институтов, то есть от способа организации социокультурной жизни определенного сообщества.

Если рассматривать традиционное и современное общество, основываясь на структуре их институтов, то тогда мы видим два основных типа их организации. В первом случае структура институтов основана на иерархии, а во втором - на полицентрических нормах. Поэтому такие общественные системы можно определять как «иерархические» и «полицентрические».

Структура институтов традиционного общества исторически выстраивалась на основе господства двух институтов: политики и религии. В XX веке во многих странах, в целом сохранивших такую традиционно-иерархическую структуру, религию замещает

авторитарная идеология или имеет место определенный ее симбиоз с религией. В таких странах сохраняется общий принцип организации общества, основанного на господстве политических структур и институтов, формирующих представления и верования людей. Обобщенно такую власть можно определить как идеократию. Исторически наиболее известными примерами таких обществ в современном мире являются СССР и другие страны «реального социализма». Такой способ институциональной организации общества является исторически наиболее распространенным, и его мы наблюдаем с момента возникновения первых государств. Данный способ организации институтов также сохраняется в большинстве стран, в том числе и в странах Центральной Азии и в наше время.

Для модернизации центральноазиатские страны нуждаются в масштабной дифференциации, выходящей за рамки только технической специализации, обусловлена тем, что сложные виды деятельности, освоение и производство сложных технологий в любой сфере общества требуют не только технических навыков, но и особого типа человека. А его нельзя создать только в рамках времени, отведенного на работу. Он должен жить в определенной социальной и культурной среде, которая отличается от других и способствует его формированию как носителя не только специфического навыка, но и специфических социокультурных качеств. По этому поводу можно привести сравнительные примеры из жизни развитых современных стран и развивающихся. Профессиональные кадры в этих обществах отличаются не только выучкой и уровнем производительности труда, но и такими социокультурными качествами, как тип мышления, структура эмоций и даже телесными характеристиками. И, в конечном счете, набор этих качеств, сформированных особым образом жизни, или их недостаток предопределяют качество профессиональных кадров. О социокультурной дифференциации современного типа можно говорить, когда у различных сообществ формируются специфические габитусы и идентичности.

Известный специалист по проблеме модернизации Шмуэль Эйзенштадт, определяя такие способы самоидентификации как «автономные идентичности», считал, что развивающиеся общества, в большинстве своем сохранившие традиционный синкретизм, страдают от неразвитости таких типов идентичности.

В связи с проблемой институциональной дифференциации хочу привести очень интересную и хорошо разработанную концепцию об инвестициях в формы Люка Болтански и Лорана Тевено. Под формами в социологии, прежде всего, понимаются устойчивые социокультурные отношения и модели. Институты и являются такими формами, придающими устойчивость общественным отношениям. Инвестиции в формы происходят через развитие знаний и практик, позволяющих образовывать, закреплять и далее развивать социальные институты. В целом, результаты любого общества зависят от содержания и объема инвестиций в те или иные социокультурные формы. Развитые страны сумели достичь своих результатов благодаря тому, что смогли сформировать более эффективные институты, а условием их формирования послужили длительные инвестиции в развитие сложных социокультурных когний и практик.

Я хотел бы отметить, что анализ структуры и содержания инвестиций позволяет выяснять очень интересные вещи. Направленность и объемы инвестиций, степень их диверсификаций являются очень репрезентативными данными для понимания особенностей того или иного общества, так как сферы, куда преимущественно инвестируются ресурсы, являются выражением системы приоритетов, присущих данному обществу. Здесь следует дать определенное пояснение. Оно связано с тем, что социологическое понимание инвестиций существенно шире, чем его экономическое определение. Для социолога инвестициями являются все ресурсы, которые вкладываются в развитие определенных состояний, качеств, навыков, являющихся ценностью для

общества, социальной группы и отдельного человека. К ресурсам относятся не только деньги, но, прежде всего, время и силы, которые затрачиваются для достижения определенного результата. Так, в традиционных обществах основная часть времени и сил человека, свободных от работы, направляются на укрепление родственных, дружеских отношений и на престижное потребление. В современных обществах такие отношения и виды потребления, в определенной степени, также сохраняют свое значение, но члены таких обществ, в основном, инвестируют свое время и силы в профессиональное развитие, в целом на саморазвитие человека, которое, как правило, основывается на сложных интеллектуальных нормах.

Длительные социокультурные инвестиции и практики, свойственные различным обществам, приводят к созданию определенных типов людей. При всех индивидуальных особенностях каждого человека существуют типы людей традиционного и современного общества. В связи с различиями типов людей в традиционных и современных обществах хочу подчеркнуть еще один очень важный аспект данной проблемы. Так как человек - существо социальное, то он всегда в той или иной степени ориентирован на следование нормам своего общества, и особенно тем нормам, которые обладают высоким уровнем престижа. Эмиль Дюркгейм подчеркивал, что влияние на нас тех или иных социокультурных представлений обусловлено тем, что они связаны с объектами, которые в данном обществе обладают высоким уровнем престижа. И преимущества современного общества над традиционным - производительность и инновационность - обусловлены тем, что в современном обществе статусы профессионала и образованного человека относятся к одним из самых престижных. А в силу их престижности они эффективно мотивируют членов современного общества регулярно и массово инвестировать свои основные ресурсы в достижение данных статусов. В отличие от современных обществ, в развивающихся странах инвестиции, как государственные так и частные, больше направлены на укрепление традиционной структуры общества и существенно меньше вкладываются в формы, обеспечивающие современное развитие. Даже тогда, когда происходят целенаправленные государственные инвестиции в промышленность, образование и науку, тем не менее, они не дают такого эффекта, как в развитых странах. Нередко в таких обществах политика по развитию промышленности и образования оказывается неэффективной из-за того, что основная часть населения недостаточно мотивирована для инвестиций в собственное развитие. Они все еще продолжают направлять основную часть своих сил и времени на воспроизводство традиционных состояний.

В целом, можно сделать вывод, что развитие общества больше зависит не от финансовых инвестиций, а является результатом совокупности социокультурных инвестиций. В обществах, где исторически смогли заложить традиции инвестирования в сложные социокультурные формы, смогли создать более диверсифицированную и более производительную институциональную структуру. Центральноеазиатские общества, где инвестиции в социокультурные формы современного типа не достигают необходимого масштаба и регулярности, в обозримом будущем вряд ли смогут преодолеть гравитацию традиционных институтов.

Когда мы говорим о модернизации, надо ясно представлять себе, что модернизация - это также переход к уровню социокультурной сложности, существенно превосходящий нынешнее состояние нашего общества. Сможем ли мы генерировать необходимый объем и качество социокультурных когний, соответствующих такому сложному феномену, как современное общество, это большой вопрос. У нас пока отсутствует соответствующая современным мировым требованиям социальная теория, и, в целом, нам свойственна общая интеллектуальная расслабленность. К сожалению, мы не можем говорить, что у нас есть философия, социокультурная теория, литература, кинематограф, средства массовой

информации, способные стать предпосылками формирования такого интеллектуального контекста, который, в свою очередь, мог бы быть основой развития более сложных социокультурных концепций и практик. Достигнутый нами уровень социокультурной теории пока недостаточен, чтобы обеспечить адекватную рефлексию по поводу состояния наших обществ и возможностей их модернизации.

Различия между развитыми и развивающимися странами можно проследить через уровень развития социологии. Специалисты по современному обществу как на один из важнейших атрибутов современности указывают на наличие особой роли социологии в развитии и воспроизводстве модернизированных обществ. Как контрпример мы можем рассмотреть ситуацию с социологическим знанием в странах «второго» и «третьего» мира. В этих обществах возникли пока лишь фрагменты социологии и возможности развития современной социальной теории в их контексте пока весьма ограничены. Ограничивающими условиями, конечно, является и недостаточное финансирование, но основными барьерами остаются эпистемологические нормы. Стиль мышления в традиционных и полутрадиционных обществах «второго» и «третьего» мира плохо совместим с эпистемологическими предпосылками современной социальной теории. Модернизация как современное состояние умов, как особый тип социальной психологии не может утвердиться в обществах, где все еще господствуют домодернистские нарративы, мифы и верования. Как отмечал Орхан Памук, «в обществе, где слишком много демонов, демону модернизма приходится очень трудно».

Из-за различий в эпистемологических нормах в современных обществах люди больше тяготеют к сложным и оттеночным концепциям, и, наоборот, в развивающихся странах более популярны жесткие теории и идеологемы, основанные на дуалистической логике. Популярность той или иной версии знания, той или иной эпистемологической установки решающим образом зависит от социокультурного контекста. При этом следует помнить, что речь не идет о полностью гомогенных когнитивных контекстах. Так, в развитых странах можно найти немало приверженцев простых версий знания, носителей редукционистской логики, а в развивающихся странах мы можем найти сообщества и субкультуры, где практикуются очень сложные и эзотерические знания. Но когда мы говорим об общем культурном контексте, о доминирующем стиле мышления, то здесь мы видим масштабные и явно выраженные различия между диверсифицированным типом знания, характерным для современного общества, и редукционистскими концепциями, господствующими в развивающихся странах.

В традиционных и полутрадиционных обществах приветствуется так называемый целостный тип человека и отрицается или негативно определяется его глубокая специализация. В результате, когда в обществе преобладают люди, которым больше свойственны общие, а не специфические черты, когда нет достаточной массы людей, ориентированных, прежде всего, на профессиональные ценности, то не развиваются и современные дифференцированные институциональные отношения. Получается, что слабодифференцированные социокультурные системы «производят людей», тяготеющих к неспециализированным, «целостным» формам жизни, а они, в свою очередь, в дальнейшем способствуют воспроизводству синкретического общества.

Формирование и закрепление таких типов людей требует и соответствующей самоидентификации, требует того, чтобы в обществе сформировались модели идентичности, ориентированные на профессиональную специализацию. А для формирования таких идентичностей одной специализации в рамках производства недостаточно. Требуется более широкая социокультурная основа для закрепления ценностей профессиональной идентификации, и она достигается, если происходит масштабная плюрализация общества. Плюрализация общества приводит к

формированию различных стилей жизни, к росту субкультур. В рамках такой плюралистической общественной системы формируются и благоприятные условия для современных версий идентичности. Современные модели идентичности в такой социокультурной системе получают возможность для более широкой автономии и избавляются от диктата синкретических норм, характерного для традиционных обществ.

Воспроизводство традиционных идентичностей в постсоветских обществах во многом обеспечивается благодаря преобладанию ценностей, ориентирующих людей больше на прошлое, чем на настоящее и будущее. Так, мы видим, что в последние десять лет у жителей постсоветских стран наблюдается сильная ностальгия по советскому прошлому. Советское прошлое стало очень значимым фактором для самоидентификации и значительной части народов Центральной Азии. В исторических условиях, когда интеллектуальная элита не обеспечила и не могла обеспечить необходимый объем современных когний, идентичность большинства постсоветских людей представляет собой крайне эклектическое образование из идентификаций, имеющих досоветское, советское и постсоветское происхождение. При этом если для россиян, а среди них, прежде всего, для русских, более значимы идентификации с советским, то для идентичности центральноазиатских народов более значимы досоветские идентификации. Но в данном случае нельзя говорить о явном и четком преобладании определенной идентификации по принципу советской или досоветской, о наличии кристаллизованных идентичностей постсоветских людей. Синкретизм - это родовая черта идентичности постсоветских людей. В идентичности постсоветского человека нередко идентификации с досоветским, советским и постсоветским обществом образуют неотрефлексированное противоречивое единство. Но общим для всех этих стран является преобладание, как уже отмечалось, ценностей прошлого, порой очень архаичных, и такая архаизация объявляется как нахождение аутентичности этих народов. Получается, что без такой масштабной опоры на прошлое, без архаизации своей жизни большинству бывших советских народов трудно обеспечить достижение состояния, которое, по их мнению, является наиболее аутентичным.

В стремлении сохранять и чтить традиции нет ничего плохого, и самое главное, что они, в той или иной степени, всегда сохраняются и помимо нашей воли. И в этом смысле борьба с традициями так же бесперспективна, как и стремление их консервировать, не допуская их изменений. Невозможность достичь успеха в борьбе с традициями доказали попытки реализации революционных идеологий, в основе которых были не только установки, ориентированные на будущее, но и понимание путей достижения этого будущего за счет радикального выкорчевывания традиций и насаждения новых отношений. Но, как правило, революционеры не в состоянии полностью отменить прошлое, а последующие поколения вдруг обнаруживают особую страсть к традициям, обнаруживают устремления идеализировать архаические институты.

Сталкиваясь с трудностями, носящими хронический характер, большинство людей в полутрадиционных странах склонны к формированию полемической и в широком смысле негативной идентичности. Носители такой идентичности из-за невозможности продуктивно переосмыслить свои основания, а также из-за затруднений с инкорпорированием современных идентификаций вынуждены следовать логике противопоставления и отрицания. Для оправдания неконкурентоспособности своих обществ носители негативной идентичности прибегают и к рационализации, объявляя свое отставание как сохранение духовных начал, которые утеряны народами более успешных стран. В данном случае наблюдается социокультурная и психологическая закономерность, неоднократно выявленная исследователями, как на групповом, так и на индивидуальном

уровне. Она проявляется в том, что проигрывающие в конкуренции общества, группы и индивиды имеют ярко выраженную склонность к морализаторству.

Модернизация, конечно, не может проходить без болезненного сравнения положения развивающихся стран и Запада. И интеллектуалы, и многие представители высшего и среднего класса такого общества переживают внутренний конфликт из-за необходимости выбора между ценностями родной культуры и Запада. Они разрываются между двумя мирами, переживают кризис самоопределения. При этом, как правило, происходит идеализация одного начала. На основе мифологизированного образа Запада формировались как критический Мифологизированные представления о Западе и неадекватное понимание самих себя присущи почти всем странам неорганичной модернизации. Такие представления являются следствием ограниченности возможностей большинства стран создать современный дискурс, генерировать социокультурные когниции, соответствующие требованиям современного развития. Из-за неразвитости современного дискурса в развивающихся странах невозможно сформировать объективное понимание проблем модернизации. Такая когнитивная ситуация больше способствует развитию инфантильно-инвективного мышления, и поэтому носители такого мышления склонны в своих бедах обвинять не себя, а любые внешние силы. При этом их отношение к окружающему миру является очень изменчивым. Так, турецкий интеллектуал Памук отмечает, что подобно своему кумиру Достоевскому, он много раз ощущал чувство как любви, так и ненависти к Западу. Отношение Достоевского к Западу как часть проблемы раскола общества на «западников» и «почвенников», как мы знаем, возникло в обществе, которое первым из незападных стран встало на путь модернизации, но так и не смогло ее успешно завершить. Как грустно констатировал Венедикт Ерофеев, потомкам реформаторов XVIII и XIX веков до сих пор приходится «выбирать между европеизацией и русификацией». Из-за незавершенности российской модернизации и в XXI веке, после трех с лишним веков усилий, направленных на вхождение в современный мир, все еще продолжается конфликт между «западниками» и «почвенниками».

Такой конфликт между сторонниками модернизации и традиционалистами присущ и центральноазиатским обществам. И в обозримом будущем мы вряд ли сможем преодолеть существующий в этих обществах социокультурный раскол и осуществить плодотворный синтез традиций и новаций. Состояние социокультурной мысли в этих странах не позволяет создавать современные дискурсы и нарративы, и, как следствие, в центральноазиатских обществах отсутствуют когнитивные предпосылки для возникновения современной идентичности. В результате такой социокультурной ситуации ее подменяет или наивное подражание западным моделям, или полемическое противопоставление им архаических идентификаций. Избежать такого полемического противопоставления или примитивного подражания Западу удалось лишь нескольким странам Юго-Восточной Азии. Они смогли трансформировать свои традиции, соединить их с институтами, которые они позаимствовали на Западе, при этом сумев органично адаптировать их к своей среде.

Основная проблема для модернизации развивающихся стран связана с хроническими трудностями, с формированием более сложных и более адаптированных к требованиям современности моделей идентичности. Если мы посмотрим на ситуацию в развитых обществах, то, несмотря на все страновые особенности, им свойственны модели идентичностей, которые отличаются более сложным, более оттеночным содержанием. Конечно же, сложная, оттеночная идентичность больше характерна для образованных слоев и менее доступна низшим слоям, в силу их ограниченного культурного капитала, но, тем не менее, на всех уровнях социокультурной лестницы

развитые общества отличает интернализация более сложных моделей, чем это свойственно странам, входящим во «второй» и «третий» мир.

Если мы будем придерживаться вышеназванных критериев, то центральноазиатским обществам присущи признаки как традиционного, так и современного общества. Наличие промышленности, достаточно массовая урбанизация, относительно высокий уровень образования - все это признаки современного общества. Однако живучесть трайбализма, широкая распространенность социокультурной логики традиционного типа и, самое главное, иерархическая структура институтов - свидетельство того, что страны Центральной Азии - пока преимущественно традиционные общества, чем современные. Такое общественное положение наших стран является объективным результатом нашего исторического развития, а это означает, что радикально изменить существующее положение дел в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе вряд ли возможно. Ведь базовые институты общества не являются предметом нашего выбора, а являются результатом наших исторических возможностей.

Использованные источники

- 1 Парсонс Т. Система современных обществ. - М.: Аспект-Пресс, 1998.
- 2 Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. - СПб.: Владимир Даль, 2002.
- 3 Томас У.А. Живучесть первично-групповых норм в сегодняшнем обществе и их влияние в нашей образовательной системе // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сб. переводов. - М.: ИНИОН РАН, 2010.
- 4 Хейзинга И. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. - М.: Наука, 1988.
- 5 Cohen A. Kazakhstan: the road to independence. Energy policy and the birth of a nation. - Washington: A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2008.
- 6 Dave Bh. Kazakhstan: ethnicity, language and power. - London, N.Y.: Routledge, 2008.
- 7 Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. - N.Y.: John Wiley & Sons, 1973.
- 8 Nazpary J. Post-Soviet Chaos. Violence and Dispossession in Kazakhstan. - London: Punto Press, 2002.
- 8 Nation-building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities. - Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Особенности становления дискурсивных практик формирования таджикской национальной идентичности в современном Таджикистане [1]

Дискурсивная практика формирования этнического и национального самосознания в современном Таджикистане динамично развивается с момента провозглашения независимости Республики Таджикистан. Это обусловлено многими объективными причинами, а именно:

- процессами институционализации ключевых символических этно- национальных ресурсов в общественном пространстве Таджикистана и кодификации этих представлений в академических институтах РТ, отвечающих за интерпретацию символических ресурсов, входящих в формообразующее пространство таджикской идентичности;

- ростом глобализационных процессов, которые оказывают самое серьезное влияние на характер протекания и форматирования, различных дискурсов формирования этнического самосознания и национальной идентичности таджикского народа.

Следует отметить, что, несмотря на довольно большое количество научной и публицистической литературы по вопросам становления таджикского народа, его этногенеза и развития национальных институциональных компонентов таджикской нации, до сих пор существует серьезный дефицит работ, содержащих концептуальный и дифференцированный анализ особенностей становления и функционирования различных дискурсивных практик формирования таджикской идентичности.

Прежде чем приступить к анализу, полагаю, стоит разъяснить методологическую линию и инструментарий, которые будут при этом использованы.

Если этносы – существуют, государства – образуются, то нации-государства – конструируются.

То есть этносы *существуют* благодаря общности культурных и социальных практик, которые формируют общие поведенческие нормативы для людей, входящих в то или иное идентификационное пространство. Чаще всего это пространство функционирует посредством бессознательных форм, которые поддерживаются через симпрактическую форму деятельности людей.

Государства *образуются* посредством институционализации базовых практик, которые осуществляются двумя способами. В традиционных системах это институционализация примордиальных основ культурной и социальной составляющей относительно той или иной этнической целостности. В современных системах институционализация включает в себя не только первичный базис общества, но и гражданское сообщество, то есть то, что выражается главным образом через различие.

В первом случае мы видим репликацию традиционной этнической системы на институциональном, официальном уровне, тогда как во втором – институционализация происходит посредством связи первичных (бессознательных идентификационных практик) с уже отрефлексированными рациональными формами, которые обнаруживают плюрализм внутри своей идентификационной системы.

Нации *конструируются*, так как большую роль играет политический принцип и идентификационное движение идет сверху вниз, то есть задается политической элитой [2]. В этой системе можно также обнаружить два направления, а именно: *этнический* и *этатический (гражданский) национализм*. Если в этническом национализме гражданское сообщество не принимается во внимание и не является существенным, то в этатическом национализме гражданский компонент является ключевым при конструировании идентификационной структуры нации- государства.

Зачастую одни социальные, политические или культурные группы в едином государственном пространстве интерпретируют этническую или национальную общность в одних концептуальных терминах, тогда как другие группы – в других. Однако при этом каждая из этих групп имеет свою концептуальную парадигму, сквозь призму которой они воспринимают окружающую их реальность и интерпретируют ее в рамках общих правил и процедур, которые ими же устанавливаются и принимаются [3]. Те, кто принимает эти правила и процедуры, находятся в едином концептуальном пространстве и образуют свой общий дискурс, в рамках которого они интерпретируют, критикуют и, главное, оценивают другие дискурсы, работающие по тем же внутренним принципам. При этом стоит отметить, что на характер идентификационных процессов внутри государства сегодня влияет глобализация рынков труда, интеллектуальной и культурной продукции. Сюда также можно отнести и активизирующийся религиозный дискурс, который вынуждает государственные национальные институты реагировать на этот вызов.

Особенности идентификационных процессов в современном Таджикистане невозможно понять, не разобрав концептуально социальную конфигурацию государства. С нашей точки зрения, уровень развития государства зависит от соотношения трех ключевых параметров:

- примордиального, отвечающего за сохранение и функционирование традиций, культуры и религии, который описывается через термины «история», «община», «долг», «обязанность», «память», «ценности»;
- рационально-инструментального, отвечающего за развитие инноваций, плюрализма и индивидуальности, который работает в терминах «современность», «индивидуальные права», «свобода выбора», «экономика»;
- социально-конструктивистского, который зиждется на законах, ответственности, институционализации и описывается через термины «политика», «социальное моделирование» и «ориентация на будущее» [4].

Классическое развитие современных обществ основано на сбалансированном соотношении общины, гражданского общества и государства [5]. В зависимости от характера этого соотношения и выстраивается общая социальная структура государства. В традиционном обществе гражданский компонент, отвечающий за поддержание уровня различия и плюрализма, включая свободы выбора и индивидуальности, серьезно ослаблен в результате многих объективных исторических причин и политической культуры, что, безусловно, влияет на характер протекания идентификационных процессов в обществе и метод воздействия на них.

Несмотря на то, что Таджикистан сделал существенные шаги в плане модернизации институциональной структуры государства, тем не менее он все еще находится в орбите влияния традиционной системы ценностей, где модерни-зационный сектор, за который отвечает уровень развития гражданского общества, еще не достаточно принимается во внимание. То есть здесь мы сталкиваемся не с проблемой модернизации институтов, а с проблемой модернизации общественного сознания и его нормативов, которые отвечают за поддержание развития этих институтов, что, собственно, и отличает институты от государственных учреждений. Во многом анализ этих причин должен вестись не только с охватом политического пространства, но и на примордиальном уровне ценностей культуры и религии, которые в какой-то мере определяют последующие социальные действия, но не детерминируют их. В качестве аргументации данного тезиса можно привести отношение к регионализму и местничеству, которые сегодня довольно спокойно воспринимаются в обществе как уже устоявшаяся и испытанная временем традиционная культура.

На круглом столе, организованном Центром гражданского образования Таджикистана при поддержке Фонда Кеттеринга (США), в развернувшейся дискуссии о таких понятиях, как «местничество» и «регионализм», и о путях их преодоления сразу же определились диаметрально противоположные позиции в оценке этих социальных явлений. Так, согласно убеждениям одних, существует острая необходимость искоренения данных явлений как факторов, которые негативно влияют на общество. Другие же разделяли мнение, что местничество не нужно искоренять, так как оно является основанием, на котором, в общем-то, и строится любовь к «малой родине», поэтому данное явление имеет субстанциональный (примордиальный) характер, отражая саму действительность [6].

В 2001 году данная проблема вновь была поднята известным таджикским философом Хаёлом Додихудоевым, который задался вопросом, почему таджики, стоявшие у истоков центральноазиатской цивилизации, в течение долгого времени не имели своей государственности. С его точки зрения, существенными причинами этого факта являются регионализм и местничество, в основе которых лежат устойчивые общинные связи.

Причинами появления и закрепления региональной психологии, по мнению Х. Додихудоева, стало следующее:

- неравномерное экономическое, социальное и культурное развитие разных регионов (областей, территорий);
- географический фактор, вызвавший фрагментацию таджикского народа на субэтнические группы и отсутствие устойчивых динамичных форм коммуникации между ними;
- длительное отсутствие национального государства;
- отсутствие национальной таджикской философии, т.к. философия была представлена больше в универсальных терминах, нежели в национальных;
- превалирование конфессиональной – мусульманской – идентичности над национальной и этнической, что в дальнейшем привело к размыванию у таджиков разграничительных границ между «мы» и «они», ведущему к притуплению национального чувства в общественной психологии таджиков [7].

Достаточно интересное продолжение обсуждение проблемы местничества и регионализма получило на круглом столе «Динамика развития национальных и религиозных проектов в Центральной Азии», состоявшемся в городе Душанбе в 2006 году. В ходе обсуждения доклада известного таджикского историка Камола Абдуллаева разгорелась дискуссия вокруг доказываемого им тезиса, что регионализм объединяет даже непримиримых идеологических противников внутри своего региона, если они обнаруживают угрозу, которая исходит извне (т.е. от другого региона) [8].

Вся трудность вопроса модернизации социальной традиционной структуры заключается в том, как осуществить модернизацию общества посредством включения позитивного традиционного капитала в контекст социальной и культурной практики общества, с одной стороны, и эффективно активировать гражданский сектор со стороны государственных институтов, с другой стороны.

Все это невозможно осуществить без анализа условий становления различных дискурсивных практик формирования идентичности и национального строительства в Таджикистане. Без понимания этих процессов и выработки условий для модернизации и развития таджикского общества по всем его ключевым параметрам сложно говорить о его будущем развитии. Можно сказать, что основные национальные идеи начали претворяться в жизнь с 1997 года, то есть с начала конструирования таджикской

идентичности. Становление языковой дискурсивной практики формирования таджикской идентичности.

Начало дискурса о национальном языке было положено представителями первого универсалистско-националистического движения «Растохез». Их программа была выстроена в большей мере в культурологических, нежели в политических и экономических терминах. Ориентирована она была на возрождение персидской культуры, или, точнее, на воссоединение персидской и таджикской культур, где на первый план выходил язык. Неслучайно в 1989 году в Таджикистане был принят закон «О языке», закрепивший за таджикским языком статус государственного.

Первая волна культурной элиты в лице «Растохеза», начиная с 1989 года, пыталась расширить интерпретацию таджикской национальной идентичности до границ персидского культурного пространства. Это нашло отражение в языке, ставшим индикатором, указывающим на связь таджикского и персидского языков и реконцептуализацию символического пространства Таджикистана в терминах не столько собственно таджикской культуры, сколько персидской. Начался активный процесс замены заимствованных тюркских и арабских слов персидскими эквивалентами. Усиление персидского элемента в таджикском обществе сопровождалось также возрождением персидских имен, которые в основном были напрямую связаны с великим эпосом «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси.

Вместо памятника В.И. Ленину был установлен памятник А. Фирдоуси, что ознаменовало серьезные изменения в идентификационной структуре таджикской идентичности и мировоззренческой ориентации таджиков. Однако, современная иранская культура связана с шиитским направлением в исламе, тогда как таджикское общество в большинстве своём придерживается суннитского направления. Компромисс между универсалистским (проиранским) и национальным (таджикским) направлениями был найден также «Растохезом». А именно: главный проспект в столице Таджикистана, носящий имя Владимира Ильича Ленина, был переименован в проспект им.Абуабдулло Рудаки – таджикско-персидского поэта IX–X вв., что подчеркивало связь таджиков с культурным иранским пространством. Эта связь была найдена через языковой индикатор – таджикский (фарси). Личность поэта Рудаки был некоторым компромиссом, культурным соответствием таджикской и иранской идентичностям. С ослаблением влияния культурной элиты после 1992-1993 годов, в ходе гражданской войны в Таджикистане, политическая элита в статье Конституции Таджикистана о государственном языке заменила слова «таджикский язык (фарси)» на «таджикский язык». Это, конечно же, было связано с новой стратегией государства, исходящей из соответствия между культурным и территориальным пространствами современного Таджикистана. Другой причиной стало стремление дистанцироваться от Ирана.

Интересно отметить, что после подписания в 1997 г. «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане между правительством Республики Таджикистан и Объединенной таджикской оппозицией (ОТО)» сразу же наметилась другая тенденция, а именно: сближение их концептуальных позиций вокруг саманидского проекта, ориентирующегося на государство Саманидов – первое таджикское государство.

Сегодня в статью Конституции Таджикистана о государственном языке вновь внесены поправки и восстановлен тот вариант, который был предложен первой волной таджикской культурной элиты (движением «Растохез»), а именно: «таджикский язык (фарси)». Это, несомненно, отражает изменение положения самой культурной элиты Таджикистана в системе политической власти.

Главными рупорами при формировании языкового национального дискурса были

известные народные поэты Лоик Шерали, Бозор Собир и академик Мухаммаджон Шукури. Именно эти фигуры способствовали развитию проекта панперсидской ойкумены, где Таджикистан, безусловно, выходил за пределы своих территориальных границ.

Дилемма выбора между культурными параметрами языка и территориальными: таджикский (фарси) или таджикский – до сих пор не решена. Сегодня мы можем отметить резкую критику современного письменного таджикского языка на основе русского алфавита. Эта критика косвенно направлена на легитимность самого основоположника современного таджикского языка С.Айни, который не только писал свои произведения на кириллице, но и использовал народные говоры и диалекты Таджикистана, включая их ресурсы в язык своих произведений.

Одним из наиболее ярких примеров такой критики может служить высказывание таджикского филолога академика М. Шукурова (М.Шукури):

«Современные руководители поддерживали концепцию классовости языка, борясь против классического таджикского языка фарси и поддерживая народные говоры для демократизации национального языка. Поэтому многие таджикские интеллигенты говорят на языке своего региона, кишлака... Появились переводы- кальки с русского языка. Конструкция языка стала нетаджикской. Таджики думают по-русски. Крах классического таджикского языка явился крахом нации. Надо поднять языковую грамотность на основе классического фарси – таджикского языка» [9]. Достаточно интересно, что появление регионализма в таджикском обществе в этом контексте объясняется результатом разрушения некогда единого персидского языкового пространства.

По мнению М. Шукурова, которое он изложил в своей книге «Хорасан аст инчо» («Хорасан – здесь»), территория современного Таджикистана входила в Хорасан, который также включал территорию современного Ирана, вплоть до Тегерана, кроме его западных частей, которые подверглись сильной арабской аккультурации [10]. Такой же позиции придерживается народный поэт Таджикистана Лоик Шерали, который в предисловии к этой книге пишет: «Мы не должны забывать, что таджики – это часть хорасанцев; таджикский язык – это язык фарси... Мы являемся восточноиранцами.

Разделение таджикского, дари и фарси было проведено московскими хозяевами с той целью, чтобы разделить Единый Хорасан... О, если бы мы знали, что мы и наша земля – Варуд – это часть Единого Ирана, то тогда мы бы не слушали слов о сопредельных странах Иран, Афганистан и Таджикистан и ответили бы мы таким людям: «Вы слепцы».

Бозор Собир в своих стихотворениях также обозначает таджикские границы пространством языка, но проводит их, опираясь не на современные реалии, а на историю, тем самым подчеркивая тождество персидского и таджикского языков. Он пишет: «Все, что имел народ из всего благ мира – он отдал всем. И Балх, и Бухару имел – он отдал всем. Традиции и знания свои он отдал всем. Престол Сомона он имел, и то он роздал всем. Невежественные недруги его забрали «Книгу знаний» Авиценны, и бескультурные завистники присвоили себе культуру Мавлоно (Руми) и все искусство мастера Бехзода присвоили себе. Растерял он меч и булаву Рустама и Сухраба, он отдал все... Народ-великомученик, таджик, он отдал все, скитаясь сам по миру, но без робости и с горечью – он отдал все. И сделал недругов своих бездомных, нищих он царями, возвысив над собой... Но ни за что он отдать не мог родной язык! Не отдал он родную речь свою – как мать родную, сохранил; как каплю молока, ее сокровище берег – не отдал он. С чуждыми пророками и книгой жил, но с языком родным; провел сквозь пламя судьбы родную речь свою, врагов вынудив сохранить величие его. Таджикские

границы – это там, где говорят на таджикском, это границы его языка. Пока существует его родной язык, он имеет Родину свою; пока таджик говорит на своем родном языке, он не одинок» [11].

Этот дискурс не замыкался лишь на пространстве интеллектуалов и культурологического персидско-националистического движения «Растохез» и имел своих сторонников не только среди городской части населения, но также и в провинции. К примеру, на Севере страны, в селе Ходжаи Аъло (Исфара) прямо перед входом в молитвенный зал мечети, которая была построена методом хашара и оформлена при самом активном участии местного жителя Абдухалила Шарипова, активиста села, выгравированы строки из вышеизложенного стихотворения Б. Собира:

«Для таджика понимание границы связано с границей охвата его языка.

Пока он имеет язык, он имеет Родину; Пока он имеет язык, он бдителен» [12].

Другой дискурсивный круг относительно вопроса о таджикском языке образуется главным образом вокруг таких таджикских интеллектуалов, как Рахим Масов и Иброхим Усмонов, которые являются последовательными защитниками современного таджикского языка на кириллице и противниками тех, кто пытается перевести таджикский язык с кириллической графики на арабскую, к чему, собственно, призывают сторонники первого дискурсивного круга о языке.

Если Р. Масов защищает таджикский язык от сторонников использования персидского языка на арабской графике на уровне исторического контекста, то И. Усмонов защищает его на уровне самого языка. Он был одним из инициаторов принятия закона «О языке» в 1989 г. Стоит отметить, что Усмонов также являлся ключевой фигурой на межтаджикских переговорах по национальному примирению (1994-1997 гг.) и в Комиссии по национальному примирению, будучи председателем подкомиссии по политическим вопросам (1997-2000 гг.).

Основной его аргумент в споре с выступающими за переход на фарси: на кириллице уже издано более 70-80% произведений классиков. Именно на ней писали Айни, Лахути, Турсун-заде, Улуг-Зода, а также Лоик Шерали и Бозор Собир. Он выступает не против арабской графики, «но против того, чтобы она заменила кириллицу и обрела государственный статус» [13]. Следует отметить, что выступающие в защиту кириллического алфавита таджикского языка Р. Масов и И. Усмонов являются последовательными защитниками советского исторического периода, – когда, собственно, и сформировалась классическая советская таджикская литература, издаваемая на кириллице, – ведь именно в этот период была образована Таджикская ССР со всеми необходимыми атрибутами нации- государства.

И, неслучайно, среди портретов выдающихся деятелей литературы Таджикистана, которые решено было изобразить на лицевой стороне национальной валюты Республики Таджикистан – сомони в 2000 г., были портреты М. Турсун-заде и основоположника современной таджикской литературы – С. Айни, но не было портрета Рудаки – отца персидско-таджикской литературы, хотя в последующем были выпущены юбилейные монеты с изображением Рудаки, а в 2010 г. напечатана и купюра достоинством 500 сомони с его портретом. На центральной площади рядом с новым Президентским дворцом был возведен памятник Рудаки, но все это было осуществлено гораздо позже и связано с изменившимися политическими обстоятельствами.

Отбор национальных символов в период реального конструирования таджикской национальной идентичности, отражающий характер этого общенационального проекта, является очень важным индикатором того, на каких основаниях была заложена первая национальная конструкция таджикской идентичности, приведшая к соглашению об установлении мира и национального согласия в Таджикистане.

Когда заместителя главы Национального банка РТ на пресс-конференции спросили, почему в 2000 г. основоположник персидско-таджикской литературы А.Рудаки не был включен в число выдающихся деятелей таджикской культуры, достойных изображения на национальной валюте, им был дан ответ, который, с точки зрения ведущих экспертов, не был исчерпывающим [14].

С нашей точки зрения, основной причиной этого, помимо других факторов, являлась фигура С. Айни, который в отличие от Рудаки, родоначальника поэзии на фарси, является основоположником современной таджикской литературы, написанной на кириллице. Если персидский язык больше ассоциировался с оппозиционной интеллектуальной и культурологической группой первой волны, с символом персидской культурной традиции – Фирдоуси, то политическая современная таджикская элита конструировала идентичность на основаниях советского периода.

Рахим Масов и Иброхим Усмонов считают, что таджики должны быть благодарны советскому периоду, давшему таджикскому народу реальную возможность восстановить свою государственность, которую он утратил с падением Саманидского государства. Интересно, что разница в интерпретациях двух ключевых дискурсов о таджикском языке дает нам возможность также увидеть разницу в интерпретациях относительно образования таджикского этноса и нации.

Те, кто поддерживают позицию лингвистической элиты Таджикистана в лице Л.Шерали, Б.Собира и М.Шукури, в большей мере придерживаются также и позиции, согласно которой образование таджикского народа (этноса) совпадает с образованием таджикской нации, так как в этой концептуальной структуре главный нациообразующий фактор определяется в большей мере культурными и языковыми границами, нежели территориальными.

Таким образом, оставаясь в этом дискурсивном пространстве, вы автоматически принимаете все его нарративы, а именно то, что таджикская нация сложилась в период государства Саманидов (IX-X вв.) и продолжала существовать даже после его падения в 999 г., так как язык и культура таджикского народа продолжали функционировать. Эта позиция ведет дальше, а именно: таджикская нация, ее государственность продолжали существовать не только при правлении монголов, Тамерлана, но даже и в период правления династии Мангытов, тем более что государственным языком при этой династии в Бухарском эмирате был персидский язык [15].

Если же вы придерживаетесь позиции Р. Масова и И. Усмонова, то вы логически приходите к выводу о том, что образование таджикской нации приходится на советский период развития, а именно: что реальные атрибуты государства были приобретены с образованием Таджикской ССР в 1929 году. Эта позиция допускает образование таджикской нации в период Саманидов, когда появилось первое таджикское государство, но, согласно ей, после распада его таджикский народ теряет все параметры таджикской нации.

С нашей точки зрения, разница между этносом и нацией заключается в том, что если у этноса границы государства определяются границами культуры, то у нации границы культуры определяются территориальными границами государства. Можно сказать, что позиции первой культурологической элиты направлены на универсалистские проекты панинизма и отражают главным образом позиции этнического проекта, границы которого определяются границами языка и культуры, выходящими за пределы государственных границ современного Таджикистана.

В 2010 году на центральной площади рядом с новым Президентским дворцом появляется памятник Рудаки и выпускается банкнота достоинством 500 сомони с портретом поэта на лицевой стороне, на оборотной стороне которой изображен новый

Президентский дворец – Дворец нации. Это существенное изменение в идентификационной структуре совпадает со временем утверждения проекта нового геополитического союза персоязычных стран – Таджикистана, Ирана и Афганистана в этот период.

Стоит также отметить и третий круг языкового дискурса. Он в основном задается политической элитой РТ. Этот дискурс ознаменовался началом конструирования национальной идентичности, ориентированного главным образом на период с момента независимости Таджикистана. Это наблюдается по тому, как происходит десоветизация символов, как на уровне архитектуры, так и на уровне замены русских фамильных окончаний (-ов) на таджикский эквивалент (-зода). Возвращение исконных таджикских имен и отказ от русифицированного эквивалента, который был характерен для советского периода, началось на волне общего ослабления знания русского языка в Таджикистане и объяснялось необходимостью укрепления национального языка в стране в условиях усиливающихся процессов глобализации.

Правительство РТ для придания большей возможности светским ценностям и их усиления, с тем чтобы ослабить тесную связь между религиозным и национальным проектами, объявило о праздновании в 2006 году - Года арийской цивилизации. Достаточно интересно, что подобный проект проводился в 1999 году, но в рамках культурно-просветительского проекта, ориентированного на доисламские ценности, а именно – зороастризма. Оба этих проекта проводились накануне президентских выборов в Таджикистане [16].

Безусловно, эти проекты активировались с целью уравновесить давление, которое исходило от исламского проекта, тем более что Саманидская эпоха, по мнению как светских, так и религиозных интеллектуалов, отождествляется с исламским культурным и социально-политическим наследием. При этом эта тенденция является характерной для конструкции нации, которая ориентирована на «брак между культурой и государством» [17], где культурные символы включаются в границы современной территории государства.

Арийский проект, задействующий часть символической истории таджикского народа, в настоящее время отражен в современной символике таджикского флага. Сегодня семь звезд на гербе таджикского флага символизируют уже не семь выдающихся персо-таджикских поэтов (версия первых его авторов) и даже не семь благих пространств арийского простора на территории исторического Маверан-нарха (версия первых интерпретаторов, связанных с таджикской культурно-логической элитой), а уже трактуются как семь культурно-экономических центров современного Таджикистана. То есть здесь мы видим, как политические элиты Таджикистана постепенно трансформировали семь благих пространств арийского простора, переведя их из культурологической плоскости в политические границы современного Таджикистана [18].

Другой причиной проведения арийского проекта в Таджикистане является, конечно же, необходимость ответа на новые глобализационные вызовы. Главным индикатором здесь уже является не только ислам, но и культура, язык и общее историческое наследие. В этой политической конфигурации больше присутствует цивилизационный подход, нежели национальный. Не является ли это началом сдвига приоритетов в национальной самоидентификации таджиков, так как эта самоидентификация уже выходит за пределы современных границ Таджикистана?

Дискуссии относительно взаимоотношений государства и религии не утихают и на академическом уровне. Одни из наиболее заметных движений в академической среде за последние два года (2014-2015 гг.) были связаны с инновационной группой интеллектуалов под названием «Мир мыслей». В состав этой группы входят главным образом молодые интеллектуалы, которые защитили свои диссертации по философии в западных

университетах, в частности в Боннском. В группе также есть представитель, который учился в египетском исламском университете Аль-Азхар. Эта группа была поддержана руководством Академии наук РТ, и на ее базе был создан «Центр по изучению современных процессов и прогнозирования при Академии наук Республики Таджикистан». Несмотря на недолгое время своего активного существования под руководством Хафиза Бобоёрова (2013 – 2014 гг.), данный Центр создал серьезный инновационный потенциал через развитие рационального дискурса, ориентированного на формирование в таджикском обществе научного мировоззрения и научной картины мира.

Данным сообществом в 2015 году была выпущена монография

«Мировоззрение будущего и столкновение мыслей», где оно выдвинуло свой мировоззренческий манифест, который ознаменовал собой появление нового дискурса в современном Таджикистане, ориентированного на изменение в обществе картины мира с религиозной на научную.

В своем манифесте они отмечали: «Мы, члены общества «Джахони андеша» («Мир мыслей») являемся приверженцами принципов демократического и светского развития Таджикистана в будущем. Всякое возвращение в прошлое, будь оно исламским или коммунистическим, невозможно. История не имеет возвратного хода. Опыт истории таджикского народа подтверждает, что он не получил никаких позитивных результатов в ходе указанных этапов истории. Наш народ начинает достигать новых горизонтов благодаря демократическому и светскому характеру государства. Независимость и светский характер дают нам гарантию будущего развития нации... Независимость и секулярность с точки зрения культуры означает, что таджикский народ должен обратиться в будущем к культуре Джамшеда (легендарного героя иранских народов в доисторическое время). Подобно тому, как европейцы обратились во времена Ренессанса к культурам Древней Греции и Древнего Рима. Начало нашему ренессансу положат идеи Джамшеда, а не исламский строй и не коммунистический порядок» [19].

Данный дискурс в вопросе о взаимоотношениях государства и религии полностью исключает любое включение религии в политическую жизнь общества. В этой конструкции национальная идентичность и национальная государственность должны ориентироваться главным образом на секулярные традиции Авесты, Вед и

«Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси, а в современном обществе - на законы государства, где религиозные институты должны быть отделены от государства. При этом исламский и советский периоды исключаются из этого дискурса, за исключением движения шуубитов периода государства Саманидов, которые опирались на доисламские традиции Сасанидской персидской государственности и зороастризма, особо выпукло выразившиеся в поэме Фирдоуси «Шахнаме».

Нельзя сказать, что в этой группе нет разных позиций, они как раз-таки существуют, и ведутся дискуссии относительно места религии и веры в общественной жизни как в таджикской прессе, так и на страницах «Фейсбука». Я бы выделил дискуссию между Мехмоншо Шариповым и Нуриддином Шохобиддиновым. Оба интеллектуала хорошо знакомы с западноевропейской системой образования, один из них уже защитил диссертацию по философии в Боннском университете и получил ученую степень (Ph.D), другой находится на стадии защиты диссертации, тоже в одном из европейских университетов.

М. Шарипов пытался определить причины кризиса философской и научной мысли в Таджикистане. С его точки зрения, одной из главных причин ослабленности фундаментальных исследований и идей в научной среде Таджикистана является то, что многие интеллектуалы все еще находятся «под влиянием колонизаторской культуры, где

общественные процессы и человек оторваны и отчуждены от своего естественного состояния... Признаками данного типа мышления (*конформистского*, - П.Ш.) являются отсутствие в нем самостоятельности и инакомыслия... На самом деле все это чуждо природе и истории таджикской нации». «Таджики всегда занимались изучением действительности. Они всегда в своей истории философствовали, – отмечает он. – И самой важной причиной данной катастрофы (*потери интеллектуальной пассионарности*, – П.Ш.) является оторванность их от ТРАДИЦИОННОЙ культуры, что стало началом этой трагедии... Именно ИСЛАМСКАЯ форма выражения мысли является той оригинальной первоосновой уникальности таджикской мысли. В противоположность ей последовавшая за этим советская форма выражения мысли была и является для таджиков неоригинальной и чужеродной» [20]. Достаточно интересно, что внутри данного сообщества появляется позиция, которая не соответствует основным концептуальным его принципам, а именно: ориентация не на доисламский период – зороастризм или шуубитсткую идеологию во времена государства Саманидов, а на исламскую форму идентичности.

Однако М. Шарипов не отвечает на главный вопрос относительно оригинальности философской мысли таджикского народа, а именно: «Что происходило с исламской мыслью с XIII по XX век?», то есть до советского периода развития таджикского народа, когда инновации и инакомыслие в исламском мире подавлялись, так же, как и рациональная мысль, которая находила свое выживание лишь в мистических суфийских доктринах. Именно на эту брешь указывает Нурридин Шахобиддинов, критикуя позицию М.Шарипова. Согласно М. Шарипову, говорит он, «традиционная культура таджиков – это наша исламская форма и образ жизни. И единственный способ спасения в данной ситуации – это возвращение к исламскому мышлению. Данная точка зрения не философская, а догматическая и идеологическая. Главная цель М. Шарипова не защита философской мысли, а защита религиозного наследия без какой-либо критики. Мышление Шарипова и тех, кто его поддерживает, направлено не на будущее, а в прошлое. И это не позиция философа» [21].

Если позиция М. Шарипова основывалась на тесной взаимосвязи таджикской идентичности с исламской, то позиция Н. Шахобиддинова ориентирована на единство доисламского периода и нового времени, а именно: с 1992 г. – начала независимости Таджикистана – по настоящее время. В какой-то мере Сухроб Шарипов, будучи еще директором Центра стратегических исследований при президенте Таджикистана, придал достаточно рациональную форму данному дискурсу в ходе конференции на тему «Поиск национальной идеи для Таджикистана» через тезис о том, что неправильно противопоставлять ислам (религию) арийской идее (происхождению): «Наша национальная идея не должна быть чисто исламской, и одновременно наше арийское происхождение не создает препятствий для ислама. То есть мы арийцы-мусульмане» [22]. В какой-то мере это стало одной из тех конструкций, которая была направлена на ослабление жесткой связки таджикской и мусульманской идентичностей.

Бадахшанский фактор в национальном дискурсе о таджикской идентичности

Горно-Бадахшанская автономная область Республики Таджикистан имеет свои отличительные особенности в языке и религиозной практике. Большая часть бадахшанских языков относится к восточноиранской группе языков и в них до сих пор сохраняются бактрийские и согдийские языковые традиции, которые относятся, безусловно, к доисламскому периоду, когда зороастризм играл огромную роль в жизни Бадахшана. Известный немецко-английский языковед Макс Мюллер (1823- 1900), профессор Оксфордского университета, прославившийся своими трудами по сравнительной мифологии, истории, религии, сравнительной филологии индоевропейских языков, истории индийской литературы, придерживался мнения о том, что

арийцы первоначально жили на плоскогорье Памира и переселились оттуда в XV веке до н.э. По его теории, при переселении они разделились на две группы: одна пошла к Инду, другая – в Европу; после этого великого переселения в XIV веке до н.э. последовало переселение части арийцев в Иран [23].

Как уже было отмечено, памирские языки относятся к восточноиранской группе языков, то есть памирские языки в какой-то мере сохранили исконные языковые корни таджикского народа. Культурные, языковые и религиозные доисламские традиции являются примордиальной основой таджикского народа, и в этом плане Бадахшан, сохранивший эти традиции, является важным базисным основанием таджикской идентичности. Два рассмотренных языковых дискурса относительно таджикского языка среди интеллектуалов Таджикистана показывают, что Бадахшан не включается в эти дискурсы, а если и включается, то лишь косвенно, находясь в маргинальном пространстве, однако Бадахшанский фактор включается в таджикскую идентичность тогда, когда дискурс смещается из языкового и религиозного пространства в историко-культурное и государственное. Бадахшан имеет общность в дискурсе о доисламских культурных традициях, а именно по вопросам, связанным с зороастрийским и арийским историческим прошлым таджикского народа. Даже в общецивилизационном мусульманском проекте Таджикистана, ориентированном на период образования первого таджикского государства, ключевыми символами этой эпохи являются Фирдоуси, Ибн Сино и Рудаки, каждый из которых был каким-то образом, но связан с исмаилизмом (одним из ответвлений шиизма, который, в свою очередь, является основным направлением ислама наравне с суннизмом), и к которому до сих пор следуют бадахшанцы. Фирдоуси напрямую связан с исмаилизмом, являясь его последователем [24]. В культурной сфере он искал вдохновение в доисламской исторической эпохе, что особо отразилось в его бессмертном эпосе «Шахнаме». Родители и брат Ибн Сино также являлись исмаилитами, о чем он упоминает в своей автобиографии [25]. Рудаки был связан с исмаилитским движением в эпоху Саманидов, за что был, по некоторым источникам, наказан. Можно сказать, что многие культурные символические ресурсы современного Таджикистана связаны с этими именами. Поэтому бадахшанцы имеют достаточно серьезный социальный и культурный ресурс, который их связывает с историей таджикского народа.

Связь бадахшанского фактора с таджикским народом также имело место и в советский период. Бадахшанец Шириншо Шотемур – одна из современных символических фигур современного Таджикистана – признан героем современного Таджикистана за его вклад в создание таджикской государственности в советский период развития республики.

В религиозных обрядах наиболее ярко отражается связь бадахшанской и таджикской культурной и языковой традиции. Так, во время исполнения похоронного религиозного обряда поется «маддо», исполняемое на таджикском языке с использованием поэм великих персо-таджикских поэтов и философов Хисрава, Руми, Хафиза, Саади, Санои, Аттора и др. В данном контексте Бадахшан является субэтническим компонентом таджикского этноса.

Стоит также отметить, что Бадахшан получил хорошее развитие социального и человеческого (образовательного) капитала в советский период и продолжает получать в рамках различных экономических, социальных, образовательных и культурных проектов Сети развития Ага Хана (AKDN). Этот человеческий капитал сегодня востребован в гражданском секторе Таджикистана. Можно сказать, что Бадахшан имеет серьезный социальный и человеческий капитал, который может быть востребован в ходе развития общей социальной конфигурации Таджикистана, в более полной мере инкорпорирован также в структуру таджикской идентичности как важный параметр на

всех этапах не только исторического, но и современного развития Таджикистана.

Таджикская идентичность и глобализация в цифрах: в поисках координации в условиях бифуркации

В данном разделе будут приведены результаты опроса общественного мнения в Республике Таджикистан относительно таджикской национальной идентичности, государства и религии, который косвенно затрагивают темы, связанные с языковым, культурным и религиозным дискурсами в стране.

Следует сразу же отметить, что не все вопросы включены здесь в орбиту рассмотрения, с тем, чтобы ясно и выпукло выдвинуть на первый план те вопросы и темы, которые стали уже предметом рассмотрения в данной работе.

Действительно, достаточно интересно рассмотреть не только изменение общественного мнения Таджикистана на определенном временном отрезке, но и различие и близость позиций сконструированных проектов и общественного мнения, которые исходят из нашей общественной реальности.

Относительно языкового и символического дискурсов нами будут рассмотрены результаты опросов 2003 и 2015 гг. Это позволит увидеть реакцию общественного мнения на уже сконструированную идентичность в ходе межтаджикских переговоров (1997 – 1999 гг.), а также увидеть картину, которая сложилась на базе формирования символического национального (социального) капитала доверия среди социальных групп, включенных в этот политический дискурс. Эта картина отражена в национальных символах, которые нашли выражение в оформлении национальной валюты и ряда архитектурных памятников, которые стали знаменовать новый период национальной истории. Результаты же 2015 года отражают более глубокие изменения, реакцию и ожидания общества относительно уже проводимых национальных проектов в Таджикистане.

По социологическим данным 2003 года, рейтинг Рудаки (11,4%) среди респондентов выше, чем у С. Айни (8,3%) и Фирдоуси (2,6%) [26].

Тогда как по социологическим данным 2015 года, рейтинг С. Айни (30,7%) среди респондентов уже выше, хотя и совсем немного, чем у Рудаки (30%) и Фирдоуси (15,5%).

Согласно данным 2003 года лидером среди личностей-символов являлся Исмоил Сомони – основатель первого таджикского государства (так считают 64% респондентов), намного опережая другие фигуры, вторую и третью позицию в 2003 года удерживали Рудаки и Б. Гафуров – по 11,4%.

На сегодняшний день эта символическая конфигурация серьезно изменилась. По результатам социологического опроса, проведенного в июле 2015г. [27], когда респондентам было предложен вопрос: *«Какие из нижеприведенных культурных и общественных исторических символов Таджикистана наиболее ярко отражают сущность самосознания таджикского народа сегодня?»* (респондент мог выбирать одновременно несколько имен), популярность личности-символа И. Сомони по сравнению с результатами опроса 2003 г. года снизилась до 34,6%, а на первое место среди личностей-символов, набрав 35,1%, вышел Б.Гафуров – автор научной монографии «Таджики», выпущенной в советское время, которая задала стандарт в академической среде относительно истории таджикского народа, его идентичности (самосознания) и государственности. Б.Гафуров помимо того, что был директором Института востоковедения Академии наук СССР, являлся также первым государственным лицом Таджикской ССР (Так как он был первым секретарем ЦК компартии Тадж. ССР).

Данные опроса 2015 года показывают усиление символического капитала советского периода развития Таджикистана: Б. Гафуров - 35,1%, С. Айни - 30,7%, М.

Турсун-заде - 25,9%; в следующем символическом пространстве находятся И. Сомони - 34,6%, Рудаки - 30% и Ибн Сино - 25,2%.

Интересно, что личности-символы Фирдоуси и Л. Шерали, которые представляют первый дискурсивный круг по языковой идентичности с ориентацией на таджикский – фарси, с 14,5% и 13,6% голосов соответственно, серьезно уступают С. Айни, имеющему 30,7%.

По вопросу «*На какой период, по Вашему мнению, приходится «золотой век» таджикского народа?*» были получены следующие результаты:

- Доисламский период (период зороастризма) – 0,2%.
- Исламский период (VII – VIII вв.) – 4,6%.
- Период образования таджикского государства Исмоила Сомони (IX-X вв.) – 22,2%.
- Досоветский период (XII – начало XX в.) – 2,2%.
- Советский период развития (1924 – 1991 гг.) – 20%.
- Период независимости Таджикистана (с 1991 г. по настоящее время) – 50,8%.

Как видим, в этой конфигурации главными этапами, согласно общественному мнению, являются саманидский, советский и современный периоды развития таджикского народа. Причем на первый план со значительным отрывом от саманидского (22,2%) и советского (20%) периодов выходит время независимого Таджикистана, с 1991 г. по настоящее время, – 50,8%. Это образует новую конфигурацию таджикской государственности, состоящую из трех компонентов:

1) саманидский проект составляет примордиальный (ценностный) уровень развития таджикского народа, куда включаются и компоненты культуры, религии и традиции;

2) советский период – развитие гражданского сообщества в самосознании таджикского народа, связан с развитием рационального и человеческого капитала (образование, наука, светские гражданские институты, основанные на индивидуальных интересах);

3) период независимости Таджикистана – это образование, собственно говоря, национального государства, включающего в себя два предыдущих компонента: саманидский и советский периоды развития. При этом доисламский период все же включает в себя и период государства Саманидов, так как его расцвет был связан с развитием интеллектуального и культурного движения *Шуубия*, ориентированного на доисламский период. В Саманидском государстве достаточно хорошо сосуществовали религиозный (исламский) проект, светские рациональные и культурные традиции доисламского и мусульманской культур. Подтверждением тому является тот факт, что респонденты достаточно скептически отнеслись к кризисному периоду мусульманской культуры с XII по XX в.

Вся эта историческая архитектура становления таджикского народа и государственности, которая для своего полноценного становления должна в своем самосознании пройти все этапы своего развития: ценностный, гражданский и государственный в форме нации-государства.

Результаты опроса 2015 года являются аргументацией, подтверждающей вышеизложенный тезис. На вопрос «*Что Вы считаете наиболее важным для развития таджикского самосознания сегодня?*» подавляющая часть респондентов, а именно 83%, ответила, что наиболее важным для развития таджикского самосознания сегодня является развитие гражданской идентичности, где каждый житель страны в рамках

законодательства Таджикистана является гражданином вне зависимости от его национальной или религиозной принадлежности.

Религиозная форма идентичности в развитии таджикского самосознания составила лишь 7,2%, хотя она идет вслед за гражданской формой идентичности.

Авлод получил 5,2%, а регионализм – 2,4%. Еще меньше в этом опросе составила доля тех, кто считает, что этнонационализм (этничность) является важным в развитии таджикского самосознания, - она составила всего 0,6%, незначительно превышая процент тех, кто указал на местничество, набравшее 2,4%.

И, наконец, мне хотелось бы обратить внимание на ключевой вызов национальной таджикской идентичности и государственности, этот вызов связан с усиливающимися процессами глобализации, а именно: глобализации рынка труда и различных радикальных религиозных идеологием. Главными вызовами глобализации сегодня для Таджикистана являются проблемы трудовой миграции, радикальных религиозных идеологий, как «Исламское государство», «Талибан», «Хизб-ут-Тахрир», движение «Салафия», Исламское движение Узбекистана.

Вызов, связанный с трудовой миграцией, связан не столько с экономическими вопросами, сколько с идентификационными, так как в этом процессе происходят серьезные сдвиги в сторону изменения традиционных для Таджикистана социальных ролей в семье, а именно: «детрадиционализация» и «декультурация», то есть отрыв человека от своих традиционных и культурных корней. С точки зрения Оливье Руа, второе и третье поколение мусульманских мигрантов, которые в силу объективных причин не смогли адаптироваться к современным условиям жизни больших мегаполисов и одновременно оторваны от своего привычного традиционного ландшафта, зачастую уходят в радикальные религиозные сети или становятся объектами вербовки в различные радикальные религиозные сообщества [28].

Однако в противоположность данной позиции есть и примеры, показывающие достаточно удачное сосуществование традиционной локальной идентичности с универсалистской, которые не противостоят друг другу, а, напротив, помогают людям удерживать связь времен, не уходя в то же время от современных реалий и успешно реализуя себя и свой потенциал в современном обществе [29].

В настоящее время на национальную идентичность все больше будут влиять глобальные экономические факторы, а это значит, что будет усиливаться гражданская национальная идентичность Таджикистана, что является позитивным фактором. Но при этом все еще остается открытый вопрос об эффективности и устойчивости ее функционирования в границах национального и глобального контекстов, так как еще не выработана позитивная социокультурная (ментальная) и экономическая модель этого взаимоотношения, из – за еще недостаточный опыт функционирования гражданского сообщества в рамках национального проекта Таджикистана.

Использованные источники

1. Данная статья адаптирована с небольшими изменениями от ее оригинальной формы, которая была опубликована в 2017г. [Шозимов П.Д. -

«Особенности становления дискурсивных практик формирования таджикской идентичности в современном Таджикистане»// Проблемы истории стран СНГ. – М.: «Наука» 2017. – С.186-211.]

2. Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, N.Y. and London: Cornell University Press, 1983.

3. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.

4. Shozimov P. Social Science Research Isolation and Tajikistan. The Paul H. Nitze

- School of Advanced International Studies Review. 2005. Summer-Fall. Vol 25, N 2. P. 19-26;
- Шозимов П. Стратегия развития гражданского общества в различных интеллектуальных и культурных традициях: междисциплинарный контекст // Междисциплинарный дискурс в контексте взаимоотношения гуманитарных и естественно-научных исследований: Материалы серии открытых лекций Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии. Душанбе, 2015. С. 233-258.
5. См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
 6. Местничество и пути его преодоления: Материалы семинара, ноябрь 1996 г. - май 1997 г. Душанбе, 1997. С. 184.
 7. Додихудоев Х. Регионализм как феномен общинного сознания // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: философия и правоведение. 2001. №1. С. 31-42.
 8. Абдуллаев К. От региональной разобщённости к единению и развитию // Динамика развития национальных и религиозных проектов в Центральной Азии. Материалы семинара. Душанбе: Ирфон, 2006. С. 214-228.
 9. Шукури М. Инсонгароии омузиш ва забони милли. Душанбе: Пайванд, 2002. С. 140-141.
 10. См. предисловие Л. Шерали в: Шукуров М. Хорасан аст инчо. Душанбе, 1996.
 11. Бозор С. Маҷмӯаи шеърҳо. Душанбе, 1989. С. 16-18.
 12. Идиев Х. Традиции и инновации в контексте изменения общественной жизни современного Таджикистана. Душанбе: Ирфон, 2006. С. 96.
 13. См. интервью с И. Усмоновым: Академик И.Усмонов: «Если бы не было Сталина, не образовалась бы наша республика – Таджикистан...» [Электронный ресурс] – <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1221890520> (Дата обращения: 1.03.2017).
 14. Шозимов П. Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 2013. 209 с.
 15. Очиллов З. Таърихи сиёси тоҷикон: тахлили назарияҳо. Душанбе: Ирфон, 2011; Низамов А. Государства Центральной Азии: роль культуры // Междисциплинарный дискурс в контексте взаимоотношения гуманитарных и естественно-
 16. Shozimov P. «Arian Year» of Civilization in Tajikistan: Struggle of Ideologies // Central Asia Caucasus Analyst, JHU, SAIS. Washington, 2005. October.
 17. Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, New York, London: Cornell University Press, 1983; Anderson B. Imagined Communities. London, New York, 1991.
 18. Шозимов П. Год арийской цивилизации в Таджикистане: к вопросу о национальной самоидентификации. [Электронный ресурс] <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=en&nic=expert&pid=799>, 20.09.2006. (Дата обращения 1.03.2017).
 19. Бекзода К. «Ҷаҳонбини аз оянда» ва бархӯрди андешаҳо. Душанбе: Дониш, 2015. С. 5-8.
 20. Шарипов М. Сустаносир ва джаҳонбинии у («Скудомыслие как явление культуры и науки в Таджикистане») // Фараж, 27.01.2010 г.
 21. Шаҳодбиддинов Н. Шери Худову Рустами Достонам орзуст // «Ҷаҳонбини аз оянда» ва бархӯрди андешаҳо. Душанбе: Дониш, 2015. С. 141, 142-158.
 22. Истинный ариец, характер исламский... Поиск национальной идеи для Таджикистана (мнения) 28.04.2006. [Электронный ресурс] <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1146171360> (Дата обращения: 1.03.2017). См. также: Шарипов С.И. Идеи милли ё андешаи милли // Проблемы формирования

национальной идеи в Республике Таджикистан. Материалы научно-практической конференции. Душанбе, 2006. С. 8.

23. Маковельский А.О. Авеста [Текст] Изд. Академии наук Азербайджанской ССР, Баку, 1960. 144 с.

24. Каландаров Х.С. Место исмаилитской поэзии в персидско-таджикской литературе // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2014. N 169. С. 54-59.

25. Ибн Сина. Жизнеописание // Ибн Сина. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1980. С. 46.

26. Социологическое исследование проведено социологической группой «Зеркало» в девяти городах Таджикистана: в Душанбе, Курган-Тюбе, Кулябе, Турсунзаде, Вахдате, Бохтаре, Худжанде, Нау и Исфаре. Выборка республиканская №1000. Душанбе, июль 2003 г.

27. Социологическое исследование проведено Центром социально- политических исследований «Коршинос». Выборка республиканская №450. Душанбе, июль 2015 г.

28. Roy O. Globalized Islam. The Search for a New Ummah. Columbia University Press, New York, 2004.

29. Culture in the Ferghana Valley Since 1991: The Issue of Identity. Ferghana Valley: The Heart of Central Asia. Edited by: S. Frederick Starr with Baktybek Beshimov, Inomjon Bobokulov and Pulat Shozimov, M.E.Sharpe. New York, 2011. P.278-296.

Эволюция похоронных обрядов кыргызского народа

Общеизвестно, что похоронный обряд любого народа является отражением не только бытовой стороны его носителей, но и проявлением культурной преемственности между поколениями, а также архаического мирозерцания всего этноса. Научная значимость разработки данной проблемы усиливается в связи с исследованием проблем этногенеза и этнической истории кыргызского народа, где важное место занимает вопросы, связанные с изменениями похоронных обрядов кыргызских племен в древности и средневековье. Общеизвестно, что похоронные обряды любого этноса являются наиболее консервативными элементами культурной самоидентификации, и они изменяются, как правило, с переходом к новой религии или же с ассимиляционными процессами других этносов после переселения на новое местожительство.

Актуальность этой темы в настоящее время возрастает также со стремительным подорожанием стоимости земельных участков на кладбищах, расположенных вокруг Бишкека, что способствует созданию мафиозных структур, которые наживаются за счет горя рядовых граждан. Для решения этой серьезной экономической и социальной проблемы среди научной интеллигенции Кыргызстана в последнее время высказываются предложения о целесообразности возрождения обычая кремации, которую в древности практиковали енисейские кыргызы. При этом некоторые эксперты отмечают и природоохранный аспект обычая кремации, как наиболее экологический способ отправления похоронных обрядов.

Поскольку отдаленные предки современного кыргызского народа в древности и средневековье проживали на обширных территориях Юго-Западной Сибири, Средней Азии и Северо-Восточного Казахстана, необходимо кратко остановиться на характеристике погребальных обрядов древнего населения этих регионов. В научной литературе культура вышеназванного региона в древности называется *андроновская культура*, которая является общим названием группы близких археологических культур бронзового века, охватывавших в XVII-IX веках до н. э. Казахстан, Западную Сибирь, Средней Азии и Южный Урал. На западе она доходила до района Урала и Волги, где контактировала со *срубной* культурой. На востоке *андроновская культура* распространилась до Минусинской котловины, а на юге простирается на Центральный Тянь-Шань, Южный Таджикистан и Афганистан.

В течение почти тысячелетнего периода существования *андроновской культурной общности* ясно обозначились две основные составляющие ее субкультуры - *федоровская* с преобладающим обрядом *кремации* (восточноказахстанский и сибирский ареалы) и *алакульская* (уральский, западноказахстанский и центральноказахстанский ареалы) с преобладающим обрядом *ингумации* [1]. Установлено, что древности *федоровской субкультуры* имеют широкую географию распространения и охватывают Западную Сибирь, Восточный и Центральный Казахстан, Алтай, Минусинскую котловину. Основным способом захоронения населения *федоровской культуры* – *кремация* (трупосожжение), а характерной особенностью надмогильных сооружений являются каменные ограды, использование камня в устройстве могил. Кремацию совершали как на месте погребения, так и за его пределами. Сопровождающий инвентарь - обычно 2-3 сосуда с заупокойной пищей, глиняное блюдо, редко бронзовые вещи.

Алакульская субкультура охватывает территорию от верховьев рек Урал и Миасс на Западе до междуречья Ишима и Иртыша на Востоке; от границы лесостепи и южно-таежной зоны Западной Сибири на Севере до степей и полупустынь Казахстана. Она

входит в круг культур лесостепной бронзы. В погребальном обряде для *алакульской культуры* наиболее характерны *ингумации* (погребение в могилах) со скорченным положением тела покойника.

Как известно, древние предки кыргызского народа жили в Минусинской котловине, расположенной на среднем течении реки Енисей, в связи с чем, в исторической литературе они называются «*енисейскими кыргызами*». По свидетельству письменных источников и археологических материалов, в первом тысячелетии н.э. енисейские кыргызы, продолжая традиции древнего населения этого региона эпохи *андроновской культуры*, практиковали обряд *кремации* тела покойников. В середине IX в. после разгрома армии Уйгурского каганата начинается расселение енисейских кыргызов на обширных завоеванных территориях от Прибайкалья на Востоке до восточных отрогов Тянь-Шаня на Юго- Западе.

В результате длительных этнокультурных процессов с тюрко-язычными степными племенами Алтая и Прииртышья во второй половине IX- сер. XI вв. пришлые кыргызы постепенно переходят к обряду *ингумации* умерших. При этом собственно кыргызские племена, которые остались жить в Минусинской котловине продолжали совершать обряд кремации вплоть до их исчезновения с политической арены Южной Сибири в начале XVIII в. [2].

В современной исторической литературе тех кыргызов, которые в результате этнических и культурных контактов со степными тюркскими племенами (кимаки, кипчаки, карлуки и тогуз-гузы) Алтая и Прииртышья восприняли обряд ингумации называются «*алтайскими кыргызами*» [3]. Именно эти алтайские кыргызы во второй половине XV в. перемещаются на Тянь-Шань, и вследствие консолидации местного населения региона вокруг пришлых алтайских кыргызов произошло формирование современного кыргызского народа на новой этнической территории. Несмотря на то, что здесь обряд *ингумации* под влиянием исламской религии приобретает мусульманский характер, на начальном этапе переселения алтайских кыргызов на Тянь-Шань некоторые путешественники XVI в. отметили наличие у них и обряда *воздушного погребения*.

Исходя из этого, для раскрытия рассматриваемой проблемы, в настоящей статье мы попытаемся проследить основные этапы эволюции похоронного обряда кыргызского народа на основе сопоставительного изучения материалов археологии и этнографии, а также сведений письменных источников.

Относительно похоронных обрядов древних енисейских кыргызов китайский источник Танской династии сообщает следующее: «Если кто умрет, то только трижды всплакнут в голос, не режут лица, сжигают покойника и берут его кости; когда пройдет год, тогда делают могильный холм» [4,5]. Цитированная информация китайского источника подтверждается сведениями ранних мусульманских источников о том, что енисейские кыргызы были огнепоклонниками. В этой связи академик В.В. Бартольд приводит следующее сообщение автора сочинения XI в. «Зайн аль-ахбар» Гардизи: «Кыргызы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь - самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов» [6]. Приведенные здесь сведения письменных источников получили полное подтверждение в исследованиях археологов и этнографов Южной Сибири, что подробно рассмотрено в работах Ю.С. Худякова, В.Я. Бутанаева, Д.Г. Савинова и др. [7].

Однако с расселением енисейских кыргызов на завоеванных территориях Алтая и Прииртышья, в процессе этнокультурных процессов местные племена этого региона начинают заимствовать некоторые культурные традиции господствующего этноса - енисейских кыргызов. Археологические и письменные источники ясно показывают, что во второй половине IX - первой половине X вв., когда Кыргызский каганат занимал

территорию от Иртыша до Селенги и Большого Хингана и от пустыни Гоби до Ангары, на Алтае появляется третий этап *курайской* культуры. В это время отмечается интеграция культуры тюркских племен Алтая с культурой господствующего этноса - пришлых кыргызов, что демонстрируют многочисленные памятники, свидетельствующие о серьезных изменениях в материальной культуре местного населения, которые восприняли значительные элементы зооморфных и растительных орнаментов «кыргызского» стиля [8]. Как показывают археологические материалы, кыргызы в пределах середины IX- начала XI в. последовательно осваивали горно-алтайские котловины и активно смешивались с местными телесскими племенами, а на Западном и Юго-Западном Алтае пришлые кыргызы в указанный период смешивались преимущественно кимацкими племенами [9].

Историческая традиция, отражавшая значение и политическую роль енисейских кыргызов в процессе формирования новой этнической общности на Алтае и в Прииртышье ясно выражена в историческом труде османского автора XV в. Шукраллаха «Бехджат ат-таварих». Так, по сообщениям Шукраллаха, местом обитания кыргызов является область, расположенная между кимаками и печенегами, однако кимаки обитают на севере этой области и их правителями являются кыргызы. Далее Шукраллах сообщает, что многие из кимаков являются *огнепоклонниками*, и они в год один или два дня держат пост. В этот день сжигают тела умерших и поминают покойников [10].

Впрочем, и в главном источнике «Бехджат ат-таварих» Шукраллаха, «Табаи ал-хайаван» ал-Марвази (XII в.), также имеются определенные указания на то, что живущие в близком соседстве с кимаками три племени сжигают трупы умерших [11]. В своих комментариях к «Табаи ал-хайаван» В.Ф. Минорский, указывает, что, следовательно, эти племена также испытали влияние енисейских кыргызов, которые были огнепоклонниками [11, р. 108-109]. Аналогичные сообщения содержатся также в арабоязычном сочинении XII в., «Нузхат ал муштак» ал- Идриси, по информации которого отдельные группы кимаков поклонялись огню. У этих кимаков огонь считался священным, его почитали как очистителя и домашнего покровителя [12].

Очевидно, что обряд *трупосожжения*, первоначально характерный только для енисейских кыргызов, после установления их политического господства над кимацко - кипчакскими и другими тюркоязычными племенами Алтая и Прииртышья стал распространяться и среди этих племен, что подтверждается также археологическими памятниками.

Однако в процессе активной интеграции местных племен вокруг нового господствующего этноса сами пришлые кыргызы также воспринимали некоторые элементы культуры местных племен Алтая и Прииртышья. По заключению археологов, после XI в. кыргызские курганы с обрядом трупосожжения к западу от долины Енисея исчезают, и они вытесняются кимацко-кипчакскими захоронениями в грунтовых ямах и подбоях, часто с конем. Аналогичный процесс смены обряда археологами фиксируется и в Приобье, где пришлые кыргызские племена в XI в. полностью ассимилируются местным тюркским населением [13].

Отголоски этих изменений в погребальном обряде кыргызов, населявших приалтайские степи в Обь-Иртышском междуречье зафиксированы в источнике начала XII в. «Табаи ал-хайаван» ал-Марвази. В разделе о тюркских племенах этого сочинения сообщается: «К ним (тюркам) относятся также кыргызы- многочисленный народ, проживающий между Летним Востоком и Севером; кимаки живут на севере, а ягма и карлуки на западных пределах кыргызов... Кыргызы обычно сжигали трупы умерших, считая, что огонь очищает от всяких грехов, однако это их старый обычай. После того, как они стали соседями мусульман, кыргызы перешли на захоронение умерших» [11].

По свидетельству археологических данных в рассматриваемый период никакого изменения погребального обряда у собственно енисейских кыргызов не произошло. Следовательно, сообщение ал-Марвази не может быть отнесено енисейским кыргызам. В приведенном отрывке имеются два указания относительно мест обитания той группы кыргызов, чей погребальный обряд изменился. Во-первых, они были соседями ягма и карлуков, и, во-вторых, они жили южнее кимаков. Соседями ягма и карлуков и одновременно исламизированного Семиречья и Кашгарии могла быть только группа кыргызов, проживавшая на Алтае, Черном Иртыше и в Северо-Восточном Казахстане.

Следы характерной для кимаков и кипчаков погребального обряда захоронения впоследствии были зафиксированы этнографами среди кыргызов Тянь-Шаня. По материалам этнографа Т.Д. Баялиевой кыргызы на поминках резали лошадей, так как считается, что они пригодятся ему на том свете. Хвост же лошади покойного подрезают. По мнению исследователя, этот обряд, вероятно, генетически связан с более древним обычаем поминального жертвоприношения лошади покойного и вывешивания ее хвоста на могиле [14]. Известный исследователь эпоса «Манас» И.Б. Молдобаев отмечает, что в одном эпизоде эпоса, правитель чирчикских кыргызов Кокетей на смертном одре своему сыну завещает, чтобы, когда будут его хоронить, подготовили жертвенного коня со всем снаряжением. По мнению И.Б. Молдобаева, в данном случае конь предназначался для погребения вместе с Кокетеем, т.е., чтобы он не разлучался с конем и на том свете [15].

Археологи также отмечают сходство обряда погребений с конем и отдельных деталей погребального инвентаря на Тянь-Шане и в Иссык-Кульской долине с саяно-алтайскими материалами второй половины I тысячелетия н.э. [16]. Известный археолог Я.А. Шер на основе анализа ряда археологических памятников Тянь-Шаня, связанных с погребением с конем пришел к выводу, что они «Своими генетическими корнями уходят в культуру алтайско-орхонских тюрков. Все они объединяются общим происхождением и помогают уловить не только нити культурных взаимовлияний и этнических контактов, но и локализовать один из существенных компонентов в этногенезе киргизов Тянь-Шаня, которыми были алтайские тюрки» [17].

Следовательно, кимакско-кипчакский обычай захоронения шкуры коня или конского снаряжения рядом с телом покойника, приобретенный кыргызами на Алтае и Прииртышье позднее под влиянием исламских традиций на Тянь-Шане значительно трансформировался и постепенно приобрел чисто символический характер, выражавшийся в вывешивании шкуры или хвоста жертвенного коня на могиле покойного.

В процессе тесных этнокультурных контактов с местными тюркскими племенами Алтая и Прииртышья пришлые группы енисейских кыргызов постепенно восприняли и другие традиции похоронных обрядов аборигенного населения. Как явствует из выше цитированного сообщения китайского источника о погребальном обряде енисейских кыргызов, **«они не царапали лицо»** во время траурных обрядов по усопшему члену семьи.

Однако в то же самое время по сообщению китайских источников, древнетюркские племена степной зоны во время траура царапали лицо и громко оплакивали умершего. По этому поводу в «Таншу» сообщается следующее: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоого пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткой, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом **надрезывают себе лицо и производят плач**; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом, поступают семь раз и оканчивают» [5, с. 234]. В этой связи представляет большой интерес также сообщение великого учёного XI века из Хорезма, автора многочисленных капитальных трудов по истории, географии, филологии и астрономии аль-Бируни о погребальных обрядах согдийцев Средней Азии. Говоря о траурных обрядах зороастрийцев Согда он пишет, что «они оплакивают умерших и

сопровождает это оплакивание **расцарапыванием лица**» [18]. Следовательно, традиция царапать лицо во время траурных церемоний в древности была широко распространена среди как кочевых, так и оседлых народов населявших огромные пространства, охватывающие современную Монголию на Востоке и Среднюю Азию на Западе.

Если бы современные кыргызы Тянь-Шаня были прямыми потомками древних енисейских кыргызов, тогда до наших дней сохранилась бы традиция не царапать лицо во время траурной процессии по усопшим. Однако еще в XIX в. внешние наблюдатели зафиксировали у кыргызов строго предписанные обычаем выражения горя и печали вдовы по умершему в виде самоистязания, процарапывания лица и т.д.

Один из первых исследователей истории Центральной Азии Ч.Ч. Валиханов, побывавший на Иссык-Куле в 1856 г. так описывает похоронные обряды кыргызского народа: «После смерти каждого киргиза семейство его держит в продолжение целого года траур, который состоит в нижеследующем: на юрте стоит черный флаг, жена каждое утро и вечер должна неумолчно и гласно оплакивать, **а при кочевке в придачу к тому царапать лицо**» [19].

Более подробные сведения по этому поводу мы находим в записках Токмакского уездного начальника царской администрации Г.Загряжского. Он отмечает, что «В знак особой печали вдовы царапают себе до крови щеки, что делается очень ловко и без малейшей жалости к своей особе. Чем больше изодраны щеки, тем больше уважение к жене, которая любила своего мужа. Не царапать щек нельзя, так как дети и вдовы умершего будут тогда упрекать жену в недостатке любви к покойному, а то поколотят» [20].

Аналогичную информацию сообщает и первый историк кыргызского народа Белек Солтоноев, который на основе собранных им материалов среди кыргызских племен северного Кыргызстана в начале XX в. пишет, что жены и дочери покойного во время траура обязательно царапали лицо [21].

По этнографическим материалам Т.Баялиевой, собранным среди кыргызского населения Тянь-Шаня в первой половине XX в., если вдова умершего сама не царапала лицо, тогда кто-нибудь из числа близких родственников мужа насильно разодрали ее щеки костью или другим предметом. Как правило, вдовы царапали лицо не только непосредственно после смерти мужа, а еще трижды во время трех, семи и сорокадневных поминок [14, с.72-73]. Отсюда становится ясно, что обряд царапания лица принесли на Тянь-Шань алтайские кыргызы, которые в свою очередь переняли традицию самоистязания себе у алтайских и прииртышских тюрков в период ассимиляции пришлых енисейских кыргызов с древнетюркскими племенами, практиковавшие обычай царапать щеки задолго до появления здесь енисейских кыргызов. Когда пришлые алтайские кыргызы интегрировали вокруг себя представителей древнего населения Семиречья и Притяньшаня в XV-XVIII вв., традиция царапать лицо во время траурных церемоний пришлого и местного населения органически переплетались между собой, и продолжалась до недавнего времени, как проявление культурной преемственности между поколениями.

Судя по сведениям аутентичных источников, алтайские кыргызы принесли с собой на Тянь-Шань и пережитки так называемого «воздушного погребения», который был широко распространен в древности и средневековье среди лесных племен Сибири и Дальнего Востока. Согласно исследованию Г.Ю. Ситнянского, данный обряд практиковался издревле и вплоть до XX века следующими народами: монголоязычное племя шивэй, алтайцы, телеуты, шорцы, барабинские татары, якуты, хакасы, тувинцы и некоторые народы Северной Сибири [22].

Сообщения о фактах воздушного погребения у тяньшанских кыргызов мы находим в путевых заметках двух путешественников, которые побывали в Средней Азии во второй

половине XVI в. Первое сообщение об этом содержится в труде английского путешественника Антонио Дженкинсона, который направлялся в Китай через Россию и Средней Азии и не смог проехать до конечной цели из-за длительных военных действий, продолжавшийся в Восточном Туркестане между кыргызами и правителями Могольского государства в 1556-57 гг. [23]. В этой связи А.Дженкинсон в своих дневниках пишет, что «Киргизский народ живет толпами, т.е. ордами... Когда кто-нибудь из них умирает, то вместо того, чтобы хоронить его, они вешают его на дерево». Далее он пишет, что киргизы являются язычниками и идолопоклонниками [23, р. 131].

Почти аналогичное сообщение о кыргызах содержится в путевых заметках османского путешественника Сейфи Челеби, который проехал из Турции в Китай через Тянь-Шань в 1582 году, т.е. через тридцать лет после поездки А.Дженкинсона в Среднюю Азию. Характеризуя кыргызов Сейфи Челеби отмечает, что «кыргызы являются ни кафирами, ни мусульманами, а трупы умерших кладут в гробах и вешают на ветви высоких деревьев» [24]. Комментируя данное сообщение Сейфи Челеби, академик В.В. Бартольд сомневался в том, что оно относится к концу XVI в., и допускал вероятность заимствования этого известия из более ранних письменных источников о енисейских кыргызах.

Однако наличие сообщений о традиции воздушного погребения у тяньшанских кыргызов в XVI в. в путевых заметках не зависящих друг от друга турецкого и английского путешественников, заставляет нас более внимательно рассмотреть вышеприведенную информацию А.Дженкинсона и Сейфи Челеби с точки зрения этнокультурных связей кыргызов Тянь-Шаня с горно-лесными народами Алтая и Сибири. Тем более С.Челеби не владел китайским языком, а путевые заметки А.Дженкинсона были изданы только в первой четверти XVII в., следовательно, вероятность заимствования известия Сейфи Челеби о воздушном погребении кыргызов из более ранних книжных известий практически исключается.

Насколько известно, в письменных источниках сведения о воздушном погребении народов южной Сибири и Дальнего Востока впервые фиксируется в китайской хронике эпохи династии Суй (581-618 гг.). Так при характеристике похоронных обрядов племени Си (Хи) и Кумоси (Кумохи) китайский источник «Суйшу» сообщает: «Умерших, завернув труп в тростник и траву, вешают на верху дерева» [4, с. 305].

Некоторые исследователи считают племя *Кумоси* предками средневековых кимаков и современных урянхайцев Тувы и Монголии [25].

Известный исследователь этнографии кыргызского народа С.М. Абрамзон при рассмотрении пережитков воздушного погребения у кыргызов склонен был считать этот обряд способом «временного хранения» умерших. По его мнению, необходимость временного хранения тела умершего была связана с обычаем обязательного захоронения умершего на родовом кладбище, на земле, где он родился и где жили его предки [26].

Однако по сведениям Г.Загряжского, собранным среди кыргызского населения Токмакского уезда во второй половине XIX в., кыргызы хоронили умерших в день смерти, и на том месте, где он скончался за исключением тех случаев, когда покойник завещал похоронить себя на каком либо известном месте [20]. Отсюда становится ясно, что перевозка тела покойника, умершего далеко за пределами его родной земли совершался, как правило, согласно предсмертному завещанию самого усопшего. И в материалах Г.Загряжского встречается информация о «временном хранении». По его словам кыргызы «...зимой, если снег большой, или если земля сильно замерзла, умерших закрывают в снег, до весны и место погребения огораживают камышом» [20]. Представляется, что в материалах Г. Загряжского основное внимание уделяется погребальному обряду простого населения. Как показывают данные, собранные С.М. Абрамзоном и Т.Баялиевой в XX в., в случае смерти знатных людей их тела обязательно

подлежало перевозке на родные места без завешания, а в случаях временного погребения из-за погодных условий останки известных личностей подвешивали на высоких деревьях из соображений безопасности.

Как показывают этнографические материалы, собранные и проанализированные Т.Баялиевой, представители рода Джетиген, жившие среди племени Могол в Алабукинском районе, когда кто-нибудь умирал, они его тело обязательно везли хоронить в родовое кладбище, расположенный на Чаткале. Но из-за погодных условий они могли проехать в Чаткал только в летние месяцы, а до этого тело покойного они заворачивали в верблюжью шкуру и подвешивали на ветки высокого дерева. Однако в отличие от С.М.Абрамзона, Т.Баялиева считает этот обычай как реминисценцию *воздушного способа погребения*, который применялся у некоторых народов Сибири [14, с. 88].

Исходя из этого, можно предположить, что кыргызы под влиянием местных традиций, и с учетом географических и климатических особенностей Тянь-Шаня приспособили более древнюю традицию воздушного погребения к обряду «временного хранения» тела покойника.

По данным эпоса «Манас» и материалам этнографии, у киргизов имели место и другие, не совсем обычные способы погребения, которые своими корнями восходят к глубокой древности. В одном из ключевых сюжетов эпоса «Манас» о

«Тризне Кокетай-хана», рассказывается странное завешание находящегося на смертном одре Кокетай-хана своему сыну Бокмуруну. Хан повелевает Бокмуруну, чтобы после своей смерти:

«Акырет кеткен мен үчүн Арбын дүйнө зарп кылып, Кылыч менен кырдырып, Кымыз менен жуудуруп, Аяк менен башымды, Кымкап менен буудуруп».

«Когда я отойду в иной мир, Раздавай мое несметное богатство...,
Мясо моего тела соскабливайте саблей, Кости мои обмывайте кумысом.
Затем голову и конечности мои,
Плотно обматывайте парчовой тканью...» [27]..

По сведениям известного этнографа С.М. Абрамзона, реальные факты подобного погребального обряда имели место среди кыргызского населения еще в прошлом столетии. Во время длительных полевых исследований по Кыргызстану ему не раз приходилось слышать, что в случае смерти человека на очень далеком расстоянии от родины, с костей усопшего отделяли мясо и кости привозили и погребали там, где жили его предки. Так, Нарбото-бий из племени *нойгут* был убит во время военных действий где-то в районе Кашгара. Его сподвижник и соплеменник Турдубай снял мясо с костей Нарбото-бия, и привез его останки в село Согмент (там жили нойгутцы), где он и был захоронен [1, с. 214].

Представляется, что обряд очищения костей умершего от мягких тканей восходит к погребальному обряду приверженцев зороастризма в Средней Азии, где эта религия была широко распространена в древности. Согласно канонам этой религии, кости умершего зороастрийца надлежало очистить от мягких тканей. Для этого трупы выставлялись в специальных местах, где собаки, хищные птицы, а также солнце и ветер очищали кости от тлена. Только после этого кости складывали в *оссуарии*, устанавливавшиеся в специальном склепе - *наусе* [28].

Таким образом, можно констатировать, что этот древний обычай зороастрийцев успешно применялся кыргызами для перевозки тела умерших во время дальних перекочевок или же погибших воинов в ходе военных походов далеко за пределами родного очага покойников. Очищение мяса от тела и обмывание костей кумысом

значительно облегчало проблему перевозки останков покойного в родные места без угрозы разложения трупа.

Приведенные выше данные письменных источников, археологических и этнографических материалов относительно эволюции похоронных обрядов кыргызов с древности до XX века ясно показывают о серьезных изменениях этих обрядов в разных исторических эпохах и в различных географических ареалах, охватывающих Южную Сибирь, Юго-Восточный Казахстан и Среднюю Азию. Последовательное изменение погребальных обычаев кыргызов от *кремации* к *ингумации*, сопровождающий с воздушным погребением и соскабливанием мягких тканей от костей являются живыми свидетельствами сложных и длительных этногенетических связей кыргызов со многими народами и племенами. В погребальных обрядах кыргызов тесно переплетались традиции представителей различных культур, что ясно показывает участие в этногенезе современных кыргызов как пришлых, так и местных автохтонных компонентов, связанных с языческим (шаманизм) верованием, а также зороастрийской и исламской религиями.

Вопросы к теме:

1. Какие основные формы погребального обряда существовали у кыргызов в древности и средневековье?
2. В чем заключается отличие между алакульской субкультурой и федоровской субкультурой Андроновской культуры в плане погребального обряда?
3. Когда и почему отошли алтайские кыргызы от традиции кремации и перешли к ингумации, а также стали царапать лицо во время траура?
4. Почему кыргызы практиковали обряд отделения мяса покойного от костей?
5. О чем свидетельствует существование у кыргызов отличных друг от друга погребальных обрядов в течение тысячелетий?

Использованные источники

- 1 Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Санкт-Петербург, 2009.; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. Санкт-Петербург, 2005. - С. 269-270.
- 2 Чебодаев П.И. История Хакасии (с древнейших времен до конца XIX в.). - Абакан, 1992. - С.62-63.
- 3 Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. - Бишкек, 2010. - С.38-58.
- 4 Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии Дальнего Востока. - Москва, 1961. - С. 60.
- 5 Бичурин Н.Я.(Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа. Ч. I. - Алма-Аты, 1998. - С. 361.
- 6 Бартольд В.В. Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Собр. соч. Т.VIII. - Москва, 1973. - С. 48.
- 7 Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. - Абакан, 2000. - С.51-52, 74-75.
- 8 Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Ленинград, 1984. - С.67.
- 10 Бехджат ат-таварих. Рукопись Института восточных рукописей РАН, С 785. Л. 296-30а.
- 11 Minorsky V. Sharaf al- Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A.D. 1120) with an English translation and commentary. - London, 1942. P. 32.
- 12 Кумеков Б.Е. Государство кимаков. - Алма-Ата, 1972. - С.109.
- 13 Троицкая Т.Н. Погребения с трупосожжением конца I тыс. н.э. на р. Усени Новосибирской области // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. - С.426.

- 14 Баялиева Т. Д. Доисламские верования и пережитки у киргизов. - Фрунзе, 1972. - С. 95.
- 15 Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. - Фрунзе, 1989. - С. 95.
- 16 Табалдиев К. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. - Бишкек, 1996. - С.93.
- 17 Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Алтае // Советская археология. 1963, №4. - С.158-166.
- 18 История таджикского народа. Т. II. Эпоха формирования таджикского народа. - Душанбе, 1999. - С.265.
- 19 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т.2. - Алма-Ата, 1985. - С.75.
- 20 Загрязский Г. Киргизские очерки. Аш или тризна по умершим. Туркестанские ведомости. - Ташкент, 1873. №1.
- 21 Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы. 1 китеп. - Бишкек, 1993. - С.9.
- 22 Ситнянский Г.Ю. О происхождении древнего киргизского погребального обряда//Среднеазиатский этнографический сборник. Выпуск IV. - М., 2001. С. 175- 180.
- 23 Early Voyages and travels to Russia by Antony Jenkinson and other Englishmen. Ed. By Delmar Morgan, and С.Н Coote. Vol.1. - London, 1886. P.131.; Английские путешественники в Московском государстве XVI веке. Перевод с английского Ю.В. Готье. - Москва, 1938.
- 24 Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк// Собр.соч.Т.II, часть 1. - Москва, 1963. - С.517.
- 25 Сабитов Ж.М. К вопросу о происхождении кимаков //Молодой ученый №10 (90). - Казань, 2015. - С.961-964.
- 26 Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Ленинград, 1971. - С.210-213.
- 27 Манас. Вариант С. Орозбакова.Т.VIII-IX. - Бишкек, 2014. - С.16.
- 28 Шкода В.Г. Погребальный обряд зороастрийцев. Журнал «Митра». № 10 (14). - Санкт-Петербург, 2009.

Глоссарий

Воздушное погребение - вывешивание трупа покойника на ветках высокого дерева.

Зороастризм (авест. *vahvī- daēnā- māzdayasna-* -одна из древнейших религий народов Средней Азии и Ирана, берущая начало в откровении пророка Спитамы Заратустры. В основе учения Заратустры - свободный нравственный выбор человеком благих мыслей, благих слов и благих деяний. Основной формой обрядности зороастризма является поклонение огню, в связи с чем, последователи этой религии называются огнепоклонниками.

Ингумация погребение тела покойника в могиле.

Кремация сжигание тела покойника с последующим захоронением его костей в могиле.

Наус-погребальное сооружение из глины, кирпича или камня, возводившееся за пределами поселения. Наусы утратили своё значение в Средней Азии после арабского завоевания и утверждения ислама.

Оссуарий (от лат. «os» - «кость») ученые называют костехранилища - небольшие глиняные, алебастровые или каменные вместилища, как правило, прямоугольной формы. Оссуарий символизировал собой храм как «обитель богов».

РАЗДЕЛ 2. ЭКОЛОГИЯ. ТРАДИЦИИ И ПРИРОДА

КЕЙС-СТАДИ

Шукуров Э.

ПРИРОДА В КУЛЬТУРЕ И ПРИРОДА КУЛЬТУРЫ

История человека современного типа, настоящего человека, начинается с появления в мире феномена культуры. Человек произошел от дочеловека не тогда, когда он начал изготавливать орудия труда и трудиться (на это способны и животные), а когда стал производить и потреблять феномены культуры. История настоящего человека и есть история его становления как носителя культуры. Вообще человеческая история и есть история культуры, а не войн, государств, техники и прочего. Без культуры получается не человек и не животное, поскольку то, что получается - это недочеловек. Культура - родовой признак человека. Человек не утерял ни одного инстинкта, унаследованного от диких предков. Эволюция человека как биологического существа прекратилась, началась собственно история, история человека культурного. Подлинное содержание истории человека – облагораживание, очеловечивание инстинктов под влиянием, под воздействием культуры. И он становился тем, кем становился ровно настолько, насколько прогрессировала или деградировала культура, насколько появлялись, создавались условия ее развития.

Исчезновение целых народов – следствие не их поголовного истребления, а следствие утраты культуры или ее извращенного изменения.

Всемогущая Римская империя подписала себе смертный приговор, отправив в изгнание великого поэта Овидия. У Советской империи не осталось шансов на будущее после истребления, изгнания, хамских гонений гениальных деятелей культуры.

Безмерная тупость и чванство, власть предрержащих, не позволяет им понять, что ни один из них не стоит и мизинца тех, кто придает истинный смысл самому существованию нации, страны и государства, в конечном счете, всего человечества, тех, кто творит ценности культуры. Целая свора госчиновников не сможет заменить одного талантливого деятеля культуры.

Культура – феномен духовного, эстетического производства и потребления. Когда начинает преобладать материальное потребление, когда оно становится основным смыслом жизни, тогда неизбежно деградирует культура, а вслед за ней - человек, общество, человечество.

Следует различать знание и культуру. Культура – преодоление неизбежной ограниченности знания. Возможность, недоступная знанию. Не потому, что знание не нужно, а потому что оно недостаточно или даже вредно в отсутствие подлинной культуры.

Необходимо различать культуру и технологию. Широко применяемые термины «культура первобытного человека», «культура древнекаменного века» и т.п. вносят определенную путаницу. Все технологии, начиная с каменного века по настоящее время, связанные с производством материальных объектов потребления, не являются собственно культурой, область которой – духовные (эстетические, этические) ценности, производство и потребление (восприятие, усвоение, следование) произведений духовного творчества.

Культура – сплав исторического опыта, творчества, профессионализма и таланта.

Знание – область информации. Информация – область повторяющихся отношений. Повторяющиеся отношения – ничтожная часть существующих в мире отношений.

Знание по самой своей сути незавершенно. Творение культуры индивидуально, совершенно, неповторимо. Оно само становится неповторимой частью неповторимого мира. И даже каждое новое живое воспроизведение – неповторимо. Каждое восприятие – неповторимо. Творение культуры само творит неповторимые отношения.

Культура стала мощным средством, способом организации, регуляции поведения людей с того момента, как они перешли в состояние социальное, когда управление на основе инстинктов стало не только неэффективным, но и губительным. Инстинкты вырабатывались, отбирались, когда предки человека жили в естественной среде и подчинялись естественному отбору. Социальная жизнь выделила, отделила его от природы. Выживание теперь стало зависеть не только от природного окружения, но и от соответствия социальных механизмов регуляции поведения как индивидуального, так и группового, задаче выживания. Эти механизмы в виде традиций и табу закреплялись в выживших группах. В значительной мере набор традиций и табу был случаен, как правило, не осознавался членами первобытных групп, но их нарушение жестоко каралось – вплоть до смерти или изгнания, что было равносильно смерти. Но только такие группы и выживали. Вариативность содержания социальной регуляции была условием выживания человека как вида. В жестоким отборе выжили наиболее удачные варианты, которых было, конечно, гораздо меньше, чем неудачных. Это был, безусловно, самый критический период, поставивший человечество на грань вымирания. Общая численность резко сократилась, приблизившись к уровню, ниже которого восстановление популяции было бы невозможным. Сохранившиеся группы выжили благодаря удачному сочетанию табу и предписаний и санкций по их безусловному соблюдению. С их помощью стало возможным устойчивое поддержание равновесия внутри группы и между группой и природой.

Недавно генетическими исследованиями было установлено, что все человечество произошло от очень небольшой группы людей (не более нескольких десятков), живших около 40 тыс. лет назад в Намибии (Южная Африка). Все остальные, вероятнее всего, не нашли необходимый вариант культуры. К первобытной культуре следует относиться с почтением. Она отнюдь не примитивна. Она также совершенна как современная подлинная культура, поскольку полностью соответствовала всем основным критериям культуры и обеспечила выживание человечества.

Урок первый. Выживание человека, вышедшего из-под контроля естественного отбора, теперь не зависит от его индивидуальных качеств, передаваемых по наследству. Отбор стал происходить на уровне социальной организации, включающей в себя помимо прочего регуляцию отношений - как отношений внутри первобытной группы, так и между группой и природным окружением.

Урок второй. Социальные регуляторы стали наиболее совершенными и действенными с момента появления культуры, которая сделала возможным облагораживание, очеловечивание инстинктов, замену чисто животной мотивации действий социально приемлемыми побуждениями и способами достижения, допустимыми в рамках данной культуры. Делать не все, что ты можешь, хочешь и в силах сделать, а только то, что можно, допустимо в данном роде, племени и завещано от предков, закреплено в ритуалах и традициях. Эти формы общественного сознания усиливаются и транслируются, эстетизируются, превращаются в потребность, благодаря воплощению в различные формы культуры: мифы, предания, словесное, музыкальное творчество, танцы, изобразительное искусство. Появляются ритуалы, мистерии, традиции, табу и т.п. Культура становится мощнейшей формой регуляции поведения, способом выживания человечества. И у всех выживших сообществ важную и неременную часть в культуре составляли установки на бережное, почтительное,

уважительное отношение к природе, ее обожествление, отношение к природным явлениям и иным существам как к себе равным или даже выше рангом и т.п.

Урок третий. С самого начала не было и быть не могло готовых способов социальной целесообразной регуляции поведения индивидов и групп. Удачные по содержанию и сочетанию формы регуляции поведения, обеспечивающие выживание, становились результатом проб и ошибок. Цена ошибок была чрезвычайно велика. Сообщества, не нашедшие решения и не сумевшие транслировать положительный опыт через культуру, вымерли. Человечество должно быть благодарно тем единичным первобытным родам, сумевшим найти заветную формулу выживания.

Урок четвертый. Для того, чтобы выжить, любой вид должен воспринимать и уметь реагировать на всю полноту свойств среды обитания (природной и социальной). И чем сложнее организован вид, тем больше факторов среды ему приходится учитывать. Но ни один из видов, как бы он ни был сложно устроен, не в состоянии отразить основные, важные для выживания свойства окружающего мира во всей полноте. Поэтому изначально жизнь могла существовать только в сотрудничестве совершенно различных по своему устройству и функциям видов, образующих биологическое сообщество. Человек, как только стал социальным существом, выделился из живой природы, перестал принадлежать какой-нибудь естественной экосистеме. И как бы он ни был совершенен, как биологический вид, он не в состоянии отразить, уловить, выявить, учесть все основные свойства мира, которые следует учитывать, чтобы выжить. Культура выделила, отделила его от природы. Но она же дала ему возможность такого разнообразия восприятий и способов взаимодействия с себе подобными и природой, которого нет у других живых существ. Разнообразие видов функционально замещается разнообразием языков, этносов, образов жизни, культур. Человечество не может существовать в виде одного этноса с одним языком и единственной культурой, поскольку оно станет слепо к фундаментальному разнообразию мира. Перестав реагировать на часть важнейших для выживания качеств действительности, оно будет обречено на вымирание. Для человечества это не просто обеднение и потеря разнообразия. Унификация человечества – путь к неизбежной гибели. Только разные этносы, языки и культуры в своей совокупности и взаимодействии могут обеспечить адекватное поведение человечества в целом, гарантирующее выживание в сложном мире.

Урок пятый. Знания, технологии, техника и наука при всем своем могуществе бессильны выстроить правильные взаимоотношения как внутри человеческого общества, так и между обществом и природой. При всей своей отделенности от природы человек остался живым существом, но не он творит жизнь и базовые условия своего существования. Жизнь, условия, благоприятные для жизни – результат безудержной деятельности миллионов видов живых существ, которых не могут заменить никакие искусственные устройства. Жизнь есть создание биосферы

– совокупности сложно организованных биологических сообществ, того, что мы называем дикой природой. Дикая природа – незаменимый фундамент жизни вообще и человеческой жизни – в частности. Это глупое заблуждение и убийственная ложь, что человек может самостоятельно обеспечить себя всем необходимым и создать благоприятные условия существования искусственным путем, окружив себя городами, садами, полями, заводами, предприятиями, дорогами, транспортом. Мир технологии и техники, сделавший так много для удовлетворения материальных потребностей человека, - это мертвый мир, стремительно разрушающий живую природу и вместе с ней саму основу существования человека. Неограниченное господство техники создает иллюзию необязательности дикой природы и культуры для процветания человечества. Достаточно сравнить огромные финансовые и материальные потоки в мертвом мире

техники и финансовых спекуляций с жалкими каплями, попадающими в сферу охраны и восстановления природы и развития подлинной высокой культуры, включающей партнерское, уважительное отношение к природе.

Урок шестой. Цивилизация недаром считается синонимом культуры, ее высшим проявлением. Цивилизация действительно детище культуры, но одновременно и ее могильщик. Сущность цивилизации – все более полное удовлетворение потребностей человека, как материальных, так и духовных. Но превращение их в товар ведет к неумному расточительству духовных и материальных ресурсов при появлении все новых и новых потребностей, не имеющих ничего общего с истинными потребностями людей. Это давно поняли ранние даосисты, конфуцианцы, буддисты, иудеи, христиане, мусульмане.

Выдвижение потребностей человека (истинных и ложных) на первый план и успешность их удовлетворения вне видимой зависимости от природы (более того, как бы в результате «победы» над ней в земледельческих цивилизациях) привели к исчезновению природы в культуре как самостоятельной сущности. Она стала рассматриваться исключительно по отношению к человеку, как объект, как источник удовлетворения человеческих желаний, потребностей. Все первые цивилизации погибли, оставив после себя пустыни. В этом же направлении движется современная глобальная цивилизация, культура которой фактически потеряла не только природу, но и самого человека как субъекта отношений. И природа, и другой человек (группа, страна и т.п.) стали объектами, ресурсом для достижения целей другого человека (группы, страны и т.п.). Субъект-субъектные отношения почти полностью вытеснены субъект-объектными. Для современного массового сознания материальные потребности имеют первостепенное значение, а духовное, культурное развитие представляются совершенно излишними, и безусловно не заслуживающими того, чтобы ради них жертвовать материальным благополучием. Для массового сознания нет и не может быть своих интересов у природы, а ставить другие живые существа на один уровень или даже выше себя могут только дикари, но никак не цивилизованные люди. Это ведет к успеху отдельных людей, групп, стран и т.п. за счет других. Идет тотальная деградация культуры и духовное вырождение человеческого общества. Цивилизационные основы «процветания» недолговечны и, в конечном счете, ведут к гибели. Локальные цивилизации приходят к локальному краху. Глобальная цивилизация, если не вернет в культуру природу и не вернет полнокровное равноправие и полнокровное общение всем народам, языкам и культурам, приведет к глобальной гибели все человечество.

Срывая цветы, я рукою неволью их оскверняю...

Нара, императрица Японии в 8 веке

Жаратылыш менен бирдик жерде – тирдик. Жизнь там, где единство с природой.

Кыргызская пословица

Вопросы для обсуждения:

1. Дайте свое определение понятию «культура».
2. Какие уроки из исчезновения целых народов и их культур можно сделать?
3. Почему утверждение о том, что человек может самостоятельно обеспечить себя всем необходимым и создать все благоприятные условия существования искусственным путем, является заблуждением современного общества?
4. Дополните текст автора, напишите Урок седьмой, восьмой...

ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕГО ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА НА ФОРМИРОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ОСОБЫХ КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Окружающая природная среда, несомненно, формирует культуру, экономику и образ жизни, проживающих в ней народов. Природный ландшафт, к которому на протяжении длительного времени приспосабливается человек, обуславливает развитие того уникального сочетания культурных ценностей, особенностей поведения и экономического уклада, который отличает один народ от другого. Именно, благодаря огромному разнообразию природных условий на планете к настоящему времени мы имеем несколько тысяч неповторимых народностей с их уникальными языками, отражающими образы окружающего мира, традициями, промыслами, психологическими портретами, искусством, бытом и мирозерцанием. Простое сравнение даже традиционного облика эскимоса, индийца и пигмея показывает насколько человечество разнообразно в своём единстве.

Природные условия, существующие в последние 10 тысяч лет в Казахстане, также, как и некоторые их изменения, отложили свой отпечаток на формировании самобытности народов, населявших ранее и населяющих ныне бескрайние просторы этой прекрасной страны. Наиболее распространёнными типами зональных экосистем в Казахстане являются степные (включая сухие степи и полупустыни) и пустынные. Несмотря на то, что горы из-за особенностей климатических условий и вертикальной зональности являются сосредоточением большего разнообразия экосистем, на формирование облика народов в Казахстане в большей мере оказали степные экосистемы. В связи с этим, остановимся подробнее на роли степи в развитии культурных особенностей народов Казахстана.

Освоение человеком природной среды на территории современного Казахстана началось в конце четвертичного периода, когда по всей его территории широко распространились древние племена неолитической культуры. В это время человек занимался не только охотой и рыболовством, но и скотоводством. Остатки кремневых орудий были обнаружены на Мангышлаке, Устюрте, Кызылкумах, Бетпакдале и центральной части Казахского мелкосопочника. Широкое распространение древних сообществ человека было связано в первую очередь с необходимостью поиска новых пастбищ и кочевок со стадами для смены сезонных пастбищ. В течение голоцена в послеледниковое время (последние 10-12 тысяч лет) происходило и формирование современного фаунистического комплекса позвоночных животных, на которые уже значительное влияние стала оказывать и хозяйственная деятельность человека.

В голоценовых и различных по происхождению отложениях учеными были обнаружены захоронения останков лошади Пржевальского (*Equus przewalskii*), кулана (*Equus hemionus*), верблюда (*Camelus bactrianus ferus*), речного бобра (*Castor fiber*), желтой пеструшки (*Eolagurus luteus*), сайги (*Saiga tatarica*), джейрана (*Gazella subgutturosa*) и кости других млекопитающих, которые либо исчезли к настоящему времени (например, речной бобр) в Казахстане, либо внесены в Красную Книгу РК, как виды, находящиеся на грани исчезновения. Осталось также множество наскальных изображений яка, зубра (бизона), быка-тура, диких козлов, архаров, гепардов, дикого верблюда и других животных, игравших огромную роль в охотничьем промысле древнего человека. Такие наскальные рисунки часто датируются началом первого тысячелетия до нашей эры, хотя имеются данные о более ранних изображениях позднего палеолита (например, зубров).

Несомненно, исчезновение различных видов диких копытных произошло из-за истребления их человеком. На Устюрте и Мангышлаке остались древние многокилометровые каменные загоны, которые использовались древними охотниками для сгона,

концентрации и последующего добывания копытных (сайга, кулан, джейран и др.). Даже современных охотников поражают масштабы и технологии охоты древних людей. По оставшимся запискам английского купца и разведчика Энтони Дженкинсона (Anthony Jenkinson, 1529 – 1610), посетившего в 1558 – 1560 гг. Среднюю Азию и Казахстан, известно, что казахские охотники охотились с беркутами не только на относительно некрупных млекопитающих (лисы, волки, зайцы и др.), но и на тысячные табуны «диких лошадей». Информация охоты с беркутами на табуны «диких лошадей» сомнительна ввиду больших размеров взрослых особей этих копытных, но охота на жеребят была вполне возможна. «Дикими лошадьми», вероятно, могли быть вымершие ныне тарпаны, лошади Пржевальского или, скорее всего, истребленный к 1930-м годам человеком казахский подвид кулана *Equus hemionus finschi*. Это косвенно подтверждается сохранившимися многочисленными топонимами в Восточном Прикаспии, такими как Кулангурлан, Куланмурун (мыс на побережье Кара-Богазгола), а также топонимами в других частях Казахстан – Кулантюбе, Куланбасы, Кулан и др.

В середине 20 века в Казахстан на остров Барсакельмес в Аральском море был завезён чуждый для этой территории подвид туркменского кулана *Equus hemionus onager*, позднее в начале 1980-х годов этот подвид был размещён для дальнейшего расселения в долине реки Или (на территории современного биосферного резервата Алтын-Эмель), в восточной части Бетпакдалы и на полуострове Бузачи (Восточное побережье Каспийского моря). В конце 1980-х годов на побережье Каспия и в Бетпакдале туркменский кулан был уничтожен браконьерами, а в долине реки Или сохранился благодаря строгой охране. К 2018 году поголовье туркменского кулана здесь повысилось до 3 тысяч особей и первые несколько десятков особей этой популяции переселили в Бетпакдалу.

Лошадь Пржевальского была в Казахстане истреблена в 19 веке. В настоящее время в Алтын-Эмельском биосферном резервате предпринимаются попытки реакклиматизировать этот вид на основе привезённых в конце 20 века из европейских зоопарков 8 особей геллабрунской линии лошадей. К 2018 году в Алтын-Эмельском национальном природном парке (биосферный резерват ЮНЕСКО) насчитывается уже 20 голов лошадей.

Степной тарпан (*Equus gmelini gmelini*) обитал в степях левобережья р. Урал, но в середине 19 века был полностью истреблен человеком. В настоящее время учеными предлагается организация нескольких особо-охраняемых природных территорий в Западном Казахстане и интродукция туда близкого к степному тарпану вида лесного тарпана (Байтанаев, Серикбаева, Ташенов, Абаева, 2015).

Необходимо отметить, что формирование культурных традиций, экономического уклада, особенностей поведения народов, населявших и населяющих Казахстан в последние несколько тысяч лет, происходили и происходят под огромным влиянием окружающей природы.

История становления человеческих обществ на территории Казахстана тесно сплетена с жизнью степных экосистем, за счет которых народы, населявшие широкие степные просторы, решали и до сих пор решают свои жизненные проблемы. Наиболее важной из них является обеспечение человека пищевыми ресурсами. На раннем первобытном этапе своего развития человеческие сообщества обеспечивали себя пропитанием посредством присвоения готовых природных продуктов т.е. Сбором плодов, ягод, кореньев, ловли рыбы и охоты на зверей и птиц. Это спасало их от голода. Уже в Древнем мире, когда количество людей на планете едва достигло десятиmillionной отметки, люди в степи столкнулись с малопривлекательной проблемой – нехваткой даров природы для пропитания. По данным В.Г. Мордковича (1982) для удовлетворения суммарной годовой потребности в пище человечеству в это время необходимо было 0.9×10^{13} ккал из расчёта 2500 ккал в день на

одного человека. Вместе с тем, суммарный выход продукции биосферы составляет всего 0.9 x 10¹⁸ ккал включая и непригодную для питания растительную органику в виде древесины, корней, хвои и т.п. Проблему, тормозящую развитие человека нужно было срочно решать. В связи с этим древний человек изобрёл новый тип хозяйственной деятельности, который обеспечил его продуктами питания и который в настоящее время обозначается как агроценоз. Древний человек просто скопировал его со степных одновидовых злаковых природных экосистем, понимая, что многовидовые злаковые экосистемы и более устойчивые к направленному воздействию не подходят для хозяйственного использования.

Одними из первых земледельцев на степных просторах Евразии были скифские племена, это они первыми стали возделывать пшеницу, просо, ячмень и в дальнейшем рожь, которая встречалась в виде сорняка в озимых посевах пшеницы. С тех пор в течение нескольких тысяч лет человечество искусственно изменяло природные степные экосистемы в агроценозы почти полностью превратив их в агроландшафт. Завершение этой «цивилизационной миссии» произошло в 1960-ые годы, когда были почти полностью распаханы целинные земли в центре евразийского континента. Это позволило обеспечить пропитанием во второй половине прошлого века около 5 миллиардов человек. В настоящее время из степных экосистем движется практически постоянный поток вещества и энергии, который человек перегоняет в другие экосистемы планеты. Только с зерном из степных экосистем поступает ежегодно 8 миллионов тон азота и 160 миллионов тон углерода. Такой переход на продукцию полу-естественных агроценозов позволил обеспечить древние народы не только растительными белками, но и заложить основы животноводства, как отрасли древней экономики, где для производства одной калории животного происхождения требуется 7 калорий растительного вещества (Мордкович, 1982). В результате избыток прирученных степных лошадей привёл к созданию резерва мясных и молочных продуктов.

Огромные степные пространства диктовали необходимость иметь достаточно эффективные способы перемещения. В степи для выживания нужно было постоянно догонять или убежать. Даже неандертальский степной охотник во время охоты на крупных копытных нуждался в увеличении скорости своего перемещения. Ограниченность возможностей человеческого тела в скорости передвижения и выносливости при движении на дальние расстояния обусловило изобретение здесь транспортных средств и приручении лошади. Таким образом, степная цивилизация обогатила человечество изобретением конструкций для использования дополнительной тяговой силы, повышения скорости движения и перевозки тяжестей. Так в III-II тысячелетии до нашей эры в степи были выработаны приемы по тренировке лошадей для различных целей использования, а также придуманы колесо и телега. Колесо, видимо, было изобретено при созерцании движения по ветру растения «перекати-поле», оторванное от корней.

Степная зона Евразии всегда была ареной перемещения масс людей. По относительно узкому пространству с древнейших времен вплоть до настоящего времени с востока на запад и с запада на восток перемещались большие потоки людей, обеспечивая миграцию материальных и духовных ценностей. Здесь проходили древнейшие индо-иранские народы, сарматы, скифы, гунны, половцы и многие другие, включая и русских переселенцев со второй половины 19 века до середины 20 века (освоение целины).

Непрерывные перемещения кочевников вызывали многочисленные столкновения их с народами, населявшими соседние со степью ландшафтные зоны. Впитывая в себя достижения материальной и духовной культуры соседних народов, степные кочевники разносили их по всему свету. Так в скифских могильниках и захоронениях других кочевых народов археологи находят образцы искусства и быта древнего Египта, Греции, Рима, Ассирии, Китая и других стран мира. Степняки разносили по разным уголкам древних цивилизаций знания и умения изготавливать бронзу и затем железо, навыки гончарного

дела, резьбы по дереву, камнетёсное искусство и многое другое. Открытость и доступность степного ландшафта позволяло прокладывать здесь древние сухопутные торговые пути, а в последние полтора столетия строительство железнодорожного и автомобильного трансконтинентального сообщения. Примерами этого может служить, например, транссибирская магистраль, построенная во второй половине 19 века. Доступность степных экосистем позволило разработку и транспортировку огромного количества угля из Караганды, Экибастуза и Кузбасса.

Вместе с тем, такое интенсивное перемещение людских потоков обуславливало возникновение военных конфликтов. Это, с другой стороны, стимулировало развитие военного искусства степных народов. Так уже в 1 тысячелетии до нашей эры кочевые племена на степных просторах центральной части Евразии успешно стали использовать лошадей в военном деле. Скифы первыми научились стрелять из лука, сидя верхом на скачущем коне. Открытая степь с прекрасной видимостью на дальние расстояния позволяла проводить крупные военные операции, поднимая военное искусство степняков на недостижимый для других народов уровень. Образ жизни кочевника был одной из главных причин перемещения больших людских масс в степных экосистемах. Это вызывало довольно частое столкновение и конфликты между разными степными племенами и народами, что вызывало развитие у них воинственности и особых черт характера, присущих профессиональным воинам. Кроме того, вызванная климатическими условиями нестабильность продуктивности степных пастбищ и урожаев вынуждала кочевые племена к захвату чужих ресурсов на прилегающих и отдаленных территориях. Такие особенности функционирования степных экосистем вызывали исход огромного количества искусных воинов, прекрасно владевших приёмами конного боя, которые в дальнейшем оставались на захваченных территориях, основывали новые государства и ассимилировались с местным населением. Таким образом, «дети степей» вносили свой весомый вклад в формирование народов и культур далеких территорий таких, как Индостан, Иран, Передняя и Средняя Азия, Ближний Восток, Балканы и Европа. В результате происходил своеобразный перенос культурных и духовных ценностей, выработанных в условиях степных ландшафтов на другие территории.

Ландшафт является основой и побудительной силой для развития духовных скреп нации, а также формирует характерные поведенческие черты человека. Например, степные экосистемы, в которых родился и живет человек, вырабатывают у него особые черты характера, формируют свой самобытный психотип. Это, прежде всего, чувство открытого пространства (шири и дали), формирующего открытость характера и бесхитрость, стремительность, вольность, легкость на подъём, предусмотрительность, способность к принятию быстрых решений. Огромные степные пространства и просторы с небольшой концентрацией населения формировали и особый кодекс чести степняка, который был направлен на совместное выживание. Например, путнику, пришедшему в жилище степняка, всегда оказывался гостеприимный приём, даже если он относился к недружественным племенам. В тоже время, степные черты характера могли проявляться и в быстрой смене настроения, горячности, вспыльчивости, быстрой отходчивости и реактивности необдуманных действий. Например, знаменитые буйства и непоседливость казаков, а также их «мастерство всё разорять» (Ключевский, 1956) обусловлены частой и быстрой сменой погоды в степной зоне, когда в течение двух дней может выпасть и растаять снег, пройти дождь, обжечь солнце и обдуть всех обитателей степи ураганным ветром. Сама природа является основой для формирования изменчивых черт характера.

Совершенно противоположными к степным являются чертами характера «лесных» людей, сформированных в другой ландшафтно-природной зоне и выработанные в тяжелой борьбе за выживание в лесных экосистемах. Это замкнутость, склонность к одиночеству,

самопереживание, ожидание опасности с любой стороны (сверху, снизу, сбоку, сзади, из-за дерева и т.п.), угрюмость, немногословие, «привычка оглядываться назад», «жить задним умом», идти к цели окольными путями, индивидуализм, излишняя рассудительность и медлительность. Вместе с тем, воспитание и социальная среда способны изменить или подкорректировать «ландшафтно-природную» основу характера человека. Хотя учет имеющегося природно-генетического потенциала, особенно в раннем и молодом возрасте, когда проявляются эти природные «закладки» характера, позволит избежать ошибок в формировании личности человека. Это показывает огромную важность знания эколого-психологических основ формирования личности ребёнка, понимания воспитательного влияния природных экосистем на подрастающее поколение. Взаимодействия ребёнка с природными экосистемами при учете его генетической «закладки» характера и темперамента, приучает к вдумчивости, любознательности, жадности всё понять и объяснить, воспитывает живость ума и умение видеть, формирует навыки поиска ответов и способности делать самостоятельные выводы. Это происходит на основе возникновения положительных эмоций и чувств при общении с природой, которые необходимы для питания любознательности и интереса узнать новое. Напротив, дети, находящиеся исключительно в искусственных городских условиях, получают уже готовые и «организованные» ответы через городской информационный фон (телевидение, интернет, радио), в результате их воля и ум не получают достаточной эмоциональной закалки.

Ландшафтное, эколого-психологическое «образование», полученное в детстве и ставшее частью личности человека, влияет на всю его дальнейшую жизнь и судьбу. Например, среди русских классических писателей видно, что размеренное повествование Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и В.А. Солоухина показывает в них «лесное» происхождение, а искромётный А.С. Пушкин, эксцентричный Н.В. Гоголь, тонкий и эмоциональный М.Ю. Лермонтов, А.П. Чехов, И. Бабель – ярко выраженные «степняки». Из казахских современников яркая и мощная поэзия О.Сулейменова несёт в себе необузданность степной стихии, а легко читаемая проза М. Магауина и А. Алимжанова подобны горячему степному скакуну. Ученый, поэт и мыслитель Ч. Валиханов нередко отмечал в своих произведениях, что созерцание всегда открытого звездного неба и беспредельных зелёных степей является основой поэтического и умозрительного расположения духа степных народов.

Всякий ландшафт оставляет огромный след в персональных особенностях личностей людей, которые соприкоснулись с ним в детстве, молодости или зрелом возрасте. Даже исчезнувший природный ландшафт остаётся в памяти и продолжает поддерживать внутренний духовный мир человека. Он играет определяющую эмоциональную роль в воспитании чувства историзма и связи поколений, потому что с одной стороны он напоминает о делах предков и о славных или трагических событиях прошлого, а также предостерегает от забывчивости последующие поколения. В этом смысле очень важно сохранить в девственной чистоте основополагающий (коренной) природный ландшафт, необходимый для преемственности духовной жизни народа. Для сохранения культурных ценностей во благо будущих поколений необходимо обеспечить взаимовложенное сосуществование человека и его коренного (кровного, генетического, этнического) природного ландшафта. К сожалению, природные экосистемы степей подверглись огромному разрушительному влиянию со стороны современного человека. В настоящее время имеется лишь небольшое количество особо охраняемых природных территорий, где сохраняются эталонные участки степей по всей степной зоне континента. Это Центральный-Черноземный заповедник и Хомутовские степи в России, заповедник Аскания-Нова в Украине и отчасти Наузумский и Коргалжынский заповедники в Казахстане. Степи являются единственными зональными природными экосистемами на планете почти полностью уничтоженными человеком. Классик современной экологии Ю. Одум в своей

фундаментальной сводке «Экология» написал: «Было бы гораздо лучше, если бы человек понял, что существует некая желательная степень экологической зависимости, при которой он должен разделить мир со многими другими организмами, вместо того чтобы смотреть на каждый квадратный сантиметр как на возможный источник пищи или на место, на котором можно создать что-нибудь искусственное». Эти слова в полной мере относятся к степным экосистемам, которые на протяжении нескольких тысяч лет не только обеспечивают пищевыми ресурсами человечество, но и обуславливают формирование и сохранение особых культурных и духовных ценностей народов, населяющих эту природно- ландшафтную зону.

Вопросы к теме:

1. Что такое голоцен и каким образом человек оказал влияние на формирование современной фауны позвоночных животных Казахстана?
2. Расскажите о работах по реинтродукции кулана и лошади Пржевальского в Казахстане.
3. Что такое агроценоз, когда он возник и по каким причинам?
4. Что такое ландшафт, объясните каким образом он формирует характерные поведенческие черты человека?
5. Охарактеризуйте роль степных экосистем в истории человечества и почему степные экосистемы подверглись почти полному исчезновению?

Глоссарий

Агрландшафт – ландшафт, созданный человеком для производства сельскохозяйственной продукции.

Агроценоз – искусственно созданное и регулярно поддерживаемое человеком биотическое сообщество, обладающее высокой продуктивностью одного или нескольких видов растений или животных. Термин происходит от греческого *agros* – поле, сельская местность и *koinos* – общий.

Биосферный резерват – особо-охраняемая природная территория с прилегающей к ней переходной зоной, где протекает экологически дружелюбная хозяйственная деятельность местного населения, международно-признанная в рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) и направленная на достижение целей устойчивого развития региона. Биосферный резерват обеспечивает выполнение 3 основных функций (сохранение биологического и экосистемного разнообразия, социально-экономическое и культурное развитие, научно-образовательная деятельность) посредством надлежащего зонирования, включающего основную, буферную и транзитную зоны.

Голоцен – послеледниковая эпоха, современная геологическая эпоха, составляющая последний и ещё не закончившийся отрезок четвертичного (антропогенного) периода геологической истории Земли, в котором суша и моря приняли современное очертание, сложились современные географические зоны, сформировались пойменные террасы рек. Почти 2/3 голоцена приходится на историческое время. Начало голоцена совпадает с окончанием последнего материкового оледенения на севере Европы, за которое принято считать время отступ края ледника от конечных морен Салпаусселькя на юге Финляндии (10 тыс. лет назад). Термин происходит от греческого *holos* – весь и *kainos* – новый.

Ландшафт географический – 1) природно-территориальный комплекс, 2) территория однородная по происхождению и истории развития, обладающая единым геологическим фундаментом, однотипным рельефом, климатом, единообразным сочетанием почв, биогеоценозов и определённой структурой.

Степная экосистема – аридная или полуаридная экосистема с доминированием ксерофильных узколистных злаков (ковыли, овсецы, типчак), собранных в сомкнутый или почти сомкнутый травостой при отсутствии древесной растительности.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ГОРНЫХ РЕГИОНАХ

Географическое положение страны с характерной для нее вертикальной поясностью служит естественной основой для развития сельскохозяйственной специализации. Академик Н.И.Вавилов после неоднократных посещений горных районов Таджикистана назвал этот край одним из самых древнейших очагов земледелия. После очередной экспедиции по территории горных районов, излагая результаты своих научных выводов, он таким образом отзывается о культурной среде этого региона: «Нигде нет в мире такого богатства генами зерновых, бобовых как в горном Таджикистане и прилегающих к нему с юга районах Афганистана и северо-западной Индии». Н.И.Вавилов обратил внимание исследователей на неисчерпаемые богатства этого края и возможности их освоения для развития сельскохозяйственного производства. Сельскохозяйственный потенциал горных территорий будет зависеть больше всего от наличия соответствующих категорий земель и возможности возделывания на них продовольственных культур. Каждая категория земель может составлять самостоятельную единицу со своими условиями специализации, орошения, механизации обработки и особенностями размещения сельскохозяйственных культур.

Горно-предгорный рельеф с характерной для него вертикальной зональностью от сухих субтропиков до альпийских лугов служит естественной основой для развития многоотраслевой сельскохозяйственной специализации. Например, почвенно-климатические условия в предгорной части Северной зоны издавна позволяли сформировать там отрасль косточкового садоводства по выращиванию сахаристого абрикоса, отвечающего высшим стандартам консервной промышленности, а также стандартам внешних рынков.

Таджикистан типичная высокогорная страна. Территорию Таджикистана занимают высочайшие горные системы Центральной Азии – Памиро-Алая и Тянь-Шаня.

Горные районы, лежащие выше 600 м, составляют более 93% всей территории республики. Половина территории Таджикистана расположена на высоте более 3000 м.

С горным характером рельефа (орографии) связано образование многочисленных микрогеографических районов. В каждом природном районе представлены почти все ландшафтные зоны земного шара – от сухих субтропиков до вечных льдов и снегов. Население размещено по высотам, неравномерно (см. Таб. № 1).

Следует отметить, что около 22 % территории Таджикистана относятся к особо охраняемым (см. Таб. № 2).

Гористость территории Таджикистана определяется наличием таких природных богатств, как ледники, реки, большие запасы гидроэнергетических, минерально-сырьевых, рекреационных ресурсов, озера и т.д. Эти ресурсы создают огромные потенциальные возможности для развития не только гидроэнергетики и горнорудной промышленности, но и других видов хозяйственной деятельности, в том числе курортного хозяйства, туризма, альпинизма и для превращения этих сфер в значительный источник национального дохода. Анализ хозяйственного освоения горных регионов показывает, что наиболее доступным для первоочередного развития производительных сил является природно-ресурсное богатство предгорных, низкогорных и среднегорных высотных поясов.

Эффективное использование потенциала естественных ресурсов горных регионов Таджикистана в условиях переходной экономики требует новых методических подходов. В этой связи очень актуальными становятся задачи разумного использования этих ресурсов, рационального землепользования, регулирования речного стока и т.д. С другой

стороны, вопросы эффективного использования природных ресурсов непосредственно связаны с решением социально-экономических проблем горных районов и устойчивого развития в целом.

Суть правильных взаимоотношений заключается не в сокращении масштабов использования природных ресурсов, а в осуществлении рациональной политики природопользования, при котором общество ставит перед собой задачу с максимальной бережливостью относиться к природным ресурсам. Необходимо, во-первых, комплексно использовать все элементы добываемых ресурсов, снизить их потери при добыче и переработке, во-вторых, свести к минимуму производственные и бытовые отходы, предупреждая тем самым загрязнение окружающей среды.

На нынешнем этапе, с точки зрения устойчивости развития и экономической безопасности страны, большое значение имеет использование водных и трансформирующих на их базе гидроэнергетических ресурсов горных регионов.

Благоприятные сочетания орографии и климатических условий на горных территориях способствовали образованию здесь крупного современного оледенения, которое ныне рассматривается как резерв воды с естественным регулятором стока.

Перспективы экономического развития Таджикистана следует связывать в первую очередь с использованием ежегодно возобновляемых водных ресурсов, формирующихся на территории республики. А они составляют более 60% всех запасов воды региона. Однако состояние ирригационных сетей и технология орошения приводят к ее значительным потерям, ежегодный объем которых сопоставим с уменьшением объема стока реки Амударья, прогнозируемого к 2020- 2030 годам в результате сокращения оледенения Памиро-Алая. И это при том, в Центральной Азии водные ресурсы – ценнейшее сырье, использование или передача которого в другие страны должно возвращаться в республику в виде инвестиций, кредитов и т.д.

Одним из мощных стимулов развития страны может стать подключение к энергетическому рынку региона крупных ГЭС на р. Вахш (Рогунской, Сангтудинской). Одновременно с этим необходимо приступить к строительству малых ГЭС, что позволит развить инфраструктуру небольших предприятий, фермерских хозяйств, расположенных в отдельных горных районах, и в определенной степени сгладит социально-экономическое положение горных и долинных областей.

Технологическая политика освоения и развития горных районов должна основываться на современных экологических методах: безотходные технологии, разработка и использование минерально – сырьевых ресурсов, ввод в строй альтернативных источников энергоносителей, совершенствование и повышение эксплуатационной надежности автодорог и средств связи, рационализация архитектуры и строительства с учетом высотно – зонального разнообразия природных условий. Сегодня же все эти принципы горной технической политики в лучшем случае воплощены лишь в виде предложений, проектов, лабораторных разработок, отдельных опытных образцов, установок и конструкций.

С позиции устойчивого развития более важным представляется строительство и функционирование крупных и средних ГЭС с учетом направлений использования электроэнергии. Речь идет о таких вариантах, как экспорт электроэнергии, ее потребление в энергоемких производствах или эффективное использование биоклиматического потенциала и его дальнейшее наращивание.

В условиях Таджикистана дальнейшее сельскохозяйственное освоение территорий не представляется возможным без подъема воды на различные высоты. Последнее, в свою очередь, требует выделения электроэнергии для сельского хозяйства и населенных мест в больших масштабах. Постоянное электроснабжение сельских (и особенно

горных) территорий означает, что лесное и сельское хозяйство в своем развитии будут приобретать устойчивые черты, появятся новые зеленые ландшафты, не когда вырубленные леса и опустыненные горные склоны будут восстановлены. Такое энергоснабжение способствует существенному возрастанию продуктивности лесного и сельского хозяйства, наращиванию потенциала страны.

Определенную роль здесь может сыграть также повсеместное возведение микро- и малых ГЭС в горных ущельях. При всем том программа малых ГЭС выполняется очень медленно, хотя единичная стоимость их возведения относительно невелика и не превышает 500 тыс. долл. США.

Рассматривая кризисную экологическую ситуацию в Таджикистане и ее негативные последствия для других регионов, следует отметить, что горные экосистемы всей Центральной Азии нуждаются во внимании международных организаций и эффективной международной политике. Это не только вытекает из понимания того факта, что ухудшение экологической ситуации в горных территориях имеет негативные последствия, выходящие далеко за пределы национальных границ отдельных или группы стран. Необходимы разработки международных программ преодоления кризисных ситуаций в горных экосистемах, отсюда и необходимость концентрации усилий ученых разных стран в целях определения наиболее эффективных путей восстановления равновесия в природной среде гор. Таким образом, интересы преодоления кризисных ситуаций в горных районах требуют выделения одинаковых ресурсов не только из национальных источников, но и из международных.

Положительное влияние на экономическую безопасность может оказать эффективное использование рекреационных ресурсов. Согласно проведенным исследованиям в Центральной Азии территория Таджикистана обладает наибольшим рекреационным потенциалом. Около 10% территории Таджикистана оценивается как перспективная для рекреационного использования. Поэтому в стране все большее значение приобретает введение в экономический оборот мощных рекреационных ресурсов. Ограниченная возможность расширения сельскохозяйственной деятельности в горных районах Таджикистана, также может быть стимулом для занятия рекреационной деятельностью, чтобы решать проблему занятости.

В настоящее время после гражданской войны отдаленные горные районы находятся в крайне тяжелом положении из-за нехватки топлива и электроэнергии. Наиболее критическая ситуация сложилась в районах высокогорья Раштской, Зеравшанской зоны и ГБАО. Из-за нехватки бытового топлива идет массовое истребление лесов и кустарников. Здесь возможен только единственный выход из создавшегося положения – ускоренное развитие малой энергетики.

По прогнозам специалистов, в перспективе основная часть жителей сел горных районов будут заняты несельскохозяйственным трудом. В связи с этим развитие рекреации в горных регионах, где все более актуальной становится проблема занятости населения, может способствовать быстрому росту занятости сельских жителей, проживающих на территориях, не располагающих сельскохозяйственным потенциалом, но обладающих необходимыми природно-климатическими условиями для рекреационной деятельности. Наиболее благоприятны для лечебно-оздоровительного отдыха среднегорья с комфортным летом и мягкой зимой, а высокогорные районы являются перспективными для спортивно-оздоровительного отдыха. Например, в Варзобском и Рамитском ущельях быстрое развитие индустрии отдыха может обеспечить большую занятость трудоспособного населения и будет препятствовать его оттоку в другие районы. Однако этот вопрос должен быть проработан с точки зрения устойчивости и экологической эффективности.

Значительный интерес для экономической эффективности туризма и отдыха

населения представляет опыт зарубежных стран. Например, в США рекреационные земли, составляющие 5% от всей территории страны, дают доход в сумме около 40 млрд.долл. в год, в то время как доход от фермерских хозяйств страны с 48% площади сельхозугодий – лишь 14 млрд. долл. США.

Таблица 1 – Размещение населения горных районов Таджикистана по высотным поясам

Высотные зоны, м над уровнем моря	Площадь поясов, км ²		Число поселений		Численность населения		Показатель размещения и концентрации населения		
	Абсолют.	В% к итогу	Абсолют.	В% к итогу	Абсолют.	В% к итогу	Плотность (чел/км ²)	Людность с/х пунктов	Среднее расстояние между насел. пунктами, км.
От 500 до 1000	2221,32	6,6	198	23,9	148267	35,5	67,7	749	11,2
От 1000 до 1500	4709,06	14,0	243	29,3	135738	32,5	28,8	559	19,4
От 1500 до 2000	11556,4	34,4	300	36,2	111096	26,6	9,6	370	38,5
От 2000 до 3000	15071,76	45,0	88	10,6	22553	5,4	1,5	256	171,3
Всего	33558,54	100	829	100	417654	100	12,4	504	40,5

Примечание: Высоты более 3000 м не взяты, так как относятся к территориям с крайне редким населением.

В связи с этим развитие рекреационной деятельности в Таджикистане требует основательного изучения рекреационного потенциала всего природно- географического положения, системы расселения, характера связей с другими отраслями хозяйства, т.е. необходимо осуществление рекреационного районирования территории Таджикистана. Таким образом, горные регионы Таджикистана занимают весьма важную роль в системе экономической безопасности страны. Они могут внести огромный вклад в развитие и укрепление экономики республики при эффективном использовании ее природно-ресурсного потенциала. Это требует, прежде всего:

- с целью выхода из топливно-энергетического кризиса ускоренными темпами развивать строительство гидроэнергетических объектов в горных регионах;

- необходимо особое внимание в горных регионах уделить развитию микро- и малых ГЭС, а также эффективному использованию нетрадиционных источников энергии;

- для обеспечения продовольственной безопасности необходимо освоить земельный потенциал горных и предгорных зон с целью развития зерноводства и садово- виноградного комплекса;

- для укрепления экономического развития республики и обеспечения занятости населения в горных регионах целесообразно ускорить освоение рекреационных ресурсов.

Таблица 2 – Особо охраняемые территории Таджикистана

<i>Название охраняемых территорий</i>	<i>Площадь, га</i>
Заповедники	
«Тигровая балка»	49786
«Ромит»	16100
Даштиджумский	16000
Национальные парки	
Памирский	1,5 – 1600000
Ширкент	30000
Заказники	
Зоркульский	16500
Музкульский	68000
Памирский	500000
Сангворский	51000
Камароу	9000
Чилдухтаронский	12600
Каратауский	14200
Даштимайдонский	10100
Искадеркульский	18500
Сайвотинский	4100
Зеравшанский	5000
Кусавлисайский	20000
Акташский	15000
Сарихосорский	34000

Вопросы к теме

1. Какие ландшафтные зоны можно наблюдать в Таджикистане?
2. Почему Таджикистан древнейший очаг земледелия?
3. Каковы особенности орографии Таджикистана?
4. Какова ситуация в горных экосистемах и как преодолеть этот кризис?
5. Каковы возможности эффективного использования рекреационных ресурсов?

Глоссарий

Орография – раздел физической географии, изучающий рельеф земной поверхности, горы.

Рекреационные ресурсы – это совокупность природно-технических, природных, социально-экономических комплексов и их элементов, способствующих восстановлению и развитию духовных и физических сил человека, его трудоспособности.

Использованные источники

1. Проблемы Таджикистана. Т. 2. Л., АН СССР, 1934, с. 13.
2. Мухабатов Х.М. Природно-ресурсный потенциал горных регионов Таджикистана., М.: «Граница», 1999, -335с
3. Каюмов Н.К. Глобализация экономики и обеспечение продовольственной безопасности Таджикистана. Журн. «Экономика Таджикистана: стратегия развития». 2008, № 4, с. 30.
4. Умаров Х.У., Мухаббатов Х.М. Биоклиматический потенциал Таджикистана: проблемы сочетания устойчивости и эффективности в его использования. Журн. «Экономика Таджикистана: стратегия развития», 2005, № 3, с. 77.
5. Акбаров А.А. Архитектура горного Таджикистана. Минск. 2013. – 270 с.

СВЯЗЬ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Противоречия между природными экосистемами и деятельностью человека происходили во всех природных зонах нашей планеты на протяжении всей истории человечества, начиная от палеолита (собирательство пищевых ресурсов) и до сегодняшних дней (современная промышленность и сельское хозяйство).

Социальная эволюция подразумевала и технологическое развитие хозяйственной деятельности человека по обеспечению пропитания, которая началась с охоты и собирательства и к настоящему времени привела к биотехнологическим технологиям на молекулярном уровне. В древние времена, начиная от первобытнообщинного общества и до возникновения первых земледельческих технологий, собирательство обеспечивало в год от 0,4 до 20 кг продуктов питания с гектара территории в зависимости от продуктивности растительного покрова экосистем в различных природно-ландшафтных зонах (Одум, 1975). Охота во всех ландшафтных зонах Земли обеспечивала примерно 0,1-50 кг животного белка с гектара в год, в лесостепных и степных экосистемах умеренного пояса Евразии охотничья добыча составляла от 1 до 10 кг с гектара в год, хотя, например, в тропических саваннах Африки человек добывал до 250 кг мяса с одного гектара в год (Дажо, 1975). В связи с этим, древнейшие технологии добывания пищи такие, как собирательство и охота, обеспечивали человечество продуктами питания в размере примерно $0,2 \times 10^3 - 200 \times 10^3$ ккал с гектара в год, при том, что затраты на такое добывание продуктов питания отнимали примерно 10-20% энергии, которую древний человек в целом получал от полученного питания. Несмотря на то, что охота давала около 100×10^3 ккал/га животного белка для пропитания, переход к примитивному отгонному животноводству, впервые появившемуся в Евразийской степи несколько тысяч лет назад, повысил эту величину до $4000 \times 10^3 - 8000 \times 10^3$ ккал с гектара в год (Бертонкс, Радд, 1980) при издержках тратить почти половину этой энергии на содержание одомашненных животных. В дальнейшем развитие пастбищных технологий при повышении их продуктивности позволили увеличить объем получаемой энергии от продуктов животного происхождения до $15\ 000 \times 10^3$ ккал/га. В настоящее время в результате недавней зелёной революции в сельском хозяйстве инновационные откормочные технологии, подразумевающие искусственное выращивание человеком высокопродуктивные корма, позволяют увеличить энергоёмкость животных продуктов питания до более $25\ 000 \times 10^3$ ккал с гектара.

Известно, что человеческая культура включает в себя религию, философию, искусство управления государством, экономику, бизнес, литературу, науку, изящные искусства, этику, право и экономику, а также различные технологические знания, выраженные в технических сооружениях, искусственно созданных экологических средах. Из этих элементов человеческой культуры экономика традиционно включает сельское хозяйство, промышленность и энергетику. Хорошо известно также, что продуктивность сельскохозяйственного производства имеет некоторые ограничения, связанные с повышением его интенсивности и эффективностью. Чем больше человек получает продукции с гектара земли, тем эта продукция становится дороже по энергозатратам. Это подразумевает то, что существует особая точка (уровень развития) в производстве сельскохозяйственной продукции, когда затраты и прибыль уравниваются, а дальнейшие затраты на интенсификацию производства становятся невыгодными. В практическом применении это показывает то, что при использовании созданных к настоящему времени аграрных технологий, при постоянном росте

населения планеты и при исчерпании резервов земли пригодной для сельскохозяйственного производства, человечество может в недалёком будущем достигнуть естественного предела в производстве природных продуктов питания.

Подобная картина наблюдается и в отношении затрат на увеличение эффективности промышленности с одновременным повышением экологической чистоты производства. Иными словами, полная рекультивация нарушенных горными выработками земель или полная очистка заводских выбросов экономически невозможны из-за бесконечно возрастающей стоимости самой очистки и рекультивации. При современном уровне развития технологий промышленное производство всегда будет продолжать разрушать природную среду в той степени, которая необходима для получения минимальной прибыли.

В такой же ситуации находится и современная энергетика, при которой более безопасные для природы и человека источники энергии, например, солнечная, геотермальная, ветряная и др., оказываются и более дорогостоящими. В начале 21 века в рамках современной экономической парадигмы ещё не исчерпан резерв для повышения безвредности промышленного производства, но в ближайшие десятилетия эта точка развития экономики будет достигнута и при сохранении современных моделей экономики и уровня технологического развития промышленное и сельскохозяйственное производство будет и дальше отравлять биосферу нашей планеты. Это показывает то, что решение возникших в последние десятилетия острых экологических проблем посредством наращивания индустрии бесперспективно. Выходом из сложившейся кризисной ситуации является разработка чистых и безопасных для биосферы технологий производства на основе совершенно иных представлений. Для обеспечения такого прорыва роль фундаментальной науки является определяющей. Но кроме фундаментальной науки большая роль в преодолении современного комплексного (экологического, экономического, социального, нравственно-духовного, военно-политического) принадлежит выработке и принятию человечеством нового мировоззрения и праведной концепции управления всеми процессами, подвластными человеку. Такая концепция в настоящее время создается в рамках культуры русского мира и носит пока условное название концепция общественной безопасности (КОБ), информация (основополагающие книги) легкодоступна на многочисленных интернет-сайтах.

В рамках концепции общественной безопасности в настоящее время разрабатывается и концепция биосферно-ориентированной экономики, одним из элементов которой является концепция биосферно-ориентированной урбанизации, применимой для условий природно-ландшафтных зон умеренных широт, в которых находится Казахстан. Основная идея этой концепции направлена на обуздание тенденции тотальной урбанизации человечества и его дальнейшее расселение в небольшие поселки усадебного типа, учитывающие особенности прилегающих природных экосистем. Такие поселки имеют общую структуры в дизайне, учитывающие культурный код народов, проживающих в той или иной природной зоне, а также месторасположение в транзитной зоне биосферных резерватов ЮНЕСКО. Остановимся подробнее на этом вопросе.

Концепция биосферно-ориентированной урбанизации является наиболее эффективным подходом для разрешения кризиса, возникшего между биосферой и общей современной моделью социально-экономического развития на нашей планете. Основной целью такой концепции, которая разрабатывается в настоящее время в русскоязычной научной среде является «обеспечить в преемственности поколений воспроизводство биологически здорового населения, способного развивать культуру, при сохранении и развитии биоценозов в регионах, где должны быть организованы

инфраструктуры проживания и хозяйственной деятельности людей» (Мера в урбанистике, 2012). Вместе с тем существующая с начала 1970-х гг. Программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ ЮНЕСКО) также параллельно с этой концепцией развивает свои собственные подходы для установления сбалансированных взаимосвязей между человеком и биосферой через создание международно-признанной сети биосферных резерватов. Здесь накоплен уже громадный опыт международного сотрудничества в создании не только концепции биосферных резерватов, но и механизма принятия решений и экспертной оценки эффективности таких биосферных территорий, учитывающих национальные и региональные особенности социально-экономического развития и природоохранной политики. На наш взгляд совмещение этих двух концепций и накопленного в рамках ЮНЕСКО практического мирового опыта может дать весьма плодотворную общую концепцию по выходу современного человечества на новый уровень своего социально-экономического и духовного развития с учётом сохранения биосферы как основы своего биологического существования.

К началу 21 века более половины населения планеты стало проживать в городах, многие из которых стремительно в последние 30-40 лет превратились в крупные мегаполисы, причём в Азии этот процесс происходит намного быстрее, чем в других частях планеты. Ожидается, что при существующих темпах и подходах социально-экономического развития численность городского населения планеты к 2050 г. вырастет почти вдвое, достигнув 6 млрд чел. (UNFPA, 2007) с общими мировыми затратами к середине 21 века на развитие и эксплуатацию городской инфраструктуры более 350 трлн долларов США. Такой тип урбанизация подразумевает стремительный рост экономики (особенно промышленного производства), который ведёт к резкому увеличению нагрузки на окружающие экосистемы на местном и региональном уровнях и в конечном итоге обеспечит на глобальном уровне давление на биосферу планеты. Вместе с тем, по результатам научных исследований, хорошо известно, что в крупных мегаполисах становится невозможным воспроизводство здорового населения в связи с воздействием различных видов загрязнений на физиологическую и генетическую основу человека. Здесь в результате неестественной скученности людей в одном месте и снижения по сравнению с природной средой разнообразия геометрических форм с доминированием прямых линий происходит рост психических и эмоциональных отклонений, способствующих развитию агрессии и конфликтности среди людей. В целом это вызывает постепенное генетическое вырождение и высокую смертность населения, разрушение общества через индивидуализм и разрушение семьи, разрушение природы.

В мегаполисах, как правило, нарушается экологическое равновесие, которое в градостроительстве определяется как состояние природно-антропогенной среды, при которой обеспечивается её длительная устойчивость при обеспечении репродуктивности основных абиотических (воздух, вода) и биотических (почва, флора и фауны) элементов биосферы. *«Экологическое равновесие может быть достигнуто только на обширных территориях, поскольку плотно застроенный город не в состоянии обеспечить воспроизводство основных природных ресурсов. Охраняемые природные заповедники и лесные массивы, почво- и водо-охранные зоны создают не только для сохранения ценных ландшафтов, редких видов флоры и фауны. Они приобретают новую функцию - противовеса негативному воздействию индустриализации»* (Маслов, 2003). В теории градостроительства с учётом плотности населения рассматриваются три относительных уровня экологического равновесия:

1) *Полное экологическое равновесие* обеспечивает сбалансированное соотношение между природой, урбанизированной средой и техникой. Плотность населения в различных частях мира зависит от климатической, гидрологической

ситуации и богатства биоразнообразия. В умеренных широтах плотность населения здесь не превышает 60 человек на квадратный километр, причём леса должны занимать не менее 30% площади.

2) *Условное экологическое равновесие* - природные ресурсы естественно воспроизводятся не полностью, что характерно для урбанизированных территорий. Здесь плотность населения в умеренных широтах не превышает 100 человек на квадратный километр, лесами покрыто 20-30% территории.

3) *Относительное экологическое равновесие* - урбанизированная территория нагружена в допустимых пределах воздействия, но природное равновесие частично нарушается, поскольку экосистемы не могут полностью нейтрализовать загрязнение среды при сохранении устойчивости взаимодействия экосистемных элементов. Плотность населения допускается различными экспертами от 100 до 210 человек на квадратный километр.

Вместе с тем, современная практика градостроительства, направленная на развитие мегаполисов, не обеспечивает разрешение биосферно-социального кризиса, потому что плотность населения на единицу площади в современных городах далеко превосходит разумные пределы. Это стало возможным вследствие доминирования капиталистической модели экономического развития, где извлечение прибыли является основным смыслом и критерием эффективности экономической деятельности.

Альтернативой мегаполисной является биосферно-ориентированная (ландшафтно-усадебная) урбанизация, которая подразумевает обеспечение условий для раскрытия интеллектуально-творческого потенциала каждого человека на Земле, обеспечивает в преемственности поколений воспроизводство биологически здорового населения, способного развивать культуру, а также сохраняет и развивает биоценозы, в которые гармонично вписывается инфраструктура для проживания и хозяйственной деятельности людей (Мера в урбанистике, 2012).

Как для мегаполисной, так и для ландшафтно-усадебной урбанизации характерен общий список составных частей, образующих единую систему взаимосвязанных и взаимовложенных слоёв, формирующих единый образ. При цельном рассмотрении эти составные элементы выстраиваются в следующий набор масштабов:

Первый масштаб: дом для проживания семьи (его форма, размеры, этажность, материал и т.д.).

Второй масштаб: участок, на котором расположен дом (его форма, размеры, и т.д.).

Третий масштаб: район - совокупность участков, объединённых вместе в общий модуль.

Четвёртый масштаб: рисунок поселения, его план.

Пятый масштаб: группа поселений

Шестой масштаб: сеть поселений в границах государств и планеты в целом.

Нормальной представляется жизнь в поселении деревенского типа, которое сочетало бы в себе: с одной стороны, комфорт города, с другой стороны - доступность природы. Причём комфорт городской среды подразумевает: доступность образования; развитую экономическую инфраструктуру и широкий спектр социальных услуг; разнообразные возможности проведения свободного времени; доступность различных видов искусств; разнообразие общения с разными людьми. В тоже время сохраняется природная среда, которая обеспечивает физическое и ментальное здоровье людей. Доступность природы должна выражаться в том, чтобы: природная среда могла плодотворно воздействовать на здоровье людей, обеспечивая их чистым воздухом, чистой водой и продуктами питания; человек жил бы в среде, где постоянно находился в природном ландшафте, мог наблюдать и взаимодействовать с природными явлениями разного плана, т.е. жил и развивался в

естественной для вида среде; дети росли, воспринимая в своё мировоззрение образы природы и, самое главное, выстроенные причинно-следственные взаимоотношения природных явлений, что обеспечит адекватность и целостность их мировоззренческой мозаики; каждый мог уединиться, уйти на некоторое время в лес, поле, парк с тем, чтобы отключиться от общества, в спокойной среде осмыслить свои проблемы, планы на будущее.

Основным условием сохранения и развития биоценозов является наличие в регионе сети природных резерватов (национальные природные парки, заповедники и т.п.), в которых хозяйственная деятельность должна быть запрещена полностью, а режим туризма и отдыха в них должен быть согласован с режимом воспроизводства биологических видов. Назначение таких биологических резерватов - быть источником экспансии биологических видов в зоны, где хозяйственная деятельность и жизнь людей препятствует нормальному воспроизводству поколений биологических видов в биоценозах.

Проектирование населённых пунктов должно проводиться как ландшафтно-усадебное поселение. Основные требования к проектированию:

1) Участки не должны примыкать друг к другу, их должны разделять полосы нетронутой природы или искусственных насаждений шириной 10 - 20 метров, размер участка должен составлять от 0,25 до 0,40 га в зависимости от количества членов семьи (из расчета примерно 0,03-0,04 га на человека).

2) Периметр участков должен быть криволинейным т.к. природа не знает прямых углов и линий, криволинейный периметр участка психологически не создаёт барьера между человеком и природой.

3) В населённом пункте всё большей частью должно быть в пределах пешеходной доступности; основной внутриселковский транспорт - велосипеды и самокаты, велосипеды (средства борьбы с гиподинамией должны быть интегрированы в образ жизни населения).

Архитектура домов должна обеспечивать комфортную жизнь семьи нескольких поколений под одной крышей, а также возможность модернизации и расширения дома в расчёте на перспективу роста семьи. Только семья нескольких поколений способна дать полноценное воспитание детям и решить социальную проблему одинокой старости.

Общая площадь поселения должна быть рассчитана на 2500-3000 жителей, чтобы каждый человек мог лично быть знаком примерно с третьей частью от общего числа жителей. Остальные социальные связи будут обеспечиваться за счёт перекрёстных знакомств. Такое количество жителей поселения подразумевает примерно 250-300 участков при среднем количестве жителей на каждом участке 8-

9 человек. В результате итоговая плотность населения получается около 115 человек на квадратный километр, что почти в 2 раза выше, чем плотность, рекомендованная экологами в качестве оптимальной (60 чел./км²). Важным при проектировании поселения является условие, чтобы на путь от окраины посёлка до его центра затрачивалось не более 25-30 минут. Если средняя скорость движения пешехода составляет 3-5 км/ч, то оптимальный размер диаметра поселения находится в пределах 3-3,5 км, что составляет круг площадью около 1000-1500 Га (Мера в урбанистике, 2012).

План поселения и его структура должны содержать внутри себя алгоритм, предотвращающий непомерный рост собственных размеров и сохраняющий соотношение между местами жизнедеятельности человека и природы; чтобы не получалось так, что отдельно есть поселение и отдельно есть места для отдыха. Внутри поселения должны быть одновременно и места полноценного отдыха и работы. Природа должна быть полноценной составляющей поселения, быть его неотъемлемой частью.

Концепция биосферных резерватов успешно развивается в последние полвека в рамках программы ЮНЕСКО «Человек и Биосфера». Общей целью программы является гармонизация взаимоотношений между человеком и природой для преодоления противоречия между социально-экономическим развитием человечества и сохранением целостности природных комплексов. Основным подходом в достижении цели этой программы является развитие глобальной сети биосферных резерватов, которые включают в себя как территории с девственно чистой природой, так и места, используемые человеком для социально-экономической деятельности. Такое сочетание территорий в единый биосферный резерват достигается применением чёткого функционального зонирования.

Согласно Положению о Всемирной сети биосферных резерватов *биосферными резерватами* являются зоны наземных и прибрежных/морских экосистем (или сочетание таких экосистем), международно-признанные в рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ)

В рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) биосферные резерваты создаются в целях установления и демонстрации сбалансированных взаимосвязей между человеком и биосферой. Биосферные резерваты утверждаются Международным координационным советом Программы МАБ по заявке соответствующего государства. Биосферные резерваты, каждая из которых остается под исключительным суверенитетом того государства, в котором он расположен и таким образом находится только под государственной юрисдикцией, образуют Всемирную сеть.

Деятельность биосферных территорий должна сочетать в себе выполнение трех функций и должна быть направлена на то, чтобы сделать их показательными объектами для изучения и демонстрации подходов к сохранению среды и устойчивому развитию в региональном масштабе: 1) сохранение - вклад в сохранение ландшафтов, экосистем, видов и генетических разновидностей; 2) развитие - содействие экономическому и социальному развитию, устойчивому в социально - культурном и экологическом отношении; 3) научно-техническая - поддержка демонстрационных проектов, экологического образования и подготовки кадров в области окружающей среды, научных исследований и мониторинга, которые связаны с местными региональными, национальными и глобальными вопросами сохранения среды и устойчивого развития.

Общие критерии, которым должен отвечать объект, предлагаемый в качестве биосферной территории:

1. Он должен охватывать весь спектр экологических систем, являющихся репрезентативными для крупных биогеографических регионов, включая градацию вмешательства человека.

2. Он должен быть значительным с точки зрения сохранения биологического разнообразия.

3. Он должен обеспечивать возможности для изучения и демонстрации подходов к устойчивому развитию в региональном масштабе.

4. Он должен иметь достаточные размеры для выполнения всех трех функций биосферных территорий.

5. Он должен выполнять эти три функции посредством надлежащего зонирования, в котором выделяются: а) юридически установленная основная зона или зоны, предназначенные для долгосрочного сохранения среды в соответствии с природоохранными целями биосферной территории и имеющие достаточные размеры для достижения этих целей; б) четко обозначенная буферная зона и зоны, которые расположены вокруг основной зоны или зон или прилегают к ним и где может осуществляться только деятельность, совместимая с природоохранными целями. в) внешняя переходная зона, где поощряются и развиваются методы устойчивого рационального использования ресурсов.

6. Должны быть предусмотрены организационные меры для привлечения соответствующего круга партнеров, в частности государственных властей, местных общин и частных предпринимателей к определению и выполнению функций биосферной территории и обеспечения их участия в этом процессе.

7. Кроме того, должны быть предусмотрены: а) механизмы для управления жизнедеятельностью людей в буферной зоне или зонах; б) политика управления или менеджмент-план для объекта как биосферной территории; в) официальный орган или механизм, предназначенный для осуществления этой политики или плана; г) программы научных исследований, мониторинга, образования и подготовки кадров.

В целом видно, что концепция биосферно-ориентированной урбанизации и концепция биосферных резерватов ЮНЕСКО взаимно дополняют друг друга и могут на практике использовать общие достижения. Например, ландшафтно-усадебный тип поселения может быть с успехом применён при проектировании и развитии переходной (третьей) зоны биосферного резервата. Причем, существование в БР буферной и основной (коренной) зоны рядом с человеческими поселениями отлично вписывается в принципы биосферно-ориентированной урбанизации. На наш взгляд в настоящее время необходимо на базе этих двух независимых концепций создать единую концептуальную основу для развития социально-экономического развития человечества с учетом сохранения целостности биосферы, которая направлена на раскрытие интеллектуально-творческого потенциала каждого человека, на обеспечение в преемственности поколений воспроизводство биологически здорового населения, способного развивать культуру, а также на сохранение природных и развитие окультуренных биоценозов, в которые гармонично вписывается инфраструктура для проживания и хозяйственной деятельности людей.

Биосферно-ориентированное градостроительство с учётом достижений программы МАБ ЮНЕСКО - единственный путь выживания и развития, при котором возможно сохранить культурное и природное наследие человечества и передать эти ценности будущим поколениям. В Казахстане к 2018 г. уже существует 10 биосферных резерватов, имеющих международный статус и признанные ЮНЕСКО. Они являются своего рода точками роста для реализации концепции биосферно-ориентированной урбанизации в Республике Казахстан. Основную информацию по каждому биосферному резервату ЮНЕСКО в Казахстане, включая описание, карты, списки видов флоры и фауны, фотографии и видеосюжеты, можно найти на вебсайте Казахстанского национального комитета МАБ.

Вопросы к теме:

1 Охарактеризуйте технологическое развитие хозяйственной деятельности человека по обеспечению пропитания.

2 Какие существуют экономические ограничения в развитии современного сельского хозяйства, промышленности и энергетики?

3 В чём заключается опасность развития мегаполисов для человека?

4 Каковы основные идеи концепции биосферно-ориентированной урбанизации?

5 Каким образом программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера» преодолевает противоречия между социально-экономическим развитием человечества и сохранением целостности природных комплексов?

Глоссарий

Абиотический – фактор среды, обусловленный влиянием неживой природы (от греческого а – отрицательная частица и *biotikos* - жизненный).

Биосфера – область активной жизни организмов, охватывающая нижнюю часть атмосферы, гидросферу и верхнюю часть литосферы, которые взаимосвязаны сложными биогеохимическими процессами перераспределения энергии и вещества.

Биотический – фактор среды, обусловленный воздействием её живых компонентов.

Биоценоз – совокупность совместно обитающих растений, животных, микроорганизмов, населяющих однородный участок биосферы и характеризующихся определёнными отношениями как между собой, так и с абиотическими факторами среды. Термин происходит от греческого *bios* – жизнь и *koinos* – общий.

Заповедник – строго охраняемый обширный природный участок, практически не испытывающий воздействия окружающих ландшафтов, преобразованных человеком. Это наиболее строго охраняемая природная территория.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ – ПРИРОДНАЯ ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В Центральной Азии естественные экосистемы разрушены более чем на 90%. Критическая масса разрушенных экосистем, как и во всем мире, была перейдена во второй половине XX века, когда регион стал ареной интенсивного промышленного освоения и экстенсивного сельского хозяйства. С этого момента усилилась угроза сокращения горного оледенения, снижения водности горных рек, качественного и количественного обеднения природных экосистем. На фоне относительно стабильного уровня годовых осадков наблюдается сокращение горного оледенения и повышение среднегодовой температуры воздуха. Негативные тенденции связаны с потерей экосистемных основ существования жизни.

Экосистемы – основа жизни

Следует различать существование отдельных организмов, видов от функционирования сложных естественных сообществ – природных естественных экосистем, без которых не было бы ни видов, ни жизни. Совокупность таких экосистем называют дикой природой. К сожалению, человек, увлеченный своими «успехами» в покорении природы, привык относиться к ней пренебрежительно и даже враждебно. Но ничто, сотворенное человеком, не может заменить дикую природу, которая является источником и основой существования жизни на Земле, существования всех биологических видов, а также самого человека.

В каждой стране должен выполняться принцип Одума: не менее 80 % продуктивной территории (в Центральной Азии – ледников и снежников) должны быть заняты полноценными естественными экосистемами. Только при выполнении этого условия страна (или регион) может быть обеспечена условиями воспроизводства полноценной жизни и не будет обречена на деградацию.

К сожалению, реальные действия по сохранению и восстановлению природных экосистем в мире и в регионе Центральной Азии реализуются в ничтожных масштабах, если вообще реализуются.

Серьезной помехой в этом служит слабая информированность о состоянии и непонимание значения естественных экосистем, особенно на уровне принятия решений.

В широком употреблении «экосистему» понимают, как «местообитание», уравнивают природные и антропогенные экосистемы. Основой выделения различных экосистем обычно становятся геоботанические выделы, они же потом именуется экосистемами, когда к растениям добавляют животных. Такое понимание не позволяет найти адекватные подходы к оценке состояния и мерам по сохранению и восстановлению природных экосистем.

Природная экосистема имеет четкую определенную видовую иерархическую структуру: ядро и периферию ядра. В ядре два уровня: главный хищник (обычно среднего размера хищник) и основные прокормители (обычно в наземных экосистемах, среднего размера копытные). Периферию ядра составляют виды растений и животных, характерных для данного класса экосистем.

В границах экосистемного участка могут встречаться виды, размножающиеся популяции которых находятся в соседних экосистемах иного класса. Они называются «заходящими видами» и не являются обязательной частью данной экосистемы.

Природная экосистема должна занимать определенное пространство, необходимое и достаточное для обеспечения самовоспроизводства размножающихся популяций видов ядра и периферии ядра. Пространство отдельной экосистемы называется

индивидуальным экосистемным участком. Сумма индивидуальных участков образует ареал данного класса экосистемы.

У каждого класса экосистем свой размер индивидуального участка. На этом участке не может находиться никакая другая экосистема. Границы индивидуального экосистемного участка не всегда совпадают с границами растительных выделов. Например, индивидуальный участок лесной экосистемы может охватывать не только лесной массив, но и прилегающие части травяных экосистем, которые являются частью популяционного ареала лесного экосистемного вида.

Граница ареала индивидуального экосистемного участка определяется границей размножающейся популяции главного хищника. В случае потери такой популяции индивидуальный экосистемный участок переходит в состояние вырождения. Это происходит также при потере размножающихся популяций основных прокормителей и при существенном сокращении числа размножающихся популяций видов периферии ядра.

Обеднение структуры экосистемы, особенно ее ядра, приводит к ее вырождению, к неспособности полноценно воспроизводить жизнь на данном участке планеты.

Полноценное воспроизводство жизни и условий ее существования обеспечивается необходимым функциональным и видовым разнообразием полноценных естественных экосистем, занимающим не менее 80% продуктивного пространства земной поверхности.

Продуктивное пространство – поверхность планеты с пригодными для жизни физико-химическими условиями. Непригодны для жизни, для существования экосистем снежники, ледники, районы высокой вулканической активности, водоемы с высоким уровнем солености и т.п. К сожалению, в наше время значительная часть поверхности планеты подвергается чрезмерному антропогенному воздействию, сокращающему пространство полноценных естественных экосистем до уровня ниже допустимого.

Состояние природных экосистем Центральной Азии

На обширной территории Центральной Азии преобладают равнины с сухим резко континентальным климатом. Большую часть года здесь инсоляция преобладает над увлажнением. Суммарная солнечная радиация в год достигает 120- 160 ккал/кв.см.

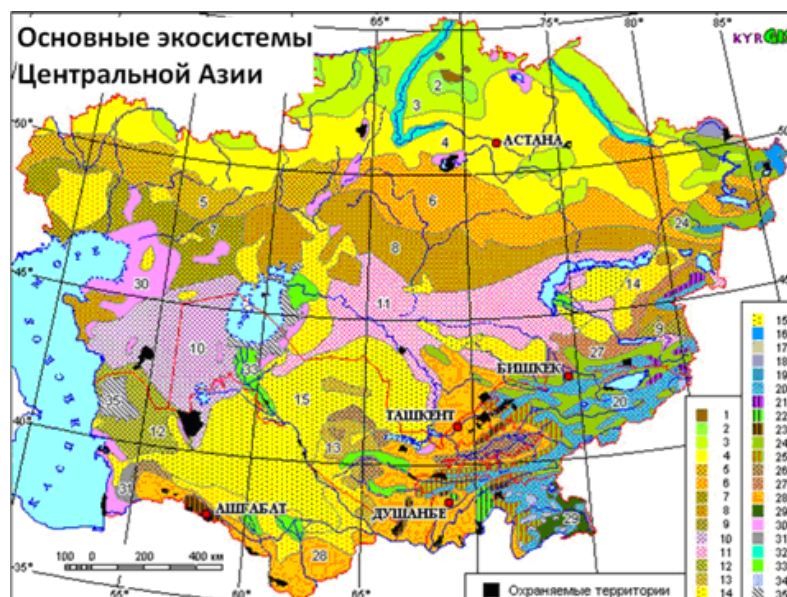

Рис. Экосистемы Центральной Азии. 1- леса, 2, 3, 4 – сельхозугодья, 5-9 – степи, 10-15 – пустыни, 19, 20 – высокогорные травяные, 24 – среднегорные травяные, 27 предгорные степи, 28 предгорные полупустынные.

Годовая сумма осадков на севере 200-300 мм, в южной части – 100-200 мм. Только в зимние месяцы (январь-март) величина осадков превышает сумму испаряемости. В южной части испаряемость круглый год выше уровня осадков, местами наблюдаются бесснежные зимы и отсутствие устойчивого снежного покрова.

На большей части территории речная сеть развита крайне слабо.

Центральная Азия расположена в центре Евразийского материка на большом удалении от океанов, являющихся основными источниками атмосферного увлажнения. Основная масса атмосферных осадков поступает из Атлантического океана, удаленного от региона на 1 тыс. км. Значительно меньше – из Северного Ледовитого океана, расположенного в 2 тыс. км. Это объясняется, в основном, преобладанием западных атмосферных потоков. Влага из Индийского океана, расположенного на расстоянии 1 тыс. км, не доходит до региона, осаждаясь на высоких хребтах Куэньлуня, Гиндукуша и др.

Избыток тепла и недостаточность увлажнения на большей части пространства региона приводят к преобладанию аридных территорий и крайне незначительному присутствию лесов. Человеческая деятельность существенно усугубила негативные стороны состояния природной среды. Так называемые культурные земли в принципе не в состоянии формировать устойчивую природную среду.

Рис. Соотношение площадей экосистем Центральной Азии.

На рис. и табл. 1 показано соотношение площадей экосистем региона, точнее принятое их распределение без внесения корректив согласно современному состоянию их структуры.

Таблица 1- Площади основных экосистем Центральной Азии

Группы экосистем	Площадь (тыс.кв.км)	% от площади региона
Леса	10	0,3
Степи	1100	30
Пустыни	1700	60,7
Пашня богарная	289	8,6
Оазисы	100	3
Высокогорные травяные	50	1,5
Среднегорные кустарники	40	1,1
Среднегорные травяные	60	1,4

Ядерные виды ключевых экосистем Центральной Азии (системообразующие виды)

А – главный хищник, **Б** – главные прокормители, **В** – популяции периферии ядра экосистемы

Равнинные

Лесные: **А** – волк или рысь, **Б** – косуля, лесные олени, кабан, **В** – лесные звери и птицы

Луга и Степи: **А** – волк, **Б** – копытные: джейран, сайгак, **В** – равнинные лугостепные звери и птицы, растительность

Пустыни: **А** – волк, корсак, **Б** – копытные: джейран, сайгак, **В** – пустынные звери и птицы, растительность

Пойменные леса: **А** – тигр, **Б** – копытные: кабан, олени (бухарский марал, косуля), **В** – пойменные звери и птицы, растительность

Горные

Лес: **А** – волк или рысь, **Б** – косуля, лесные олени, кабан, **В** – лесные звери и птицы

Луга и Степи: **А** – волк в среднегорье, барс в высокогорье, **Б** – копытные: горный козел и архар, (раньше были в среднегорье до середины прошлого века), **В** – горнолугостепные звери и птицы, растительность

Пустыни: **А** – корсак, **Б** – копытные: джейран, сайгак, **В** – пустынные звери и птицы, растительность. В высокогорье нет пустынных экосистем. Пустынные участки являются частью высокогорной травяной экосистемы вместе с высокогорными лугами и степями.

Практически на всей площади Центральной Азии нет равнинных лесных экосистем. В горах они резко сократились, занимая ныне менее 1 % продуктивной территории.

Не сохранились и пойменные равнинно-низкогорные лесные экосистемы.

Наибольшая по площади деградация естественных экосистем в равнинной части, где сохранилось менее 10% площади, занятой относительно полноценными травяными экосистемами.

В горах практически полностью перестали существовать среднегорные травяные естественные экосистемы, потерявшие виды ядра.

Та же участь постигла высокогорные травяные экосистемы, где резко сократились виды ядра и почти на всей площади нет размножающихся популяций главного хищника – барса и сильно сократились численность, стадность, размножение и места встреч его основных прокормителей (горных баранов и козлов).

Минимальная площадь индивидуального участка естественной экосистемы

Равнинные

Лесные 10 кв.км

Луга 100 кв.км

Степи 150 кв.км

Пустыни 200-300 кв.км Пойменные леса 50 кв.км

Горные

Лесные 5 кв.км

Луга, степи 100-150 кв.км Пустыни до 200 кв.км

При отсутствии достаточной площади не будет возможности полноценного воспроизводства всех видовых экосистемных популяций. Таким образом, экосистема придет к вырождению, что уже произошло со многими индивидуальными участками и целыми классами экосистем.

Следует сохранять не только площадь, достаточную для нормального воспроизводства естественной экосистемы, но и все свойственные ей видовые размножающиеся популяции, особенно популяции видов ядра экосистемы.

Между тем, в регионе в настоящее время это условие не соблюдается для подавляющего большинства естественных экосистем.

Для восстановления природных основ существования в Центральной Азии, в первую очередь, следует восстановить разнообразие и площадь естественных экосистем не менее, чем на 80 % продуктивной территории. Да, нужны политические и экономические преобразования. Но они сами по себе будут недостаточны для решения проблемы устойчивого развития региона без обеспечения природных основ.

Сколько было приложено усилий, чтобы повернуть сток северных рек в Центральную Азию. Даже если бы это было реализовано, то, несмотря на колоссальные затраты сил и средств, были бы решены узколокальные проблемы, а проблемы региона остались. Но если бы хоть часть этих усилий была затрачена на использование, активизацию внутреннего природного потенциала, то экологический, экономический, политический и социальный положительные эффекты имели бы на много порядков плодотворнее и долговременнее. А главное, они бы не потребовали столь больших затрат средств, времени и сил. Все это следствие пренебрежительного отношения к экологии и привычка решать все вопросы через политику и экономику, у которых при всем их могуществе достаточно узкие горизонты видения и способов решения проблем.

На западных границах региона есть огромный испаритель, ежегодно выдает в атмосферу около 20 куб.км влаги. Столько, сколько дают стоки горных рек Центральной Азии. И эта огромная масса воды проносится над регионом, над Азиатским материком, и выпадает осадками в Тихом океане! Но если на восточном побережье Каспия вырастить лесополосы, то они начнут осаждают дожди из каспийской влаги на территории региона. И это – самоподдерживающийся и саморасширяющийся проект, который может существенно улучшить экологическую ситуацию во всем регионе! Но это неинтересно ни политикам, ни экономистам.

И все же решать экологические проблемы экологическими мерами необходимо. Иначе никакие иные способы не уберегут регион от экологической катастрофы, которая уже на пороге.

Лесополосы должны соответствовать принципам устройства естественных экосистем и, в конечном счете, стать ими. Для этого их минимальные массивы должны быть не менее 5-10 кв.км и пригодными для заселения видами ядра и периферии ядра, с тем, чтобы, в конечном счете, лесополосы могли стать совокупностью индивидуальных участков лесных экосистем.

Эти достаточно крупные массивы с сомкнутыми кронами будут привлекать на себя и окружающую территорию дополнительные осадки. Такие лесные массивы на берегу водоема известный эколог В.Н.Горшков назвал биотическими насосами влаги. И их создание – один из лучших путей к устойчивому будущему Центральной Азии.

Основные выводы и задачи:

Все страны региона зависят друг от друга в обеспечении экологической стабильности. Это обстоятельство делает жизненно важной задачу продуктивного сотрудничества всех стран региона в выполнении основных задач улучшения экологической региональной ситуации. Основным приоритетом в обеспечении экологической стабильности является восстановление естественных экосистем более чем на половине территории региона.

Из региональных проблем развития гор можно выделить следующие:

1. Деграция водосборных территорий и дефицит воды
2. Проблемы нерационального водопользования
3. Вода и энергетические проблемы
4. Загрязнение поверхностных и подземных вод
5. Сокращение лесов
6. Проблемы особо охраняемых природных территорий
7. Горнодобывающая отрасль
8. Накопление отходов
9. Сельское хозяйство
10. Бедность

11. Несовершенство системы управления

12. Транспорт

Основная региональная проблема - отсутствие целостного подхода к решению экологических и социально-экономических проблем горных территорий, поставляющих пресную воду в регионе – Таджикистане и Кыргызстане, занимающих высокие горные системы Памиро-Алая и Тянь-Шаня.

Узбекистан, Казахстан, СУАР и Туркменистан являются странами, которые получают большую пользу от товаров и услуг гор. Эти страны пострадают, если водосборные бассейны истощатся. В будущем эта тенденция будет нарастать.

В связи с жарким и засушливым климатом Центральной Азии – большая часть сельского производства приходится на долинские районы. Орошаемое земледелие потребляет более 90% водных ресурсов. Потери в процессе орошения, по оценкам, достигают 40% и выше.

В интересах борьбы с практикой расточительства природных благ и ресурсов и с целью обеспечения доступа к национальному богатству всех слоев общества необходимо ввести платежи за использование природных ресурсов, основанные на учете их реальной стоимости (рентные платежи).

Учет экологических услуг горных территорий, оказываемых для развития экономики стран на равнине, при решении трансграничных вопросов должен быть положен в основу регионального сотрудничества, нацеленного на долговременное устойчивое развитие.

На всей территории Центральной Азии основной задачей должно стать восстановление естественных экосистем не менее, чем на половине продуктивной территории региона.

Другого пути в будущее нет.

Вопросы к теме:

1. Какая часть региона (страны) должна быть занята полноценными естественными экосистемами для обеспечения устойчивого развития?
2. Как устроены естественные экосистемы? Каковы их обязательные части?
3. Что такое индивидуальный участок экосистемы? Что определяет ее границы?
4. Какие основные экосистемы в Центральной Азии?
5. Какова одна из возможностей улучшить природную среду в регионе?
6. Чем определяется необходимость экосистемного подхода к решению региональных проблем?
7. Каковы основные проблемы и как их нужно решать?

Использованные источники

1. Одум Ю. Общая экология. М. Мир. 1975.
2. Гиляров А.М. Популяционная экология. М. Изд-во МГУ. 1990.
3. Шукуров Э.Дж. Основные природные экосистемы и региональная стратегия устойчивого развития горных территорий Центральной Азии. Оценка снежно- ледовых и водных ресурсов в Азии. Алматы, 2006
4. Горшков В. Г., К.Н. Карибаева, Б. К. Есенин, Л. Я. Курочкина, К. С. Лосев, А. М. Макарьева, Э.Д. Шукуров. Научные основы стратегических направлений природоохранной политики. // Экология и образование 2004 №1-2
5. Шукуров Э.Дж. Природные основы устойчивого развития. Бишкек, 2009. 172 с.
6. Шукуров Э.Дж. Основные природные экосистемы и региональная стратегия устойчивого развития горных территорий Центральной Азии. Оценка снежно- ледовых и водных ресурсов в Азии. Алматы, 2006.

Шукуров Э.

КОМПЛЕКСНАЯ ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИИ В ЦЕЛЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОБОСНОВАННОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Важнейшей составной частью стратегии устойчивого человеческого развития, которая была принята на общенациональном форуме 28 мая 1997 года, является сохранение природного потенциала, биологического разнообразия. До последнего времени в структуре принятия решений, имеющих серьезные последствия для природного окружения, практически отсутствовала экологическая составляющая. Среди причин такого положения, кроме пресловутого «принципа» остаточного финансирования на природоохранные мероприятия, следует указать неразработанность критериев и предпочтений, основанных на анализе долговременных последствий для смежных сфер, на оценке устойчивости конкретных экосистем к тем или иным воздействиям.

Каждая территория имеет свои ресурсы: природные, производственные и людские. И любая экономическая деятельность их использует. Но в одном случае кратковременный экономический эффект (если он вообще имеется) достигается за счет их истощения, а в другом экономика гармонично «вписывается» в природно-социальные особенности территории, содействуя его процветанию.

За долгие десятилетия господства политико-экономического подхода в стране не удалось создать жизнеспособные структуры, основывающиеся на инициативе и самостоятельности. Поэтому распад командно-административной системы и союзного государства разрушил необходимые хозяйственные связи. Отток населения из многих районов, пораженных тяжелым экономическим кризисом, создает новые проблемы. Интенсивно вырубаются древесные насаждения, растет число пожаров, в том числе и лесных. Резкое сокращение поголовья скота и его перераспределение среди мелких собственников расстроили прежнюю систему животноводства и обусловили массовый переход к интенсивному пастушеству, приводящему к деградации земли в непосредственной близости от населенных пунктов. Большие трудности в сфере занятости, образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения, коммунальных служб, транспорта, связи и т.п. снижают уровень жизни населения.

Попытки решать эти вопросы по отдельности вряд ли приведут к надежным результатам - ведь все они связаны друг с другом неразрывно. Страна располагает богатыми людскими, природными ресурсами и исходным экономическим потенциалом. Это система образования, грамотное население, высококвалифицированные специалисты практически во всех современных областях деятельности. Это существующие элементы инфраструктуры и производственных мощностей. Освоенные земли, породы скота и сорта растений. Это богатейший рекреационный материал, древняя история, самобытная культура. Это неповторимые горные ландшафты, птицы и цветы, ледники и водопады, озера и леса, чистые воды и живительный горный воздух. Это уголки первозданной природы и экологически чистая продукция. (1)

Принцип биосферного самообеспечения каждой страны означает воспроизводство коренных условий собственного существования за счет функционирования местных экосистем. Страна, неспособная к такому самообеспечению, должна компенсировать другим странам дополнительную нагрузку на их экосистемы. В целом такой подход означает необходимость учета при использовании любой территории ее природных особенностей.

Способом изменения ситуации в любом регионе является определенным образом ориентированная человеческая деятельность, которая проявляется в конкретном виде

использования территории. На одной и той же площади не могут быть реализованы одновременно виды деятельности (пользования), эксплуатирующие или обесценивающие имеющийся на ней ресурс, по которому они находятся во взаимоисключающей конкуренции. Возникающая проблема выбора может быть рационально решена лишь на основе научного анализа всей совокупности ресурсов, взаимодействий и последствий. (2)

Территория Кыргызстана в высокой степени неоднородна с точки зрения размещения природных условий, населения и т.п., а также по резистентности к различному виду использованию. Указанные обстоятельства должны быть учтены путем расчленения территории на относительно однородные участки, которые можно назвать комплексными выделами. Для каждого типа (класса, рода, вида) выдела определяется свой набор возможных направлений использования, соответствующий его особенностям. В итоге будет представлена основа для принятия решений, учитывающих как социально-экономические, так и экологические приоритеты, и, следовательно, соответствующих целям устойчивого развития. (3)

Трудность заключается в нахождении единого основания и следовании ему при членении территории, а также недостаточной полноте данных для принятия конкретных решений в каждом конкретном месте. Тем не менее существующий уровень знаний позволяет получить необходимую основу в первом приближении и виде, достаточно надежном для применения при определении рамок возможного использования конкретного выдела.

Предлагается в основание членения, в соответствии с его задачами, положить сочетание естественных и антропогенных процессов и состояний. Тогда все выделы уложатся в шкалу между совершенно нетронутыми, полностью сохранившимися «дикий» тип самовоспроизводства экосистемами и полностью созданными человеком и неспособными к самовозобновлению. Если условно оценить «естественность» и «искусственность» каждую от 0 до 10 баллов, то можно выстроить встречные тренды возрастания-убывания этих признаков. Их сочетание дает исчерпывающий ряд возможных балльных оценок выдела.

«Естественность»
10 9 8 7 6 5 4 3 2 1 0
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
«Искусственность»

В итоге мы имеем комплексные выделы с баллами «естественность»/«искусственность»: 10/0, 9/1, 8/2, 7/3, 6/4, 5/5, 4/6, 3/7, 2/8, 1/9, 0/10 - всего 11 типов. Таким образом, задача сводится к характеристике каждого из 11 типов выделов и их идентификации на местности. Следует заметить, что предложенный метод применим не только к территории Кыргызстана, но и к любой другой. Он позволяет отнести каждый относительно однородный выдел к вполне определенной категории, что предполагает при необходимости объективно сравнивать различные территории на едином основании. Он также позволяет применение геоинформационных технологий для поддержки принятия решений.

На Земле не сохранились в строгом смысле нетронутые экосистемы. Глобальное загрязнение атмосферы и вод принуждает выделять таковые с известной долей условности: по минимуму местного антропогенного воздействия, которым, в принципе, можно пренебречь в рамках нашей задачи.

Можно выделить *четыре* группы выделов. В *первую* входят экосистемы, сохранившие «дикий» тип воспроизводства, саморегуляцию за счет внутренних связей. Именно они обеспечивают экологическую устойчивость страны в целом. *Вторая* - переходная - группа включает сильно измененные человеком естественные экосистемы,

но сохранившие заметные элементы дикой природы, или в основных чертах воспроизводящие естественные природные циклы. К *третьей* группе относят антропогенные экосистемы, облик которых полностью зависит от человека. И, наконец, *четвертая* группа объединяет земли, обесцененные как для дикой природы, так и для человека.

Внутри этих групп образуется пространство принятия решений применительно к конкретным особенностям и назначению выдела. Решения принимаются для видов и объемов деятельности и пользования, причем каждый из них должен быть сопоставлен не только со спецификой выдела, но и с другими видами деятельности, которые осуществляются или будут осуществляться в данном выделе. В качестве первого этапа анализа проводится *матричный анализ конфликта интересов* для каждого типа выдела, на основании которых выявляются и оцениваются приемлемые и неприемлемые виды использования.

Дальнейший анализ может опираться на сопоставление экономических и экологических эффектов (кратко- и долгосрочных), материальных (вещественных), энергетических и информационных потоков, на системность воздействий и объектов. Наиболее полный анализ обеспечивается применением идеологии геоинформационных систем (ГИС), позволяющих учитывать реальное взаимодействие многих факторов и оперировать большим разнообразием параметров в различных временных и пространственных масштабах.

В Кыргызстане проведено тематическое картографирование в масштабе 1: 500 000, что является достаточным фундаментом для начальных этапов оценки. До этого был подготовлен географический атлас, отражающий пространственную неоднородность распределения природных условий и объектов. К сожалению, нет подобной картографической основы по населению и экономике. Они в настоящее время стремительно меняются, и тем не менее, возможно отображение наиболее значимых и сравнительно стабильных показателей. Этот пробел отчасти можно восполнить по издающимся статистическим отчетам. Вся указанная информация, без должной оценки, сопоставления, интерпретации и анализа некондиционна для целей предполагаемой оценки. Необходима специальная тематическая карта, выделы которой отражают неоднородность территории по отношению к целям ее использования в режиме устойчивого (т.е. экологически обоснованного) социально-экономического развития.

Биосферная характеристика выдела должна включать природную и антропологическую составляющие. В качестве природной составляющей важнейшим свойством является способность к самовозобновлению, которая зависит от ненарушенности и резистентности экосистем. Совершенно очевидно, что ненарушенные слаборезистентные экосистемы сохраняют способность к самовоспроизводству лучше, чем сильно нарушенные резистентные. Между ними лежат все промежуточные варианты.

С другой стороны, постоянство облика антропогенных экосистем затушевывает их неустойчивый с экологической (биосферной) точки зрения характер. Это постоянство полностью зависит от вмешательства человека, и такие системы возвращаются к естественным исходным формам или же превращаются в полностью обесцененные в случае прекращения человеческой поддерживающей деятельности. Задача устойчивого пользования заключается не в замещении антропогенных систем естественными, а в приведение их в соответствие с биосферными процессами.

Для удобства пользования вместо числовых балльных характеристик соотношений «естественности» - «искусственности» выделов, приведенных выше, можно предложить их условные названия.

Обобщенные комплексные выделы Группа ненарушенных экосистем

1. Ненарушенные нетронутые
2. Ненарушенные естественные

3. Ненарушенные со слабым использованием

Переходная группа

4. Слабонарушенные со слабым экстенсивным использованием

5. Слабонарушенные с сильным экстенсивным использованием Группа антропогенных экосистем

Подгруппа аграрных

6. Экстенсивно-интенсивно используемые

7. Слабо интенсивно используемые

8. Сильно интенсивно используемые Подгруппа урбанизированных экосистем

9. Слабо урбанизированные

10. Сильно урбанизированные Группа бедлендов

11. Бедленды и сильно нарушенные земли

Необходимо подчеркнуть, что основанием выделов не могут быть сами по себе ландшафты, растительность, животный мир, оро- и гидрография, климат, население, пользование, промышленность, сельское хозяйство и т.д. Все они учитываются при установлении объема и локализации выдела, но только с точки зрения основания: *способности к естественному воспроизводству и степени антропогенного воздействия (антропогенно обусловленного облика)*

Каждый из указанных выделов должен быть охарактеризован по следующей рубрикации:

1. Общая характеристика

2. Геология. геоморфология и т.п.

3. Климат

4. Вода

5. Почва

6. Растительность

7. Животный мир

8. Население

9. Производство

9.1. Сельское хозяйство

9.1.1. Животноводство

9.1.2. Растениеводство

9.2. Промышленность

9.2.1. горная, добывающая

9.2.2. перерабатывающая и т.д.

10. Населенные пункты

11. Инфраструктура: транспорт и т.п.

Детали характеристик выделов должны уточняться в объемах, необходимых для научного обоснования конкретных решений в целях устойчивого развития. По некоторым характеристикам смежные выделы могут не различаться (климат, к примеру), но вся совокупность описания дает обобщенный “портрет” выдела и одновременно основу для оценки значения для всей территории, возможных направлений использования.

Различные виды человеческой деятельности по-разному сказываются на состоянии окружающей среды. Обычно мы различаем виды деятельности по продукту, который представляет для нас интерес, но почти никогда не принимаем во внимание неизбежно сопутствующие процессу получения и потребления (использования) этого продукта воздействия и вещества, небезразличные для окружающей среды и для здоровья человека.

Представляемый анализ, насколько это возможно, опирается на учет такого рода воздействий. В зависимости от конкретной экосистемы (ее типа) они будут иметь разный эффект. Экосистема может быть устойчива, *резистентна* к одним воздействиям и весьма чувствительна к другим. В условиях горной страны резистентность экосистем в целом снижается по мере повышения местности и крутизны склонов. Как мы уже подчеркивали, особая ранимость горных сообществ обусловлена наряду с другими причинами тем, что энергия существования (энергия, вынужденно затрачиваемая на преодоление силы тяжести, добавляется к базовой) их заметно выше аналогичных равнинных. Они и без антропогенного пресса находятся на грани возможного.

С другой стороны, на одной и той же площади не всегда возможны, совместимы различные виды использования. Степень их совместимости, *толерантности*, зависит не только от них самих по себе, но и от особенностей выдела. Они могут приводить к *кумулятивному эффекту*, или накоплению и сложению воздействий. Порог различных воздействий могут быть ниже уровня резистентности, но вместе они могут превысить этот уровень.

Таким образом, при анализе воздействий (деятельности, использования) необходимо учитывать:

1. Обобщенный тип выдела, его назначение и положение в системе выделов, его *экологический статус*.
2. *Резистентность* экосистемы, ее устойчивость к тому или иному воздействию.
3. *Толерантность* различных видов деятельности, их совместимость друг с другом конкретном времени и месте.
4. *Кумулятивный эффект* наложение эффектов, способное превысить уровень резистентности выдела (экосистемы).

Полный анализ должен учитывать множество факторов и параметров, поэтому адекватным методом может служить анализ в режиме геоинформационных систем. В первом приближении наиболее адекватен метод матричного анализа конфликтов интересов. Продукт, появляющийся на выходе, обладает тем достоинством, что он доступен пользователю, не обладающему специальными знаниями в области экологии, и всегда может быть проверен экспертами на обоснованность, а также дополнен, углублен и детализирован по мере необходимости. Пользователь избавлен от необходимости каждый раз проводить анализ с привлечением специалистов для определения направления использования территории или выявления предпочтений.

Таблица 1. Совместимость различных способов использования территории

	Использование территории	Использование территории											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Природоохранное	0											
2	Научно-исследовательское	0	0										
3	Рекреационное	2	0	0									
4	Охрана памятников истории	0	0	1	0								
5	Охота, собирательство	1	1	1	1	0							
6	Свалки, хвостохранилища	3	0	3	3	3	0						
7	Промышленность	3	1	3	3	3	2	0					
8	Транспорт	3	1	2	2	2	2	1	0				
9	Рудники и шахты	3	1	3	3	3	1	1	1	0			
10	Выпас	2	0	1	1	1	3	3	2	3	0		
11	Земледелие	2	0	1	2	2	3	3	2	3	3	0	
12	Населенные пункты	3	1	2	2	3	3	2	1	2	3	3	0

Одна и та же поверхность суши (или акватории) может быть использована по-разному. Это зависит как от объективных свойств поверхности, так и от намерений человека. Несовместимость различных видов использования (предназначения) определяется как *конфликт интересов*. Он может быть оценен в баллах: отсутствие

- 0, слабый - 1, умеренный - 2, сильный - 3. Выше приведен пример матрицы, применимый для всей страны. Конкретные виды пользования могут сильно варьировать и это можно учитывать, расширяя матрицу, вводя более детальное рассмотрение как по выделам, так и по пользованию.

Для каждого выдела рассматриваются две матрицы. Первая включает попарное сопоставление тех видов деятельности, которые осуществляются в настоящее время. Вторая определяет рекомендуемые виды (или их модификации), соответствующие долгосрочной социально-экономической и экологической перспективе.

На основании матричного анализа, учитывающего как природные, так и социально-экологические особенности и назначение каждого конкретного выдела, образуются четыре группы.

В первую группу выделов попадают высокогорья, включая вечные ледники, безжизненные щебнистые и скальные пространства субнivalного пояса, малопосещаемые участки альпийских и субальпийских травяных сообществ, горные леса, заповедные территории и наиболее сохранные охотничьи заказники. Вторая группа выделов представляет обширные площади горных пастбищ, участки пустынь, сенокосных угодий. В третью группу включаются преимущественно пахотные земли (подгруппа аграрных выделов) и населенные пункты, промышленные объекты (подгруппа урбанизированных выделов). В четвертой группе - сильно нарушенные и обесцененные земли, отвалы, хвостохранилища, свалки и т.п., а также отдельные участки естественных бедлендов на четвертичных отложениях.

Представляется наиболее целесообразным придерживаться двух стратегий использования земель: стратегии поляризованной биосферы (4) и стратегии восстановления. Первая предполагает разделение зон интенсивного использования и зон естественной природной среды, разведение их по функциональным полюсам при достаточно четком разграничении. Вторая допускает последовательное восстановление естественных экосистем в зонах относительно свободных от антропогенного воздействия и создание условий для воспроизводства благоприятной среды во всех выделах. Эта идеология проводится при создании биосферных резерватов, но может быть взята как исходный принцип принятия решений для любой территории.

Картографическое отражение выделов должно стать основой зонирования (районирования) в целях устойчивого развития. Зоны различных приоритетов от полного заповедания (зоны покоя) через ограниченное использование (зоны экстенсивного использования) до полностью преобразованного антропогенного ландшафта (зоны интенсивного использования) образуют весь спектр возможного взаимодействия с природной и техногенной средой. В особую категорию выделяются участки, подлежащие рекультивации. Этим четырем типам зон соответствует четыре группы выделов, что упрощает задачу зонирования (см. также 5)

Как всякое живое развивающееся образование, территория страны должна быть определенным образом структурированной. Она должна быть открытой системой (согласно законам Вернадского-Бауэра), повышать уровень своей организации и находиться в интенсивном взаимодействии со своей средой, сохраняя состояние устойчивой неравновесности. Природа и общество должны стать взаимодополняющими подсистемами общей объемлющей системы. Внутри нее должен быть достигнут новый уровень обмена веществом, энергией и информацией, обеспечивающий динамическое

равновесие системы в целом, способность ее к самовоспроизводству и поддержанию благоприятных условий окружающей среды. Кыргызстан пока еще сохранил естественно-природный потенциал, на основе которого может быть достигнуто оптимальное природное и социально-экономическое единство.

Высокая степень неоднородности территории создает естественную основу для разнопланового ее использования. В каждом конкретном случае предпочтение должно отдаваться тому варианту, при котором наибольший социально-экономический эффект достигается при наименьшем экологическом ущербе. Виды деятельности (использования), несовместимые с целями устойчивого развития, должны быть исключены полностью.

Метод комплексной интегральной оценки, особенно в сочетании с возможностями ГИС, позволит избежать произвольного использования территории, т.е. такого ее использования, которое в конечном счете может подорвать природный, экономический и социальный потенциал. Метод максимально учитывает всю наличную информацию о территории, которая имеет функциональное значение. Тем самым открывается возможность более полного, рационального, неистощительного использования всей совокупности ресурсов в целях социально-экономического развития.

Использованные источники

1. Абылгазиев Б. Водные ресурсы Киргизии, их охрана. Фрунзе: Илим, 1975. - 107 с.
2. Алтымышев А.А. Природные лечебные средства. - Фрунзе: Кыргызстан, 1990. -352 с.
3. Атлас Киргизской ССР. - Т.1/Природные условия и ресурсы. - М.: ГУГК, 1987. Биологические ресурсы Кыргызстана. - Бишкек, 1992. - 148 с.
4. Выходцев И.В. Растительность Тянь-Шане-Алтайского горного сооружения. - Фрунзе: Илим, 1976.
5. Ган П.А. Леса Киргизии/ Леса СССР. -Т.V.М.: Наука, 1970.
6. Головкова А.Г. Растительность Киргизии. - Фрунзе, Илим, 1990. - 444 с. Диких А.Н. Режим современного оледенения Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1982. - 159 с.
7. Природа Киргизии. - Фрунзе: Киргосиздат, 1962. - 299 с.
8. Продуктивность высокогорных экосистем Тянь-Шаня. - Бишкек: Илим, 1991. - 216 с.
9. Шукуров Э.Дж. Природная и антропогенная среда Кыргызстана. Бишкек: Илим, 1991. - 125 с.
10. Идеологию геоинформационного подхода к созданию автоматизированной системы поддержки принятия решений (АСППР) уже в 1989 г. применила группа в составе: Э. Шукуров, Э. Алымкулов, К. Чевелев, Н. Белотелов при создании компьютерной версии АСППР для Иссык-Кульской котловины.
11. Принцип определения выделов по единому основанию, специфическому для целей устойчивого развития, применила группа, разработавшая в 1996 г. научные основы Биосферой территории Тенир-Тоо: Э. Шукуров, С. Рыспеков, М. Суюнбаев, И. Тонкой, Р. Ионов, Ю. Тарбинский, В. Романовский, В. Перфильев, Э. Бекташев, М. Юнусалиев.
12. Родоман Б.Б. Поляризация ландшафта как средство сохранения биосферы и рекреационных ресурсов/ Ресурсы, среда, расселение. М. -1974. - с. 150-162.
13. Bridgewater P. and al. Biosphere Reserves and the IUCN System of Protected Area Management Categories. - Canberra, 1996. - 24 p.

Экономическое развитие и экологические проблемы

1. Экология и эффективность природопользования. Экологическое мышление

Одним из главных путей стабилизации экологической ситуации в Таджикистане является развитие экологического мышления у населения. К сожалению, уровень экологической культуры населения относительно невысок. Проявляется это в поведении, как должностных лиц, так и отдельных граждан: допускаются залповые сбросы токсичных стоков в водоемы, предприятия размещаются без учета требований охраны природы, до сих пор широко распространены браконьерская охота и рыболовство, незаконная порубка деревьев, заготовка занесенных в Красную книгу растений и т.п. Все это свидетельствует о недостаточных познаниях людей в области экологии и гигиены среды. Если бы дети и их родители были бы достаточно осведомлены о возможном риске последствий купания в арыках, то это широко распространенное в республике явление резко сократило бы свои масштабы. Не меньшим пороком является безответственность, доходящая порой до злого умысла должностных лиц или отдельных граждан в силу производственных, семейных или личных обстоятельств, вовлекаемых в природопользование.

Лучший способ борьбы с экологическим бескультурьем и неграмотностью – создание и эффективное функционирование системы распространения соответствующих знаний и проведение соответствующей воспитательной работы среди всех слоев населения. Это должна быть непрерывная работа, начиная с уровня дошкольных учреждений, продолжаясь в школе, средних специальных и высших учебных заведениях, а также в системе повышения квалификации и переподготовки кадров.

Повышение уровня экологической осведомленности населения, знание возможных последствий нерационального природопользования и прямых экологических нарушений подготовят предпосылки для создания обстановки нетерпимости, общественного осуждения по отношению к любым действиям, нарушающим природную среду, позволят свести к минимуму безответственность по отношению к охране и рациональному использованию природных ресурсов Таджикистана.

2. Проблемы устойчивого развития. Стратегия устойчивого развития Таджикистана

Следует отметить, что государственная стратегия устойчивого развития Таджикистана тесно взаимосвязана с национальным интересом страны в области развития экономики. В этой связи в основе определения национальных интересов республики в области экономики лежат решение задачи обеспечения достойного уровня и качества жизни населения, укрепление политического суверенитета и национальной безопасности. С другой стороны нынешний уровень экономического развития страны не отвечает этим требованиям. По производству ВВП на душу населения Таджикистана находится наравне с беднейшими странами мира - Бангладеш, Чад, Эфиопия, Мавритания.

Несмотря на то, что в последние годы ежегодные темпы прироста продукции сельского хозяйства в отдельные годы достигало более 10%, однако ее объем от уровня 1990 года составляет около 80%.

В 2008 году производство хлопка-сырца от уровня предкризисного года составило всего 42%. Индустриализация сельского хозяйства сменилась ее деиндустриализацией, где

резко сократилось применение минеральных удобрений и средств защиты растений, а также биологические методы борьбы. Положение аграрного сектора в горных регионах еще сравнительно ухудшилось. В связи с критическим состоянием сельского хозяйства в горных районах и республики в целом зависимость внутреннего потребительского рынка от импорта все больше усиливается. Возникает парадокс: бедная страна, какой является Таджикистан, поддерживает чужую экономику, создавая там дополнительные рабочие места. В этой связи не случайно, что международные финансовые и экономические институты, ведущие страны мира все больше в ультимативной форме навязывают нам свои схемы проведения реформ в интересах иностранного капитала [1].

Весьма странно, что, имея колоссальный биоклиматический потенциал, Таджикистан, в силу сложившейся ситуации, попал в зависимость от импорта не только промышленных товаров, но и сельскохозяйственной продукции (зерновые, рис, мясопродукты, молочные, растительное масло, яйца и т.д.). Такая высокая импортная зависимость Таджикистана по отдельным стратегическим продуктам снижает ее экономическую безопасность. Отсюда вытекает, что вопросы устойчивого развития страны - наисложнейший вопрос, входящий в состав ключевых экономических категорий, где в единстве определяют содержание и перспективы развития рыночной экономики.

Начиная со второй половины XX в. Противоречия, напряженность во взаимодействии между обществом и природой нарастают. Разрушительные последствия во всех больших масштабах, которые влечет деятельность общества, определяют необходимость искать пути гармонизации взаимодействия «человек- природа». Примеры исчезнувших региональных цивилизаций свидетельствуют о самоуничтожении общества, если оно не останавливается на пути уничтожения природы [2].

По мнению ряда ученых в период кризиса следует оценивать, насколько концепции развития адекватны реалиям происходящих изменений, какие действия необходимы для устранения угроз и управления рисками, чтобы избежать катастрофы. Концепция устойчивого развития, которая была признана мировым сообществом необходимой в XX веке, заслуживает особого внимания.

Понятие «Устойчивое развитие», а также идеи и принципы, объединяемые этим термином, - тема активных дискуссий, которые в последнее 30 лет ведут представители различных отраслей наук. При этом трактовки определяющей роли компонентов, измерений, критериев, индикаторов «Устойчивого развития» отличаются лишь смещением акцентов в ту сферу жизнедеятельности, которая представляется авторам наиболее важной в зависимости от конкретных экологических, экономических, социальных условий.

Цель устойчивого развития - обеспечить здоровую, производительную жизнь в гармонии с природой ныне живущим и будущим поколениям на основе охраны и обогащения культурного и природного наследия [3].

Всемирно известный ученый Н.Ф.Глазовский дал исчерпывающее научное определение концепции устойчивого развития: «Устойчивое развитие предполагает наличие трех компонентов: экологической безопасности, экономического роста и социального развития. В большинстве работ, посвященных устойчивому развитию, каждый из этих компонентов рассматривается отдельно. Вместе с тем при анализе проблем, связанных с устойчивым развитием, необходим комплексный подход» [4].

Первые программные приложения и приоритеты «Устойчивого развития» на глобальном уровне были приняты в «Повестке дня на XXI веке» на саммите в Рио- де-Жанейро в 1992 году. Затем и на других международных и национальных конференциях специалисты продолжили обсуждение вариантов эффективного решения проблемы, вырабатывали рекомендации для Всемирного саммита Рио + 10, который состоялся в г. Йоханнесбурге в 2002 году.

Исходные положения такого развития: экологическая устойчивость окружающей среды; устойчивость экономического развития; устойчивость социального развития.

Приводятся следующие наиболее весомые аргументы в пользу вышеназванных приоритетов «Устойчивого развития».

Во-первых, окружающая среда - источник ресурсов для обеспечения жизни ее развития. Сохранение и рациональность использования природных ресурсов формирует долгосрочную перспективу развития в равной мере как бедных, так и богатых стран. Хищнические модели природопользования и пренебрежение нормами защиты окружающей среды в конечном счете приводят к экологическим бедствиям и катастрофам (вырубка лесов - опустынивание; загрязнение вод - эпидемии; техногенный парниковый эффект - глобальное потепление – усиление юридизации маловодных регионов и т.д.). Устойчивость окружающей среды не нарушается лишь при соблюдении принципов экологической этики, основанных на необходимости сохранения равных возможностей природопользования для будущих поколений и гарантии выживания всех биологических видов.

Во-вторых, двигателем процесса «Устойчивого развития» является экономический рост, без которого невозможны положительная динамика на государственном уровне, повышение благосостояния и социальная защищенность общества.

В-третьих, устойчивость социального развития определяется экономической и социальной динамикой человеческих ресурсов. Показатель (индекс) человеческого развития (ИЧР) включает в себя следующие компоненты: ожидаемую продолжительность жизни, уровень образования, внутренний валовой продукт.

С «Устойчивого развития» самым тесным образом связаны демографические проблемы. Рост количества населения, не сбалансированный с реальными продовольственными ресурсами, приводит к высоким экологическим издержкам, социальным конфликтам, нищете и голоду.

Устойчивое развитие, кроме того, вызывает кардинальное изменение императивов мышления человека, структуры ценностей общества и всей системы механизмов управления [5].

Проблемы устойчивого развития свидетельствуют, что Таджикистан в наши дни - одна из стран мира, где все проблемы горных территорий проявляются болезненно остро. К сожалению, ни в одной республике СНГ, имеющих сходные проблемы, нет четкой государственной концепции развития горных районов. Программы и проекты, предлагаемые Германией, Швейцарией, США и опробованные в Индии, Пакистане, имеют в основном исследовательскую или гуманитарную (продовольственную) направленность. Безусловно, нормальное и стабильное питание - одна из главных потребностей человека и, следовательно, надежный показатель «Устойчивого развития». Однако продовольственный сценарий развития не создает устойчивого долговременного баланса между экономикой, экологией и обществом.

3. Экономическая безопасность

Экономическая безопасность эта важная составляющая проблемы национальной безопасности Таджикистана, так как его политический суверенитет зиждется на недостаточно экономическом базисе - низком уровне развития производительных сил, гипертрофированной отраслевой структуре народного хозяйства [6]. К тому, кроме низкого уровня жизни населения наблюдается зависимость производственной сферы от импорта средств производства, а потребительского рынка - от ввоза из зарубежных стран многих видов продовольственных товаров первой необходимости.

С исследовательской позиции здесь следует более объективно оценить роль горных регионов в решении экономической безопасности страны.

Гористость территории Таджикистана определяется наличием таких природных богатств, как ледники, реки, большие запасы гидроэнергетические ресурсы, озера, минерально-сырьевые ресурсы, рекреационные ресурсы и т.д. Эти ресурсы создают огромные потенциальные возможности для развития не только гидроэнергетики и горно-рудной промышленности, но и других видов хозяйственной деятельности, в том числе курортного хозяйства, туризма, альпинизма, и для превращения этих сфер в значительный источник национального дохода. Анализ хозяйственного освоения горных регионов показывают, что наиболее доступным для первоочередного развития производительных сил является природно-ресурсное богатство предгорных, низкогорных и среднегорных высотных поясов.

4. Взаимосвязь экологии и экономики

Необходимость и сущность изменения в экономике

Когда заходит речь о столкновениях экономических интересов с экологическими требованиями имеются в виду, в первую очередь, материальные, «физические» воздействия человека на природу – потребление природных ресурсов и загрязнение среды.

Но во взаимоотношениях общества с его природным окружением вовлечены все структуры и функции экономики – производство, распределение, потребление и обмен. Как минимум в той мере, в какой деньги, товары и услуги, необходимые для использования и воспроизводства природных ресурсов, сохранения ценных природных объектов и среды обитания человека, являются объектами экономики.

В основе макроэкономики лежат следующие положения:

1. материальные потребности людей и всего человеческого общества безграничны и неутолимы;
2. материальные ресурсы – средства удовлетворения потребностей – ограничены и редки.

Эти факты охватывают всю проблему экономики, в которой находит свое отражение *экономический критерий оптимальности* – максимально возможное удовлетворение потребностей при ограниченности ресурсов. Но именно эта основа макроэкономики стала центральной проблемой макроэкологии, так как развитие цивилизации и особенно большой объем современной экономики обусловило большой объем потребления. Эти факторы, умноженные на большую численность людей, которая отчасти также обусловлена экономикой, стали главными причинами нарушения природного равновесия и ухудшения качества окружающей среды.

Исторически весь экономический рост почти полностью обусловлен нарастанием использования ресурсов, источников вторичных средств потребления. Это связано с огромным расширением эксплуатации ресурсов недр. Отсюда возникает впечатление роста независимости экономики от ресурсов биосферы

Действительно, совокупность отраслей, обеспечивающих первичные потребности людей – сельское хозяйство, пищевая, легкая промышленность и коммунальное хозяйство – в большинстве развитых стран образуют не самый большой сектор экономики, а во всем мире в целом – 32% по суммарному вкладу в ВВП. Однако на это можно посмотреть иначе.

Самые важные потребности человека – пища, кислород, одежда, в известной части вода и жилье – удовлетворяются в основном продуктами живой природы. То, что теперь многие из этих продуктов мы получаем не из степей и лесов, а на полях и фермах, отражает не столько уменьшение зависимости от естественных биологических процессов, сколько перераспределение человеческого труда.

Обеспеченность экономики природными ресурсами долгое время не воспринималась как зависимость от законов экологии. Но по мере роста производства и особенно в 20 веке эта зависимость стала проявляться чаще и масштабнее.

5. Экологизация экономики

Традиции макроэкономики сложились в эпоху, когда общее воздействие человеческой деятельности на окружающую среду не превышало границ самовосстановительного потенциала экологических систем. Сейчас ситуация совсем другая: по многим параметрам антропогенная нагрузка превысила предел устойчивости природных комплексов и биосферы в целом. Экономический рост, определяемый предложением вторичных средств потребления, привел к тому, что под угрозой оказались природный базис жизнеобеспечения и удовлетворение первичных потребностей человека. Сейчас наряду с изменением демографической ситуации требуется смена парадигмы экономики – образа ее структуры и функционирования. Необходим переход на новую ступень материальной культуры, совместимой с уже оскудевшим природным потенциалом планеты.

Экологизация экономики – необходимое условие и одновременно главная составляющая экоразвития. В сущности, она означает экологизацию всего социально-экономического уклада и развития общества.

Ее главными слагаемыми являются:

- Включение экологических условий, факторов и объектов, в том числе возобновляющихся ресурсов, в число экономических категорий как равноправных с другими категориями богатства;
- Подчинение эксплуатации ресурсов и экономики производства экологическим ограничениям и принципам сбалансированного природопользования, существенное расширение и уточнение системы платности природопользования;
- Отказ от затратного подхода к охране окружающей среды и включение природоохранных функций непосредственно в экономику производства; переход производства к стратегии качественного роста на основе технологического перевооружения под эколого-экономическим контролем;
- Изменение и эколого-экономическая ориентация структуры потребностей и стандартов благосостояния.

6. Необходимость и сущность структурных изменений в экономике.

Осуществление основных требований экологизации экономики, введение экологических функций в категории макроэкономики и полная реализация платности природопользования предполагают радикальные структурные изменения в экономике, направленные на снижение ее природоемкости. Они должны включать следующие преобразования:

1. Количественную и качественную перестройку экономики ресурсов энергетики и промышленности, ориентированную на их максимальную экономию и эффективность использования.

2. Изменение отраслевой и технологической структуры производства с постепенным исключением из нее производства значительной части вторичных средств потребления и минимизацией ресурсоемкости и отходности производства средств производства и потребления.

3. Поэтапное включение в механизмы и факторы ценообразования всех экологических издержек хозяйственной деятельности и стоимостной оценки риска экологических поражений.

4. Отказ от диктата предложения в экономике и торговле; исключение той части маркетинга, которая навязывает и стимулирует избыточные ассортименты вторичных средств потребления.

Вопросы к теме:

1. Экологическое мышление и осведомленность у населения?
2. Экологическая безопасность и устойчивое развитие?
3. Почему произошло деиндустриализация в Таджикистане?
4. В чем сущность экономической безопасности?
5. Экологическая обусловленность экономики?

Использованные источники

1. Каюмов Н.К. Глобализация экономики и обеспечение продовольственной безопасности Таджикистана. Журн. «Экономика Таджикистана: стратегия развития». 2008, № 4, с. 30.
2. Клюев Н.Н., Сдасюк Г.В., Тишков А.А. Мировые кризисы - необходимость реализации программ перехода к устойчивому развитию. В книге Рациональное природопользование. М., 2010. С. 11.
3. Устойчивое развитие: проблемы и перспективы. Вып. 3. М., 2006. С. 23.
- 4 Глазовский Н.Ф., Яблоков А.В. Проблемы и перспективы экологического обеспечения устойчивого развития России. В кн. «Проблемы экологически сбалансированного развития стран с переходной экономикой». М., ГЕОС. С. 12.
- 5 Котляков В.М. Избранные сочинения. Книга 3. М., «Наука», 2001. - С. 362.
- 6 Рахимов Р.К. Некоторые вопросы экономической безопасности Таджикистана. Журн. «Экономика Таджикистана: стратегия развития», 2008. № 4. С. 5.

Глоссарий

Экология – (от др.-греч. οἶκος - обиталище, жилище, дом, имущество и λόγος - понятие, учение, наука) - наука о взаимодействиях живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой. Термин впервые предложил немецкий биолог Эрнст Геккель в 1866 году в книге «Общая морфология организмов» («Generelle Morphologie der Organismen»).

Экологическое мышление – это мышление любителя природы, который знает и ценит её красоту, умеет быть на природе, пользоваться навыками в туристических походах, не оставляя за собой вытопанные поляны и ягодники, полосы лесных пожаров и груды мусора, после «активного» отдыха.

Экологическое сознание - способность понимания неразрывной связи человеческого сообщества с природой, зависимость благополучия людей от целостности и сравнительной неизменности природной среды и использования этого понимания в практической деятельности.

Экологическая этика - необходимость сохранения равных возможностей природопользования для будущих поколений и гарантии выживания всех биологических видов. В настоящее время чаще всего под экологическими вопросами понимаются, прежде всего, вопросы охраны окружающей среды.

Экологическое образование в современном обществе

Экологическое образование человека в контексте современных вызовов требует переосмысление и расстановку новых акцентов при пересмотре содержания экологического образования подходов и методов его организации. Такие требования накладываются, с одной стороны, переходом от традиционного экологического образования к образованию для устойчивого развития, с другой - накопившимися и транслируемыми заблуждениями затрудняющими преодоление накопившихся экологических проблем. Уход от существующих догм и стереотипов в системе современного экологического образования может во многом способствовать формированию экологически выверенной, дружественной и чувствительной к потребностям окружающей среды политики как в настоящем, так и в будущем.

Традиционное экологическое образование

Формирование современного экологически грамотного, человека, принимающего правильные решения – это основной вызов перед современным экологическим образованием, просвещением и информированием общества. При этом, наблюдая бурный прогресс в развитии информационных технологий и образовательных подходов, до сих пор нет четкого представления о том, каким должно быть содержание образования, на чем должно строиться просвещение, как организовать информирование общества для обеспечения этой высокой цели.

Говоря о современном экологическом образовании, как о комплексном процессе, затрагивающем и просвещение, и информирование, можно выделить несколько закономерностей. Так, с одной стороны, можно наблюдать несколько одновременно существующих тенденций. Первая тенденция характеризуется формированием экологических представлений у общественности через экологическое просвещение, через усвоение экологических знаний. В рамках второй тенденции просматривается формирование экологических отношений. Третья тенденция ориентирована на формирование умений решать экологические проблемы в процессе практической деятельности [1].

С другой стороны, история развития экологического образования тесно сопряжена с изменением отношения общества к окружающей природе. В разные периоды своего становления фокусом экологического образования становился весь спектр интересующих общество вопросов: от освоения и использования природных ресурсов до внедрения природоохранной политики в широкие общественные массы. При этом экологическое образование отражало, с одной стороны, доминирующую социальную парадигму [2], с другой – обеспечивало соразмерное уровню развития общества отношение к окружающей среде, восприятие экологических рисков и осмысление системного кризиса.

Кардинальное изменение мировоззрения общества, его отношения к природе становится возможным с развитием концепции «общества риска», которую можно рассматривать как новую парадигму общественного производства. Суть данной концепции состоит в том, что господствовавшая в индустриальном обществе «позитивная» логика производства, заключавшаяся в накоплении и распределении богатства, постепенно вытесняется «негативной» логикой производства и распространении рисков [3]. При этом существует четкое понимание, что выход из экологического (системного) кризиса и, как следствие, формирование содержания экологического образования, обеспечивающего этот процесс, невозможно в изнутри самого кризиса [4].

Поиск ответов на вопросы, продиктованные потребностью выхода из системного кризиса, позволяют по новому взглянуть на теорию и практику экологического образования. Так, по мнению Калинина В.Б., меняется сама формула экологического образования. По его мнению, экологическое образование = (культура + глобальное мышление + действие + сотрудничество) * педагогические технологии.

В таком виде экологическое образование представляет произведение двух сомножителей: первый из них соответствует тому, чему учить, второй – тому, как учить. Из формулы видно, что невладение педагогическими технологиями обращает в ноль всю правую часть, т. е. лишает процесс образования смысла. Отсюда и неудачи попыток непосредственной передачи экологических знаний ученикам. В то же время, педагогические технологии могут рассматриваться как множитель, способный многократно повысить эффективность образования. Помимо этого формула наглядно показывает: участие в процессе экологического образования налагает колоссальную ответственность на учителя, требуя от него не только владения педагогическими технологиями, но и высокой культуры, глобального уровня мышления и способности организовать учебный процесс так, чтобы ученики могли получать опыт социальной активности [5].

От традиционного экологического образования к образованию в интересах устойчивого развития

Вслед за глобальным переосмыслением сложившегося системного кризиса и поиска путей устойчивого развития современного общества, заявленного с высокой международной трибуны на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 3–14 июня 1992 года, начался процесс переосмысления экологического образования. Через четыре года Комиссия ООН по Устойчивому Развитию (КУР ООН) принимает решение об организации «Международной программы работы в области просвещения, информирования общественности и подготовки кадров»

Взросший интерес со стороны правительств и международных организаций к вопросам экологического образования содействовал принятию Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции 57/254 о проведении декады ООН (2005-2014 гг.) по образованию для устойчивого развития.

Стратегия европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН для Образования в интересах Устойчивого Развития (ОУР) не дает прямого определения ОУР, но отмечает, что «образование, являясь одним из прав человека, выступает также одной из предпосылок для достижения устойчивого развития и становится важнейшим инструментом эффективного управления, обоснованного принятия решений и развития демократии. Таким образом, образование в интересах устойчивого развития может содействовать воплощению нашего видения в действительность, развивая и укрепляя потенциал отдельных лиц, групп, сообществ, организаций и стран. Оно также позволяет иметь собственные суждения и делать выбор в интересах устойчивого развития, способствует изменению взглядов людей, давая им возможность делать наш мир безопаснее, более здоровым и более процветающим, тем самым повышая качество жизни. Образование в интересах устойчивого развития может обеспечить критическое мышление и способствовать повышению информированности населения, а также расширению его возможностей, что позволит разрабатывать новые подходы и концепции, развивать новые методы и средства их осуществления» [6].

При этом ОУР рассматривается как общая задача государственных структур, академических кругов и гражданского сектора, поскольку без интеграции устойчивого развития в системы образования государств невозможно достижение экологической безопасности и устойчивого развития государства.

Кыргызстан, как и другие страны, является активным участником данного процесса. Так в 2000 году в стране состоялась первая конференция по вопросам экообразования для устойчивого развития. В марте 2005 года в числе других стран Кыргызстан официально принял на себя обязательства по выполнению Стратегии ЕЭК ООН по ОУР, а также Глобальной Декады ООН по ОУР.

Приоритетность вопросов ОУР получила отражение в таких нормативных правовых документах как: Национальный Рамочный Куррикулум, Концепция Образования для УР, Концепция Экологической Безопасности Кыргызской Республики, Национальная стратегия УР Кыргызской Республики на период 2013- 2017 годы и Программа по переходу Кыргызской Республики к УР на 2013-2017 годы и др.

При этом, по мнению экспертов национальной комиссии по ОУР Кыргызстана, наиболее перспективными являются такие темы, как:

- Сохранение и рациональное использование горных экосистем (в т.ч. пастбищ, агроэкосистем и др.);
- Биоразнообразиие Кыргызстана;
- Экологические права человека (с учетом специфики местного законодательства);
- Устойчивое использование водных ресурсов, в то числе и трансграничного водопользования на уровне Центральной Азии;
- Предупреждение природных катастроф и снижение риска стихийных бедствий

Экологическое образование и современные заблуждения современного общества

Апофеоз покорения природы часто ассоциируется со словами советского биолога, селекционера Ивана Владимировича Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее - наша задача». При этом все страны СНГ до сих пор переживают последствия возведения этого принципа в ранг союзной политической программы по использованию природы. К примеру, Кыргызстан и Казахстан, являлись лидерами по обеспечению СССР шерстью мелкого рогатого скота (МРС), что во многом и подорвало продуктивность пастбищ, восстановление которых, несмотря на уверения советских ученых, так и не произошло. Как следствие, в Кыргызстане в настоящее время большинство пастбищ более чем на 80% деградированы и не наблюдается позитивной динамики к их улучшению [7].

Не столь явными, но обладающими не меньшим разрушительным эффектом для окружающей среды и человека, являются некоторые доминирующие в настоящее время представления, затрагивающие фундаментальные вопросы экологического образования и природоохранной политики. Эти догмы, сформировавшиеся в современном обществе, глубоко интегрированы в содержание экологического образования и, нередко, характеризуют восприятие образованным человеком окружающей действительности. Некоторые такие представления можно представить, как ряд заблуждений:

Первое заблуждение: *Экологические знания важнее накопленных традиций. Чем больше мы знаем, тем лучше состояние окружающей среды!* В этом контексте необходимо понимать, что экология как наука и экология как культура имеют различные формы своего существования. Положения экологической науки внеличностны, внациональны, объективны, всеобщы. Элементы экологической культуры личностны, национальны, региональны, привязаны к определенному месту и времени. Утверждение экологического знания идет через его истинность. Установки экологической культуры - через традицию в широком смысле слова. Знания - не склад, а инструмент действия,

деятельности. Особенность этого инструмента в том, что он совершенствуется в процессе применения и разрушается, исчезает, как только перестает использоваться. Экологические знания во всем объеме необходимы специалистам для решения профессиональных задач. Освоение их не может быть задачей массового образования и просвещения. Всеобщее экологическое образование должно быть ориентировано на вооружение людей базовыми экологическими представлениями, позволяющими делать правильные, обоснованные оценки и заключения, осуществлять выбор и принимать решения со знанием экологических последствий от своих и чужих действий, в том числе действий политиков, предпринимателей и властей. С помощью этих представлений каждый человек должен уметь различать экологическую пользу и вред от различных продуктов, образа жизни и т.п. [8].

Второе заблуждение: *Экологическая информация должна подаваться ограниченно, так как может оказывать на людей негативное воздействие! Необходимо раздельное информирование всех секторов общества.* Разделение экологической информации на значимую и незначимую, на актуальную и неактуальную, позитивную и негативную и т.д. во многом исторически было оправданно пропускной способностью информационных систем общества. В настоящее время такое разделение нередко становится инструментом информационного манипулирования общественным сознанием. Современный человек дезориентируется в большом разнообразии информационных потоков, формируя свое представление только по тем из них, которые навязываются, постоянно заявляют о своей исключительной важности и т.д. Так, к примеру, об опасностях подстерегающих человека на океаническом дне, зритель может знать больше, чем об уникальных живых организмах или важных экологических процессах, протекающих в его непосредственном окружении.

Экологическое образование, таким образом, должно строиться на формировании умений работать с экологической информацией, способностей ее приоритизации, осмысления, что, в конечном счете, должно обеспечивать принятие экологически правильных решений, не зависящих от субъективного отношения как к самой экологической информации, так к ее источникам.

Третье заблуждение: *Мы можем сделать природу лучше, что, в конечном счете, благоприятно отразится как для человека, так и для самой природы!* Фундаментальным положением данного заблуждения является утверждение, что человек может «улучшать» природу. Вокруг этого заблуждения строятся самые распространенные манипуляции, связанные с заботой человека об окружающей среде. Не все то, что хорошо для человека, хорошо для природы, и наоборот, все, что хорошо для природы, в конечном счете, позитивно отражается на человеке. В этой связи, самое большее, что под силу человеку, это содействовать или не мешать природе в ее самовосстановлении и повышении потенциала биотической регуляции окружающей средой.

Четвертое заблуждение: *Чем популярнее в обществе дискутируемые вопросы, тем они важнее.* Многие истинно важные вопросы для природы и человека наоборот не популярны и не раскрыты. Происходит подмена истинно важных вопросов популярными. Пример такой подмены можно видеть в организации озеленения городских территорий. Все понимают, что нужно проводить озеленение городских территорий и необходимо выращивать новые леса и скверы, парки и бульвары, а вопросы о том, что и как высаживать - практически не поднимаются. Эти пункты часто отдаются на откуп озеленяющим организациям, которые, в свою очередь, в своих действиях часто руководствуются популярностью и модой, но никак не принципами биотической совместимости и биобезопасности посаженных растений для естественных природных систем. При этом не учитывается, что такой подход может существенно нарушить естественный баланс, сформировавшийся в природе за многие тысячелетия слаженной работы всех живых существ.

Пятое заблуждение: *Немного разрушив природу, мы можем помочь в ее сохранении.* При всевозрастающей ценности некоторых объектов природы лица, имеющие доступ к оним все больше подвергаются искушению повысить квоты на использование этих ценных объектов биологического разнообразия для получения прибыли. Часто такая практика оправдывается тем, что часть финансов вырученных за такое использование может быть потрачена на природоохранные нужды или вообще на создание благоприятной окружающей среды. При этом можно проследить удивительную тенденцию: чем более ценными являются природные объекты, тем больше проявляются попытки сверх эксплуатации уникальных биологических ресурсов. Понимая суть такой порочной практики природопользования, система экологического образования не должна создавать почву для оправдания таких разрушительных инициатив, а необходимо формировать осуждающую общественную реакцию на потребительское отношение к уникальным объектам биоты.

Таким образом, осознавая важное место экологического образования в становлении личностных характеристик современного человека, необходимо отдавать отчет как минимум в том, что сами цели, формы, методы и содержание такого образования меняются. Нужно помнить о том, что, как и в других сферах человеческой деятельности, в сфере экологического образования существуют распространенные заблуждения, которые не только отвлекают от достижения истинных целей экологического образования, но зачастую могут навредить как человеку, так и природе в целом.

Вопросы к теме:

1. Какое влияние оказывает развитие концепции «общества риска» на экологическое образование?
2. В чем суть формулы экологического образования, предложенной Калининим В. Б.?
3. Каковы предпосылки перехода традиционного экологического образования к образованию в интересах устойчивого развития?
4. Какие тематические направления образования для устойчивого развития являются приоритетными для Кыргызстана?
5. Какие заблуждения существуют в сфере экологического образования и природоохранной политики и какое влияние они могут оказать на взаимоотношение человека и природы?

Фундаментальный вопрос:

Что такое экологическое образование в контексте современных вызовов?

Использованные источники

1. Концепция непрерывного экологического образования Кыргызстана, 2003.
2. Халий И. Нетрадиционные методы качественных исследований. – М., 2018.
3. Рагозин Н. П. Концептуальные рамки анализа «общества риска» // *Философия и социальные науки: Научный журнал.* – 2010. - № 2. – С. 4-11.
4. Кавтарадзе Д.Н. Основы экологического мировоззрения как задача образования для устойчивого развития / Д.Н.Кавтарадзе, А.А.Брудный; М-во обр. и науки Рос. Федерации, Федер. ин-т развития образования. - М.: ФИРО, 2012. - 63 с.
5. Калинин В.Б. Формула экологического образования // *Экология и жизнь.* 1996, № 1.
6. Стратегия ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития //

Совещание высокого уровня представителей министерств охраны окружающей среды и образования (Вильнюс, 17-18 марта 2005 года). Пункты 5 и 6 повестки дня. Европейская Экономическая Комиссия. Комитет по экологической политике (СЕР/АС.13/2005/3/Rev.1.) 23 Март 2005.

7. Шукуров Э.Дж. Сочинения. Бишкек.: 2007

8. Шукуров Э.Дж., Коротенко В.А., Кириленко А.В., Вашнева Н.С., Домашов И.А., Экологическая безопасность Кыргызстана: точки приложения сил. Б.: 2015 - 56с.

Рекомендуемые источники

1. Забелин С.И., Время понять и время терять. - М.: СоЭС – 1998г. ([http://www.seu.ru/cgi/lib/books/vremia/\(10.10.2018\)](http://www.seu.ru/cgi/lib/books/vremia/(10.10.2018))) Глава 2.

2. Халий И.А. Трансформация доминирующих социальных парадигм // Сайт Центра исследований общих проблем современного Востока (<http://www.vostokoved.ru/Социоестественная-история/haliy.html> (10.10.2018))

3. Калинин В. Б. Формула экологического образования–2: гуманистическая модель // Экологическое образование для устойчивого развития Кыргызстана: Материалы Республиканской научно-практической конференции. – Б.: 2001. – 160 с. с. 21-36

4. Коротенко В.А. Риски построения системы экологического образования в Кыргызстане //Экологическое образование в странах ЦА. Алматы.: РЭЦ 2002. С. 131 – 136 (http://gbpp.org/wp-content/uploads/2014/12/6_sbornik.pdf (10.10.2018)).

Глоссарий

Биота – исторически сложившаяся совокупность видов живых организмов, скоррелированных в процессе своей жизнедеятельности и, таким образом, сосуществующая как единая система.

Биотическая регуляция окружающей среды – механизм управления окружающей средой, основанный на отобранных в процессе эволюции природных сообщества биологических видов (биоты), содержащих необходимую для управления средой генетическую информацию. Сам механизм регуляции обеспечивается способностью естественной биоты регулировать и стабилизировать динамические характеристики окружающей среды на уровне оптимальном для своего существования.

Доминирующая социальная парадигма - общественно доминирующая сумма идей и установок, которая управляет человеком и обществом конструирует их восприятие окружающего мира. Эти составляющие в определенных условиях являются базисом современного состояния и тенденций развития культуры, социального, политического и экономического устройства общества, большинства научных дисциплин.

МРС – мелкий рогатый скот

ОУР – образование для устойчивого развития УР – устойчивое развитие

Плавающие средства древних тюрков и их отражение в памятниках материальной и духовной культуры кыргызского народа

Еще в глубокой древности у отдаленных предков современных народов Евразии возникла необходимость преодолевать водные преграды и использовать реки, озёра, моря как охотничьи угодья и как удобные пути для передвижения и перевозки грузов. Как показывают сведения аутентичных источников и сохранившиеся до наших дней артефакты, первоначально в качестве водного транспорта применялись древесные стволы и надутые воздухом шкуры животных [1].

К каменному веку восходит искусство постройки лодок из древесных стволов, которые выдалбливали или выжигали изнутри и обтёсывали снаружи (челны-однодеревки). В северных странах издавна применяются лёгкие и манёвренные челноки, изготавливаемые из коры, на каркасе (наиболее известны берестяные каноэ индейцев Северной Америки) или из натянутых на каркас шкур (например, алеутские каяки). В Месопотамии еще в VIII в. до н. э. были известны круглые лодки (корзины, обтянутые кожей или покрытые снаружи смолой); грузоподъёмность таких судов достигала 100 т. В Восточной Бенгалии делали круглые лодки - тигары из обожжённой глины [2].

В 5300 – 3500 годы до н. э. в древнем Египте появились папирусные гребные лодки, изготовленные из связок папируса, которые сплетались в изогнутые маты с поднятыми концами. Кстати, тростниковые суда строили не только египтяне, но и жители бассейна рек Тигр и Евфрат в Месопотамии. Есть предположение, что на таких судах плавали не только по рекам, но и по морю [3].

Наиболее древними средствами по преодолению водных преград и передвижению по рекам, исследователи считают примитивные плоты из скрепленных друг с другом стволов или обломков деревьев. Связанные деревья не переворачивались в воде, на них можно было плавать достаточно долго и безопасно; плоты-катамараны из брёвен до сих пор используются во многих странах. Еще несколько тысячелетий назад в Древнем Египте применялись плоты из камыша и папируса.

Как показывают настенные изображения военных походов армии Ассирии, древние предки ряда современных народов Ближнего и Среднего

Востока для преодоления водных преград пользовались надутыми мешками из шкур животных - бурдюками [2, р.16-26]. Такие же плавающие средства для преодоления водных преград использовали предки тюрко-монгольских народов Центральной Азии, которые находятся в употреблении в некоторых горных регионах Кыргызстана и в настоящее время.

Наиболее древнее упоминание о применении примитивных форм плота для переправы через реки древними тюрками зафиксировано в Орхоно-Енисейских рунических памятниках. В тексте стелы воздвигнутого в честь уйгурского кагана Моюн-

Чура, написанном на древнетюркском языке рунической письменностью, при изложении военного похода Моюн-Чура против карлуков в 751г. сообщается об использовании плота для переправы реки Иртыш: «*Ertiř ö[güzüg]..... sa[llap] keçdim...* реку Иртыш ... я переплыл на плотах» (ДС 1969: 482).. Отсюда становится ясно, что здесь слово *салла* означает «плыть на плоту, переправляться на плоту», и оно является дополнительным глаголом, производным от имени существительного «*сал*»-плот.

В словаре «Дивани лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского(ХІв.) слово *сал* обозначает «плот из бурдюков» [4]. Примечательно, что Махмуд Кашгарский в другом месте своего словаря отмечает, что синонимом слова *сал* является слово «*таар*», которое имеет аналогичное значение [5]. В связи с этим, Махмуд Кашгари пишет, что «*Таар* это то, что можно сделать, надув и завязав винные меха, а затем связав их вместе, образуя покров на поверхности воды. На него садятся и переплывают [реку]. Его можно сделать также из тростника и веток. Из наречия *Ябаку и Татар*» [5, с. 850]. Более подробное исследование о значении термина *сал* и его синониме *таар* можно найти в словаре Дж.Клосона [6].

Следовательно, древние тюрки для преодоления водных преград использовали примитивные плавучие средства из подручных средств, а именно надувные шкуры животных и связанные между собой ветки дерева или же стебли тростника. Как видно из словаря Махмуда Кашгарского, в древности любой плот для переправы рек и водоемов, независимо из какого материала был он изготовлен, по тюркски назывался «сал» или «таар».

Почти во всех современных тюркских языках в значении плот употребляется слово «*сал*», а слово «*таар*», очевидно, постепенно вышло из употребления. Тем не менее, следы этого слова можно найти в языках некоторых тюркских народов в форме «*тагар*» в значении «*мешок*», «*большой глиняный сосуд*» [7]. А в современном кыргызском языке в качестве архаизма сохранилось слово «*дагара*» в значении сосуда (таза) для стирки белья, которое по мнению К.Юдахина, является заимствованием из иранских языков [8]. Наличие синонима *сал* в словаре Махмуда Кашгарского в форме *таар* позволяет предположить, что некоторые модели плавучих средств древних тюрков были заимствованы у народов Ближнего и Среднего Востока говоривших на иранских языках.

Наиболее подробное описание об использовании кожаных мешков для переправы через реки Джайхун(Аму Дарья), Адал (Идил-историческое название реки Волга), Джайх (Яик-историческое название реки Урал) и др. мы находим в «Путевых записках» секретаря посольства Аббасидского Халифата Ибн Фадлана, который оставил подробное описание приключений посольства Халифата в страну Булгаров на Поволжье в 922г.

По сведениям Ибн Фадлана, когда караван посольства подошел к Джайхун река растаяла и они начали покупать у местных тюркских племен верблюды, чтобы из верблюжьей кожи сделать надувные мешки для переправы через реку. «Когда они подошли к реке люди вытащили свои дорожные мешки, а они из кож верблюдов. Они расстелили их и взяли самок турецких верблюдов, так как они круглы, и поместили их в их пустоту (углубление), пока они (мешки) не растянутся. Потом они наложили их одежками и (домашними) вещами, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок села группа (человек) в пять, шесть, четыре, меньше или больше. Они взяли в руки деревяшки из хаданга (белого тополя) и держали их, как весла, непрерывно ударяя, а вода несла их дорожные мешки и они (мешки) вертелись, пока они не переправились» [9].

Далее при описании переправы через реку Джайх(Яик) Ибн Фадлан сообщает, «что это самая большая река с сильным течением и действительно, я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней, и те, кто был в ней, потонули, и люди (мужи) погибли во множестве, и потонуло (значительное) количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через нее только с трудом» [9, с. 66].

Как показывают материалы эпоса «Манас», кыргызские племена также с незапамятных времен использовали *сал* в качестве водного транспорта для переправы через бурные горные реки Тянь-Шаня:

Керней тартты бапылдап,	Заиграли трубы во весь голос,
Сурнай үнү такылдап.	И флейты зазвучали в унисон.
Туу көтөрдү калкылдап,	Штандарты подняты ввысь,
Асабасы жалпылдап,	Флаги шелестят на ветру.
Сууга кирди салпылдап.	Воины ринулись в реку,
Терек кыйып, тал кыйып,	Срубили тополя и тальники,
Тегеренгис сал кылып.	Изготовили надежные плоты.
Эки жүздөн байлады,	Посадили воинов,
Элин сууга айдады.	По двести человек на каждый плот.
Төрт сал кылып ийиптир,	Завязали и еще четыре плота,
Мында калган сегиз жүз	И оставшиеся восемьсот воинов
ктолбой сууга кириптир. [10]	Тот час же ринулись в воду.

Из содержания этого отрывка можно понять, что кыргызы умели смастерить довольно широкие плоты с большой грузоподъемностью. Разумеется, исходя из особенностей эпического произведения здесь сказитель значительно преувеличивает вместимость плотов, которая в реальности вряд ли была двухсотместная. Поэтому с учетом гиперболизации сказителя эпического произведения можно допустить, что на великих реках горно-степной зоны Центральной Азии кочевники могли пользоваться плотами вместимостью от десяти до двадцати человек.

Другое сообщение об использовании древними енисейскими кыргызами деревянной лодки содержится в китайском источнике эпохи династии Тан (606-918 гг.). В соответствующем разделе «Тан шу», где излагается информация об обычаях, культуре и социально-экономическом положении страны Хягас (Кыргыз) рассказывается, что «По восточную сторону Черных гор есть река Гаяньхе. Через нее переправляются на батах» [11]. По определению комментаторов И.Бичурина, река Гаяньхе соответствует современной реке Чжиде-гол, который является левым притоком Селенги, а термин *бат* означает перевозное судно, сплоченное из двух выдолбленных бревен [11, с. 277]. Известный исследователь истории народов Сибири Л.Р. Кызласов идентифицирует термин *бат* с термином *барка*, что означает судно [12]. Как явствует отсюда, древнетюркские племена, которые проживали в

горно-лесных районах Южной Сибири, в качестве примитивных плавучих средств вместо кожаных мешков использовали выдолбленные и связанные между собой деревянные бревна.

В наиболее раннем варианте эпоса «Манас», зафиксированным Ч.Валихановым еще в середине XIX в. говорится об использовании кыргызами не только плотов, но и лодок для переправы через полноводные реки Семиречья: «У Калкана я пройду через реку, **на лодках и плотах я переправлюсь**, на Ак - Терскен поднимусь, здесь дам отдых лошадям, не снимая седел. Через Турген-Аксу переправлюсь - верблюдам дам я отдых, не снимая выюков» [13].

Определенная информация приключенческого характера об использовании енисейскими и алтайскими кыргызами небольших деревянных суденышек через рассказы купцов, побывавших в этих краях зафиксирована в мусульманском источнике XVI в. «Зинат ал-Маджалис» (Украшение собраний) Маджди. При описании страны хырхызов (кыргызов), автор сочинения пишет, что эта страна соприкасается с границами Чина (Китая) и там расположены четыре долины, где протекают огромные реки. Далее отмечается, что по рассказам очевидцев, «один человек из хырхызов построил маленькое судно, сел в него и пожелал познать крайний предел этого потока. Когда через несколько дней он доплыл до мрачных мест, около трех суток не видел солнца и луны. Когда же достиг он света, взору его представилась обширная степь» [14]. Из этого сообщения Маджди можно предположить, что торговцы из мусульманских стран, побывавшие в Сибири своими глазами видели, как алтайские и енисейские кыргызы в средние века пользовались лодками и для дальних плаваний по великим рекам Сибири.

Более достоверная информация об использовании кочевыми племенами Моголистана лодок и плотов с указанием конкретного географического ареала и хронологии события мы находим в аутентичном источнике тимуридской эпохи «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Йезди, написанного в 1424-1425 гг. В рассказе об отправлении Тимуром войск против правителя Моголистана Камар ад-Дина в 1389 г. отмечается, что «Когда они достигли берега Иртыша, Камар ад-Дин уже переправился через реку и ушел в сторону Тюлеса (Алтая), в чьих лесах, как говорят водится соболь и горностай. Они обнаружили лодки и плоты, которые построили (враги), и на которых они переправились через реку» [14, с. 158-159].

Из вышеприведенных материалов фольклора кыргызского народа и сообщений письменных источников можно сделать вывод, что кыргызские и другие кочевые тюркские племена Моголистана в средние века широко использовали деревянные лодки и плоты (сал) не только в хозяйственной деятельности, но и во время длительных перекочевок и военных действий для переправы через полноводные реки Семиречья и Южной Сибири в более безопасные, недоступные для вражеского войска места.

Судя по сообщениям источников, по мере накопления опыта переправы через водные преграды, тюркские народы смогли совершенствовать свои плавучие средства и постепенно изобрели более безопасных, скоростных и комфортных образцов водного транспорта. Это можно понять из следующих сведений автора энциклопедического труда «Дивани лугат ат-тюрк» автора XIV в. Махмуда Кашгарского.

При объяснении значения слова «ужан» М. Кашгарский пишет, что это «судно с двумя парусами», в наречии *кыпчак*» [5, с. 151], а при толковании слова «кими» (ками), он отмечает, что это слово в наречиях *огузов и кыпчаков* означает судно [5, с. 916]. Далее Махмуд Кашгарский в качестве иллюстрации приводит следующий отрывок из народного фольклора вышеупомянутых племен:

«Кими ичре олдуруб Иле сувин кечтимүз Уйгур тапа башланиб Миңлак илин ачтымыз»

«Мы сели на судно, Переправившись через реку Иле,
Направились в сторону Уйгур
И завоевали народ Миңлак» [5, с. 917].

Таким образом, можно констатировать, что уже в XI веке тюркские народы Центральной Азии изобрели деревянные судна с парусом, что позволяло значительно повысить безопасность при переправе через водные преграды и обеспечить более высокую скорость в процессе дальнего плавания на озерах и реках, расположенных в обширном регионе их проживания. Как показывают сообщения Ибн Фадлана, более древние и примитивные плавучие средства передвигались по течению или с помощью простейших судовых движителей - шестов и вёсел. В частности, народы Поволжья использовали в качестве весел для управления бурдючных плавучих средств березовые ветки. Однако, как явствует из вышеприведенного сведения Махмуда Кашгарского, огузские и кипчакские племена, проживавшие в то время в обширных степях Евразии, для переправы водных преград вместо *сал* уже использовали речные суда (*кеми*) с парусом.

Как известно, примитивные формы паруса были известны с III-го тысячелетия до н.э., и они изготовлялись из шкур, тростниковых циновок, деревянных планок. Долгое время паруса выполняли вспомогательную роль, их ставили только при попутном ветре, а при безветрии суда двигались и маневрировали с помощью вёсел. Возможно, тюркские народы заимствовали опыта народов Ближнего и Среднего Востока при строительстве парусных судов, однако эти новые виды транспортных средств на воде могли быть изобретены независимо от влияния внешних соседей. На это указывает тюркское название паруса-ужан (летучий).

Парусные судна использовались, скорее всего, для плавания на широких реках лесостепной зоны Южной Сибири, Монголии и Казахстана. В горно-лесных регионах Центральной Азии, где горные реки текут стремительным потоком, ударяясь на огромные камни и скальные утесы, применение парусных плавучих средств практически невозможно. Поэтому в высокогорных районах Кыргызстана и Таджикистана до последнего времени сохранилась только более древние формы водного транспорта – *сал*.

В этом отношении представляет большой интерес рассказ советских альпинистов, которые в 1954 году совершили восхождение на вершину Заалайского хребта. В путевых заметках этих альпинистов дается подробное описание переправы через горную реку Кызыл-Суу с помощью местных кыргызов, которые соорудили для них традиционные *салы* из восьми надувных бычьих шкур, прикрепленных к деревянному настилу из тонких жердей, перевитых ивовыми ветками [15].

По рассказам альпинистов все это сооружение, грузоподъемная сила которого доходит до тонны, легко сталкивается в воду. На первый сал были нагружены все вещи альпинистов весом около 500 кг, еще сели семь участников экспедиции и два сальщика. Легко оттолкнувшись от берега, плот понесся вниз по течению, крутясь в водоворотах; сальщики направляли его движение лопатами. По рассказам альпинистов, вся переправа (переезд первого сала, его возвращение и переезд второго сала) заняла более 4 часов.

Другие сведения об использовании кыргызами надутого воздухом желудка животного для глубоководного плавания мы находим в работе кыргызских ученых [16]. Согласно информации А. Байбосунова кыргызы, жившие в окрестностях озера Иссык-Куль, с помощью *үйлөп толтурулган карын* – желудка животного, надутого воздухом, ныряли глубоко в воду за какими-либо предметами, не забывая при этом зажать ногами камень в качестве груза для более быстрого погружения. При нехватке воздуха пловец-ныряльщик не всплывал на поверхность, а дышал запасом воздуха из этой своеобразной камеры. Этот же исследователь приводит в своей работе донесение Пишпекского уездного начальника от 30-мая 1896 года об использовании кыргызами Центрального Тянь-Шаня наполненных воздухом бурдюков для переправы через реки Нарын.

Вышеприведенный рассказ советских альпинистов о переправе через горной реки Кызыл-Суу на *сале* подтверждается также материалами, опубликованными

А.Байбосуновым. Он отмечает, что на юге Кыргызстана при переходе через бурные горные реки до сих пор успешно применяют *сал* – своеобразный плот, сделанный из надутых шкур-бурдюков. Такими самодельными плотами южные киргизы пользуются с незапамятных времен для переправы людей и грузов через горные реки, а секрет их изготовления передается из поколения в поколение. Шкуру, предназначенную для *сала*, снимают с животного очень осторожно, чтобы на ней не было порезов. После этого ее сразу засыпают поваренной солью. Потом шейное отверстие и отверстия передних ног, а также одной задней ноги завязывают морским узлом.

Воздух накачивали ручным мехом, сделанным из козьей кожи, через оставшееся свободное отверстие задней ноги, которое потом также плотно завязывали.

Сал спущенный на воду для российских туристов

Сал кыргызов Алайской долины на реке Кызыл-Суу

Все иллюстрации заимствованы из публикаций Л.Кассона, А.Байбосунова и «Ежегодника советского альпинизма».

Один *сал* может состоять из четырех – шести и даже восьми бурдюков. Чем больше бурдюков в плоту, тем больше его грузоподъемность, а чем толще шкуры, тем долговечнее *сал*. Хорошая шкура может служить до двух лет. Когда все бурдюки накачены, их ставят в два ряда, сверху кладут решетчатый кузов и крепко привязывают к нему бурдюки. Кузов делают из крепких гибких прутьев ивы или вербы. После этих подготовительных операций *сал* готов. *Салчы* – люди, которые управляют *салом*, садятся по краям и гребут маленькими лопатками с длинной ручкой. Туго надутые толстокожие бурдюки легко скользят по воде и легко амортизируют случайные удары о камни и коряги. Бурдюки обходятся дешево и почти не требуют никакого ухода (только через каждые 10 дней надо засыпать в них соль, от которой у сыромятной шкуры уменьшаются поры, и воздух лучше удерживается; соль действует еще и как консервант, предохраняя кожу от разложения).

На бурной реки Кызыл-Суу, что течет в Чон-Алайской долине, местные киргизы и таджики до сих пор успешно пользуются *плотами-салами*, провозя различные грузы на расстоянии до 200 км.

Резюмируя все вышеизложенное можно отметить, что тюркоязычные народы Центральной Азии издревле умели пользоваться наиболее простейшими формами плавучих средств для преодоления водных преград и передвижения по великим рекам Евразии, изготовленных из надувных шкур животных и прикрепленных на них деревянного настила, который назывался *сал и таар*. Постепенно, в эпоху караханидов тюркские народы региона использовали более совершенные формы плавучих средств, такие как парусные судна. Однако до наших дней дошли только более древние образцы *сала*, которые сохранились в материальной культуре кыргызского народа. Это объясняется тем, что в условиях высокогорья, где горные реки текут стремительно, использование парусных судов является рискованным. Таким образом, кыргызы Тянь-Шаня с учетом особенностей экологической ниши своей страны до недавнего времени использовали только наиболее приспособленную к высокогорным районам модель плавучего средства *сал*.

Вопросы к теме:

1. Какие виды плавучих средств использовали тюркские народы Центральной Азии в древности и средневековье?
2. Как назывался наиболее примитивный вид плота у древних тюрков?
3. Как назывался деревянное судно у древних енисейских кыргызов?
4. Как назывался более совершенствованный тип судна у тюркских народов в XIV в. в словаре Махмуда Кашгарского?
5. Из какого материала и как строили сал в кыргызы Алайской долины и горные таджики Мургаба в недавнем прошлом?

Использованные источники

- 1 Древний Восток- Древний Восток. Под ред. акад. В.В. Струве. Учпедгиз. - М., 1961. - С.3-5.
- 2 Casson lionel. Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton University Press, 1971. Princeton, New Jersey. - p.16-26.
- 3 Культура Древнего Египта. - М.: Наука, 1976.
- 4 Древнетюркский словарь. Ленинград, ³⁰⁷Наука, 1969. - С.482.
- 5 Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк // Перевод, предисловие и комментарии А. М. Ауэзовой. Алматы. Дайк-Пресс, 2005. - С. 857.

- 6 Clauson Gerard. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford. 1972. - С.824.
- 7 Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» . Москва, Восточная литература РАН, 2003. - С.189.
- 8 Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. Москва, 1965.
- 9 Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. - Москва-Ленинград. АН СССР,1939. - С.59, 65, 66.
- 10 Манас. Сагынбай Орозбаковдун Варианты. 1-китеп, Бишкек, 1995. С. 376. 11 Бичурин Соб. Соч. 1850: С.270
- 12 Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. Москва, 1969. - С.128.
- 13 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т.2. Алма-Ата, 1985. -С.93.
- 14 Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 2002. - С.188. 15 Ежегодник советского альпинизма. Москва, 1957. С. 101.
- 16 Байбосунов А. Донаучные представления кыргызов о природе. Бишкек, 1990. С. 9-11.

Глоссарий

Бат- судно древних енисейских кыргызов, сплоченное из двух выдолбленных бревен

Каное- (англ. саное, от исп. сапоа — чёлн; заимствование из языка карибских индейцев) – универсальное название маломерных гребных судов (лодок) разных народов.

Каяк-тип гребной одно-, двух- или трёхместной традиционной лодки народов Арктики, то же, что и байдарка. Название происходит из эскимосских языков: qajaq, qaуaq (от qai — «покрытая») и алеутского языка: Iquax (игах). Традиционно делался из кож моржей и тюленей, натянутых на каркас из дерева (плавника) и кости.

Катамаран- (от тамильского каттумарам букв. «связанные брёвна»): плот у народов, проживающих на азиатском побережье Индийского океана.

Кеми- судно на языке тюркских народов Средней Азии. Таар- то же самое, что и кеми.

Тигар- круглые лодки Восточной Бенгалии из обожженной глины.

Сал-своеобразный плот тюркских народов Центральной Азии, сделанный из надутых шкур-бурдюков.

Салчы- люди, которые управляют салом.

Ужан- двухпарусное судно тюркских народов Центральной Азии.

Краткая характеристика экосистемного разнообразия Казахстана

Для понимания природы экологического общественного сознания народов, приживающихся на территории современного Казахстана, необходимо вкратце дать характеристику природным условиям страны. Казахстан простирается с запада на восток на 2925 км от Каспийского моря и низовьев Волги до Алтая, Джунгарского Алатау и Северного Тянь-Шаня и с севера на юг на 1600 км от южной части Западно-Сибирской равнины и отрогов Уральских гор до пустыни Кызылкум и хребтов Западного и Северного Тянь-Шаня. Казахстан занимает 9 место в мире при величине территории в 2 724 902 км² и находится в центральных и южных широтах умеренного пояса, занимая 4 природные зоны: лесостепную, степную, сухостепную и пустынную. В южных и восточных окраинных частях Казахстана располагаются высокогорные хребты Западного Алтая, Саур, Тарбагатай, Джунгарский Алатау, Северный и Западный Тянь-Шань с хорошо выраженными высотными поясами: подгорный, низкогорный, среднегорный, высокогорный и нивальный. На природные условия страны большое влияние оказывает свободное проникновение на север Казахстана арктических воздушных масс [1].

Согласно закономерностям географической зональности, в настоящее время в Казахстане существуют 3 типа зональных сменяемых друг друга экосистем: лесостепные, степные и пустынные. В горных регионах на юге и востоке Казахстана обычно выделяют отдельный тип горных экосистем, многообразие которых зависит от структуры высотной поясности, зонального расположения равнин, примыкающих к горам, ориентации хребтов, характера горного рельефа, амплитуды высот, особенностей движения воздушных фронтов в зависимости от географической ориентации хребтов, климатической горной инверсии, особенностей почвенного и растительного покрова [2]. Отдельно следует выделить гидроморфные экосистемы – прибрежно-водные и аквальные, которые находятся во всех широтных природных зонах и в горных ландшафтах.

Лесостепные зональные экосистемы присутствуют только на севере Казахстана и занимают около 5,8 млн. га, они представлены небольшими лесными участками, обрамлёнными разнотравными степями с богатой и разнообразной растительностью. Как правило, это берёзовые и осиново-берёзовые леса, произрастающие на серых лесных почвах, чередующиеся со злаково-разнотравными или луговыми степными участками, которые к настоящему времени оказались распаханными на 60-90%.

Степные экосистемы расположены на огромной территории северной части Казахстана и тянутся на протяжении 2200 км от северной части Прикаспийской низменности до лесного пояса Алтайских хребтов. Они расположены в пределах трёх климатических секторов: Европейского, Западно-Сибирского и Центрально-Азиатского и занимают площадь в 110, 2 млн. га (около 28 %). Характерной особенностью этих экосистем является доминирование в растительных сообществах дерновинных злаков, которые обуславливают накопление в верхней части профиля почв большого количества органического вещества. С севера на юг в соответствии с закономерностями широтного распределения живых организмов наблюдается постепенная смена влажных (гумидных) степных экосистем на аридные (сухие). В связи с этим выделяются три основные подзоны степных экосистем:

1) *Экосистемы засушливых степей* (умеренно-засушливые разнотравно-ковыльные степи; засушливые и разнотравно-ковыльные степи), занимающие площадь в 20,1 млн. га и распространённые в отрогах Общего Сырта, Подуралье, Зауралье, равнинах Западно-Сибирской низменности, северной окраины Тургайской столовой

страны и Центрально-Казахстанского мелкосопочника. Они наряду с высоким разнообразием разнотравных видов растений характеризуются также дерновинными злаками такими, как красный ковыль (*Stipa zaleskyi*), типчак (*Festuca valesiaca*), овсец (*Helictotrichon desertorum*) и ковылок (*Stipa lessingiana*). После массового освоения целинных земель в середине 20 века эти экосистемы почти полностью распаханы.

2) *Сухостепные экосистемы* (умеренно- сухие дерновиннозлаковые; сухие ксерофитноразнотравно-дерновиннозлаковые) на площади в 57,2 млн. га занимают Общий Сырт, южную часть Прикаспийской низменности, Подуральское плато, Мугоджары, Тургайское плато, Центрально-Казахстанский мелкосопочник, а также южную окраину Западно-Сибирской низменности (Прииртышские равнины). Они представлены типчаково-ковыльными степями и ксерофитноразнотравно- ковылковыми степями с доминированием таких дерновинных злаков, как ковыль Лессинга (*Stipa lessingiana*), типчак (*Festuca valesiaca*), тырса (*Stipa capillata*), ковыль киргизский (*Stipa kirghisorum*) и овсец (*Helictotrichon desertorum*). Разнотравные виды растений представлены здесь намного меньше по сравнению с засушливыми степями, на смену богатому разнотравью засушливых степей в сухостепных экосистемах преобладают степные засухоустойчивые ксерофитные виды травянистых растений.

3) *Пустынно-степные экосистемы* (опустыненные полынно- дерновиннозлаковые) площадью около 32.9 млн. га охватывают равнины Прикаспийской низменности, Подуральского, Тургайского плато и южную часть Казахстанского мелкосопочника. Они характеризуются доминированием полынно- ковыльных степей с господством таких дерновинных злаков, как ковыль Лессинга (*Stipa lessingiana*), тырси́к (*Stipa sareptana*) и типчак (*Festuca valesiaca*), а также присутствием полукустарничковых пустынно-степных и пустынных видов полыни: полынь Лессинга (*Artemisia lessingiana*), на западе - полынь Лерха (*Artemisia lercheana*) (на западе), полынь тонковатая (*Artemisia gracilescens*), на востоке - полынь полулессинговидная (*Artemisia sublessingiana*), на засоленных почвах повсеместно - полынь черная (*Artemisia pauciflora*).

Пустынные экосистемы занимают значительную площадь в Казахстане (124, 6 млн.га) и тянутся с запада на восток от Прикаспийской низменности, полуострова Мангышлак, плато Устюрт через южную часть Тургай и Бетпақдалу и Прибалхашье) до подножий гор Северного Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Тарбагатай, на юге они представлены в Приаралье, Кызылкумах, Моинкумах, а также в Илийской котловине и Алакольской впадине. Они характеризуются скудным видовым разнообразием засухоустойчивых видов (ксерофитов и гиперксерофитов), включая полукустарники и кустарники. В Казахстане зональные пустынные экосистемы представлены тремя подзональными типами: северными, средними и южными. Кроме того, часто выделяют особый пустынный климатип – предгорные пустыни.

Северные зональные пустынные экосистемы представляют собой остепненные солянково-полынные пустыни со злаками на бурых почвах, они занимают площадь в 40,0 млн.га. Злаки представлены здесь житняком пустынным (*Agropyron desertorum*), ковылями Гогенакера (*Stipa hohenakerana*), господствует полынь белоземельная (*Artemisia terrae-albae*) и различные виды солянок (боялыч листовнищелистный *Salsola laricifolia* и деревцевидный *S. arbuscula*, биюргун *Anabasis salsa* и шведка вздутоплодная *Suaeda physophora*). Отличительной особенностью северных пустынных экосистем является присутствие здесь таких степных злаков, как ковыль сарептский (*Stipa sareptana*), ковыль киргизский (*Stipa kirgisorum*), ковыль Рихтера (*Stipa richteriana*) и житняк (*Agropyron fragile*). В этой подзоне имеются огромные песчаные массивы.

Средние зональные пустынные экосистемы выражены в виде солянково-полынных пустынь на слабо гумуссированных, часто засоленных серо-бурых почвах, они

занимают площадь около 51,2 млн.га. Это экосистемы очень разнообразны, среди них выделяются глинистые, суглинистые, супесчаные, песчаные и щебнисто-каменистые пустыни. Доминирующими видами являются многолетние солянки – биюргун (*Anabasis salsa*), черный боялыч (*Salsola arbusculiformis*), тасбиюргун (*Nanophyton erinaceum*), солянка восточная (*Salsola orientalis*), а из полыней – белоземельная (*Artemisia terrae-albae*) и туранская (*A. turanica*). В песчаных массивах часто встречается белый (*Haloxylon persicicum*) и чёрный (*H. aphyllum*) саксаулы, а также различные виды псаммофитных кустарников и полукустарников из родов жузгун (*Calligonum*), эфедры (*Ephedra*) и песчаной акации (*Ammodendron*). Очень часто присутствуют солончаки и солонцы, которые по своему флористическому составу и происхождению мало отличаются от таковых в северных остепнённых пустынях.

Подзона южных (эфемеровых) пустынных экосистем занимает площадь около 30,3 млн.га на покрытых лесами южную часть аридно–денудационного плато Устюрт и песчаный массив Кызылкума. Они представляют собой эфемеровые и полынно-эфемеровые пустыни на серо-бурых почвах. Здесь доминируют различные виды полукустарничков и кустарничков, а также солянка *Salsola gemascons* и полынь кемрудская (*Artemisia kemrudica*), среди эфемеров и эфемероидов большую фенотическую роль играет осока вздутоплодная (*Carex physodes*).

Предгорные пустынные экосистемы занимают площадь около 14,8 млн.га и находятся в примыкающих к высокогорным хребтам районах от Тарбагатая до Западноого и Северного Тянь-Шаня. Выделение такой особой группы пустынных экосистем обусловлено барьерной ролью гор в формировании местных климатических и гидротермических условий. В условиях Казахстана горные хребты являются своеобразными «ловушками» для влажных воздушных фронтов, приходящих с запада из Атлантики и с севера из Северного Ледовитого океана. Это выражается в увеличении количества осадков в предгорьях в зависимости от высоты над уровнем моря. В связи с таким эффектом предгорного увлажнения на территориях, примыкающих к горам, выпадает в 2–3 раза больше осадков, чем на удалённых от гор равнинах. Растительность таких предгорных пустынных экосистем отличается наличием сообществ полукустарничков и кустарников, а также двух доминирующих видов эфемероидов: мятликом луковичным (*Poa bulbosa*) и осокой (*Carex pachystilis*), которые произрастают в основном на светлых серозёмных почвах.

Из-за близости к высоким горам и резкого перепада высот пустыни Илийской и Зайсанской впадин часто относят к особой группе экосистем – межгорно-котловинным пустынным экосистемам. Как правило, центральная и самая низкая часть котловины занята наиболее аридными пустынными экосистемами, а срединные части зональными пустынными экосистемами. В тоже время прилегающие к горам пустыни представлены предгорными и относительно менее влажными пустынными экосистемами.

Горные экосистемы в Казахстане занимают площадь около 18.6 млн.га, они намного разнообразнее и сложнее по структуре, чем зональные равнинные экосистемы лесостепи, степи и пустыни. По своей структуре, особенностей в высотной поясности, зонального местоположения и ориентации хребтов в Казахстане выделяются 3 типа горных экосистем:

Алтайско-Сауро-Тарбагатайский тип, расположенный в пределах зональных лесостепных и степных экосистем). Для этого типа экосистем характерна следующая высотная зональность (на примере Алтая, на хребтах Тарбагатая горно- лесной вертикальный пояс практически отсутствует):

- I. нивальная зона:
 - субнивальный пояс

II. тундро-луговая:

- горно-тундровый
- горно-лугово-альпийский
- горно-лугово-субальпийский

III. горно-лесная:

горно-лесной субальпийский горно-лугово-таежный;

IV. горная лесо-лугово-степная зона.

Высокогорная нивальная зона - нижняя граница этой зоны проходит на высоте около 2800 м над уровнем моря, растительность поселяется на мелкозем, который накапливается в трещинах скал и между камнями каменистых россыпей, а также в углублениях склонов по периферии ледников и снежников. Для этой зоны характерны фрагментарные растительные сообщества, представленные лишайниками и высокогорными видами травянистых растений: первоцвет снежный, долгоног снеговой, пушица низкая, лютик алтайский. В субнивальном поясе уже встречается в скалах барбарис сибирский, смородина черная и смородина душистая, можжевельник ложноказацкий, жимолость алтайская, из травянистых растений: бадан толстолистный, камнеломка сибирская, лапчатка снежная, патриния сибирская, водосбор железистый и другие виды.

Горно-тундровый пояс его верхняя граница проходит на 2800 м.н.у.м., а нижняя опускается до 2100 м абсолютной высоты. Верхний ярус занимают каменистые, мохово-лишайниковые, кустарниковые и травянистые тундры с мхами, мятликом алтайским, горечавкой холодной и кустарниками – березой круглолистной, жимолостью щетинистой, таволгой и карликовыми формами ив.

Горно-лесная зона распространена в вертикальном диапазоне от 1200-1250 м до 2200-2300 м над уровнем моря. Она включает в себя два пояса: горно-лесной субальпийский, занимающий верхнее положение и горный лугово-таежный расположенный в нижней ее половине. В пределах этой зоны произрастают основные лесообразующие породы: сосна сибирская, лиственница, ель. Меньшие площади занимают леса из пихты, березы, тополя, осины и ив. Травянистый покров образуют злаковые, осока, черника и разнотравье.

Для горной лесо-лугово-степной зоны (Алтай и Саур) характерны редкостойные лиственничные и смешанные (березово-лиственнично-осиновые) леса со злаково-разнотравным травостоем и кустарниками. Под пологом леса и на полянах распространены кустарники: бузина сибирская, таволга средняя, желтая акация, шиповник иглистый. Из злаков наиболее обычны ежа сборная, коротконожка сосновая, вейник. Разнотравье представлено ирисом русским, душицей, володушкой длиннолистной, подмаренником северным и другими видами.

В Тарбагате вершины хребтов сглажены, а склоны глубоко расчленены ущельями. Северный склон менее расчленён и более сглажен по сравнению с южными склонами. Этот хребет характеризуется практически полным отсутствием горно-лесной зоны и доминированием степных экосистем, которые на северном склоне граничат с субальпийскими экосистемами, на южном макросклоне развита зона кустарниковых степей. Лишь в ущельях южного макросклона встречаются небольшие леса из яблони Сиверса, тополя и осины.

Джунгаро-Северотяньшанский тип, находящийся в широтной зоне средних (умеренно-холодных) пустынных экосистем. Здесь выражена следующая вертикальная зональность (на примере Жонгарского Алатау):

Высокогорный нивально-скальный пояс 3100 (3200) м. над ур. моря. Для множества криофитов линия вечных снегов является верхним пределом их распространения. Однако, единичные виды цветковых растений переходят эту критическую для большинства растений границу, проникая в ландшафт. Собственно в районе ледников встречаются ясколка (*Cerastium lithospermifolium*), камнеломки (*Saxifraga oppositifolia*, *S. flagellaris*), крупка (*Draba oreades*), сиббальдия (*Sibbaldia tetrandra*), мятлик (*Poa relaxa*), вальдгеймия (*Waldcheimia tridactylites*), тилакоспермум (*Thylacospermum caespitosum*), оксиграфис (*Oxygraphis glacialis*), желтушник (*Erysimum altaicum*), дрема (*Melandrium apetalum*), осока снежная (*Carex nigricans*).

Горно-луговой и лугово-степной альпийский пояс (2700 - 3150 м. над ур. моря) представлен в основном криофитной растительностью. Растительность часто слагается из кобрезиевых и мелкотравных криофитных, иногда остепненных лугов. Доминирующим видом этой формации всегда является *Kobresia capilliformis*. Кобрезиевые луга неоднородны и представлены кобрезиево-разнотравными, кобрезиевыми с разнотравьем и чистыми кобрезиевыми ассоциациями. Кобрезиево-разнотравная ассоциация наблюдается в более увлажняемых местах: понижениях, западинах, лощинах, склонах северной экспозиции. Разнотравье составляет здесь уже около половины, иногда и более. Более увлажненные местообитания представлены альпийскими лужайками, чаще встречающимися на северных склонах в небольших депрессиях, на перевалах, в небольших долинах. Из встречающихся видов нередко оксиграфис (*Oxygraphis glacialis*), купальница (*Trollius altaicus*), гусиный лук (*Gageae marginata*), тюльпан (*Tulipa heterophylla*), ясколка (*Cerastium tianschanicum*), трищетинник (*Trisetum altaicum*), горец (*Polygonum nitens*) и др.

Горно-луговой и лугово-степной субальпийский пояс (2200 - 2750 м. над ур. Моря). В этом поясе, как к северным, так и южным склонам приурочены арчевые заросли (*Juniperus pseudosabina*), произрастающие на высокогорных темноцветных торфянистых почвах и встречающиеся как большими непроходимыми массивами, так и довольно разреженными участками. Широко распространены мезофильные среднетравные луга, встречающиеся в сочетании с можжевельновыми зарослями. На западе хребта луга представлены в основном манжетковыми (*Alcimillavulgaris*), гераниевыми (*Geranium saxatile*, *G. albiflorum*) лугами, иногда с обилием злаков, таких как овсец (*Helictotrichonpubescens*), лисохвоста (*Alopecuruspratensis*) и др. Луга восточной части хребта представлены разнотравными формациями мезофитного и остепненного типа, слагающиеся горцем (*Polygonum nitens*), манжеткой (*Alchemilla wichurae*), фиалкой (*Viola altaica*), астрой (*Aster alpinus*), мелколепестником (*Erigerona zureus*), шульцией (*Schultzia crinita*), молочаем (*Euphorbia alatavica*), подмаренником (*Galium verum*), мятликом (*Poa attenuata*), тимофеевкой (*Phleum phleoides*), овсяницей (*Festuca rupicola*), эдельвейсом (*Leontopodium leontopodioides*), а так же другими обычными растениями высокогорий. Степи представлены в основном типчаковыми фитоценозами (*Festuca rupicola*) и имеют незначительное распространение на северных склонах.

Пояс горных еловых лесов, лесных лугов и луговых степей (1700 - 2250 м. над ур. Моря). Этот пояс является комплексом трех отличных друг от друга типов растительности: лесного, лугового и степного. Лесной пояс в свою очередь состоит из двух типов: хвойные леса и лиственные леса. Хвойные леса неоднородны по своей структуре. В них к основному доминанту ели (*Picea schrenkiana*) в более увлажненных местах примешивается пихта сибирская (*Abies sibirica*). Широко распространен травяной тип ельников, характеризующийся пышным травяным ярусом с преобладанием костяники (*Rubus saxatilis*), многоножки (*Polypodium vulgare*), василистника (*Thalictrum minus*), колокольчика (*Campanula glomerata*), золотарника

(*Solidago virgaurea*), синюхи (*Polemonium coeruleum*) и других видов. Хвойные леса восточной части хребта несколько отличаются от таковых на западе. Здесь находится самая богатая лесами часть Жонгарского Алатау. Наряду со светлыми еловыми редколесьями, часто встречаются и настоящие ельники с густым сомкнутым пологом. Ельники приурочены почти исключительно к северным склонам ущелий, и лишь в тех случаях, когда ущелье вытянуто в меридиональном направлении, леса можно встретить на обоих склонах.

Пояс горных мелколиственных лесов, лесных лугов, луговых степей и ксеропетрофитных степей (1350 - 1750 м. над ур. Моря). У нижней границы елового леса на горных склонах, на древних речных террасах, иногда на галечниковых поймах можно встретить осиновые леса. Они носят локальный характер, занимают небольшие участки и редко имеют сомкнутый полог. Под осинниками, достигающими большой сомкнутости крон, поселяются тенелюбивые лесные травы – *Aegopodium podagraria*. Под кронами разреженных осиновых лесков развивается лугово-степная растительность, по характеру видов схожая с таковой предыдущего пояса. Небольшими фрагментами также встречаются березовые леса (*Betula procurva*). Это достаточно густые леса с небольшим подлеском из кустарников (*Berberis heteropoda*, *Rosa beggerana*), осины (*Populus tremula*). Травянистый покров достаточно разрежен, однако видовой состав составляет 15-25 видов высших растений. Наиболее часто встречаются: мятлик (*Poa stepposa*), чина (*Lathyrus humilis*), сочевичник (*Orobus luteus*), кодонопсис (*Codonopsis clematidea*), ежа сборная (*Dactylis glomerata*), сныть (*Aegopodium podagraria*), герань (*Geranium rectum*), володушка (*Bupleurum longifolium*), зверобой (*Hypericum hirsutum*), купырь (*Anthriscus sylvestris*) и др.

Пояс горных плодовых лесов (1200 - 1400 м. над ур. Моря). Плодовые леса часто представлены яблоней Сиверса (*Malus sieversii*). Яблоня произрастает как по склонам (иногда довольно крутым), так и на выровненных местообитаниях. Распространены яблонники по хребту довольно широко. Травяной ярус в этих лесах в основном высокий, хорошо развит и содержит обычные растения окружающих лугов. Доминируют, как правило, злаки. Среди них *Alopecurus pratensis*, *Dactylis glomerata*. Довольно часто встречаются *Polygonum songarica*, *P. alpina*, *Aconitum septentrionale*, *Tanacetum boreali*, *Companula glomerata*, *Ligusticum discolor*, *Urtica dioica*, *Bupleurum longifolium*, *Veronica parphyriana*. Так же встречаются степные виды (*Pheum phleoides*, *Festuca ganeschii*, *Galium verum*) и др.

Пояс степей (1000-1200 м. над ур. моря). Степи занимают как склоны гор, так и межгорные долины. Наиболее широко на северных склонах и в долинах распространены разнотравно-типчачковые и разнотравно-красноковыльные (*Stipa zalesskyi*, *Festuca valesiaca*, *Poa stepposa*, *Lathyrus pratensis*, *Thalictrum minus*, *Galium boreale*) степи, часто в сочетании с розариями (*Rosa plathyacantha*). Встречаются участки овсецовых (*Helictotrichon desertorum*) степей. При переходе на южные каменистые склоны травостой изреживается и приобретает другой облик. Здесь обильны петрофиты (*Sedum hybridum*, *Stipa caucasica*, *Ziziphora bungeana*, *Patrinia intermedia*) и кустарники. Наиболее обычными кустарниками являются *Spiraea hypericifolia*, *Cotoneaster melanocarpa* и *Lonicera microphylla*. Разнотравно-ковыльные степи на черноземах сменяются сухими горными тырсовыми степями с преобладанием *Stipa capillata*. На самых низких гипсометрических уровнях преобладают опустыненные полынно-дерновиннозлаковые степи (*Festuca valesiaca*, *Artemisia sublessingiana*).

Западно-Тяньшанский тип, характерный для широтной зоны южных (тепло-умеренных) пустынных экосистем. Вертикальная зональность здесь представлена следующими 5 поясами:

1. Высокогорный нивальный пояс, 3600 (3800) м, характеризуется почти полным отсутствием высшей растительности, господством льда, фирна, голых скал и каменистых россыпей. Пояс имеет важное значение, как регулятор речного стока. В нивальном поясе почвенные образования отсутствуют.

2. Высокогорный альпийский пояс, 2800 (3000) - 3600 (3800) м, в пределах которого появляется изреженная низкорослая растительность, состоящая в основном из степных и лугово-степных трав, включая специфические высокогорные виды.

3. Высокогорный субальпийский пояс, 2200-2800 (3000) м, отличается несколько более сомкнутым растительным покровом из невысоких лугово-степных трав, среди которых почти повсеместно распространены куртины арчового стланика, занимающие до 20-30% поверхности склонов.

4. Среднегорный пояс лугово-степных арчовых редколесий, кустарников и кустарниковых полусаванн (1500-2200 м), для него характерен растительный покров двоякого типа: на склонах северных экспозиций господствуют сухие арчовые осветленные парковые леса с лугово-степной растительностью под пологом леса и на полянах, преобладающих по площади (50-90% поверхности); на склонах южных экспозиций преобладают кустарниковые крупнотравные полусаванны, местами с арчовыми редколесьями. В защищенных ущельях встречаются яблоневые рощицы.

5. Низкогорный пояс кустарниковых крупнотравных, местами остепненных полусаванн (ниже 1500-1600 м).

Вопросы к теме:

1) Какие особенности географического местоположения Казахстана на континенте, дайте краткую физико-географическую характеристику Казахстана?

2) Что такое географическая зональность и какие природно-климатические зоны и подзоны выражены на территории Казахстана?

3) Что такое дернина, дайте характеристику лесостепным и степным зональным экосистемам Казахстана?

4) Что такое экосистема, охарактеризуйте зональные пустынные экосистемы Казахстана?

5) Какие вы знаете типы горных экосистем Казахстана, обусловленные вертикальной поясностью и зональным расположением? Охарактеризуйте вкратце вертикальную зональность каждого горного типа экосистем.

Использованные источники

1 https://ru.wikipedia.org/wiki/Климат_Казахстана

2 Ботаническая география Казахстана и Средней Азии, 2003; Четвертый Национальный доклад Республики Казахстан по биологическому разнообразию, 2008; Пятый Национальный доклад Республики Казахстан по биологическому разнообразию, 2013; и др.

Глоссарий

Аридный – сухой, от латинского *aridus* – сухой.

Гиперксерофит – (от греческого *hyper* (гипер) – сверх, над) растение, приспособленное к жизни в условиях крайне низкого водоснабжения (см. *ксерофит* ниже)

Гумидный – влажный, от латинского *humidus* – влажный.

Денудация – совокупность процессов сноса и переноса продуктов выветривания

пород (водой, ветром, льдом, непосредственным проявлением силы тяжести). Термин происходит от латинского *denudation* – обнажение.

Дернина (дерновинные злаки) – верхний горизонт почвы, густо пронизанный переплетёнными живыми и отмершими корнями, корневищами и побегами растений и обладающие связностью. Наиболее развита в степи и на лугах, где служит мощным средством задержания и поглощения стока.

Зональность (географическая) – закономерность дифференциации географической оболочки Земли. Проявляется в последовательной смене географических поясов и зон, обусловленной характером распределения лучистой энергии Солнца (уменьшается от экватора к полюсам) и неравномерностью увлажнения.

Ксерофит – растение, приспособленное к жизни в условиях низкого водоснабжения. Термин происходит от греческого *xeros* – сухой и *phyton* – растение.

Лёсс – однородные, обычно неслоистые, пористые, слегка сцементированные или суглинистые покровные отложения. Термин происходит от немецкого *Löss* – свободный, рыхлый.

Нивальный пояс – самый верхний природный высотный пояс гор, расположенный выше климатической снеговой границы. Характерны снежники и ледники, интенсивное физическое выветривание. Органический мир крайне беден, растительность разреженная (лишайники, мхи, немногие виды цветковых растений). Нижняя граница спускается у Полярного круга до уровня моря, а в горах Центральной Азии поднимается до 6500 м над уровнем моря.

Петрофит – растение скал и каменистых осыпей (тоже, что и литофит).

Происходит от латинского *petra* – скала, камень и *phyton* – растение.

Псаммофит – растение, приспособленное к жизни в песках, особенно в песчаных пустынях. Термин происходит от греческого *psammos* – песок и *phyton* – растение.

Экосистема – совокупность живых организмов и окружающей их среды во взаимодействии. В отличие от *биогеоценоза* термин *экосистема* является безранговым понятием, применимым к совокупностям различного типа и размера. Термин происходит от греческого *ойкос* (*oikos*) – жилище, и *система* (*systema*) – сочетание, объединение.

Эфемер – однолетнее растение или животное с коротким, обычно весенним, периодом развития.

Эфемероид – многолетние организмы, сместившие и сократившие ритмы своего развития: растения с коротким, обычно весенним, периодом развития; животные (эфемероидные насекомые) активные лишь в весеннее время.

Устойчивое развитие и деградация горных экосистем

1 Ресурсный потенциал горных районов

Общий объем льда в ледниках Таджикистана составляет примерно 460 км³, или 52% от общих запасов пресной воды законсервированной в ледниках Центральной Азии. Средний годовой поверхностный сток рек здесь составляет более 50 км³, или почти 364 тыс. м³ на 1 км² территории. Практически Таджикистан единственная в СНГ республика, в структуре топливно-энергетического баланса которой доминирующую роль играет гидроэнергетические ресурсы.

Суммарные потенциальные гидроресурсы республики составляют 32,2 млн. кВт по мощности, или более 500 млрд. кВт /ч по выработке энергии (почти 8,5% гидроэнергоресурсов СНГ). На 1 км² территории республики приходится 200 тыс. кВт/ч против 150 кВт/ч в среднем по странам СНГ [1].

На нынешнем этапе развития страны Правительство Таджикистана придает огромное значение строительству Сангтудинских ГЭС-1, 2 и Рагунской ГЭС на реке Вахш. Завершение строительства этих объектов в нынешней кризисной для Таджикистана обстановке имеет огромное экономическое и политическое значение. Кроме Нурекской и Рагунской гидроэлектростанций из последующих ступеней каскада ГЭС на реке Вахш наиболее важным представляется сооружение Сангтудинских ГЭС в низкогорном поясе. Завершение их строительства общей мощностью 950 тыс. кВт с участием российских и иранских специалистов приобретает все более масштабный характер. После завершения строительства в ближайшие годы Рагунской ГЭС на реке Вахш необходимо будет начать строительство Шуробской ГЭС, которая будет иметь чисто энергетическое значение. Сооружение Шуробской ГЭС завершит каскадное освоение гидроресурсов горной реки Вахш и степень использования технического гидропотенциала реки достигнет 80%.

Наиболее крупными потенциальными ресурсами предгорных земель (более 200 тыс. га) по выращиванию субтропических плодов (хурмы, инжира, граната, пекана, миндаля и т.д.) располагает Вахшская природно-климатическая зона. Здесь и на адырных землях зоны имеется возможность развития цитрусоводства в закрытом грунте, что открывает в условиях переходной экономики в перспективу превращения республики в одну из основных баз в Центральной Азии по производству лимонов и апельсинов.

В настоящее время в горных регионах имеется более 300 тыс. га влагообеспеченных земель, пригодных для садоводства и виноградарства. Даже без учета фактора интенсификации этот массив обладает потенциальной способностью производить не менее 3,5 млн. тонн винограда, яблок и груш лучших сортов.

2. Энергетический потенциал

Гидроресурсы Таджикистана сосредоточены, в основном, на крупных реках Вахш, Пяндж, Оби-хингоу и другие. Удельная насыщенность потенциальными гидроресурсами составляет значительную величину – 3682,7 кВт.ч. на 1 кв.км территории (первое место в мире), потенциальных гидроресурсов на душу населения - 87800 кВт.ч. в год (второе место в мире).

Таблица 1. - Потенциальные запасы гидроэнергоресурсов Таджикистана [2]

Бассейны рек	Среднегодовая мощность, МВт.	Среднегодовая энергия, ТВт.ч.	Доля в общем объеме, %
Пяндж	14030	122,90	23,2
Гунт	2260	19,80	3,73
Бартанг	2969	26,01	4,93
Ванч	1191	10,34	1,96
Язгулем	845	7,40	1,39
Кызыл-Су	1087	9,52	1,78
Вахш	28670	251,15	48,00
Кафирниган	4249	37,22	7,00
Оз. Кара-Куль	103	0,90	0,17
Сурхан-Дарья	628	5,50	1,03
Зеравшан	3875	33,94	6,38
Сыр-Дарья	260	2,28	0,43
Итого	60167	527,06	100,00

3. Устойчивое развитие и энергетика

Идея устойчивого развития многогранна, она направлена на улучшение условий жизни каждого человека в гармонии с природой. Успешная реализация этой цели связана с решением ряда социально-экологических проблем. Задачи социально-экономического развития общества должны решаться с учетом проблем охраны окружающей природной среды и рационального использования природных ресурсов.

Горные территории являются хранителем несметных богатств и главной экосистемой суши, сами являясь хрупкой природной средой, подверженной, как природным катаклизмам, так и антропогенному воздействию. Природные бедствия, глобальное изменение климата, с одной стороны, нерациональное, интенсивное использование природных ресурсов в условиях рыночной экономики, с другой стороны, сильно влияют на динамическое равновесие и устойчивость горных экосистем.

Таджикистан, как горная страна (93 % территории страны занимают горы), аккумулировал в себе все эти проблемы, решение которых требует принятия неотложных мер. Одним из важных и перспективных аспектов решения этой проблемы, как в социальном, так и в экологическом плане, является повышение уровня энергообеспеченности населения в горных районах.

Без обеспечения доступа населения и производителей к различным источникам энергии и особенно электроэнергии достижение Целей Развития Тысячелетия (ЦРТ) становится нереальной задачей. Отсутствие электроэнергии, в частности в зимнее время, становится причиной не функционирования компьютерных классов в учебных учреждениях, полноценного функционирования медицинских заведений, особенно на селе. Важным является развитие энергетического сектора для создания и функционирования, как промышленных, так и сельскохозяйственных предприятий.

Улучшения в секторе энергетики являются важным вкладом в усилиях по достижению ЦРТ 1 - сокращению нищеты и ликвидации голода, ЦРТ 2 – обеспечению всеобщего базового образования, ЦРТ - 4, 5, относящихся к здоровью населения и ЦРТ 7 – в части обеспечения доступа населения к питьевой воде и средствам санитарии.

4. Деградация горных экосистем Таджикистана Причины Деградации Горных Экосистем

Играя важную роль в формировании экосистемы земли, сами горы являются

хрупкой природной системой. Горы подвержены природным катаклизмам (землетрясение, оползни, лавины, сели), антропогенному воздействию (сельскохозяйственная деятельность, пашни, пастбища), вырубка лесов (и без того скудных и долго остающихся в горах), строительство зданий и промышленных объектов (без учета природно – экологических факторов), строительство зданий гидросооружений (ГЭС, водохранилища, каналов). Совместное действие всех этих факторов приводит к нарушению равновесия в горных системах. Если не принять соответствующие действия, то горные системы из источника жизни превратятся в угрозу для жизни.

Примерами могут служить такие катастрофические землетрясения Таджикистана, как Каратагское-1907г., Сарезское-1911г., Файзабадское-1943г., Хаитское-1949г. Горные территории Центральной Азии расположены в зоне протекания современных геологических процессов. Наиболее опасны землетрясения, обвалы, оползни, сели, периодические подвижки ледников, эрозия почв и др. Катастрофы или стихийные бедствия - это проявление одного из этих геологических процессов, связанное с человеческими жертвами или материальным ущербом. Ввиду дефицита земель пригодных для жилья и хозяйственной деятельности человек практически всегда селится в местах, подверженных опасности проявления одного или нескольких стихийных бедствий.

Следует отметить, что не только локальные факторы влияют на экосистему гор. Например, высыхание Аральского моря, которое подпитывалось водой из Сырдарьи и Амударьи, стало причиной образования соленых песчаных бурь, частицы которых ветром доставляются до ледников на Памире. Присутствие человека в горной экосистеме чаще всего нарушает это хрупкое равновесие и провоцирует проявление опасных стихийных бедствий.

Нерациональная и неправильная человеческая деятельность (нерациональное землепользование) может значительно увеличить неблагоприятные последствия землетрясений, как например, рядовое Гиссарское (Шарора) землетрясение 1989г. вызвало эффект разжижения грунта и возникновения оползня, приведшее к большим человеческим жертвам. Возникновение подобного явления возможно практически на всей территории Таджикистана.

Горный рельеф республики Таджикистан очень сильно влияет на территориальную организацию производительных сил, местами создавая большие препятствия для земледелия, промышленного и дорожного строительства. В горной территории республики широко используется богарное террасирование по многолетним культурам. Однако неправильное построение этих террас приводит к интенсивному развитию эрозионных процессов. Установлено, что склоны $10-25^{\circ}$ сильно смытые и размыв почв достигает $920 \text{ м}^2/\text{га}$, $5-10^{\circ}$ подвержены различной степени смытости, до 5° – слабосмытые.

До 30 % горных склонов на территории Таджикистана - это оползневые склоны. Значительную роль в образовании оползней (помимо природных факторов) играет хозяйственная деятельность человека. Это прокладка дорог, расселение на склонах, строительство плотин, водохранилищ, каналов, распашка склонов, несоблюдение режима водопользования.

Ситуация осложняется тем, что в настоящее время, поселенцы размещаются практически на селеопасных участках. В горных районах большая часть населения расселяется вдоль долин крупных и мелких рек. Однако 90% долин рек на территории Таджикистана опасны с точки зрения возникновения селей. На территории Таджикистана практически каждый год селевыми потоками наносится большой экономический ущерб посевным площадям сельскохозяйственных культур, часто бывают человеческие жертвы. Причинами селей являются не только интенсивные осадки и быстрое таяние снегов, но и перекрытие русел рек оползнями и обвалами, а также подвижными ледниками (например, ледник

«Медвежий») раз в 10-11 лет. Обвалы, как правило, вызывают меньшее количество ущерба из-за малонаселенности горных местностей. Однако катастрофические обвалы приводят к морфологическим изменениям, в результате которых образуются озера (например, озеро Яшилкуль, Зоркуль, Сарез на Памире или Искандеркуль и другие).

Природные факторы могут создавать условия для возникновения эрозии и вызывать ее развитие, но они не всегда служат причиной проявления деградации почв. Главная причина, вследствие которой интенсивно развиваются эрозионные процессы – неправильная хозяйственная деятельность человека.

Под богарное земледелие, в последнее время, широко используются склоны крутизной до 25°. Однако, неправильное построение террас приводит к интенсивному развитию эрозионных процессов. При первом же поливе образуются промоины, а на границах полей – овраги. Иногда в результате ирригационной эрозии мощность почвенного покрова уменьшается до 80 см. Полив сельхозкультур на большей части республики проводится поверхностным способом и лишь незначительной площади – дождеванием. Все это приводит к ирригационной эрозии.

Из-за нехватки топлива, в последние годы, наблюдается сплошная рубка лесов. В результате оголяются склоны, снижается запас влаги в почве, уменьшаются подземные и увеличиваются поверхностные стоки. Эти факторы, в свою очередь, усиливают эрозию почв, нарушают гидрологический режим рек. Вырубка древесно-кустарниковой растительности и использование горной зоны под зимние пастбища, снижают густоту и видовой состав травостоя, что усугубляет процесс разрушения почвенного покрова.

В районах развитой горнодобывающей и горнорудной промышленности, а также в зонах влияния крупных промышленных предприятий, происходит значительное техногенное нарушение естественного состояния богарных земель, их химическое загрязнение.

Деградация почв усиливается так же бессистемной рекреацией, организацией свалок вокруг населенных пунктов, воздействием транспорта.

Несмотря на значительный спад промышленного и сельскохозяйственного производства, экологическое состояние окружающей среды в целом и отдельных ее компонентов (атмосферного воздуха, водных, земельных, растительных ресурсов) не только не улучшилось, но в отдельных компонентах продолжает ухудшаться. Это происходит потому, что одновременно со спадом экономики все природоохранные мероприятия были сведены к нулю, в то время как антропогенное давление на природные ресурсы, в целом, возросло вследствие внутренних миграционных процессов и ухудшения жизненного уровня населения.

Игнорирование природоохранных мероприятий, ухудшение экологического состояния водных источников привело к значительному увеличению специфических заболеваний, всплеску острых кишечных инфекций и других опасных болезней, связанных с загрязнением и бактериальным заражением воды.

Для жителей горных регионов, лишенных средств к существованию, сама окружающая среда стала средством выживания. Распашка склонов, вырубка лесов, нерегулируемое использование пастбищных угодий приводит к деградации ландшафта в стокоформирующей зоне бассейна реки Амударья.

В горных регионах последствия склоновых разрушительных явлений - оползней, селей, эрозий и землетрясений носят более разрушительный характер по сравнению с равнинным регионом. Примерами могут служить такие землетрясения как Уссайское (1911 г.), в результате которого образовалось Сарезское озеро, Хаитское (1949 г.), в результате которого райцентр Хаит полностью скрылся под оползнем, а общее число жертв составило 30 тыс. человек, Шароринское (1985 г.) и др.

Ежегодно в Таджикистане происходят более 5000 землетрясений разной силы, сходят около пятидесяти тысяч оползней, рушатся десятки тысяч лавин, образуются разрушительные селевые потоки, выходят из берегов бурные реки. Все эти стихийные явления относятся к чрезвычайным ситуациям и приносят большой ущерб хозяйству нашей страны, а нередко приводят и к гибели людей.

В настоящее время более 700 населенных пунктов по данным МЧС во всех районах Таджикистана находятся в опасности, полторы тысячи семей нуждаются в срочном переселении. В ближайшие годы предстоит переселить более 8000 семей.

Одной из природных особенностей республики является низкая самоочищающаяся способность атмосферы вследствие таких метеорологических факторов как медленное движение воздуха и его застой. Горно-долинная циркуляция атмосферного воздуха способствует перемещению и накоплению в долинах загрязненного воздуха. Естественная высокая запыленность воздуха в 2000 году увеличилась на 400 %.

Положение усугубляется к тому же и техногенными факторами. По данным отдела географии и экологии АН Таджикистана загрязнению подвержены больше всего воздушные бассейны крупнейших Вахшской и Гисарской долин, т.е. именно той территории, на которых сосредоточены промышленные и транспортные источники загрязнения. Это явилось одной из причин роста заболеваемости населения респираторными заболеваниями.

Неконтролируемый туризм и охота, также, наносят существенный вред уникальным участкам горной экосистемы.

5. Аральский кризис

Крупномасштабное расширение орошаемого земледелия, начатое в 60-70 годах прошлого столетия, сопровождавшееся изъятием больших объемов водных ресурсов, привело к развитию Аральской экологической катастрофы. За последние 45-50 лет уровень воды Аральского моря площадью 68 тыс. км² понизился более чем на 25 м, а площадь его акватории уменьшилась почти в 4 раза, объем воды снизился с 1064 км³ до 115 км³, соленость достигла 72 г/л.

В настоящее время в рассматриваемом регионе опустыниванием охвачено около 60% территории: на 71% площади деградирован почвенно-растительный покров, около 10% подвержено ветровой и водной эрозии, 12% засолению. Проблеме Аральского моря посвящено много публикаций, проведен ряд региональных и международных совещаний и семинаров, созданы специальные организации. Проблемой Арала занимается МФСА (Международный фонд спасения Арала), где Президенты пяти стран Центральной Азии выражают озабоченность кризисным состоянием Аральского бассейна. Однако этот регион по-прежнему остается зоной экологического кризиса, охватывающего не только пустынные районы, но и оазисы, предгорные равнины и горы. Исследование последних лет показывают, что Аральская катастрофа оказывает негативное влияние и на экосистемы предгорно-горных областей. Кругооборот вещества в системе «равнины-горы» характеризуется возрастающей ролью эолового переноса соли, пыли и аэрозоля. Аральское море, тысячелетиями служившее главным аккумулятором солей в регионе, теперь действует в обратном направлении, - как источник соли - пылевого выноса.

Последствия аральского кризиса

По мнению большинства ученых, площади ледников Центральной Азии постепенно сокращаются. Только за счет пыли - солевой загрязненности интенсивность таяния ледников повышается на 20%. За период с 1959 на 1980 г. горные ледники в регионе уменьшились в размерах на 19% или на 113 км³, что способствовала развитию процессов опустынивания высокогорных территорий.

В Центральной Азии административно-территориальные границы, как правило, не

совпадают с природно-экологическими границами. Поэтому особую актуальность приобретает совместное исследование приграничных территорий. В силу сказанного в формировании единого центрально-азиатского геоэкономического пространства ключевую роль должны сыграть трансграничные территории и контактные регионы. Взаимное приспособление и адаптация территориально-хозяйственных структур сопредельных регионов на основе общерегиональной системы производительной и сервисной инфраструктуры, создание в перспективе различных форм свободных экономических зон, несомненно, будут способствовать социально-экономическому развитию стран Центральной Азии. Достижение этих стратегических задач и их научное обоснование также требуют совместных усилий ученых региона.

В этой связи для решения основных задач по устойчивому развитию региона необходимо:

- более широкое использование междисциплинарного подхода для разработки идей экологически сбалансированного развития;
- усиление процесса взаимодействия стран Центральной Азии в социально-экономических и экологических направлениях;
- разработка единой интегрированной системы оценки рисков и быстрого реагирования на потенциально опасные природные катастрофы;
- создание более благоприятных условий для доступа населения к экологической и социально-экономической информации.

Вопросы по теме:

1. Что такое рациональная политика природопользования?
2. Каково значение устойчивого развития для экономической безопасности страны?
3. Устойчивое развитие как идея и принцип.
4. Каковы задачи социально-экономического развития общества?
5. Какие причины привели к деградации горных экосистем?

Использованные источники

1. Умаров Х.У., Мухаббатов Х.М. Биоклиматический потенциал Таджикистана: проблемы сочетания устойчивости и эффективности в его использовании. Журн. «Экономика Таджикистана: стратегия развития», 2005, № 3, с. 77.
2. Гидроэнергетические ресурсы Таджикской ССР. Недра, Ленинград, 1965 г.

Глоссарий

Устойчивое развитие – обеспечить здоровую, производительную жизнь в гармонии с природой ныне живущим и будущим поколениям на основе охраны и обогащения культурного и природного наследия. Устойчивое развитие предполагает наличие трех компонентов: экологической безопасности, экономического роста и социального развития.

Экономическая безопасность – это область научного знания, в рамках которой изучают состояние экономики, при котором обеспечивается достаточно высокий и устойчивый рост экономических показателей; эффективное удовлетворение экономических потребностей; контроль государства за движением и использованием национальных ресурсов; защита экономических интересов страны на национальном и международном уровнях.

Деградация - регрессия - процесс ухудшения характеристик какого-либо объекта или явления с течением времени, постепенное ухудшение, упадок, снижение качества, разрушение материи вследствие внешнего воздействия по законам природы и времени. Деградация часто противопоставляется прогрессу.

РАЗДЕЛ 3. ЭКОНОМИКА

КЕЙС-СТАДИ

Лайшева Э.

РАЗМЫШЛЕНИЕ БЫВШЕЙ МАРКСИСТКИ

Чем был обусловлен развал такой мощной во всех отношениях страны, как СССР? На эту благодатную тематику не рассуждали только ленивые и абсолютно инертные люди. Говорили о роли Горбачева и Ельцина, Беловежских Соглашений, а также о руке западных демократий и еще много, о чем. Мы же склоняемся к железной логике Карла Маркса, который всегда имел в виду: «Кто девушку ужинает, тот ее и танцует», т.е. производство, обмен и распределение материальных благ первично, все остальное – просто надстройка. Базисом является способ производства как некое взаимодействие производственных отношений и производительных сил.

Планово-командная система хозяйствования или жесткая иерархия в сфере производства материальных благ, необходимых для удовлетворения потребностей жизнеобеспечения, оказалась нежизнеспособной или недостаточно конкурентоспособной в процессе обеспечения участников производства насущными благами. Полагаем, что это и стало основной причиной развала Советского Союза, что в общем-то вторично, и схлопывания командно- административной или иерархичной системы хозяйствования. Вопросы координации потребностей общества и относительной ограниченности ресурсов, находящихся в распоряжении этого общества, эти животрепещущие вопросы жизнеобеспечения общества, оказались не под силу системе с размытыми принципами прав частной собственности.

Цивилизации, как таковой, предшествовал период первобытнообщинной организации добычи и распределения, материальных благ, недалекой от животной организации стаи, он характеризовался отсутствием частной собственности.

Общеизвестный афоризм Уинстона Черчилля: «Демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных» в полной мере можно отнести к рыночной системе хозяйствования. Демократия и рынок – это однояйцевые близнецы, которые не могут существовать друг без друга, а рынок – это жестокий и, во многом, аморальный способ координации потребностей и ресурсов общества. Но более эффективного, с точки зрения экономических результатов, пока никто не придумал.

Общественная форма собственности, в основе своей, зиждилась на внеэкономических методах принуждения к участию в общественном производстве и была эффективной на заре советской власти, когда принуждение принимало формы репрессий, когда невыполнение нормы трудового участия в общественном производстве расценивалось как саботаж и могло стоить жизни. С послаблением принципов организации общественного производства и, можно сказать, с движением советского общества к демократическим принципам, социальным завоеваниям, экономическая эффективность и, в конечном счете, производительность труда падала. Накал политической борьбы в тоталитарном обществе спадал и вкупе с ним, сокращалось обеспечение насущных благ общества. Кто бы и что ни говорил о замечательных лозунгах советской власти: «Мир, труд, май», «От каждого по способности, каждому по потребности», «Человек человеку – друг, товарищ и брат», сами по себе являют собой высокий пример гуманности и социальной ответственности. Нужно быть очень плохим человеком, чтобы не попасть под обаяние подобных провозглашений. Но лозунги лозунгами, а умозаключения нами были сделаны не за

письменным столом, а в процессе битвы за материальные блага для своей семьи, битвы сокрушительной, в том смысле: или ты сокрушишь эту, казалось бы, непробиваемую стену, или она сокрушит тебя на более низкий уровень потребления, включая здравоохранение, образование, да и достоинство тоже. Родители учили: «Не жалуйся, не проси, не унижайся. Если сможешь – заработай, если не можешь – умерь свои потребности». В то же самое время партийное бонзейство потребляло на уровне стандартов западной демократии. Снимаю шляпу перед диссидентами того времени, которые не только вполне осознали двуличность этого общества, собственно, это произошло практически на каждой кухне, но и вопреки животному страху за себя и свою семью, смогли хотя бы что-то противопоставить безжалостной тоталитарной машине.

В 1970-е годы тотальный дефицит материальных благ, способных удовлетворить физиологические потребности, не будем говорить о тяге к прекрасному, желанию учиться у профессионалов мирового уровня и т.п., принял карикатурные масштабы. Это был очень реалистичный театр абсурда. Чтобы накормить и одеть свою семью, нужно было пройти ряд кругов ада. Мои сверстники поймут меня, а последующим поколениям пожелаю так и не понять этого абсурда. Да не в тиши кабинетов, а с маленькой дочкой, отоваривая талоны на сахар и водку, пришлось делать выводы об экономической неэффективности общественного производства.

Командно-административная экономика генерировала снежный ком нарастающих транзакционных издержек, низкую производительность труда и неспособность решить рационально главный вопрос экономики: «Что, как и для кого производить?». На первый взгляд, союз пал в результате ряда манипуляций политических элит, на самом деле экономические противоречия стали неразрешимыми, иерархия проиграла экономическое соревнование спонтанному порядку. На голову многострадальных кыргызов упала, как сорвавшаяся с подъемного крана балка, политическая независимость. Сколько ни старайся не участвовать в политических играх, политика как «концентрированное выражение экономики», постоянно и методично занимается тобой. Никуда не деться из этой лодки.

Механизмы перехода от административной экономики к рыночной новые страны Центральной Азии выбирали каждая свое. Это было завязано и с ситуацией в самой стране на тот период и с личностью верховного правителя, и с качеством политических элит, но также, как мне кажется, и с менталитетом нации, традиционным укладом. Недаром глубоко почитаемый автором Дж. М. Кейнс говаривал, что экономика – это не наука, это искусство, поскольку она стоит на неустойчивом нагромождении экономической рациональности, морали и нравственности, психологии и др.

Как известно, физик Аскар Акаев выбрал шоковую терапию, а ведь предостерегал мудрый старец Дэн Сяо Пин: «Чтобы перейти реку, нужно нащупывать ногами камни». Правду сказать, и узбекский градуализм не был столь успешным. Зато китайская модель оказалась куда как более успешной, с другой стороны многие связывают это с конфуцианством – нам, кочевникам, этого не понять. У нас самый успешный проект – это зарождение и культивирование элитами коррупции.

Немного о роли личности в истории. Не могу постигнуть, почему у такого древнего и мудрого народа с эпическим сознанием, не появляется столь же мудрый, эпически мыслящий вождь - потомок Манаса великодушного, который вслед за своим праотцом смог бы сказать перед своим народом: «Кулаалы таптап куш кылдым. Курама жыйып журт кылдым». Но может быть, созревание общественного сознания и национального самосознания все же приведут к появлению личности уровня Мустафы Кемалю Ататюрка, способного к патриотическому стратегическому мышлению, который допустит к принятию экономических решений профессионалов, будет держать их под

контролем не трайбов, а общества. Соотношение традиций и изменений должно диктоваться здравым смыслом, благосостоянием общества, гуманитарным прогрессом и технологическими инновациями.

Шоковая терапия, семейно-клановое правление, реализованное дважды, две революции, и в результате очень значительная коррупционная составляющая, значительный внешний долг, слабые темпы роста национальной экономики, бедность и социальное неравенство.

Но надежда жива. Пресловутая политическая стабильность (как бы ни потерять то, что завоевывалось десятилетиями), интеграционные процессы, некоторая адаптация населения к рыночным законам дают возможность надеяться на то, что удастся выработать и реализовывать свой оригинальный путь развития, органичный для кыргызского общества. Для традиционного кыргызского общества, а также для кыргызстанского общества советского периода не была имманентна радикальная социальная дифференциация. В советской идеологии и пропаганде был расхожий штамп, который гласил: «Киргизское общество вступило в эпоху социализма, минуя исторический этап капитализма».

Традиционное кыргызское общество имело родовое начало, основывалось на родоплеменной организации, на кочевом образе жизни, так называемой военно-кочевой демократии, индивидуум жил, потреблял и развивался в рамках родовой общины. Абсолютной властью и несметными богатствами не обладал никто. Да, в трайбе была иерархия, но дифференциация не была столь жесткой, как, к примеру, в Китае или в западноевропейской цивилизации, поскольку присвоение собственности было затруднено условиями, когда человек мог выжить в суровых климатических условиях и кочевой организации отгонно-пастбищного производства, родовой междуусобицы только в общине, родовом коллективе. Родственное страхование, покровительство рода для кочевника давало защиту, возможность потреблять, гарантию определенных прав, а также известную долю свободы. А пастбищные угодья, являющиеся наиболее ценным ресурсом, принадлежали родовым общинам, а не отдельному индивидууму.

А как же быть с экономическим принципом рациональности? Однажды, готовясь к лекциям, в одной умной книжке прочитала такой пример: в одной гипотетической стране есть 10 владельцев яхт и 10 бомжей. Как только правительство стало проводить политику сокращения количества владельцев яхт через налогообложение, то количество бомжей вдруг стало увеличиваться. Вопрос: есть ли корреляция и с чем она связана?

Конечно, с мотивацией, с принципом рациональности: каждый экономический агент постарается максимизировать выгоду от имеющихся в его распоряжении ресурсов. Или тот, кто выше ценит ресурс, должен иметь больше, от этого выигрывает все общество. Думаю, что здесь нет противоречия. Люди, умеющие зарабатывать деньги (а не красть), должны жить лучше, никто с этим не поспорит, если те, кто умеет созидать, также обладает достаточной социальной ответственностью, патриотизмом, а государство, как справедливый рефери, сумеет создать здоровую конкурентную среду и наблюдать за соблюдением правил игры, им же провозглашенных. Все это должно сопровождаться прогрессивным налогообложением и взвешенной социальной политикой, борьбой с коррупцией.

Не вызывает ни малейших сомнений то, что богатые должны делиться, хотя бы по той простой причине, что нынешняя ситуация с радикализацией молодежи, ее вовлечение в экстремистские организации становится небезопасной, угрожающей жизни собственности людей небедных. По официальным данным к категории бедных в Кыргызской Республике относятся 1,5 млн чел. Все мы были свидетелями, как трансформация энергии молодежи в не созидательные проекты может снести все:

политический режим, собственность и такие замечательные лозунги, как: «Кыргызстан- наш общий дом», «Ак сөз, асыл ой, адал иш».

Формировать мировоззрение граждан, по нашему скромному мнению, можно только через сокращение социальной незащищенности, повышение занятости, справедливое распределение благ, особенно ресурсов, дарованных природой, богом, если хотите, качественное прогрессивное просвещение и образование.

В конечном счете, как всегда мы уперлись в вопрос соотношения эффективности и справедливости, все известные мне экономические школы пытаются найти компромисс между этими, вроде бы взаимоисключающими, категориями. Социальная справедливость в понятиях общества и экономическая эффективность в понятиях конкурентного рынка, к сожалению, не совпадают. Обществу тяжело не только выбрать оптимальное соотношение этих категорий, но даже однозначно определиться с критерием справедливости. Что говорить, когда, великие экономисты, целые созвездия Нобелевских лауреатов бьются над решением этих проблем. Не буду загружать читателя описанием специфических экономических моделей, изобилующих математическими методами. Наиболее понятным и распространённым, из них для наших студентов, изучающих экономику, является критерий оптимальности по Паретто. Американский экономист А. Бергсон пришел к выводу, что подобная система ценностей должна быть разработана экономистами, законодательными и исполнительными государственными органами.

В современной экономической теории наличествуют три подхода к решению этих проблем: Представители классического либерализма, начиная еще с А. Смита, считают, что самое лучшее государство то, которые лишь выполняет функции ночного сторожа и не препятствует частной инициативе (индивидууму) свободно реализовывать свои частные интересы. Либерализм диктует равенство возможностей, а не результатов. Справедливость устанавливается самим рынком (принцип «Laissez faire, laissez passer»). Ну, понятно, что рыночная экономика быстро превращает равенство в неравенство. А эффективность при либеральном подходе означает, что редкие ресурсы достались тем, кто взял планку наибольшей цены и, соответственно, будет более эффективно их использовать.

Утилитаризм основан английским философом И. Бентамом. Мне очень импонирует его моральный принцип: «...предоставление наибольшего счастья для наибольшего числа людей». При этом утилитаристы делают оговорку, что такое перераспределение возможно лишь в тех границах, которые не ведут к существенному снижению эффективности производства.

Сторонники эгалитаризма полагают, что все члены общества должны иметь не только равные возможности, но и равные результаты. Это способствует достижению единства и сплоченности нации. Более того такие древние мыслители- сторонники эгалитаризма, как Платон и Аристотель, полагали, что любое избыточное богатство нежелательно и общество должно стремиться к тому, чтобы всем членам общества были доступны равные блага цивилизации.

В заключение хотелось бы отметить, экономике свойственна дихотомия: с одной стороны, максимизация эффективности использования редких ресурсов, с другой – справедливое распределение результатов экономической деятельности. Существует ряд критериев благосостояния общества. У всех критериев есть свои достоинства и недостатки. Следует ли обществу связывать экономическую политику с традициями, национальной идентичностью, менталитетом, историей, в свете климатических и экологических изменений – с охраной окружающей среды и т.д. (ряд очень длинный). Есть, о чем подумать!

Вопросы в теме:

1. Почему планово - административная система хозяйствования оказалась нежизнеспособной для устойчивого экономического развития советского общества?
2. Что означает главный вопрос экономики: Что, как и для кого производить?
3. Каковы специфические особенности перехода от плановой экономики к рыночной в киргизском обществе?
4. На какие три подхода в поиске компромисса между экономической эффективностью и справедливостью указывает автор?
5. На какие размышления наводит автор этой работы по дифференциации общества на богатых и бедных?

Использованные источники

1. Альманах «Восток», выпуск №3 (15), март 2004. Ю. И. Семенов «Основные и неосновные способы производства»;
2. Мякутин А. И. «Юридический быт киргизов. Вещное и обязательственное право» Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1910. Выпуск №25 – стр.23.
3. Ананьин О.И. «Экономика»: наука и искусство (научный доклад). М., Институт экономики РАН, 2007, - 66 с.

КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Часть I

В Республике Таджикистан не ожидали распада Советского Союза. Это событие стало началом глубокого экономического и социального кризиса, который продолжается до настоящего времени и все более приобретает черты системности. Распад СССР привел к разрыву экономических связей между бывшими союзными республиками и многочисленными регионами, которые развивались на базе принципов территориального разделения труда и практики единого народнохозяйственного комплекса, интегрировавшего всю экономику Советского Союза.

Распад Советского Союза стал шоком для всего населения Таджикистана, поскольку из-за разрыва плановых межрегиональных хозяйственных связей почти полностью прекратили свою деятельность предприятия союзного и союзно-республиканского подчинения. Он привел к началу массовой эмиграции русскоязычного населения, которая была занята в промышленности и других индустриальных отраслях. Гражданская война многократно увеличила масштабы эмиграции русскоязычного населения. Также миграционное движение стало причиной приостановки тысячи предприятий в промышленности и в сфере услуг. Миграционные потоки вначале коснулись городов и рабочих поселков, где проживала основная часть русскоязычного населения. Вскоре в опустевшие города хлынула огромная масса сельского населения. Процессы урбанизации указанными выше событиями трансформировались в процессы рурализации. Города стали превращаться в большие сельские населенные пункты. Городской образ жизни уступил свое место сельскому образу жизни. Города условно можно было обозначить как городские поселения.

Параллельно процессу деурбанизации после распада Советского Союза развернулся процесс деиндустриализации. В определенной степени эти процессы были взаимосвязаны, особенно в части расширения рурализационных процессов в городских местностях, когда место квалифицированных работников было занято выходцами из сельских местностей, которые не обладали способностями работать на промышленных предприятиях. По целому ряду причин, на которых далее мы будем обращать особое внимание, промышленные предприятия стали резко сокращать объемы производимой продукции. За 25 лет после распада СССР в Таджикистане удельный вес промышленности в ВВП снизился с 34,7% до 15,1%. В результате страна превратилась из индустриально-аграрной в аграрно-индустриальную.

После получения государственной независимости в Таджикистане начался процесс демонтажа социализма. Плановая экономика была трансформирована в рыночную экономику. Государственный сектор экономики постепенно теряет свои позиции. Его место соответственно занимают частный и корпоративный сектора. Такие сдвиги произошли путем осуществления приватизации государственного имущества во всех отраслях реального сектора экономики. Колхозы и совхозы почти полностью были трансформированы в дехканские (фермерские) хозяйства. Оптовая и розничная торговля также полностью приватизировалась. В промышленности процесс приватизации находится на своем заключительном этапе. Государственный сектор сохранен в так называемых естественных монополиях. Это аэропорты, железная дорога, энергетика, автомобильные дороги республиканского и местного значений и т.д.

Однако, государство не в состоянии за счет государственного бюджета развивать собственную монополию в полном соответствии с современными требованиями.

Физический износ основных производственных фондов в крупных государственных компаниях достигает до 80%. Определенные продвижения имеются в тех направлениях, где государство прибегает к использованию средств внешнего долга. Это относится к некоторым автомобильным дорогам (Душанбе – Худжанд - Чанак) и к крупным линиям электропередачи (Турсун–заде – Айни - Худжанд).

Со времени распада СССР и гражданской войны экономика страны находится в кризисном состоянии. В настоящее время идет процесс переосмысления пройденного пути. Вполне возможно, что в недалеком будущем будет осуществлен переход к другой модели рыночной экономики. Скорее всего, для Таджикистана большую ценность представляла бы использование китайской модели рыночной экономики с учетом того, что ее можно было бы адаптировать применительно к особенностям республики.

В Таджикистане при переходе к рыночным отношениям руководствовались предложениями консультантов из западных стран, многие из которых, рекомендуя реформенные мероприятия, даже не знали, что последние исходят из неолиберальной школы. Эти мероприятия включали в себе также интересы местной элиты. «Если экономическая политика государства нацелена не на формирование целостной системы хозяйственных институтов, а на решение иных задач, прежде всего, связанных с укреплением властных позиций, то рассчитывать на возникновение эффективного хозяйственного порядка не приходится. Так, например, приватизация 1990-х г.г. была направлена на консолидацию новой элиты и ослабление... экономических основ противоборствующей стороны, а не на формирование собственников и общее повышение эффективности производства». Эти слова проф. Гутника П.В. можно в полной мере отнести и к Таджикистану. Об этом свидетельствует выдержка из книги автора данного анализа, опубликованного ещё в 2010г.:

«Приватизация в промышленности, строительстве, на транспорте, в материально-техническом снабжении не привела к улучшению качественных показателей деятельности этих отраслей. До сих пор уровень использования производственных мощностей остается низким. Многие предприятия машиностроения и металлообработки, электротехнической и электронной, оборонной и горнодобывающей, химической и деревообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности вообще приостановлены. Это произошло после приватизации, когда новые собственники оказались не в состоянии обеспечить такие предприятия оборотными фондами и денежными средствами, привлечь кредиты и инвестиции». Спустя 7 лет, с полной уверенностью можно отметить, что данное мнение оказалось верным, поэтому существует необходимость в корректировке реформ с целью постепенного формирования класса эффективных собственников.

В течение продолжительного периода времени западные страны (в особенности, Евросоюз), международные и региональные финансово-экономические организации, а также ПРООН консультировали экономический блок правительства страны по вопросам осуществления рыночных реформ и обеспечения устойчивого развития экономики. Их полномочные представители, неолибералы по своим убеждениям, были весьма пунктуальными в своих консультациях. Ныне, по прохождению более чем десяти лет (они вели свою консультационную деятельность вплоть до середины первой декады 2000-х годов) многие ученые - обществоведы приходят к выводу о том, что последних вовсе не заботило развитие экономики и повышения уровня жизни населения. Их активность была нацелена к тому, чтобы окончательно демонтировать социализм, разрушить все механизмы, которые экономически соединяли постсоветские страны,

отбросить экономику постсоветских стран на несколько десятилетий назад, превратить их в экономические колонии, т.е. делать их хронически зависящими от Запада в экономическом отношении.

В этом плане, весьма симптоматичными представляются следующие слова известного норвежского экономиста, проф. Эрик С. Райнерта: «По сей день политики в мире убеждены в том, что открытость экономики и свободная торговля, а не технологический прорыв, помогла бизнесменам из Силиконовой долины заработать миллиарды. Это заблуждение обернулось катастрофой для малых инвесторов, которые вложили сбережения в проекты, оказавшиеся мыльными пузырями, и потеряли их. Аналогичное заблуждение относительно свободной торговли так же вредит жителям Перу и Монголии, которые потеряли свою промышленность». Это в полной мере относится и к Таджикистану. Именно неолибералы - консультанты из стран Запада и МФЭО постоянно говорили, что свободная торговля посредством конкурентного механизма приведет к ускорению темпов реального сектора экономики. К чему она привела, ныне является общеизвестной и не нуждается в дополнительных комментариях.

В Таджикистане все 25 лет после получения государственной независимости экономика переживала периоды глубокого кризиса, которые переходили в умеренный экономический рост, с последующими высокими темпами экономического роста, а затем в связи с мировым финансово-экономическим кризисом - в резкие колебательные темпы роста. Поэтому, можно с уверенностью сказать, что изменение темпов экономического роста за последние 25 лет носило драматический характер. Это стало предметом жарких дискуссий в стране. Среди академических кругов и представителей гражданского общества то и время раздаются голоса, что темпы экономического роста в Таджикистане не соответствуют действительности и являются завышенными. Эта тема особенно широко обсуждается среди представителей академических кругов.

В феврале-апреле 2011 г. на страницах периодической печати разгорелась дискуссия между профессором Умаровым Х. и академиком АН РТ Рахимовым Р.К. Дискуссия началась с интервью Умарова Х. газете «Asia-Plus», где было раскритиковано мнение академика Рахимова Р.К. о безинвестиционном экономическом росте. В статье Умарова Х. была подчеркнута абсурдность тезиса академика о безинвестиционном экономическом росте. В качестве доказательств проф. Умаров Х. прибегал к такому аргументу, как инструмент мониторинга темпов экономического роста. В качестве такого инструмента выступает индекс валовых накоплений. Соотношение между индексом валовых накоплений и темпами экономического роста показывает насколько последние являются достоверными. На основе сравнительного анализа был сделан вывод о том, что темпы экономического роста РТ между 2001 и 2008 гг. требуют серьезного пересмотра.

Не представляет сомнения, что единственным источником ускорения темпов экономического роста в условиях развивающейся страны, каким из себя представляет Таджикистан, являются инвестиции, и, в особенности, прямые иностранные инвестиции. Последнее для темпов ВВП в условиях Таджикистана особенно важно, поскольку до настоящего времени уровень внутренних инвестиций в экономике представляется очень низкими. Однако, из этой таблицы, даже с учетом временного лага, очень трудно выявить данную связь. Скорее, наоборот, при возрастании объемов ПИИ через некоторое время имеет место снижение темпов прироста ВВП, а при минусовых темпах ПИИ через некоторое время наблюдается повышение темпов прироста ВВП. Исключение составляет лишь 2009г., когда из-за мирового финансово-экономического кризиса произошло резкое снижение темпов прироста ВВП. Такие соотношения дали некоторым ученым - экономистам выразить сомнение в достоверности темпов экономического роста в Таджикистане. Отсюда и объясняются попытки некоторых ученых- экономистов, как

академик Р.К. Рахимов, сводить теоретически причину высоких темпов экономического роста к аргументам, которые не выдерживают критику. Такая психология, безусловно, является инерционным последствием советского времени, когда безукоризненное восхваление деятельности властей и «научное» оправдание недостатков составляли норму в поведении ученых –обществоведов.

Ясно одно, безинвестиционного типа экономического роста не бывает. Это является простой аксиомой, в особенности, для экономически отсталых стран, которые характеризуются устаревшим производственным аппаратом. В Таджикистане, после получения государственной независимости не произошло сколь-нибудь существенного обновления основных производственных фондов.

Уровень их физического и морального износа ныне составляет не менее 70%.

Теоретически безинвестиционный экономический рост представляется возможным, но не в условиях таких стран, как Таджикистан, Кыргызстан, Молдова и т.д., где ощущается не только высокий уровень износа основных производственных фондов, но и резкая нехватка оборотных фондов. Он возможен в условиях экономически развитых стран, где должны сложиться особые обстоятельства – перенакопление основных и оборотных производственных фондов, недоиспользованные инновационные ресурсы и дешевые кредитные ресурсы при предоставлении предпринимательству значительных налоговых льгот и бюджетной поддержки.

Высокие нормы валового накопления выступают в качестве главного условия достижения высоких темпов экономического роста. В самое лучшее для экономики Англии время индекс валовых накоплений был не менее 30%. То же самое относится и к КНР. Во времена, когда темпы экономического роста в этой стране составляли от 9 до 13%, нормы валового накопления составляли от 35 до 40%. Чтобы поддерживать ежегодные темпы экономического роста на уровне 6% все последние 20 лет в Индии обеспечивали индекс валовых накоплений на уровне 25- 28%. В странах Африки в последние два десятилетия ежегодные темпы экономического роста составляли 2-3,5%. Индекс валовых накоплений составлял соответственно 17-22%. Отмеченные зависимости выступают в качестве объективной закономерности.

В Таджикистане соотношение между валовым накоплением и темпами экономического роста носит крайне противоречивый характер. Удивительно, что в годы, когда имели место минусовые темпы экономического роста, индексы валовых накоплений были очень высокими (1991, 1995, 1997, 2009). Однако, в годы, когда имели место высокие темпы экономического роста, наблюдались низкие уровни валового накопления.

Такое противоречие продолжает сохраняться, даже, если включить сюда фактор временного лага с протяженностью 3-4 года. Это ещё раз свидетельствует о том, что высокие темпы экономического роста, которые значатся в официальных статистических сборниках, нуждаются в корректировке.

Вместе с тем, на современном этапе необходимо предпринимать все усилия для того, чтобы ускорить темпы экономического роста, способствовать повышению эффективности этих темпов, как в экономическом, так и социальном отношениях. Естественно полагать, что ускорение динамики ВВП требует увеличения масштабов инвестирования экономики, причем инвестиции должны нарастать опережающими по сравнению с ВВП темпами. Для этого необходимо принять радикальные меры для улучшения инвестиционной среды и повышения инвестиционной привлекательности Таджикистана. Последние важны, в особенности, для привлечения прямых иностранных инвестиций. Однако, не менее важным представляется осуществление мероприятий по нарастанию масштабов и удельного веса внутренних инвестиций. В Таджикистане, в

особенности, в условиях нахождения значительной численности трудовых ресурсов во внешней трудовой миграции имеются значительные ресурсы увеличения индекса валовых инвестиций, а, следовательно, и индекса валовых накоплений.

К таким ресурсам, нужно расширение пределов демократизации экономики. Также представляется возможным, если будет использован опыт КНР, Сингапура, Малайзии, Вьетнама и других стран по борьбе с коррупцией. Если в Таджикистане будут предприняты меры по повышению эффективности борьбы с коррупцией, то процесс утечки капитала в оффшорные зоны прекратится и огромные финансовые ресурсы будут высвобождены для того, чтобы трансформироваться во внутренние инвестиции.

То же самое может иметь место, если масштабы ныне действующей разрешительной системы будут сужены значительным образом. Например, введение безлицензионной системы добычи золота, драгоценных и полудрагоценных камней по всей территории Таджикистана не только приведет к ускорению темпов прироста золото - валютного запаса страны, но и к расширению масштабов инвестирования экономики со стороны частного сектора.

Структурные сдвиги в экономике призваны содействовать реализации жизненно важных для страны приоритетов. Одним из этих приоритетов является обеспечение высокого уровня занятости населения. Во многих странах, как развивающихся, так и развитых, где высок уровень ежегодного прироста трудовых ресурсов, осуществляют политику размещения и быстрого развития трудоемких производств. Параллельно с повышением занятости трудоспособного населения проводится курс на развитие и совершенствование человеческого капитала. Помимо других, не менее серьезных экономических и социальных последствий такая политика направлена на ускорение темпов так называемого «демографического перехода», т.е. перехода от количественных к качественным изменениям в воспроизводстве человека, личности.

После получения государственной независимости в силу возникновения целого ряда проблем и трудностей этому вопросу, т.е. вопросу быстрого повышения уровня занятости стали уделять меньшее внимание. Огромное число трудоемких производств самоликвидировались, поскольку не были в состоянии выдержать жестокую конкуренцию внешних игроков, вызванную введением свободной торговли. Это привело к резкому ухудшению структуры занятости, повышению удельного веса сельского хозяйства, включая личного подсобного хозяйства.

С 2010 по 2016 гг. удельный вес занятости в промышленности страны снизился с 4,8 до 4,2%, в строительстве - с 3,2 до 2,7%. Эти данные, безусловно, указывают на существенные изменения в направлениях и структуре занятости населения. Страна нуждается в диаметрально противоположных изменениях. Последнее возможно лишь путем ускоренного развития трудоемких и трудоемко- наукоемких промышленных производств, абсолютного и относительного сокращения численности занятых в сельском хозяйстве и сельских местностях. Стратегия импортозамещения, прежде всего, должна быть ориентирована на развитие трудоемких производств. Реализация кластерного принципа размещения новых предприятий создаст благоприятные условия для решения этой задачи. Это, особенно, касается хлопкового и шелкового АПК, кластера которых в состоянии органически соединить производство хлопка - сырца и шелковичных коконов с их дальнейшей переработкой вплоть до получения готовой продукции. Интересно отметить, что в хлопковом кластере по мере повышения уровня обработки хлопкового волокна увеличивается уровень трудоемкости продукции. Это, в особенности, касается отделочно-красильных и швейных производств. В последнее время в Центральной Азии в моду входят шелковые ткани «адрас», которые практически изготавливаются вручную.

Особое место в структуре трудоемких производств применительно к Таджикистану занимают народные художественные промыслы и туризм. Горы в Таджикистане располагают уникальными возможностями для развития многих разновидностей туризма, а эффективное развитие последнего не представляется возможным без высокого уровня развития народных художественных промыслов. Последние, действовавшие в рамках промысловой кооперации были ликвидированы решением властей ещё в 60-е годы прошлого века. На наш взгляд, для создания инфраструктуры туризма и восстановления народных художественных промыслов Таджикистан нуждается в содействии со стороны КНР. Решение этой задачи позволит достичь состояния полной занятости в горных районах страны.

Ориентация экономики страны на достижение полной занятости имеет очень большое значение для достижения устойчивого развития в экономике, социальной среде и ресурсопользовании. Адекватные результаты будут достигнуты не через 3-

5 лет, а в долгосрочном периоде. Полная занятость путем преимущественного развития трудоемких производств приведет к более быстрому наступлению демографического «перехода», т.е. к постепенному снижению естественного прироста населения, к выдвиганию на первый план качественных показателей развития человека последнее означает крен в социальной политике на развитие личности, на повышение профессионально-квалификационного уровня населения, на расширение круга социально-культурных интересов людей, на формирование творческих качеств у них, повышение их общественно-политической активности и т.д.

Часть II

Таджикистан серьёзно страдает от наличия целого ряда диспропорций, носящих макроэкономический характер, которые обуславливают развитию многочисленных неравновесий на мезоэкономическом, микроэкономическом и наноэкономическом уровнях.

В Таджикистане диспропорции, которые оказывают воздействие на все уровни экономики, разделяются на демографические, социальные, рыночные, отраслевые, региональные и диспропорции показателей экономической эффективности. Все они органически взаимосвязаны и отличаются своим многоуровневым характером. Некоторые диспропорции отличаются продолжительным периодом своего существования. К таковым относится, прежде всего, диспропорция между городом и селом.

Расширение диспропорции между городом и селом привел к продолжительному сохранению высокого уровня рождаемости, при резком сокращении коэффициента смертности населения, что было равносильно росту коэффициента естественного прироста населения. В 2000 году этот коэффициент в расчете на 1000 населения составлял 22,3 чел., в 2016 году – 24,1 чел. Кроме Туркменистана и Таджикистана во всех остальных постсоветских странах имеет место постепенное снижение данного коэффициента.

С той же диспропорцией связано растущее неравновесие между промышленностью и сельским хозяйством. В самом общем виде пропорциональное развитие между ними выражается в повышении удельного веса в промышленности и снижению удельного веса сельского хозяйства. При этом, снижение удельного веса последнего происходит в условиях наличия положительных темпов экономического роста. Это не только является общемировой тенденцией, но и объективной закономерностью.

В Таджикистане в течении продолжительного времени происходят диаметрально противоположные процессы, которые являются не только результатом продолжающегося на протяжении более 40 лет процесса деурбанизации общества. До начала рыночных

реформ соотношение занятости трудоспособного населения между промышленностью и сельским хозяйством соответствовал общим мировым тенденциям, хотя в отличие от многих развитых стран, включая РСФСР, в Таджикистане абсолютная численность увеличивалась. При этом происходило снижение удельного веса работников этой области в общей численности занятых.

За период с 1991 по 2016 гг. удельный вес занятых в промышленности снизился с 13,0% до 5,0 %, а абсолютная численность занятых уменьшилось в 9,2 раза. Ныне численность занятых в промышленности составляет 34,9% от уровня 1991 года. Что касается сельского хозяйства, то удельный вес этой отрасли в общей численности занятых увеличился с 44,7 % 1991 году, до 64,9 % в 2016 году. За указанный период времени абсолютная численность занятых в сельском хозяйстве увеличился на 74,8%. Наряду с деурбанизацией в появлении отмеченных выше крайне негативных результатов большую роль сыграла деиндустриализация, которая началась сразу же после распада СССР. Абсолютное и относительное сокращение занятости в промышленности Таджикистана, безусловно, является результатом трансформационного кризиса, который продолжается уже в течение последних 25 лет.

Массовая приостановка деятельности промышленных предприятий, рост уровня износа основных производственных фондов, массовый отток специалистов и высококвалифицированных рабочих в другие страны, низкий уровень притока прямых иностранных инвестиций являются свидетельством того, что процесс деиндустриализации носит серьезный и опасный, с позиции экономической безопасности, характер.

Однако в обществе наблюдаются положительные тенденции, которые ещё недостаточно видны на поверхности развивающихся ныне социально-экономических процессов. Эти положительные тенденции неразрывно связаны с огромными масштабами внешней трудовой миграции. Применительно к Таджикистану последнее находит свое выражение в следующем: а) подавляющее большинство трудовых мигрантов выезжает на заработки в Россию и другие страны, не обладая рабочими профессиями, и возвращается на родину квалифицированными рабочими; б) их денежные переводы растут из года в год и после вливания в хозяйственный оборот страны способствуют повышению индекса валовых сбережений, и, следовательно, индекса валовых инвестиций; в) основной частью трудовых мигрантов является сельская молодежь. За время пребывания в других странах происходит урбанизация их сознания. Это передается и членам их семей, что может найти выражение в конечном итоге - в урбанизации сельских населенных мест; г) урбанизация сознания, поведения и быта сельских жителей может привести к глубоким изменениям в производственной и социальной структуре села, к постепенному возникновению и развитию процессов индустриализации села.

В этом плане также важно снизить те большие опасности, которые представляют собой диспропорции между реальным и финансовым секторами экономики. Такие диспропорции в Таджикистане обнаруживают себя гораздо иначе по сравнению со странами развитого мира. Это объясняется, прежде всего, тем, что в Таджикистане до сих пор отсутствует вторичный рынок ценных бумаг. Следовательно, в этой стране не создаются финансовые пузыри, которые со временем лопнут и тянут за собой в сторону кризисной пропасти. В Таджикистане диспропорции между реальным и финансовым секторами экономики, прежде всего, находят отражение в хроническом неравновесии между спросом и предложением в денежном рынке, где имеет место растущая неспособность финансового сектора обеспечить потребности экономики в деньгах. Денежные реформы, которые были осуществлены в стране под непосредственным руководством эмиссаров из МВФ, привели к резкой демонетизации в экономике. В 1995

году после осуществления денежной реформы и перехода к таджикскому рублю уровень монетизации упал с 86% до 6%. Это было сделано целенаправленно под лозунгами необходимости достижения макроэкономической и финансовой стабильности.

Низкий уровень денежной обеспеченности экономики посредством механизма дефицита денег приводит к повышению процентной ставки. В Таджикистане процентная ставка является самым высоким среди постсоветских стран. До недавнего времени, она варьировала между 25 и 36 %. В настоящее время эта ставка достигает 15-25 %. Ключевая ставка Национального банка Таджикистана составляет 12,5%. Высокие цены за кредит создают предпосылки ценовой неконкурентоспособной экономики. Это является одной из серьёзных причин того, что товары иностранного происхождения очень быстро вытесняют из внутреннего рынка страны товары отечественного производства. По этой причине, одни предприятия закрываются, другие работают с низким уровнем использования производственных мощностей.

На наш взгляд, имеются эффективные возможности для решения этого вопроса. Их можно использовать в течении 10-15 предстоящих лет. Одним из них является постепенный рост включенности сумм денежных переводов трудовых мигрантов в сферу денежного обращения. Нужно, чтобы эти деньги не утекали в зарубежные страны в попытках заполнения внутреннего рынка товарами. Последовательно, реализация политики импортозамещения позволяет постепенно увеличить долю таких сумм в общем объеме денежного обращения страны. Чем больше и последовательнее эта политика будет реализована на практике, тем выше поднимется уровень монетизации экономики страны. Преимущество такого подхода заключается в том, что масса денег, которая прибавится в сфере денежного обращения, будет обеспечена адекватной массой товаров и услуг. Имеются и другие возможности. Их использование требует от денежных властей исключительно творческого подхода к решению этой проблемы.

Денежные переводы, безусловно, способствуют увеличению абсолютной массы денег в обращении. Естественно, прирост иностранной валюты приведет к нарастанию золотовалютного запаса страны и к почти безинфляционной эмиссии денег. Однако мультипликация денег, которая основывается на ускорении темпов экономического роста, не может иметь высокие темпы. Подлинная мультипликация может иметь место, когда денежные переводы в основном оседают в стране, а не ориентируются на рынки других стран для обмена на импортные товары. Экономическая политика призвана способствовать все более нарастающему обмену денег, присланных трудовыми мигрантами на товары отечественного производства. В таком случае, денежные переводы могут превратиться в надежный источник нарастания внутренних инвестиций!

Важное место в развитии экономики и всего общества играет налоговая система. Налоговая система в Таджикистане характеризуется многими недостатками. Если их не устранить, то бюджету будет угрожать банкротство, что означает банкротство государства. Эти недостатки выражаются в следующем:

а) из года в год все сложнее становится сбор налогов. Это связано с ухудшением деловой среды и с широкими масштабами коррупции в государственном аппарате. По этим же причинам широкое развитие получили двойная бухгалтерия и теневая экономика. Сотни миллионов долларов доходов утаиваются от налоговых инспекторов. Порою дельцам от бизнеса за определенную плату помогают сами инспекторы;

б) растет конфискационный характер налогов. То, что налоговые органы в Таджикистане имеют статус силовой структуры, говорит о многом. Из-за ничем не обоснованных действий налоговых органов, повсеместного применения грубой силы,

игнорирование ими норм Налогового Кодекса тысячи налогоплательщиков прекратили свою экономическую деятельность, сотни переводили свой бизнес в соседние страны. Широкое распространение получает теневая экономика;

в) неправильные действия налоговых структур показывают их как фактор формирования неблагоприятной инвестиционной среды. Всеми миру ныне известно, что иностранный капитал в Таджикистане становится, по сути дела, объектом рейдерских действий налоговых органов, которые видят в них возможность компенсации своих невыполненных планов. Многие, мобильные и горнообрабатывающие компании с участием иностранного капитала стали объектами грубых нападений со стороны налоговых властей Таджикистана;

г) налоговые инспекторы отличаются поведением, неадекватным для представителей налоговых органов. Большинство из них, в своей работе преследует коррупционные цели. Нередко, они идут либо на шантаж, либо на сговор с представителями компаний для присвоения больших сумм денег или других материальных ценностей;

д) у налоговых органов чувствуется полное бездействие относительно расширения базы налогообложения, путем создания условий для трансформации теневой экономики в легальные, т.е. превращения неформальных хозяйственных структур в формальные. При этом такие структуры безболезненно переносят многочисленные факты неуплаты налогов со стороны крупных налогоплательщиков – мафиозных структур.

В деятельности налоговых органов не наблюдаются действия по научно-обоснованному анализу путей повышения эффективности налоговой системы, не слышатся голоса по проведению радикальной налоговой реформы с учетом интересов всех заинтересованных сторон. Даже анализ официальной налоговой статистики показывает, что система нуждается в сильной реформе.

Проблема заключается в том, что в деятельности налоговых служб преобладают текущие интересы. Сверху их поощряют или наказывают за снижение выполнения планов по поступлениям налоговых доходов. Чем выше уровень напряженности в формировании государственных доходов, тем больший приоритет отдается текущим интересам.

В Таджикистане налоговое бремя соответствует 81,0%. Это означает, что предприниматели отдают 81,0% заработанной им прибыли государству. Это самый высокий уровень налогового бремени в постсоветском пространстве. Такая ситуация способствует ухудшению делового климата в стране, снижению заинтересованности предпринимателей в развитие государства. Высокий уровень налогового бремени сдерживает процесс динамичного повышения заработной платы в частном секторе, снижает заинтересованность предпринимателей в обеспечении устойчивого развития предприятий, в особенности, в осуществлении мероприятий по экологизации производственных процессов, по внедрению принципов «зеленой» экономики. Естественно, на микроэкономическом уровне высокое налоговое бремя существенно уменьшает возможности инновационного развития и расширения воспроизводства.

Для Таджикистана, очень важным также представляется осуществление мероприятий по повышению эффективности государственных расходов. Очень трудно произвести расчеты по определению их эффективности, поскольку эта одна из тех сфер где почти полностью отсутствует прозрачность.

Другой проблемой представляется повышение уровня долларизации экономики. Последнее выражается в высоком уровне депозитов и кредитов в иностранной валюте, вхождении последнего в денежном обращении в значительных объемах. Сама долларизация экономики оказывает отрицательное воздействие на курс национальной

валюты. Именно по этой причине по всему постсоветскому пространству в последние годы развернулась большая работа по снижению уровня долларизации экономики.

В макроэкономическом плане огромное значение для Таджикистана имеет вопрос о состоянии внешнеэкономических связей. Их важность определяется тем, что и внутренний рынок, и производственный сектор экономики в своем развитии определяются масштабами и состоянием развития внешнеэкономических связей. Последние же, в условиях Таджикистана складываются под воздействием различного рода теорий, исходящих от консультантов рыночных реформ, которые, безусловно, относятся к современным теоретическим ветвям неоклассицизма.

Под непосредственным воздействием последних, в течении очень короткого времени в Таджикистане была сформирована экономика открытого типа. И внутренний рынок, и внешнеэкономические связи были либерализованы. Это означает, что Таджикистан может продавать товары, в стране, минуя всякой дискриминации. В свою очередь, товары, произведенные в других странах, должны беспрепятственно продаваться на внутреннем рынке Таджикистана. Казалось бы, и экспорт, и импорт, освобожденные от любой дискриминации, ставят своих персональных носителей в одинаковое положение. Однако в экономическом плане свобода торговли ставит экспортера и импортера в неравное положение. Это происходит по причине различной конкурентоспособности экспортируемых и импортируемых товаров. По общеизвестным ныне причинам товары, произведенные в Таджикистане, не являются в достаточной мере конкурентоспособными. Речь идет и об экспортируемых товарах, и о товарах, которые продаются на внутреннем рынке. В то же самое время товары и услуги иностранного происхождения на внутреннем рынке пользуются гораздо большей конкурентоспособностью.

То и время появляются разговоры о необходимости предпочтения отечественных товаров при их покупке. Психологические такие призывы не имеют под собой объективную почву. Именно предпочтения на выборе товаров и услуг приводит к появлению неравновесия в торговле.

Из года в год для Таджикистана обеспечение проблемы равновесия в торговле с внешним миром становится труднее и труднее. Отмеченная ситуация усугубляется тем, что в последние годы происходит сокращение объемов экспорта при существенно резких темпах сокращения объемов импорта. Только за период 2012-2016 гг. объемы экспорта сократились на 4,8%, в то время как объемы импорта сократились на 25,1%. Эта тенденция является прямым следствием сокращения денежных переводов трудовых мигрантов из России, которое имеет место в результате экономического кризиса, вызванного санкциями западных стран. Вполне возможно, что в ближайшее 2-3 года, как объемы импорта, так и экспорта будут иметь положительные темпы роста, поскольку налицо признаки оживления в Российской экономике.

Однако, сложнее обстоит дело с соотношением между экспортом и импортом. Оно может потерпеть определенные изменения, если в стране будут осуществлены меры по реализации стратегии импортозамещения и экспортоориентации. Это означает, что стране предстоит коренным образом изменить экономическую политику, отказав от неоклассических рецептов развития и взять курс на подъем производственного сектора экономики.

Такой крен в экономической политике правительства представляется весьма трудным. Последний, объясняется следующими причинами: а) низкий уровень притока прямых иностранных инвестиций из-за неблагоприятной инвестиционной среды; б) резкая нехватка квалифицированных рабочих и специалистов из-за высокого уровня и массовости внешней трудовой миграции; в) отсутствие реальных, по сравнению с

соседними странами, стимулов по привлечению иностранных инвестиций; г) низкий уровень внутренних инвестиций.

В настоящее время, все большую актуальность приобретает устранение торгового дефицита. Пока, несмотря на многочисленные призывы решить эту проблему, тенденции продолжают развиваться в нежелательном направлении.

Рост торгового дефицита покрывается денежными поступлениями от внешних трудовых мигрантов. Если внимательно рассмотреть динамику импорта и поступлений мигрантских денег, то можно обнаружить высокий уровень их корреляционной зависимости, достигающей до 0,85 – 0,90. В период финансово-экономического кризиса объемы импорта упали, поскольку резкому снижению подвергались суммы денежных переводов трудовых мигрантов. То же самое произошло и во время российского кризиса, который был вызван западными санкциями. Это означает, что динамика импорта весьма чувствительна к колебаниям объемов денежных переводов трудовых мигрантов.

В этой связи возникает вопрос – есть ли у Таджикистана потенциал для сбалансирования экспорта и импорта с учетом осуществления прогрессивных структурных сдвигов? Ответ на этот вопрос представляется не из легких. Естественно полагать, что без осуществления структурных сдвигов Таджикистану решить этот вопрос в ближайшие годы представляется абсолютно невозможным. Однако, при таком варианте страна продолжит иметь статус производителя сырья. И еще – до неопределенности будет увеличиваться фактор неустойчивости в экономико-экологических отношениях. С возрастанием объемов производства товаров минерально-сырьевого происхождения экономическая эффективность производства будет обладать четкой тенденцией к снижению.

Структура импорта также далека от жизненно важных интересов страны, хотя она, удовлетворяя, главным образом, потребительские нужды населения, способствует избежать повышения уровня социальной напряженности. В структуре импорта входят готовые пищевые продукты – 8,3 %, продукты растительного происхождения – 10,5%, средства транспорта 6,2%, машины и оборудования – 15,4%, минеральные продукты – 16,0%, продукция химической промышленности – 11,1%, драгоценные металлы – 11,4%, текстиль и текстильные изделия – 2,3%.

Объемы и структура импорта нуждаются в резких изменениях. Это требует активное осуществление стратегии импортозамещения. Исследования показали, что Таджикистан располагает громадными ресурсами для производства оксида алюминия (глинозема). Речь идет о месторождениях нефелиновых сиенитов, ставролитов и москвитов с высоким содержанием алюминия, которые могут полностью заменить ввозной глинозем на отечественный. То же самое можно говорить о пеке и пековом коксе, каустической соде, азотных и фосфорных удобрениях, красках и лаках, всякого рода пигментов, хлопчатобумажных и шелковых тканей, одежде, трикотажных изделиях, постельном белье, обуви, кожаной одежде и многих изделиях из кожи, аккумуляторах, значительной части зерна и зернобобовых, растительном масле, сахаре, этиловом спирте и т.д. Совершенно неоправданным является то, что за период 2005-2016 гг. импорт растительного масла увеличился в 6,4 раза, сахара в 2,1 раза, этилового спирта – в 12,2 раза, пшеницы в 7,7 раза. Для производства последних в Таджикистане имеются весьма благоприятные природно-климатические и другие условия. Продолжение описанной ситуации в будущем чревато огромными материально-финансовыми потерями для страны.

Нужно отметить, что в Таджикистане допускаются потери сырьевых материалов в больших размерах. Ежегодно теряются до 1 млн. шкурок мелкого и крупного рогатого

скота, до 4 тысяч тонн овечьей и козьей шерсти. Они вполне достаточны для того, чтобы создать в каждом регионе страны производство по первичной переработке животных шкур с последующим налаживанием производства обуви и кожаных изделий, включая кожаной одежды, а также шерстомойных цехов с последующим производством изделий народных художественных промыслов и ковровых изделий на малых предприятиях и т.д. В настоящее время названное сырье попросту выбрасывается и создает реальную угрозу загрязнения почвы, воздуха и питьевой воды.

В рамках стратегии импортозамещения (а в перспективе - и экспортоориентации) в Таджикистане необходимо осуществить меры по значительному расширению металлообрабатывающих производств, создания электротехнических и машиностроительных предприятий. К металлообрабатывающей относится налаживание производства запасных частей для легковых и грузовых автомобилей, сельскохозяйственных, карьерных и промышленных тракторов, восстановление авторемонтных предприятий, к электротехническим – производства домашних счетчиков по учету затрат электрической энергии и воды, производство кабельной продукции на базе алюминия, малых трансформаторов на базе Курган-Тюбинского недостроенного трансформаторного завода, агрегатов для микро и малых ГЭС, для использования термальной энергии, энергии ветра, солнечных аккумуляторов и т.д.

Однако, вышеназванные предприятия носят наукоемкий характер и создание адекватной научно-технической инфраструктуры требует организации эффективного научно-технического сотрудничества между Таджикистаном и РФ, КНР, Казахстаном, Турцией, Индией, европейскими странами. Некоторые из таких мероприятий носят неотложный характер. Например, массовое строительство малых электростанций на боковых ущельях главных рек Таджикистана позволит не только обеспечить население горных районов электроэнергией, но и действует как значительный фактор повышения уровня жизни населения проживающее среди гор, способствует возрастанию роли горных регионов в ускорении темпов социально-экономического развития всей страны.

В частности, повышение уровня энергообеспеченности горных регионов позволит в рамках стратегии импортозамещения многократно увеличить производство строительного камня, щебня, гранитовых и мраморных плит и изделий, которые по своим качественным параметрам могут оказаться вполне конкурентными на внутреннем рынке Таджикистана и почти полностью отказаться от их импорта.

Необходимо отметить, что в сбалансировании экспорта и импорта также значительную роль играет быстрое развитие сельского хозяйства и отраслей по переработке сельскохозяйственных продуктов, которое позволит не только сократить объемы ввоза продовольствия, но и повысить уровень продовольственной безопасности страны.

Часть III

Согласно имеющимся данным структура капитальных вложений стала гораздо консервативнее, и по существу, была отброшена назад более, чем на 90 лет (1924г). Это выражается в том, что до настоящего времени не прекращается процесс повышения удельного веса строительно-монтажных работ в общем объеме капитальных вложений. Эта структура является свидетельством того, что до настоящего времени государство, должным образом, с учетом общенациональных интересов не оказывает воздействие на изменения в структуре капитальных вложений. Она формируется не на базе национальных интересов, а на основе своекорыстных интересов группы с весьма привилегированным положением. Если бы интересы народа были бы учтены, то были бы восстановлены те отрасли, которые включают в себя хлопчатобумажную, шелкоткацкую, консервную, винодельческую и ряд других областей. При таком исходе

в структуре капитальных вложений, удельный вес строительно-монтажных работ, преимущественно ориентированный на более быстрый рост активной части основного капитала, имел бы тенденцию к снижению.

О том, что данная структура представляется крайне иррациональной, свидетельствуют следующие данные: в 2016г удельный вес промышленности в общем объеме ввода в действие основных фондов составлял 23,0%, сельского хозяйства -0,6%, транспорта и связи- 2,9%, строительства и промышленности строительных материалов -1,8%, торговли и общественного питания -3,9%, жилищного строительства - 40,1%, коммунального хозяйства - 4,7%, образования - 7,8%, здравоохранения - 14,0%, науки - 0,0%. Вызывает удивление, что затраты на жилищное строительство превышают затраты на развитие сельского хозяйства в 48,0 раз. При этом, абсолютное большинство квартир, которые были введены в действие в 2016, 2017 гг. пустуют из-за низкого уровня платежеспособности населения.

Из всего вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что страна нуждается в реальной инвестиционной политике. Последняя отсутствует, поскольку до настоящего времени экономическая политика не отражает жизненно важные интересы всего населения, а также государства. В условиях Таджикистана регулирующая роль в государстве относительно создания благоприятной инвестиционной среды, привлечения ПИИ и других иностранных инвестиций, стимулирования росту внутренних инвестиций, выбора эффективной структуры должна возрастать существенным образом. Это означает, что инвестиционная сфера нуждается в глубоких научно-обоснованных реформах.

Экономическая политика оказывает решающее воздействие на темпы экономического роста, на эффективность развития, как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровнях. Имеется широкое поле возможностей для выбора тех или иных проектов экономической политики с учетом не только потенциала их социально-экономической эффективности, но и способностей обеспечения устойчивого развития. Простой аксиомой является то, что эффективность экономической политики зависит от широты лиц и институтов, которые смогут принять в её разработке, а также в мониторингах по осуществлению основных концепций и принципов, заложенных в её основном содержании.

Нынешнее состояние экономики страны является свидетельством того, что в стране все еще нет четкой экономической политики. Существует номинальная экономическая политика, которая выражена в законодательных и подзаконных актах, в указах, докладах и выступлениях Президента страны. Они составлялись с учетом необходимости реализации общенародных интересов. В них учтен опыт, накопленный в других странах. Естественно, это не означает, что номинальная экономическая политика свободна от недостатков. Они имеются и отражают в себе проблемы и недостатки глобального развития, идеологии некоторых школ экономической науки, которые применительно к современным условиям экономического развития, в значительной мере, оказываются неподходящими.

Таджикские ученые - экономисты в формировании экономической политики страны в переходном периоде никакого участия не принимали. Основная причина заключалась в том, что западные консультанты рыночных реформ заверяли правительственных чиновников в том, что местные ученые-экономисты не обладают знаниями о рынке и о реформах, а если что-то и знают, только по экономике социализма. Нельзя отметить, что тамошние экономисты (особенно специалисты по макроэкономике и микроэкономике) обладали достаточными знаниями об экономических реформах, о рыночной экономике, о мировом опыте экономических реформ. Но все же они обладали

определенными знаниями, пусть даже основанные на марксистскую парадигму. Они прекрасно знали особенности, проблемы, ресурсы реальной экономики, её отдельных отраслей, регионов и территорий.

В своих многочисленных публикациях они предупреждали об огромном разрушительном потенциале проводимых рыночных реформ. Чиновники их не выслушивали, считали, что настоящие экономисты – это западные советники и эксперты, а последние высмеивались над их наивным пониманием реформ.

Частная собственность в Таджикистане коренным образом отличается от частной собственности во многих постсоветских странах, и тем более от развитых странах. Здесь в качестве собственников промышленных предприятий, банков, страховых компаний, средств транспорта, логистических и телекоммуникационных, строительных компаний выступают государственные чиновники высокого ранга и их ближайшие родственники. Экономическая политика (реальная, а не номинальная) направлена на защиту их интересов. Эту же задачу успешно выполняют с

иловые структуры и судебные органы.

Экономическая политика государства оказалась неспособной обеспечить объективную меру обладания богатством отдельными гражданами. Последние, имея невысокую зарплату, не имея никакого наследства, в открытую могут покупать десятки плановых домов с приусадебными участками, объединить их и строить особняки стоимостью на десятки миллионов долларов и выставить их на всеобщий показ, чтобы доказать свое реальное превосходство в обществе. Политическая элита все это видит, но не в состоянии мыслить. Такие богатства созданы отдельными чиновниками (в данном случае экзапрокурором области) на несчастье тысячи семей, на костях десятков погубленных ими жизней, на грубейших нарушениях принципов социальной справедливости.

Почти в каждом ежегодном послании Президента говорится о необходимости резкого повышения степени обработки сырьевых и минеральных ресурсов. Это в полной мере относится и к хлопковому волокну. В одном из своих выступлений Президент говорил о необходимости полной переработки всего объема произведенного хлопка-волокна с доведением степени переработки вплоть до получения готовых хлопчатобумажных изделий. Однако, данное указание Президента саботируется экспортерами хлопка-волокна, которые являются монополистами в этой области. Они покупают эту продукцию по монополюно низким ценам и продают по ценам международного хлопкового рынка. Естественно, этим занимается так называемая хлопковая мафия. Последняя, в силу отмеченной практики подорвала развитие хлопководства в Таджикистане.

Опыт китайской компании, которая выращивает хлопок-сырец в Хатлонской области показывает, что с площади 200 тыс. га. вполне возможным представляется получение более 1 млн. тонн хлопка-сырца и соответственно 360 тыс. тонн хлопкового волокна. Даже полная переработка 72 тыс. тонн (30% от общего объема волокна) этой продукции позволяет задействовать не только функционировавшие в советское время хлопчатобумажные и швейные производства, но и предприятий по переработке хлопка-волокна, которые были построены в постсоветском времени.

Любая, серьезно рассматриваемая теоретическая концепция как основа экономической политики призвана ставить на центральное место необходимость развития производственного сектора экономики. Надо сегодня набирая мужество, открыто признаться, что экономическая политика государства оказалась совершенно негодной, не отвечающей коренным интересам подавляющего большинства населения страны. Эта политика, которая в основном, была подсказана со стороны и была принята на вооружение без критического осмысления, стала причиной нарастания

относительной технико – экономической и социальной отсталости Таджикистана. Страна в результате осуществления прорыночных реформ потеряла основную часть производственного сектора и превратилась в огромную торговую площадку, куда деньги, поступающие из России, Казахстана и других стран (денежные переводы трудовых мигрантов) обмениваются на товары, поступающие из КНР, Турции, Киргизстана, Узбекистана, Пакистана и других стран.

Ослабление производственного сектора до критического уровня привела к огромному дефициту рабочих мест и стала причиной массовой трудовой миграции населения в другие страны. Надо быть благодарным этому контингенту работников за то, что, будучи в чужих краях, своими денежными переводами поддерживают экономическую и национальную безопасность своей страны. Без этих переводов в Таджикистане произошел бы социальный взрыв.

Поэтому, весьма актуальным представляется ускорение темпов осуществления стратегии импортозамещения и экспортоориентации в стране. Необходимо, в срочном порядке изучить опыт соседей и приступить к восстановлению тех производств, которые функционировали для внутреннего рынка и базировались на исключительном использовании отечественного сырья. Практика строительства и эксплуатации двух цементных заводов на юге и севере страны показывают, что со временем импортозамещающие производства смогут превратиться в экспортоориентированные и работать с высокими показателями эффективности. Создание в течении небольшого промежутка времени нескольких хлопковых и шелковых кластеров, кластеров по производству разнообразной пищевкусовой продукции, по производству строительных материалов и продукции народных художественных промыслов позволит постепенно переходить к реализации стратегии экспортоориентации. Это становится возможным по мере перехода к выпуску конкурентоспособной продукции на базе международных стандартов.

Естественно полагать, что экономическая политика в условиях свободной торговли и ужесточение конкуренции должна предполагать становление диверсифицированного производственного сектора в экономике. Это важно и для достижения полной экономической безопасности страны.

Все вышеотмеченное говорит о том, что экономическая политика государства нуждается в существенных изменениях, что важно для более полного удовлетворения самых насущных потребностей экономики и общества. Она нуждается в глубоких научно-обоснованных реформах. Основными направлениями реформ должны быть следующие:

а) определение оптимальных точек соприкосновения государственного и рыночного регулирования;

б) полный пересмотр приватизации, передача предприятий лицам и группам лиц, которые способны эффективно управлять и организовать производство с учетом инновационного развития;

в) определить целесообразные границы развития государственного сектора в экономике на базе всех факторов, которые в реальных условиях Таджикистана с учетом народнохозяйственной эффективности определяют соотношение между частным, корпоративным и государственным секторами;

г) пересмотреть результаты аграрной реформы, проведенной в 90-е годы прошлого века и передать земли отдельным крестьянам и кооперативам, которые способны обеспечить максимально эффективное использование земли и заботиться о повышении естественного и экономического плодородия почвы;

д) осуществление глубокой кадровой реформы, полный отказ от необъективных методов подбора и расстановки кадров, более смелое выдвижение женщин на

руководящие должности;

е) реформа в образовательной системе страны, её проведение в соответствии с потребностями экономики, резкое повышение роли трудового воспитания, восстановление системы профессионально-технического образования, упор на инновационное развитие системы;

ж) осуществление четкого курса на преимущественное развитие производственного сектора экономики в рамках стратегий импортозамещения и экспортоориентации. Выделение особого внимания развитию трудоёмких отраслей для ежегодного максимального прироста рабочих мест, особенно в селах;

з) глубокая реформа рынка труда, включая реформы заработной платы. Введение систем по полному определению безработицы и частичной занятости, создание институтов по полному регулированию территориального движения рабочей силы, включая внешнюю трудовую миграцию;

и) осуществление мероприятий по приведению денежного обращения в соответствии с реальными потребностями экономики, умелое использование кредитной эмиссии и эмиссии денег в целях расширения хозяйственной деятельности и повышения уровня денежной обеспеченности в экономике;

к) проведение глубокой налоговой реформы, переход от конфискационной к стимулирующей системе налогообложения, осуществление действенных мер по расширению базы налогообложения;

л) резкое ужесточение борьбы против коррупции и криминальных структур в экономике.

Естественно полагать, что реформы могут дать желаемые результаты, если их содержание будет понятно всему взрослому населению, если последнее будет чувствовать в них реализацию своих жизненно важных интересов, если реформы приведут к более быстрому и более эффективному удовлетворению разнообразных потребностей населения и экономики. К сожалению, население все ещё инертно относится к вопросам реформирования экономики. Основная причина такого отношения скрывается в недостаточной информированности людей о реформах, о необходимости их проведения. Отсутствие экономических знаний у подавляющего большинства населения создает простор для безразличия его к реформам. Каждый мыслит только о своих проблемах, не понимая то, что подобные проблемы имеются и у других, и все они имеют общие корни.

Вопросы к теме:

1. Каковы социально-экономические последствия распада СССР в Таджикистане?
2. Какова позиция автора о путях реформирования экономической системы и выхода из трудного экономического положения в Таджикистане?
3. Что означает процесс индустриализации и деиндустриализации, и как они происходят в Таджикистане?
4. Почему миграция ведет к индустриализации сознания сельского населения?
5. На какие пути совершенствования налоговой системы, указывает автор статьи?
6. Соотношения импорта и экспорта в экономике Таджикистана и его проблемы.
7. Роль таджикских ученых - экономистов в формировании экономической политики в Таджикистане.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА (НСР-2030): СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ, ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

XXI век, с его быстро изменяющимися внешними условиями, ставит перед Таджикистаном новые и, в определенной степени амбициозные задачи, решение которых исключительно важно для консолидации общества, сохранения самобытности нации и достижения широкого прогресса.

Современная экономика Республики Таджикистан, которая в полной мере воплощает в себе черты переходного и постконфликтного состояния, в тоже время является малой открытой экономикой, и в значительной степени находится под воздействием внешних шоков и конъюнктуры мирового хозяйства.

Мировой финансовый и экономический кризис 2007-2009 годов негативно сказался на экономике Таджикистана. В 2014-2016 гг. экономика Таджикистана еще раз испытала серьезные внешние шоки, которые привели к снижению доходов от экспорта, серьезному падению объемов денежных переводов трудовых мигрантов и девальвации курса национальной валюты. В этих условиях вопросы проведения экономической политики по превенции воздействия внешних шоков, сохранение макроэкономической стабильности, повышение эффективности управления в финансовом секторе, достижение устойчивого экономического роста, обеспечение продуктивной занятости и проведение многовекторной внешней политики в долгосрочно-среднесрочной перспективе становятся наиболее важными для Таджикистана.

Фактически для страны был необходим уникальный проект развития, который предполагает гармонизацию результатов его реализации с внешней средой по целям, ресурсам, прямым и косвенным последствиям и т.д. В свою очередь, уровень такой гармонизации зависит от участников, целей, содержания и размеров такого проекта, и может простирается от микро до макроэкономики. После перенесения воздействия внешних шоков в Республике Таджикистан была принята Национальная стратегия развития на период до 2030 года (НСР-2030), которую можно рассматривать как своеобразный проект управления страной, с учетом экономических, социальных, культурных и других ценностных ориентиров.

В принятой Национальной стратегии развития НСР-2030, на основе указанных ориентиров, были определены три принципа будущего развития, а именно, *превентивность, индустриальность и инновационность*.

Превентивность определена как первый, и очень важный принцип будущего развития, а реализация превентивных мер функционирования национальной экономической и социальной системы, обозначена как стратегическое направление в принятии управленческих решений. Такая постановка вопроса потребовала активизации теоретических и практических исследований в области четкого понимания того, что стоит за категорией «превентивность» и какие отношения она раскрывает.

В этом стратегическом документе также была поставлена задача существенно увеличить долю промышленности в структуре ВВП, обеспечить индустриально-аграрный характер дальнейшего развития и создать возможности для хороших рабочих мест. Лидером нации, Президентом страны, уважаемым Эмомали Рахмоном была объявлена очередная национальная стратегическая цель – ускоренная индустриализация страны.

В долгосрочном периоде обеспечение устойчивого развития страны невозможно без использования нововведений во всех сферах социально-экономической жизни. Стратегические ориентиры такого развития должны учитывать рост инвестиционной и экономической активности в азиатском регионе, роли в нем стран Центральной Азии и Республики Таджикистан. Как известно, в ближайшее десятилетие наступает новый технологический, экономический и политический цикл мирового хозяйства, который замедлит темпы мирового экономического роста вплоть до середины XXI века. Таджикистан определил, что должен быть готов адекватно воспринимать этот процесс и, соответственно этому, обозначил для себя направления будущей модели развития. В НСР-2030 отмечено, что главным фактором такой модели развития может быть только человеческий капитал и его главные системообразующие компоненты – образование и наука, как важнейшие условия повышения национальной безопасности и конкурентоспособности экономики.

Современная экономическая политика Республики Таджикистан направлена на снижение уязвимости экономики страны от потенциальных внешних угроз, поиску и разработке эффективных механизмов и внутренних источников устойчивого экономического развития, обеспечения стабильного экономического роста, продуктивной занятости, устойчивого доступа к энергоресурсам и благоприятной предпринимательской среды. В рамках стратегического видения будущего развития, экономический потенциал страны рассматривается как материальная основа национальной безопасности в современных условиях. В этом отношении рациональное использование человеческого и природного капитала, а также усиление институционального потенциала развития в направлении повышения эффективности, диверсификации и конкурентоспособности национальной экономики, определяют индустриальность будущего развития и позволяют обеспечить переход от аграрно-индустриальной к индустриально-аграрной экономике.

Огромный гидроэнергетический потенциал Республики Таджикистан, чистая вода, благоприятные земля и климат, растительный мир, значительные трудовые ресурсы, богатейшие запасы минеральных ресурсов и горных недр страны, создают возможности для развития в рамках национальной экономики экспортоориентированных и импортозамещающих производств, создания современных секторов добывающей и обрабатывающей промышленности, цветной и черной металлургии, экологически чистого агропромышленного комплекса. Богатое историко-культурное наследие Таджикистана, его уникальная природа с неповторимыми озерами, редкими животными и растениями, а также высокие горы являются важными условиями развития сферы туризма и увеличения вклада этой отрасли в ВВП страны. Дальнейшее развитие гидроэнергетических мощностей и реализация региональных транспортно-коммуникационных проектов позволит Таджикистану в ближайшем будущем стать региональным лидером в производстве и транзите дешевой и экологически чистой энергии, расширить транзитные возможности страны.

В то же время, Таджикистан должен видеть социальные и институциональные проблемы, которые необходимо решать, если ставится во главу угла вопрос инновационности. Сегодня потребность в создании индустриально-инновационной экономики ставит перед Республикой Таджикистан проблему перехода от догоняющей стратегии к стратегии, нацеленной на опережающую модернизацию. Решение этой проблемы не может быть достигнуто без мощного всплеска мобилизационной активности субъектов национальной экономики, без концентрации всех сил и средств, находящихся в распоряжении государства и бизнеса на достижение целей модернизации экономики, научно-технического прогресса, создания и использования инноваций во всех сферах человеческой деятельности.

Основу такого развития составляет переход на новую модель экономического роста, которая должна быть основана на инвестициях и развитии производств, ориентированных на экспорт и импортозамещение. Реализация такой модели в Таджикистане предполагает эффективное функционирование институциональных механизмов, позволяющих привлекать инвестиции в реальный сектор экономики и в инфраструктуру, что обеспечит ускоренный рост промышленности, сельского хозяйства и финансового сектора, массовое создание новых высокопроизводительных рабочих мест, выход на новые экспортные рынки, существенному повышению доли формальной занятости и регистрируемого сектора национальной экономики и, наконец, снижению зависимости страны от денежных переводов внешних трудовых мигрантов.

В целом, Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года выделены три основных этапа развития:

Первый этап охватывает период 2016-2020 гг. и связан с переходом к новой модели экономического роста. В основе этой модели лежат эффективные институциональные механизмы, позволяющие привлекать инвестиции в реальный сектор экономики и в инфраструктуру. Реализация данной модели будет опираться на сбалансированность основных компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического.

Стратегические ориентиры такой модели развития основаны на реализации программы усиления экспортной ориентации и программы селективного импортозамещения за счет освоения местных сырьевых ресурсов; формировании инвестиционного климата, ведущего к снижению административных транзакционных издержек, в особенности в отраслях, в которых определены точки роста; углубление аграрной реформы и институциональное развитие водного сектора страны.

Наряду с действующими предприятиями отрасли промышленности должны будут введены в действие новые предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности (цветной и черной металлургии, промышленности строительных материалов, легкой и пищевой промышленности, химической промышленности и др. отраслей). Учитывая современные потребности и имеющиеся финансовые возможности в развитии национальной энергетики, на этом этапе необходимо продолжение реализации программы строительства малых ГЭС в рамках диверсификации источников энергии и форм их собственности, обеспечить финансовое оздоровление энергосистемы, на основе повышения дисциплины платежей, реструктуризации энергетического сектора, адекватной тарифной политики, реализации мер энергосбережения и повышения энергоэффективности во всех секторах национальной экономики.

Также этот этап развития связан с действиями в области повышения качества работы существующих видов транспорта, обеспечивающих расширение вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов и освоение новых земель, роста транзитных перевозок, снижение транспортных издержек и повышение безопасности. Характерной особенностью этого этапа развития является наладка новых механизмов реализации государственной социальной политики в направлении модернизации системы управления отраслями формирующего человеческого капитал, институционализация системы производственного и социального предпринимательства. Социальная безопасность и конкуренция станут ключевыми задачами роста. В этот период необходимо будут организованы работы по проведению необходимых исследований и подготовительных мероприятий по созданию основ для ускоренного развития регионов страны, а структурные реформы будут направлены на повышение эффективности государственного управления на уровне регионов и местного самоуправления.

Второй этап охватывает период 2021-2025 гг. и основан на относительно ускоренном развитии на базе инвестиций в реальный сектор и инфраструктуру, так как на этом этапе должна быть достигнута максимальная реализация институционального потенциала новой модели роста.

Моделирование будущего развития показывает, что рост инвестиций будет достигаться как путем привлечения прямых иностранных инвестиций, так и благодаря опережающему росту внутреннего накопления. Это станет возможным за счет повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности экономики, укрепления макроэкономической стабильности, а также благодаря росту эффективности и глубины финансового сектора. Важным приоритетом на этом этапе будет реализация стратегии энергетической безопасности, целью которой должно быть повышение устойчивости работы и ускорение развития энергетического сектора в условиях растущего спроса со стороны населения и экономики.

Особенностью и главной задачей этого этапа развития станет мобилизация финансовых ресурсов субъектов национальной экономики, международных банков и партнеров по развитию в целях структурной перестройки экономики.

Совершенствование экономической политики и институциональной системы будет направлено на расширение поддержки производства продуктов со сравнительными преимуществами; переориентацию внутреннего спроса на продукцию отечественного производства; включение стратегии заимствования в секторальные инновационные программы; использование преимуществ интегрированной системы управления водными ресурсами; дальнейшее развитие финансового рынка и увеличение мобильности внутреннего капитала. Сектора, которые получают развитие, будут те же, что и на первом этапе. Однако будут определены смежные отрасли и продукты в целях их поддержки как логическое развитие расширения экспортных продуктов, имеющих потенциальные сравнительные преимущества.

Очень важно, что в гидроэнергетике будут завершены реформы, направленные на обеспечение условий для функционирования рыночных механизмов, которые создадут конкурентную среду в этом секторе национальной экономики. Этот этап будет ключевым в полном завершении строительства Рогунской ГЭС и обеспечении энергетической независимости страны. Этот этап будет характеризоваться созданием агропромышленных кластеров и предприятий по полной переработке хлопка-волокна, кожсырья, коконов, винограда, фруктов и других видов продукции сельского хозяйства. Произойдет повышение индустриального уровня развития республики за счет развития традиционных для республики промышленных производств. Будет решаться триединая задача периода: политика импортозамещения в части товаров народного потребления, диверсификация экспорта и расширение инвестиционных возможностей национальной экономики. Будут завершены строительство и реконструкция намеченных транспортных коридоров и Таджикистан выйдет из железнодорожного тупика, откроется путь к морю, расширятся возможности функционирования транспортной системы в целом.

В этот период структурные реформы должны быть направлены на повышение эффективности и конкурентоспособности отраслей социальной сферы, опираясь на первые значимые результаты реализации новых подходов к управлению развитием человеческого капитала. Ключевые решения будут связаны с обеспечением социальной справедливости и устойчивости системы формирования стабильного, образованного среднего класса. В регионах страны будут реализованы меры по развитию инфраструктуры, а также системы средних и малых городов, крупных городских поселков как устойчивых «полюсов роста».

Третий этап будет охватывать период 2026-2030 гг. и основан на создании предпосылок для перехода от стратегии индустриального роста, основанного на инвестициях, к диверсифицированному развитию, на основе знаний и инноваций. В основу этого перехода будет положена диверсификация экономического роста за счет интенсификации сельскохозяйственного производства, движения вверх по цепочкам добавленной стоимости в промышленности, модернизации социальной сферы, ускоренного развития финансового сектора, туризма и отраслей бизнес-услуг. Возрастет вклад в экономический рост человеческого капитала, эффективных институтов и передовых технологий. Будет обеспечен опережающий рост государственных и частных расходов на профессиональное образование, НИОКР и внедрение инноваций. Расширится использование новых технологий, особенно в сфере информационных технологий, телекоммуникаций, аддитивных технологий, биотехнологий и альтернативной энергетики. Будет создана эффективная транспортно-логистическая инфраструктура и завершено создание международных транзитных транспортных коридоров.

Структурные реформы будут связаны с повышением уровня инновационности отраслей, формирующих человеческий капитал. Приоритеты будут связаны с обеспечением более высоких стандартов благосостояния человека, социального благополучия и согласия. Особенность этого этапа развития связана с тем, что будут в основном завершены аграрная и водная реформы, обеспечен переход к системе воспроизводства плодородия почв, предотвращения основных видов их деградации и производство сельскохозяйственной продукции с использованием уже более высоких технологий производства. Топливо-энергетический комплекс страны получит статус бюджетоформирующего сектора, а гидроэлектроэнергетика обеспечит расширение экспортных и транзитных возможностей страны.

Очень важно, чтобы в этот период была обеспечена реализация мероприятий по стимулированию долгосрочного экспортно-ориентированного экономического роста за счет увеличения производства конечных товаров на предприятиях цветной металлургии, легкой и пищевой промышленности, промышленности строительных материалов и др. Развитие угольной промышленности будет основано на системе открытого и экологически приемлемого способа разработки угольных месторождений и глубокой переработки сырья.

В конечном итоге, экономический и природный потенциал страны составят основу ее национальной безопасности.

Исходя из такой постановки вопроса, актуальной задачей стратегического видения дальнейшего развития страны является разработка сценариев развития. Исходя из выделенных направлений и решаемых задач дальнейшего развития страны с учетом воздействия внутренних и внешних шоков, возможно моделирование трех теоретических сценариев развития Республики Таджикистан на период до 2030 года: инерционно-пессимистический, индустриально-аграрный и индустриально-инновационный (оптимистический).

Инерционно-пессимистический сценарий развития можно спрогнозировать на предположении о том, что в стране сохраняется аграрно-индустриальная модель развития и высокая зависимость от внешних шоков и импорта товаров не изменяется. Экономический рост при данном сценарии будет стимулироваться потребительским и инвестиционным спросом на основе внешних источников финансирования, включая денежные переводы мигрантов. При этом доля аграрного сектора в ВВП будет преобладать над промышленностью до конца прогнозируемого периода, при определенном сокращении разницы в различные вышеуказанные периоды. Среднегодовые темпы роста ВВП по этому сценарию предположительно снизятся с 6-

7% до 4-5% в течение всего прогнозируемого периода, объем ВВП за весь прогнозируемый период возрастет в 2 раза, его объем на душу населения увеличится в 1,5 раза. При таком сценарии развития темпы роста ВВП по указанным периодам составят 3-4% (2016-2020 годы), 4-5% (2021- 2025 годы) и 5-6% (2026-2030 годы), соответственно.

Индустриально-аграрный сценарий развития предполагает успешную реализацию действующих или уже начатых энергетических и инфраструктурных проектов, рациональное использование земельно-водных, энергетических и других ресурсов, а также расширение существующих производственных мощностей в промышленности и сельском хозяйстве. Прогнозирование показало, что в качестве драйвера роста национальной экономики при этом сценарии выступит ускоренный рост промышленности на основе введения в эксплуатацию новых мощностей по производству электроэнергии, добычи ископаемых и угля, модернизации легкой и пищевой промышленности, формирования отечественной черной и дальнейшее развитие цветной металлургии, развития индустрии строительных материалов, легкой и пищевой промышленности. В этом случае, экономический рост будет обеспечен за счет расширения внутренних экстенсивных факторов производства, стимулироваться инвестиционным и потребительским спросом на основе внутренних и внешних источников финансирования, включая денежные переводы мигрантов. При этом доля аграрного сектора в ВВП снизится более чем в 1,5 раза, а доля промышленности в ВВП возрастет в 1,6 раза до конца прогнозируемого периода. Темпы роста ВВП составят 6-7%, объем ВВП за весь прогнозируемый период возрастет в 2,6 раза, его объем на душу населения увеличится в 2 раза.

В индустриально-инновационный сценарий заложено создание основ дальнейшего инновационного развития экономики страны. Данный сценарий возможен при формировании инновационных подходов при решении экономических и социальных вопросов, усилении институциональной базы развития, усилении защиты прав собственности, включая интеллектуальную, что будет благоприятствовать росту как внутренних частных, так и прямых иностранных инвестиций. Прогнозирование показало, что это приведет к рациональному использованию новых интеграционных возможностей и развитию транзитной инфраструктуры страны, диверсификации национальной экономики и значительному росту экспорта товаров и услуг. Экономический рост будет в основном поддерживаться за счет внутренних источников и дополняться эффективным использованием внешних источников финансирования национальной экономики. При этом доля аграрного сектора в ВВП снизится почти вдвое, а доля промышленности в ВВП возрастет почти в 2 раза до конца прогнозируемого периода. Среднегодовые темпы роста ВВП по этому сценарию предположительно составят 8%, объем ВВП за весь прогнозируемый период возрастет в 3,5 раза, а ВВП на душу населения - в 2,7 раза.

В условиях все более глубокого и разнообразного вовлечения экономики Таджикистана в экономику открытого типа, настоятельной необходимостью становится разработка системы скоординированных мер макроэкономической политики, направленных на обеспечение экономического роста и поддержание внутренней и внешней сбалансированности.

Для Республики Таджикистан очень важно видеть демографическое окно возможностей. Доля молодого населения до 20 лет в 2015 году в стране достигла 45%. Эта категория составит костяк трудоспособного населения в 2030 году, поэтому важное значение имеет задействование трудового потенциала молодежи.

«Демографическое окно» будет оказывать благоприятное воздействие как на

социально-экономическое развитие страны в целом, так и на уровень благосостояния и возможностей конкретных семей. Если Таджикистан не предпримет определенных усилий, «демографическое окно возможностей» превратится в «окно демографической угрозы».

Так как население страны растет высокими темпами, рост производства также должен быть высоким. Это необходимо, чтобы не допустить снижения достигнутого уровня благосостояния населения, снижения существующих систем жизнеобеспечения и падения их эффективности. Такая задача не может быть решена на базе традиционных низкоэффективных методов хозяйствования. Становится необходимым ускорение урбанизации, крупномасштабное жилищное строительство, опережающий рост инвестиций в коммунальную, социальную и дорожную инфраструктуру, развитие инвестиционного климата.

Вставка 1 Case Study

В один из рабочих дней позвонили из офиса приема избирателей в здании Парламента и попросили спуститься вниз, где в комнате приемов меня ожидал один из избирателей моего округа. В тот период я был депутатом Парламента. Когда я вошел, меня встретил симпатичный молодой человек, и, как я сразу отметил для себя, видимо переживший серьёзный нервный стресс. Молодой человек оказался предпринимателем, который вложил свои деньги в сомнительный бизнес-проект «*сотоварищей*», в надежде получать 10% годовых от вложенных средств. Ну, вообще, в результате его «*кинули*».

В течение почти полугода я, используя свой депутатский мандат и обращаясь в различные инстанции, в том числе силовые структуры, пытался помочь «разрулить» ситуацию в которой он оказался. В результате он возвратил свои деньги, и в очередной раз пришел ко мне на прием поблагодарить и попрощаться.

Мы долго беседовали и в конце беседы я попросил его ответить мне на вопрос, который волновал меня, как экономиста, в течение этих полгода. Я спросил его – «Почему ты вложил деньги в сомнительный бизнес в надежде получить 10% годовых, при ситуации, когда коммерческие банки предлагают 16-18% годовых? Разве не проще и безопаснее было положить деньги в банк, получить больше, и вернуть свой капитал с причитающимися процентами?». Его ответ был в стиле современного институционалиста Э.Де Сотто и обескуражил меня – «Вы хороший человек, депутат, - спасибо Вам за помощь, но как доктор экономических наук и профессор в области экономики, Вы слишком наивны и, в определенной степени простаки.... Ведь если бы в джамоате (селе) где я живу узнали, что у меня в банке лежат такие деньги, очень большая их часть ушла бы на строительство сельской дороги, ремонта школы, мечети и т.д. В результате доходность на мой капитал составила бы не 10%, и тем более не 16-18%, а всего лишь 1,5-2%! А если бы банк обанкротился, я бы получил от государства в качестве страховки всего лишь 0,7% от вложенных средств».

Эту историю, на наш взгляд, можно использовать как Case-Study в процессе преподавания микроэкономики, институциональной теории, финансы и кредит, и получить ответы на следующие вопросы:

1. Что необходимо сделать, чтобы предприниматели не сталкивались с такой ситуацией и могли спокойно и рационально вести свой бизнес?
2. Как высокие банковские проценты способствуют криминализации бизнеса?
3. Почему у местных бюджетов мало средств на поддержание социальной инфраструктуры?
4. Какими путями возможно стимулировать социальную ответственность бизнеса?

5. Каковы особенности ведения бизнеса в условиях перехода к рыночным отношениям?

6. Существуют ли специфические черты ведения бизнеса в Таджикистане, или они характерны для всех республик Центральной Азии?

И таких вопросов может быть много.

Более полные ответы на них, на наш взгляд, можно получить, если в их поисках следовать не только универсальным экономическим правилам рационального поведения индивидуума в рыночной системе, но исследовать и наблюдать множество актуальных проблем повседневной жизни человека, как это делается в учебных курсах по «Человековедению». Поэтому, направления перехода от строго дисциплинарной модели экономического образования к междисциплинарной, где целью обучения является не только отдельный учебный курс, а комплексная междисциплинарная программа, остается важным и открытым. Реализация любого социального проекта, такого, например, как в частности НСР-2030, требует решение такого вопроса, как «Path-dependence problem», или иначе зависимость от предшествующего развития. В научной литературе этот вопрос получил название теории «Эффекта колеи».

Из истории экономических учений известно, что концепция «path dependence» относится к области институциональной экономики и характеризует зависимость институтов от выбранной или существующей траектории развития, в зависимости от структуры сложившихся в обществе социально-экономических и культурно-нравственных отношений. Основу концепции составляет так называемый QWERTY-эффект, как результат победы менее эффективного стандарта над более эффективным, и изменение которого (неэффективного) становится невозможным из-за очень больших затрат. Многие представители институциональной экономики взяли на вооружение QWERTY-эффект и даже использовали его для доказательства ограниченности классической школы в утверждении о том, что отбор самого эффективного варианта развития экономических событий происходит в ходе конкуренции. Так возникла так называемая междисциплинарная теория «эффекта колеи», которая показывает проблему зависимости развития от траектории предшествующего развития.

Этот очень интересный междисциплинарный подход, который кстати подтвержден Нобелевской премией по экономике, получил сегодня широкое распространение у американских, европейских и российских экономистов. К сожалению, применительно к странам Центральной Азии, такие исследования почти не проводятся, что говорит о том, что их необходимо активизировать, именно как междисциплинарный подход к изучаемым экономическим явлениям.

Так, например, нобелевский лауреат в области экономики Дуглас Сесил Норт, сравнивая темпы и эффективность развития двух стран – Англию и Испанию, видит причину существенного расхождения в результатах развития в том, что налоги в Испании контролировались королем, а в Англии - парламентом. В итоге, - отмечает Д.Норт, - «британский инвестор был заинтересован в том, чтобы инвестировать, а испанский гранд разумно все тратил. Испанцы вели себя правильно, и англичане вели себя правильно, а результат через три века оказался очень разным». Хотя Испания уже давно все исправила, но до сих пор не может сравниться с Англией. И таких примеров при сравнении многих стран, можно привести множество. В чем причина? Причина в том, что некоторые неформальные институты, а также неверное использование менталитета и культуры в принятии управленческих решений, приводят к сдерживающему эффекту.

Например, очень высокие транзакционные издержки спецификации прав собственности и методов их закрепления, всегда сдерживают частное финансирование,

или иначе, тормозят превращение собственности в капитал, как это принято при капитализме.

Значит, надо поставить капитализм на службу народам...

Еще несколько лет назад такая постановка вопроса вызвала бы не только усмешку со стороны здравомыслящих людей, но и, наверное, бурю негодования. Но факт остается фактом – рыночным преобразованиям нет альтернативы. Однако возникает закономерный вопрос. Правильно ли мы понимаем эти рыночные преобразования? Учитывают ли они ценностные ориентации нашего общества?

Вопрос о том, какая теоретическая концепция лежит в основе этих преобразований, сегодня как никогда актуален. К сожалению, мы необоснованно быстро отвергли классические, в том числе и марксистские, законы социально-экономического развития и необоснованно быстро приняли на вооружение неокейсианские и неоклассические модели современного экономического роста. Мы стали забывать (как показывает анализ многих научных работ отечественных экономистов) о конструктивности и системности экономической теории, которая обязана охватывать всю гамму социально-экономических отношений, складывающихся в обществе. Мы стали забывать о том, что институт частной собственности (в различных формах его проявления), как основа капиталистической системы хозяйствования, должен, в первую очередь, обеспечивать субъектам рыночных отношений свободу в принятии экономических решений и защищать право их выбора.

Исследованию этих вопросов посвящены последние работы представителя неоинституционального направления экономической мысли, известного перуанского экономиста Эрнандо де Сото. Его первая книга, под названием «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире» (1989 г.), посвящена исследованию эволюции нелегальных форм деятельности в модернизирующихся странах, и их роли в создании рыночной конкурентной среды. Эрнандо де Сото отмечает, что в условиях, когда темп роста урбанизации превышает темп роста «городской» занятости, внезаконный сектор экономики выполняет функции сдерживания социального давления и приводит к «рассасыванию» большой доли безработных.

Он совсем по-иному оценивает деятельность теневого (внелегального) и легального бизнеса в модернизирующихся странах. Он доказывает, что именно теневые предприниматели (имеется ввиду предприниматели не нарушающие общечеловеческие ценности поведения) в модернизирующихся странах своей деятельностью устанавливают подлинно демократический экономический порядок на основе свободной конкуренции и функционируют в рамках своего внезаконного «правового поля». Согласно положений предложенной концепции, складывается впечатление, что в модернизирующихся странах внезаконный бизнес гораздо более эффективен, по сравнению с официальным.

Однако, - отмечает Эрнандо де Сото, - пока хозяйственная система будет расколота на легальный и внезаконный сектора, экономика в целом будет испытывать негативное воздействие, выражающееся в низкой производительности, сокращении инвестиций, замедлении технического прогресса и т.д. Поэтому модернизация возможна лишь при условии совершенствования институциональной структуры, где правовые нормы одинаковы для каждого гражданина. Для этого необходимо ликвидировать препятствия, которые мешают интеграции легального и внезаконного секторов экономики, и создать единую правовую и экономическую систему, которая будет исключать любые виды дискриминации.

Многие проблемы, которые поднял Эрнандо де Сото в книге «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире» оказываются актуальными и для нашей страны.

В 90-е годы XX века Эрнандо де Сото продолжил свои исследования и в результате, увидела свет его новая книга под названием «Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире». В этой работе он достаточно убедительно показывает, что переход к рыночной экономике в бедных странах, в том числе и во многих странах Центральной Азии, вызвал не процветание и рост благосостояния, а снижение доходов и уровня жизни и, соответственно, социальное и политическое расслоение общества, распространение коррупции и теневой экономики.

Возникает закономерный вопрос. Почему? Эрнандо де Сото отвергает распространенные ответы на этот вопрос, которые объясняют провалы рыночных преобразований либо неправильной адаптацией в модернизирующихся странах моделей экономического роста, предлагаемых западными экономистами, либо различиями в культуре и традиционных ценностях народов. По его мнению, основным препятствием того, почему в бедных странах капитализм не ведет к процветанию, «является неспособность бедных районов мира создавать капитал. Именно капитал является силой, поднимающей производительность труда и создающей богатство народов. Это кровеносная система капитализма, фундамент прогресса и то единственное, что граждане бедных стран не умеют производить сами для себя, причем вне зависимости от того, с какой энергией они выполняют требования капиталистической экономики». Исследования, проведенные Эрнандо де Сото и сотрудниками его института в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, показали, что даже у самых бедных есть сбережения. И объем их в 40 раз больше, чем вся сумма иностранной помощи, предоставленной всем нуждающимся странам мира после 1945 года.

В чем же дело? Почему эти громадные ресурсы не превращаются в капитал, не создают дополнительную стоимость, т.е. не самовозрастают? Беда в том, отмечает Эрнандо де Сото, что эти гигантские ресурсы имеют ущербную форму, которая проявляется в том, что права собственности на эти активы не задокументированы надлежащим образом, их выгодно продавать только по внезаконной цене и практически невозможно использовать как обеспечение кредита или предложить для делового участия. Иными словами, их не удаётся обратить в капитал.

Неправда ли знакомая картина? Согласно классическим рыночным постулатам, все активы населения (каждый дом, квартира, каждая единица оборудования и т.д.) должны быть четко определены и защищены юридически, а значит, могут быть без труда превращены в капитал. Например, под залог этих активов (а не только квартир и, например, золота), легко получить кредит - важнейший источник финансирования нового бизнеса.

Можно смело утверждать, что в Республике Таджикистан, несмотря на высокий уровень бедности, многие владеют ликвидными активами – от денежных записок, ценных бумаг, машин, квартир и домов, вплоть до приватизированных предприятий. Но эти активы сегодня превращены в мертвый капитал, не способный самовозрастать. В этом и состоит загадка капитала.

Поэтому, как это намечено НСР-2030, приоритетом рыночных реформ становятся не СЛП (аббревиатура – стабилизация, либерализация, приватизация, - которая появилась в связи с критикой в западной экономической литературе политики «шоковой терапии» Е.Гайдара), хотя конечно они и выступают необходимым средством движения к рыночным отношениям, а прежде всего, разработка механизмов, позволяющих преобразовать имущество в капитал. Здесь необходима кропотливая работа в направлении рыночной оценки существующих активов и развития человеческого капитала.

По расчетам Эрнандо де Сото, в период выхода в свет его книги, совокупная стоимость недвижимости, используемой бедняками стран третьего мира и бывшего соцлагеря и не являющейся их легальной (которую можно было бы официально использовать в транзакциях) собственностью, составляет 9,3 трл. долл. Это примерно вдвое больше, чем сумма циркулирующих в хозяйственном обороте всего мира долларов США. Эта сумма приблизительно равна совокупной стоимости всех компаний, акции которых имеют хождение на 20 крупнейших фондовых рынках мира.

В нашей стране до сих пор наблюдается различие в легальной и внезаконной оценке активов. Согласно официальной статистики, например, жилищный фонд находящийся в личной собственности граждан нашей республики составляет 96,3 млн. кв.м. (2017 г.). Учитывая цены незаконного рынка жилья (по самым скромным подсчетам 1 кв.м. = 350 долл.), ликвидность этого жилого фонда составит более 33,7 млрд. долл. С точки зрения общегосударственных интересов – это мертвый капитал. Такая «двойная бухгалтерия» (в юридических документах одна цена, а реальная рыночная стоимость, другая) способствует неоправданно высокому росту цен на рынке жилья, росту вложений в этот мертвый капитал и, соответственно, росту и привлекательности цены «внезаконности». (Давайте вспомним существовавшую еще недавно практику удержания официального и незаконного валютного курса. Целенаправленная работа по выравниванию курсов двух рынков привела к стабилизации валютного курса).

Отсутствие отлаженного механизма объективной (рыночной) оценки и легализации прав собственности приводит к возникновению порочного круга: рост незаконных транзакций приводит к сокращению законных. Однако необходимость сохранения уровня общественных расходов приводит к увеличению давления на законный бизнес, что обуславливает растущую привлекательность теневого сектора и т.д.

Что же может дать юридически оформленная и гарантированная государством легализация прав собственности?

На Западе таинственный процесс преобразования имущества в капитал начинается с определения полезных свойств имущества, которые фиксируются в официальном документе, закрепляющем право частной собственности. Подобная оценка полезных свойств имущества и четкость определения прав собственности позволяют эффективно управлять ею, а значит и превращать ее в капитал. Но если правовые нормы несовершенны, то уменьшить риски при заключении сделки часто просто невозможно, либо затраты на это слишком высоки. В результате огромная часть потенциальных сделок просто не заключается, огромная часть имущества выпадает из хозяйственного оборота, а значит, не может быть использована в качестве капитала. Дом, зарегистрированный в четко определенной правовой системе, служит не только жильем, но и как источник обеспечения кредита, как адрес для сбора налогов, долгов, для коммерческих, юридических или гражданских надобностей и пр., благодаря чему хозяин дома имеет возможность увеличивать ценность своих активов.

Правильная легализация собственности приводит к повышению ликвидности активов. В отличие от самих объектов недвижимости, права собственности на них можно легко комбинировать, делить, мобилизовывать, использовать для стимулирования экономических операций. Главное экономическое преимущество системы правильной легализации собственности заключается в том, что она может радикально улучшить возможности коммуникаций по поводу активов, их потенциала и использования, в том числе при функционировании коммунального хозяйства (появляется возможность правильно учесть потребности и бороться с хищениями в сетях коммунального хозяйства), получении кредита или страховании имущества и

сделок (кредиторы и страховые компании получают информацию о надежности клиентов), установлении связи государства с частными лицами (например, при сборе налогов) и т.д., и т.п.

Таким образом, нормальная правовая система позволяет не только защитить права собственности (что, в принципе, обеспечивают и докапиталистические нормы, и обычаи), но и превратить собственность в капитал, сделать активы более мобильными. «Можно имитировать формы капиталистического хозяйства, импортируя забегаловки Макдоналдс, но это не обеспечит процветания, - пишет Эрнандо де Сото - необходим капитал, а его не получить без сложной и дееспособной системы частной собственности, которая никогда ни на кого с неба не сваливается. Причиной прогрессирующего обнищания бедняков в развивающихся и бывших социалистических странах является, прежде всего, их отрезанность от положительных эффектов, создаваемых системой частной собственности. Проблема этих стран не в том, смогут ли они напечатать дополнительные деньги или получить их займы. Им необходимы правовые институты и политическая воля, которые позволили бы создать систему частной собственности, доступную для бедных слоев населения».

В своей новой работе Эрнандо де Сото пришел к фундаментальному выводу, что технологии не влияют на переход к интегрированной системе прав собственности на недвижимость. Ключевым моментом является приспособление закона к социальным и экономическим нуждам большинства населения. Благодаря этому закон стал инструментом массового образования капитала и экономического роста.

Пример интенсивного роста стран «азиатских тигров» показывает, что можно добиться успехов в развитии, если эффект колеи совместить с использованием сравнительных преимуществ, которыми владеет та или иная страна.

В конце XX века Япония, Гонконг, Сингапур, Корея, Тайвань испытали невиданный экономический рост, который получил название «азиатского чуда». Ряд американских ученых критикует этот термин за его мифологичность. Их аргументы сводятся к тому, что трудно назвать чудом рост, инициированный простым количественным вовлечением ранее простаивающих факторов производства - сельской рабочей силы, сельхозугодий и др.

Действительно, во всех этих странах всегда остро не хватало земли и других природных ресурсов, которые традиционно рассматривались как важнейшие предпосылки экономического роста. Опыт Японии и азиатской «четверки» опрокинул эти традиционные представления и доказал, что в определенных случаях (и особенно в современном постиндустриальном информационном, основанном на высоких технологиях, обществе) перспективы страны могут быть обратно связаны с ее природно-ресурсным потенциалом. Ведь развитие на природных ресурсах приводит к широко известной в мировой экономической науке «голландской болезни» - концентрации прав собственности и капиталоемких технологий и фондов в руках ограниченной номенклатуры, быстрому ухудшению структуры экспорта - от обрабатывающего к первичным ресурсам, сосредоточению усилий государственной и деловой элиты страны на поиске природной ренты (*rent-seeking behavior*), а не усилиях по повышению эффективности экономики и ее росту.

Азиатские драконы сделали свой первый рывок на практически единственном тогда для них доступном факторе производства - дешевой рабочей силе. Модель развития, внедренная всеми ими, была очень похожа. Они все двигались вверх по экономической лестнице - от использования одного сравнительного преимущества вплоть до полной его растраты к использованию своего нового обретенного сравнительного преимущества опять до полной утраты и т.д.; начинали с самой низкой

ступеньки - специализации на первичном производстве, затем поднимались на следующую – неквалифицированное трудоемкое обрабатывающее производство, затем - по мере роста зарплаты и издержек труда - переходили к квалифицированному трудоемкому обрабатывающему, затем капиталоемкому и, наконец, наукоемкому производству.

В каждой из них государство первоначально было важнейшим участником экономических процессов и лишь затем передало непосредственные функции экономического развития предпринимателям. В каждой стране именно ориентация на экспорт обеспечила быстрый рост производства.

Первой восхождение по этой лестнице начала Япония. За ней следуют четыре азиатских «дракона», а за ними - Китай, страны АСЕАН (Малайзия, Таиланд, Индонезия, Бирма и др.) и Южной Азии. По мере того как одна группа стран, движется вверх по ступенькам лестницы, другая группа может занять ее место. Так, в то время, как Япония взбиралась по лестнице к наукоемкому экспорту, четыре «дракона» замещали японцев как экспортеров, трудоемких обрабатывающих производства и услуг, а также некоторых тяжелых промышленных товаров. По мере того как сами страны «четверки» взбираются по различным ступенькам сравнительного преимущества, они сбрасывают трудоемкие производства в соседние страны (Китай и АСЕАН) с пока еще низкой зарплатой, помогая им в свою очередь тоже начать восхождение по экономической лестнице, на базе экспорта трудоемких товаров и услуг.

Китайский быстрый рост, который был инициирован первоначально аграрной реформой (переход от коммун к семейному подряду), усилением экспортной ориентации экономики, - это хорошо усвоенные уроки азиатского развития. Нет простых решений выхода на экономический рост, нет здесь универсальных рецептов. Но есть полезные уроки, подходы, философия, более тонкая материя, которая тем не менее должна быть узнана. Как необходимое, но, конечно, недостаточное для него условие. Япония дает нам блестящий пример промышленной политики, которая, однако, сочетается с не слишком эффективной политикой в области регионального развития.

Южная Корея - страна, которая находится сейчас, как и Таджикистан, в процессе ухода от централизованного планирования, имеет крупные промышленные экспортоориентированные концерны. Поэтому опыт ее новейшего развития и выхода на экономический рост может быть особенно близок для такой центральноазиатской страны, как Таджикистан. Тайвань может служить для нас удачным примером исключительно быстрой структурной трансформации экономики через аграрную реформу и быстрого облагораживания структуры экспорта. Наконец, опыт китайской реформы в области региональной политики поучителен для стран Центральной Азии.

Вопросы по теме:

1. Существует ли сопряжение НСР-2030 Таджикистана со стратегиями развития других центральноазиатских стран?
2. Насколько актуальна проблема легализации прав собственности для центральноазиатских стран в их стремлении к быстрому экономическому развитию?
3. Вопрос демографического окна возможностей уникален только для Таджикистана или этот вопрос также актуален для других стран?
4. В каких областях можно наблюдать зависимость от предшествующего развития, или «эффект колес», в странах Центральной Азии?
5. Действительно ли технологический пример развития стран четверки «азиатских тигров» поучителен для стран Центральной Азии?

Использованные источники

1. Послание Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2016.

3. Саидмуродов Л.Х. Пути достижения макроэкономического равновесия в малой открытой экономике Республики Таджикистана //Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: «Сино», 2011.- №4(68). – 0,3 п.л. ISSN 2074 -1847.

4. Саидмуродов Л.Х. Экономическая теория открытого хозяйства и проблемы современного Таджикистана. – Душанбе: «Ирфон», 2005.

5. Выход постсоветского пространства из системной кризисной цикличности: формирование эволюционной модели экономического развития и расширения ЕАЭС. Том 1. Материалы международной научно-практической конференции. г.Москва, 25-26 июня 2015 г. ISBN 978-5-600-01129-8.

6. Таджикистан в переходный период: Роль макроэкономической политики в решении проблем бедности. Рига. 2014. ISBN 978-9934-508-15-8.

7. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Душанбе. 2016.

8. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело – 2002;

9. Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. /Пер. с англ.. – М.: Олимп-Бизнес, 2004;

10. Krugman Paul R.. Pop internationalism. МТИ 11. 1996. Глава 11. «The Myth of Asias Miracle»;

11. James W.E., Naya S., Meier G.M. Asian Development. Economic Lessons and Policy Lessons. University of Wis.

ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ МИГРАЦИИ

Проблема наций и национального в экономических процессах получила в политической экономии социализма своеобразное освещение. Было бы, по всей видимости, не совсем точно сказать, что о национальном факторе вообще здесь не вспоминалось. Напротив, он довольно часто фигурировал в объяснении некоторых аномалий экономических процессов, когда не было других более или менее приемлемых способов объяснения с официальных позиций деформаций их закономерного течения. В частности, особенно часто прибегали к нему при объяснении многих процессов, происходивших в Среднеазиатских республиках и других отсталых окраинах бывшей Российской империи, куда особенно энергично направлялись людские потоки (Выдержка из книги Б.С.Джаманкулова

«Экономический прогресс и национальное развитие». Институт экономики им. Дж. Алышбаева НАН КР, Бишкек, 2014 г.)

Национальный фактор сводился, в этом случае, к национально- специфическому, к особенностям национальной психологии, обычаям и привычкам, в большей степени, на мой взгляд, надуманным, нежели действительно имевшим место. Это один из способов игнорирования роли национального фактора, выраженный, правда, в необычной форме. Суть его в том, что преувеличивалось значение национально-специфических черт и их влияния на социально-экономические процессы. В национальном видели причину необычных явлений, отклонения от нормального. В то же время действительно большая роль фактора межнациональных различий маскировалась, не принималась во внимание. Как можно было объяснить, исходя из законов общественного развития, такие противостественные явления, как резкий скачок индустриального развития республик и стоявшая много десятилетий проблема очень низкой доли местного коренного населения в индустриальных отраслях, нехватка рабочей силы в городах и нарастающая массовая безработица на селе, трудоизбыточность региона и очень большие потоки иммиграции, резкий рост городского населения и низкая доля в нем коренной нации и т. д. и т. п. С точки зрения официальных версий было ясно, что такого рода противоречивые процессы могут быть вызваны только аномалиями, но никак не закономерностями существования самой общественной системы. Поэтому эти противоречия связывались с изначальной природной «низкой мобильностью коренного населения», «склонностью его к аграрному труду», «привязанностью к местам проживания» и т. д.

Проблемы территориальной, профессиональной и социальной мобильности коренного населения, конечно, существовала в тот период. Но вряд ли правомерно было сводить их только к интенсивности миграционных процессов и, соответственно, рассматривать проблемы повышения миграции как самодовлеющие, решение которых должно было позволить увеличить долю коренного населения в индустриальных отраслях, в численности городского населения и оптимизировать его социальную структуру в целом. И совсем уж неправомочно было видеть причины проблем миграционной подвижности в национально-специфических чертах коренного населения. Объяснение деформаций экономических процессов национально-специфическими чертами народов фактически придавало им неустранимый характер, превращало их в постоянно действующий фактор. Они не могли быть устранены в обозримой перспективе, пока существуют нации и национальные различия.

На каком основании делались выводы о низкой мобильности коренного населения Среднеазиатских республик? Чаще всего использовались доводы типа «население

коренных национальностей в основном проживает в пределах Среднеазиатского региона», «в межреспубликанских потоках большинство составляют представители славянской группы», «затруднения с привлечением в другие регионы страны» и т. п. Читаем, например, «В Среднеазиатском регионе проживает узбеков 97,1%, таджиков - 98,5, туркмен - 98,5 и кыргызов - 98,4%. Это положение за последние 10 лет мало изменилось. Оно свидетельствует о слабой территориальной мобильности населения коренных национальностей Среднеазиатских республик». Явно надуманный характер выводов о низкой мобильности, на основании приведенных выше данных станет очевиднее, если напомнить, что в пределах Литовской ССР, например, не говоря уже о близлежащем регионе, проживало 95,3% литовцев, в пределах Латвии - 95,1% латышей, в пределах Эстонии - 93,8% эстонцев. По этим данным, следуя предлагаемой логике, нужно было говорить о низкой территориальной мобильности прибалтийских народов. Но такие выводы были явно неприемлемы и официальные версии миграции в Прибалтийские республики строились на других посылах.

В пределах же собственных территорий, особенно в привычной языковой и этнической среде, в направлении «село - село», «село - небольшой город» миграционная подвижность среднеазиатских народов довольно высокая. По данным Госкомстата Кыргызстана, например, в валовом объеме миграции в 1979 г. доля кыргызского населения составила 38%, а в 1988 г. - более 45%. По данным переписи 1979 г. среди проживавших в республиканских городах не с рождения обрели постоянное место жительства менее двух лет назад среди кыргызов 39,3%, русских - 14,2 и узбеков - 24,2%; менее 5 лет назад среди соответствующих национальных групп - 78,1%, 45,4 и 61,2%. Поэтому и в составе старожилов, т.е. проживающих в этих местах 10 и более лет, различия по данным этническим группам существенны - 21,9%, 54,6 и 31,8%. Сам же Мукомель В.И. отмечал, что «в 70-х годах подвижность среди узбеков повысилась в 2,7 раза, кыргызов - в 2,8 раза, таджиков - в 1,7 раза, туркменов - 2,6 раза. Кыргызцы уже сейчас являются одной из наиболее подвижных этнических групп».

Миф о низкой природной мобильности коренного населения Средней Азии вследствие «приверженности традиционному образу жизни», «привязанности к местам проживания» тесно связан и дополнялся мифом об изначальной «приверженности населения к аграрному труду». Логика прежняя: в городах «нехватка» рабочей силы, а село и сельское хозяйство уже изнемогает от ее избытка. Не ехать в города в этой ситуации могли только люди очень склонные к сельскохозяйственному труду. Собственно говоря, это парные мифы: низкая мобильность объяснялась природной склонностью к аграрному труду и, наоборот, - высокая доля занятых в сельском хозяйстве объяснялась низкой мобильностью, привязанностью к местам проживания.

«Трудовые ресурсы сельской местности не отвечают требованиям современного производства», - писал Мукомель В.И. и далее ссылаясь на фразу, которую мы приводили выше, о трудностях привлечения коренного населения Средней Азии в промышленные отрасли и в другие регионы страны. Даже если не учитывать весьма существенное влияние фактора социально-национальной дезинтеграции на процессы профессиональной и территориальной мобильности, которые будут рассмотрены позднее, этот тезис вызывал возражения. Во-первых, нужно сказать, что трудовые ресурсы сельской местности вообще, если там нет современных производств, не приспособлены к ним, что вполне естественно. Странно требовать развития навыков индустриального труда без существования индустриальных производств. Во-вторых, тезис о неприспособленности коренных жителей к индустриальным производствам, их низкой квалификации в ходу был уже несколько десятилетий. За это время в мире произошли громадные преобразования. В ранее слабо развитых странах сформировался

национальный рабочий класс и действительно современные виды производств, которые не существовали на таком уровне в тот период и в развитых регионах нашей страны.

Тезис о неприспособленности коренного населения Средней Азии к промышленному труду превратился в аксиому, «принадлежит к числу тех утверждений, которые заимствуются авторами друг у друга до тех пор, пока путем простого повторения не превратятся в установленный факт». Возникает закономерный вопрос, зачем были нужны и почему были так важны мифы о низкой природной мобильности коренного населения и склонности его к аграрному труду? Можно с уверенностью сказать, что административные версии о национально-специфических чертах коренного населения Средней Азии, так сильно влиявшие на экономические процессы в этом регионе, имели общие корни с положениями о высоких темпах развития, выравнивании уровней развития республик, становлении однотипной социальной структуры, решении национальной проблемы, построении развитого социализма и т. д. В данном случае официальная версия событий была призвана придать естественный вид противоестественным процессам развития региона без соответствующего прогресса его коренного населения. Миф о склонности к аграрному труду и парный с ним миф составляли необходимое звено в цепи доводов, призванных придать законный характер многотысячному потоку иммиграции в эти республики и социально-национальному расколу их населения.

Доводы о низкой территориальной и профессиональной мобильности коренного населения, вынудившие центральные органы организовать громадные потоки квалифицированной рабочей силы из промышленно развитых районов, не воспринимались еще по одной причине. Дело в том, что подобного рода массовые переселения людей осуществлялись не только в отсталые регионы страны, но и в наиболее развитые в индустриальном отношении республики, такие как Латвия, Эстония, а в последние годы и в Литву. В данном случае вообще не проходили утверждения о низкой квалификации кадров, особенностях профессиональной мобильности и прочем. В этом случае приходилось опираться на другие сценарии: ссылаться на мифические общесоюзные интересы, «нехватку» рабочей силы и т. п.

Почему, когда говорили о миграции в Прибалтийские республики признавалось, что иммигрировали неквалифицированные слои населения, а как речь заходила о Среднеазиатских республиках они становились высококвалифицированной рабочей силой? Ведь миграция происходит по общим законам, захватывает определенные слои населения, вызывается необходимыми социально-экономическими обстоятельствами. Миграция всегда происходит в силу стремления людей реализовать собственные интересы, стремится к преимуществам. Она не может идти, если это не насильственное переселение, от лучшего к худшему.

Объективно, в силу экономических законов, нереально было бы наладить громадные потоки действительно квалифицированной рабочей силы из индустриальных центров в регионы, отстающие от них по уровню жизни.

Приток приезжего населения как в развитые Прибалтийские республики, так и отсталые Среднеазиатские имел общие корни. Приток приезжего населения как в первом, так и во втором случае не был экономически оправдан. В Среднеазиатских республиках налицо зрели процессы аграрного перенаселения, социально-национального размежевания населения республик, нарушение баланса взаимосвязанного развития городов и сел. В то же время в Прибалтийских республиках приобрела явно деформированные черты экономическая структура, не выдерживала нагрузок социальная и производственная инфраструктура, явно обнажались те же процессы социально-национального раскола населения.

Когда мы рассматриваем социально-экономические процессы, часто отталкиваемся только от привычных представлений о причинно-следственных связях общественных процессов, от того «как должно быть» по аналогии с нормальной экономической системой. Не учитывается противоположный характер существовавших общественных отношений. В нашем случае следствия, воспринимаемые как результат действия экономических закономерностей, на самом деле таковыми не являлись. Поиск ведется в русле нормалей экономических тенденций, но фактически имеющийся результат являлся следствием системы, где действовали совсем другие законы.

Так происходит, когда, в частности, социальные процессы рассматриваются вне исторических рамок, в которых они протекали, без учета реальной исторической обстановки, вне времени и пространства конкретных экономических отношений. Дело в том, что сама тоталитарная система настроена на регламентацию жизни людей, закрепление людей в местах проживания, строгий контроль за их передвижением. При анализе миграционных процессов и деформаций отраслевой структуры, например, не учитывались такие реалии социализма, как паспортная система, прописка, нехватка жилья и т. п. Вплоть до отмены положения о невыдаче паспортов сельским жителям, процесс миграции в значительной степени непосредственно контролировался местными властями. В значительной степени эту роль продолжала играть система «прописки». Если учесть, что большинство населения села составляли коренные жители, а в недавнем прошлом они составляли просто подавляющее большинство (в 1959 г. в столице Кыргызстана проживало лишь 2,4% от общей численности кыргызов или 9,3% населения г. Фрунзе), то ясно, что паспортная система касалась в основном ограничения мобильности коренного населения. В этих условиях сорвать огромные массы сельского населения из одних мест в другие, разместить их на новом месте, организовать жилье, работу и прочее можно было только при условии определенной государственной политики.

Учитывая это обстоятельство, следует отметить, что сложившуюся структуру занятости нельзя было трактовать как результат свободного устремления людей отдельных национальностей. Если бы мы наблюдали результат нормального эволюционного развития, то можно было бы говорить о различиях в отношении к профессиям разных народов (если они существуют). Территориальная и профессиональная обособленность народов образовалась сразу, в течение очень короткого исторического периода. Говорить в этом случае об естественных условиях миграции и занятости, вызванных потребностями общественного развития, некорректно. Особенности миграционного поведения людей различных национальностей и отраслевой структуры занятости здесь - это не есть только естественный результат действия объективных экономических законов, но и следствие социальных деформаций и катаклизмов.

Выдержка из экономического обзора Кыргызской Республики № 6, осень/зима 2017, подготовленного группой авторов, в том числе и региональных, под эгидой Всемирного банка: «Устойчивое восстановление... на фоне существующих недостатков. В зоне особого внимания: трудовая миграция».

В зоне особого внимания: миграция, денежные переводы и «голландская болезнь» (раздел D)

Экономика Кыргызской Республики является одной из самых зависимых от денежных переводов в мире. Масштабы оттока населения из Кыргызской Республики были огромными. Минимальное значение, полученное из модуля данных о рабочей силе Комплексного исследования домашних хозяйств Кыргызстана, показывает, что число мигрантов из Кыргызстана за рубежом составляет около 200 000 человек. Тем не менее, статистические данные российских государственных служб миграции сообщают о 710

000 граждан Кыргызстана выехавших только в Россию. Даже минимальный показатель значителен: это количество эквивалентно 3,3 процента от общей численности населения в Кыргызстане или 10 процентам населения трудоспособного возраста.

Что касается доли переводов в ВВП, то Кыргызская Республика является одной из наиболее зависимых от денежных переводов стран мира. В 2014 году денежные переводы, отправленные домой кыргызскими мигрантами, превысили отметку в 2 млрд. долларов США, что эквивалентно 27,4 процента ВВП и почти в 9 раз превышает приток ПИИ. Это сделало Кыргызскую Республику второй по величине экономикой, зависящей от денежных переводов, в мире, учитывая их долю в ВВП в этом году, после Таджикистана, но перед Непалом, Тонгой и Молдовой.

Существует ряд возможных объяснений этого несоответствия. Первая цифра, полученная из исследований домашних хозяйств, не может охватить лиц, мигрировавших на долгосрочный период, или случаи, когда домашние хозяйства мигрировали в полном составе. Во-вторых, в российскую статистику также включены граждане Кыргызстана, которые имеют российское гражданство, а также зарегистрированные в российском миграционном управлении, но проживающие в стране для целей, отличных от работы (например, учебы).

Молодые люди выбрали эмиграцию вследствие недостатка перспектив внутри страны. Мигранты – это, как правило, люди образованные и молодые, которые вынуждены покидать Кыргызскую Республику из-за отсутствия внутренних возможностей и вследствие экономических трудностей. Они являются преимущественно молодыми мужчинами, часто из более бедных регионов Юга, которые выполняют сельскохозяйственную работу или являются безработными в дополнение к недостаточному доходу домашних хозяйств. Около 75,6 процента всех мигрантов составляют мужчины – обычно, в возрасте около 18-35 лет. 89 процентов мигрантов имеют полное среднее или высшее образование. В большинстве своем, они были безработными до отъезда, занимались сельским хозяйством или работали в сфере услуг в городе (продажа, строительство).

Миграция – это побочный продукт бедности. Как и ожидалось, мигранты, как правило, происходят из бедных семей (принимая в расчет доход до денежных переводов). В то время как семьи мигрантов более обеспечены, чем средние семьи, этот достаток в подавляющем большинстве случаев является результатом денежных переводов, которые, в среднем, составляют более половины их общего дохода. Следовательно, неудивительно, что основной мотивацией для миграции является поиск альтернативных средств дохода для удовлетворения повседневных потребностей. В опросах большинство мигрантов указывают, что они уехали вследствие того, что их семьям нужны были деньги (55 %) или из-за отсутствия возможностей для трудоустройства у себя в стране (16 %). Напротив, мотивация сбережений/инвестиций выглядит менее значимой и в основном ориентирована на организацию семейных мероприятий и покупку недвижимости. Это подтверждается сообщениями об использовании денежных переводов, использующихся главным образом на закупку продуктов питания (35 %) и улучшение жилищных условий (21%), в отличие от образования детей (8 %) (возможно, с учетом государственного обеспечения), инвестиций в бизнес (3 %) или сбережений (9 %).

Большинство мигрантов занимаются низкоквалифицированным трудом в стране назначения. Наиболее значительным профессиональным продвижением, по-видимому, является переход от сельскохозяйственного труда дома к городскому строительству или работе в сфере услуг в стране назначения, развития других дополнительных навыков не происходит, хотя данные приведены по грубым подсчетам, что может повлечь за собой

преуменьшение степени, в которой такое развитие может происходить в широком спектре видов занятости.

Денежные переводы приносят краткосрочные выгоды, но подрывают конкурентоспособность в долгосрочной перспективе. В краткосрочной перспективе поступления денежных переводов, как правило, связаны с более низким уровнем бедности и более высокими темпами роста. Миграция помогает уменьшить давление на домохозяйства, связанное с безработицей/неполной занятостью. Для экономики приток капитала означает уменьшение внешних финансовых ограничений, так как увеличивающиеся сбережения стимулируют инвестиции (осуществляемые непосредственно домохозяйствами, либо опосредованно финансовым сектором). Денежные переводы помогают ускорить экономический рост в краткосрочной перспективе благодаря эффекту мультипликатора потребления.

В то же время, в среднесрочной и долгосрочной перспективе, денежные переводы могут повлиять на макроэкономическую стабильность и превратиться в феномен, подобный «голландской болезни». Механизм и каналы передачи хорошо известны. Резкое увеличение доходов приводит к росту потребления как экспортных товаров, так и товаров, ориентированных на внутренний рынок, но, поскольку цены даны для первых, растущий общий спрос переводится в относительно более высокие цены для товаров для внутреннего рынка. В свою очередь, это устраняет стимулы для инвестиций и передвижения рабочей силы в секторах, ориентированных на экспорт (или конкурирующих с импортом), и наоборот. В противном случае крупные притоки капитала приводят к повышению реального обменного курса. Эти эффекты усугубляются, когда рост доходов, не связанных с трудовой деятельностью (например, полученных в результате денежных переводов), оказывает давление на заработную плату, усиливая последствия повышения реального обменного курса и ослабляя конкурентоспособность на международном рынке.

Это, в свою очередь, приводит к следующему: Ключевым следствием является резкое уменьшение экспорта.

Неблагоприятные последствия для товарных секторов экономики, такие как более низкий объем экспортных продаж и более высокий спрос на импорт, при прочих равных. По сути, это подразумевает уменьшение долгосрочных перспектив роста, особенно для малых стран, для которых доступ на внешние рынки является единственным вариантом, который обеспечивает достаточные и устойчивые возможности для увеличения объема производства.

Увеличение торговых диспропорций до такой степени, что некоторые сферы потребления, активизированные денежными переводами, направляются в сторону импорта, а экспорт уменьшается.

Повышенное давление на цены (по мере увеличения денежных агрегатов) и рост цен на финансовые активы – особенно на недвижимость, что может привести к чрезмерным инвестициям в этот сектор.

Денежные переводы сыграли ключевую роль в поддержке роста доходов и ВВП, но они также могут иметь и нежелательные последствия. Появление миграции и денежных переводов в Кыргызской Республике связано с относительно устойчивым ростом, обусловленным потреблением. Темпы роста потребления и денежных переводов тесно связаны, поэтому мы можем с уверенностью заключить, что экономический рост в значительной степени был следствием притока денежных переводов. Наблюдались некоторые характерные симптомы «голландской болезни».

Снижение конкурентоспособности за счет повышения реального обменного курса и изменения структуры производства в пользу неторгуемых товаров/услуг и товарного

экспорта: Канал передачи работал за счет потока валютных поступлений (в виде доходов от сырьевых товаров и денежных переводов), что стимулировало рост доходов населения, обеспечивая расширение частного потребления, наряду с повышением цен на товары отечественного производства (в частности, на услуги). Такое повышение цен приведет к реальному повышению обменного курса кыргызского сома, что, в свою очередь, приведет к потере внешней конкурентоспособности; кроме того, такие ценовые сигналы, как правило, усиливают перераспределение ресурсов на дальнейшее товарное и неторгуемое производство, повышая, тем самым, подверженность экономики шокам, связанным с ценами на сырьевые товары (и коррелированным шокам, связанным с денежными переводами). Заработная плата: в период с 2003 по 2012 гг. реальная заработная плата выросла почти на 9% в год, значительно опережая рост производительности – особенно, в сфере торговли (сельское хозяйство и промышленность).

Торговля: экспорт товаров, не связанных с золотодобычей, пострадал, в то время как импорт увеличился. В 2000-2016 гг. рост экспорта товаров и услуг в долларовом выражении составлял, в среднем, 12 %, хотя и с существенным замедлением (до, примерно, 4%) в 2008-2015 гг. Более того, такие показатели стали возможными благодаря значительному росту цен на золото и экспорт услуг (доля которых в общем объеме экспорта выросла с 11 % в 2000 году до 34 % к 2016 году), что подразумевает снижение стоимости экспортируемых товаров. Рост импорта в 2000-2015 гг., напротив, составлял, в среднем, 15 %, что привело к явному ухудшению торгового баланса.

Концентрация экспорта усилилась. Еще одним явным признаком «голландской болезни» является сокращение количества производимых страной товаров. Мало того, что золото постепенно увеличивало свою долю в экспортной корзине, но и показатели концентрации продукции демонстрируют повышенную концентрацию, начиная, примерно, с 2007 года.

Финансовое посредничество. С уровнем сбережений, в 2015 году превышающим 20 процентов ВВП, Кыргызская Республика занимает относительно высокое место в регионе. Мы также наблюдаем – особенно, в 2007 году – резкое увеличение банковского кредитования экономики. Однако, начиная с очень высоких уровней, спреда по процентным ставкам оставались постоянными (в основном, более 20 %), что указывает на постоянные ограничения в мобилизации этих сбережений.

Что может сделать политика?

Поддержание гибкости обменного курса играет ключевую роль, поскольку обеспечивает должную реализацию антициклической фискальной и денежно-кредитной политики. Управление последствиями и усиление положительных результатов миграции – основные задачи политики. Диапазон вариантов политики включает циклические/макроэкономические меры, структурную политику для повышения устойчивости экономики, а также целенаправленные инициативы по использованию денежных переводов для инвестиций. Макроэкономическая политика должна быть антициклической.

Когда речь идет о денежно-кредитной политике, основное внимание следует уделять обеспечению контроля над инфляцией, наряду с сохранением гибкости валютного курса. К минусам (когда количество денежных переводов снижается) можно отнести то, что, если позволить валюте обесцениться – значит, возможно, нанести ущерб потребителям, но это может немедленно помочь повысить конкурентоспособность экспорта. Положительный момент (когда увеличивается объем денежных переводов) – это то, что попытки изъять поступающий в страну капитал (чтобы противостоять давлению в пользу повышения курса) посредством денежно-кредитной политики могут быть лишь временным средством, и расходы на стерилизацию могут быстро вырасти.

Фискальной политике также отведена важная роль. В частности, антициклическая политика (экономия во время бумов, ослабление во время спадов) помогает предотвратить некоторые из вредных последствий «голландской болезни». В частности, налоговые ограничения могут помочь предотвратить перегрев экономики вследствие развития чрезмерно высокими темпами, смягчить необходимость повышения заработной платы и сдержать повышение реального обменного курса. В Кыргызской Республике наблюдается обратная ситуация, с проведением проциклической политики и увеличением расходов (в том числе, на заработную плату) в то время, когда приток денежных переводов и денежные поступления от экспорта достигли своего пика. Утверждение фискального правила, которое определено учитывает денежные переводы, станет значительным шагом навстречу укреплению здоровой антициклической политики в экономике.

Структурная политика должна быть ориентирована на обеспечение диверсификации активов

Дополнительные структурные реформы должны быть направлены на повышение производительности в сфере производства нерыночных ходовых товаров и услуг. И финансовое посредничество могло бы работать лучше. Параллельно с откалиброванной макрополитикой, структурные реформы должны быть направлены на то, чтобы содействовать повышению продуктивности нетоварного сектора, связанного с внешней торговлей. Это будет включать в себя следующее:

Создание конкурентоспособных и эффективных рынков – в том числе, за счет лучшего понимания барьеров, затрудняющих проникновение на рынок, роли государственных предприятий, их влияния на конкуренцию и динамику цен в секторе, а также за счет наличия дополнительных искажений.

Развитие конкурентоспособных секторов с явным (рыночным) потенциалом роста. Сюда относятся сельское хозяйство, некоторые виды производства и экспортно-ориентированные услуги.

Улучшение возможностей подключения. Преобразование естественных активов в высококачественную инфраструктуру подключения является ключевым фактором, способствующим диверсификации.

Сокращение неформальности, позволяющее предприятиям среднего и малого бизнеса расширяться, создавать рабочие места и стимулы для инвестиций, инноваций и повышения производительности».

В то время как денежные переводы могут помочь смягчить неэффективность кредитного рынка (ослабляя ограничения ликвидности для предпринимателей, которые не могут получить доступ к кредитам из-за отсутствия залога или высоких кредитных расходов), они поступают неоптимально относительно хорошо функционирующего финансового рынка, который может направлять ресурсы для наиболее продуктивного использования. В Кыргызской Республике низкий уровень эффективной конкуренции в финансовом секторе, вероятно, стимулирует высокие процентные спреды, что предоставляет возможности для улучшения. Более того, зависимость от субсидируемого финансирования в целях поощрения частных инвестиций (например, через Российско-Кыргызский фонд развития) приводит к искажениям на рынке, что может повредить как стабильности, так и всеохватности системы.

Улучшение инвестиционного климата является наиболее эффективным решением в долгосрочной перспективе. Государственные программы могут работать там, где существуют сильные общественные институты. Устранение инертности на рынках труда и продуктов, а также любые другие меры, направленные на повышение конкурентоспособности экономики, могут частично компенсировать повышение цен.

Более того, улучшение инвестиционного климата является самым простым способом эффективного содействия более продуктивному использованию денежных переводов посредством инвестиций, а не потребления.

Альтернативой общесистемной реформе финансового сектора является мобилизация денежных переводов через общинные программы, как правило, для местных инфраструктурных проектов, микропредпринимательства и сбережений. Значительный опыт таких программ имеется в Латинской Америке (в том числе с использованием соответствующих грантов от правительства и/или поддержки партнеров по развитию), однако их применимость к центральноазиатскому контексту, вероятно, заслуживает дальнейшего изучения в той мере, в какой такие программы обычно мобилизуют сбережения от хорошо зарекомендовавших себя диаспор мигрантов (тогда как эмиграция в Кыргызстане появилась недавно и носит временный характер), и требуют наличия очень сильных общественных институтов. Тем не менее, это может быть средством для участия партнеров по развитию в контексте программ социальных инвестиций, к которым могут быть добавлены компоненты, поддерживаемые денежными переводами.

Вопросы к теме:

1. В чем заключается влияние национального фактора в экономике?
2. Что означает «низкая мобильность коренного населения», склонность к аграрному труду, привязанность к местам проживания». Можно ли отнести эти качества к национальным различиям Центрально азиатских народов? В какой степени эти различия могут быть препятствием в индустриализации экономики стран Центральной Азии?
3. Каковы масштабы оттока населения в связи с трудностями трудоустройства в Кыргызстане? Какова доля денежных переводов к ВВП в Республике Кыргызстан в других стран Центральной Азии?
4. Какую роль играют денежные переводы для экономического роста страны?
5. Что такое феномен голландской болезни?
6. Как можно усилить положительные результаты миграции и какова роль политики в этом вопросе?

Глоссарий

Диверсификация - расширение ассортимента выпускаемой продукции и переориентация рынков сбыта, освоение новых видов производств с целью повышения эффективности производства, получения экономической выгоды, предотвращения банкротства. Такую диверсификацию называют диверсификацией производства.

Фискальная политика - правительственная политика, один из основных методов вмешательства государства в экономику с целью уменьшения колебаний бизнес-циклов и обеспечения стабильной экономической системы в краткосрочной перспективе.

Микроэкономика - изучает поведение отдельных экономических агентов: индивидуумов, домохозяйств, предприятий, владельцев первичных производственных ресурсов.

Макроэкономика - исследует функционирование экономической системы в целом и крупных ее секторов.

Тексты для дополнительного чтения:

1. Джаманкулов Б. С. Принципы экономической политики СССР и особенности формирования промышленности Кыргызстана.
2. Джаманкулов Б. С. Рудименты советской ментальности в советской экономической политике.

СВЯЗЬ ЭКОНОМИКИ С СИСТЕМОЙ ЦЕННОСТЕЙ

Общий классический взгляд на природу экономического общественного сознания, исходя из экономических параметров (особенностей, культурной и социальной психологии, ментальности и экономических проблем страны).

1. Классический экономический взгляд. В классической теории выбор – рациональный процесс, связанный с понятием «человека экономического». Адам Смит (1723-1790) выражает его личностные свойства следующим образом:

«Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно будет ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий предлагающий другому сделку какого-либо рода, предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно, таков смысл всякого подобного предложения... Именно таким путем мы получаем друг у друга значительно большую часть услуг, в которых мы нуждаемся». Таким образом, для классиков человек является эгоистичным существом, неким универсальным калькулятором, оценивающим все происходящее с точки зрения «ты - мне, я - тебе» и постоянно стремящимся к максимизации выгоды. Классические концепции экономической теории сложились в реалиях XVI-XX веков. Поэтому они не могут адекватно отразить суть экономического поведения человека XXI века. В рамках классической экономической теории не существует подробного анализа мотивационных и психологических аспектов человеческого, а следовательно, и рыночного поведения, что нельзя не учитывать в мире современной глобальной экономики.

2 Неоклассический подход

Понятие «экономического человека» развивалось далее продолжателями рыночной концепции экономики - неоклассиками. Основой неоклассической концепции стали закон спроса и закон предложения.

Выделим ключевые особенности понятия «экономический человек»:

- 1) действует в конкурентной среде, следовательно, его взаимосвязь с другими экономическими людьми минимальна;
- 2) имеет абсолютно рациональные механизмы принятия решений;
- 3) способен к постановке цели и ее постепенному достижению, а также к точному расчету издержек в выборе инструментов ее достижения;
- 4) всегда владеет всей полнотой информации при удовлетворении своих потребностей;
- 5) всегда эгоистичен, стремится к максимизации выгоды. Важный вклад в изучение экономического поведения внесла маржиналистская школа. Человек, принимая экономические решения, опирается на субъективные представления о затратах и выгодах, содержащихся в различных альтернативах, пытается максимизировать «полезность для себя» и минимизировать затраты.

Английский экономист и статистик У. Ст. Джевонс (1835-1882), пользуясь психологическими категориями, рассмотрел такие понятия, как положительная полезность, которая связана с потреблением благ, отрицательная полезность, вытекающая из трудовых усилий, затраченных на создание этих благ, и предельная полезность – дополнительная полезность, получаемая от потребления дополнительной

единицы блага. Джевонс сформулировал закон убывающей предельной полезности: субъективная ценность какого-либо блага определяется его полезностью, то есть отношением между приростом удовлетворения от последней единицы потребляемого блага и приростом общего количества этих благ. Следовательно, если данная потребность удовлетворена, а предложение на соответствующий товар увеличивается, то полезность убывает. Исследования субъективистов лежат в основании современной микроэкономики, которая рассматривает экономическое поведение человека как баланс между его субъективно оцениваемыми затратами на приобретение экономических благ и субъективно оцениваемыми удовольствиями, которые можно получить от потребления этих благ. Несмотря на вклад субъективистов в изучение экономического поведения, их взгляды на проблему человеческого поведения достаточно примитивны и исходят в основном из принципа гедонизма (постоянного поиска удовольствий).

Торстейн Веблен (1857-1929), являясь одним из основоположников институционального подхода, рассматривает человека как биосоциальное существо, деятельность которого определяется следующими врожденными инстинктами:

- инстинкт самосохранения;
- инстинкт сохранения рода (или «родительское чувство»);
- инстинкт мастерства (склонность всегда действовать эффективно);
- склонность к соперничеству (конкуренции);
- склонность к подражанию;
- склонность к любопытству.

Опираясь на понятия общественной психологии, он трактует ряд экономических явлений. Например, частная собственность является следствием вышеупомянутой склонности к конкуренции и является показателем успеха и причиной уважения. Важным для рассмотрения является понятие «завистливое сравнение», также введенное Вебленом. В нем кроется еще более сложная психологическая основа. Именно при помощи этого понятия он объясняет такие явления, как престижное потребление и накопление капитала. Владелец меньшего капитала всегда испытывает зависть к более успешному собственнику, следовательно, всей своей деятельностью он пытается добиться такого же уровня благосостояния. После достижения равного уровня он все равно стремится еще больше превзойти конкурентов. Таким образом, у неоклассиков человек - это идеальная вычислительная машина, которая оперативно определяет ценность того или иного блага, тем самым максимизируя эффект от использования ресурсов. В противоречие им, Веблен рассматривает экономическое поведение людей как иррациональное, так как человек не является «машиной для исчисления ощущений наслаждения и страдания». Мотивы его поведения определяются врожденными инстинктами и приобретенными склонностями.

3. Экономическое поведение

Экономическая психология – новое направление научного знания. Экономическая психология изучает психологические основы экономики, то есть те психологические положения, на которых базируется экономическая теория. Термин «экономическая психология» впервые был употреблен Г. Тардом («Экономическая психология», 1881) который исследовал роль социально-психологических факторов в управлении экономическим поведением. По его мнению, экономическая психология изучает психологические основы экономики, то есть те психологические положения, на которых базируется экономическая теория. Тард утверждал, что человек является общественным существом, поэтому взаимоотношения людей являются хорошей базой для теории экономического поведения. Он одним из первых пытался исследовать влияние

социально- психологических факторов (этнических, культурных, традиций, макросоциального окружения) на процесс регулирования экономического поведения. Он одним из первых пытался исследовать влияние социально-психологических факторов (этнических, культурных, традиций, макросоциального окружения) на процесс регулирования экономического поведения. Основателем экономической психологии по праву считается Дж. Катона. Он сформулировал один из основных законов экономической психологии: совершение покупки зависит не только от экономической возможности приобрести тот или иной товар, но еще и от желания ее осуществить (то есть от психологической готовности). В результате своих исследований он установил, что поведение потребителя, которое является набором реакций на разнообразные экономические стимулы, можно анализировать и прогнозировать с высокой точностью. Для этого используются исследования покупательских установок и убеждений, а также статистический анализ экономических данных. Катона считает, что главная задача применения психологии в экономических исследованиях - это исследование и выявление внутренних процессов, лежащих в основе экономической деятельности и влияющих на принятие решений и выбор. Также им были составлены первые опросы потребителей, которые начали проводить в 1946 году, а затем в 1950-х годах под его началом группа ученых из Мичиганского университета предоставила методику построения агрегатного индекса потребительских настроений (Consumer Sentiment Index), который используется и сегодня. Подход Катона к экономической психологии оказал большое влияние на ее развитие и оказывает его по сей день. Его заслуга в том, что он четко проводит границу между экономическими и социально-психологическими факторами, а, следовательно, и между объективным и субъективным взглядом на экономику. Для Катона, психологические и социальные процессы актуальны на уровне отдельного индивида, а не группы. Следовательно, и экономическое поведение рассматривается им как общая совокупность восприятия и поведения людей. Амос Тверски и его коллеги продемонстрировали, что экономическая рациональность систематически нарушается, при этом ошибки в принятии решений являются не только распространенными, но и предсказуемыми. Эта ныне неоспоримая точка зрения была описана в исследованиях Тверски и Канемана в области эвристических правил (heuristics) и предубеждений (biases), а также в их работе по теории перспектив (prospect theory). Канеман и Амос Тверски предоставили результаты огромного количества экспериментов, где испытуемым предлагалось осуществить выбор между различными альтернативами. Опыты показали, что люди неспособны рационально оценить величину ожидаемых выгод и потери, а также их вероятность. Именно поэтому ученые разработали новую концепцию - теорию перспектив, согласно которой обычный индивид не может правильно оценить будущие выгоды в абсолютном выражении, а оценивает их, сопоставляя с неким общепринятым стандартом, стараясь избежать ухудшения положения. С точки зрения этой теории Канеман и Тверски объясняют большинство нерациональных поступков людей.

4. Экономическая психология как самостоятельная дисциплина

Наиболее точно для современных реалий отразить проблемы экономического поведения, а также содействовать развитию экономической психологии как самостоятельной дисциплины помогли работы Даниэля Канемана (1934) и Вернона Смита (1927). В 2002 году совместно Канеман и Смит получили Нобелевскую премию по экономике «за применение психологической методики в экономической науке, в особенности – при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности». Дэниел Канеман и Вернон Смит, каждый со своей стороны стояли у истоков фундаментальных программ эмпирических и экспериментальных исследований экономического поведения. Их работы заложили

основы принципиально новой модели взаимодействия между представителями различных дисциплин и укрепили взаимосвязь эмпирических исследований с теоретическими. Именно междисциплинарное сотрудничество и постоянный творческий контакт между исследователями, устанавливающими экспериментальные факты, их теоретические объяснения, заложенные этими учеными, способствовали развитию основной теоретической идеи проекта.

5. Роль эмоций в экономических решениях

Понятие эмоционального интеллекта. Исследования эмоционального интеллекта появились в научных статьях в начале 1990-х годов. На первых этапах исследований на него возлагались большие надежды: он представлялся предиктором успешности во всех сферах жизни, но позже эйфория прошла, и исследователи стали осознавать несовершенство концепций данного конструкта (Робертс Р.Д., Мэттьюс ДЖ., Зайднер М., Люсин Д.В.). Несмотря на это, на сегодняшний день существует достаточное количество работ, в которых авторы продолжают описывать эмоциональный интеллект как очень важную способность человека, обеспечивающую ответственность, способность работать в команде, инициативность, самореализацию и самоактуализацию резервов профессионального формирования, умение воодушевлять окружающих, лёгкое продвижение по карьерной лестнице и т.д. (Мещерякова И.Н., Кутеева В. П., Фёдоров Ю.В. и др.).

Автор бестселлера «Эмоциональный интеллект» (1995) Дэниел Гоулмен определяет EI как «способность осознавать свои эмоции и эмоции других, чтобы мотивировать себя и других и хорошо управлять эмоциями наедине с собой и при взаимодействии с другими». Автор доказывает, что успешнее и эффективнее всего работают те, кто умеет сочетать эмоции и разум. Д. Гоулман с уверенностью заявляет, что до 85% успеха деятельности управленца зависит от уровня его эмоционального интеллекта, и только 4 -25% определяется общим интеллектом. Эмоциональный интеллект используют при отборе персонала, обучении лидеров, развитии студентов и т.п. Первоначально понятие «эмоциональный интеллект» было связано с социальным интеллектом. Оно появилось именно в контексте разработки проблематики социального интеллекта такими исследователями, как Дж.Гилфорд, Х.Гарднер и Г.Айзенк. Тем не менее на современном этапе исследования эмоционального интеллекта являются вполне самостоятельным направлением.

Впервые термин «эмоциональный интеллект» в психологию ввели Д.Мэйер и П.Сэловей. Они определили эмоциональный интеллект как способность воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, понимать и объяснять эмоции, регулировать собственные эмоции и эмоции других. В 1990 г. они разработали одну из первых и наиболее известную модель этого конструкта. Тогда же они начали разработку методики для исследования эмоционального интеллекта. Со временем на основе полученных данных они дорабатывали и совершенствовали теоретическую модель. Также изменялась и методика, пока в 2002 г. не был создан MSCEIT, V2.0 (The Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test) – стандартизированный тест для измерения эмоционального интеллекта. Работы по исследованию эмоционального интеллекта именно в рамках теории Мэйера, Сэловея и Карузо активно продолжаются сейчас в Йельском университете под руководством Питера Сэловея. В постсоветском пространстве теория EI только набирает популярность. Новая экономическая ситуация заставила обратить внимание на новые способы управления сотрудниками, так как антикризисные действия зачастую приводили к сопротивлению и недовольству работников. Появилась необходимость в компетенции, которой раньше не уделялось должное внимание: умение вдохновить на более активную работу часто без изменения материальной мотивации, найти позитив в изменениях рынка, предотвращать и

регулировать конфликты. Все эти качества связаны с эмоциональным лидерством эмоциональным интеллектом. Исследователями отмечается, что в трудовой сфере самым характерным признаком человека с высоким EI является доброжелательность. Он умеет контролировать негативные эмоции, что позволяет избегать конфликтов, обзаводиться полезными контактами и производить приятное впечатление на окружающих.

От психологии к экономике

Когда речь идет об эмоциях как о самостоятельном товаре в реальной жизни, имеется в виду event-бизнес по организации событий, мероприятий и впечатлений, связанных с ним. Рабочим инструментом данного бизнеса является event-маркетинг. Какое название будет у бизнеса, который сложится на фундаменте впечатлений в Интернете, когда эмоции станут в нем отдельным товаром? На данном этапе является гипотетическим само выражение эмоции в сети, однако очевидно, что «эмоционирование» интернет-общения – проблема, которая постепенно найдет выход и массовое решение. Для этого, возможно, даже придется отказаться от Windows и найти новую, обеспечивающую больший эмоциональный выплеск, систему доступа к Интернету. Чтобы впечатления в сети стали полноценным товаром необходимо тщательно изучать и анализировать эмоции, в том числе с использованием понятия EQ, точно так же, как уже всесторонне исследован товар (услуга), – как результат промышленного производства (труда). В целом трансформация «Эмоций» в «Товар», постепенно вытесняющая традиционную промышленную составляющую городской жизни, является вполне реальной и возможной. Однако требует некоторых специальных усилий и знаний. Момент отделения впечатлений в самостоятельное направление – важный шаг к осознанию фундаментальных тенденций мировой экономики новой индустриализации. Современная «экономика впечатлений» – не просто способ, позволяющий разнообразить традиционную, сложившуюся на фоне базовых потребностей человека, экономику. Это самостоятельная следующая ступень к изменению и усовершенствованию всей системы хозяйствования. Это определенный более эмоционально окрашенный и яркий этап всемирной трансформации всех экономических взаимодействий, активно влияющий на государство и его отношение с бизнесом. Период «экономики впечатлений» подразумевает глубоко человеческий, фундаментальный, нацеленный на открытость, способность и умение выражать, а не сдерживать эмоции, социально направленный по сути, глобальный, ориентированный на будущие инновации, подход ко всем ранее известным экономическим процессам. Конечной же целью «эмоционирования» экономики является глобальная трансформация, однако не очевидно во что и куда, видимо, в сторону всеобщего удобства, понимания и технологического комфорта. Ричард Талер, Нобелевский лауреат 2017 года в области экономики, один из основателей поведенческой экономики. Талер стал одним из первых, кто заметил пробелы в стандартной экономической модели и стал опираться на наработки психологов для того, чтобы их как-то объяснить. Р.Талер на протяжении многих лет изучал то, как психология влияет на экономическое поведение людей, в том числе как потребители принимают решения, руководствуясь чувствами и эмоциями. Включив элементы психологии в анализ экономических процессов, Талер выделил три аспекта: когнитивные ограничения человека (или ограниченную рациональность), проблемы самоконтроля и социальные предпочтения. Изучая последствия ограниченной рациональности, социальных предпочтений и отсутствия самоконтроля, Талер показал, как эти факторы влияют на индивидуальные решения, а также на рыночные результаты. Примером является иллюстрация проблемы подарка. Рационал не будет ждать его в день годовщины свадьбы или в день рождения. Что такого особенного в дате? Вообще,

Рационалам непонятна сама идея делать подарки. Лучший подарок для него – наличные: на них можно купить то, что является оптимальным для него.

«Но, если ваша жена не экономист, я бы не советовал преподносить наличные в качестве подарка... И даже если ваша жена – экономист, дарить деньги – все же не лучшая идея». Аргументированная критика, которая дается Талером на базовые постулаты экономической теории заключается в следующем. Суть постулатов состоит в двух основных утверждениях, а именно: экономические агенты стремятся к оптимизации (рационализации), а рынки достигают стабильного равновесия. При этом экономисты (К. Эрроу, Дж. Хикс, П. Самуэльсон и др.) для описания оптимальных решений экономическую теорию превратили в более формальную математическую науку. «Основной постулат экономической теории гласит, что человек делает выбор, исходя из возможного оптимального результата. Из всех услуг и товаров он выберет лучшие из тех, что может себе позволить. Более того, считается, что Рационалы совершают выбор беспристрастно. Другими словами, мы выбираем, опираясь на то, что экономисты называют рациональными ожиданиями, констатирует Р. Талер. Еще один постулат – условная оптимизация, означающая, что выбор совершается при ограниченном бюджете. Этот постулат связан с важным понятием экономической теории – эквilibриумом. В условиях конкурентных рынков, где цены могут свободно подниматься и опускаться, эти флуктуации происходят так, что предложение оказывается равно спросу. Проще говоря, можно сказать, что оптимизация + эквilibриум = экономика. Это очень сильная комбинация, другие социальные науки не могут похвастаться чем-то похожим. Заслуга и особенность талеровской аргументации состоит в обосновании системности критики этих постулатов.

Особенности культурной ментальности и экономических проблем страны.

Экономика и система ценностей. Обращение к теории поведенческой экономики в постсоветском пространстве становится модной, в том числе в Казахстане. Однако, реальные научные исследования и внедрение их результатов находится еще в зачаточном состоянии. Отметим что, в современных условиях прогресс информационно-компьютерных технологий создает принципиально новые условия для реализации поведенческих стратегий и практик в экономической сфере. Развитие Интернета меняет характер и направленность социально-экономических действий и взаимодействий населения, создает совершенно новые их условия и формы реализации. Становится намного шире социокоммуникативный контекст, в котором реализуются экономические поведенческие стратегии. Необходимо также учитывать влияние социокультурного и социально-психологического факторов (культ потребления, «шопоголизм» и т.д.). Система ценностей является первопричиной, которая определяет многие вещи, происходящие в экономической, политической и социальной жизни; она влияет на то, какими формируются в разных обществах экономические и политические институты, какую форму принимает гражданское общество. В европейском социальном исследовании (European Social Survey) для анализа ценностей применяется матрица Шварца. Одна из ее шкал показывает, насколько люди – отдельные личности и общество в целом:

- склонны к эгоизму
- насколько для них важны личное преуспевание, обеспечение достатка для себя и своей семьи, карьерный успех, восхождение по иерархической лестнице и т.д.

Противоположные эгоистическим ценностям предпочтения связаны с альтруизмом, с тем, что личный успех оказывается для людей где-то на втором плане, позади более значимых и ценных вещей, связанных с помощью другим: заботой о детях, стариках, природе и т.д. От того, в какой мере общество в целом настроено эгоистически или альтруистически, зависит и то, насколько прочным, насколько деятельным, активным

является в нем гражданское общество в целом, и то, как складываются в обществе микрогруппы, «кружки по интересам». Система ценностей определяет множество вещей, казалось бы, не имеющих к ней прямого отношения. Так, обществам, где базовое доверие к другому человеку находится на низком уровне, приходится тратить огромные средства и усилия к тому, чтобы обеспечивать безопасность на индивидуальном и корпоративном уровнях. Отсюда гигантские издержки, приводящие к тому, что в обществах, где уровень базового доверия низок, экономика развивается медленнее: издержки на обеспечение безопасности непродуктивны и непроизводительны. Это одно из странных преломлений, показывающих, как ценностная структура влияет на то, что происходит в экономике. Научная рефлексия на динамические изменения социума, касательно к сфере экономического поведения объединила усилия ИТ, экономистов, психологов, социологов, маркетологов и лингвистов для применения этих трендов на практике на основе анализа больших данных. Большой проект с применением машинного обучения на основе психологических данных, которые позволяют создать модель социально-психологического прогноза экономического поведения потребителя был запущен на базе UIB и КазНУ имени аль-Фараби. В настоящее время получены первые результаты в тестовом режиме, позволяющие предсказать алгоритм экономического поведения потребителей. Дефицитные блага обладают ценностью.

Вопросы к тексту:

1. Расскажите о классических концепциях экономической теории и об их недостатках.
2. В чем заключается суть неоклассического подхода и выдвигаемого им понятия экономического человека?
3. Вклад субъективистов в изучение экономического поведения человека.
4. Какими врожденными инстинктами определяется деятельность человека как социобиологического существа, согласно институциональному подходу?
5. Что такое поведенческая экономика? Какова роль социально- психологических факторов в управлении экономическим поведением человека?
6. Что такое экономическая психология? Место эмоций в экономических решениях.
7. Что такое эмоциональный интеллект?
8. Как влияет система ценностей на формирование экономических и политических институтов?
9. Какие ценности доминируют в обществе, где вы живете? Альтруизм, эгоизм и т.д. consin Press. 1989.

Использованные источники

- 1 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.:1962. С. 28.
- 2 Курс экономической теории: учебник. 6-е издание. Киров– 6-е исправленное, дополненное и переработанное издание – Киров: «АСА», 2009 г. - 848 с.
- 3 Неверов А.Н. К вопросу о предметной области экономической психологии. Электронный ресурс.- Режим доступа:
[//http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867349/2.PDF5](http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867349/2.PDF5) .
http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=./in/katona/biogr/katona_k1.txt&img=brief.gif&name=katona7
- 4 Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. – Харьков: Издательство Институт прикладной психологии

«Гуманитарный Центр», 2005. – 632 с.

5 Белянин А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. №4. 2003.

6 Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: «Институт психологии РАН», 2004. С. 29–36.

7 Шнайдер М.И. Основные направления исследования эмоционального интеллекта. Электронный ресурс.-Режим доступа.

8 Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера–Сэловея–Карузо (MSCEIT V2.0)

9 Пайн Д.Б., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. – М.: Вильямс. – 2005.

10 Тихомирова И.В. Современная экономика сквозь призму людских эмоций. Философия хозяйства // Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – М. – 2015. – № 1 (97). – С.195 – 205.

11 Каплина Ю.Е., Тихомирова И.В., Жебалов В.Г. EQ в интернете: влияние на экономику и маркетинговые решения. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». - Стр. 108-110

12 Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать: Эксмо; Москва; 2017. Режим доступа http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22960394

13 Злотников А.. Нерациональная рациональность новой поведенческой экономики Ричарда Талера. //Наука и Инновации. - №6 (184), 2018

Лайлиева Э. Выдержка из книги «Экономика Кыргызской Республики», изданной группой авторов под руководством академика НАН КР Т.К. Койчуева в 2003 году (глава 3).

ГЛАВА 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВЕТСКОГО КЫРГЫЗСТАНА

13.1. Экономический уклад Кыргызстана досоветского периода

Несмотря на далекие исторические истоки кыргызского народа и кыргызского государства, уходящие более чем на два тысячелетия назад, Кыргызстан на рубеже XIX - XX столетий, т.е. ко времени расцвета капиталистической цивилизации, оказался на крайне низкой ступени общественного развития. Коренное кыргызское население не дошло еще до развитых форм феодального строя и в основном проживало в условиях господства патриархально-феодальных отношений. Сохранялся веками устоявшийся патриархальный уклад жизни и вместе с тем родоплеменная знать в лице баев и манапов стояла над своими соплеменниками в качестве всесильных феодалов- властителей, подчиняя их себе, заставляя работать на себя и отягощая их многими налогами и поборами.

Ярким показателем отсталости кыргызского народа было господство кочевого скотоводческого хозяйства и кочевого уклада жизни. По данным, приведенным А.У.Орузбаевым, в Семиречье перед Октябрьской революцией хозяйства кочевников составляли 70,7 % от общего числа хозяйств, в том числе в Каракольском уезде - 50,43 %, в Пишпекском - 53,45 % и в Нарынском - 99,03 %. Несколько иначе было положение на юге Кыргызстана. В Ошском уезде кочевыми были 26018 чел., тогда как оседлыми - 259973 чел., т.е. большинство перешло на оседлое хозяйство и оседлый образ жизни, а небольшая часть - лишь десятая часть от оседлых продолжала оставаться на положении кочевников. История свидетельствует, что еще в глубокой древности отделение земледельческих племен от кочевых пастушеских было шагом вперед в развитии производства и человеческой цивилизации. Само по себе скотоводство не является свидетельством отсталости, тем более, что в условиях Кыргызстана оно вполне оправдано необходимостью приспособления к горной специфике края. Отсталость была в том, что сохранялось допотопное кочевое скотоводство, не застрахованное от бескормицы и неизбежного падежа скота в зимний период. Кочевое хозяйство пагубно еще и тем, что оно препятствовало переходу к оседлому образу жизни и оседлым формам хозяйства. Более широкое занятие земледелием населения на юге Кыргызстана было несомненно прогрессивным явлением, но оно могло бы стать существенной хозяйственной опорой и для северных кыргызов при условии освоения ими больших пахотных земельных массивов в Чуйской и Таласской долинах и Иссык-Кульской котловине. Кстати, царское правительство не замедлило воспользоваться этим обстоятельством для того, чтобы забрать эти земли и передать их в пользование крестьян-переселенцев, прибывавших в Кыргызстан с Украины и из центральных губерний России.

Если даже отвлечься от общественной патриархально-феодальной формы, характерной для кочевого хозяйственного и бытового уклада жизни; исключительно важным является вопрос о том, какое производство и какие производительные силы представляет кочевое скотоводческое хозяйство. В этом производстве скот выступает и как предмет труда, и как средство труда, и как продукт труда, а сам труд в основном ложится на пастухов. Разумеется, такая производственная база слишком уж архаична и примитивна, чтобы на ней можно было строить экономическое и социальное благополучие страны и ее народа в конце XIX - начале XX веков.

Экономическая база Кыргызстана в досоветский период - это крайне отсталый аграрный сектор, в котором преобладающее место занимала давным- давно устаревшая

кочевая скотоводческая форма хозяйствования. К началу XX века во многих странах мира решающую роль в экономике начала играть промышленность, развивающаяся на базе крупной машинной индустрии, а в Кыргызстане промышленности как самостоятельной отрасли народного хозяйства, по существу, не было. Она еще была в зачаточном состоянии. Промышленных предприятий было немного, и они, как отмечают исследователи, базировались на примитивной технике, ручном труде, и основным направлением их деятельности была переработка сельскохозяйственной продукции. На переработке хлопка, кож, шерсти, зерна, молока и других видов сельскохозяйственного сырья было занято свыше 80 % промышленных предприятий. Остальное приходилось на предприятия по добыче минеральных ресурсов (угля, соли и др.), на мастерские по ремонту металлических изделий. Число промышленных предприятий измерялось буквально единицами. Так, по данным официальных органов, объявленным в первые годы советской власти, в Кыргызстане в 1914 г. насчитывалось пять угольных и три соляных копи, восемь мельниц, пять пивоваренных, пять кожевенных, семь кишечно очистительных, пять хлопкоочистительных, три спиртоочистительных заводов, две лесопилки и две маслобойки.

В еще более неразвитом состоянии было строительство. Конечно, кое-какое казенно-государственное и жилищное строительство уже начало осуществляться в развивающихся городских поселениях таких, как Пишпек, Токмок. Каракол, Ош, Джалал-Абад и др., но это делалось в индивидуальном разовом порядке и старыми дедовскими способами. Не в лучшем состоянии был транспорт. Лишь в начале 1900-х годов железная дорога подошла к Джалал-Абаду и соединила Южный Кыргызстан с европейскими регионами России железнодорожными сообщениями, взяв на себя некоторую часть грузо и пассажироперевозок. Основным же видом оставался гужевой транспорт, выполнявший подавляющую массу всех перевозок в стране.

Несмотря на то, что после присоединения Кыргызстана к России в стране начала разворачиваться промышленная переработка сельскохозяйственного сырья, все же многие потребности населения, больше всего кыргызского, продолжали удовлетворяться за счет собственного домашнего производства. Это производство по старинке обеспечивало людей предметами одежды, обуви, домашней утвари, оснасткой для юрт. Значительная часть кошмы и изделий из нее также в натуральной форме производилась для собственных нужд, домашнего хозяйства патриархальных семей, и лишь небольшая доля постепенно стала выделяться для продажи на рынке.

Коренное кыргызское население как кочевого, полукочевого, да и оседлого состояния, в основном, осуществляло хозяйство натурального типа, т.е. производило продукты и изделия преимущественно для собственного потребления. Однако после присоединения к России в Кыргызстан первым делом устремился торговый капитал с целью выгодной реализации промышленных товаров российского и иностранного производства на вновь открывающихся рынках. Этот капитал начал постепенно втягивать в товарно-рыночные отношения патриархальные кыргызские хозяйства, создавая у них спрос на металлоизделия, более удобные виды одежды и обуви, необычные предметы домашнего обихода. Естественно, это заставляло кыргызов пускать в товарооборот мясо, молочные продукты, кожевенное сырье, шерсть, свои традиционные кожевенные и шерстяные изделия и другие виды продукции. С появлением в Кыргызстане промышленных предприятий в товарно-рыночный оборот стали входить товары местного промышленного производства такие, как уголь, соль, мука, масло, колбасы, хлебобулочные изделия, пиво, спиртоводочная продукция, выделанные кожи, хлопок-волокно, строительные материалы и т.д.

Для нарождающегося товарно-рыночного хозяйства Кыргызстана наиболее характерным явилось сравнительно значительное развитие торговли. В различные и даже отдаленные

уголки страны торговцы проникали с помощью разъездной торговли, стали проводиться периодические ярмарки, особенно в местах сосредоточения скотоводческого хозяйства (Ат-Баши, Токмок и др.), а в городах начала складываться обычная стационарная торговля. Торговлю вели в основном татарские, узбекские и русские купцы, но стали выделяться купцы и из числа кыргызов. Так, по данным за 1912-1914 гг., в Пишпекском уезде было 1340 торговцев, из которых на русских, узбеков, татар и дунган приходилось 900 чел. и на кыргызов - 440; в Пржевальском уезде - всего 778 торговцев, из них 335 кыргызов; несколько меньше кыргызы-торговцы были представлены в уездах Южного Кыргызстана.

Хотя промышленные предприятия в Кыргызстане начали создаваться, функционировать и обслуживать в какой-то мере потребности внутреннего рынка, все же экономика страны опиралась только на сельское хозяйство и носила отсталый аграрный характер. По оценкам исследователей, примерно 96 % производимого общественного продукта страны накануне 1-й мировой войны (1913 г.) приходилось на аграрный сектор и лишь 2-3 % - на промышленность. В народном хозяйстве господствовали натуральные отношения, а товарно-рыночные отношения охватили не более одной трети производимого валового продукта.

13.2 Экономический строй, экономическое развитие в советский период совершенно новой точкой отсчета времени для Кыргызстана явилась

Великая Октябрьская Социалистическая революция. Она открыла для него самостоятельное национально-государственное существование и развитие в составе единого Союза Советских Социалистических Республик. Если в царской Российской империи были лишь кыргызские поселения, разделенные по разным административно-территориальным подразделениям (Туркестанский край, Семиреченская область и др.), то именно в советское время Кыргызстан был выделен и сформирован как особая и единая территория национально- государственного характера: сначала как автономная область, затем как автономная республика и с 1936 г. - как одна из равноправных союзных республик единого СССР. Благодаря тому, что Кыргызстан определился и оформился как национально-государственное образование со своей особой территорией и со своим населением, возникла возможность объединения разбросанных по разным административно-территориальным образованиям и хозяйственно разделенных между собой промышленных, строительных, торговых и прочих предприятий и заведений в одно общее целое - в народное хозяйство, в единую экономику республики.

Так же, как и во всем Советском Союзе, в Кыргызстане была установлена и действовала социалистическая экономическая система советского типа. Для этой системы было характерно то, что собственность почти на все средства производства (земля, ее недра, заводы, фабрики, строительные, транспортные и прочие хозяйственные предприятия и организации) была государственной, общенародной. Все члены общества выступали как собственники всего общенародного достояния, но не по отдельности, не каждый сам по себе, а в совокупности единого общества. Всех членов общества представляло социалистическое государство, а потому практически именно оно держало в своих руках всю громадную общенародную и общесоюзную собственность и управляло ею как в общем, в рамках всей страны Советов, так по союзным и автономным республикам, краям, областям, городам, районам и вплоть до самых первичных населенных пунктов. Развитие экономики осуществлялось по единому государственному плану, который разрабатывался правительством и Госпланом СССР, утверждался Верховным Советом СССР. Государственные органы Кыргызстана в лице Совета Министров, Госплана, министерств и ведомств участвовали в разработке плана для республики, но только под руководством общесоюзного центра и с подчинением интересам всего общесоюзного экономического и социального развития СССР.

Экономика Советского Кыргызстана была представлена в подавляющей части государственными социалистическими предприятиями и организациями во всех

отраслях народного хозяйства. Но наряду с государственным сектором существовала и сфера кооперативно-социалистического хозяйствования в сельском хозяйстве действовали коллективные хозяйства (колхозы), основанные на кооперативно-колхозной собственности на средства производства, и потребительские кооперативы, созданные за счет паевых взносов их участников с целью торгового потребительского обслуживания населения, преимущественно в сельской местности. Формально кооперативный сектор должен был быть особым видом социалистического хозяйства, отличающимся от государственной социалистической формы хозяйства, но фактически он был включен в общегосударственную систему хозяйства и развивался по планам и директивам государственных органов управления экономикой.

Монополия государства в советской социалистической экономике совсем недавно подверглась основной критике за то, что она сковывала интересы и стимулы непосредственных участников производственно-хозяйственной деятельности. Эта критика вполне справедлива. Но в условиях командной экономики государственная монополия была объективно обусловленным методом мобилизации, концентрации огромных средств на достижение важнейших стратегических целей экономического и социального развития.

Ко времени свершения Октябрьской революции не очень высоким был уровень экономического развития даже в Центральной России, а на периферии страны и особенно в колониальных национальных окраинах экономическая отсталость была очевидной и разительной. Положение крайне осложнилось и усугубилось в связи с мировой войной, революцией, гражданской войной, иностранной интервенцией и потрясающей разрухой. И тем не менее уже в 1923 г. на XII съезде РКП(б) было принято решение о необходимости ликвидации унаследованного от царизма хозяйственного и культурного неравенства между народами Советской страны. Этот принятый партией стратегический курс последовательно и неуклонно осуществлялся в течение всего времени существования Советского Союза. Использование ресурсов и средств регионов великой страны, наделенных огромными природными богатствами и продвинувшихся вперед в экономическом развитии, на подтягивание и подъем отставших национальных республик, областей и округов, было проявлением своего рода высшей общечеловеческой справедливости. Благодаря этому отсталые национальные окраины Советской страны сделали невиданно быстрый скачок в экономическом и культурном развитии.

Кыргызстану, отсталой национальной окраине, самому трудно и даже невозможно было начинать продвижение к современному экономическому и культурному прогрессу ввиду отсутствия у него многих условий, средств и источников развития. Нужны были металлы, лес, нефть и химпродукты, машины, станки, оборудование, компетентные и квалифицированные специалисты, большие финансовые средства, а их не было и все это обеспечивалось за счет общесоюзных фондов, поступало в Кыргызскую Республику из Российской Федерации, Украины, Прибалтики, Закавказья и других республик и регионов страны. Как отмечают исследователи, капиталовложения в народное хозяйство Кыргызстана за период с 1925 по начало 1941 г. превысили 280 млн. руб., а за 1928 - 1932 гг. доля союзного бюджета и бюджета РСФСР в строительстве промышленных предприятий республики составила более 90 %. В период после Великой Отечественной войны государственный бюджет Кыргызстана был дотационным, и доля союзных дотаций в нем находилась в пределах от 8 до 12 и даже до 14 %. Но объем поступлений из общесоюзных фондов этим не ограничивался: много средств проходило через союзные министерства и ведомства, осуществлявшие финансирование хозяйственных объектов, предприятий и организаций союзного подчинения на территории республики. По данным межотраслевых балансов, в 70-80-е годы превышение национального дохода Кыргызстана, использованного на потребление и накопление, над произведенным в республике национальным

доходом достигало 1,1-1,3 млрд, руб., т.е. добавка из общесоюзного фонда составляла около 20 %. Такое явление отмечается и по другим республикам: Узбекской, Казахской, Грузинской, Литовской, Таджикской, Туркменской. Это обеспечивало не просто высокие, а значительно опережающие, по сравнению со всем СССР, темпы роста экономики.

Как свидетельствуют данные табл. 3.1, по всем приведенным показателям экономика Кыргызской Республики в советский период развивалась высокими и вместе с тем опережающими, по сравнению с СССР, темпами. Даже для СССР в целом рост промышленной продукции за 70 лет в 213 раз можно назвать колоссальным, а уж по Кыргызской Республике в 487 раз - просто фантастическим. Понятно, что этот рост был достигнут по отношению к низкому начальному уровню, но все равно нельзя не признать реальность поистине великого исторического результата. Особо следует указать на то, что промышленность как основа современной экономики и показатель передового уровня экономического развития развивалась несравненно более высокими темпами, чем сельское хозяйство. Объем продукции сельского хозяйства Кыргызстана за годы советской власти возрос в 8,4 раза, и этот темп является очень высоким, он в 2 с лишним раза выше темпа по СССР, но рост промышленного производства республики в 58 раз больше, чем рост сельского хозяйства.

Благодаря этому в середине 80-х годов соотношение между промышленностью и сельским хозяйством составило: по валовому общественному продукту 2,6:1, а по национальному доходу - 1,4:1. Доля промышленности в валовом общественном продукте равнялась 57 %, сельского хозяйства - около 22 %; в национальном доходе, соответственно - свыше 40 и почти 28 %. Главенствующее положение промышленности в экономике подтверждается и нынешними стандартами учета по методологии национальных счетов. Так, по данным Министерства внешней торговли и промышленности, доля промышленной продукции в общем объеме валового внутреннего продукта (ВВП) республики составила в 1990 г. 46,2 %. Все это давало основание считать, что Кыргызстан в советское время из отсталой аграрной страны превратился в сравнительно развитую индустриально-аграрную республику. Он сделал огромный скачок по пути преодоления исторически унаследованной экономической отсталости, хотя и не достиг еще общесоюзного уровня экономического развития.

Таблица 3.1. - Темпы экономического роста Кыргызской Республики в советский период (1913 = 1)*

Показатели/годы	1940	1960	1970	1980	1985	1986	1987
Продукция промышленности СССР	7,7	40	92	163	195	205	213
Кыргызская Республика	9,9	61	188	362	457	480	487
Продукция сельского хозяйства СССР	1,4	2,2	3,1	3,4	3,8	4,0	4,0
Кыргызская Республика	2,0	3,6	5,7	7,2	7,7	8,3	8,4
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (1960=1) СССР	-	1	2,2	4,5	6,0	6,3	6,7
Кыргызская Республика	-	1	3,0	6,6	8,9	9,4	9,9
Капиталовложения (1940=1) СССР	1	6,3	12,3	20,1	24,0	26,0	27,0
Кыргызская Республика	1	7,1	17,0	23,6	28,8	30,4	31,1
Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве (1940=1) СССР	1	1,8	2,7	3,3	3,5	3,5	3,5
Кыргызская Республика	1	2,5	4,5	6,3	7,1	7,2	7,2

*Приведено и рассчитано по стат. сборникам: «Народное хозяйство СССР за 70 лет», «Народное хозяйство СССР в 1987г.», «Народное хозяйство Кыргызской ССР за годы Советской власти», «Народное хозяйство Кыргызской ССР в 1987г.».

В середине 80-х годов по произведенному на душу населения национальному доходу Кыргызстан был на уровне 58 % от аналогичного показателя по СССР в целом, а по национальному доходу, реально использованному на потребление и накопление в самой республике, в расчете на душу населения - на уровне соответственно 66 %.

Трудно судить о масштабах экономики страны, когда они представляются в денежном выражении. Тем не менее данные по экономике Советского Кыргызстана впечатляют своей несомненной значительностью. Так, в 1988 г. объем валового общественного продукта Кыргызской Республики составил 12,6 млрд. руб., национального дохода - 5,3 млрд. руб., производственных основных фондов на- родного хозяйства - 14,7 млрд. руб. Это совсем не малые величины, если иметь в виду, что по официальному курсу стоимость рубля была даже несколько выше стоимости американского доллара.

Наиболее наглядно масштабы экономики республики выглядят в натуральном' выражении. Одной из важнейших отраслей в советское время стала электроэнергетика. В 1988 г. мощность всех электростанций составила 3578 тыс. кВт, а выработка ими электроэнергии достигла 14,2 млрд. кВтч, при этом основная мощность и большая часть выработки электроэнергии пришлось на гидроэлектростанции, наиболее эффективные с экономической точки зрения - соответственно 2717 тыс. кВт и 9,9 млрд. кВтч. В этом же году промышленность республики выпустила 1092 крупных электромашины, 1104 металлорежущих станка, в том числе 136 с программным управлением, 45 комплектов автоматических и полуавтоматических машин для машиностроения и металлообработки, 27 тыс. пресс-подборщиков, 331 млн. осветительных электроламп. Кыргызстан уже к концу 70-х годов производил свыше 22 тыс. грузовых автомобилей, свыше 1 млн. т цемента, почти 45 млн. пог. м хлопчатобумажных тканей, свыше 6 млн. пог. м шерстяных тканей, около 9 млн. пог. м шелковых тканей, более 10 млн. пар кожаной обуви, около 300 тыс. т сахара- песка.

Сельское хозяйство было представлено крупными высокомеханизированными хозяйствами - колхозами и совхозами. Из общей посевной площади земель 1314.2 тыс. га площадь орошаемых земель в 1988 г. составила 1037,5 тыс. га, или 79 %. В сельском хозяйстве в этом году использовалось 32653 трактора, 4229 зерноуборочных комбайнов, 18209 грузовых автомобилей, 2273 пресс-подборщика, 1764 дождевальных и поливных машин и установок. В конце 80-х годов валовой сбор зерновых был в пределах 1,5-1,7 млн. т при средней урожайности 30-32 ц/га, а в 1987 г. был собран рекордный урожай - 1,9 млн. т при средней урожайности почти 35 ц/га. На орошаемых землях урожайность зерновых в 1988 г. составила 43.2ц/га.

Довольно внушительно выглядело животноводство республики. В 1988 г. поголовье крупного рогатого скота достигло 1190,1 тыс. голов, овец и коз - 10404,9, свиней - 416,4, лошадей - 303,5 и птицы - 14461,1. Производство продуктов животноводства поднялось с 1970 по 1988 г.: по мясу (в убойном весе) - с 133,7 до 222,5 тыс. т, по молоку - с 548,4 до 1063,2 тыс. т, по яйцам - с 268,0 до 665,8 млн. шт., по шерсти (в физическом весе) - с 27,1 до 38,0 тыс. т.

За советское время строительство из примитивного занятия превратилось в мощную самостоятельную отрасль, оснащенную современной строительной техникой. В 1988 г. в Кыргызстане был 41 строительный трест, насчитывалось 341 подрядная строительно-монтажная и 78 ремонтно-строительных организаций. На вооружении этих организаций имелось: экскаваторов одноковшовых - 1831, кранов передвижных - 1862, бульдозеров - 1298, автопогрузчиков - 438, скреперов - 375. К концу 80-х годов строительными организациями выполнялось строительно- монтажных работ почти на 1 млрд. руб. в год. Строились производственные объекты даже такого характера, как

гидроэлектростанции, машиностроительные заводы, дороги, а также современное жилье, социально-культурные учреждения.

Почти ничего не осталось от бывшего гужевого транспорта. За советский период созданы разные виды транспорта, в том числе самые современные: железнодорожный, автомобильный, водный, авиационный, городской (автобусы, троллейбусы, такси). К концу 80-х годов ежегодно отправлялось грузов почти на 400 млн.т, при этом подавляющая часть перевозок (97-98 %) осуществлялась автомобильным транспортом. Несколько иначе обстояло дело с перевозкой пассажиров. Больше всего в 1988 г. пассажиры воспользовались воздушным транспортом - 1666,9 тыс. чел. и железнодорожным - 1431 тыс. чел., затем идут автомобильный (автобусы общего пользования - 607,9 тыс. чел., водный - 107,9 тыс. чел.). И, конечно, многозначительно то, что 44 % всех пассажироперевозок осуществлялось воздушным транспортом.

О масштабах экономики Кыргызстана свидетельствует также распределение трудоспособного населения по сферам и отраслям народного хозяйства. По данным за 1988 г., 73 % всех занятых было сосредоточено в сфере материального производства и 27 % в отраслях непродуцированной сферы. В общей численности занятых в народном хозяйстве на занятых в промышленности и строительстве приходилось 27,3 %, в сельском и лесном хозяйстве - 33,1 %, на транспорте и в связи - 7,6 %. В общественном хозяйстве было занято 1435,5 тыс. чел. рабочих, служащих и колхозников, из них численность рабочих и служащих - 1245,7 тыс. чел., или 87 %, и колхозников - 189,8 тыс. чел., или 13 %. В народном хозяйстве работало 381,3 тыс. квалифицированных специалистов, в том числе 179,2 тыс. чел. с высшим образованием и 202,1 тыс. чел. со средним специальным образованием. В общей численности рабочих, служащих и колхозников численность специалистов с высшим и средним специальным образованием составляла, таким образом, 27 %.

В начале 90-х годов при переходе Кыргызстана к суверенности и рыночной экономике много негативного было высказано в адрес тоталитарного советского режима. В пылу критики некоторые доходили до утверждений, что тяжелая промышленность является совершенно чуждой и ненужной для кыргызского народа, не нужны ему гидроэлектростанции, горнодобывающие комбинаты, такие машиностроительные предприятия, как заводы им. Ленина, Фрунзе, физических приборов, ЭВМ и другие, что все это было навязано союзным центром из Москвы, что Кыргызстану исконно подходит только сельское хозяйство да еще переработка сельскохозяйственной продукции. Это абсолютно неправильное мнение вводило людей в явное заблуждение. Дело даже не в общем теоретическом положении, что промышленность является средством и двигателем экономического прогресса любой страны. Для Кыргызстана промышленность представляла особую важность с прагматической точки зрения. Ее развитие, в том числе и предприятий тяжелой индустрии, было необходимо для того, чтобы обеспечить занятость и благосостояние растущих трудовых ресурсов. Не Москва навязывала, а руководство республики активно ставило перед союзным центром вопрос о необходимости создания на территории Кыргызстана промышленных и других предприятий и добивалось этого. Именно с учетом условий республики старались размещать такие промышленные предприятия, которые представляют собой трудоемкое и малометаллоемкое производство. Вопрос этот прорабатывался и с научной точки зрения. В Научно-исследовательском институте экономики Госплана республики, занимавшемся разработкой прогнозов развития народного хозяйства Кыргызстана на долгосрочную перспективу, во второй половине 70-х годов были сделаны подробные расчеты с целью выяснения того, какая структура народного хозяйства может обеспечить выход Кыргызстана на прогрессивно растущий общесоюзный уровень экономического развития. Так, удалось установить, что,

если базировать экономику республики только на сельском хозяйстве и отраслях переработки сельско-хозяйственной продукции, т.е. на агропромышленном комплексе, то можно обеспечить эффективную занятость самое большее 40 % трудовых ресурсов. Иными словами, две трети трудоспособного населения республики должны остаться без работы и без заработка. Такое невозможно допустить, а потому всемерное развитие промышленного производства в Кыргызстане стало объективной жизненной необходимостью.

В плане промышленно-индустриального развития определенные результаты были достигнуты и в довоенный период. Получила некоторое развитие даже тяжелая промышленность. За 1928-1940 гг. были введены Кадамджайский сурьмяный комбинат, Фрунзенский и Кара-Суйский ремонтно-механические заводы, нефтепромысел Чангыр-Таш, рудники Кок-Янбак, Таш-Кумыр, новые шахты в Кызыл-Кие, Сулюкте, Аламединская ГЭС и др. Однако в наибольшей мере в этот период развитие коснулось отраслей переработки сельхозпродукции, создания мясных и молочных комбинатов, масложировых, сахарных, консервных заводов, текстильных предприятий. Кыргызстан в развитии тяжелой промышленности в определенной мере продвинула Великая Отечественная война. Из западных районов СССР были эвакуированы и размещены во Фрунзе такие предприятия, как машиностроительные заводы им. Ленина, им. Фрунзе. Но особенно большой размах развитие отраслей тяжелой промышленности получило в послевоенный период, а именно с конца 50-х годов, с возрастанием возможностей Союза в деле материально-технического и финансового обеспечения строительства новых производственных и социально-культурных объектов в республиках и регионах страны. Создание каскада гидроэлектростанций на реке Нарын (Ат-Башинская, Уч-Коргонская, Токтогульская ГЭС и др.) и ряда ТЭЦ вызывалось, конечно, не в последнюю очередь растущими потребностями народного хозяйства и бытового обслуживания республики.

Однако при строительстве ГЭС учитывалось и то, что республика располагает огромными гидроэнергетическими ресурсами, способными дать дешевую электроэнергию. Не воспользоваться этим благоприятным фактором было просто непростительно, тем более, что на электроэнергии основывается все современное экономическое развитие.

Особым направлением стало развитие машиностроительных предприятий. Курс был взят на создание предприятий трудоемкого малометаллоемкого и наукоемкого производства, т.е. это касалось развития электроники, электротехники и приборостроения. Были построены и введены в строй заводы физических приборов, электронно-вычислительных машин, контрольно-измерительных приборов, электровакуумное объединение «Сетунь» по производству электронной инструментальной техники с сетью филиалов по всей республике, особое конструкторское бюро с производством изделий для космоса и др. Констатируя этот факт, специалисты Госплана СССР говорили, что в перспективе Киргизия может стать своего рода «силиконовой долиной», которая в США является основным местом сосредоточения радиоэлектронного производства. Насколько значимым было машиностроение в Советском Кыргызстане свидетельствует тот факт, что его продукция в общем объеме промышленной продукции в 80-х годах достигла 26 и даже 27 %. Такая доля машиностроения опережала уровни всех среднеазиатских республик и Казахстана и выходила на средний общесоюзный уровень. Иными словами, машиностроение было для Кыргызстана прогрессивной, ведущей и, наверное, самой перспективной отраслью народного хозяйства. Оно могло поднять республику на невиданную высоту экономического развития.

Структурные изменения произошли и в сельском хозяйстве. Если раньше все в основном концентрировалось на животноводстве, то в советский период большое

развитие получило и растениеводство. По объему животноводческая продукция превышала продукцию растениеводства, но все-таки соотношение между ними не было слишком значительным. Так, в 1988 г. доля животноводства в общем объеме продукции сельского хозяйства Кыргызстана составила 60,6 %, а растениеводства - 39,4 %, т.е. по удельным весам соотношение между ними равно 1,5:1. А самое главное заключается в том, что растениеводство стало вносить значительный вклад в общий результат не только сельского хозяйства, но и всей экономики Кыргызстана. Это объясняется характером специализации растениеводства. Дело в том, что в растениеводстве, наряду с зерновыми, немалую долю стали занимать технические культуры (хлопок, табак, сахарная свекла). Посевные площади под техническими культурами со 148,8 тыс. га в 1970 г. сократились до 63,2 тыс. га в 1988 г., т.е. почти в 2,4 раза в связи с прекращением посевов сахарной свеклы. Выдвигалась идея вообще отказаться от технических культур, и посевные площади, занятые ими, отдать под зерновые, чтобы полностью удовлетворить потребность республики в зерне. Однако она оказалась неприемлемой. За счет предлагаемой меры можно обеспечить Кыргызстан продовольственным зерном, но на корм скоту зерна все равно не хватит. Так выгоднее завозить кормовое зерно из Казахстана и России, чем пытаться восполнить его недостаток за счет устранения посевов технических культур. Технические культуры выгоднее зерновых, так как они приносят гораздо больший доход на единицу посевной площади. Специализация растениеводства на производстве технических культур считалась экономически эффективной и потому сохранялась и поддерживалась.

Вся структура народного хозяйства Кыргызстана в советский период отличалась сочетанием как всех необходимых для прогрессивно растущей экономики отраслей, так и развитием тех отраслей, которые в наибольшей мере соответствовали условиям и предпосылкам самой республики. Развитие горнодобывающей промышленности, цветной металлургии было связано с наличием соответствующих природных минеральных запасов, гидроэлектроэнергетики - с богатыми гидроэнергетическими ресурсами, машиностроения - с растущими трудовыми ресурсами с высоким образовательным потенциалом населения, отраслей переработки сельхозпродукции, пищевой и легкой промышленности - с необходимостью развития в самой республике промышленности по переработке собственного сельскохозяйственного сырья. Традиционное сельское хозяйство, развивавшееся на новой общественной, организационной и материально-технической основе, отвечало навыкам и огромному историческому опыту народа, горно-пастбищным, пахотно-земледельческим и природно-климатическим условиям страны. Все другие отрасли получили развитие исходя из потребностей промышленности и сельского хозяйства, а также из потребностей быстрорастущего населения республики. Производственно-хозяйственная структура экономики Кыргызстана сложилась, таким образом, на основе взаимообусловленности входящих в нее отраслей. Если на промышленность и сельское хозяйство в середине 80-х годов приходилось около 80 % производства валового общественного продукта и около 70 % национального дохода, то на строительство - соответственно около 10 % по одному и другому показателю, на транспорт и связь - 2,5 и свыше 3,0 %, на торговлю, заготовки, материально-техническое снабжение и прочие отрасли производства - свыше 9,0 и около 20,0 %.

Данная экономическая структура представляла взаимосвязанный и непрерывно растущий народнохозяйственный комплекс, способный вносить реальный и существенный вклад в решение важных задач экономического и социального развития страны.

13.2. Особенности экономического развития Советского Кыргызстана

Когда ныне стараются объяснить, почему же после 70-и лет существования и развития

распался Советский Союз и вместе с ним рухнула советская система социалистического общественного устройства, в основном ссылаются на причины политического характера. Указывают на отсутствие демократии в компартии и государстве, на всемогущество бюрократического централизма, препятствовавшего свободному развитию общества, на разложение и предательство партийно- государственной верхушки власти. Все это верно, но недостаточно. Основа всей общественной жизни - это экономика, а потому именно в ней надо искать главную и коренную причину неудачи советского способа построения социалистического общества.

После победы Октябрьской революции, с самого начала стало ясно, что установленный социалистический строй сможет утвердиться и победить в советской стране лишь в том случае, если докажет свое превосходство по сравнению с капиталистической экономической системой, т.е., если обеспечит каждому члену общества возможность получать больше материальных и культурных благ, нежели это может дать капитализм. За 70 лет советский строй не добился этого. В развитых капиталистических странах таких, как США, Германия, Франция, Швеция, Швейцария и другие, жизненный уровень большинства населения оказался гораздо выше, чем в СССР. США, как самая передовая капиталистическая страна, в конце 70-х начале 80-х годов опережала СССР по уровню производительности труда в промышленности в 4-5 раз, а в сельском хозяйстве в 6-7 раз. Развитые капиталистические страны превосходили также СССР по экономичности производственных затрат, по качеству выпускаемой продукции, по использованию научных достижений, новой техники, более совершенных технологических и организационных методов в производстве. Неудовлетворенность низким экономическим и жизненным уровнем подрывала доверие советских людей к советскому общественному строю, и это недоверие, естественно, сказалось, когда к концу 80-х годов в результате обострения политических, социальных и прочих противоречий разразившийся кризис охватил всю общественную систему СССР.

Советская экономическая система достаточно хорошо проявила себя на этапе создания и становления современной материально-технической базы народного хозяйства, опирающейся на промышленную индустрию. За короткое довоенное время были введены в строй гиганты промышленного производства такие, как Днепро ГЭС, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Уралмаш, Сталинградский тракторный завод и многие-многие другие предприятия. Это удалось сделать за счет невероятной концентрации и использования ресурсов, средств и усилий всей необъятной страны. После войны этот курс на всемерное наращивание мощностей крупного промышленного производства был, по существу, продолжен. Порою за границей закупались целые производственные комплексы и размещались на территории СССР, но мало того, что они были уже вчерашним днем технико-технологического развития, использование их на практике было крайне неудовлетворительным и не выдерживало установленных стандартов. Характерной особенностью экономики страны Советов было экстенсивное наращивание мощностей и объемов производства при неизменной и даже снижающейся экономической эффективности. Экономика была затратной без увеличения экономической отдачи на единицу затрат.

В Кыргызстане так же, как и во всей советской стране, непрерывно росли капиталовложения во все отрасли народного хозяйства, однако экономически эффективная отдача на них не увеличивалась, а, наоборот, снижалась. В этом можно вполне убедиться при сопоставлении важнейших показателей развития экономики республики за 1961-1985 гг.

Таблица 3.2. - Эффективность капиталовложений в народное хозяйство Кыргызской Республики (по пятилеткам)*

Показатели/годы	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985
Среднегодовые темпы прироста, %:	9,9	8,5	3,5	3,1	4,1
капитальные вложения					
валовой общественный продукт	8,6	9,3	6,4	4,2	4,3
национальный доход	8,5	7,7	4,7	4,2	4,2
производительность общественного труда	6,9	5,2	2,2	2,1	1,9
Среднегодовой прирост на единицу прироста капитальных вложений, %: валовой общественный продукт	0,87	1,09	1,83	1,35	1,05
национальный доход	0,86	0,91	1,34	1,35	1,02
производительность общественного труда	0,70	0,61	0,63	0,68	0,46

*Приведено и рассчитано по статистическому ежегоднику: «Народное хозяйство Кыргызской ССР за годы советской власти».-Фрунзе,1987.

Из расчетов, приведенных в табл. 3.2, видно, что рост экономической отдачи на единицу прироста капиталовложений выявляется по валовому общественному продукту и национальному доходу. Но было бы неоправданно ожидать другого в отношении валового общественного продукта, поскольку он исчислялся с включением в него материальных затрат. Рост капиталовложений автоматически вел к росту материальных затрат и, естественно, к росту объемов валового общественного продукта. Национальный доход определялся за вычетом материальных затрат, но динамика его прироста на единицу капиталовложений находилась в прямой зависимости от динамики прироста валового общественного продукта и в значительной мере повторяет ее. Однако даже по этим показателям отмечается факт снижения экономической отдачи: по валовому общественному продукту за пятилетку 1976 - 1980 гг. 1,35 против 1,83 - в 1971-1976 гг.; 1,05 в 1981-1995 гг. против 1,33 в 1976-1980 гг.; по национальному доходу - за пятилетку 1981-1985 гг. 1,02 против 1,35 в 1976-1980 гг. Но особенно явно падение экономической эффективности капиталовложений по производительности общественного труда: показатель 0,7 % за пятилетку 1961-1965 гг. так и не был достигнут в три последующие пятилетки, за пятилетку 1981-1985 гг. упал до 0,46 %, т.е. на одну треть.

Официальная статистика приукрашивала качественное состояние советской экономики. Тем не менее некоторые факты затратного, неэффективного характера все же фиксировались. Так, по данным за 1985 г. в промышленности Кыргызской Республики затраты на рубль товарной продукции не снизились, а, наоборот, возросли в сопоставимых ценах по сравнению с 1984 г. на 1,38 %, при этом в электро-энергетике - на 3,27 %, в топливной промышленности - на 4,26 %, в отраслях переработки сельхозпродукции - на 0,38 %. Качество производимой продукции было значительно ниже уровня мировых стандартов, а потому предприятия при выполнении заказов на экспортные доставки делали особую дополнительную работу и увеличивали затраты на 20-30 %. Обычным явлением был брак при производстве продукции. В производственной себестоимости валовой продукции промышленности Кыргызстана

брак в 1986 г. составил 0,13 %, но при этом в машиностроительном комплексе - 0,24 %, в промышленности строительных материалов - 0,28 %.

Планирование экономических показателей на предприятиях промышленности и всех других отраслей народного хозяйства осуществлялось по принципу «от достигнутого уровня». Это обрекало экономику на затратный и низкий качественный уровень развития.

Ахиллесовой пятой советской экономики было то, что централизованное управление не только исключало материальный интерес непосредственных участников производства в достижении высоких результатов производственно- хозяйственной деятельности, но хуже того - направляло этот интерес на снижение устанавливаемых плановых показателей развития. Это касалось как отдельного работника, участка, цеха, завода, фабрики, совхоза, колхоза, так и экономики области, края, республики. Так, экономика Кыргызстана развивалась по планам и директивам общесоюзного центра. Каждый раз при разработке плана на следующий год или на следующую пятилетку руководство республики старалось добиться от союзного правительства и Госплана СССР установления как можно больших показателей по капиталовложениям, материально-техническим средствам, фонду заработной платы, численности работников, затратам на производство, себестоимости продукции, но при этом как можно меньших объемов ввода новых фондов и мощностей, выпускаемой продукции, прибыли, отчислений от прибыли в госбюджет и т.д. Словом, старались брать ресурсы с избытком, со значительным резервом, а плановые задания в заниженном виде - и все это для того, чтобы план не был напряженным и трудным, чтобы его можно было легко выполнить и быть в передовиках.

То, что экономика Кыргызстана была органической составной частью единого народнохозяйственного комплекса СССР, имело свои преимущества и свои недостатки. Преимущества в том, что республика в своем развитии могла опираться на экономическую мощь всей советской страны, получать большую и неоценимую помощь в виде финансовых средств и материально-технических ресурсов, располагать гарантированным и надежным рынком для реализации, производимой ею продукции. Но был и существенный изъян в экономических взаимоотношениях между республикой и союзным центром. Он состоял в том, что Кыргызстан находился в подчинении и полной зависимости от управляющего общесоюзного центра и не мог проявить свой собственный подлинный интерес и самостоятельный подход в решении стратегических целей и задач экономического и социального развития страны. Кыргызстан, как и другие союзные республики, должен был иметь достаточные права и ответственность за ведение хозяйства на своей территории, полную инициативу в освоении и использовании собственных минерально-сырьевых, топливно-энергетических, рекреационных, трудовых и прочих ресурсов, высокую активность в развертывании широкой производственно-хозяйственной самостоятельности трудящихся масс. Он не имел этого и вынужден был даже многие хозяйственные мелочи согласовывать с центром. Разумеется, это ущемление прав, самостоятельности и ответственности в хозяйственных делах играло немалую сдерживающую роль в экономическом и социальном развитии республики.

Резюме

Досоветский Кыргызстан имел отсталую, примитивную экономику кочевого и полукочевого хозяйства, характерную для патриархально-феодалного общественного строя. Земледельческие хозяйства, получившие развитие на юге страны, а после присоединения Кыргызстана к России - в Чуйской долине и других регионах страны,

знаменовали собой более прогрессивный способ хозяйства и начавшийся переход к оседлой жизни. Хозяйственная жизнь в значительной мере осуществлялась на натуральной основе, но развитие экономических связей с регионами России повлекло за собой растущее внедрение товарно-торговых отношений, затрагивая при этом даже кочевое и полукочевое хозяйство. Промышленность была в зачаточном состоянии и представлена небольшим числом угольных и соляных копей, мастерских по обработке металлоизделий, маслобойками, пивными, хлопкоочистительными и другими заведениями. Подавляющая часть производимого продукта и численности занятых приходилась на сельское хозяйство и лишь 3-4 % - на промышленность.

Кыргызстан много выиграл от того, что после Октябрьской революции вошел в состав единого Советского Союза. В советский период он приобрел государственно-политическую определенность, в конечном счете - как союзная республика со своей особой территорией, со своим народом, со своим народным хозяйством. Благодаря тому, что экономика Кыргызстана стала органической составной частью единого народнохозяйственного комплекса СССР, действующего на основе общей государственной всенародной собственности, республика получила право на ускоренное развитие и подтягивание к общественному экономическому и социальному уровню. Курс на подъем отсталых национальных окраин принес Кыргызстану потоки финансовых и материально-технических средств и ресурсов, квалифицированных кадров, направляемых из всех республик и регионов великой страны Советов. Это обеспечило высокие темпы роста экономики, быстрое расширение масштабов производства. Радикально изменились направление и структура развития экономики: из отсталой аграрной окраины Кыргызстан превратился в сравнительно развитую индустриально-аграрную страну, в которой решающее место заняла промышленность. Исключительно важно то, что в промышленности республики выдвинулись прогрессивные отрасли наукоемкого машиностроения - электроника, электротехника и приборостроение, гидроэлектроэнергетика, горно-добывающая отрасль и цветная металлургия. Структура сельского хозяйства существенно обогатилась от того, что получило значительное развитие растениеводство с производством зерновых и технических культур, что животноводство мясошерстной специализации стало использовать не только отгонное, но и стойловое содержание скота.

Несмотря на определенные преимущества, советская экономическая система обнаружила свои изъяны и недостатки и в Кыргызстане, Она носила явно затратный, экстенсивный и низкоэффективный характер. Рост капиталовложений, денежно-финансовых и трудовых затрат давал в последние десятилетия не повышение экономической отдачи на единицу затрат, а, наоборот, снижение выпуска продукции, производительности труда, качества изделий.

Существенным изъяном в экономических взаимоотношениях общесоюзной экономики с республиканским народнохозяйственным комплексом было то, что Кыргызстан находился в подчинении и зависимости от управляющего общесоюзного центра и не имел достаточных прав, самостоятельности и ответственности в собственных хозяйственных делах. Это играло сдерживающую роль в экономическом и социальном развитии республики.

Вопросы к тексту:

1. Чем характеризовался экономический уклад Кыргызстана досоветского периода?
2. На чем основывалось функционирование социалистической экономической системы в Советском Кыргызстане?

3. Насколько велики были масштабы и темпы экономического роста Кыргызстана в советский период?
4. Что характерно для структуры экономики Советского Кыргызстана?
5. Чем обуславливался низкий уровень эффективности экономики Советского Кыргызстана?

Общий фундаментальный вопрос к обоим текстам:

«Должна ли быть идентичность адаптивной ? »

или

«Чем следует руководствоваться в решении проблемы экономического развития страны: идентичностью или сугубо экономической рациональностью?»

Использованные источники

1. История Киргизии. - Т.2. - Фрунзе: Киргосиздат, 1963.
2. Киргизская Советская Социалистическая Республика/ Энциклопедия. - Фрунзе, 1982.
 - Койчуев Т. Экономическое развитие Киргизии и факторы его ускорения. Фрунзе: Кыргызстан, 1973. ,
- 4., Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С. Народное хозяйство Киргизии в период Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции. - Фрунзе: изд-во АН Кирг. ССР, 1962.
5. Проблемы комплексного развития народного хозяйства Киргизской ССР. - Фрунзе: Кыргызстан, 1975.
 - Проблемы повышения эффективности использования ресурсов Киргизии. Фрунзе: Илим, 1985.
6. Татыбеков С. Очерки социалистического преобразования экономики Киргизии. - Фрунзе, 1959.
7. Экономика Киргизии - составная часть народнохозяйственного комплекса СССР. - Фрунзе, 1977.

Термины и определения

- Кочевое хозяйствование.
- Товарно-рыночное хозяйство.
- Социалистическая экономическая система.
- Общесоюзный фонд.
- Структура народного хозяйства.
- Колхозы и совхозы.
- Тоталитарный советский режим.
- Бюрократический централизм.
- Затратная экономика.
- Единый народнохозяйственный комплекс СССР.

Первоочередные задачи экономической политики

Основной принцип разумной экономической политики – это прагматизм. Прежде всего, необходимо задуматься над тем, как рационально использовать то, что имеем, сохранить то, что существует на данный момент и обладает наибольшей перспективой для дальнейшего роста. Имеются большие резервы роста экономики республики, которыми, на наш взгляд, нужно очень серьезно и кропотливо заниматься в первую очередь. Не задействованы факторы роста экономики, лежащие на поверхности, и не требующие больших финансовых затрат. Наряду с решением стратегических проблем социально-экономического развития страны, нужно навести порядок в некоторых важнейших направлениях деятельности Правительства. Они на слуху и повторяются уже в течение многих лет, но достаточной политической воли, последовательной целенаправленной работы по их решению не проводится.

Я имею в виду следующие 7 основных проблем:

1. Эффективное государственное управление и уменьшение институциональных возможностей для коррупции;
2. Вывод из тени значительной части нашей экономики;
3. Увеличение поступлений в бюджет за счет улучшения администрирования налогов, таможенных сборов, платежей Социальному фонду;
4. Рациональное использование бюджета, ревизия всех расходов, четкая направленность помощи малоимущими семьям;
5. Меры по поддержанию инфраструктуры, особенно в регионах;
6. Меры по решению проблем ведущих отраслей народного хозяйства, таких как энергетика, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство;
7. Поощрение деловой активности, поддержка малого и микро бизнеса, бизнеса отдельных семей.

Эффективное госуправление и уменьшение возможностей для коррупции

Основной резерв роста экономики на данном этапе – это повышение эффективности государственного управления и меры по сокращению пространства для коррупции. Много говорится о том, что расходы на содержание государственного аппарата неподъемны для бюджета республики, но затраты на его содержание постоянно растут. За период с 2010 года по данным Нацстаткома КР расходы на содержание государственных служб общего назначения за счет бюджетных средств выросли в 5,5 раз. Но дело даже не в росте расходов, а в том, что рост расходов не сказывается на улучшении государственного управления.

Корень проблемы неэффективного управления в коррупции, в расхождении интересов государственного управления и интересов отдельных слоев работников государственного аппарата. За последнее время отмечается усиление внимания к этой проблеме со стороны высших руководителей страны, но она остается острой проблемой и влияет на экономическую, социальную и общественно-политическую ситуацию в республике. Согласно «Индексу восприятия коррупции», составляемому «Трансперенси Интернешнл», Кыргызская Республика вместе с РФ находятся по данным 2017 года на 135 месте среди 180 стран. Из стран СНГ хуже обстоят дела только в Туркменистане (167), Таджикистане (161) и Узбекистане (157) [1]. Коррупция является основным звеном в цепи проблем, потянув за которое можно добиться улучшения в других основных вопросах роста экономики. Одной из главных ниш для коррупции являются система государственных закупок. Государство является одним из основных продавцов и покупателей на внутреннем рынке Кыргызстана. Оно ежегодно тратит более 20

миллиардов сомов на закупки для нужд государственных органов. Причем ежегодные потери от махинаций при осуществлении госзакупок, по данным антикоррупционной службы ГКНБ, составляют около 3 миллиардов сомов.

Сокращение теневой экономики

Проблемы повышения эффективности государственного управления и коррупции тесно переплетены с проблемами теневого бизнеса, увеличения поступлений в бюджет, рационального расходования государственных средств. Значительная часть отечественного бизнеса находится в тени. Говоря о теневой экономике, я имею в виду только тот бизнес, который не платит в полном объеме налоги, не затрагивая незаконную деятельность. То есть часть одного и того же бизнеса может быть законопослушной, а другая – в тени. Самые низкие цифры уровня теневой экономики страны показывает министерство экономики, оно оценивает этот уровень в 23,3%. Хотя еще в 2015 году премьер-министр оценивал уровень теневой экономики в 60%. Некоторые экономисты оценивают этот уровень даже в 70% [2].

Одна из основных задач правительства должна быть повышение эффективности мер по уменьшению сферы теневого сектора экономики. Правительство намерено вывести бизнес из тени фискальными методами. Улучшить условия налогообложения действительно важно. По данным на середину 2017 года Кыргызская Республика заняла 77 место среди 190 стран в рейтинге «легкость ведения бизнеса», а по уровню налогов и обязательных отчислений, а также административного бремени, связанного с уплатой налогов, занимала уже 151 место. Бизнес вынужден в среднем производить 51 налоговый платеж в год и общая ставка налогов и взносов составляет в среднем 29% от прибыли [3]. Но одними фискальными мерами и усилиями налоговых служб вряд ли удастся решить проблему. Только прогрессивных нормативных документов недостаточно, чтобы заставить бизнес выйти из тени. Вся работа государства должна быть направлена на это. Проблема собираемости налогов, платежей Социальному фонду, таможенных сборов – это проблема эффективной борьбы с коррупцией. Дело в том, что укрытие налогов выгодно как для бизнеса, так и для недобросовестных чиновников. Бизнесу выгоднее заплатить часть суммы налога чиновнику, нежели всю сумму государству. Необходимо лишить бизнес стимулов для укрытия налогов.

Налоговое администрирование

В целом наблюдается положительная тенденция роста налогов по отношению к ВВП. В 2006 году по данным Нацстаткома налоговые поступления составляли всего 14,2% от ВВП, в 2009 – уже 17,9, а начиная с 2012 года уровень налогов к ВВП держится около 20%. Это примерно такой же уровень как в Таджикистане (19,9), Туркмении (21), Узбекистане (20,3), Армении (22) и выше, чем в Казахстане (13,5). Но это уровень гораздо ниже Украины (38,9), Эстонии (32,5), Молдовы (32) и Белоруссии (29,8) [4]. Вместе с тем, очевидно, что уровень собираемости налогов мог быть гораздо выше.

Вывести теневой бизнес на свет – это большой резерв роста экономики и поступления в государственный бюджет. По некоторым оценкам по объему укрываемых доходов, теневой сектор в Кыргызстане составляет 60%, а по количеству субъектов, которые не платят налоги или платят частично - 95%. Укрывает доходы, за редким исключением, весь средний и мелкий бизнес, кто-то больше, кто-то меньше. В 2010 году министерство экономики проводило анкетирование. Были получены такие результаты: по разным отраслям экономики укрывается 40-90% дохода. Очень большой уровень укрытия в швейной отрасли, строительстве, туристической отрасли. Чуть меньше в отраслях услуг, меньше в торговле ГСМ - порядка 40% [5]. Но это тоже очень значительные объемы.

О высоком уровне теневой экономики говорит и очень большая доля наличных расчетов в денежном обороте страны. Наличные платежи позволяют уклоняться от

уплаты налогов, т.е. являются условием существования теневой экономики. Денежный агрегат M0 (наличные деньги в обращении) от M2 (упрощенно – M0 плюс безналичные деньги) составлял в 2017 году 59, а в 2013 году – 68%. В России этот показатель составлял в 2014 году 23,5 и 19,9% на 1 января 2018 года. В развитых странах этот показатель едва достигает 7-10% [6].

Уровень монетизации (отношение M2 к ВВП) в КР составлял в 2017 году 28,96%. Нормальным для развитых стран считается уровень 55-60%. С учетом показателя M2X (помимо денежного агрегата M2 сюда включают депозиты в иностранной валюте резидентов КР, размещенных в действующих кредитных организациях) этот показатель составил уже 39,2% в 2017 году. Принимая во внимание то обстоятельство, что теневой сектор рассчитывается в основном наличными купюрами, можно предположить, что остаток средств, необходимый для нормального обращения в стране восполняется наличными долларами. С учетом долларového обращения уровень наличных расчетов представляется еще более подавляющим. На сегодня в Кыргызстане один из самых высоких уровней наличного оборота денег в мире. По данным министерства финансов на сегодняшний день в Кыргызстане 97% денежных средств используются в наличной форме и 3% - в безналичной.

Наряду с радикальным улучшением администрирования налогов необходимо избавиться от многочисленных освобождений от налогов. В Кыргызстане получил распространение худший вид протекционизма, когда поддержка государства предоставляется нежизнеспособным предприятиям и различного рода льготы получают только отдельные предприятия, а не все предприятия данного сектора экономики. Выборочное предоставление льгот предприятиям - это одна из самых больших возможностей для коррупции в любой стране. Получать преференции от государства становится выгоднее, чем стараться сделать свой бизнес более эффективным.

Рациональное использование бюджета, адресность выплат

Важно не только повысить эффективность и объемы собираемых налогов, но и рационально расходовать собранные средства. Необходимо провести тщательную ревизию всех расходов в целях рационального использования государственного бюджета. Наиболее крупные статьи бюджета – это расходы на образование и социальную защиту. В 2016 году они составляли соответственно 20,9 и 16,5% общих расходов бюджета республики. За общими фразами необходимости повышения образовательного уровня, поддержки социально уязвимых слоев часто скрывается нерациональное использование бюджетных средств. В Кыргызстане более 200 тысяч студентов, 53 вуза. Но проблема качества подготовки специалистов и их соответствие потребностям отраслей народного хозяйства с каждым годом становится все острее. Образование без надежды получить работу в этой области являются только потерей времени и средств. Кроме того, бесплатное высшее образование и социальная поддержка зачастую направлена не в пользу неимущих слоев населения, не всегда отличаются точной адресностью. Более 30 тысяч студентов обучаются на бюджетной основе. Но, как правило, бесплатное высшее образование получают представители обеспеченных семей, которые смогли создать для своих детей более благоприятные условия подготовки. Бесплатное высшее образование в таких условиях означает перераспределение общественных фондов в пользу имущественно более благополучных слоев населения.

Проблема повышения адресности социальных выплат остро стоит и в сфере социальной защиты населения, которая не охватывает на сегодня значительную часть бедного населения. Причем, это связано не сколько с объемами бюджета социальной защиты, сколько с недостаточной адресностью социальной защиты, нацеленностью ее

на правильные группы людей. Например, значительная часть бюджета денежных компенсаций и компенсаций за электроэнергию выплачивается бизнес структурам и людям, имеющим достаточно хорошее финансовое положение.

Разделение сферы бизнеса и государственного управления

Рациональное расходование бюджетных средств предполагает четкое разделение сферы бизнеса и государственного управления. Государство не должно само выступать в роли предпринимателя, за исключением инфраструктурных проектов, которые не в силах взять на себя предприниматели. Государство теряет большие бюджетные деньги, когда начинает играть роль коммерческого банка или предпринимателя. Риск неудачи проекта в этом случае лежит на государстве, а не на чиновниках, принимающих неэффективные решения. Кыргызстан за свою короткую историю независимости имеет много примеров, когда правительство, стараясь возродить промышленность социалистическими методами, увлекалось крупными проектами.

Повышение эффективности ведущих отраслей

Принцип повышения эффективности отрасли за счет улучшения использования существующего потенциала в полной мере можно отнести ко всем отраслям экономики Кыргызстана. Но в наибольшей степени он относится к сфере энергетики, имеющей значительные перспективы роста. В этой сфере создается около 4% ВВП и почти 20% промышленного производства страны. Но сама отрасль находится в плачевном состоянии и уже не справляется с потребностями экономики. Основными проблемами отрасли являются коррупция, которая ведет к высокому уровню коммерческих потерь и низкий уровень тарифов на электричество. По уровню потерь Кыргызстан занимает одно из последних мест в мире. Все это ведет к постепенному истощению производственных ресурсов отрасли и значительному ослаблению сектора, который мог бы сыграть роль локомотива экономики страны. Проблемы энергосектора, например, являются одним из основных факторов сдерживания развития частного бизнеса в стране. Как уже отмечалось, Кыргызская Республика заняла 77 место в рейтинге «легкость ведения бизнеса», но по уровню подключения к системе электроснабжения только 164 место [7]. Низкий уровень тарифов в энергосекторе подавляет и возможности использования угольных ресурсов страны, малой энергетики и нетрадиционных источников энергии.

Проблемы повышение уровня профессионального управления, прозрачности отчетности и повышения тарифов являются ключевыми для энергосектора. Проблема повышения тарифов сдерживается низким уровнем доходов большей части населения республики. Вопрос опять же упирается в адресность социальной поддержки населения. Можно сделать несколько уровней тарифов для различных регионов республики и для различных групп населения. Для малообеспеченных слоев населения это может быть минимальный тариф на уровне может быть даже меньше существующего уровня. Для отдаленных регионов для личного потребления этот тариф должен быть меньше, чем тариф в Бишкеке и городах и селах Чуйской долины. Для целей бизнеса тариф в сельских регионах также может быть ниже, чем в городах.

Между тем, либерализация или разумные устанавливаемые государством цены на продукцию отдельных отраслей жизненно важны для их здоровья. Реформирование цен на электричество, например, было решающим в успехе индустриальной реструктуризации Южной Кореи [8].

Улучшение инфраструктуры

Рациональное использование бюджетных средств предполагает увеличения средств, направляемых на поддержание существующей инфраструктуры. Общеизвестно, что меры по поддержанию и техобслуживанию уже имеющейся инфраструктуры дают более

высокую экономическую отдачу, нежели создание новой. Выделяемых бюджетных средств недостаточно для поддержания таких ключевых инфраструктур, как водоснабжение, санитария, утилизация твердых отходов, ирригация, дороги и энергоснабжение, особенно это касается сельских регионов.

Заключение

Нужна разумная экономическая политика, ясная, предсказуемая, стабильная, вместе с тем четко нацеленная на стратегические цели развития. Нам необходимо ставить конкретные цели в экономике и прорабатывать механизмы их достижения. Требуется постепенность и целенаправленность в проведении реформ. Не следует рассчитывать получить мгновенные результаты, не бросаться от одной громкой инициативы к другой. Более плодотворна будет последовательная упорная работа по полному использованию имеющегося потенциала, развитию благоприятной бизнес-среды, улучшению сотрудничества государства и бизнеса в целях инклюзивного развития страны.

Глоссарий

Теневая экономика - экономическая деятельность, скрывающаяся от общества и государства, находящаяся вне государственного контроля и учёта.

Налоговое администрирование – деятельность налоговых органов по осуществлению контроля за соблюдением налогового законодательства организациями и физическими лицами.

Инклюзивное развитие – т.е. всеобъемлющее, улучшающее благосостояние всех слоев общества и регионов страны, не оставляя никакие социальные слои общества в изоляции

Вопросы по тексту:

1. Что означает прагматизм в экономической политике?
2. Какие основные резервы роста экономики, не требующие крупных капитальных вложений?
3. Почему сокращение институциональных возможностей для коррупции является основным резервом роста экономики?
4. Какие основные препятствия для роста энергетической отрасли?
5. Как можно улучшить налоговое администрирование?

Фундаментальный вопрос к тестам (предварительная формулировка)

1. Замечаете ли вы рудименты советского менталитета в экономической политике стран СНГ?

Использованные источники

- 1 https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017.
- 2 <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-economic-goverment/29067341.html> 3 (<http://russian.doingbusiness.org/data/exploretopics/paying-taxes>)
- 4 <http://svspb.net/danmark/nalogov-v-vvp-stran.php>
- 5 [https://kyrtag.kg/interview/tatyana_kim_predsdatel_palaty_nalogovykh_konsultantov_kyrgyzstana_95_predprimateley_kyrgyzstana_](https://kyrtag.kg/interview/tatyana_kim_predsdatel_palaty_nalogovykh_konsultantov_kyrgyzstana_95_predprimateley_kyrgyzstana)
- 6 https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B0
- 7 <http://russian.doingbusiness.org/data/exploretopics/paying-taxes>
- 8 Industrial restructuring: a review of World Bank Operations, Report # 14670, 1995

Обязательные тексты для дополнительного чтения

Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы,

Industrial Policy in Developing Countries Overview and lessons from seven country cases Tilman Altenburg Bonn, 2011

The Kyrgyz Republic: Strategic Assessment of the Economy. Promoting Inclusive Growth, Asian Development Bank, Metro Manila, Philippines, 2014.

Рудименты советской ментальности в экономической политике

Экономика любой страны не развивается по гладкой дороге последовательно от одной стадии к другой, от менее развитого состояния к более развитому по пути неуклонного прогресса. Она движется зигзагами, то быстрее, то замедляя ход. И такое прерывистое развитие связано не только с цикличностью экономического процесса, уникальностью исторических и общественных условий каждой страны, но и постоянной борьбой представлений о способах развития общества, противоборством различных социальных сил. Реальная экономическая политика проводится не в лабораторных условиях идеального эксперимента, а под давлением различных социальных сил. Она является результатом противоборства интересов различных социальных групп, борьбы различных представлений о путях дальнейшего развития. Промышленная политика Кыргызстана с первых дней суверенитета проводилась под сильным влиянием прежних представлений об экономической политике, сложившихся в эпоху социализма. Причем, это касается не только начального этапа развития после обретения суверенитета, но и последующих этапов.

Слабость государства. Опора на директорский корпус

Слабость государства была основным определяющим фактором поведения правительства уже в течение почти трех десятилетий независимости Кыргызской Республики. Оно имеет ключевое значение для понимания проводившейся социально-экономической политики. Слабость государства предопределяла возможности и ограничения, в рамках которых приходилось осуществлять любые реформы и преобразования. Правящим элитам приходилось постоянно лавировать между интересами различных социальных групп, в поисках поддержки. Е.Т. Гайдар, бывший премьер-министр РФ, как-то жаловался, что непоследовательность российских реформ была связана с тем, что в правительство пришло лобби «красных директоров». В Кыргызстане же за время независимости сменилось уже около 30 премьер-министров, подавляющее большинство из них, за редким исключением, и следующие за А. Акаевым президенты, приходили из корпуса «красных директоров» и партийно-хозяйственной номенклатуры. Если Е.Т. Гайдар говорил, что в РФ правительство боялось задеть интересы могущественных ведомств, то в Кыргызстане можно сказать, что правительство было частью этого промышленного лобби.

Опора в реформах на директорский корпус имела объективные причины. В общественной структуре советского общества наиболее сильные позиции занимали представители военно-промышленного комплекса и партийно-хозяйственной номенклатуры. Во многом они сумели сохранить и усилить свои позиции и в условиях перехода к рынку. Промышленная политика тех лет была итогом компромиссов власти с партийно-хозяйственной элитой, промышленным лобби и трудовыми коллективами. В конечном счете можно констатировать, что как приватизация на первых порах, так и последующая промышленная политика проводилась в интересах руководителей наиболее организованной и влиятельной группы – партийно-хозяйственной номенклатуры. Без опоры на эту часть общества трудно было рассчитывать на реализацию реформ. К слову сказать, промышленная политика до сих пор осуществляется исходя из менталитета и интересов этой группы лиц.

Попытки реанимации промышленности за счет нового строительства

В результате перехода к новой общественной системе в начале 1990-х годов, потери рынков сбыта произошел катастрофический (в некоторых странах более

шестидесяти процентов) спад объемов промышленного и сельскохозяйственного производства. Действия руководителей республики тех лет были навязаны тяжелыми социально-экономическими обстоятельствами и напоминали действия пожарной команды. Причем, пытались решить новую проблему в рамках старых социалистических подходов и смутных представлений о том, как должна работать капиталистическая экономика. То есть ситуация менялась кардинально, а мысли и представления о методах решения были прежними, вчерашними. И этот субъективный фактор сильно сказывался на ходе, темпах и глубине реформ.

В попытках спасти промышленность, как и в советские времена, несмотря на катастрофическое положение с финансами, правительство возлагало надежды на строительство новых крупных государственных предприятий. Очень показательна с точки зрения имевшихся представлений о путях выхода из промышленного кризиса истории с так называемым “турецким” кредитом и кредитом ЕБРР. За счет этих кредитов были построены нескольких крупных государственных предприятий. В частности, Ысык-Атинская меховая фабрика, радиозавод «Ак-Марал» в Токмоке, мебельная фабрика в Бишкеке, заводы по выпуску минеральной воды и детского питания в Жалал-Абаде. Ни один промышленный проект по данным кредитам не заработал. В основном было заказано оборудование, исходя из советских представлений, для очень крупных государственных производств, работающих на большой дефицитный рынок. «Турецкий кредит» и другие подобного рода проекты явились следствием понимания решения проблем промышленности, как во времена СССР, путем строительства крупных государственных предприятий и обновления технологического оборудования на предприятиях за счет государства. Но стратегия промышленного развития, когда государство берет на себя риски за провал бизнес-проектов, в новых условиях была неприемлема.

Стремление сохранить прежние объемы производства

В первые годы независимости в правительстве преобладала иррациональная вера в то, что можно возродить крупные государственные промышленные предприятия в прежних объемах и направленности. Такая концепция вела ко многим ошибочным решениям, нанося значительный ущерб и без того очень слабому государственному бюджету. Спад промышленного производства поначалу рассматривался как кратковременный, вызванный временными трудностями. Причины виделись в неумелом руководстве, устаревшем оборудовании, нехватке оборотных средств, в высоких налогах, введении национальной валюты, длительном прохождении платежей, отсутствием средств у покупателей и т. д. и т. п. Все сводилось к тому, что проблемы промышленности могут быть быстро разрешены правительством за счет предоставления оборотных средств, дешевых кредитов для закупки дополнительного сырья и погашения задолженностей по зарплате, за счет снижения налогов и амнистирования задолженностей, за счет приобретения новой техники.

В руководящих органах тех лет превалировало представление, что если стоит завод, есть оборудование, старые запасы сырья, рабочая сила, то такое предприятие обязано работать и давать объемы. Хотя было очевидно, что сам по себе рост производства не означает успешного приспособления предприятий к рыночным условиям и имеет значение только в связи с финансовыми показателями и показателями реализации продукции. Сокращение производства не находящей сбыта продукции является здоровым симптомом, имея в виду неэффективную производственную структуру и нерациональную структуру потребления сырья и энергоносителей.

Правительство, продолжая требовать у руководителей предприятий восстановить прежние объемы производства, тем самым попадало под влияние «красных

директоров», вынуждено было идти у них на поводу. «Дайте нам денег, а остальные проблемы мы решим сами», - говорили директора предприятий. Требование увеличить объем производства было привычно «красным директорам». Будучи хорошими производственниками, они, как и в советские времена, не понимали финансовых вопросов, не уделяли внимания сбыту, для них главным было производство. Кредитные средства воспринимались по-прежнему как государственные дотации, которые не нужно было возвращать. Предприятия не предпринимали мер по реструктуризации предприятий и приспособлению их к радикально изменившимся новым условиям.

Между тем, требование поддерживать уровень занятости и использования производственных мощностей вело к давлению избыточных, по сравнению со сбытом, расходов на состояние предприятия. Убыточные предприятия продолжали производить продукцию благодаря тому, что они не платили поставщикам, банкам, бюджету и работникам. Таким образом, проблемы нежизнеспособных предприятий перекладывались на поставщиков, в особенности на предприятия, производящие энергоресурсы. Кроме того, деятельность убыточных предприятий, рождая цепочку неплатежей, накладывала непомерную нагрузку на государственный бюджет и банковский сектор республики.

Резкое падение спроса на продукцию предприятий и вынужденное падение объемов производства не сопровождалось соответствующим сокращением занятых на производстве. Директора предприятий избегали сокращения численности занятых как в связи с надеждами на то, что скоро все вернется на свои рельсы и потребуются рабочие, так и в связи с неспособностью выплатить работникам задолженность по заработной плате и выплаты при увольнении. В то время как объем промышленного производства упал почти на 50%, количество занятых на предприятиях промышленности сократилось только на 5 процентов - с 284,4 тыс. человек в 1990 году до 269,6 тыс. человек в 1993 году [1], обостряя тем самым проблему избыточной финансовой нагрузки на предприятия.

Финансовая поддержка убыточных государственных предприятий

В экономической литературе причины кризиса постсоветской промышленности часто видят в том, что правительство не предоставляло финансовые средства предприятиям. Обвиняют жесткую монетарную политику, так называемую «шоковую» терапию, которую якобы проводило правительство Кыргызстана. На самом деле, по-настоящему последовательно жесткой монетарной политики в нашей стране никогда не проводилось, в том числе жесткие бюджетные ограничения не удалось реализовать как сознательную целенаправленную политику. Точно так же, неверно утверждается, что не предоставлялась финансовая помощь предприятиям. Собственно промышленная политика все эти годы отождествлялась с финансовой помощью и льготами, которые в состоянии предоставить государство предприятиям. За период с 1992-го по 1996 годы промышленным предприятиям, без учета предприятий PESAC, на пополнение оборотных средств и техническое перевооружение было выдано бюджетных ссуд на сумму 114,7 млн сомов и иностранных кредитов на сумму \$39,3 миллиона. Наибольшую поддержку получили предприятия текстильно-трикотажного комплекса – 51 процент и радиоэлектронной отрасли – 34% общей суммы выделенных бюджетных ссуд и иностранных кредитов. Сохранялась поддержка за счет средств госбюджета как государственных, так и акционерных предприятий. Особенно в сфере легкой промышленности, машиностроения и электроники. Поддержка оказывалась акционерным обществам вследствие лоббирования интересов частных фирм и всеобщего представления, что такие важные для экономики отрасли не могут оставаться без господдержки. Бюджетная поддержка негосударственных предприятий означала прямое перераспределение бюджета республики в пользу отдельных групп людей, частных акционеров предприятия.

Много льготных бюджетных ссуд было выдано за 1991-1996 годы. Но такая практика продолжалась и в последующем. Поскольку кредиты выдавались нежизнеспособным предприятиям, то очень низким был уровень возвратности бюджетных ссуд. Иначе и не могло быть. По состоянию на 1997 год только предприятия Министерства внешней торговли и промышленности имели задолженность по бюджетным ссудам в размере 162 млн сомов (в том числе просроченная – 7,2 млн сомов), иностранным кредитам – \$42,5 млн (в том числе просроченная – \$7,2 млн) и 4,6 млн немецких марок. Большой процент предприятий (4%) даже не начали погашать кредиты с момента их получения в 1992-1993 годах. В связи с этим правительство получило еще более сильную головную боль, проблему «наоборот» – вернуть бюджетные ссуды.

Макроэкономические последствия патерналистской политики

Несмотря на определенный прогресс в макроэкономической стабилизации после введения национальной валюты в мае 1993 года, правительство не смогло проводить последовательную политику «шоковой терапии» и строгую монетарную политику именно из-за стремления спасти крупные убыточные предприятия. Пытаясь восстановить прежние объемы и предоставить льготные кредиты предприятиям, оно оказывало все большее давление на банки с тем, чтобы заставить их предоставлять льготные кредиты предприятиям. В августе-октябре 1993 года за счет централизованных ресурсов НБКР коммерческие банки предоставили большие кредиты промышленным предприятиям. В результате выданных под политическим давлением кредитов неплатежеспособным предприятиям обанкротились «Агропромбанк», «Курулушбанк», «Дыйканбанк», «Внешэкономбанк». В кризисном положении оказались АКБ «Кыргызстан» и «Промстройбанк».

Марек Домбровский и Рафал Антчак писали об этом периоде: «К сожалению, тогда не хватило терпения и последовательности, чтобы закончить начатый процесс стабилизации экономики. Под давлением промышленного и сельскохозяйственного лобби монетарная политика была снова ослаблена – в июле 1993 г. начался очередной взаимозачет задолженности предприятий, а также были запущены новые, субсидированные кредитные линии для сельского хозяйства... В сентябре и октябре 1993 г. инфляция снова подскочила до уровня свыше 30% в месяц. Сом начал быстро обесцениваться, хотя и медленнее, чем прогрессировала инфляция. Кыргызстан оказался на пороге гиперинфляции и краха только что введенной валюты» [2]. Меры, предпринимаемые для спасения промышленности в духе прежних представлений, вели к нарастанию кризиса в банковской и финансовой сфере, грозя коллапсом экономики республики в целом.

Нежелание проводить банкротство госпредприятий

В Кыргызской Республике в начальный период суверенитета сложилась ситуация трансформационного спада, типичная для подавляющего большинства стран при переходе от социализма к рынку. Во многих странах Западной Европы правительства последовательно использовали очень жесткие меры в этой ситуации. С одной стороны, предприятия-банкроты были полностью отрезаны от бюджетной поддержки, а с другой стороны, был организован мощный пресс угрозы банкротства. Тысячи предприятий прошли через процедуру банкротства. Убыточные предприятия были поставлены перед неизбежной дилеммой – либо реструктурироваться, либо быть объявленными банкротами. Это сделало возможным очистить экономику от нежизнеспособных предприятий и улучшить финансовую ситуацию в стране. В Чешской Республике, Венгрии и Словении доля прибыльных предприятий уже в 1995 году составила соответственно 74, 70 и 64 процента. Но в Румынии, где не был использован

массированно пресс банкротства на убыточные предприятия, доля прибыльных предприятий сократилась с 30% в 1992 году до 24% в 1995 году [3].

В эпоху социализма процедура банкротства не применялась. Принцип был таков - раз есть производственные мощности, то они должны были работать. В командной экономике отсутствовала конкуренция и, соответственно, не происходило никакого естественного отбора более эффективных предприятий. Тот, кто работал неэффективно, мог не беспокоиться за будущее. Предприятиям как бы гарантировалась вечная жизнь. В связи с этим в общественном сознании в период перехода к рынку существовал страх использования закона о банкротстве. Оно воспринималось как гибель, уничтожение производства.

Ликвидация банкротов – это подтвержденный многолетней практикой механизм очищения экономики, перераспределения ресурсов от убыточных неперспективных отраслей в новые направления экономики. В то же самое время банкротство является методом разукрупнения производств. Как известно, на крупных предприятиях советского периода в настоящее время очень низкий уровень использования производственных мощностей – не более 10-15% возможностей. Огромные ресурсы остаются замороженными. Эта нагрузка лежит тяжелым бременем на жизнеспособной части предприятия, увеличивая себестоимость продукции и усугубляя неплатежеспособность. Но без реальной угрозы банкротства предприятия будут продолжать сохранять этот балласт.

Банкротство крупных производств создает основу бизнеса малых и средних предприятий. Без ликвидации крупных убыточных предприятий тяжело вести промышленную политику, направленную на создание мелких и средних производств, семейного бизнеса. Машины и оборудование, излишние помещения, неиспользуемое сырье и материалы, не имеющие особой ценности для крупномасштабных производств, могут сформировать основу для мелкого бизнеса и нишу на рынке для множества товаропроизводителей и семейных фирм. Даже продажа отдельных единиц оборудования или техники позволит начать новый бизнес индивидуальным предпринимателям. Отдельные грузовые машины или автобусы, небольшие помещения, станки для обработки металла и т. п., мало что значащие для крупных производств, могут стать основой малого предприятия, превратиться в средство, способное прокормить отдельную семью.

Фактически ликвидация убыточных предприятий в необходимом масштабе в республике не проводилась. Ликвидационные процессы в республике были начаты в отношении лишь нескольких производств, не считая предприятий PESAC. Если сравнить их с численностью простаивающих и убыточных предприятий, а также с числом предприятий с явными признаками финансового неблагополучия, то становилось ясно, насколько этот процесс отставал от реального положения дел. Фондом государственного имущества было инициировано в 1995 году только 6 банкротств; в 1996 году – 50; в 1997 году – 60; 1998 году – 74 и за 1999 год – чуть более 130 банкротств. Причем, цифры начатых банкротств в Кыргызстане относились не только к промышленным, но к предприятиям всех отраслей. Число предприятий, где был начат процесс банкротства, было несопоставимо с числом убыточных и неработающих предприятий. Также надо иметь в виду, что речь шла о процессах банкротства в отношении небольших предприятий республики. Ликвидация крупных предприятий, имеющих, по мнению правительства, «стратегическое значение для экономики республики», требовало негласного одобрения правительства. В результате ликвидация банкротов затягивалась на годы. На 1 августа 1999 года по всем инициированным случаям в республике было закончено всего 48 ликвидационных дел по все отраслям экономики.

В результате болезненное, предбанкротное состояние предприятий, оставшихся без реального собственника, сохранялось многие годы, позволяя растаскивать их имущество. По-прежнему доминирующим было иррациональное для промышленной политики обоснование «важности» этих отраслей для экономики. Политика банкротства убыточных предприятий, несмотря на неоднократные попытки, не осуществлялась должным образом, и в связи с этим оставалось существенное негативное воздействие таких предприятий на экономику республики в целом.

Финансовая поддержка госпредприятий сохраняется

Прямые субсидии предприятиям постепенно сворачивались, но многие предприятия продолжают получать бюджетную поддержку в других формах. Бюджетная поддержка предприятий продолжалась в форме реструктуризации задолженностей бюджету и Социальному фонду, ранее выданных бюджетных ссуд и иностранных кредитов, сдерживании тарифов на электричество и отопление. Когда предприятия в очередной раз были не способны погасить задолженности, правительство легко шло на реструктуризацию долгов. Реструктуризация долгов предоставлялась вместе с льготами по налогам и платежам в Социальный фонд.

И сегодня правительство исходит из понимания промышленной политики, свойственного началу 90-х годов: роль правительства видится именно в предоставлении финансовой помощи крупным государственным предприятиям. В результате для многих предприятий с высокой долей государственной собственности до сих пор характерны проблемы убыточных предприятий. Скоро будет праздноваться 30 лет независимости республики. Но до сих пор в стране существуют убыточные госпредприятия. В марте 2017 года на заседании правительства обсуждали вопрос о ликвидации 114 (ста четырнадцати!) убыточных госпредприятий и реорганизации 63 госпредприятий. Всего по республике зарегистрировано 1130 государственных предприятий, из них 900 нефункционирующих, 164 – функционирующие, 66 преобразованных в государственные учреждения. Премьер-министр говорил о том, что «большинство госпредприятий являются убыточными, не выполняют свои основные уставные задачи, продолжают оставаться инструментом организации коррупционных или лоббистских схем. Несмотря на то, что основная цель государственного предприятия, как и коммерческого, – это извлечение прибыли, существуют предприятия, ежегодно субсидируемые из республиканского бюджета в нарушение законодательства страны» [4].

Ориентир на крупные предприятия

Хотя издается множество постановлений, проводится много конференций и круглых столов в поддержку малого и среднего бизнеса, но подход правительства в отношении него остается противоречивым. Концепция развития экономики и промышленности вольно или невольно нацелена на максимальные темпы роста экономики за счет новых крупных проектов. Мечта чиновников – это крупные инвесторы, крупные предприятия, грандиозные проекты за счет крупных инвестиций, может быть, и государственных, направленные в «ключевые отрасли» или даже в абсолютно новые виды деятельности. То, что для многих крупных проектов может не быть в данное время условий и страна не имеет сравнительных преимуществ для их реализации, не принимается во внимание. «На кастрюлях объема не сделаешь», часто говорил А.А. Иордан – экс министр внешней торговли и промышленности времен Президента А.А. Акаева.

Ясно, что одно крупное предприятие в плане налоговых отчислений может покрыть тысячи мелких производств. Но вся беда в том, что привлечь крупных инвесторов в Кыргызстан в нынешних условиях довольно проблематично. Кроме того, нужно иметь в виду, что малый и средний бизнес имеют большее воздействие на

занятость населения, чем отдельные крупные проекты. Например, группа предприятий по разработке месторождения Кумтор производит около половины объема промышленной продукции, около 7% ВВП и до 40% экспорта страны. Но на предприятии занято всего чуть больше трех тысяч человек [5].

Государство в роли предпринимателя

Должно быть четкое разделение сфер полномочий государства и бизнеса. Государство устанавливает стабильные правила игры, следит за исполнением этих правил, создает приемлемую для бизнеса инфраструктуру за счет государственных инвестиций и создает предпринимательскую среду, способствующую достижению отечественными фирмами конкурентных преимуществ. Государство разрабатывает стратегии развития, но выполняют стратегии развития частные фирмы.

«Государство не может создавать конкурентоспособные отрасли экономики; это могут делать только фирмы», – писал М. Портер [6].

Часто государство хочет решить все проблемы за счет строительства новых предприятий, вместо того, чтобы предоставить это дело бизнесу. Основным двигателем экономического роста должен быть частный сектор. Государство не должно само выступать в роли предпринимателя, за исключением инфраструктурных проектов, которые не в силах взять на себя предприниматели. Надо исключить так называемое государственное предпринимательство. Государство теряет большие бюджетные деньги, когда начинает играть роль коммерческого банка или предпринимателя. Риск неудачи проекта в этом случае лежит на государстве, а не на чиновниках, принимающих неэффективные решения. Одним из примеров превращения государства в бизнесмена можно назвать строительство крупной государственной пекарни в г. Бишкеке. Производство хлеба – это одна из наиболее конкурентных отраслей, где в одном Бишкеке функционирует десятки частных пекарен. Вместо того, чтобы решить проблемы социально обездоленных людей присутствующими государству методами, а бизнесу оставить производство хлеба, бишкекская мэрия построила за счет бюджетных средств огромный государственный хлебозавод. Стоимость составляет порядка \$7 млн, производительность – 8 тыс. булок в час. В настоящее время муниципальная пекарня вряд ли работает на 10% мощности.

Есть еще много других примеров в республике, когда государство пыталось выступать в роли бизнесмена. В первые годы независимости это были предприятия, построенные за счет пресловутого турецкого кредита, и джалал-абадские предприятия детского питания и минеральной воды. Но и позднее не прекратились попытки строительства гигантских предприятий за счет государственных средств. За \$18 млн без наличия достаточного количества сырья была построена Кыргызско-китайская бумажная фабрика, расположенная в промышленной зоне в Токмаке. В итоге фабрика обанкротилась и уже многократно безуспешно выставлялась спецадминистратором на торги. В городе Таласе было построено Кыргызско-индийское совместное предприятие по производству чипсов. Индия на строительство завода выделила около \$2,5 млн в виде гранта. В настоящее время завод не работает.

Вопросы по тексту:

1. Почему стремление строить крупные государственные предприятия мы считаем неприемлемым в новых условиях?
2. Почему стремление опекать крупные предприятия мы считаем остатками советского менталитета?
3. Как сказались на макроэкономической ситуации и банковской системе финансовые вливания убыточным предприятиям?

4. Какая роль банкротства убыточных предприятий в экономике?
5. Какая роль бизнеса и государства в экономике?

Использованные источники

- 1 По данным Национального статистического комитета
- 2 Марек Домбровский, Рафал Антчак. Экономические реформы
- 3 Privatization and restructuring of industrial enterprises in Central and Eastern Europe. Gerhard Pol, Rober E. Anderson, Stain Klassens, Semion Diankov, World Bank, 1997
- 4 www.tazabek.kg/news:1375809?f=cp
- 5 www.kumtor.kg/ru/
- 6 М. Портер. Конкурентные преимущества стран, с. 571

Обязательные тексты для дополнительного чтения

Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие Революции: От Кромвеля до Путина. М: Вагриус, 2001, - с. 25–92

Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996 Я.

Корнаи. Вопросы экономики, 1994, № 3, с. 2-16

Марек Домбровский, Рафал Антчак. Экономические реформы в Кыргызстане, Варшава, сентябрь 1994,

Б.С.Джаманкулов. Промышленная политика суверенного Кыргызстана, Бишкек, 2017

Фундаментальный вопрос к тестам (предварительная формулировка)

1. Замечаете ли вы рудименты советского менталитета в экономической политике стран СНГ?

Глоссарий

Трансформационный спад - это резкое, иногда обвальное падение объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, закономерно происходящее в период смены социально-экономических систем.

Программа PESAC - в июле 1994 года ВБ одобрил, а с 7 октября 1994 г. вступил в силу кредит Кыргызской Республике на реорганизацию крупных предприятий промышленности и создание институциональной среды для реформы всех предприятий. По аббревиатуре поддерживающего кредита Всемирного банка она стала в правительственных документах и печати называться программой PESAC – аббревиатура английских слов Privatisation Enterprises Adjustment Credit (Программа приватизации и структурной перестройки сектора государственных предприятий).

Шоковая терапия - комплекс радикальных экономических реформ при переходе от социалистической системы к рыночной, включающих моментальную либерализацию цен, сокращение денежной массы и приватизацию или банкротство убыточных государственных предприятий.

Человеческий капитал и факторы его роста

В современном обществе человек становится не только целью, но и ресурсом социально-экономического развития. Человеческий фактор как объект инвестиций становится более важным, чем основной капитал и технологии, так как он есть основа формирующейся в современном мире инновационной экономики. Уже более 20 лет Программа развития ООН публикует ежегодные доклады (индексы) о человеческом развитии в мире. Они стали хорошим инструментом межстрановых сопоставлений и практической политики. Тем самым богатство народов стали выражать не только уровнем ВВП или экономическим ростом, но и уровнем человеческого потенциала. С 1995 года Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) периодически публикует данные о ценностях человеческого капитала, входящих в нее стран. Появляются методы, позволяющие делать стоимостную оценку запасов человеческого капитала.

Таким образом, человеческий капитал – это отнюдь не виртуальное понятие, не метафора, а строгий научный термин, вошедший в арсенал современной экономической теории, подразумевающий «совокупность знаний, навыков, умения и способностей, воплощенную в людях и позволяющих им создавать личное, социальное и общественное благосостояние». Есть еще понятие «национального человеческого капитала» – это суммарный человеческий капитал страны, являющийся составной частью ее национального богатства. В экономической литературе, да и в практической (в частности в инвестиционной) политике основными факторами, влияющими на уровень человеческого капитала, называют образование, уровень и продолжительность жизни человека.

Попытаемся дать характеристику этих факторов в Казахстане. Как известно, в первые годы рыночных реформ произошло гигантское одномоментное обесценение человеческого капитала, накопленного в предыдущую эпоху. Многие ранее приобретенные профессии и специальности оказались тогда не востребованными, к тому же произошло резкое сжатие рынка труда. Россияне говорят, что по этим причинам в первые годы реформ до 40% населения сменили свои профессии, это произошло и в Казахстане. В последующем положение начало выправляться, за 1995–2011 годы Казахстан по ИЧР продвинулся на 25 мест и занимает 68-е место из 187 стран, опережая все страны СНГ, кроме Беларуси и России. Это прежде всего следствие тех положительных перемен, что произошли в сфере образования, являющейся ведущим фактором формирования человеческого капитала. Прежде всего, создание современной законодательной базы данной сферы, принятие двух государственных программ ее развития, строительство школ, детских дошкольных учреждений, введение наряду с массовым и элитарной модели образования в форме интеллектуальных школ, оснащение школ техническим и мультимедийным оборудованием, подключение их к Интернету, разработка целевой программы подготовки и переподготовки учителей. Нельзя сказать, что все они сегодня полностью реализованы, но они создали основу и необходимые предпосылки для обучения школьников в соответствии с современными требованиями. Вместе с тем нельзя не сказать о специфических для Казахстана проблемах, имеющих место в сфере среднего образования. Первая из них в том, что из 7 700 школ в Казахстане 4 000, или более половины, являются малокомплектными. Они, конечно, в условиях низкой плотности населения на нашей территории решают проблему охвата как можно больше детей начальным и средним образованием. С другой стороны, такой большой удельный вес малокомплектных школ представляется серьезным фактором, сдерживающим уровень образования, а следовательно, и рост человеческого капитала.

Малокомплектные школы находятся в большинстве своем в сельской местности, чаще всего вдали от районных центров. В них сейчас ежегодно обучаются до 400–450 тыс. учеников. А есть сельские местности, где вообще не имеется школ и осуществляется подвоз детей в школы, расположенные в других местах. Как показывают результаты ежегодного национального тестирования (ЕНТ), успеваемость учеников в таких малокомплектных школах существенно ниже, чем у полнокомплектных. В результате Казахстан вынужден ежегодно устанавливать квоты для сельской молодежи для поступления их в вузы на более льготных условиях, чем городские школьники.

Такая практика, с одной стороны, оказывает поддержку сельской молодежи для восхождения их на следующую ступень образования, с другой – консервирует отсталость уровня образования значительной части казахстанской молодежи и тянет вниз качество всей системы образования в стране, включая и высшее. Необходимо также сказать об особенностях ценностного восприятия населением сферы образования. Международным тест - центром в 2012 году был опубликован список 20 стран мира, где имеет место самое качественное образование. Первые 2 места в нем занимают Норвегия и Южная Корея, европейская и азиатская страны, в которых разные системы управления образованием. Но их объединяет одно, а именно высокая оценка норвежской и южнокорейской семьи ценности образования, и отсюда то внимание, которое они уделяют качественному обучению своих детей. Казахская, прежде всего казахская, семья также высоко оценивает ценности образования, но всего лишь высшего образования. Она готова лишиться себя многих благ, но найти необходимые средства для оплаты учебы собственных детей в высшей школе. Но при этом страдает другая сторона подготовки детей: школа под влиянием родителей готовит их только лишь для поступления в вузы, и отсюда страдают все другие стороны их подготовки к жизни.

Еще один пробел, влияющий на конкурентоспособность образования, это низкий охват детей дошкольными организациями. В настоящее время около 600 тыс. детей в возрасте 2 лет не охвачены дошкольным обучением и воспитанием. Между тем во многих развитых странах подавляющее большинство детей данного возраста (прежде всего 4–5-летних детей) охвачено дошкольным образованием. Есть расчеты, что 1 доллар, вложенный в дошкольное образование, дает прибыль в 7 долларов, это в 2 раза выше, чем прибыль от вложений в среднее образование и в 4 раза выше, чем в профессиональное. Результаты международных исследований, проведенных в Казахстане в 2007 и 2011 годах международной организацией TIMSS, показывают, что уровень качества и конкурентоспособности отечественного образования отнюдь не соответствует требованиям инновационной экономики, на формирование которой мы взяли курс. И это вызывает необходимость проведения серьезных мер по повышению качества отечественного образования.

За последние 20 лет сфера высшего образования Казахстана получила быстрое развитие. Тому способствовали несколько факторов. Во-первых, стремительный рост охвата молодежи третичным, прежде всего высшим образованием – это феномен, имеющий место в последние десятилетия практически во всем мире. Во-вторых, в подготовке специалистов с высшим образованием с переходом к рыночной экономике активно подключились частные вузы, что вместе с присущей казахстанской семье высокой оценкой ценности высшего образования обеспечило приток в эту сферу значительного числа молодежи. В-третьих, была принята специальная президентская программа

«Болашак» для подготовки специалистов высшей квалификации в зарубежных вузах. Согласно ей ежегодно в тамошних вузах обучаются до 3 000 казахстанских студентов.

Кроме того, ежегодно на платной основе за рубежом обучается более 20 тыс. казахстанской молодежи. В-четвертых, в условиях высокой молодежной безработицы (особенно в первые 10–12 лет реформ и серьезного упадка системы среднего профессионально-технического образования (она только сейчас начала возрождаться) невостребованная на рынке труда часть молодежи пошла в вузы, преследуя чисто утилитарные цели и рассчитывая повысить свои шансы на трудоустройство. В настоящее время 25,5% населения Казахстана в возрасте 25 лет и выше имеют высшее образование. По данному показателю мы занимаем срединное положение среди других стран, хотя его удельный вес составляет в Великобритании и Дании – 31,5%, Южной Корее – 31,6%, США – 38,6%, Канаде – 43,9%, Российской Федерации – 54,8%. В Казахстане на 10 000 населения приходится 374 студента, в Малайзии и Турции – 399 студентов, Швеции – 405 студентов, Дании – 409, Великобритании – 414, США – 633, Южной Корее – 665 студентов. Тенденция роста удельного веса лиц с высшим образованием будет и в дальнейшем иметь место в практике многих стран в связи с формированием общества знания и переходом на рельсы инновационной экономики. США, КНР, Российская Федерация, к примеру, к середине нынешнего столетия прогнозируют охват высшим образованием до 75–80% своего населения. Если по количественным показателям высшего образования Казахстан находится на 60-м месте в мировом индексе конкурентоспособности, то по его качеству занимает 101-е место среди 144 стран мира, а по инновационному потенциалу 90-е место. Существенно быстрый рост количества вузов и их студентов привел к обострению противоречий между количеством и качеством подготовки специалистов. Рост, не учитывающий ситуацию на рынке труда, привел к перепроизводству подготовки кадров по ряду специальностей.

Как видно из таблицы №1, львиную долю, 78,8% доходов высших образовательных учебных заведений Казахстана, составляла оплата студентов за свое обучение. В 2012 году из 572 тыс. студентов вузов республики 427 382, или 74,8%, обучались на платной основе. В Казахстане плата за обучение в расчете к ВВП на душу населения от 2,5 до 5 раз превышает эти показатели в других странах мира.

Таблица 1. Структура доходов высших образовательных заведений (%) в РК за 2007–2011 гг.*

Год	Государственные ресурсы	Плата за обучение
2007	16,1	83,9
2008	24,3	75,7
2009	22,8	77,2
2010	22,8	77,2
2011	19,9	80,1

*Среднее за 2007–2011 гг. 21,2 78,8

Таблица 2. Плата за обучение в процентах от общего дохода в различных странах.

Страна	Плата за обучение, в % к ВВП на душу населения
Австралия	10,5
Великобритания	14,6
Казахстан	55,8
Канада	10,9
Новая Зеландия	14,2
США	15,3
Финляндия	Нет оплаты
Южная Корея	20,5
Япония	8,1

Казахстан имеет один из самых низких уровней государственных расходов (0,2% ВВП) на высшее образование среди всех стран мира (США, Южная Корея – 2,6%, Россия – 1,8%). Сфера образования, в том числе высшего, продолжает рассматриваться как социальная сфера, где инвестиционная политика имеет место лишь в связи с решением той или иной проблемы (строительство больниц, школ и т. д.). Но подход к сфере образования как к основному фактору формирования человеческого капитала, который, в свою очередь, превращается в важнейший экономический ресурс развития, требует серьезного пересмотра инвестиционной политики страны в данной сфере. Решение задач казахстанского общества, выдвинутых Президентом страны в Стратегии «Казахстан-2050», прямо и непосредственно связано со сферой образования, с человеческим капиталом, с инвестиционными вложениями в эту сферу. Политика активной финансовой поддержки государства даст возможность успешного решения трех кардинальных задач, стоящих перед казахстанской высшей школой: вывести ее на новую качественную ступень, переформатировать вузы в исследовательские университеты и войти в мировое образовательное пространство на правах равноправного партнера. Эти задачи уже начали успешно решаться: создан Назарбаев Университет, вокруг которого формируется научно-инновационный кластер, идет оптимизация сети вузов, с каждым годом расширяется их сотрудничество с зарубежными и образовательными учреждениями. В республике начала реализовываться также программа, способная вывести учреждения начального и среднего профессионального образования из статуса так называемых социальных отстойников в кузницу подготовки кадров массовых профессий. В Казахстане на 10 тыс. населения приходится 39 врачей и 78 человек сестринского и акушерского персонала. По данному показателю республика находится на передовых позициях. За последние годы построено много современных больниц, поликлиник, серьезно реконструированы лечебно-профилактические учреждения, идет переподготовка врачей по современным методам лечения и работы с новейшими образцами медицинской техники и оборудования. Активно начала реализовываться политика здорового образа жизни. Все это положительно сказывается на состоянии здоровья нации, хотя по уровню продолжительности жизни мы еще не вышли на желаемый уровень. Если в первые 20 лет после обретения независимости такие страны, как Южная Корея, Малайзия, сумели увеличить продолжительность жизни населения на 10 и более лет, то рост данного показателя в Казахстане за 20 лет составил лишь 1,8 года. За последние годы этот показатель стал существенно улучшаться, сейчас население Казахстана ежегодно прибавляет по 0,5 года к средней продолжительности жизни. Кроме сферы здравоохранения необходимо указать еще на 2 фактора, серьезно влияющих на продолжительность жизни людей в стране. Это качество питьевой воды и состояние окружающей среды. Имея ввиду, что 80% болезней человеческого организма так или иначе связано с качеством питьевой воды, лет 10 назад была принята программа «Питьевые воды» (ныне программа «Ак булак»), в значительной части она уже реализована, а ее завершение существенно повлияет на улучшение здоровья людей. Сейчас же качеством воды удовлетворены немногим более 56% жителей страны. 23,5% населения Казахстана живут на деградированных землях, что также отрицательно сказывается на состоянии их здоровья. Казахстан – страна с обилием горно-добывающих предприятий, большого количества отвалов, страна, где преимущественно используются ископаемые, углеродные виды топлива. Все это вело и ведет к загрязнению окружающей среды. Лишь 62% населения страны удовлетворены качеством воздуха. С 2012 года в республике разворачивается

программа перехода на рельсы «зеленой экономики», строительства ветроэнергостанций, солнечных батарей, использования других альтернативных источников. Казахстан стал активно подключаться к международным программам по охране окружающей среды. В 2017 году в Астане будет открыта международная выставка «Энергия будущего»(ЭКСПО-2017). Все это даст положительные сдвиги состояния окружающей среды. Доходы домохозяйств, как уже говорилось, самый низкий показатель среди других, по которым рассчитывается ИЧР нашей республики. Хотя Казахстан является страной с впечатляющей динамикой роста доходов и уровня жизни населения. За последние 10 лет уровень номинальных денежных доходов в среднем на душу населения вырос в 5,3 раза, а доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась в 7,2 раза. За тот же период глубина бедности в стране сократилась в 13,5 раза и составляет 1,1%. За годы суверенитета Казахстан по ВВП на душу населения вышел на уровень среднеразвитых стран мира. Однако в данной области имеют место недостатки и перекосы. Прежде всего имеет место неравенство населения по доходам, феномен «бедности» все еще актуален для сельской местности и отдельных регионов республики. Неравенство доходов все еще остается основным вызовом. Есть еще проблема, влияющая на уровень дохода населения и состояние человеческого капитала. Это самозанятое население страны, составляющее довольно большой удельный вес – около 2,5 млн. человек. Значительная их часть находится на маргинальных позициях с низким уровнем образования, столь же низкой производительностью труда и уровнем дохода. Такое состояние самозанятых не может не сказаться на состоянии человеческого капитала, инновационного потенциала общества. В 2010 году в Казахстане в отношении этой категории населения была принята программа, предусматривающая переобучение, переподготовку около 1,5–2 млн. человек. Она позволила целенаправленно заниматься с населением, находящимся на нижних ступенях адаптации к новым, рыночным условиям, открыла возможность их участия в реализации государственных программ и увеличить их шансы на достойную оплату труда. Она создает реальные перспективы их социального продвижения, занятия ими более высоких ступеней общественного признания, и это не может не добавлять им и обществу в целом необходимой эмоциональной энергии. Сейчас в стране по инициативе Президента Н. Назарбаева началась реализация программы социальной модернизации, прежде всего выдвинутого им проекта «20 шагов к Обществу Всеобщего Труда». Эти меры способны существенно повысить состояние человеческого капитала в стране. Выше было отмечено, что на воспроизводство, накопление и использование человеческого капитала серьезное влияние оказывает качество институциональной среды в стране. За последние 10 лет происходит последовательное улучшение этой среды в Казахстане, по данному показателю Мировой Банк (Doing Business) отводит Казахстану высокое 49-е место из 184 стран мира. А в индексе мировой конкурентоспособности за 2012–2013 гг. Мировой экономический форум определяет Казахстан страной, где хорошо защищены права инвесторов, где лучше предоставляются государственные услуги для улучшения производственных показателей, где есть доверие общества к политикам, где эффективно действует корпоративный совет директоров. Но по многим показателям качества институтов мы еще находимся на нижних ступенях табеля о рангах. По скорости выдачи разрешения на строительную деятельность Казахстан занимает 156-е место в мире из-за необходимости множества согласований в различных инстанциях, на что уходят не дни, а месяцы, а иногда и годы. По этим же причинам Казахстан занимает незавидное место по индексу международной торговли, по

защите прав интеллектуальной собственности. По двум важнейшим институтам, во многом определяющим качество институциональной среды – защите прав собственности Казахстан занимает 77-е место, по судебной независимости – 94, по проявлению фаворитизма в решениях государственных чиновников – 91-е место. Они являются факторами, сдерживающими экономическое развитие, эффективное использование человеческого капитала. Ежегодно в Казахстане анализируются узкие места в действиях институтов рыночной экономики, отменяются или упрощаются различные процедуры и правила. Они способствуют в целом поступательному экономическому развитию страны, но все еще много административных барьеров и преград, мешающих эффективному использованию человеческого капитала. Рынок труда – это базовый элемент социальной сферы, призванный иметь механизм эффективной занятости населения. В Казахстане этот рынок прежде всего сориентирован на борьбу с безработицей. Здесь успехи налицо – по уровню безработицы Казахстан является одной из благополучных стран. Рост безработицы не допущен даже под негативным влиянием мирового экономического кризиса. Запущенная в 2009 году программа «Дорожная карта бизнеса» (которая, кстати, возобновляется в текущем году) позволила найти рабочие места для сокращенных из различных секторов экономики работников. Но у этой программы и вообще всей действующей системы борьбы с безработицей есть один существенный пробел, они ориентированы на поиск и создание рабочих мест, не обращая внимание на уровень квалификации рабочих мест. В результате стране много низкоквалифицированных рабочих мест, где трудно рассчитывать на достойную оплату и высокую производительность труда. Отсюда напрашивается необходимость перехода от политики борьбы с безработицей любыми мерами к политике обеспечения эффективной занятости рабочей силы страны. Это потребует гибкости, мобильности рынка, чего сейчас не хватает в стране. За 1995–2011 годы удельный вес экономически активного населения в стране возрос с 66,8% до 71,6%, среди них лиц с высшим образованием с 22,6% до 27,6%. Это положительные сдвиги, однако все еще имеет высокий удельный вес экономически неактивного населения (28,4%) и находится по данному показателю на худших позициях по сравнению с ФРГ (13%), Южной Кореей (16%), Великобританией (17%), Норвегией (19%), США (20%) и рядом других стран. Это также требует совершенствования политики вовлечения населения в рынок труда. Социальный и культурный капитал также справедливо относить к факторам, оказывающим влияние на состояние человеческого капитала в стране. С переходом на рыночную экономику определенной эрозии подвергаются традиционные ценности общества, возрастают ценности самовыражения, секулярно-рациональные ценности, что в определенной степени может оказать влияние на рост потенциала человека. Таким образом, мы рассмотрели основные факторы, оказывающие влияние на человеческий капитал, его состояние и развитие в Казахстане. Можно констатировать наличие хороших предпосылок для последовательного роста его уровня в стране. Казахстан принадлежит к группе стран с высоким средним ВВП на душу населения (12,5 тыс. долл.), а по индексу человеческого развития ПРООН в 2011 г. находится в числе стран с высоким уровнем человеческого развития (68-е место из 187 стран). Это позволяет использовать метод аналогии с расчетами, проведенными в ОЭСР, а они свидетельствуют, что запасы человеческого капитала в большинстве стран ОЭСР превышают объемы ВВП в 10–11 раз. Если взять за основу эти средние коэффициенты, то наши расчеты показывают нижеследующую картину.

Таблица – 3. Запасы человеческого капитала в Республике Казахстан.

Показатель роста	2007	2011	
ВВП (млн.тенге)	12 849 794,0	27 571 889,0	2,1 раза
ВВП (млн. долл.)	104 853,5	188 050,0	1,8 раза
Запасы ЧК	128 497 940,0	306 047 960,8	2,4 раза
Запасы ЧК	1 048 535,0	2 087 355,0	2,0 раза
Численность нас. (тыс. чел.)	15 571,5	16 675,4	107%
Запасы ЧК на душу нас	8,3	18,4	2,2 раза
Запасы ЧК на душу нас.	67,4	125,2	1,9 раза

Полученные данные дают возможность сравнить стоимостные параметры человеческого потенциала Казахстана с аналогичными показателями других стран. Этот потенциал в расчете на душу населения в целом соответствует сложившемуся уровню ряда стран, но заметен его низкий уровень по сравнению с развитыми странами и некоторыми государствами Центральной и Восточной Европы. В расчете на душу населения США имеют наибольший запас человеческого капитала 641 тыс. долл., уровень Польши составляет 38% от уровня США (244 тыс. долл.), Румынии – 12% (77 тыс. долл.), Казахстана – примерно 19,5% (125,2 тыс. долл.). И еще два знаменательных сравнения. ОЭСР в 2011 году проводила исследование потенциала конкурентоспособности стран Центральной Азии, где отмечается, что человеческий капитал в Центральной Азии является менее развитым, чем он должен и может быть развит для достижения целей повышения конкурентоспособности и роста производительности труда. Основными факторами, влияющими на рост запасов человеческого капитала, являются рост образовательного уровня населения и старение. Те страны, где эффект первого фактора преобладает над вторым, имеют положительную динамику запасов человеческого капитала.

Вопросы для обсуждения:

1. Что такое человеческий и национальный человеческий капитал?
2. Что означает обесценивание человеческого капитала?
3. Какова роль образования в формировании человеческого капитала?
4. Каковы особенности решения проблем качественного образования и повышения ценности образования в Казахстане?
5. Какова роль образования для перехода в инновационную экономику?
6. Какие кардинальные задачи решает поддержка высшего образования государством, с точки зрения автора?
7. Какие меры предпринимаются в Казахстане для поступательного развития экономики?

Шохиён Н.

Управление знаниями в аспекте достижения конкурентоспособности и самореализации специалиста новой формации.

Оценочные модули и потребности в специалистах новой формации в аспекте достижения конкурентоспособности страны.

Проводя анализ различных моделей инновационного развития Таджикистана и управления человеческими ресурсами по заданным целям и при этом, сформулируем базовый вопрос о том, что в каких специалистах новой формации нуждается Таджикистан в обозримом будущем, по раскрытию экономического потенциала. На наш взгляд, для достижения этих высоких стратегических целей было бы идеально, чтобы будущие выпускники вузов соответствовали следующим критериям.

Конкурентоспособные специалисты новой формации призванные обеспечить инновационное развитие каждой из отраслей экономики Таджикистана, включающие в себя выбор моделей управления, разработки и реализации развития человеческого ресурса и капитала, рациональный выбор моделей внешнеэкономических связей и отраслей экономики, умение работать в составе команды и реализовать идеи командообразующих методов достижения поставленных целей.

Призванные обеспечить достижение программных целей достижения конкурентных качеств и развития инфраструктуры каждой из отраслей экономики, предусматривающие: умение управлять знаниями и инновациями, своими знаниями, умениями и навыками обеспечить устойчивый рост инновационной экономики на основе реальной интегрированности экономики страны в условиях ВТО и участия в различных формах международного сотрудничества, призванные создавать интеллектуальные организации, уметь разрабатывать профессиональные программы для работников соответствующих структур и на конкурсной основе уметь подбирать персонал, разрабатывать для себя и работников, выполняющих различные функциональные обязанности по иерархии подчиненности, модель саморазвития и постоянного обучения для достижения конкурентоспособности; при реализации поставленных целей, уметь проявлять лидерские качества, иметь системное, вариативное, и альтернативное мышление, осознавать свою роль и ответственность в развитии Таджикистана, как патриота и важного субъекта интеллектуального потенциала страны.

«Я – конкурентоспособный, я могу, я верю в себя» Представьте себе возможный случай из жизни: Вы в составе 10-ти человек участвуете в конкурсе для трудоустройства в фирме по инновационным технологиям «Model+», и от Вас, кроме знания русского, таджикского и английского языков, опытного пользователя ПК, чтобы пройти 1-й тур конкурса, требуется еще решение следующей, на вид элементарной, задачи:

Два однокурсника хотят купить картридж для принтера. Первый студент говорит второму: «Если ты дашь мне $\frac{2}{3}$ твоих денег, то я один смогу заплатить его цену». Второй ему отвечает: «Дай мне $\frac{3}{4}$ твоих денег, тогда и я заплачу его цену». Сколько у каждого из них денег, если картридж стоит $24+i$ евро. i – произвольное число, определяемое для каждого кандидата индивидуально.

Понятие и сущность знаний в исторической и современной интерпретации

Одна из наиболее ранних классификаций знания принадлежит Аристотелю, который выделял следующие его виды:

- Episteme: знание, как теоретическое и универсальное (know-why, «знаю, почему»);

- Techne: знание, как технология деятельности, базирующееся на практике и конкретном контексте (know-how, «знаю, как»);

- Phronesis: знание, как норматив деятельности, базирующееся на жизненном опыте и конкретном контексте («практическая мудрость», здравый смысл).

- Современные классификации знания во многом базируются на подходе Лундвалла и Джонсона, которые знания характеризуют следующим образом:

- «знаю, что» (know-what) - знание о «фактах», которое очень близко к информации, хранится и передается как данные;

- «знаю, почему» (know-why) - знание о принципах и законах функционирования и развития природы, общества и познания. Именно этот тип знания очень важен для технологического развития многих наукоемких отраслей - химии, биотехнологии, электроники и др.;

- «знаю, как» (know-how) - данный тип знания относится к навыкам и умениям и играет важную роль в осуществлении практически всех видов деятельности – от тяжелых физических действий до бизнеса. Важность обмена полезными навыками и умениями подчеркивается как одна из основных причин активизации сотрудничества между организациями во всех сферах - от фирм до научных лабораторий;

- «знаю, кто» (know-who) - важность данного типа знания возрастает с ростом сложности производимых продуктов и используемых технологий, углублением междисциплинарного характера научных исследований. В подобной ситуации для эффективной работы необходимо четкое представление о том, какими знаниями и навыками владеет каждый сотрудник организации, и способность организовать «индивидуальные компетенции» в единую команду.

«Я – конкурентоспособный, я могу, я верю в себя»

Унсуралмаали Кайковус ибн Искандар ибн Кабус, родился в начале XI века. В Кабуснаме.

– И знай, что из всех способностей лучшая – дар речи. Творец наш, да прославится

он, из всех своих творений, лучше всех сотворил человека, и человек перед всеми остальными получил преимущества в виде 10-ти чувств в его теле – 5 внутри и 5 – снаружи.

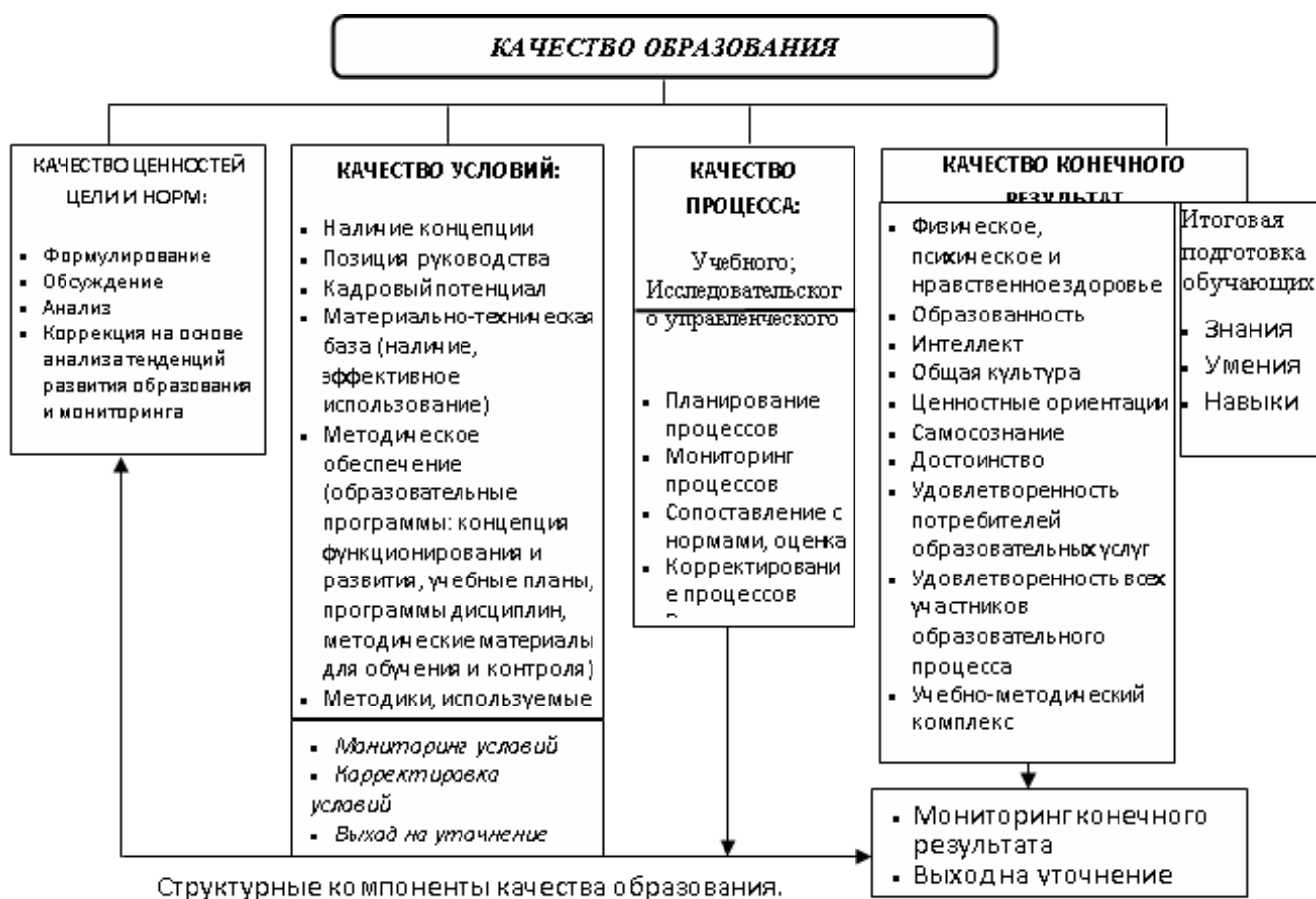
5 – скрытых, такие как: мышление, память, воображение, различение и речь и 5 – явных: слух, зрение, обоняние, вкус, и осязание. Из всех этих чувств то, что есть у других нет такого как у человека. По этой причине человек – царь и повелитель над другими животными.

Внутренний потенциал «Я» в аспекте развития конкурентоспособности интеллекта и творческого саморазвития

На основе работ М. Поланьи, Нонаки и Такеучи можно выделить еще одну, крайне важную в настоящее время классификацию знания – принадлежащее одному индивидууму (личностное, персональное, индивидуальное) и принадлежащее группе лиц (коллективное, организационное, разделенное). Поланьи и большинство исследователей, придерживающихся западной эпистемологии, делают упор, прежде всего на индивидуальное знание, на творческие и познавательные способности отдельной личности. По мнению же Нонаки и Такеучи, «японские компании функционируют настолько успешно благодаря своим навыкам и опыту создания организационного знания. Под этим термином мы понимаем способность компании как единого целого создавать новое знание, распространять его по всей организации и воплощать в продукции, услугах и системах».

Структурные компоненты качества образования

Дополнительная литература: Шохиён Нурали Набот. Эффективное управление инновациями как системный показатель достижения карьерного роста и конкурентоспособности личности. Дангара-2018

Вопросы для обсуждения:

1. Что такое быть конкурентоспособным специалистом и уметь самореализоваться в новой формации?
2. Какие качества делают специалиста конкурентоспособным?
3. Какие качества человека способствуют его самореализации?
4. Что означает девиз: Я конкурентоспособный, я могу, я верю себе Что такое знание?
5. Какие виды знания выделял древнегреческий философ Аристотель?
6. По какой причине человек- царь и повелитель над другими животными?
7. Индивидуальные и коллективные знания, их место и роль в западном и восточном видениях.

АВТОРЫ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ

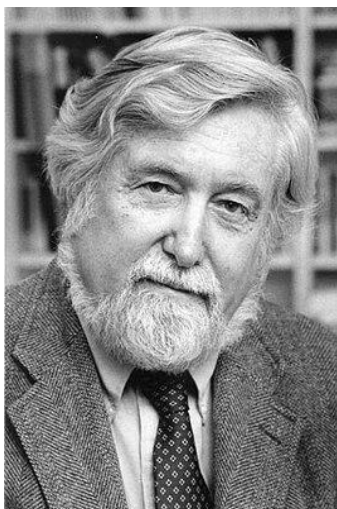
Ислам и национальные традиции

Алымбаев Абдрахман Мырзагулович, кандидат исторических наук, докторант, в 1986-году окончил исторический факультет Кыргызского Государственного Университета им. Ж.Баласагына (Бишкек), в 1989-1991 годах - слушатель Института Политологии и Управления (Алматы), работал учителем по истории в школе, редактором в Главлите, в аппаратах Жогорку Кенеша и Правительства Кыргызской Республики (КР), в 2009-2011 гг. был избран Председателем Союза писателей КР, с 2012-года - преподаватель КГУ им. И. Арабаева, член Союза писателей и Союза журналистов Кыргызской

Республики, с 2000 по 2005 года - разработчик учебных курсов ПАХЧ. Автор более 40 научных статей, более 20 литературных публикаций, переводы: «Билгамеш» – эпос шумерского народа (2016), с русского на кыргызский язык; «Шахнаме Фирдоуси» - эпос таджико-персидских народов (2016).

Ритуал и социальные изменения - яванский пример

Клиффорд Гирц, ведущий специалист в области антропологии, родился в Сан-Франциско (Калифорния, США). Образование получил в Огайо и Массачусетсе (США). Свои этнографические сведения ученый собирал на островах Ява, Бали, Селебес, Суматра, в Марокко. Внес значительный вклад в теорию культуры, изучая жизнь людей, их взаимоотношения на различных социальных уровнях, исследуя то, как жили люди в различных ареалах и в разнообразной обстановке. Он автор не одного десятка книг и статей, обладатель многочисленных наград и почетных званий. В последние годы своей жизни профессор Гирц работал в Школе общественных наук в Принстоне (Нью-Джерси, США).

Предлагаемый вашему вниманию отрывок взят из работы К. Гирца «Интерпретация культур» (1973 г.).

Традиционная культура казахского этноса

Кабульдинов Зиябек Ермуханович, директор Института истории и этнологии имени Ч. Валиханова Национальной Академии Наук Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории Казахстана» Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. В 2003 год защитил докторскую диссертацию по проблемам формирования казахской диаспоры на территории Российской империи «Казахи внутренних губерний Российской империи во второй половине XVIII-начале XX веков». Автор более 500 научных, научно-популярных и публицистических статей, монографий и нескольких учебных пособий: «История Казахстана» 8 класс.

Профессор З.Е. Кабульдинов получил звание «Лучший преподаватель вуза Республики Казахстан» 2007 г., 2010 г. «Лучший декан ЕНУ им. Л.Н. Гумилева», 2019 г. награжден медалью МОН РК «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан».

Совместно с Уалтаевой А.С. апробировал в рамках магистерской программы, для специальностей «История», «Этнология», «Музееведение», «Архивная работа» учебный курс «Картина мира Центральной Азии: история и современность».

Уалтаева Алтын Слямкайдаровна, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Валиханова, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, академик МАИН, руководитель Центра подготовки магистрантов и докторантов по совместной образовательной программе между КазНУ им. аль-Фараби и 10 научно-исследовательскими институтами Академии наук Республики Казахстан. Автор 3 монографий, 4 статей в журналах, индексируемых в базе данных Scopus, более 60 научных статей, рекомендованных ККСОН и международных конференциях, научный руководитель 3 магистерских и одной докторской диссертаций. Прошла научную стажировку в МГУ им. М.В. Ломоносова, Шотландском университете им.

Гордона. «Заслуженный работник науки и образования РФ», награждена орденом «Лучший среди равных», юбилейной медалью КазНУ им. аль-Фараби, за 2017-2018 гг. стала обладателем научной стипендии КН МОН РК, 2019 году награждена Грамотой МОН РК за вклад в развитие науки.

Этнографические традиционные практики в современной Центральной Азии (на примере Таджикистана)

Зухра Мадамиджанова более 40 лет занимается исследованиями в области истории, материальной культуры, этнографии таджиков, этнополитики. Основным предметом ее исследований является история и культура национальных меньшинств, проживающих в Таджикистане. Долгое время работала в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. В 1990–91 годах стажировалась в Москве, в Институте этнографии им. М. Маклая, в 1994 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Арабы Южного Таджикистана». С 1995 по 2012 год работала в Центре стратегических исследований при президенте РТ начальником управления политических и этнополитических процессов в РТ, одновременно была заведомом этнографии Института

истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ.

З. Мадамиджанова – исследователь-преподаватель, независимый эксперт и консультант международных неправительственных и научноисследовательских организаций, занимающихся содействием построению гражданского общества, развитию образования и разрешению конфликтов в Средней Азии. С 2003 года является национальным экспертом Комиссии по правам ребенка при правительстве РТ, принимала участие в написании нескольких государственных отчетов о ситуации с соблюдением прав ребенка в РТ. Участница многих международных конференций, проходивших в России, Америке, Германии, Южной Корее и других странах. Автор и редактор 5 книг по истории и этнографии на русском языке и более 40 статей на русском, английском, немецком, польском языках.

Юсуфбекова Зинатмо, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института Истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. Закончила в 1972 г. исторический факультет Таджикского Государственного Университета им. В.И. Ленина. Прошла стажировку и целевую аспирантуру в Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Ан СССР. В 1987 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Семья и семейный быт шугнанцев» в г. Санкт – Петербурге.

Научные интересы Юсуфбековой З. связаны с изучением этнографических и историко-культурных проблем таджикского народа, опубликовано более 70 научных статей, монография и 4 книги в соавторстве.

Традиционная культура кыргызского этноса и этническая идентичность

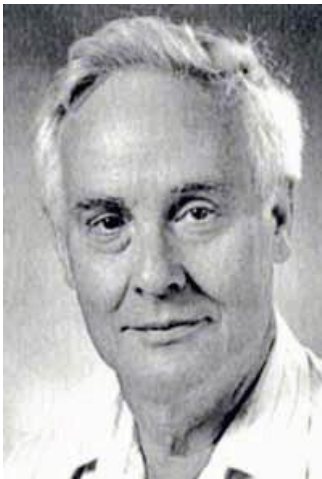

Асанканов Абылабек Асанканович, директор Института истории и культурного наследия НАН Кыргызской Республики с ноября 2017 года. Член-корреспондент НАКР, доктор исторических наук, профессор. В 1977 году закончил Кыргызский Государственный Университет, исторический факультет по специальности «Преподаватель истории и обществоведения», в 1983 году окончил аспирантуру, в 1991-1992 году докторантуру Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в Москве.

Работал Директором Мониторингового центра при ГАМСУМО (2014 -2016), профессор КНУ им. Ж.Баласагына, КГУ и им. И. Арабаева. Автор более 10 монографий, учебников, учебных пособий, около 200 научных статей, посвященные этнологии и антропологии народов Кыргызстана.

Научные стажировки прошел в Миннесоте, читал лекции в Париже (2005), участвовал в международных этнологических экспедициях в Южной Сибири, Горном Алтае, Синьцзяне, участвовал в международных конференциях в Нью-Йорке, Нью-Дели, Халли (Германия), России, Кавказе, Украине, Казахстане, Узбекистане, Турции, Болгарии, Франции, Китае.

Последняя волна

Бенедикт Ричард О'Горман Андерсон, ведущий ученый по проблемам национализма, родился в г. Канминге (Китай), вырос в Калифорнии, где его отец работал в Морском таможенном управлении. Образование получил в Англии – по специальности классическая литература, и в США – по специальности народы Азии. В 1960-е годы прошлого столетия, проводя научную работу в г. Джакарте, ученый подверг критике правительство Индонезии, в результате чего ему запретили жить на острове, и он переехал в Таиланд. Профессор Б.Р. Андерсон читал лекции в Колумбийском университете и возглавлял Программу по изучению современной Индонезии.

Изобретение традиций

Эрик Джон Эрнест Хобсбаум, британский историк-марксист, наиболее известный работами о «Долгом XIX веке», теоретик и критик националист. Родился в семье австрийских евреев, которые неудачно пытались заниматься бизнесом в Египте.

Эрик Хобсбаум – один из самых известных историков и политических мыслителей современности. Его работа «Нации и национализм после 1780 года» является одной из самых актуальных и популярных на пост советском пространстве на протяжении 1990-х годов (Хобсбаум Э., 1998). Его концепция наций и национализма является одной из самых ярких в современной науке и, безусловно, одной из самых талантливых. Есть одно, но очень важное отличие работы Хобсбаума от других работ на эту тему, например, работ английского социолога и социального антрополога Э. Геллнера. речь идет о том, что Хобсбаум принципиально не историчен, например, он ни разу не говорит о том, когда появляются европейские нации. В то же время в сравнении с концепцией Геллнера, концепция Хобсбаума более конкретна. Книга содержит сравнительное изучение наций и национализма.

Ценности, идентичности и проблема модернизации стран Центральной Азии

Есенгараев Есет Жемисбекович, родился 6 апреля 1960 года в городе Чарске, Восточно-Казахстанской области. Закончил исторический факультет КарГУ им. Е.А. Букетова и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат исторических наук, работает в сфере социологии и политологии. Научные интересы связаны с проблемами модернизации, эволюции институтов. Имеет большой опыт в преподавательской деятельности в сфере высшего образования и консалтинговых услуг по проблемам социально- политических технологий.

Публиковался в научных изданиях Казахстана и России, а также в различных СМИ Казахстана по общественно-политическим вопросам.

Особенности становления дискурсивных практик формирования таджикской национальной идентичности в современном Таджикистане

Шозимов Пулат Давронович в 1993 году защитил диссертацию на тему «Историзм культуры и историческое самосознание: логико-методологический аспект» в Институте философии Академии наук Республики Казахстан и получил степень кандидата философских наук. В 2006 году он защитил диссертацию на тему «Национальная идентичность и государственное строительство в Таджикистане» в Институте философии Академии наук Республики Таджикистан и получил степень доктора философских наук. В 2013 г. П. Шозимов получил ученое звание профессора по специальности «Социальная философия». Пулат Шозимов является автором монографии «Таджикская идентичность и

государственное строительство в Таджикистане» и одним из редакторов книги «Ферганская долина: сердце Центральной Азии» (на англ. яз.), которая вышла в США в 2011 году. Он является автором свыше 70 научных статей, опубликованных как в национальных, так и в международных научных изданиях. В 2005 году Шозимов был стипендиатом программы Фулбрайта в Институте Центральной Азии и Кавказа при Высшей школе международных исследований им. Пола Нитце в Университете Джонса Хопкинса в Вашингтоне, США. Он был также приглашенным ученым в Институте Ватсона Браунского университета в 2001 году, приглашенным ученым в Католическом университете Америки в 2008 году. В 2013 г. П. Шозимов был стипендиатом Академической программы DAAD в Боннском университете (Германия), на факультете теологии и философии.

В настоящее время Шозимов в качестве исполняющего обязанности директора Проекта Ага Хана «Человековедение» Университета Центральной Азии (ПАХЧ\УЦА) руководит комплексной программой по интерактивному научно- образовательному процессу и педагогическим методикам, реализуемой в университетах партнерах ПАХЧ\УЦА в Таджикистане, Кыргызской Республике и Казахстане.

Эволюция похоронных обрядов кыргызского народа

Мокеев Анварбек Мокеевич в 1990 г. Мокеев Анварбек защитил докторскую диссертацию на тему: «Этапы этнической истории кыргызского народа в IX- XVIII вв.». С 2011 по 2012 года работал Чрезвычайным и полномочным послом Кыргызской Республики в Республике Узбекистан. С 2012 года по настоящее время является проректором Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызстан).

В 2005 году стал стипендиатом Международного Фонда У. Фулбрайта и в течение 2005-2006 учебного года прошел стажировку в Центре Тюркологических исследований Висконсинского университета (Мэдисон, США), где подготовил научный проект на тему: «Клановая политика в Кыргызстане. История и современность». После возвращения из США работал профессором Отделения истории Кыргызско-Турецкого университета «Манас».

Мокеев А.М. является автором 3 монографий, составителем и ответственным редактором книг: «Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана» на русском и кыргызском языках (2002-2003 гг.); «Тюркская цивилизация и традиции государственности» (2004). Им опубликовано более 100 научных статей на кыргызском, русском, турецком, персидском, английском, французском языках, вышедших в Кыргызстане, России, Турции, США, Германии и Франции.

Природа в культуре и природа культуры

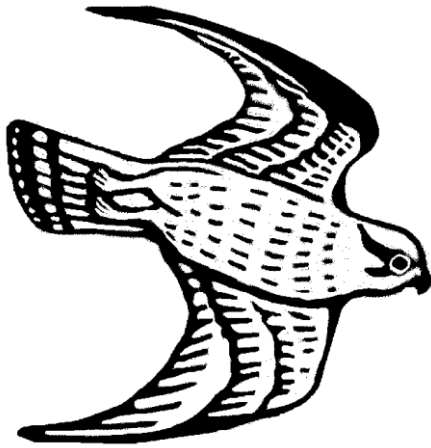
Шукуров Эмиль Джапарович, известный ученый, профессор, доктор географических наук (1992), кандидат биологических наук (1968), заслуженный деятель науки КР (2002). Имеет более 300 научных публикаций. В разное время являлся членом республиканского общества охраны природы, общественной группы при Верховном Совете КиргССР, членом научно-технического совета при Комитете охраны природы КиргССР, экологического совета при горкенеше г. Бишкек. С 2000 г. Шукуров работал в экологических проектах, таких как Стратегия и план действий по сохранению биоразнообразия Кыргызстана, Центральноазиатский трансграничный проект по сохранению биологического разнообразия Западного Тянь-

Шаня (2000-2006), в проектах Всемирного Банка, ГЭФ, ПРООН, Международного Союза Охраны природы, Фонда Сороса, Фонда Кристенсен, Всемирного Фонда Дикой Природы, Флора Фауна Интернешенал (FFI), Международное общество охраны природы (МСОП/IUCN) и др.

Шукуров Эмиль Джапарович являлся организатором первого в Кыргызстане в постсоветский период экологического НПО Экологическое Движение Кыргызстана «Алейне» в 1992 г., в котором работал председателем. Принимал участие в создании Атласа Киргизской ССР, т. 1, М., 1987 г., и являлся редактором 2-х разделов, автором и редактором 18 карт, автор «Зоогеографической карты Киргизии». Принимал активное

участие в сохранении биоразнообразия, редких и исчезающих видов Кыргызстана. Он был редактор отдела и автор статей Первого издания Красной книги Кыргызстана, (1985) и главный редактор 2-го издания, 2007.

В память об известном ученом Шукурове Эмиль Джапаровиче публикуем его последние рисунки:

Сокол

Зеленая Экономика

ГОЛОВА:
 - Что делать?! Пока мысли доходят до хвоста, они теряют свежесть и становятся слишком примитивными! Каждый раз придумываешь много нового, а хвост пишет одно и то же - и давно протухшее!

ХВОСТ:
 - Слишком свежие мысли не готовы к употреблению и усвоению! Их следует привести к состоянию всеобщего понимания и усвоения! Их следует полностью переварить - и тогда они смогут создать продуктивную среду! Главное - не мозг, а желудок!

ДраконХвост

- Ты не только мелкий, но и глупый! Додумался мне, дракону, приказывать соблюдать твои интересы! Да они в тысячу раз мельче моих! Я их даже не вижу и видеть не хочу!

ДракоЭко

- Мы не можем дать ему слово, потому что полноценное право имеют лишь головы, растущие на шее, но не на хвосте!
- Правильно! Не давайте ему ничего! Он в хвосте нашего движения вперед!

ДраконХвост

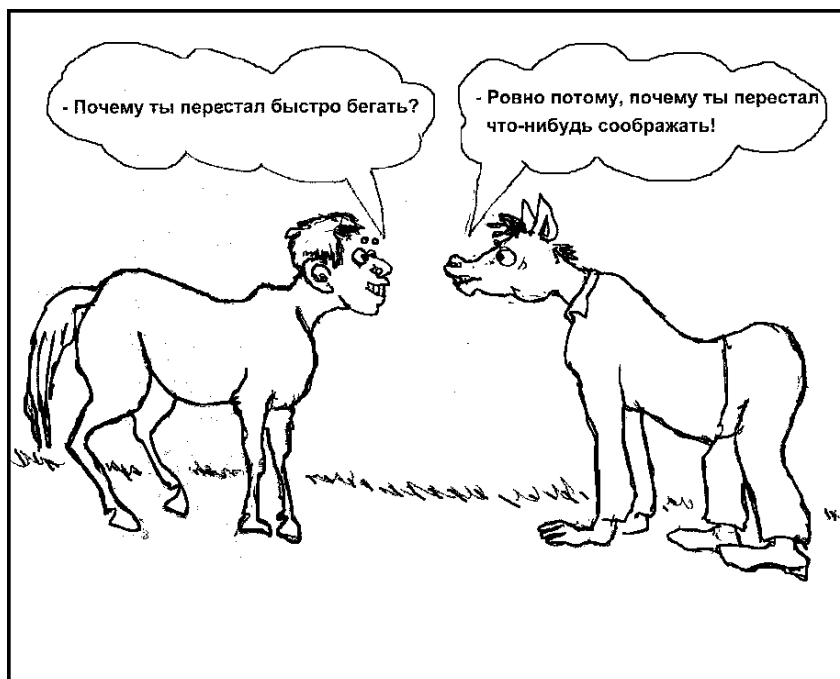

- Согласно стратегическому подходу - не смей жрать сразу всю овцу!
Следует оставить для устойчивого воспроизводства нетронутой ее заднюю часть!

ВолкиОвца

ОбразБезГолов

ЧелЛошадь

Влияние природного ландшафта на формирование и сохранение особых культурных и духовных ценностей человека

Яценко Роман Васильевич, известный ученый из республики Казахстан, доктор биологических наук, профессор. Работает заведующим кафедрой ЮНЕСКО по устойчивому развитию Казахского Национального университета им. Аль-Фараби; председатель Казахстанского национального комитета программы ЮНЕСКО «Человек и Биосфера» (МАБ ЮНЕСКО); вице-президент МАБ ЮНЕСКО по Азии; член Национальной комиссии РК по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО; президент Научного общества «Тетис»; главный редактор научного журнала «Tethys Entomological Research»; основатель нескольких серийных изданий «Тетис» по зоологии и охране природы. Является членом нескольких

научных обществ: Society for Conservation Biology (с 2003), Украинское Энтомологическое Общество (с 2003), Американское Энтомологическое Общество (с 1997), Научное общество Тетис (с 1997) и др.

С 2018 г. является директором Института зоологии КН МОН РК. Его перу принадлежит более 140 научных работ, в том числе монографии «Насекомые вредители тамариска в Юго-Восточном Казахстане» (2007), «Заповедники Средней Азии и Казахстана» (2006), «Удивительный мир беспозвоночных» (2005) и др. В сферу его научных интересов входит систематика, фауна, образ жизни и зоогеография червецов и щитовок (Homoptera, Coccoidea); экология; зоология; энтомология; популяционная биология; биологический контроль вредных растений; зоологическая лингвистика; естественные красители; сохранение биоразнообразия; теория и практика по особо охраняемым природным территориям; красная книга.

Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года (НСР-2030): стратегические ориентиры, подходы и направления реализации

Саидмуродов Лютфилло Хабибуллоевич, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Таджикистан, академик Инженерной Академии Таджикистана и Международной Инженерной Академии, Таджикистан. С 2015 г. – по настоящее время является Директором Института экономики и демографии АН РТ. С 2015 по 2016 гг. являлся руководителем группы международных и национальных экспертов по подготовке «Стратегии Национального Развития Республики Таджикистан на период до 2030 год» и «Программы среднесрочного развития Республики Таджикистан на период 2016- 2020 гг.». С 2013-2015 гг.

работал Председателем комитета по науке, образованию, культуре и молодежной политике Парламента Республики Таджикистан. В 1998-2006 гг. был деканом экономического факультета налогово-правового института (Институт экономики) Республики Таджикистан. Также являлся Региональным Директором по Таджикистану проекта по реформированию бизнес и экономического образования (EDNET).

Автор более 160 научных работ, в том числе монографий и учебников. Имеет медаль «За заслуги» (2004), «Отличник народного образования» (2001), а также «Почетная Грамота» Межпарламентской Ассамблеи государств членов СНГ (2012), «Почетная Грамота» Парламента Республики Таджикистан (2012, 2015)

Устойчивое развитие и деградация горных экосистем

Мухаббатов Холназар Мухаббатович, родился 25 мая 1946 года в Гармском районе Таджикской ССР. Окончил естественно-географический факультет Душанбинского государственного педагогического института имени Т. Г. Шевченко (1961). Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности «развитие и размещение производительных сил» (АН Таджикской ССР, 1976), а в 1999 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук по специальности «экономическая, социальная и политическая география» (Институт географии РАН).

Работал старшим научным сотрудником, завсектором минерально-сырьевых ресурсов, завотделом географии и экологии при Президиуме АН Таджикской ССР (1977–2002), завотделом региональной экономики Института экономических исследований при Министерстве экономического развития и торговли РТ (2002– 2009), заведующим кафедрой туризма и методики преподавания географии Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни. (2009– 2015).

В настоящее время является президентом Географического сообщества Таджикистана, зав.отделом географии при Президиуме АН РТ и по совместительству работает профессором географического факультета Таджикского госпедуниверситета

имени С.Айни. Автор более 300 научных, научно-методических работ, в том числе 14 монографий.

Кабутов Курбонджон – кандидат технических наук, руководитель Центра исследования и использования возобновляемых источников энергии (ЦИИВИЭ) при Физико-техническом институте АН РТ, автор более 100 научных работ в области технологии полупроводников и материалов электронной техники, включая исследования полупроводниковых лазеров, светодиодов и фотоэлементов. В настоящее время занимается исследованием и разработкой устройств преобразования солнечной энергии в тепло и/или электричество. Является руководителем НИР в области возобновляемой энергетики. Преподает технические предметы в вузах Республики Таджикистан. Является экспертом и консультантом в международных эколого-энергетических проектах.

Управление в лесном секторе: от эксплуатации до охраны.

Домашов Илья Анатольевич, с 2003 года старший преподаватель кафедры биоэкологии биологического факультета Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына, соискатель научной степени кандидата биологических наук, занимается разработкой и преподаванием специальных курсов по темам устойчивого природопользования, прикладной экологии, экологической картографии, охраны окружающей среды.

В течение ряда лет Домашов И. участвует в экологической экспертизе планов развития инженерной инфраструктуры и городских территорий, включая Комплексную оценку экологических проблем г. Бишкека (2005 г.); Экологическую оценку рек в пределах строительства участка дороги Долон – Ак Бейит (2008 г.); Экологическую оценку водотоков рек Нарын и притоков (2009 г.), реки Аламедин (2009 г.), Большого Чуйского Канала (2010 г), береговой линии озера Иссык-куль (2009 г.). В настоящее время активно участвует в подготовке местных планов действий по охране окружающей среды (LEAP) для районов г. Бишкек в рамках проекта при финансовой поддержке ЕС.

Размышление бывшей марксистки.

Лайлиева Эрмека Джумакановна, доцент, кандидат экономических наук. В разное время работала заведующей кафедрой, директором Центра человеческих ресурсов, замдиректора по академической деятельности Центра непрерывного образования и повышения квалификации, координатором УШОС и сетевых университетов СНГ, проректором по научной работе КНУ им Ж.Баласагына.

В 1993 году Эрмека Джумакановна прошла повышение квалификации в Институте экономического развития Мирового банка (г. Вашингтон, США), через три года окончила продвинутое курсы по экономике в этом же Институте экономического развития Мирового банка (г. Вашингтон, США). В университете им. Пьера Мендес Франс (г. Гренобль, Франция) прошла преподавательскую стажировку в 1996, 1997, 2000 гг.

Лайлиева Э.Дж. награждена Почетной грамотой МОиН КР (2003), Отличник образования КР (2006), Почетной грамотой Администрации Президента КР (2008).

В настоящее время Эрмека Джумакановна руководитель программы «PhD» КНУ им. Ж. Баласагына.

Связь экономики с системой ценностей

Ахмед-Заки Дархан Жумаканович, известный ученый Республики Казахстан, к.ф.-м.н. (2007), доктор технических наук (2010). Автор более 100 научных работ, опубликованных в журналах дальнего зарубежья и РК.

Научные исследования относятся к теории верификации программ и организации распределенных и параллельных вычислений, системы искусственного интеллекта модернизации системы высшего образования. С 2004 г. заведующий лабораторией, ответственный исполнитель, научный руководитель более 20 научных проектов по линии МОН РК и хоздоговорных работ, осуществляемых в лаборатории «Компьютерных наук» НИИ Механики и математики при КазНУ им. аль-Фараби.

Соавтор 3 авторских свидетельств в области разработки инновационного программного обеспечения. Прошел стажировку в Институте гидродинамики СО РАН (Россия, 2005,2007), в AGH University (Польша 2007), в Берлинском техническом институте (Берлин, Германия, 2011), в Венском техническом университете (Вена, Австрия, 2011), в Открытом университете Великобритании (Лондон, Великобритания, 2012), в Венском университете (Вена, Австрия, 2013), в Университете Барселоны (Барселона, Испания 2015), в Университете Гонконга (Гонконг, КНР, 2016), в Совете Европы, департамент по образованию (Страсбург, Франция, 2016), в ЕС, Агентство по образованию (Брюссель, Бельгия 2015,2017)

Был награжден государственной научной стипендией для ученых и специалистов, внесших выдающийся вклад в развитие науки и техники (или талантливых молодых ученых) 2006 г., Лучший преподаватель -2015 г. С 2017 Президент Университета международного бизнеса

Маулышариф Мира, кандидат социологических наук, доцент Академии государственного управления при Президенте РК. Участвовала в следующих международных проектах: Международный проект (Магдебург, Магдебургский ун-т; Алматы, КазНУ; Астана, ЕНУ; Бишкек, АУЦА) «Livelihoods Strategies of Private Households in Central Asia. A Rural-Urban Comparison in Kazakhstan and Kyrgyzstan», 2011-2012, участник. Проект МОН РК «Корпоративная культура высшего учебного заведения как фактор повышения его конкурентоспособности», ВНС, 2012-2014 Проект МОН РК «Интеллектуальный капитал молодежи как стратегический ресурс инновационного развития общества», руководитель, 2012-2014 Проект МОН РК «Социальная

ответственность высших учебных заведений и оценка ее эффективности», ВНС, ответственный исполнитель.

Имеет свыше 47 научных публикаций, в том числе, в научных изданиях БД SCOPUS и Web of Science; в изданиях, включенных в перечень ККСОН; в научных изданиях других стран. Награждена Почетной грамотой МОН РК, обладатель «Лучший преподаватель вуза 2015 года» МОН РК Медаль к 80-летию КазНУ имени аль-Фараби.

Первоочередные задачи экономической политики

Джаманкулов Болот Сапарович, кандидат экономических наук, работает заведующим отделом в Институте экономики Национальной Академии наук КР, закончил Московский институт управления (1976), Институт экономики Академии наук Кыргызской Республики (1979), проработал в различных структурах, в том числе, банки, компании, был Первым заместителем министра Министерства внешней торговли и промышленности (1998), Директором Агентства по ликвидации и реорганизации предприятий (1997), Вице-Президентом Союза производителей и предпринимателей Кыргызстана (1994), заведующим сектором методологии Национального банка (1993). Имеет опыт зарубежной работы в

Монголии, участвовал в миссии Всемирного банка по реструктуризация финансового сектора и предприятий (май-сентябрь 1996).

Будучи заместителем министра Джаманкулов Б.С., занимался разработкой и реализацией промышленной политики с упором на развитие малого и среднего бизнеса, создание благоприятных условий для внешней торговли и привлечения иностранных инвестиций, связи с экспертами международных финансовых учреждений, иностранными бизнесменами и правительственными структурами. Работая в Агентстве по ликвидации и реорганизации предприятий, которое было учреждено для выполнения программы Всемирного банка «Приватизация и перестройка сектора государственных предприятий» (PESAC), разработал программу реструктуризации крупных предприятий, и ликвидации их нежизнеспособной части. Успешно реализовал программу реструктуризации 19 предприятий, осуществил управление фондами в 60

миллионов долларов, определял и продвигал привлекательные для инвесторов проекты.

У Джаманкулова Б.С. более 50 публикаций по проблемам экономики республики, в частности, проблемы диссонанса национального и экономического роста, развития сельских территорий и промышленности, стратегии развития страны. В числе которых, монографии: «Социально-экономическое развитие села», Фрунзе «Илим», 1985 г., «Экономический прогресс и национальное развитие», Бишкек, 2014 г., «Промышленная политика суверенного Кыргызстана», 2017 г.

Человеческий капитал и факторы его роста

Сагадиев Кенжегали Абенович после окончания аспирантуры Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1963-1966) защитил кандидатскую диссертацию, докторскую по теме «Проблемы повышения экономической эффективности материально-технического снабжения (теория, методология и пути повышения)» защитил в 1977 г., звание профессора присвоено в 1978 г.

Сагадиев К.А. является заслуженным деятелем науки и техники Республики Казахстан, Академиком НАН РК (1994), членом/академиком Нью-Йоркской академии наук (1996), академиком АН ВШ Республики Казахстан и МАН ВШ (1996), членом Пакистанской академии наук (1998).

Сагадиев К.А. возглавлял 5 крупных высших учебных заведений Казахстана: ректором Целиноградского сельскохозяйственного института (1982-1990 гг.); проректором (1972-1982 гг.), ректором (1992-1994 гг.) Казахского экономического университета им. Т.Рыскулова; ректором Казахского национального аграрного университета (1996-2001 гг.); Университета международного бизнеса (2001-2004 гг.).

Избирался главным ученым – секретарем (1990-1992гг.) и Президентом Национальной академии наук (1994-1996 гг.), Председателем Совета директоров Национального агентства по технологическому развитию (2012-2014гг.). Депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан третьего (2004-2007 гг.) и четвертого (2007-2011 гг.) созывов, был председателем его Комитета по финансам и бюджету (2004-2007 гг.).

Академик Сагадиев К.А. сформировал свою научную школу, автор более 445 научных работ, в т.ч. 20 монографий и учебников. Широко известны его публикации на страницах республиканских газет и журналов.

Последняя должность: Президент АО «Международный университет информационных технологий», Почетный Президент Университета Международного Бизнеса.

Управление знаниями в аспекте достижения

Шохиён Нурали Набот (Шоев Нурали Наботович) в 1981 году закончил Киевский инженерно-строительный университет (г. Киев, Украина), а в 1982 защитил кандидатскую диссертацию при Киевском инженерно-строительном университете. С 1990-2016 гг. работал в Технологическом университете Таджикистана (первоначально Таджикский высший технологический колледж) в должностях декана факультета, заведующего кафедрой, проректора по учебной и воспитательной работе, проректора по научной работе, а с 2008-2016 гг. ректором Технологического университета Таджикистана. С июля 2016 г. Постановлением Республики Таджикистан назначен ректором Дангаринского государственного университета. В 2007 году при РГПУ им.

Герцена защитил докторскую диссертацию по направлению 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования. Шоев Н.Н. является Лауреатом Всесоюзной олимпиады по физике (г. Москва, 1978), обладателем Диплома второй степени конкурса за лучшие студенческие научные работы (г. Киев, Украина, 1981 г.), а также Лауреатом Премии Президента Республика Таджикистан в области образования (2008 г.), заслуженным работником Республики Таджикистан.

Более 200 научных исследований Шоева Н.Н. посвящены проблемам в области профессионального образования, педагогики успеха, конкурентологии и саморазвития личности, на основе которых им были опубликованы серии публикаций, учебников и монографий.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
на Аналитический отчет по апробации Курса Проекта Ага Хана
«Человековедение» Университета Центральной Азии
«КАРТИНА МИРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
на магистерской программе

Института истории и этнологии имени Ч.Валиханова НАН РК

Апробация Курса ПАХЧ «Картина мира Центральной Азии: история и современность» на магистерской программе Института истории и этнологии имени Ч. Валиханова НАН РК проводилась в период 2018-2019 учебного года с 18 января 2019 года.

Структура представленного отчета включает все материалы, изученные в период апробации, представляет логическую последовательность всех модулей Курса: история\ традиции, экология, экономика, технологию кросс-дебатного формата аргументированного письма.

Отчет включает следующие главы: введение; обоснование апробации - материалы, которые являются основой апробации; профессиональные данные лекторов; syllabus проведенной апробации; результаты апробации - описание занятий, оценки знаний магистрантов, отчеты магистрантов, обратная связь с магистрантами и участниками Международных семинаров, фотоотчеты, рекомендации, выводы, предложения.

По материалам Отчета можно сделать следующие выводы:

1. В представленном Курсе включены труды известных представителей трех стран с акцентом на междисциплинарный контент - история\традиции, экология, экономика, что позволяет иметь целостное представление по каждой стране и взаимосвязи между странами, между разными жизненно важными направлениями
2. Инновационностью данного Курса является, на мой взгляд, то, что представленные материалы и методики мотивируют магистрантов к исследовательскому направлению, позволяют инициировать собственные видения на определенные моменты, легко изучаются так как являются узнаваемыми и близкими, все изучается в сравнительном сопоставительном аспекте, что позволяет открывать еще большие достоинства народов стран и стимулировать к еще большему изучению
3. Представленные материалы имеют логическую последовательность в изложении, объективность данных, обеспечивают наглядность объектов и процессов, мотивируют на выявление связи между ними и углублении смысла текстов.
4. Хорошо представлен методический уровень материалов Курса, адаптированный к компетентно-ориентированным образовательным технологиям, использованы малоизвестные методические технологии:
 - кросс-дебатный формат для анализа осмысления текстов и оценки степени освоения изученных магистрантами материалов;
 - написание аргументированного эссе.

Что в целом придают привлекательность к содержанию Курса, повышают мотивацию молодых к образованию.

5. Содержание Курса с учетом дополнений рекомендую внедрить в учебный процесс магистратуры на 2019-2020 учебный год, считаю, что соответствует целям учебной дисциплины, очной форме обучения, требованиям к преподаванию данной дисциплины.
6. Содержание Курса соответствует требованиям высшего послевузовского образования Республики Казахстан, современного научного уровня к предоставлению образования на магистратуре.

Директор д.и.н. профессор З.Е.Кабульдинов

Рецензия на книгу «Картина мира Центральной Азии: история, современность»

Перед нами лежит книга, которая позволяет окунуться в реальную действительность жизни этносов Центральной Азии. Данный материал готовился видными учеными Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Предложенные курсы охватывают важные стороны жизни этносов - историю, экономику, экологию, академическое письмо и кросс-дебатный формат. Огромный материал позволяет магистранту увидеть динамичное развитие центральноазиатских обществ на фоне полиэтничности и поликонфессиональности, смоделировать решение этнических, религиозных и экологических проблем для обществ с традиционными культурами, а самое главное данный курс окажет влияние на повышение сознания национальной идентичности в настоящем и будущем.

Такой подход является определяющим фактором в формировании национального самосознания народа. Это объясняется тем, что гражданин каждой страны, зная историю своего народа, развитие экономических, экологических наук, культуры формирует в себе чувства гражданственности, нравственности, понимание общенационального единства и патриотизма. Поэтому данный курс очень актуален, востребован и требует дальнейшего внедрения. Этот курс с 2018 года по настоящее время пользуется огромным успехом у магистрантов Института истории, этнографии и археологии Академии наук Республики Таджикистан и уже активировал научный интерес у них к изучению истории стран Центральной Азии. Магистратура новое явление в системе образования у государств Центральной Азии, поэтому необходимо разработать совершенно новые подходы на основе междисциплинарного курса. Курс обуславливает новое осмысление этнических, религиозных и экологических проблем в традиционных культурах. Особо, необходимо отметить, такой подход формирует восприятие не только своей идентичности, но и идентичности живущих рядом этносов через трансформацию традиций от прошлого к современности. Курс развивает аналитическое мышление, позволяет оценить значение развивающейся экономики, плачевное состояние экологии в странах Центральной Азии и увидеть региональные проблемы обществ с переходной экономикой. Магистрант получает глубокие знания и практические умения в межпредметном синтезе. Развивает навыки аналитического и академического мышления, направленные на нахождение эффективных решений на базе традиционного и современного знания. Он развивает также умения в создании актуальных и эффективных исследовательских проектов, посредством включения тем магистерского материала в кросс-культурный и кросс-дисциплинарный дискурс.

Данный курс должен стать не только настольной книгой молодежи, но получить дальнейшее развитие материала по различным аспектам жизнедеятельности этносов Центральной Азии, которые позволят объективно решать вопросы исторического, экономического и экологического характера, что будет способствовать развитию добрососедских отношений на межгосударственном уровне стран Центральной Азии.

*Зухра Мадамиджанова (к.и.н.)
Ведущий научный сотрудник
Института истории, этнографии и археологии
Академии наук Республики Таджикистан*

Рецензия на книгу «Картина мира Центральной Азии: история, современность»

Книга «Картина мира Центральной Азии: история, современность» подготовлена видными учеными Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Данный предмет, внедренный в программу магистратуры охватывает историю, экономику, экологию постсоветских центральноазиатских государств, а также включает академическое письмо и кросс-дебатный формат.

Книга написана видными учёными, которые в учебных материалах поделились результатами своих исследований о культуре, традициях, укладе кыргызов, таджиков и казахов, о состоянии экосистем и экономик региона. Изучение данного предмета позволяет магистранту увидеть историческое прошлое и динамичное развитие центральноазиатских обществ на фоне глобализации, смоделировать решение этнических, религиозных и экологических проблем для обществ с традиционными культурами. Содержание материалов включает курс в кросс-культурный и кросс-дисциплинарный дискурс. Кроме того, он влияет на осознание национальной идентичности магистрантов.

Книга позволяет осознать не только вопросы исторического прошлого, но также проблемы современности: почему в Великой степи с незапамятных времён существует и не меркнет в тысячелетиях уникальная традиция трепетного и уважительного отношения к старшим, какие удивительные тайны хранит «Авеста». Каким образом денежные переводы мигрантов, приносящие краткосрочные выгоды, в перспективе могут привести к феномену, подобному «голландской болезни», почему структура и объёмы импорта в страны региона нуждаются в резком изменении и т.д., что позволяет магистрантам сопоставлять, сравнивать, выявлять сходство и различия в прошлом, настоящем, прогнозировать будущее.

Данный курс развивает аналитическое мышление, позволяет оценить значение переходной экономики, проблемы экологии в странах Центральной Азии и увидеть региональные проблемы обществ с традиционной культурой.

Безусловно, интегративный и междисциплинарный характер дисциплины в области истории, экологии, экономики, исследовательской работе формирует комплексные знания, содействует развитию плюрализма в идеях, культурах, традициях социальной практики Центральной Азии и мира.

Таким образом, полученные знания на стыке наук, приобретение навыков академического письма и проведения исследований важные для будущего учёного, гарантируют профессиональную компетентность выпускников магистерских программ.

Изучение текстов дополнительного чтения западноевропейских ученых (Клиффорд Гирц, Андерсен Б. и др.) позволяет магистрантам увидеть связи между национальным, региональным и международным контекстом рассмотрения ключевых вопросов и проблем Центральной Азии.

Внесение же курса «Картины мира Центральной Азии...» в магистерские программы в Кыргызстане с 2018 года, было облегчено его совпадением с процессом совершенствования основных образовательных программ. В кыргызстанских вузах он получил положительные отзывы, как от преподавателей, так и самих магистрантов. Считаю, что у этого предмета большое будущее, нацеленное на оптимизацию и гармонизацию межгосударственных отношений.

В связи с вышеотмеченным, предлагается продолжить поддержку данного курса в части запланированных мероприятий в контексте страновых исследовательских проектов.

*Доктор исторических наук, профессор,
декан факультета истории и социально-
правового образования КГУ им. И.Арабаева Н.У.Курбанова*

«ОТЗЫВ

Лазеры Заурбековой, к.ф.н., профессора на учебный курс ПАХЧ-УЦА «Картина мира Центральной Азии: история и современность» по итогам кросс-дисциплинарного Международного семинара, состоявшегося на базе Института истории, и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Академии наук РК от 11-13 января 2019 г. (с акцентом на Блок «Экология»)

Разработка магистерской программы «Культурные и социальные практики Центральной Азии: история и современность» представляет качественно новый этап в развитии Проекта Ага Хана «Человековедение», связанный с выходом на уровень послевузовского образования, где приоритетом обучения является формирование научно-исследовательского критического мышления магистрантов. Реализация этой цели в рамках учебного курса осуществляется на базе методологии кросс-культурных исследований и междисциплинарного подхода, что нашло отражение, как в содержании текстов, так и в предлагаемых к освоению инновационных методик преподавания.

Несомненным достоинством программы является последовательное проведение идеи единства исторической судьбы центрально-азиатских этносов, их ментального родства, богатства и уникальности традиционной культуры. В условиях поиска новых стратегий развития государств и стран Центральной Азии традиционная культура осознается источником и важным ресурсом национального возрождения, способствующим преломлению и синергии аутентичных форм существования этносов с современными культурными и социальными практиками.

Программа содержит три раздела «История», «Экология», «Экономика», в которых проанализированы структурообразующие параметры жизнедеятельности этносов и раскрыт эвристический потенциал традиции в выработке новых форм и способов адаптации.

В текстах раздела «Экология» представлен разнообразный исследовательский материал, отражающий особенности экосистем Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана. Обращено внимание на вопросы экологического образования и воспитания, охраны окружающей среды, научного анализа ресурсов данных стран. Необходимо отметить мировоззренческую ориентированность работ Э. Дж. Шукурова, Р.В. Яценко и др., что отражает современные тенденции развития экологических исследований, сущность и статус экологических проблем. В целом, научная информация, представленная авторами в основных и дополнительных текстах, актуальна, высокого теоретического уровня и является интересным обучающим материалом для проведения сравнительного анализа, выявления сходства и отличий экологических ситуаций и проблем в трех странах.

В процессе обсуждения ключевых текстов, апробации интерактивной методики преподавания, нацеленной на развитие аналитического и креативного мышления, исследовательских навыков участниками тренинга были выдвинуты конструктивные предложения по совершенствованию учебно-методической документации магистерской программы.

1. Доработать тексты с целью устранения стилистических и грамматических ошибок.
2. Дополнить тексты научной информацией (проф. З. М. Махамиджанова, Н. У. Курбанова и др.), отражающей страновую специфику по разделам «История», «Экономика», «Экология».

3. Сформулировать название учебного курса, так как имеющееся звучит как тема научно-исследовательского проекта.
4. Использовать в преподавании курса формы e-learning.

В целом, учебные материалы (тексты), концептуальный указатель (руководство для преподавателей) отличает высокий научный и методический уровень. Авторским коллективом проделана серьезная работа по подготовке инновационного учебного курса, способствующего развитию не только интеллектуальных, но и духовно-нравственных качеств обучающихся. Спецкурс «Культурные и социальные практики Центральной Азии: история и современность» с учетом предложенных замечаний может быть рекомендован к апробации в учебных программах магистратуры.

*Ассоциированный профессор кафедры
«История Казахстана и культура
народов Казахстана» КазНАУ к.ф.н.
Заурбекова Л.Р.*